

РОМАНОВЫ

Игорь
Курукин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

И. Курукин

РОМАНОВЫ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1600

(1400)

Игорь Курукин

РОМАНОВЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

УДК 94(47)“16/19”
ББК 63.3(2)5-332
К 93

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)».*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03572-0

© Курукин И. В., 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Совокупными трудами Венценосных
Предшественников наших на престоле
Российском и всех верных сынов России
созидалось и крепло Русское государство.*

Высочайший манифест
от 21 февраля 1913 года

В отстоящем от нас на целый век и почти сказочном для нынешнего поколения 1913 году Российская империя отмечала трёхсотлетие династии Романовых. В восемь часов утра 21 февраля 21 пушечный выстрел возвестил о начале торжеств. В первом часу дня из Зимнего дворца выехала царская семья: в открытом экипаже следовали император с наследником, за ними в парадной карете императрицы Александра Фёдоровна и Мария Фёдоровна, потом царские дочери. По всему пути гремело «ура!». Из Петропавловской крепости раздался салют, войска отдали честь, и во всех церквях полился колокольный звон.

После литургии в Казанском соборе император в Зимнем дворце принимал поздравления от высших чинов империи. Весь следующий день продолжался приём депутатий от дворянских собраний, земств и городов, купеческих и мещанских обществ, научных и учебных учреждений и, наконец, от дипломатического корпуса. Вечером состоялся торжественный спектакль в Мариинском театре. Шла опера «Жизнь за царя» с блестящим составом исполнителей: пели Нежданова, Збруева, Ершов, Касторский, Собинов, во втором акте танцевали Кшесинская, Преображенская и Павлова.

В мае император с семьёй отправился в путешествие по памятным местам, связанным с событиями Смутного времени: Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский и, наконец, Москва. Главные торжества прошли в Костроме, откуда в 1613 году прибыл на царство основатель династии Михаил Фёдорович Романов. Здесь гостей встретил крестный ход, участники которого несли исторические реликвии московского посольства 1613 года к юному Михаилу. После молебна императорская семья посетила Ипатьевский монастырь и палаты бояр Романо-

вых; на следующий день состоялась закладка памятника трёхсотлетия дома Романовых — часовни в виде постамента, на ступах которого располагались фигуры представителей династии и выдающихся людей России. Во время приёма депутатий в губернаторском доме Николай II вышел в сад, чтобы встретить потомков Ивана Сусанина.

Завершились торжества 25 мая в Москве, где дворянство поднесло государю «верноподданническую грамоту», а крестьяне Московской губернии — хлеб-соль. После молебна в Успенском соборе Кремля государь и наследник поклонились мощам святителей Петра и Ионы и приложились к гробнице только что канонизированного патриарха Гермогена. В тот же день императорская семья посетила родовую усадьбу на Варварке, где хранилась колыбель царя Михаила, а на следующий — Новоспасский монастырь с усыпальницей Романовых в подклете Покровского собора; царь поклонился гробницам царицы инокини Марфы, боярина Захария Кошкина и других своих предков.

Николай II не раз отмечал в дневнике, как встречали его подданные: «По дороге... выходил из сёл и деревень с иконами», «...из всех сёл народ приходил к берегу реки... многие провожали парохом бегом», «народ стоял сплошной стеной по берегу даже в воде по колено». Сопровождавший царя в поездке премьер-министр В. Н. Коковцов вспоминал: «Вера в великое будущее России никогда не оставляла государя и служила для него как бы путеводной звездой в оценке окружавших его событий дня. Он верил в то, что он ведёт Россию к светлому будущему, что все ниспосылаемые судьбой испытания и невзгоды мимолётны и, во всяком случае, преходящи и что даже если лично ему суждено перенести самые большие трудности, то тем ярче и безоблачнее будет царствование его нежно любимого сына...»

Внимательные наблюдатели обратили внимание на то, что в ходе юбилейных празднеств царь стремился подчеркнуть «связь с простым народом». Тот же Коковцов отмечал: «В ближайшее окружение государя, несомненно, всё больше и больше внедрялось сознание, что государь может сделать всё один, потому что народ с ним, знает и понимает его и безгранично любит его, так как слепо верит ему». Конечно, для царя это было крайне важно. Ещё недавно в стране бушевала новая Смута — революция; сам он вынужден был изменить вековую форму правления и теперь мог убедиться, что наступило умиротворение: верноподданный народ, как и 300 лет назад, приветствует законного государя, который может с чистой совестью предстать перед гробницами предков, сохранив завещанную ими власть.

Едва ли кто-то из царского окружения тогда думал, что очень скоро царский дом уйдёт в прошлое, а вместе с ним и долгий XIX век, который потом в Европе будут называть «старым добрым временем» и «прекрасной эпохой» (*Belle Époque*). Но это случилось, и четырёхсотлетие династии — это уже не праздник, а скорее повод для размышлений. Романовы всегда будут вызывать интерес — и потому, что их «проходят» в школе; и потому, что яркие образы правителей так или иначе используются в политических спорах, публицистике, прессе, кино и даже рекламе; и потому, наконец, что в России слишком большая доля власти была сконцентрирована во дворце и самодержцы являлись не просто правителями, но инициаторами и проводителями преобразований. Помимо того, как говорил великий историк Василий Осипович Ключевский, «прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий».

С одной стороны, последствия правления Романовых — это славные страницы военной истории, традиции служения Отечеству, повышенная роль государства в развитии экономики и культуры страны, опыт проводимых властной рукой реформ. С другой — в России даже в начале XXI столетия, по словам другого историка, Сигурда Оттовича Шмидта, «реликты Средневековья (воспринимаемые — подчас бездумно — как исконные начала общественной психологии)... во многом определяют реальное значение неформальной структуры власти, порождают зыбкость и непредвиденную изменчивость правового статуса высших учреждений и распределения полномочий внутри реально правящей элиты»¹.

Предлагаемый вниманию читателей обзор трёхсотлетней истории династии через портреты хорошо известных её представителей — попытка показать не только фигуры и личные особенности российских государей, но и своеобразие времени, в котором они жили и которому более или менее удачно старались соответствовать. Изложить в одной книге историю фамилии в неразрывной связи с историей страны — задача трудная, учитывая количество книг, статей и бесчисленных публикаций, посвящённых жизни и деятельности царей и императоров. Автор лишён возможности даже перечислить их и отсылает читателей к недавно выпущенной фундаментальной библиографии представителей дома Романовых². Сам же он опирался на работы профессиональных исследователей, указанные в конце этой книги.

Глава первая
ОБРЕТЕНИЕ ГОСУДАРЯ

*Люди Московского государства
вышли из Смуты с горячей жаждой
порядка и покоя.*

С. В. Бахрушин

Верные слуги

Торжество 1913 года по случаю трёхсотлетия династии могло и не быть: бурные события начала XVII века породили немало претендентов на царскую власть, Смута могла завершиться в иное время, и в историю вошли бы иные имена. Однако в этом жестоком «конкурсе» по прихоти судьбы победил невзрачный юноша Миша Романов, не отличавшийся ни воинскими талантами, ни политическими дарованиями. Однако он происходил из совсем не случайной в нашей истории фамилии — младшей ветви одного из древнейших боярских родов Кошкиных-Захарьиных-Юрьевых. В родословных XVI—XVII столетий его прародителем называется Андрей (Иванович или Александрович) Кобыла, московский боярин времён Ивана Калиты и его сына Семёна Гордого. В летописях он упоминается лишь однажды — под 1347 годом, когда был послан в Тверь за невестой великого князя Марией. Неизвестно и его происхождение; лишь много позднее появится легенда о выезде к Александру Невскому «из немец» его отца («князя» Гланды Камбилы, потомка прусского короля), который в православии стал Иваном, а его сын получил переделанное на русский лад и не слишком благозвучное прозвище. Исследователи же полагают, что основатели рода были или природными новгородцами, или костромичами.

Но прославились они именно в Москве. Московские князья XIV столетия осваивали новые земли, привлекали крестьян и воинов из окрестных земель; так на московской службе оказались выходцы из Литвы (князья Голицыны, Хованские), ордынские «царевичи» и бояре из других княжеств (Кобылины, Годуновы), перешедшие на службу к удачливым и богатым московским Даниловичам. Здесь они получали новые владения-вотчины и вместе с менее знатными слугами («детьми бо-

ярскими») стали сплочённой общностью воинов — московской «кованой ратью».

Через 200—300 лет они могли бы стать настоящими феодалами на манер западных баронов и графов. Однако материальные возможности Руси по содержанию тяжеловооружённых рыцарей были ограничены в силу природных и почвенно-климатических условий, слабости городов и упадка многих ремёсел. К тому же с середины XV столетия в Северо-Восточной Руси на месте федерации княжеств складывалось единое Московское государство. Вассальные отношения сменялись подданническими, немногочисленный слой знати не получил возможностей для развития: на Руси так и не выросли родовые замки; не к кому было и «отъезжать» со службы.

Московское государство формировалось как огромный военный лагерь: слуги князя были всегда готовы к мобилизации. В XIV—XV веках они составили «государев двор» — военно-административную корпорацию, насчитывавшую две-три тысячи человек. Связанный с Москвой земельными пожалованиями (на территории Московского и Великого Владимирского княжений) и наследственной службой, он стал опорой московских князей в их борьбе за первенство, его члены составили ближайший круг советников, администраторов, послов и судей, а их потомки стремились сохранить и приумножить достигнутые отцами «честь» и «место».

От старшего сына Андрея Кобылы, Семёна Жеребца, пошли фамилии Ладыгиных и Коновничиных; от Александра Ёлки — Колычёвы, Неплюевы и Боборыкины; от младшего, пятого, Фёдора Кошки — будущие Романовы и Шереметевы. Кошка стал верным слугой Дмитрия Донского: в 1380 году князь, отправляясь на Куликовскую битву, оставил его «блюсти» Москву; боярин вёл переговоры с могущественным в ту пору Великим Новгородом, в 1389 году стал одним из десяти свидетелей завещания великого князя, а в конце жизни постригся в монахи. Ему принадлежало сохранившееся до наших дней рукописное Евангелие с миниатюрами и кованым серебряным окладом. Сын боярина, Иван Фёдорович Кошкин, и внук, Захарий Иванович, не потерялись среди знатных княжеских фамилий, стекавшихся к московскому двору с середины XV века, — князей Шуйских, Воротынских, Мстиславских и многих других.

Сподвижниками великого князя Ивана III (1462—1505) стали братья-бояре Яков и Юрий Захарьины — они сватали дочь московского государя княжну Елену за литовского князя Александра. Юрий в 1485 году в составе русского войска ходил на Казань, в 1488-м наместничал в Великом Новгороде, в 1500-м

в походе против Литвы взял Дорогобуж и участвовал в битве на реке Ведровь, закончившейся разгромом литовского войска.

Его дети писались уже Захарьиными-Юрьевыми. Из них наибольшую известность получил окольный и боярин великого князя Василия III (1505—1533) Михаил Юрьевич. Как и отец, Михаил был воеводой в походах на Смоленск в 1512—1514 годах и на Казань в 1524-м. Он исполнял дипломатические поручения: в 1511 году был послан в Литву, чтобы наладить тайную переписку великого князя с его сестрой, вдовствующей княгиней Еленой; в 1519—1520 годах сажал царём в Казани московского ставленника Шаха-Али (в русских документах — Шиг-Алея); при его участии проходили переговоры с литовскими послами и посланником германского императора Сигизмундом Герберштейном. Поручались ему и более delicate миссии; тот же Герберштейн рассказывал, как «государев секретарь» Михаил Юрьевич отравил «правителя» Каширы, обвинённого в заговоре против великого князя. Во время своей последней болезни Василий III вызвал доверенного боярина из Москвы, и тот всё время находился при нём, поддерживал его при причащении и помогал ослабевшему государю перед смертью творить крестное знамение.

Менее заметный его брат, окольный Роман Юрьевич, вошёл в историю, когда его дочь Анастасия стала в 1547 году женой молодого царя Ивана IV Васильевича и тем обеспечила фамилии приближение к трону, хотя сама ушла из жизни в 27 лет не от частых родов (она произвела на свет шестерых детей), как считали ранее, а от солей ртути, как показало современное исследование её останков. При этом семейная драма царя обернулась неожиданным последствием — конфликтом с ближайшим окружением и старыми традициями «государева двора». Составитель Пискаревского летописца приписывал инициативу создания опричнины старшему представителю клана Захарьиных-Юрьевых, двоюродному брату покойной царицы Василию Михайловичу: «Взъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на всё православное христианство по злых людей совету: Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину».

Стоит отметить, что до породнения с государем служба рода на протяжении длительного времени протекала ровно: не было ни неожиданных карьерных взлётов, ни опал с казнями, ни «захудания» в тени более удачливых соперников. Увы, мы слишком мало знаем о людях XV—XVI веков, чтобы можно было выделить какие-то фамильные черты, способствовавшие такой карьере. Даже разделение на опричнину и земщину и опричные репрессии не повредило Захарьиным. Брат царицы,

боярин и дворецкий Даниил Романович, храбро воевал: участвовал во взятии Казани, в походах против крымцев и литовцев в 1556—1557, 1559 и 1564 годах и в опалу не попал. В числе «ближних людей» Ивана Грозного на протяжении всего времени существования опричнины находился другой брат — Никита Романович, дед первого царя из дома Романовых Михаила Фёдоровича.

Никита Романович (1522—1585/86), начав карьеру рындой (стражем у царского трона) в 1547 году, за почти сорок лет службы стал окольным и боярином, отличился во многих походах долгой Ливонской войны. Взяв в 1575 году Пернов (нынешний эстонский Пярну), он великодушно предложил жителям выбор — присягнуть царю или покинуть город со всем имуществом. Ему довелось воевать против крымцев и ведать сторожевой и станичной службой на юге, ставить крепость на западной границе, вести переговоры с литовскими послами. После смерти Ивана Грозного он как ближайший родственник — дядя — царя Фёдора Иоанновича до самой своей смерти возглавлял регентский совет. Его племянники, дети Даниила Романовича, погибли вместе с матерью в 1571 году, когда при набеге крымского хана Девлет-Гирея выгорела вся Москва. Другие его братья не имели наследников, и к концу XVI столетия из всех потомков Захария Кошки осталась лишь семья Никиты Романовича, в которой суждено было появиться на свет будущему основателю новой царской династии.

Конец династии Рюриковичей

В июле 1596 года у боярина Фёдора Никитича Романова и его жены Ксении Ивановны родился наследник Михаил. Родители были счастливы, но едва ли представляли себе, какая судьба уготована младенцу. По происхождению он принадлежал к московской элите; его отец приходился правящему государю — своему тёзке, сыну царя Ивана — двоюродным братом. В 1588 или 1589 году молодой аристократ получил боярский чин. Особых воинских или административных дарований он не проявил и подвизался при дворе, но всё же к концу царствования Фёдора Ивановича его «братанич» стал главным дворовым воеводой и считался одним из трёх руководителей государственной Думы. Со временем его отпрыску предстояло занять почётное место среди столичной знати и приумножить службой честь рода. Но царю Фёдору выпало стать последним представителем династии Ивана Калиты — в январе 1598 года он умер, не оставив ни наследников, ни завещания.

Впервые в истории Московского государства пресекалась законная династия. Однако «свято место пусто не бывает». По данным литовской разведки, вскоре определились основные претенденты на трон: братья-бояре Фёдор и Александр Никитичи Романовы, боярин князь Фёдор Иванович Мстиславский и брат вдовой царицы Борис Годунов.

Правитель по знатности уступал конкурентам, но ведь именно он, царский шурин, «слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств, царств Казанского и Астраханского», был при Фёдоре правителем государства. На его стороне были церковь в лице только что поставленного им патриарха Иова, приказная бюрократия, сослуживцы и выходцы из опричнины, в которой он начинал карьеру. Пока в Думе спорили, кто из наиболее знатных достоин власти, Годунов показал, что бороться за неё не хочет, и демонстративно удалился в Новодевичий монастырь.

По сведениям литовских лазутчиков, за него выступали стрельцы и почти вся «чернь». Священники объясняли прихожанам, кто является наилучшим претендентом на трон. Патриарх и сторонники Годунова приняли решение об избрании его на престол. Борис со слезами на глазах клялся, что не мыслит посягать на «превысочайший царский чин» — но через несколько дней после усиленных прошений толпы народа с иконами наконец согласился принять шапку Мономаха. Как говорит сочинённое в 1619 году «Известие о начале патриаршества в России», Годунов якобы дал Фёдору «клятву страшную.. яко братию и царствию помогателя имети». Наречённый государь щедрыми пожалованиями привлёк на свою сторону дворянское войско и в сентябре 1598 года венчался на царство в Успенском соборе Кремля. Завершила кампанию фальсификация избирательных документов: грамота о царском избрании в феврале была составлена задним числом в июле, и подписывали её аж до начала следующего года те представители духовенства и дворянства, которые уже были поставлены перед фактом «выборов» и не присутствовали в Москве.

Правдами и неправдами Годунов достиг высшей власти. Он оказался талантливым правителем и многое сделал для страны, порой опережая своё время. Он снизил непомерно выросшие при Иване Грозном налоги, стремился ликвидировать белые (не платившие налогов) частновладельческие слободы и дворы в городах, основал главный порт допетровской России — Архангельск. Началось строительство городов-крепостей на южных и юго-восточных границах: Воронежа, Ливен, Ельца, Белгорода, Оскола, Самары, Уфы, Саратова, Царицына. Развернулось освоение Сибири: была основана её столица

Тобольск и к началу XVII века окончательно разгромлен хан Кучум. С иранским шахом Аббасом I заключили союз, в 1588 году в устье Терека появилась первая русская крепость на Северном Кавказе.

Первым из русских Борис просватал дочь за датского принца и за сотню лет до Петра I стал приглашать в Россию иностранных специалистов: врачей, рудознатцев, военных. Он хотел основать в Москве университет и послал в Вену и Оксфорд дворянских «ребят» для изучения иностранных языков и прочих наук. В Москве были построены каменный мост через реку Неглинку, Лобное место на Красной площади для провозглашения государевых указов; закончено длившееся целый век возведение колокольни Ивана Великого в Кремле; появились укрепления в столице (Белый город на месте нынешнего Бульварного кольца) и Смоленский кремль. Но как бы ни старался Борис, он не был «природным» государем, а потому о соперниках не забывал. В 1600 году Романовы и их родня попали в опалу по обвинению в хранении неких «кореньев» и умысле на «государское здоровье». Фёдор Никитич, наиболее вероятный претендент на трон, был пострижен в монахи, та же участь постигла его жену, а дети, братья и остальные родственники отправились в ссылку. Четырёхлетний Миша был разлучён с родителями и жил на Белоозере с сестрой Татьяной и другими родичами под надзором тётки Анастасии Никитичны.

В отличие от Ивана Грозного, Годунов не устраивал кровавых шоу с казнями «изменников». У него был свой стиль: разосланные в отдалённые места оппоненты с помощью сопровождавших «приставов» тихо прощались с жизнью. Так произошло и с братьями Александром, Михаилом и Василием Романовыми. Больного Ивана Никитича царь помиловал, но Фёдор (теперь инок Филарет) сидел в заточении в Антониево-Сийском монастыре и переживал: «Милые де мои детки, маленки де бедные остались; кому де их кормить и поить? Таково ли де им будет ныне, каково им при мне было? А жена де моя бедная, наудачу уже жива ли?»

На счастье отца, маленький Миша и его мать, инокиня Марфа, остались живы. В 1602 году царь Борис пожаловал «Фёдорову сестру Романова девку Настасью, да Александрову жену Романова, да Фёдоровых детей Романова, а велел им ехати с Белоозера жити в Юрьевской уезд, в Фёдоровскую вотчину Романова — село Клины. Главного же «государева изменника старца Филарета Романова» по-прежнему надлежало держать «в бережении» в монастыре, никого к нему не допуская. Казалось, звезда боярского рода навсегда закатилась. Ещё

десяток спокойных лет — и новая династия окрепла бы. Молодые Романовы, лишённые почётного положения в московской иерархии, жили «в великой скудости и в долгу»; юному Михаилу пришлось бы тянуть служебную лямку в качестве второстепенного слуги «государева двора».

Великая Смута

Полоса успехов Годунова была прервана страшным голодом. Лето 1601 года выдалось холодным и сырым, уже в начале сентября выпал снег, и крестьяне смогли собрать лишь малую часть урожая — «яблную» и недозревшую рожь. Правительство уже в ноябре издало указ о возобновлении крестьянского выхода, запрещённого в 1592/93 году. Мужикам разрешалось уходить от бесхлебных провинциальных дворян, но не позволялось покидать монастыри, дворцовые имения и владения богатых московских дворян. Борис понимал, что крестьяне мелких провинциальных помещиков не имеют запасов и им грозит голод.

Голод 1601—1603 годов начался из-за проливных дождей и ранних морозов. На следующий год заморозки побили посевы. Люди погибали по всей стране. Голландский купец Исаак Масса свидетельствовал: «...матери ели своих детей... ели также мякину, кошек и собак... И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы...»

Годунов распорядился выдавать милостыню, и в столицу со всех сторон повалили люди. Запасы казны быстро иссякли, голодающие умирали на улицах. С осени 1602 года «разбоями» были охвачены многие районы страны. Виновных хватили на месте преступления и сжигали заживо либо топили в воде; в 1603 году было восстановлено — на этот раз окончательно — крепостное право. Последствия голода и колебаний правительственного курса стали губительными для Годунова. В глазах знати Борис всегда был худородным выскочкой; теперь же он оказался «плохим» царём и для служилых, и для крестьян. Природные бедствия воспринимались людьми как наказание стране, оказавшейся под властью грешного и «неистинного» правителя.

В такой атмосфере должен был появиться царь «истинный», «природный». Григорий Отрепьев, бывший дворянин на службе бояр Романовых, объявил себя «чудесно спасённым» царевичем Дмитрием Ивановичем — последним сыном Ивана Грозного (на самом деле маленький царевич трагически погиб в 1591 году). Осенью 1604 года самозванец перешёл литов-

ско-русскую границу. Его польско-казацкий отряд сразу же был разгромлен, но «царевич» получил поддержку крестьян, посадских людей и казаков с южных рубежей России, открывавших ему ворота крепостей. Армия оказалась бессильной...

Что делал в это время Миша Романов, мы не знаем, но его опальный отец и невольный монах Филарет явно был рад приходящим вестям. «Живет де старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеётся неведомо чему и говорит про мирское житьё, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил, и к старцом жесток; и старцы приходят к нему, Богдану, на того старца Филарета всегда с жалобою, лают их и бить хочет, а говорит де старцом Филарет старец: “Увидят они, каков он вперёд будет”», — докладывал в марте 1605 года стороживший пленника пристав.

Сделать с ним Борис уже ничего не смог — 13 апреля 1605 года первый выборный царь умер от инсульта. Он не увидел триумфа самозванца и не узнал, что приверженцы последнего удавили юного царя Фёдора Борисовича и его мать. Бойкий дворянский сын Григорий Отрепьев чудесно превратился в «царя Дмитрия Ивановича». Большая часть войска после смерти Бориса присягнула Отрепьеву — и вот он уже в Кремле! Однако, заняв престол, Лжедмитрий I (1605—1606) оказался в сложном положении. Суля всем «благоденственное житие», мог ли он выполнить обещанное — передать будущему тестю польскому сенатору Юрию Мнишку Новгород и Псков или отменить крепостное право? В результате осложнились отношения с Речью Посполитой. Льготы получили лишь крестьяне Комарицкой волости и жители Путивля, которые первыми признали Лжедмитрия; прочие по-прежнему оставались в зависимости у владельцев. Московские бояре стали просить у польского короля Сигизмунда III его сына на московский престол — они-то прекрасно знали, что царь — самозванец.

К тому же 22-летний молодец не вписывался в образ «природного» государя: окружал себя иноземцами, не спал после обеда, не ходил в баню. Бояре во главе с Василием Шуйским организовали заговор, в результате которого царь был свергнут и убит в мае 1606 года, так и не успев отпраздновать свадьбу с «царицей Мариной Юрьевной». Шуйского же толпа москвичей «выкрикнула» царём на Соборной площади.

Опытный боярин-царедворец, вступая на престол, постарался привлечь на свою сторону уцелевших Романовых. Филарет (к тому времени уже превратившийся из узника в соборного старца Троице-Сергиева монастыря) получил сан митрополита Ростовского и отправился в Углич, где «обрёл» чудотворные мощи царевича Дмитрия Ивановича и доставил

их в Москву. Может быть, царь Василий даже обещал Филарету патриаршество, но, как это с ним часто бывало, не выполнил обещание.

Хитрости и клятвы не помогли — десятки городов и уездов Шуйского не признали: для них «истинным» государем оставался «Дмитрий Иванович». С именем сына Грозного было связано столько надежд, да и мог ли истинный государь исчезнуть? Началась гражданская война. Против Шуйского поднялись не только крестьяне — провинциальные дворяне-помещики тоже не верили московской знати. Заодно с бывшим холопом, а теперь воеводой «царя Дмитрия» Иваном Болотниковым сражались его прежний господин князь Андрей Телятевский, воевода князь Григорий Шаховской, с лжесыном царя Фёдора атаманом Илейкой — дворянин Прокопий Ляпунов и стрелецкий сотник Истома Пашков.

Шуйский делал всё, что мог: заменял воевод, рассылал грамоты с разоблачениями «воров»; ему удалось собрать войска и найти деньги — церковные власти передали царю монастырские средства. По совету патриарха Гермогена были устроены всеобщее покаяние и массовые молебны, которые должны были сплотить москвичей вокруг Церкви и государя. После тяжёлой осады Тулы в октябре 1607 года царь заключил договор с бунтовщиками, но тут же его нарушил: отпустив большую часть восставших, жестоко расправился с их предводителями.

Обманутый Василием Ивановичем Филарет не пошёл и под знамена «царя Дмитрия». В конце 1606 года он был на своей кафедре в Ростове. О его родных в это время мы почти ничего не знаем — возможно, они пережидали опасные времена в Ипатьевском монастыре близ Костромы или находились в осаждённой столице гарантами верности главы семьи. В это тяжкое время имя юного Миши Романова впервые появилось в официальных документах: он был записан в число придворных стольников; так обычно начиналась карьера детей высшей знати.

Победа царя Василия оказалась мнимой; уже летом 1607 года объявился Лжедмитрий II — личность до сих пор загадочная. В его лагере собралось разношёрстное воинство: изгнанные из Польши мятежники с гетманами Романом Ружинским и Яном Сапегой, признавшая «воскресшего» мужа Марина Мнишек, болотниковские атаманы Юрий Беззубцев и Иван Заруцкий, бояре Салтыковы, Черкасские, запорожские казаки и татары.

В 1608 году войска Шуйского были разбиты и Москва оказалась в осаде. На сторону повстанцев перешли Псков, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Галич, Владимир. Странники

Лжедмитрия II разбили ростовское ополчение, ворвались в город, «митрополита же взяли с [архиерейского] места, и святительские ризы на нем ободрали, и одели в худую одежду, и отдали его за караул. Раку же чудотворца Леонтия золотую сняли и рассекли на доли, казну же церковную всю, и митрополичью, и городскую разграбили и церкви Божии разорили». Митрополит был перевезён к Тушинскому вору, и тот сделал пленника «своим» патриархом.

В стране были две столицы (Москва и ставка Лжедмитрия II подмосковное село Тушино), два правительства и два патриарха — избранный архиереями Гермоген и непонятно кем и как «наречённый» Филарет. Последний, однако, на патриаршем сане не настаивал, самозванцу, кажется, не присягнул и его противникам представлял себя «пленником»; во всяком случае, явным изменником его никто не считал.

В провинции же наступило безвластие. Кроме двух известных по учебникам Лжедмитриев, существовали еще полтора десятка самозванцев: «дети» и «внуки» Ивана Грозного — «царевичи» Осиновик, Иван Август, Лаврентий; на власть претендовала вдова Лжедмитрия I «царица Марина Юрьевна», родившая «царевича Ивана Дмитриевича». Обилие «родственников» порождало конкуренцию: Лжедмитрий II повесил семерых «племянников», якобы сыновей Фёдора Ивановича Клементия, Савелия, Симеона, Василия, Ерошку, Гаврилку и Мартынку. Уезды и города по несколько раз переходили из рук в руки. Каждый из «царей» по городам сажал своих воевод, проводил поборы и реквизировал «изменничьи животы».

В критической ситуации правительство Шуйского заключило в 1609 году договор со Швецией о предоставлении пятнадцатитысячного вспомогательного войска. Но эта акция была использована польским королём Сигизмундом III как повод к войне — его войско в том же году осадило Смоленск.

С помощью шведских войск воеводам царя Василия удалось изгнать мятежников из Тушина. Тушинский лагерь распался; самозванец бежал в Калугу, а Филарета в марте 1610 года «отполонил» под Иосифо-Волоколамским монастырём отряд правительственных войск.

Так бывший боярин и тушинский патриарх попал в Москву — и сразу же оказался в центре важных событий. В июле 1610 года армия Шуйского была разбита поляками под Смоленском. Терпение москвичей кончилось — неудачливого царя свергли с престола и постригли в монахи. Угроза развала государства заставила бояр и из Москвы, и из лагеря самозванца искать выход из ситуации. В феврале и августе 1610 года ими были заключены договоры с Сигизмундом III, по которым на

русский престол приглашался королевич Владислав при условии сохранять существующие порядки и менять законы только с санкции Земского собора. Тушинское посольство действовало по благословию Филарета Никитича. Вскоре москвиты целовали крест новому царю. Сделал это и ростовский митрополит, а вот его сын Михаил по «малолетству» Владиславу не присягал. Чтобы не допустить в Москву самозванца, бояре в сентябре впустили в столицу польский гарнизон.

Официальный «Новый летописец» династии Романовых сообщал, что Филарет отправился под Смоленск приглашать Владислава на московский престол: «Так и выбрали собором, послать к королю столпа непоколебимого и мужа святой жизни ростовского митрополита Филарета Никитича, и с ним послать из духовного чина, избрав мужей разумных и грамоту знающих от священнического чина и от дьяконского, которые бы умели говорить с латынянами о православной христианской вере... Митрополит же Филарет дал обет умереть за православную христианскую веру. Так же и содеял: многую беду и скорбь девять лет за православную христианскую веру терпел». Посольство Филарета и боярина князя В. В. Голицына прибыло под Смоленск в октябре 1610 года. Но Сигизмунд и его советники были уверены в том, что Россия повержена. Они не собирались прекращать осаду крепости, требуя её сдачи, и гарантировать переход Владислава в православие — король сам решил занять московский престол. Послы держались твёрдо: «Никакими мерами нельзя учинить того, чтобы впустить в Смоленск войско Сигизмунда. Если же король возьмёт взятый город — пусть будет на то воля Божия, а нам собою и своею слабостью не отдавать города!» Вскоре члены посольства оказались пленниками — весной 1611 года их отправили в замок Мальборк, бывшую крепость Тевтонского ордена. Заточение растянулось на несколько лет...

Договоры 1610 года не стали альтернативой Смуте. Напротив, в 1610—1611 годах произошёл распад всей системы управления. Королевич так и не прибыл в Москву, но его отец взял Смоленск и от имени «царя Владислава Жигимонтовича» стал раздавать поместья и воеводства в России. Однако сидевшие в Москве «бояре царя Владислава» реально ничем не управляли. Под Москвой стояли казачьи «таборы» боярина Д. Трубецкого и атамана И. Заруцкого с «царицей Мариной Юрьевной». На севере шведские войска захватили Новгород и тамошние власти заключили с королём Швеции договор о переходе под его покровительство. В Пскове объявился очередной Лжедмитрий — попович Матюшка Верёвкин; войдя в роль, он потребовал к себе «законную» жену с сыном, Марина и псковичи

ему присягнули — так легко было стать «царём» во времена Смуты!

Однако в то же время провинциальные города обменивались грамотами с призывами к объединению, и именно оттуда началось движение за возрождение национальной государственности. Первое ополчение, созданное в 1611 году, не достигло цели: казаки и дворяне не смогли договориться, и лидер ополченцев Прокопий Ляпунов был убит. Но осенью того же года в Нижнем Новгороде по инициативе мясника и уважаемого земского старосты Кузьмы Минина был принят приговор о втором ополчении: «Стоять за истину всем безызменно... На жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы. И жён, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать».

Зимой 1611/12 года был создан «Совет всея земли» — подобие Земского собора: «из всех городов всяких чинов выборные люди». Новое правительство сумело обеспечить служилых людей жалованьем и поместьями и создать боеспособную армию во главе с князем Д. М. Пожарским. К лету 1612 года ополчение утвердило свою власть в Поволжье и «замосковных» городах и пошло к Москве. После успешных боёв с подошедшим на выручку гетманом Каролом Ходкевичем и недолгой осады 22 октября (1 ноября) был взят штурмом Китай-город; 26—27 октября (5—6 ноября) осаждённые в Кремле поляки сдались, и ополченцы вступили в разорённую крепость.

Исторический собор

Сразу же по городам и весям были отправлены грамоты о созыве Земского собора, назначенного на 6 декабря 1612 года — на Николу зимнего. Но из-за опоздания и неявки выборных земских представителей заседание пришлось отложить. Собор, открывшийся в праздник Крещения, 6 января 1613 года, включал более семисот участников. Он оказался самым представительным за всю историю Земских соборов: на нём заседали архиереи, приходские священники, иноки, выборные от московского и городского дворянства, казаки, посадские люди и даже черносошные крестьяне.

Общие собрания происходили в Успенском соборе Кремля, а предварительно в отдельных палатах собирались духовенство, бояре, служилые, посадские и уездные люди. Их главной задачей было утверждение легитимной власти, но в отношении кандидата в цари единства не было. Источники говорят, что участники собора выдвинули больше десятка претенден-

тов на престол: уже избранного Владислава, шведского принца Карла Филиппа, «ворёнка» Ивана Дмитриевича, бояр Фёдора Ивановича Мстиславского, Ивана Михайловича Воротынского, Фёдора Ивановича Шереметева, Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, Дмитрия Мамстрюковича и Ивана Борисовича Черкасских, Ивана Васильевича Голицына, Ивана Никитича и Михаила Фёдоровича Романовых, Петра Ивановича Пронского и Дмитрия Михайловича Пожарского.

Претенденты старались как могли: «Князь же Дмитрей Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зыывая к собе на двор по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царём и от них бы казаков похвален же был. Казаки же честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию такову. Князь же Дмитрей Трубецкой не ведаше лести их казачей».

«Сниидошася изо всех градов власти и бояре, — записал летописец, — митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...» Относительно легко удалось договориться о том, чтобы «литовского и свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть». Но дальше противоречия между соперничавшими группировками завели выборы в тупик.

Служилые люди и казаки стали выступать против соборного руководства: «И приходили на подворье Троицкого монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки, и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоша ж и писание о избрании царском». На этих совещаниях у влиятельного келаря и было решено провозгласить царем шестнадцатилетнего Михаила Романова, сына пленённого поляками Филарета. Представитель славного боярского рода, он по молодости ни в какой «измене» не был, а его родичи находились в обоих лагерях — и в Москве, и в Тушине. К романовской «партии» примкнули видные бояре и приказные дельцы: И. В. Голицын, Б. М. Лыков, И. Б. Черкасский, Б. Г. и М. Г. Салтыковы; поддержало её и высшее духовенство — Освященный собор. Против выступали предводители ополчений Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский, бывший глава Семибоярщины Ф. И. Мстиславский, воевода князь И. С. Куракин и другие представители аристократии.

Бояре решили было избрать царя жребием по списку из восьми персон, в котором не было имени Михаила Романова. По иронии судьбы династию, призванную восстановить порядок в стране, избрали казаки. Как сообщали шведские лазутчики, именно казаки и «чернь» «с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам», обвиняя тех, что «не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны...»:

«...И приидоша атаманы казачьи и глаголеша к бояром: “Дайте нам на Росию царя государя, кому нам служить”. Бояря же глаголеху: “Царския роды минушася, но на Бога жива упование возложим, и по вашей мысли, атаманы и всё войско казачье, кому быти подобает царём, но толико из вельмож боярских, каков князь Фёдор Иванович Мстиславской, каков князь Иван Михайлович Воротынской, каков князь Дмитрий Тимофиевич Трубецкой”. И всех по имени и восьмого Пронскаго.

Казаки же, слушая словес их, изочтоша же всех. Казаки же утвержая бояря: “Толико ли ис тех вельмож по вашему умышлению избран будет?” Бояря же глаголеша: “Да ис тех изберем и жеребьем, да кому Бог подаст”. Атаман же казачей глагола на соборе: “Князи и бояря и все московские вельможи, но не по Божии воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавнаго. Но по Божии воли и по благословию благовернаго и благочестиваго, и христоролюбиваго царя государя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руси при блаженной его памяти, кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Руси князю Феодору Никитичю Романова. И тот ныне в Литве полонён, и от благообраго корене и отрасль добрая и честь, сын его князь Михайло Фёдорович. Да подобает по Божии воли на царствующим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Фёдорович и всея Руси”. И многолетствовали ему, государю.

Бояря же в то время все страхом одержими и трепетни трясушеся, и лица их кровию прменяюшеся, и ни единого никак же возможе что изрещи, но токмо един Иван Никитич Романов проглагола: “Тот князь Михайло Фёдорович ещё млад и не в полном разуме, кому державствовати?” Казаки же глаголеша: “Но ты, Иван Никитич, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожённый и ты ему крепкий потпор будеши”.

И избравше посланных от вельмож и посылая ко граду Костроме ко государю князю Михаилу Фёдоровичю. Бояря же разыдошася вси восвоися. Князь же Дмитрий Трубецкой, лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего. Бояря же умыслише: казакон за государя крест целовать и из Москвы бы им вон вы-

ехать, а самим бы им креста не целовати. Казаки же, ведяше их злое лукавство и принужающе прежде, при себе, их, бояров, крест целовати. Целовав же [боля]ра крест, та[к] же потом и казаки крест целовав, на Лобное место вынесоша шесть крестов, поставиша казаком на целование»³.

Шведский полководец Якоб Делагарди, следивший из Новгорода за избирательной кампанией в Москве, писал, что приверженцы Романовых «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на своё избрание великого князя». Под давлением казаков и под влиянием пушенной в ход легенды о завещании царём Фёдором престола Романовым Михаил был избран 21 февраля 1613 года. В города и уезды страны полетели грамоты с известием об избрании царя и присяге на верность новой династии.

Но самого государя в Москве не было, и его согласие вступить на трон ещё надо было получить. Выхавшее из Москвы посольство добралось до Костромы, где в Ипатьевском монастыре находились Миша Романов и его мать Марфа Ивановна. 21 марта послы с чудотворными иконами предстали перед боярской семьёй и стали просить юношу, чтобы он «по избранию всех чинов людей Московского государства и всех городов был на Владимирском и на Московском государстве».

Уговаривать пришлось долго — Марфа Ивановна с сыном «во весь день на всех молениях и прошениях отказывали... с великим гневом и со слезами». Они опасались за судьбу находившегося в польском плену мужа и отца и не без основания боялись того, что «Московского государства всяких чинов люди по грехом измалодушествовались»: они ведь сперва выбрали Бориса Годунова, потом изменили ему ради «Гришки Розстриги», затем убили «вора», избрали царя Василия — и его же «с царства скинули».

Но всё же посланцам удалось убедить их, использовав тот аргумент, что «Московского государства всякие люди в бедах поискусилась и в чувство и в правду пришли...» и выбрали себе государя «по изволению всемилостивого и в Троице славимого Бога и пречистые его Богоматери и всех святых, не ево государевым хотением; положил Бог единомышленно в сердце всех православных кристьян от мала и до велика на Москве и во всех городех всего Росииского государства...». Мать с сыном поверили в воздействие на их судьбу Божественного промысла.

Они долго ехали в Москву. Царские житницы были пусты, Кремль разорён, а дворцовые палаты стояли без «окончин и дверей». И всё же 2 мая 1613 года все москвичи с чудотворными иконами встречали своего избранника. 11 июля состоялось венчание на царство «великого государя царя Михаила Фёдо-

ровича». В Успенском соборе он принял шапку Мономаха, скипетр и «яблоко» (державу) и выслушал поучение казанского митрополита Ефрема о необходимости «блюсти» и «жаловать» подданных. Долгожданного царя приветствовало «всенародное многое множество православных крестьян, им же несть числа»; для них он стал последней надеждой на восставление Московского государства.

Трудные годы

Начало царствования оказалось безрадостным. С возведением на трон Михаила Смута не закончилась. На юге собирали силы мятежники атамана Ивана Заруцкого, действовавшего от имени «царицы» Марины Мнишек и её сына — «царевича» Ивана. В 1615 году шведский король Густав Адольф пытался овладеть Псковом, а на западной границе шла война с отрядами Сигизмунда III и Владислава, предпринимавшего походы на Москву вместе с отечественными «ворами» и запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного. Польский король с королевичем третировал нового царя как изменника — «Филаретова сына, холопа нашего». По стране бродили отряды казаков, порой бравшие штурмом такие крупные города, как Вологда. Казна хронически пустовала. «Великий государь» должен был просить займы у подданных, в том числе у богатых солепромышленников Строгановых, ведь «в нашей казне денег и в житницах хлеба на Москве нет ни сколько». Купцы пожаловали три тысячи рублей — и стали «именитыми людьми», то есть получили право называться по имени-отчеству. Хорошо ещё, что восточный сосед шах Аббас I не только сразу признал новую династию Романовых, но выделил заём в семь тысяч рублей и в 1625 году прислал в Москву подарки: ценную реликвию — ризу Богородицы — и роскошный трон.

С огромным трудом правительству царя Михаила удалось справиться с опасностью. В 1614 году на Яике (Урале) были своими же казаками схвачены Заруцкий и его «царица»; мятежный атаман посажен на кол, а трёхлетний «ворёнок» публично повешен в Москве. Столбовский мир со Швецией (1617) и Деулинское перемирие с Польшей (1618) завершили иностранное вторжение — дорогой ценой: Россия была на столетие отрезана от Балтики и надолго потеряла Смоленск и ряд других юго-западных земель. К 1619 году удалось справиться с казачьей вольницей: часть казаков получила жалованье и даже поместья, других отправили по разным городам и границам. Великая Смута завершилась.

Вызванное ею разорение трудно выразить в цифрах, но его вполне можно сравнить с разрухой после Гражданской войны 1918—1920 годов или ущербом от военных действий и оккупации во время Великой Отечественной войны. Официальные переписи — писцовые книги и «дозоры» 20-х годов XVII века — постоянно фиксировали «пустошь, что была деревня», «пашню, лесом поросшую», пустые дворы, чьи хозяева «сбредли безвестно». По многим уездам Московского государства «запустело» от половины до трёх четвертей пахотной земли; появился целый слой разорённых крестьян-«бобылей», которые не могли самостоятельно вести хозяйство. Заброшенными оказались целые города (Радонеж, Микулин); в других (Калуге, Великих Луках, Ржеве, Рязске и пр.) количество дворов составляло треть или четверть от досутного. По современным демографическим подсчётам, численность населения возновилась только к 1640-м годам.

Надо было воссоздать разрушенную систему управления, возродить армию, наладить финансы, наконец, заставить людей поверить в то, что новая власть — не только реальная, но и истинная, праведная. Между тем утрата «природной» династии и многолетняя Смута не прошли даром. В 1620—1630-х годах находились люди, верившие в то, что «царь Дмитрий» жив. Продолжали появляться подражатели Лжедмитриев, а затем и «царские дети»; так, под именем сына царя Дмитрия выступал казак Иван Вергунок. Одними из лжемонархов были авантюристы заграничного происхождения, как астраханский армянин Мануил Сеферов сын, оказавшийся после смерти отца-торговца в Стамбуле и выдавший себя за Ивана — «сына царя Дмитрия Ивановича и царицы Марины Юрьевны». В 1626 году он объявился в Польше при гетмане Станиславе Конецпольском и познакомился с другим самозванцем — «царевичем Симеоном Васильевичем Шуйским». Последний был представлен королю и заявил, что «соблюл де ево и вскормил в порубежных городех торговой человек, и как де он возмужал, и тот де торговой человек привёз ево к запорожским казаком, и сказал про нево... что он царя Васильев сын».

Претенденты подружились было, но пути их разошлись. Мануил отправился гонцом от короля в Иран, но по дороге загулял в занятом донскими казаками Азове. За непомерные долги кредиторы отправили его напрямиком в Москву. Там за него взялись, подозревая в шпионаже, обнаружили во время осмотра странные знаки на теле — и в итоге признали самозванцем. Его дальнейшая судьба неизвестна — то ли казнили, то ли, наказав кнутом, сослали на каторгу.

«Сын» Шуйского из Речи Посполитой отправился в Тур-

цию и по дороге, на свою беду, задержался у молдавского господаря Василия Лупу. Молдавский правитель, не желая связываться с сомнительной личностью, сообщил о нём в Москву. Оттуда в сентябре 1639 года в Молдавию был отправлен посланник Богдан Дубровский с заданием любой ценой устранить самозванца. Впрочем, особо усердствовать не пришлось: господарь передал своего гостя москвичу. Сведений о ходе следствия не сохранилось, но, скорее всего, самозванец был убит по дороге в Москву. Молдавскому господарю в благодарность за услугу отправили набитую золотыми монетами кожу, снятую с выданного им «вора».

Настоящего же государя подданные уже могли воспринимать как «нашего брата мужичьего сына», ведь он был избран ими самими. Обыватели «лаяли царя», шутили: «Я де буду над вами, мужиками, царь», — или предавались «бесовскому мечтанью»: «...он, Степанка, переставит избу свою и сени у ней сделает, и ему, Степанку, быть на царстве». Более знатные могли в запальчивости высказать желание «верстаться» (мериться знатностью) с Михаилом Романовым — «старцевым сыном», а самого государева отца объявлять «вором, которого нужно «избыть». Вместе с «природными» монархами в период Смуты исчезла и другая опора прежней традиции — «великие роды». Первых Романовых окружала новая дворцовая знать, обязанная своим положением исключительно близости к династии и её милостям.

Новая династия не могла править без содействия «земли» и её представителей. Во время Смуты Земский собор при ополчении превратился в постоянно действующий орган и решал многие вопросы внешней и внутренней политики. После 1613 года соборы уже выступали в качестве совещательного органа при верховной власти — обычно в ситуациях, когда правительство намечало крупные внешнеполитические акции или нуждалось в чрезвычайных налоговых поступлениях.

Так, в 1614—1618 и 1632—1634 годах принимались решения о взывании дополнительных налогов; собор 1621 года решал вопрос о войне с Польшей; в 1639-м депутаты обсуждали насилия над русскими посланниками в Крыму, в 1642-м — думали, воевать ли с турками из-за захваченного донскими казаками Азова.

Основа войска — дворяне-помещики — в середине XVI века имели в среднем по 20—25 крестьянских дворов, а после Смуты — только по пять-шесть. В отсутствие владельца крестьяне нередко бежали; у бедных помещиков их сманивали «сильные люди» из числа знати. Вернуть таких беглецов находившимся в походах дворянам было почти невозможно. «Кре-

стьян ни единого человека, служить невмочь», — слёзно жаловались в челобитных служилые, являвшиеся на смотры «бесконны и безодежны, в лаптях», пахавшие землю «своими руками» и несшие безусловную и бессрочную службу.

Нуждаясь в боеспособной войске, правительство Михаила Фёдоровича уже в 1613 году возобновило сыск беглых крестьян по просьбам их владельцев; в 1619—1620 годах прошли массовые раздачи дворцовых и казённых земель в центре страны. Но пятилетний срок сыска не устраивал служилых людей: за это время вернуть беглых было трудно, а из вотчин «сильных людей» — практически невозможно. Не раз приходилось помещикам мотивировать неявку на службу: «Бежали людишка мои, поехал за людишками гонять».

В 1630-х годах царю не раз подавались коллективные дворянские челобитные с жалобами на то, что их крестьяне «выходят за московских сильных людей, и за всяких чинов, и за власти, и за монастыри», а те «волочат нас московскою волокитою, надеясь на твои государевы годы, на пять лет». Служилые люди просили об отмене «урочных лет». Но правительство на это не шло — и не только из желания защитить интересы крупных землевладельцев, к которым в основном и бежали крестьяне. Власти закрывали глаза на происхождение призываемых на государеву службу в стрельцы, казаки, пушкари. Только в 1641 году срок сыска крестьян был продлён до десяти лет.

Не служившие «тянули тягло» — платили налоги и исполняли повинности. Неплательщиков обычно ставили «на правёж», то есть ежедневно били палками по ногам перед приказной избой, затем отпускали; с утра операция повторялась до тех пор, пока деньги не вносились. Воеводы той эпохи отчитывались царю: «Правил на них твои государевы доходы нещадно, побивал насмерть...» Отчаянно нуждавшееся в деньгах правительство помимо основных поземельных налогов часто прибегало к чрезвычайным и очень тяжёлым сборам «пятой» или «десятой деньги» — в таких случаях обыватели должны были отдать государству соответствующую часть движимого имущества в денежном исчислении.

Косвенные налоги государство получало от монополии на продажу прежде всего «хлебного вина» (низкоградусной водки). Казённые питейные дома — кабаки — сдавались на откуп частным лицам или управлялись выборными людьми из числа местного населения — кабацкими головами и целовальниками, приносившими присягу (целовавшими крест); их задачей было выполнение спущенного из Москвы плана сбора кабацких доходов непременно «с прибылью против прежних

лет». Если план выполнялся и перевыполнялся, кабатчиков принимали во дворце и награждали ценными подарками. Так, в декабре 1622 года Михаил Фёдорович пожаловал «двинских голов гостя Ивана Сверчкова да Богдана Щепоткина, велел им дать своего государева жалованья за службу, что они в денежном зборе учинили прибыль; Ивану Сверчкову ковш серебрян в гривенку, камку куфтерь, сорок соболей в дватцат рублѣв; Богдану Щепоткину чарку серебряну в три рубли, камку кармазин, сорок куниц в десят рублѣв». За недобор же приходилось расплачиваться собственным имуществом. Зато на время исполнения служебных обязанностей целовальник получал неприкосновенность от любых жалоб и судебных исков. Действовало жесткое правило: «Питухов от кабаков не отгонять»; продажа шла и в долг, и под залог вещей.

Из-за тяжкой и бедной жизни у людей накапливалась злоба, их раздражали резкое социальное расслоение, произвол привилегированного меньшинства. Нередко без особой причины вспыхивали волнения. Например, в Москве во время пожара в Китай-городе в 1636 году посадские люди, холопы и даже часть стрельцов стали громить лавки и растаскивать товары в торговых рядах, «бить» кабаки, выпускать из тюрем колодников, а награбленное имущество сносили к Никольским воротам Китай-города и делили между собой.

Царь и патриарх

А что же сам государь? За протокольными церемониальными записями дворцовых выходов и обедов почти не видно живого человека. Кажется, он был не очень счастлив. Молодой государь окружил себя теми, кому прежде всего мог доверять. Среди них — его дядя Иван Романов, двоюродный брат боярин Иван Черкасский — начальник приказов Большой казны, Стрелецкого и Иноземского, племянники царицы — братья Иван и Михаил Салтыковы, постельничий Константин Михалков. Они-то и заправляли всем при дворе вместе с матерью государя. Не случайно мудрый дьяк Иван Тимофеев полагал, что инокиня Марфа «яко второпрестолствует её сынови».

Даже в выборе жены царь оказался не волен. После смерти невест в 1616 году Михаил выбрал незнатную Машеньку Хлопову; она уже была помещена «во дворце наверху», и её имя было велено поминать на ектениях. Но в результате интриги Салтыковых обычная болезнь невесты была объявлена опасной, а сама девушка — «неплодной» и «к государевой радости не прочной». Несостоявшуюся царицу с роднёй сослали в То-

больск. Михаил препятствовать не смел, однако, по-видимому, сохранял к девушке нежные чувства и жениться на другой отказывался.

По возвращении из плена в 1619 году его властный отец был торжественно избран патриархом. Он сослал Салтыковых, оттеснил от трона не менее властную «великую старицу», сам стал вторым «великим государем» на Руси и фактическим соправителем сына-царя. Филарет устроил свой двор и учредил патриаршие приказы (Разрядный, Казённый, Дворцовый, Судный), которые судили духовенство и ведали хозяйством и денежными сборами с патриарших сёл. А архиереи, монастыри, их слуги и население их вотчин вновь стали независимы от местной администрации и её суда по гражданским делам. «Сей же убо Филарет патриарх Московский и всеа Руси возраста и сана среднего, Божественная писания отчасти разумел, нравом опалчив и мнителен, и владетелен таков был, яко и самому царю бояться его», — гласит язвительная характеристика Филарета, явно записанная в одном из хронографов со слов недовольных патриархом бояр.

Однако необычное соправительство двух «великих государей», где сын-царь оказался выше отца-патриарха, не вызвало конфликта. Михаил Фёдорович не спорил с отцом; их отношения были равными и тёплыми, основанными на взаимном доверии и любви. «Честнейшему и всесвятейшему о Бозе, отцу отцем и учителю православных велений, истинному столпу благочестия, недремательну оку церковному благолепию, евангельския проповеди рачителю изрядному и достохвалному, преж убо по плоти благородному нашему отцу, ныне ж по превосходящему херувимскаго владыки со ангелы равностоятелю и ходатаю ко всемогущему и вся содержащему, в Троице славимому Богу нашему, и того повеления и человеколюбия на нас проливающу великому господину и государю, святейшему Филарету Никитичю, Божьею милостию патриарху Московскому и всеа Русии, сын ваш, царь и великий князь Михайло Фёдорович всеа Русии, равноангильному вашему лицу сердечными очыма и главою, целуя вашего святительства руку и касаяся стопам вашего преподобия, челом бью», — адресовал сын-царь послание отцу-патриарху 25 августа 1619 года.

В письмах отцу Михаил называл его «драгий отче и государь мой» или «святой владыко и государь мой»; часто писал, что скучает вдали от него: «Желаем бо... предобрый твой глас слышати, яко желательный елень напаятися». С дороги царь посылал отцу подарки — две сотни яблок из сада Троице-Сергиева монастыря или своих «царских трудов рыбные ловитвы... пять осетров». Владыка же не скрывал от сына свои тяго-

сти и болезни: «...от старого от лихорадки есть немного полегче, а камчюгом (подагрой. — *И. К.*), государь, изнемогаю и выйти ис кельи не могу», — и утешал «вслюбезнейшего сына нашего и государя, света очию моею, подпор старости моей, утешение души моей, да не даси себя в кручину о моей немощи».

Филарет являлся для сына авторитетом и главным советником. Порой он бывал недоволен мягкостью и нерешительностью царя, и тот, как отмечала псковская летопись, «от отца своего многи укоризны прият». Но и патриарх признавал главенствующее положение царя в московской политической системе. Он всегда соблюдал этикет — ничего не навязывал сыну; допускал, что его совет может быть не принят, а по поводу тех или иных решений обязательно спрашивал: «А ныне как вы, великий государь, укажете?»

Богомольный сын не особо жаловал светские развлечения, предпочитая им поездки по ближним и дальним обителям — в Троицу, Николо-Угрешский или Симонов монастыри. По пути могли устраиваться царская охота и прочие развлечения; например, государя «тешили» стрельцы, паля «по шапкам из луков и пистолей». Сам он являлся скорее зрителем, чем участником этих увеселений. С 1630-х годов Михаил Фёдорович стал брать на соколиную охоту сына Алексея, и царевич навсегда полюбил «красную и славную птичью потеху».

Документы сохранили описание церемоний, которыми обменивались светский и церковный владыки. «...от великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси в посылке к государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу: блюдо икры паюсные, блюдо икры осетровой свежие, блюдо икры сиговые, лещ жив паровой, язь жареной, стерлядь паровая, спина белой рыбицы свежие с уксуом студёным, лук сырой, крошен мелко, четверть коровая тельново из государева патриарша блюда, стерлядь тельная... уха назимная шафранная, уха назимная чёрная, уха щучья шафранная, уха щучья чёрная, уха окунева, уха стерляжья, окуни росольные» — все эти вкусности патриарх отправил сыну накануне Пасхи в марте 1623 года.

И всё же основания для «кручины» у молодого царя были. Порой даже он, царь и самодержец, оказывался бессильным — на его напоминания о необходимости выплаты жалованья стрельцам и дворянам отец отвечал, что казна пуста, хотя и признавал: «Не дати, государь, тем городом твоего государева жалованья никакими мерами нельзя». Набожный Михаил принимал близко к сердцу непорядки в самой Церкви. «Ведомо нам учинилось, что в Павлове монастыре многое нестроение, пьянство и самовольство, в монастыре держат пи-

тьё пьяное и табак, близ монастыря поделали харчевни и бани, брагу продают; старцы в бани и харчевни и в волости к крестьянам по пирам и по братчинам к пиву ходят беспрестанно, бражничают и бесчинствуют, и всякое нестроение чинится», — сокрушался он в 1636 году в послании инокам Павлова Обнорского монастыря.

Государеву невесту в 1623 году «реабилитировали» — признали здоровой; но упрямая мать царя на брак категорически не соглашалась — и он опять уступил. Скандальная история в царской семье, как и нынешняя «светская хроника», широко обсуждалась — о горькой судьбе несостоявшейся царицы рассуждали даже сидельцы можайской тюрьмы.

Попытки взять в жёны принцесс из Дании и Швеции не удалось — тамошние короли не собирались обсуждать вопрос о смене веры ради московских «варваров». В сентябре 1624 года 29-летний царь всё же женился: «...взял за себя государь [дочь] боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукого, царицу Марию Владимировну. А радость его государева была сентября в 18-й день, а тысяцкий был у государя боярин князь Иван Борисович Черкасский; а дружки с государевой стороны были бояре: князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский да князь Дмитрий Михайлович Пожарский с княгинями, а с царицыной стороны были дружки боярин Михаил Борисович Шеин да князь Роман Петрович Пожарский с жёнами. В первый же день была радость великая. Грехов же ради наших от начала враг наш дьявол не хочет добра роду человеческому, научил враг человека своим дьявольским ухищрением, и испортили царицу Марию Владимировну. И была государыня больна от свадьбы и до Крещения Господня».

Второй брак, с Евдокией Стрешневой, заключённый в 1626 году, оказался счастливым; мать царя даже спрятала от сглаза венец невесты в ларец и запечатала своей печатью. В апреле следующего года в царской семье родился первенец — дочь Ирина. Она стала любимицей бабки, которая шила для неё потешные куклы и баловала сладостями; тогда же Марфа Ивановна сделала вклад в Благовещенский Шеренский (Ширинский) монастырь в Кашинском уезде — только что напечатанное Евангелие с гравюрами Кондрата Иванова по рисункам известного иконописца Прокопия Чирина. Волею судеб это Евангелие в 1916 году приобрела у купца старообрядческой лавки в Апраксином дворе императрица Александра Фёдоровна для подарка супругу к празднику Пасхи. Евангелие хранилось на рабочем столе Николая II, рядом с бронзовым бюстом царя Михаила Фёдоровича.

Но наследника престола пришлось подождать — царица

опять родила девочку. Наконец в 1629 году появился на свет мальчик — будущий государь Алексей Михайлович. Рождение других его сестёр сопровождалось рассуждениями скептиков, подобными словам «чёрной старицы» из Курска Марфы Жилиной: «Глупые де мужики, которые быков припушают коровам об молоду и те де коровы рожают быки; а как де бы припушали об исходе, ино б рожали всё телицы. Государь де царь женился об исходе, и государыня де царица рожает царевны; а как де бы государь царь женился об молоду, и государыня де бы царица рожала всё царевичи. И государь де царь хотел царицу постричь в черницы». Из десяти царских детей до взрослого возраста дожили Ирина, Анна, Татьяна и Алексей, а их братья — пятилетний Иван и новорождённый Василий — умерли в 1639 году.

Успехи и неудачи

Михаилу Фёдоровичу и его отцу так и не удалось взять реванш за польское вторжение и вернуть Смоленск. После смерти (1632) Сигизмунда III московские полки во главе с боярином Михаилом Шеиным перешли польскую границу. Вначале успех сопутствовал русской армии: она заняла Серпейск, Дорогобуж, Рославль, Невель, Себеж, Трубчевск, Новгород-Северский и Стародуб. Но под хорошо укреплённым Смоленском войско завязло. Избранный на польский престол сын Сигизмунда Владислав IV собрал армию и в августе 1633 года блокировал русских, отрезав от путей подвоза продовольствия. Эпидемии, голод и потеря надежды на помощь (в это время умер главный инициатор войны Филарет) заставили командующего вступить в переговоры, на которые поляки пошли, поскольку страдали от тех же напастей и, несмотря на все усилия, не смогли развить успех и взять крепости Белую и Вязьму.

Пятнадцатого февраля 1634 года боярин, так и не дождавшись подкреплений из Москвы, подписал почётную капитуляцию: русское войско отпускалось домой со знамёнами и личным оружием, но без артиллерии, дав обязательство четыре месяца не воевать против Польши. В обратный путь отправились восемь тысяч человек — всё, что осталось от московской армии. Это была одна из самых крупных неудач русской армии в XVII столетии. В Москве Шеин и второй воевода Измайлов были признаны виновными в поражении и казнены на Лобном месте. 4 июня 1634 года в селе Семлеве на реке Поляновке (между Вязьмой и Дорогобужем) был заключён мир. Речь Посполитая отдавала Московскому государству лишь

Серпейскую волость. Только в одном гордый, но зависящий от собственной шляхты король Владислав уступил: за «тайную дачу» в 20 тысяч рублей он отказался от притязаний на русский престол и признал Михаила Фёдоровича законным царём.

На южных границах дожимали татарские набеги. В 1632—1633 годах там действовал крымский царевич Мубарек-Гирей. Его двадцати-тридцатитысячное войско прорвало русскую оборону на засечной черте и собрало огромный полон, в то время как основные силы русских воевали с поляками под Смоленском. Большие набеги продолжались и позднее — в 1634—1637, 1643—1645 годах, но и мелкие наносили существенный урон. Только за первую половину XVII века в Крым было угнано 150—200 тысяч человек.

Непрочный и короткий мир приходилось покупать дорогой ценой: в первой половине XVII столетия на «поминки» и посольства в Крым, содержание татарских посланцев ушло не менее миллиона рублей, не считая государственных и частных расходов на выкуп пленных. Татары именовали привезённые русскими послами подарки старым названием дани — «выходом»; крымцы отлично понимали, что Москва платит им, «остерегаючи своё государство» от набегов, зная: если денег не будет, они сами их возьмут, угнав полон. Когда размеры «поминков» были ниже ожидаемых, послов могли просто ограбить, а то и бросить в заточение и даже пытаться. «Псом и свиням в Московском [царстве] далеко покойнее и теплее, нежели нам там, посланникам царского величества» — так оценивали претерпеваемые в Крыму унижения русские дипломаты. Для обороны южных рубежей от частых татарских набегов в 1635 году началось строительство Белгородской засечной черты (через Белгород — Воронеж — Тамбов) — системы городов-крепостей и укреплений между ними.

К серьёзным акциям Россия в это время ещё не была готова. Это показало «Азовское сидение» (1637—1642). Донские казаки, несмотря на малочисленность, неожиданным и смелым ударом взяли Азов — турецкий город-крепость в устье Дона. Стамбул посылал туда войска и флот. Но ни ожесточённые штурмы, ни обстрелы не принесли успеха. Ввиду больших потерь, истощения сил донцы обратились за помощью к Москве. Ответить согласием означало начать войну с тогда могущественной Турцией.

Михаил Фёдорович созвал Земский собор. Депутаты соглашались с необходимостью войны против «турских и крымских татар», но когда речь зашла о тяготах, связанных со сбором и содержанием войск, мнения разделились: одни не желали, чтобы в войско брали их «крестьянишек»; другие полагали, что

требовать ратных людей и денег надо прежде всего с бояр и приказных бюрократов, разбогатевших «неправедным своим мздоимством» и настроивших каменных палат «таких, что неудобь сказаемая»; третьи жаловались на бедность; купцы и посадские заявили о своем крайнем «оскудении» от «государевых великих податей». В итоге правительство вынуждено было отказаться от военных планов и вернуть Азов туркам.

Однако донцы славились не только военными подвигами. Лихие казаки плавали «за зипунами» по всему Каспийскому морю, хотя порой под давлением Москвы принимали на кругу решения, чтобы никто «не ходил для воровства на Волгу». Грабили отнюдь не по национальному признаку; так, в 1631 году полторы тысячи донских, запорожских и яицких казаков в море взяли на abordаж несколько русских купеческих караванов. В следующем году донские и яицкие казаки «ходили» уже к иранским берегам — «воевали под Дербенью, и под Низовью, и под Бакою, и Гилянскую землю и на Хвалынском море погромили многие бусы (суда. — *И. К.*) со многим товаром», — а затем, вернувшись на Дон, торговали «кизылбашскими» товарами. В 1636 году отряд Ивана Поленова захватил иранский город Ферахабад, после чего, объединившись с казаками атамана Ивана Самары, напал на торговые суда в море и на Волге. Русским дипломатам приходилось оправдываться перед шахом: злодеи-казаки не являются подданными царя; Москва «за них не стоит» и ответственности нести не может; если же шах их поймает, то пусть накажет по всей строгости (это пожелание при плачевном состоянии персидского войска и флота выглядело скорее насмешкой).

И всё же держава выстояла — и даже продолжала раздвигать границы. При Михаиле на Томи, притоке Оби, появился Кузнецк, на Енисее — Туруханск, Енисейск и Красноярск; на притоках Енисея — Илимск и Братск; русские землепроходцы вышли к Байкалу. На Лене в 1632 году был поставлен Якутск, а уже в 1639-м Иван Москвитин и его люди первыми из русских вышли к побережью Тихого океана.

Появились первые мануфактуры: казённый железодельный завод в Ницынской слободе Верхотурского уезда на Урале (1631), медеплавильный Пыскорский завод, основанный В. И. Стрешневым в Пермском уезде (1634). В Вологде работал принадлежавший англичанам канатный двор, такие же предприятия имелись в Холмогорах и Архангельске. Правительство привлекало иностранный опыт и капитал: в 1630-х годах голландские купцы Андреас Виниус, Пётр Марселис и Фома Акема построили три железодельных завода в Туле и четыре в Каширском уезде.

Страна оправлялась от последствий Смуты. Документы XVII века говорят о появлении зажиточных «торговых крестьян» и городских «мужиков богатых и горланов» из вчерашних посадских или стрельцов. Они заводили собственное дело — кузницы, мыловарни, кожевенные предприятия, скупали по деревням домашний холст, а в городах держали лавки и дворы. Торговые люди осваивали дальние и ближние рынки. Торговые операции одного из богатейших «гостей» Василия Шорина распространялись от Ирана до Архангельска и Сибири. Связи Шорина с правительственными учреждениями открывали возможности иметь откупа, брать подряды и пользоваться казённым кредитом. «Государев купчина» закупал сотни пудов шёлка-сырца в Астрахани и Иране, торговал рыбой, солью, пушниной, уплачивая одновременно полторы-две тысячи рублей таможенных сборов. Обычный торг в близлежащем городе давал примерно десять процентов прибыли, а отправлявшиеся в Сибирь оборотистые торговцы зарабатывали на продаже своего товара 300—400 процентов.

Русские купцы ездили со своими товарами в шведский Стокгольм и иранскую Шемаху. Отважный торговец Фёдор Котов побывал не только в Шемахе; он знал путь и «в турскую землю» — через древнюю Гянджу, Эривань и Эрзерум, и на восток — в Ардебиль, Зенджан, Султанийе, Казвин, священный город персов-шиитов Кум. Ему довелось побывать в Исфахане, тогдашней столице Ирана, откуда отправлялись караваны на Багдад и в «Мултанейское царство» — Индию. И повсюду Котов встречал соотечественников — и в Терках, и в Шемахе, и в Исфахане, где в большом торговом ряду он насчитал две сотни русских лавок.

Из России вывозились железные и деревянные изделия, кожи, льняные ткани, западные сукна и, конечно, меха. С Востока и из Закавказья шли шёлковые и хлопковые ткани («киндяк»), шёлк-сырец, составлявший монополию царской казны, сафьян, замша, нефть, марена*, рис, пряности, драгоценные камни, «белый ладон»; московские дворяне ценили исфаханские сабли.

На рынок со своими продуктами выходили и землевладельцы, и крестьяне, поэтому в XVII веке наряду с барщиной и натуральным оброком в каждом пятом владении встречался денежный оброк. Например, в хозяйстве царского дяди боярина Ивана Никитича Романова в Коломенском уезде крестьяне пахали на барина по полдесятины за каждый двор, с каждых

* Травянистое растение, использовавшееся для получения красителя ярко-красного цвета.

десяти дворов отдавали свиную тушу, трёх баранов, гуся, две утки, четыре курицы, круг сыра и платили по рублю.

Консервативный Михаил Фёдорович делал первые шаги на пути модернизации. Опыт Смуты показал, что дворянское ополчение и стрельцы по своим боевым качествам уступали войскам соседних государств. К тому же к реформам в армии подталкивала начавшаяся в Западной Европе «военная революция»: в практику военных действий вошли массовое применение артиллерии и ручного огнестрельного оружия — мушкетов и пистолетов, вместо средневековых рыцарских вассальных отрядов и ополчений появились постоянные регулярные армии. Необходимость снабжать их едой, фуражом, ночлегом, одеждой, оружием, амуницией, транспортом потребовала столь же радикальных изменений в финансировании, комплектовании, подготовке и обучении войск. Произошёл переворот в тактике и стратегии европейских армий: исход битвы решался теперь не короткой схваткой тяжелооружённых рыцарей, а умелым маневрированием и массированным применением огнестрельного оружия. Для наибольшей его эффективности войска начали строиться линиями, стрелять залпами; кавалерия с холодным оружием и пистолетами атаковала галопом. Ответом на мощь ружей и пушек стало искусство фортификации, потребовавшее от строителей оборонительных сооружений инженерного образования и мастерства.

Поэтому при Михаиле с 1630 года началось формирование полков «иноземного строя». За границу был отправлен полковник русской службы шотландец Александр Лесли — нанимать пять тысяч «охочих людей пеших». Но наёмники обходились дорого и при невыплате жалованья могли перейти к противнику. В дальнейшем на службу в Россию приглашали только офицеров с патентами и рекомендациями.

«Свадебное дело»

В глазах западных политиков Московское царство оставалось полуварварской окраиной цивилизованного мира. Нового московского царя европейские короли признали, но равным себе не считали, и претензии москвитов в брачной дипломатии считались неуместными.

В этом смысле для Михаила как государя и отца стала трагичной попытка выдать старшую дочь Ирину замуж за датского королевича. Московские послы в 1642 году попросили короля Христиана IV отпустить в Москву его сына, графа Шлезвиг-Голштинского Вальдемара. Тот уже побывал в Моск-

ве с посольством и оставил наилучшее впечатление: «волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош, пригож лицом, здоров и разумен, умеет по-латыни, по-французски, по-итальянски, знает немецкий верхний язык, искусен в вонинском деле» — одним словом, принц!

Но когда московские дипломаты заявили королю о необходимости перехода жениха в православие, то получили недвусмысленный отказ. Михаил Фёдорович, однако, от своего матримониального плана не отказался и прислал в Копенгаген ловкого и обходительного немца-купца Петра Марселиса. Посланец пообещал, что принуждения в вере принцу не будет; царскому зятю будут предоставлены обширные владения — суздальские и ярославские земли, почётное место при дворе и приданое на 300 тысяч рублей. Царский представитель подписал соответствующие обязательства, и в январе 1644 года Вальдемар прибыл в Москву, где был встречен с почётом: по свидетельству одного из его спутников, сам государь явился к будущему зятю с визитом, «обнимал его, очень ласкал, часто повторял, что лишился одного сына и на место его возьмёт в сыновья его графскую милость».

Уже через несколько дней патриарх Иосиф почтительно попросил гостя «верою соединиться». Королевич возмутился, стал ссылаться на договор и проситься домой, но получил ответ, что его не принуждают, а лишь уговаривают стать православным — в договоре же не написано, «чтоб нам вас к соединенью в вере не призывать». Сам Михаил Фёдорович объяснял Вальдемару: «Не соединяясь со мною верою, в присвоенны быть и законным браком с моей дочерью сочетаться тебе нельзя, потому что у нас муж с женою в разной вере быть не может... Отпустить же тебя назад непригоже и нечестно; во всех окрестных государствах будет стыдно, что ты от нас уехал, не соверша доброго дела».

Обе стороны по-своему были правы. Пережившее страшное потрясение Смуты русское общество с болезненным недоверием относилось ко всем иноверцам, а особенно к тем, кто мог оказаться рядом с тронном. Да и как можно было отдать русскую царевну пусть даже и пригожему «лютору»? А просвещённый протестант-королевич не мог понять, отчего его вера «неполна», и перекрещиваться категорически отказывался — он же не турок и не еврей, да и как можно по-варварски требовать от благородного человека отречения от своей веры?

Начались долгие и бесплодные прения о вере: Вальдемара убеждали в том, что только православное крещение «в три погружения» в купели есть истинное. Он же настаивал на «отпуске», но в результате у его резиденции увеличили стражу, од-

новременно продолжая уговоры. По датскому свидетельству, бояре говорили королевичу, что семнадцатилетняя Ирина чудно как хороша; если же жених полагает, что царевна, «подобно другим женщинам», любит выпить, то пусть не беспокоится — она барышня рассудительная и «во всю свою жизнь не больше одного раза была выпивши».

В конце концов горячий принц не выдержал прессинга и попытался бежать, тем более что в это время на его родину вторглись шведские войска и отец-король во главе флота героически сражался с агрессором. Но беглецов поймали у Тверских ворот Белого города, и принц едва вырвался из рук стрельцов. Проходил месяц за месяцем почётного заточения. Царь то делал упрямому датчанину выговоры («за такую его любовь и ласку отплатил таким непригожим делом»), то устраивал в его честь охоту, медвежью травлю и прочие развлечения.

В сентябре на очередном пиру Михаил Фёдорович и «Вальдемар Хрестьянусович» после многократно поднятых чаш расчувствовались — обнимались, целовались и обменялись шапками; сам государь потчевал чарками водки свиту дорогого гостя! Но и застольное «братство» не помогло. На трезвую голову принц согласился носить русскую одежду, соблюдать посты и даже иметь православных детей — но сам был готов окреститься только в собственной крови! На помощь пришёл его отец: через польского «брата»-короля и молдавского воеводу спросил константинопольского патриарха Парфения, обязательно ли сыну перекрещиваться. Вышло только хуже: собранный патриархом Синод заявил, что с лютеранами только так и нужно поступать...

В ноябре 1644 года послы Христиана IV потребовали, чтобы царь или исполнил заключённый Марселисом договор, или отпустил принца с честью. Царь был поставлен перед нелегким выбором, но уронить своё достоинство не мог. Он лично объявил Вальдемару, что тому без перекрещения жениться на царевне Ирине нельзя, но и отпустить его в Данию тоже невозможно, поскольку король сам отдал принца царю «в сыновья». Королевич-заложник держался мужественно и ответил письменно: «Бъём челом, чтоб ваше царское величество долее нас не задерживали: мы самовластного государя сын, и наши люди все вольные люди, а не холопы; ваше царское величество никак не скажете, что вам нас и наших людей, как холопей, можно силою задержать. Если же ваше царское величество имеет такую неподобную мысль, то мы говорим свободно и прямо, что легко от этого произойти несчастью, и тогда вашему царскому величеству какая будет честь предо всею вселенною?» Вальдемар заявил, что в случае дальнейшего насильст-

венного удерживания «мы будем стараться сами получить себе свободу, хотя бы пришлось при этом и живот свой положить».

Михаил Фёдорович просил послов «унимать» принца, чтобы «он мысль свою молодую и хотенье отложил; если же по его мысли учинится ему какая-нибудь беда, то это будет ему не от государя и не от государевых людей, а самому от себя». Можно предположить, что его угнетал не только несостоявшийся брак любимой дочери. Отсутствие после пресечения династии Рюриковичей бесспорного порядка престолонаследия в принципе не исключало варианта, что Вальдемар мог претендовать на трон (если бы он принял православие и женился, а Алексей внезапно скончался в младенчестве).

Безысходная ситуация подкосила государя. Он и так здоровьем не отличался, часто жаловался на «телесную скорбь» и боль в ногах; во время поездок царя носили «в возок и из возка в кресле». К концу жизни Михаил Фёдорович стал пропускать торжественные церемонии; в дворцовых разрядах указывалось, что «государь за кресты не ходил и стола у государя не было». В апреле 1645 года немцы-врачи Венделин Сибелиста, Иоганн Белоу и Артман Граман нашли, что у их венценосного пациента «кровь водянеет и холод бывает, оттого же цинга и другие мокроты рождаются». Царя начали лечить настойками разных трав и кореньев на рейнском вине, но снадобья не помогали. В мае прописали другие средства — но признали, что царские желудок, печень и селезёнка «бессильны» «от многого сиденья, от холодных напитков и от меланхолии, сиречь кручины». Больной царь не смог явиться на диспут о вере, назначенный на 4 июля в дворцовых палатах, хотя всё ещё не оставлял надежды на то, что упрямый корольевич примет крещение и станет его зятем.

Двенадцатого июля, в свои именины, царь распорядился послать Вальдемару угощение со своего стола, решил отстоять службу в Благовещенском соборе; здесь с ним и случился удар. Михаил Фёдорович потерял сознание, и его «едва жива» принесли в хоромы. К вечеру царю стало совсем плохо, и он позвал жену и сына. Далее последовали прощание, благословение Алексея на царство, соборование и тихая кончина в начале третьего часа ночи.

Ирина так и не вышла замуж; она жила то в Москве, то в подмосковном селе Рубцове, где разводила сад и устраивала пруды. Царевна сочувствовала старообрядцам — защищала перед братом-царём боярыню Ф. П. Морозову и протопопа Аввакума, который с благодарностью вспоминал её в своём «Житии». В 1672 году она вместе с племянником-царевичем Фёдором Алексеевичем стала восприемницей при крещении

другого племянника, будущего Петра I, а в 1679-м скончалась и упокоилась в Новоспасском монастыре. Отверженный Вальдемар добился своего — в 1645 году Алексей Михайлович отпустил упрямяца домой. Там он пытался претендовать на отцовский престол, но проиграл единокровному брату Фредерику — и стал эмигрантом, закончил же свой жизненный путь как настоящий странствующий рыцарь — поступил на шведскую службу и погиб в бою с поляками в 1656 году.

При Михаиле Фёдоровиче Россия вновь обрела единство и законную власть, но при этом не произошло обновлений в системе управления, социальном строе, культуре. Участие «всей земли» в воссоздании государственности привело к восстановлению старого варианта политического устройства. Духовно-религиозный подъём не нашел выражения в юридических установлениях, которые бы регулировали отношения власти и подданных, как будто эпоха социальных потрясений заставила общество из предложенных возможностей выбрать наиболее консервативный путь.

Но, может быть, стране и нужен был в это время именно такой царь — тихий, неяркий, хороший сын, муж и отец, образец христианской добродетели, любитель разводить розы, какой-то даже скучный по сравнению с Иваном Грозным или Борисом Годуновым. Время требовало не потрясений, а «тишины», собирания сил для вывода России из Смуты. Царь терпеливо и осторожно строил Дом Романовых. Действовать с размахом — воевать и проводить реформы — будут его преемники.

Глава вторая
«ТИШАЙШИЙ» ЦАРЬ, «БУНТАШНЫЙ» ВЕК

*Алексей, без сомнения, государь,
потому что повелевает всеми са-
мовластно.*

Августин фон Мейерберг

Ученичество

На фоне преобразований Петра I, Великих реформ третьей четверти XIX века и потрясений новейшей эпохи далёкое от нас XVII столетие представляется чинным, мирным и обаятельно «застойным» временем — как музейная экспозиция в тихом провинциальном городке. Но это впечатление обманчиво. Едва оправившейся от Смуты державе Романовых пришлось вести тяжелейшие войны с Речью Посполитой, Швецией и Турцией. По стране прокатились городские восстания: Соляной и Медный бунты в Москве, выступления в Сольвычегодске, Устюге, Курске, Воронеже, Новгороде, Пскове и других городах. Московское царство потрясла крестьянская война под руководством Степана Разина, реформа патриарха Никона породила и по сей день не преодолённый церковный раскол. В это время и довелось править второму представителю династии Романовых.

Наследник Михаила Фёдоровича с пяти лет под надзором «дядьки», боярина Бориса Ивановича Морозова, стал учиться грамоте по букварю, затем приступил к чтению часослова, Псалтыри и Деяний апостолов, в семь лет начал обучаться письму, а в девять — церковному пению. У будущего царя имелись не только книги, но и игрушки: конь и детские латы «немецкого дела», музыкальные инструменты, немецкие карты и «печатные листы» (картинки). Маленькому царевичу постоянно покупали «потешных» птичек — не отсюда ли его позднейшая приверженность к «красной» птичьей охоте?

На четырнадцатом году царевича торжественно «объявили» народу, а через два года, в ночь с 12 на 13 июля 1645 года, Михаил Фёдорович благословил на царство единственного оставшегося в живых сына. Бояре и двор без споров присягнули новому государю. Несостоявшегося жениха и царского зятя

Вальдемара с почётом освободили из опостылевшего ему московского заточения. 28 сентября 1645 года новый государь торжественно венчался на царство в Успенском соборе Кремля — не как его отец, выборный монарх, а в качестве законного наследника престола.

В речи, обращенной к патриарху, собору и всем православным христианам, юный царь не раз поминал о законной преемственности царской власти от первых русских князей — для представителя новой династии очень важным являлось обоснование его прав на престол «от великого князя Рюрика». Не случайно «Чин поставления на царство» и другие официальные документы объявляли Ивана Грозного «дедом» Алексея Михайловича (на деле тот приходился ему двоюродным прадедом).

Патриарх Иосиф возложил на Алексея Михайловича царский венец и оплечье-бармы, вручил скипетр, державу и напутствовал: «...и соблюдет вас Господь в непорочной христианской вере, и возрастит Господь семя ваше государское в век грядущий в род и род в некончаемые веки на Российском царстве... и наследник будещи Небесного царствия со всеми святыми православными цари». Впервые прозвучала молитва патриарха о воцарении русского венценосца во всей Вселенной, обозначившая будущие претензии царя на ведущую роль православного Московского царства в мире. При венчании на царство было совершено помазание «на браде, под брадою и на вые»: после потрясений Смуты, когда страна была наводнена бритыми поляками, борода превратилась в символ истинного благочестия.

Торжество не могло не произвести глубокого впечатления на молодого государя, уже с детства осознававшего своё предназначение — принять скипетр великого царства из рук отца. Он понимал, что отныне вступил в особое царское служение, которое обещает не только могущество власти, но и «многи скорби». Скорее всего, он понимал и свою неготовность к этой миссии.

Алексей стал царствовать — но не править. Много ли знал и умел шестнадцатилетний юноша, даже при том, что люди Средневековья взрослели раньше, чем наши современники? Конечно, он прошёл положенный «курс» наук — выучился читать, освоил литургические тексты ежедневных служб и церковные песнопения. Петь царь любил и даже сам сочинял церковные распевы. А вот писал он неряшливо, «как курица лапой» — так ведь он не подьячий.

На троне оказался живой и подвижный юноша, любитель душеспасительного чтения — и вместе с тем заядлый охотник.

Только управлять страной его никто не учил. Этим занялся его воспитатель, влиятельный боярин Борис Иванович Морозов, которому юный государь всецело доверял. Морозов отодвинул от трона других представителей знати — Черкасских, Шереметевых и даже царскую родню — и сам возглавил важнейшие учреждения, отвечавшие за здоровье и безопасность царя (Аптекарский и Стрелецкий приказы) и финансы.

Молодого государя быстро и «правильно» женили. Афимья Всеволожская, выбранная было на смотринах самим Алексеем в 1647 году из двухсот девиц, от радости (или из-за слишком туго заплетённых волос) упала в обморок, была обвинена в «падучей болезни» и сослана вместе с родителями в Сибирь — правила дворцового «конкурса красоты» были жестоки. Царицей же в январе следующего года стала избранная уже Морозовым Мария Милославская, на сестре которой тогда же женился сам царский «дядька».

Вслед за новоиспечённым боярином и царским тестем Ильёй Даниловичем Милославским Морозов пристроил к власти и других своих людей. Окольничий Пётр Траханиотов стал руководителем Пушкарского приказа, Леонтий Плещев — судьёй Земского приказа, ведавшего в столице борьбой с преступностью; он прославился вымогательством и жестокостью, похваляясь: «У меня де Москва была в руке вся, я де и боярам указывал!»

Правительство Морозова попыталось перенести тяжесть обложения с прямых на косвенные налоги: в 1646 году цену на соль увеличили в три раза — и её перестали покупать. Реформа провалилась, и власти объявили о сборе отменённых перед тем прямых налогов, чем вызвали массовое недовольство, в июне 1648 года в Москве вылившееся в восстание. Юный царь впервые столкнулся лицом к лицу с народной толпой, требовавшей казни Морозова и других «изменников».

«...июня в 4 день миром и всею землёю опять за их великую измену и за пожег возмутились и учели их, изменников Бориса Морозова и Петра Траханиотова, у государя царя просить головою. А государь царь тое ночи июня против 4 числа послал Петра Траханиотова в ссылку, на Устюг Железной воеводу. И видя государь царь во всей земле великое смятение, а их изменничью в мир великую досаду, послал от своего царьского лица окольничево своего князь Семёна Романовича Пожарского, а с ним 50 человек московских стрельцов, велев тово Петра Траханиотова на дороге сугнать и привести к себе государю к Москве. И окольничей князь Семён Романович Пожарской сугнал ево, Петра, на дороге у Троицы в Сергееве монастыре и привёз ево к Москве связа-

на июня в 5 день. И государь царь велел ево, Петра Траханиотова, за ту их измену и за московской пожег перед миром казнить на Пожаре. А тово Бориса Морозова государь царь у миру упросил, что ево сослать с Москвы в Кирилов монастырь на Белоозеро, а за то ево не казнить, что он государя царя дятка, вскормил ево, государя. А впредь ему Борису на Москве не бывать и всем роду ево Морозовым нигде в приказах у государевых дел, ни на воеводствах не бывать и владеть ничем не велел. На том миром и всею землёю государю царю челом ударили и в том во всём договорилися. А стрельцов и всяких служивых людей государь царь пожаловал, велел им своё государево жалованье давать денежное и хлебное вдвое. А которые погорели, и тем государь жаловал на дворовое строенье по своему государеву рассмотренью. А дятку своево Бориса Морозова июня в 12 день сослал в Кирилов монастырь под начал»⁴.

Самодержцу Алексею Михайловичу пришлось уступить — выдать людей Морозова на казнь. Но он проявил характер: «отмолил» своего «дядьку» от расправы, отправил отсидеться в монастырь, а когда опасность миновала, вернул ко двору. Урок пошёл на пользу: был созван Земский собор и через несколько месяцев Россия получила Соборное уложение, состоящее из 967 статей, объединённых в 25 глав.

Уложение впервые выделило в особую главу вопросы уголовно-правовой защиты государя и его «чести», причём даже умысел на «государское здоровье» карался смертной казнью; то же наказание грозило участникам любого выступления «скопом и заговором» против бояр, воевод и приказных людей, то есть всех представителей власти.

Создание, согласно Уложению, Монастырского приказа означало наступление на права Церкви: его чиновники судили духовенство и подчинённых ему светских лиц, взыскивали подати с церковных вотчин.

Уложение стало важнейшим этапом утверждения в стране крепостного права. Закон вводил бессрочный сыск беглых крестьян «и их братью, и детей, и племянников, и внучат з жёнами и з детьми и со всеми животы». Вводился также штраф за укрывательство (десять рублей за каждого беглого). Правда, крестьяне ещё не лишились личных прав: по Уложению они могли владеть и распоряжаться имуществом, быть истцами и ответчиками в суде, наниматься на работу к другим лицам. Уложение устанавливало рублёвый штраф за «бесчестье» как черносошного, так и «боярского» крестьянина. Хотя обидчики крестьян платили в 50 раз меньше, чем хулители бояр, всё же закон официально признавал «честь» крепостного... Но эти права подвергались всё большему ограничению. По Соборно-

му уложению долги помещика могли быть взысканы с его крестьян.

При царе Алексее сложилась государственная система сыска: теперь помещик уже не сам «гонял за людишками», а обращался к специалистам, которые во главе стрелецких отрядов разыскивали и возвращали беглых. Именно в это время дворяне начали свободно продавать и покупать крестьян.

Священство и царство

Новым наперсником царя стал столь же властный и решительный, как Морозов, патриарх Никон — в миру Никита Минов (1605—1681). Выходец из семьи мордовского крестьянина обучался книжной премудрости в Макарьевом Желтоводском монастыре, в 20 лет стал священником, в 30 постригся в монахи в отличавшемся строгим уставом Анзерском скиту на Белом море. Не поладив с его начальником старцем Елеазаром, он уплыл из обители на лодке и едва не погиб — буря выбросила его на берег Кийского острова в Онежской губе. Через несколько лет суровый отшельник стал игуменом небольшого Кожеозерского монастыря. В 1646 году он появился в Москве, произвёл впечатление на юного царя и стал по его рекомендации настоятелем столичного Новоспасского монастыря (там находилась родовая усыпальница Романовых), а затем новгородским митрополитом.

Энергичный Никон своей стойкостью во время народного возмущения в Новгороде в 1650 году, когда он силой пастырского слова «смирал» недовольных новгородцев, заслужил признательность государя. «Великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресветлому митрополиту Никону новгородцкому и великолутцкому, собинному нашему другу душевному и телесному. Спрашиваем о твоём святительском спасении, как тебя, света душевного нашего, Бог сохраняет, а про нас изволишь ведать, и мы по милости Божии и по вашему святительскому благословению как есть истинный царь христианский наричюся, а по своим злым мерским делам не достоин и во псы, не токмо в цари», — обращался Алексей Михайлович в мае 1652 года к новому наставнику, извещая его о кончине патриарха Иосифа и приглашая в Москву.

Царь звал Никона не просто как близкого человека — он решил сделать того патриархом. В стране уже появилось движение «ревнителей благочестия». Вспоминая страшные потрясения Смуты, подвижники из провинциального и московского духовенства опасались за судьбу России — единственного

православного царства. Но спасение они видели не в удалении от мира, а в борьбе с любыми «неисправлениями» церковной жизни и поведения паствы. Возглавляли этот кружок царский духовник протопоп Стефан Вонифатьев и его друзья, искренние и талантливые проповедники: священники Иван Неронов из Казанского собора в Москве, Аввакум из Юрьевца, Даниил из Костромы, Логин из Мурома. В их числе был и близкий друг царя окольничий Фёдор Михайлович Ртищев. Туда вошёл и Никон — молодой, но уже опытный инок и властный организатор. Вместе с новым другом Алексей Михайлович участвовал в «открытии» мощей святого Саввы Сторожевского и в перенесении в Москву мощей другого святого — бывшего митрополита Филиппа Колычёва, свергнутого и убитого по приказу Ивана Грозного. В 1652 году молодой государь сам написал «повинную» грамоту, в которой просил у святителя прощения за «согрешения прадеда нашего».

В том же году Никон стал патриархом. Его царственный друг не допустил выборов по жребию — новгородский митрополит был избран церковным собором по ясно выраженной царской воле. Но на «государев зов» Никон ответил: «Если вам угодно, чтобы я был у вас патриархом, дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви... что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и святых отец и законы благочестивых царей. Если обещаете слушаться и меня как главного архипастыря и отца во всём, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства», — согласившись принять сан только после того, как государь, архиереи и царская свита пали на землю и обещали исполнить его условия, в чём Алексей Михайлович поклялся перед чудотворными иконами и мощами.

Новый патриарх импонировал молодому царю не только энергией и решимостью. Возглавив оправившуюся от Смуты страну, Алексей Михайлович и Никон мечтали о создании единого православного царства, где царило бы истинное благочестие; но для этого надо было устранить вопиющие недостатки в жизни подданных и унифицировать церковное «благочиние» — именно в это время решался вопрос о присоединении Украины, шли переговоры о том же с молдавским господарем.

Никон показал себя энергичным политиком и «крепким хозяйственником», а положение «собинного» друга молодого царя давало ему огромное влияние на государственные дела. С 1652 года его, как и Филарета, стали называть «великим государем». С патриаршего благословения царь начал войну с

Польшей и отправился в победоносный поход на Смоленск. Никон централизовал управление церковью, при этом стремясь сохранить её автономию. В предисловии к изданному в 1655 году служебнику он прославлял «премудрую двоицу: великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха, которые праведно преданные им грады украшают и суд праведный творят». Архипастырь основал новые монастыри, самым знаменитым из которых стал Воскресенский Новоиерусалимский под Москвой, «русская Палестина», копирующая христианские сооружения Святой земли. Патриарх был человеком просвещённым и книжным, оставил после себя большое литературное наследие.

Созванные по инициативе Никона церковные соборы 1654, 1655 и 1656 годов постановили устранить различия в богослужбных книгах и обрядах между русской и константинопольской Церквями, в том числе заменить двуперстие на троеперстие при совершении крестного знамения, восьмиконечный крест на четырёхконечный; в текстах служб вместо «Исус» стали писать «Иисус» и т. д.

Церковные власти отлучили противников реформ от церкви и проклинали их «как еретиков и непокорников», хотя спор шёл об обрядах, а не о догматах веры. Движение сторонников «старой веры» стало набирать силу, у него появились свои вожди и проповедники: дьякон Фёдор, инок Епифаний, священники Лазарь и Аввакум. Они предвещали конец света в 1666 году и грядущее Царствие Небесное, где не будет различия между рабами и господами, «но вси едино есть». Светопреставления не произошло, но активность сторонников староверия не падала, и власти начали гонения против раскольников.

В середине 1650-х годов Никон достиг вершины власти. В отсутствие отбывшего на войну государя он вмешивался в деятельность приказов, председательствовал в Думе и порой выгонял неугодных думцев на крыльцо. Так же он действовал и в церковных делах: смещал непокорных архиереев, провинившихся попов «смирял» ссылкой, а мог и посадить на цепь. Он же убедил царя начать войну со Швецией...

Страна переживала раскол. Новые обряды противоречили «старине» и нарушали представления об истинности веры. Для сознания средневекового человека было немислимо даже малейшее изменение в священных текстах или Символе веры, поэтому добавление одной буквы в имя Христа понималось как принуждение поклоняться «другому богу», а изменение обряда крещения (обливание водой вместо погружения) — как недействительность таинства.

Сам патриарх не знал греческого языка; за основу «справы»

были взяты не тексты древних греческих или славянских книг, а тогдашняя греческая богослужебная практика и тексты, напечатанные для греческого духовенства в Венеции. В ходе самой «справы» были сделаны ошибки; иные из них, причём содержащиеся в основных богослужебных текстах, сохранились аж до нашего времени. Но возражения противников реформ вызвали только гонения на них. Собственно, сами различия в богослужебных книгах не очень волновали патриарха — он мечтал об объединении сил всех христианских государей в борьбе с «басурманами». В 1657 году он разрешил своему бывшему единомышленнику Неронову пользоваться старыми служебниками: «...обои де добры — всё де равно, по коим хочеш, по тем и служи».

Патриарх казался всесильным. Но против него действовали как вчерашние сторонники — «ревнители благочестия», недовольные откровенным равнением Никона на греческое богослужение, так и отодвинутая им от власти московская знать. Да и возмужавший царь уже не хотел, как прежде, терпеть другого «великого государя». Начались несогласия и столкновения — властный патриарх трактовал некогда данную Алексеем клятву как своё право не только поучать царя в церковных делах, но и участвовать наравне с ним в мирских. Со всех сторон Алексей Михайлович слышал упрёки: «Доколе терпишь такова Божию врагу? Смutil всю русскую землю и твою царскую честь попрал, и уже твоей власти не слышать на Москве, а от Никона всем страх, и его посланники пуще царских всем страшны».

В 1658 году произошёл разрыв. Никон отказался от патриаршества «на Москве», но сохранил за собой архипастырский сан, надеясь вернуть церковный престол на своих условиях. «Дело» опального патриарха затянулось на несколько лет и из личной ссоры царя с предстоятелем превратилось в принципиальный вопрос о взаимоотношениях духовной и светской властей. Никон не признавал никаких обвинений и, в свою очередь, доказывал: «Не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство пользуются... яко священство царства превыше есть».

Благочестивый государь даже после разрыва с Никоном не мог самостоятельно сменить или судить патриарха — это могли сделать лишь другие патриархи. Только на церковном соборе 1666—1667 годов с участием александрийского и антиохийского патриархов Никон был осуждён и лишён сана. Опальный не смирился: высмеял своих судей как «бродяг» и «султанских невольников», отказался принять царские подарки и отправился в северный Ферапонтов монастырь простым

монахом. Он пережил царя и умер в 1681 году, возвращаясь из ссылки по милости его наследника.

Разрыв с Никоном причинил впечатлительному Алексею Михайловичу большое душевное страдание. На соборе он со слезами просил патриархов очистить его от предъявляемых Никоном упрёков в стремлении унижить церковь и овладеть её достоянием. Но царь остался верен церковной реформе, да и не мог уступить — второй Романов, как и все его преемники, был глубоко убеждён в высочайшем значении царского сана и власти, перечить которой никто не имел права.

Добрый царь долго терпел боярыню Федосью Морозову, зная, что дома она молится по-старому, носит власяницу, переписывается с заточённым в Пустозёрске Аввакумом, а её московские палаты являются пристанищем старообрядцев. Царь просил Морозову покориться хотя бы для виду: «Дай мне такоевое приличие людей ради... не крестися тремя персты, но точию руку показав...» Боярыня «приличия ради... ходила к храму», то есть посещала никонианское богослужение, но после тайного пострига перестала бывать во дворце, не явилась на царскую свадьбу и отказалась причащаться по служебнику, по которому «государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны». Тогда ослушница была схвачена, заточена, а потом по царскому приказанию уморена голодом в земляной тюрьме в Боровске в 1675 году. Другие покровители старообрядчества могли сохранять своё положение, поскольку открыто не выказывали непослушания и не посягали на царский авторитет. Однако многолетнее сопротивление иноков и работников Соловецкого монастыря царским войскам и деятельность ярких лидеров раскола наносили урон престижу государства, демонстрируя неповиновение царской и церковной власти. Крайним проявлением протеста против новаций Никона стали самосожжения — в том же году царь узнал, что под Арзамасом «самозгорело деревни Коваксы розных помещиков крестьян на двух овинах 73 человека».

«Всея Великия и Малыя России самодержец»

Во время войны с Речью Посполитой Алексей Михайлович лично отправился в район боевых действий и во главе победоносных войск в 1654 году въехал в освобождённый от поляков Смоленск, а в следующем — в Вильно, поверженную столицу Литвы. В походах он возмужал и превратился из юноши в солидного мужчину, настоящего московского царя. Парсуны — изображения реальных лиц в иконописной манере, но с инди-

видуальными портретными чертами — донесли до нас облик Алексея, который совпадает и дополняется описанием государя в пору его зрелости, оставленным жившим в Москве племянником царского врача Яковом Рейтенфельсом:

«Росту Алексей, впрочем, среднего, с несколько полным телом и лицом, бел и румян, цвет волос у него средний между чёрным и рыжим, глаза голубые, походка важная и выражение лица таково, что в нём видна строгость и милость, вследствие чего он обыкновенно внушает всем надежду, а страха — никому и нисколько. Нрава же он самого выдержанного и поистине приличествующего столь великому государю: всегда серьёзен, великодушен, милостив, целомудрен, набожен и весьма сведущ в искусстве управления, а также в совершенстве знает выгоды и планы чужеземцев. При этом он немало времени посвящает чтению книг (насколько это возможно при отсутствии у них литературы) и изучению наук, касающихся природы и политики. Большую часть дня он уделяет совещанию о государственных делах, немалую также размышлению о вопросах веры и богослужения, часто вставая даже по ночам для воздаяния Богу хвалы по псалтыри царя Давида. Довольно редко выезжает он на охоту в поместья, т. е. загородные дворцы. Посты он соблюдает строже, чем кто-либо, а пост сорокадневный, перед Пасхой, он строжайше соблюдает, добровольно воздерживаясь от употребления даже вина и рыбы. От всяких напитков, а в особенности водки, он так воздержан, что не допускает беседовать с собою того, кто выпил этой водки. В военном деле он сведущ и неустрашим, однако предпочитает милостиво пользоваться победами, нежели учить врагов миру жестокими мерами. Особенно он явил себя достойным славы великодушия во время войны с ливонцами, когда он обложил стены Риги осадю. Он занимается и благотворительностью и щедро оделяет нищих, коим не только почти ежедневно, собрав их толпу около себя, подаёт обильную милостыню, а накануне Рождества Христова посещает заключённых в темницах и раздаёт им деньги. Иностранцам, состоящим за жалованье на военной службе либо приехавшим в Московию для исполнения какой-либо иной царской службы, он щедро дарит как бы в залог своей милости платья, коней и иные подарки, а также предоставляет им, движимый всё тою же доброю душою, более свободы, нежели прежде, в сношениях с мосхами (здесь — населением Московии. — *И. К.*). Это — государь доблестнейший и справедливейший, равно имеют немногие христианские народы, всё же по справедливости желают иметь»⁵.

Он на редкость удачно вписался в существовавший в народном сознании идеальный образ праведного и благочестивого «великого государя царя» — кроткого, благообразного, мило-

сердного, богобоязненного. Такой государь должен был вести себя «благословенно» на людях и во дворце, искренне заботиться о подвластных ему — не только по долгу службы, а подобно доброму, но строгому отцу, полновластному хозяину в своём доме.

Алексей Михайлович умел держать себя величественно — в соответствии с московским придворным обычаем. В январе 1665 года он предстал перед послами нидерландских Генеральных штатов:

«Царь сидел почти в углу зала на небольшом троне, к которому ведут три посеребрённые четырёхугольные ступеньки. Прежде ступеньки были большие и круглые, на них становились, подходя к царской руке, но теперь царь слишком великий, чтобы кто-нибудь мог так близко подходить к нему... На нём был, по их обычаю, кафтан, а сверху другой с рукавами, всё жесткое от золота и драгоценных камней, и жёлтые кожаные сапожки. На всех пальцах, кроме большого и среднего, были великолепные кольца с бриллиантами, рубинами и другими камнями. На голове была шапка, из какого материала, я не мог разглядеть, так как всю её покрывали жемчуга и драгоценности; в руке он держал палочку (скипетр. — *И. К.*)...

По фигуре царь очень полный, так что он даже занял весь трон и сидел будто втиснутый в него. Трон и по виду, и по размеру был похож на исповедальню. Царь не шевелился, как бы перед ним ни кланялись; он даже не поводил своими ясными очами и тем более не отвечал на приветствия. У него красивая внешность, очень белое лицо, носит большую круглую бороду; волосы его чёрные или, скорее, каштановые, руки очень грубые, пухловатые и толстые».

На торжественной церемонии государь подчёркнуто сохранял достоинство — сам не произносил ни слова, обращаясь к «люторам» через думного дьяка; к присланной грамоте лишь прикоснулся (её принял тот же дьяк) — но всё-таки, не удержавшись, фыркнул от смеха, когда переводчик не сумел выговорить титул прибывшего посла.

Таким же олицетворением власти он предстал и перед своими подданными. «Царь был в золотой короне, наверху которой — крест из бриллиантов. Вокруг шеи — воротник сплошь из драгоценных камней, полагаю, в 60 тысяч рублей; говорят, что его мантия из золотой парчи весит два пуда, т. е. 80 фунтов. В правой руке он держал скипетр, не менее ценный. Под звуки пения он поднялся на помост, покрытый коврами», — описал Алексея Михайловича разглядевший его в Вербное воскресенье того же года выпускник Лейденского университета, дворянин, член посольства Генеральных штатов, будущий бургомистр Амстердама и друг Петра I Николаас Витсен.

Царь искренне и глубоко верил в своё предназначение — быть милостивым и справедливым отцом-самодержцем, поборником православия. От всех подданных Алексей Михайлович требовал выполнения определённых «чином» (социальным статусом) обязанностей, беспрекословной «службы» «со всяким сердцем». «И мы вас не покинем, мы тебе и с детьми и со внуцатаы по Бозе родители, аще пребудете в заповедех Господних, и всем беспомощным и бедным по Бозе помощники; на то нас Бог устави, чтобы беспомощным помогать», — писал он 21 ноября 1653 года боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому.

Таким же он старался быть и наедине с собой. «Часто с самою искреннею набожностью бывает в церквах за священными службами; нередко и ночью, по примеру Давида, вставши с постели и простершись на полу, продолжает до самого рассвета свои молитвы к Богу о помиловании или о заступлении, либо в похвалу ему. И что особенно странно, при его величайшей власти над народом, приученным его господами к полному рабству, он никогда не покушался ни на чье состояние, ни на жизнь, ни на честь. Потому что хоть он иногда и предаётся гневу, как и все замечательные люди, одарённые живостью чувства, однако ж никогда не позволяет себе увлекаться дальше пинков и тузов», — отметил благочестие царя строгий католик барон Августин фон Мейерберг, посланник австрийского императора Леопольда.

«Ежегодно в Великую пятницу он посещает ночью все тюрьмы, разговаривает с колодниками, выкупает некоторых, посаженных за долги, и по произволу прощает нескольких преступников» — таким запомнился царь его врачу англичанину Самюэлю Коллинсу. Медик также отметил набожность государя: «Он всегда во время богослужения бывает в церкви, когда здоров, а когда болен, служение происходит в его комнате; в пост он посещает всенощные, стоит по пяти или шести часов сряду, кладёт иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полутора тысяч. Великим постом он обедает только по три раза в неделю, а именно в четверг, субботу и воскресенье, в остальные же дни ест по куску чёрного хлеба с солью, по солёному грибу или огурцу и пьёт по стакану полпива. Рыбу он ест только два раза в Великий пост и соблюдает все семь недель поста, кроме Масленицы или недели очищения, когда позволено есть яйца и молоко. Кроме постов, он ничего мясного не ест по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдёт его в строгости постничества».

Помянутые выше «пинки и тузы» составляли оборотную сторону «отеческого» правления самодержца по отношению

ко всем подданным-«детям». «Да извещаю тебе, што тем утешаюся, што столников безпрестани купаю ежеутр в пруде. Иордань хорошо сделана, человека по четыре и по пяти и по двенадцати человек, за то: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю, да после купанья жалую, зову их ежеден. У меня те купалшики ядят вдоволь, а иные говорят: “мы де нароком не поспеем, так де и нас выкупают да и за стол посадят”; многие нароком не поспевают», — писал довольный царь своему другу с детских лет Афанасию Матюшкину. За нарушение дисциплины надо было обязательно наказать — вот и купались придворные в ледяной воде. А потом как не помиловать — и они же приглашались к царскому столу. Выходило и строго, и от души — по-отечески и без всякого нудного формального разбирательства.

Но тот же Алексей Михайлович лично возглавлял государственную машину и стал первым самодержцем-«бюрократом» в нашей истории. Государи XVI века бумаг в руки не брали — это считалось «невместным» для их сана. А царь Алексей постоянно «работал с документами» в кабинете за столом, читал доклады послов и воевод, не ленился проверять ведомости дворцового хозяйства и вёл учёт собственных расходов: «156 (1648. — *И. К.*) году ноября 1 число в понедельник дано 200 человеком 20 рублёв по гривне человеку». Он первым стал подписывать бумаги, сам правил и писал грамоты: «...писях сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею». Из-под его пера выходили десятки писем и сотни резолюций — с похвалой или «осудом». «Так пишут дураки, а не воеводы», — бросил царь в адрес нерадивого администратора, приславшего невнятный доклад.

Он умел быть и строгим. «...и как к тебе, против сего нашего великого государя указу, ратные люди соберутся, и ты б потому же чинил над мятежниками радетелной промысл и был на Соловецком острове безотступно, чтоб их мятеж искоренить вскоре; ...и буде ты учнёш над мятежниками чинить нерадетелной промысл, и тебе за то быть от нас великого государя в смертной казни без всякия пощады», — требовал он от воеводы Ивана Мещеринова подавить сопротивление соловецких монахов, не желавших принять реформы Никона.

Дела отнимали всё больше времени, и у царя вошло в привычку решать их прямо во время церковной службы. Приходилось работать и за полночь. «Царь по ночам осматривает протоколы своих дьяков. Он проверяет, какие решения состоялись и на какие челобитные не дано ответа», — свидетельствует современник. Алексей Михайлович лично участвовал в трёх военных походах 1654—1656 годов, но полководческого

таланта не проявил — он занимался прежде всего организацией армии и её снабжением. Чтобы контролировать свой аппарат, царь основал Счётный приказ для финансовых проверок и собственную канцелярию — Приказ тайных дел, сотрудники которого отправлялись за границу в составе посольств и в действующую армию; «и те подьячие над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают».

При отсутствии развитого бюрократического аппарата Алексей Михайлович не мог обойтись без знати и думных людей, обладавших огромным опытом управления, передаваемым по наследству. Существовала традиция одобрения патриархом важнейших государственных решений; существовала официальная формулировка: «По благословению святейшего патриарха царь указал и бояре приговорили». Но круг этих людей постепенно менялся — это были представители старых служилых фамилий, но теперь уже не только из числа «великих родов». Московские государи женились не на иностранных принцессах, а на девушках из семей своих подданных, возвышая тем самым то один, то другой дворянский род: Стрешневых, Милославских, Нарышкиных. Другой путь в «верхи» пролегал через близость к особе царя, службу в государственной «комнате» — от дежурства у двери в царские покои, исполнения должности ухаживающего, чьей обязанностью было поддерживать государя во время движения саней, до выноса царского ночного горшка.

Со временем эти люди занимали места в Боярской думе, становились «ближними людьми». Они возглавляли важнейшие приказы, принимали подаваемые во время царских выходов челобитные. Государь мог принять ворох просьб, но не разобрать все или вообще положить «на окно», что означало отказ от рассмотрения по существу. Здесь и начиналось влияние «ближних людей», которые могли обратить монаршее внимание на конкретную челобитную, рассмотреть её сами или доложить государю о деле в нужном свете. С другой стороны, комнатная служба делала их более зависимыми от царских милостей. «Вспомяни, окаянный, кем взыскан? от кого пожалован? на кого надеешься? где деться? куда бежать? кого не слушаешь? пред кем лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дела его теряешь!» — выговаривал Алексей Михайлович боярину Г. Г. Ромодановскому.

В XVII веке в число бояр постепенно проникали представители неродовитого дворянства, выдвигавшиеся благодаря службе и царской милости. Так, при Алексее боярами стали Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нашокин и Артамон Сергеевич Матвеев.

Первый родился в семье псковского дворянина; был в «полковой службе», участвовал в русско-польской (1654—1667) и русско-шведской (1656—1658) войнах, в 1656 году подписал договор о дружбе и союзе с Курляндией, в 1658-м вёл со шведами переговоры, завершившиеся подписанием перемирия. В 1667 году он заключил Андрусовское перемирие с поляками, стал боярином и главой Посольского приказа. В 1671-м дипломат вышел в отставку и постригся в Крыпецком монастыре в Пскове. Ордин-Нащокин являлся убеждённым сторонником союза с Польшей для борьбы со шведами за выход к Балтийскому морю и отражения турецкой агрессии.

Второй выдвигенец, сын дьяка, воспитывался вместе с будущим царём. Он стал стрелецким головой, воевал, ездил послом к украинскому гетману Богдану Хмельницкому, принимал участие в подавлении Медного бунта. В 1671 году он сменил Ордина-Нащокина на посту главы Посольского приказа и ряда других учреждений. После царской женитьбы на его дальней родственнице и воспитаннице Наталье Нарышкиной Матвеев стал доверенным лицом государя и наиболее влиятельной фигурой при дворе. Он собрал обширную библиотеку, первым в России организовал частный театр. Но после смерти царя Артамон Сергеевич попал в опалу, был лишён чинов и земель.

В XVII веке медленно, но верно укреплялись опоры царской власти — бюрократия и новая армия. При Алексее Михайловиче на русской службе находилось 300—500 иноземцев, проживавших в Немецкой слободе. Рядовых в новые солдатские, драгунские и рейтарские полки сначала брали из добровольцев — беспоместных дворян, казаков и «вольных людей», а с 1658 года стали проводиться наборы «даточных людей» (по одному человеку со ста, пятидесяти или двадцати крестьянских дворов) в пожизненную солдатскую службу. Оружие (гладкоствольные мушкеты и карабины) в этих полках, в отличие от стрелецких частей, выдавалось государством. Полки делились на роты; появились офицерские (прапорщик, поручик, капитан, полковник) и генеральские чины. Служивых в соответствии с переведёнными на русский язык европейскими уставами — «Учением и хитростью ратного строения пехотных людей» (1647) — обучали строю и стрельбе. К 1680 году полки «нового строя» насчитывали уже 80 тысяч человек — составляли половину русской армии.

В середине столетия одновременно действовало уже около сорока приказов, а в 1690 году — 50. За вторую половину века количество дьяков и подьячих выросло более чем в пять раз — с 845 до 4646 человек. Бюрократизация шла и «снизу»: в 220 уездов Московского государства стали из Москвы присылаться воеводы, сосредоточившие в своих руках военную, ад-

министративную и судебную власть. При воеводских дворах появились «приказные избы», где имелся экземпляр Уложения, хранились эталоны мер и весов, дьяками и подьячими велось делопроизводство. Развитие бюрократического аппарата, новшества в целиком зависящей от царя и его воевод сфере организации вооружённых сил, укрепление законодательной базы — всё это сосредоточивало огромную власть в руках монарха. Именно при Алексее Михайловиче прервалась традиция созыва Земских соборов — теперь они были уже не нужны. «Тишайшему» царю через сотню лет после Ивана Грозного уже не надо было казнить своих вельмож: он мог «по-отечески» палкой побить почтенного боярина и своего тестя Ивана Милославского прямо в Думе, чего даже Грозный, кажется, не делал... Не случайно 1 июля 1654 года Алексей Михайлович повелел «своё государское именованье во всяких делех писати: “Всея Великия и Малыя России самодержец”».

Царские заботы

При втором Романове страна окончательно оправилась от последствий Смуты. Английские и голландские купцы везли сюда колониальные товары из Африки, Азии и Америки. На русском рынке пользовались спросом хлопчатобумажные ткани и цветные металлы (олово, свинец, медь), краски, привозимые тысячами штук стеклянные стаканы и рюмки и большие партии бумаги. Несмотря на высокую цену, раскупались сотни бочек вина (белое французское, «ренское», «романея», красное церковное и др.), водки и импортной сельди. Служилые люди ценили сабли, изготовленные в иранском Исфахане. В 1674 году первый русский караван гостя Осипа Филатьева отправился через монгольские степи в Китай, откуда привозили фарфор, золото и не менее дорогой чай, в то время считавшийся в России лекарством.

За русский рынок боролись англичане и голландцы, вместе составлявшие половину известных нам 1300 купцов-иноземцев, торговавших в Московии. Отечественные купцы жаловались в челобитных: «Тех немец на Руси умножилось, от них стала скудость великая, что торги у нас всякие отняли». В 1649 году была отменена привилегия беспошлинной торговли английских купцов под тем предлогом, что англичане «короля Карлуса до смерти убили». Новоторговый устав 1667 года затруднил иностранцам розничную торговлю: при провозе товаров из Архангельска в Москву и другие города они платили проезжие пошлины в три-четыре раза больше, чем русские купцы.

В 1654 году из Москвы на Новую Землю в поисках серебряной руды была послана первая геолого-разведочная экспедиция. В 1667-м на Волге иноземными мастерами были построены первые «европейские» корабли русского флота. В 1665-м началось регулярное почтовое сообщение с Вильно и Ригой. Казак Семён Дежнёв и купец Федот Алексеев в 1648 году впервые достигли северо-восточной оконечности Азии и прошли теперешним Беринговым проливом. Были составлены первые карты Сибири, на её просторах начали «проезжать» месторождения руд цветных и драгоценных металлов. Однако более всего русских купцов и правительство интересовала пушнина: в середине века из Сибири вывозили до 150 тысяч собольих шкур в год.

Московский Печатный двор ежегодно выпускал книги общим тиражом до 15 тысяч экземпляров. Половину его продукции составляли издания светские, в том числе учебники. Появились печатные буквари, стоившие копейку: в 1651 году все 2400 экземпляров были проданы за один день. Наиболее популярными среди учебников были «Букварь» Кариона Истомина, «Азбука» Василия Бурцева, «Славянская грамматика» Мелетия Смотрицкого.

Однако эти достижения не означают, что у Алексея Михайловича всё получалось. Весной 1650 года вспыхнули восстания в Новгороде и Пскове. Их поводом стали закупки хлеба шведскими агентами, но гнев горожан и примкнувших к ним стрельцов был направлен прежде всего против произвола администрации и богатейших новгородских «гостей».

По инициативе Никона началась первая в нашей истории кампания по борьбе с пьянством. Во все концы Московского государства в 1652 году полетели грамоты, требовавшие ограничить часы работы кабаков и продавать не больше одной указной чарки (объёмом в три прежние чарки) в руки; «...а в Великой пост, и в Успенской, и в воскресенья во весь год вина не продавати, а в Рождественской и в Петров посты в среду и в пятки вина не продавати ж. А священнического и иноческого чину на кружечные двory не пускать и пить им не продавати; да и всяким людем в долг, и под заклад, и в кабалы вина с кружечных двory не продавати».

Поспешно проведённая реформа потерпела фиаско. Новая тройная чарка оказалась слишком велика — поневоле пришлось восстановить распивочную продажу, а затем сбавить цену. Сокращение кабацкой торговли вызывало протесты; доходило до того, что толпа штурмом брала кружечные двory и начинала «питьё кабацкое лить и целовальников, волоча изб, бить кольем и дубинами до смерти». Наконец, продавцы стали возражать против ограничений продажи: «лучшая питушка» бывала по вечерам и по праздникам, а «в будние дни,

государь, на кружечном дворе и человека не увидишь, днюют и ночуют на поле у работы». В марте 1659 года вышел указ: «С кружечных дворов в посты вино, и пиво, и мёд продавать по вся дни» (кроме воскресных); но и это в запрещение перестали соблюдать в условиях острого финансового кризиса.

Крах кабацкой реформы был ускорен инфляцией. Денежная реформа 1654 года ввела в оборот серебряные рубли и полтинники и медные копейки, приравненные к серебряным. Поначалу старые и новые деньги ходили наравне. Но начавшаяся война с Речью Посполитой (1654—1667) заставила выпускать всё больше медных денег: за несколько лет их начеканили на 15—20 миллионов рублей. Вскоре за рубль серебром давали от девяти рублей медью; крестьяне прекратили подвоз продуктов, и цены на хлеб на рынках взлетели в 10—40 раз. Правительство выдавало жалованье медью, но при этом требовало платить налоги, пошлины и штрафы серебром.

Сбор с горожан чрезвычайного налога («пятой деньги») стал последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. 25 июля 1662 года в Москве неизвестные расклеили «письма», обвинявшие царского тестя боярина Илью Милославского, его родственников и крупнейшего «гостя»-купца Василия Шорина в «измене» — подделке денег. Несколько тысяч москвичей двинулись в Коломенское, летнюю резиденцию царя Алексея Михайловича, и потребовали выдачи «изменников».

Застигнутый врасплох государь вышел к народу и обещал, что «в том деле учинит сыск и указ». «И те люди говорили царю и держали его за платье за пуговицы: “чему де верить?” И царь обещался им Богом и дал им на своём слове руку, и один человек ис тех людей с царём бил по рукам». Каково было самодержавному государю терпеть такое от своих «холопей»? Алексею Михайловичу всё же удалось уговорить возмущённых людей, и они двинулись было обратно. Но вскоре явилась новая толпа и потребовала: «...будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами». Однако подоспели три стрелецких полка и у стен дворца началась бойня — погибли и утонули в Москве-реке около девятисот человек. Еще 18 «бунтовщиков» после следствия были казнены, а 400 семей отправлены в Сибирь — но медные деньги были отменены.

«Тишайший» царь превратился из богомольца в воина. Летом 1655 года из занятой русскими войсками столицы Литвы Алексей Михайлович отправил домой письмо: «Надеяся на отца нашего... Никона... поидем к Оршаве (Варшаве. — *И. К.*)», а патриарх благословил государя именоваться «великим князем Литовским». Окрылённый успехом царь, не завершив победоносную войну, начал новую — со Швецией (1656—1658),

в ходе которой русские войска безуспешно пытались овладеть Ригой — важнейшим портом на Балтике.

Но военное счастье оказалось переменчивым — царская армия не смогла взять Ригу. Речь Посполитая сумела собрать силы и перейти в наступление, а на Украине после смерти гетмана Богдана Хмельницкого началась борьба сторонников и противников Москвы. В битвах при Полонке и Чуднове (1660) русские войска потерпели поражение: там погибли лучшие силы поместной конницы, а главнокомандующий В. В. Шереметев оказался в татарском плену. Вслед за тем московская армия оставила почти всю Белоруссию. Местная шляхта и мещане не горели желанием быть подданными русского царя — различие между московскими и литовскими порядками было уже слишком велико. На Украине же полыхала гражданская война — «Руина», одновременно действовали два, а то и три гетмана с разной политической ориентацией.

Война с Польшей закончилась «вничью»: Андрусовское перемирие (1667) разделило Украину по Днепру на польскую и российскую.

С Никоном Алексей Михайлович справился, но подчинить церковь в то время ещё не удалось; более того, царь пошёл на уступки: освободил духовенство от светского суда. Взамен оно внесло свой вклад в сакрализацию царской власти: Алексея Михайловича в церковных службах при жизни называли «святым» и поминали вместе со всем его родом. Роду же не очень везло: к 1670 году скончались трое царских сыновей, в том числе уже объявленный наследником Алексей Алексеевич; двое оставшихся — Фёдор и Иван — были слабы здоровьем.

То здесь, то там звучали отголоски Смуты — появлялись самозванцы и «возмутители», объявлявшие Алексея Михайловича происходящим «не от прямого царского корени». Непочтительные подданные в подпитии могли, как смоленский мещанин Мишка Шершов, заявить: «Есть де и на великого государя виселица». В Молдавии объявился новый «сын» умершего бездетным Василия Шуйского — на самом деле московский подьячий Тимофей Акиндинов. За «многое воровство» (растрату 200 рублей казённых денег) он попал под следствие: «стоял он на правеже на Москве, и били его палкою по ногам, и он, того правежу не стерпя, зжог дом свой и жену свою и збежал». Оскорблённый подьячий, по словам приятеля, «назвался государским сыном Шуйским... потому что он звездочётные книги читал и острономейского учения держался... и та де прелесь на такое дело его и привела». Из Молдавии он перебрался в Турцию и принял ислам, затем попал в Рим и стал католиком, но нигде не нашёл поддержки. Акиндинов отбыл в Швецию, там стал лютеранином и колесил по Европе, пока в 1653 году влас-

ти Голштинии не выдали его России. После допросов мнимый сын неудачливого царя Василия был четвертован.

Были и самозванцы другого типа — можно сказать, выходцы из народа. Их поведение отражало особые представления крестьян о роли и значении царской власти. Когда реальная политика расходилась с этими представлениями, то воспринималась как искажение царской воли злыми боярами. Тогда и возникала тень «истинного» государя. Так, в августе 1670 года во время восстания Степана Разина перед атаманом предстал человек, назвавшийся государевым сыном Алексеем (на самом деле царевич незадолго до того умер).

Скорее всего, атаман потребовал от «Алексея Алексеевича» доказательств его «подлинности» — и получил их. Даже после ареста Степан Тимофеевич по дороге в Москву надеялся, что будет говорить с самим государем. Кто был загадочный «царевич», до сих пор неизвестно — материалы следствия не сохранились...

Другой лжесын Алексея Михайловича, «царевич Симеон», родился простым крестьянским парнем Семёном Ивановым сыном Воробьём. После скитаний по украинско-русскому порубежью он вступил в разбойничью шайку атамана Ивана Мусского, в 1673 году двинулся с ней в Запорожскую Сечь и по дороге «открылся»: объявил спутникам, что перед ними «царевич Симеон Алексеевич», и показал «царские знаки» на теле — «знамя видением царского венца».

Прибыв на Сечь, герой попал под опеку легендарного кошевого атамана Ивана Серко (Сирка). Может, тот и не поверил самозванцу, но решил подержать его у себя и дал знать о нём гетману Ивану Самойловичу. Гетман передал сведения в Москву, и оттуда на Сечь помчались царские посланцы — требовать выдачи самозванца. Вольные казаки убеждали их поклониться «государичу», но москали стояли насмерть. Когда послов с Сечи задержали в Москве, «козацтво» пожертвовало «царевичем». В августе 1674 года Семёна под стражей привезли в Москву. Теперь уже он пытался выдать себя за сына польского магната Иеремии Вишневецкого, но на пытке не стал упорствовать и рассказал правду. Большого и не требовалось — его четвертовали на Красной площади.

Монарший обиход

Алексей Михайлович вставал рано — в четыре-пять часов утра, одевался при помощи постельничего и спальника, шёл в Крестовую палату на молитву и направлялся в покои царицы, откуда они вместе шествовали в дворцовую церковь слушать заутреню.

В Передней палате царского выхода ждали бояре и другие думные чины. Кое у кого в руках были челобитные, которые царь мог разбирать лично. Затем, уже с боярами, государь отправлялся к обедне. Стольники или бояре поддерживали монарха под руки, так как его наряд был порой слишком тяжёл; его окружали телохранители-рынды, а замыкал шествие отряд московских дворян-«жильцов». Вернувшись с обедни, царь «сидел со бояры», обсуждая государственные дела, либо уезжал на охоту, либо принимал послов.

Церемония представления иностранных дипломатов заключалась в целовании монаршей руки, преподнесении и принятии подарков и взаимных расспросах о здоровье. Далее послов приглашали на государево «столовое кушание». В обычные дни подавалось до семидесяти блюд, на посольских и праздничных обедах устраивались настоящие пиршества. Царь раздавал блюда боярам, сидевшим с ним за столом, в знак особой милости.

Алексей Михайлович мог отправиться на охоту — «тешитца на поле», или «в поход в своё государево село в Семёновское на потешный двор», или в другие подмосковные вотчины — Черкизово, Покровское, Измайлово, любимое Коломенское. Нередко он вместе с приближёнными посещал монастыри — Троице-Сергиев или Новодевичий. Покидая столицу, царь оставлял «на Москве» доверенных бояр. Если он никуда не ездил, то время после «столового кушания» посвящал семье. После скромного ужина государь опять молился в Крестовой палате, прежде чем отправиться спать.

Современники отмечали мягкий характер царя Алексея, его склонность к созерцательности — но и вспыльчивость: в гневе он мог дать волю рукам. Он любил представлять гостеприимным хозяином и бывал порой даже чересчур щедр. Так, в 1674 году царь «жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех пьяными».

Царь был примерным семьянином, отцом шестнадцати детей от двух браков. Первая жена, Мария Ильинична Милославская, родила ему Дмитрия (1649—1651), Евдокию (1650—1712), Марфу (1652—1707), Алексея (1654—1670), Анну (1655—1659), Софью (1657—1704), Екатерину (1658—1718), Марию (1660—1723), Фёдора (1661—1682), Феодосию (1662—1713), Симеона (1665—1669), Ивана (1666—1696), Евдокию (1669—1669). Во втором браке с Натальей Кирилловной Нарышкиной родились Пётр (1672—1725), Наталья (1673—1716), Феодора (1674—1678).

Правда, вдова стольника Ирина Мусина-Пушкина тоже не была обойдена высочайшим вниманием; её сына Ивана Пётр I впоследствии называл по-немецки *Bruder* (брат). Сам Иван Алексеевич Мусин-Пушкин в завещании 1717 года просил де-

тей поминать «отца моего Алексея Богдановича и мать мою Ирину Михайловну». Но мог ли сенатор, тайный советник и граф Российской империи публично признать своим действительным и незаконным родителем отца своего государя? О связи царя с Ириной Мусиной-Пушкиной было известно при дворе, и другой родственник Петра I, дипломат и мемуарист князь Б. И. Куракин, даже собирался написать о ней в своей неоконченной «Истории».

В мае 1658 года Алексей Михайлович пожаловал вдову стольника Мусина-Пушкина и её сына Ивана — подарил им купленный на чужое имя дом на Арбате, за который заплатил из казны немалые деньги — 300 рублей. Возможно, умница и красавица Ирина Михайловна привлекла царя как раз теми качествами, которые отсутствовали у его жены. Марии Ильиничне блистать умом было недосуг — она была занята исполнением государственной миссии: каждые полтора-два года рожала; её роль и влияние на мужа никак не отражены в источниках.

Но царская милость могла смениться «грозой». В последний год жизни Алексея Михайловича Ирина была удалена от двора. В её село Угодичи Ростовского уезда отправились «для великого государя тайного дела и для сыска» бояре Яков Одоевский и Артамон Матвеев и думный дьяк Ларин Иванов — «роспросить Алексеевскую жену Мусина-Пушкина Арину, и велено попытать её накрепко». Сын же её на время «пропал безвестно». Возможно, Ирина позволяла себе «непристойные речи», затрагивавшие честь царя и его молодой второй жены Натальи Кирилловны. Но после смерти царя Алексей Иван Мусин-Пушкин был пожалован в стольники и занял достойное место при дворе.

Отдохнуть от забот и неприятностей Алексей Михайлович стремился в Измайлове — такой образцовой «ферме»: там находились его зверинец и стекольный завод, там он разводил виноград, дыни и даже выращивал тутовые деревья, желая производить собственный шёлк. Кроме того, в его дворцовом хозяйстве имелись четыре винокуренных завода, две стекольные мануфактуры — в Измайлове и подмосковной Черноголовской волости (там производилась неплохая посуда, которую государь порой преподносил в подарок гостям) — и «сафьянный двор».

Он страстно любил охотиться. По молодости ходил на медведя, а в зрелом возрасте предпочитал «красную потеху» — соколиную охоту. «Так безмерно какво хорошо полетел, так погнал да осадил в одном конце два гнезда шилохвостей... утя... как мякнет по шее, так она десетью перекинулась», — не мог государь удержаться, чтобы не сообщить об очередной охотничьей удаче. Любимому занятию он посвящал прочувствованные строки. «И зело потеха сия полевая утешает сердца пе-

чальные, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичья добыча... Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякия», — гласит написанная царём инструкция «Урядник сокольничего пути». Но сам же он добавлял, напоминая о служебном долге: «Правды же и суда, и милостивыя любве, и ратного строя николи же [не] забывайте: делу время и потехе час».

По натуре консерватор, Алексей Михайлович всё же вводил некоторые новшества — к примеру первые театральные «комедийные действия». «Наслышавшись от многих послов, что перед европейскими государями часто даются театральные представления с хорами и иные развлечения ради препровождения времени и рассеяния скуки, — рассказывал уже упомянутый Рейтенфельс, — он как-то неожиданно приказал представить ему образчик сего в виде какой-нибудь французской пляски... Сперва, правда, царь не хотел было разрешить музыку как нечто совершенно новое и, некоторым образом, языческое, но когда ему поставили на вид, что без музыки нельзя устроить хора, как танцовщикам нельзя плясать без ног, то он несколько неохотно предоставил всё на усмотрение самих актеров. На самое представление царь смотрел, сидя перед сценой на кресле, царица с детьми — сквозь решётку или, вернее, сквозь щели особого, досками отгороженного помещения, а вельможи (из остальных никто более не был допущен) стояли на самой сцене».

Надо полагать, Алексею Михайловичу понравилось представление и особенно хор, славивший могущественного государя: «Велико, правда, твоё царство, управляемое твоею мудростью, но ещё больше слава о доблестях твоих, высоко превозносящая тебя. Твоя мудрость и геройская мощь могут даровать нам после долгой мрачной войны златые мирные времена, а справедливый суд твой и вместе с ним милость, сияя неземным светом, делают твой нрав богоподобным. Высокие качества твои должно приравнять к качествам богов, ибо тебе уже теперь все уступают. О, светлое солнце, луна и звёзды русских! Живи же постоянно в высшем благополучии, и да будет всегда несчастье далеко от тебя».

Этим благопожеланиям не суждено было исполниться. 1 сентября 1674 года царь «объявил» народу своего сына Фёдора как наследника престола. 19 января 1676 года Алексей Михайлович смотрел комедию с музыкой, а 30 января неожиданно умер сорока семи лет от роду. Государству предстояло пережить несколько лет, заполненных борьбой придворных группировок при малолетних царских детях.

Глава третья
ВРЕМЯ МЯТЕЖЕЙ

*Учинилось на Москве смятение
всему великому государству.*

Бельский летописец

«И бысть сей государь кроткий»

К моменту смерти Алексея Михайловича старшему из его сыновей, Фёдору, было всего 14 лет. Царевич с детства отличался слабым здоровьем — «скорбел ножками», которые часто опухали. Ко времени вступления на престол он получил обычное «кремлёвское» образование — выучился читать (по азбуке, часослову и Псалтыри), писать и считать. Поздние свидетельства говорят, что Фёдор «изрядные вирши складывал», но если это и соответствует действительности, его литературные опыты до нас не дошли. Во всяком случае, Фёдор был более образованным, чем его отец и дед. В его библиотеке имелись латинские и «немецкие» книги; в связи с проектом избрания царевича на трон Речи Посполитой в 1674 году его даже пытались учить латыни, но, видимо, недолго, так что едва ли он хорошо владел ею.

«Это был молодой государь, довольно красивый, но, по болезни, с лица немного жёлтый и одутловатый. Он сидел на троне отца, покрытом также чёрным. Сам его величество был одет в чёрную дамастовую одежду, подбитую соболями; на голове его была чёрная суконная шапка, подбитая соболями, а в руке чёрного дерева костыль, на который он часто опирался, так как был очень слаб» — таким увидели юного повелителя огромной страны нидерландский посланник Кунраад фан Кленк со свитой на аудиенции 24 апреля 1676 года.

В июне того же года «благоверный и благородный и Богом преукрашенный, святых православных и непорочных христианских благочестивых веры крепкий поборник, великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, вся Великия и Малыя и Белыя России самодержец, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчич и дедич, и наследник, и государь, и обладатель, изволил венчаться царским

венцем и диадимою, еже есть святыми бармами, по древнему своему царскому чину, и восприяти в руку свою прародителей своих, прежних великих государей, царей и великих князей Российских, и отца своего государева, блаженные памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, скипетр и царский чин и яблоко самодержавное держати во смотрение и во одержание, на великом и превысочайшем, пресветлом и прекрасном, дражайшем царском степени Московскаго царствія». После миропомазания Фёдор первым из российских государей был введён через Царские врата в алтарь и приобщён Святых Таин по священническому чину.

Торжественная церемония, призванная возвысить власть утвердившейся династии, не могла скрыть от искушённых придворных зрителей болезненной слабости третьего из Романовых на российском престоле. Сохранилось не слишком достоверное польское известие о том, что боярин Артамон Матвеев сделал попытку подговорить стрельцов в обход старших братьев сделать царём маленького Петра Алексеевича, поскольку «Фёдор лежит больной, так что мало надежды на его жизнь». Но бояре во главе с влиятельным князем Юрием Алексеевичем Долгоруковым при поддержке патриарха Иоакима посадили на престол Фёдора. Возможно, это сообщение отражает лишь ходившие в кругу московских иноземцев толки; но датский резидент Магнус Гэ уже в феврале 1676 года сообщил в Копенгаген, что новый царь долго не проживёт и его двор «разделился на несколько партий».

Действительно, за спиной юного государя началась борьба придворных группировок — Милославских и Нарышкиных. Скоро Матвеев был отправлен в ссылку в Пустозёрск, а брат вдовы Алексея Михайловича Иван Нарышкин по доносу лекаря обвинён в подстрекательстве своего слуги к убийству царя из пищали. Крёстной матерью Фёдора была его старшая сестра, несостоявшаяся супруга датского принца Ирина Михайловна, ставшая теперь убеждённой последовательницей старой веры. Она и её сторонники склоняли государя к возвращению дониконовского обряда — готовился его «поход» к мощам святой Анны Кашинской (в гробу пальцы её правой руки были сложены в двоеперстие). Однако сопротивление патриарха не позволило придворным староверам осуществить этот замысел. Вместе с Иоакимом действовали «ближние люди» нового царя — постельничий Иван Языков; учитель Фёдора Симеон Полоцкий, окольничий Алексей Лихачёв и его брат думный дворянин Михаил Лихачёв. В итоге юный царь сделал свой первый серьёзный выбор — поддержал церковную реформу и отказался вернуть «старую веру».

Фёдор интересовался польскими «конституциями» (постановлениями сейма Речи Посполитой); в его покоях висели портреты польского и французского королей. Монах и придворный историк царевны Софьи Сильвестр Медведев писал, что советники царя вводили «всякие новые дела в государстве... иноземским обычаям подражающе». Одним из таких советников оказался польский шляхтич Павел Негребецкий, которому молодой государь поручил разработать проект учреждения в России академии и составить первую гербовную книгу русской знати. Ещё одного придворного, стольника С. Ф. Николева (сына француза-протестанта полковника Никола де Манора), Фёдор уполномочил ведать «церковное и дворовое, и хоромное, и садовое строение на Москве». В сентябре 1679 года молодой царь впервые появился на людях в польской одежде — нижнем кафтане с узкими рукавами и верхнем с широкими; окружавшая его свита щеголяла в модных в Польше «турских» (турецких) кафтанах с серебряными нашивками. В 1680 году царь своим указом повелел носить при дворе вместо старых московских охабней и однорядок более практичное «служилое платье фerezеи и кафтаны долгопые», но в то же время запретил надевать короткое иноземное платье. Но эти новшества в целом не выходили за рамки дворца и круга придворной знати.

Фёдору было трудно крепко держать бразды правления. Документы рассказывают о том, как государь ездил на богомолья, но его участие в повседневном управлении оставило мало следов в источниках. Больной цингой Фёдор неделями не выходил из палат; от его имени страной правили несколько влиятельных бояр: князь Ю. А. Долгоруков, Б. М. Хитрово, князь Н. И. Одоевский и др. «Старые бояре» запретили театральные представления при дворе, пытались даже отменить крайне необходимое стране почтовое сообщение и выслать из России всех иностранных резидентов. В декабре 1677 года были ликвидированы Монастырский и Челобитный приказы, которые помогали государю контролировать Церковь и держать под надзором систему управления. И. М. Милославский в 1680 году объединил было под своей властью четыре финансовых приказа, но через полгода управление двумя из них было отобрано у боярина.

По словам датского резидента, разногласия в царском окружении касались и внешней политики. Датчане были заинтересованы в союзе с Москвой для борьбы против Швеции, и в 1677 году кое-кто из окружения царя склонял его к войне с северным соседом за возвращение выхода к Балтике. Но «старые бояре» их не поддержали, тем более что на Украине шла пер-

вая в нашей истории Русско-турецкая война. Московские войска и полки гетмана Ивана Самойловича нанесли турецко-татарской армии поражение под Чигирином, но в следующем году гарнизон был вынужден покинуть крепость. Московские вооружённые силы находились ещё в процессе перестройки: среди частей, участвовавших в боях под Чигирином, регулярными являлись лишь два солдатских полка; рейтарские полки не успели получить оружия и, по словам современника, «от рейтар и городовых дворян только крик был». Воеводы же придерживались пассивной тактики, ожидая, что противник из-за тяжести осады крепости уйдёт восвояси.

Когда в 1679 году в Москву прибыли польские дипломаты, голландский резидент сообщал: «...его царское величество объявил своим министрам, что этот посол привезёт окончательное решение короля и Польской республики не только порвать с турками и татарами, но и присоединить свои силы к отдельным войскам его царского величества». Однако поляки предложили отправить русские полки для защиты границ Речи Посполитой да к тому же просили денег на содержание польско-литовских войск. Такие условия Москву не устроили, и русско-польский союз так и не состоялся. Военные действия на Украине завершились заключением Бахчисарайского мирного договора (1681), по которому крымский хан признал за Россией право на Киев и Левобережье.

Военные расходы потребовали увеличения налогового бремени. В августе 1677 года государство отменило все церковные «тарханы» — освобождения вотчин духовных землевладельцев от налогов. Затем последовал сбор с духовенства «запросных денег» на жалованье ратным людям. Архиереи и монастырское начальство бросились в ноги боярам-«милостивцам», тесно связанным со своими родовыми обителями. Стоило руководившему финансовыми делами И. М. Милославскому заболеть, как его преемник Р. М. Стрешнев решил переложить тяжесть дополнительных налогов на всё податное население — брать «десятую деньгу» с горожан, а с сельского населения — по полтине с двора. С 1679 года началось восстановление налоговых привилегий монастырей.

Перепись населения стала основанием введения подворного обложения. В ходе военно-окружной реформы (1680) ратные люди полковой службы распределялись по девяти разрядам-округам. Наиболее обеспеченных и исправных в службе дворян и детей боярских разрешалось оставлять в старых сотнях и записывать вновь в рейтары и копейщики, а всех остальных верстать в солдатскую службу, как и всех рейтар и копейщиков недворянского происхождения. Однако по финансовым сооб-

ражениям правительство так и не решилось ликвидировать старую поместную конницу.

Не удалась и реформа местного управления: в 1679 году были отменены должности губных старост под предлогом освобождения налогоплательщиков от обязанности «кормить» этих должностных лиц, но воевода без них не имел возможности контролировать территорию уезда.

Весной 1680 года царь самостоятельно высмотрел себе невесту — дочь выезжего польского дворянина Семёна Грушецкого. Неожиданный выбор огорчил И. М. Милославского: боярин явно рассчитывал на иную кандидатку в царицы и не нашёл ничего лучшего, как невесту «тяжким поношением омерзить, представляя, что якобы мать её и она в некоторых непристойностях известны». Историк и государственный деятель XVIII века В. Н. Татищев писал, что интрига Милославского «привела его величество в великую печаль, что не хотел и кушать». Несмотря на то что обвинение оказалось ложным, состоялись традиционные смотрины; но Фёдор не обратил внимания ни на одну из боярских дочерей. Свадьба с Агафьей Грушецкой состоялась 18 июля 1680 года в присутствии узкого круга придворных — похоже, царь опасался, что обиженные бояре могли демонстративно не явиться на церемонию. Но после брачной ночи государь «для обличения тех клевет, призвав старых бояр несколько, её без стыда в рубашке им показал» — для удостоверения сохранённой новобрачной невинности.

Став царицей, Агафья Семёновна начала менять сложившиеся придворные порядки: появлялась на людях, сопровождала супруга на выходах и сидела с ним рядом. Она совершила переворот в женской придворной моде — носила шапку по-польски, оставляя волосы частично открытыми, и такие же шапочки, отороченные мехом, дарила своим боярыням, а ведь появление замужней женщины в таком виде по московским понятиям считалось совершенно неприличным.

Царская женитьба означала уход с первых ролей в политике боярина Милославского. Военные приказы были сосредоточены в руках клана Долгоруковых — князя Юрия Алексеевича и его сына Михаила; при дворе главную роль стали играть сделавшийся боярином царский любимец Иван Языков и новый постельничий Алексей Лихачёв.

Но радость в царской семье вскоре сменилась бедой: в июле 1681 года в Коломенском царица родила сына Илью и через неделю скончалась; вслед за матерью умер и новорождённый царевич. Убитый горем Фёдор даже не смог выйти из дворца, чтобы присутствовать на похоронах супруги и сына. Голланд-

ский резидент Иоганн ван Келлер опасался за его жизнь и предполагал: «Как бы не случилось нового горя и как бы его царское величество не умер... очень вероятно... что здесь произойдут большие изменения в правительстве и что один из царевичей от второго брака [Алексея Михайловича]... молодой человек, подающий надежды и очень уважаемый, может сменить его на троне».

Хорошо информированный голландец оказался прав — третьему царю из дома Романовых жить осталось недолго. Но последние месяцы его царствования стали самыми плодотворными. Врачи и придворные старались отвлечь больного от грустных мыслей. Это как будто удалось — Фёдор стал выезжать на охоту, увлёкся чтением — в это время в его покои из Приказа книг печатного дела доставили по его указанию 13 книг, в том числе несколько иностранных. Интересовался он и музыкой — ему были продемонстрированы некие «образцовые флейты».

Несмотря на плохое самочувствие, овдовевший царь ездил по монастырям. В феврале 1682 года вновь состоялись смотрины, в результате которых царицей стала молодая и красивая сестра будущего сподвижника Петра I адмирала Фёдора Апраксина Марфа. И вновь свадьба совершилась в узком кругу приближённых, но, судя по всему, радости новобрачным не доставила. Ван Келлер докладывал, что, по его сведениям, «этот неосторожный шаг, как и предсказывали врачи, привёл к печальным результатам, против которых они должны с трудом и стараниями искать лекарства». А В. Н. Татищев прямо указал, что «сия государыня царица, как многие достоверные утверждали, девицею по нём осталась».

Молодой царь стремился поднять авторитет Церкви и сделать русскую иерархию первенствующей в православном мире. Так появился проект об учреждении для опального Никона титула папы, под властью которого должны были находиться четыре патриарха, 12 митрополитов и 70 епископов. Но Никон умер по дороге из ссылки — и радикальных изменений не произошло, появилось лишь несколько новых епархий.

Двадцать четвёртого ноября 1681 года состоялся боярский приговор об отмене местничества — системы занятия должностей в соответствии с происхождением и заслугами рода, и в январе следующего года на совещании выборных представителей от всех чинов служилых людей царь объявил об уничтожении «братоненавистного и любовь отгоняющего» обычая. Решение не вызвало сопротивления аристократии: придворные XVII века уже делали карьеру благодаря не столько досто-

инству предков, сколько милости государя; к тому времени местнические споры, в которых погрязло почти всё дворянство, стали препятствием нормальной работе учреждений и военной службе.

Царь открыл в «верхе» — дворцовых покоях — «Верхнюю типографию», которая под надзором писателя и учёного Симеона Полоцкого выпускала светские книги, и школу при ней. В его короткое царствование начали действовать и другие школы: у царского духовника протопопа Никиты; у церкви Успения, «что на Успенском вражке»; училище в Заиконоспасском монастыре под руководством Сильвестра Медведева. Последний представил переработанный проект организации в России академии, ученики которой должны были пользоваться привилегиями: с них обещали не взыскивать отцовские долги до окончания курса, судить не в приказе, а у представителей царя и патриарха и предоставить престижную работу и чины «по их разуму» на государственной службе. Однако главную задачу академии видели в охране православной веры; её преподаватели должны были приносить особую присягу, за отклонение от православного учения им грозило наказание вплоть до сожжения на костре.

После пожаров 1676 и 1680 годов в Москве развернулось массовое каменное строительство с выдачей желающим материалов из казны в рассрочку на десять лет. Не случайно В. О. Ключевский предполагал: «Прощай Фёдор еще 10—15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама». Но его дни были уже сочтены.

В последний месяц жизни Фёдор Алексеевич присутствовал на стрельбах в подмосковном селе Воскресенском, где сравнивались качества оружия разных стран — пищалей длинных «казачьих винтованных», турецких, русских и «немецких». Первым из русских царей он посетил Немецкую слободу. Государь поручил мастерам Оружейной палаты починить его компас. Но уже в начале апреля Фёдору стало хуже: всю Страстную неделю он не выходил из дворца и не присутствовал на обязательных для главы государства богослужениях. На Пасху 16 апреля он ещё смог посетить Успенский собор, но затем слёг окончательно.

При вступлении Фёдора Алексеевича на царство патриарх Иоаким просил: «...сохранит Господь Бог благочестивое и святое ваше царствие мирно и ненаветно, и да соблюдёт Господь лета живота вашего в долготу дней, и да благословит тя благословением крайним, ему же несть пременения, и подаст тебе государю на враги победу, якоже Давиду на Голиафа, и Гедеоу на Мадиама, да соблюдет тя государя и семя твое, и в век

грядущий», — но ничему этому сбыться не довелось. На короткое царствование пришлось тяжёлая и бесславная война. Государь не дожил даже до средних лет и не оставил прямых наследников. 27 апреля 1682 года двадцатилетний третий царь из династии Романовых скончался, не сделав распоряжений относительно престолонаследия.

Стрелецкий бунт

К часу дня в Кремле было объявлено о смерти Фёдора Алексеевича и воцарении Петра Алексеевича. Согласно официальной версии, патриарх и бояре после прощания с телом покойного провели с «призванными» на площадь перед дворцом представителями разных сословий импровизированное заседание Земского собора, на котором вопрос о преемнике почившего государя был якобы «всенародно и единогласно» решён в пользу его десятилетнего единокровного брата.

Однако собрание «чинов» на площади больше походило на митинг, где одержали верх сторонники Петра, многие из которых (его «дядька» Борис Алексеевич Голицын, братья Долгоруковы) пришли во дворец вооружёнными. Да и сама версия об избрании появилась лишь в мае: первоначально предполагалось оповестить подданных и правительства соседних государств о вступлении на престол Петра по воле и завещанию покойного царя. Записи частных летописцев дают основание полагать, что Фёдор был ещё жив, когда в дворцовых покоях и на площади перед ними разыгрывалась карта российской короны.

Скорее всего, пока родственники умиравшего царя Милославские находились близ его смертного одра, сторонники Нарышкиных из числа знати и верхушки приказной бюрократии во главе с патриархом Иоакимом действовали быстро и решительно. Они добились, чтобы имя Петра выкрикнули собравшиеся на площади представители «разных чинов», и быстро привели к присяге новому царю «думных и ближних людей», чиновников и стрельцов. Но их противники не смирились с поражением.

Отстранённую от власти придворную «партию» возглавили не слишком удачливый Иван Милославский и Софья, сестра покойного Фёдора. Царевна, не в пример слабому и больному брату, отличалась здоровьем, энергией, честолюбием и, как выразился один из её противников, была «великого ума и самых нежных проницательств, больше мужска ума исполненной девой». Недовольные исходом царских «выборов» сумели

использовать волнения двадцати расположенных в Москве стрелецких полков (примерно 15 тысяч человек) — единственной организованной военной силы в руках правительства. Заранее были составлены списки бояр и «начальных людей», подлежащих расправе. Нарышкины же и возвращённый ими из ссылки Артамон Матвеев проявили явную беспечность.

Пятнадцатого мая 1682 года стрельцы с оружием ворвались в Кремль, охрана которого — царский Стремянный полк — не только не оказала сопротивления, но и открыла ворота. Восставшие потребовали выдачи бояр, виновных в гибели не только царя Фёдора, которого якобы отравили, но и царевича Ивана (им сообщили, что Нарышкины его «хотели задушить подушками»). Но когда шестнадцатилетнего Ивана и десятилетнего Петра вывели на крыльцо и показали стрельцам, это их не остановило. В итоге первый и последний раз в истории страны восставшие захватили и удерживали власть в столице в течение нескольких месяцев.

«... и они пошли все в верх с ружьём в ево великого государя хоромы, и к государыне царице, и к государю царевичу, и к государыням царевнам и искали в хоромех и везде, и взяв бояр, Артемона Сергеевича Матвеева кинули его с Красного крыльца на копы, князь Григорья Григорьевича Ромодановского, взяв у патриарха, убили ж против Посольского приказу протазаном, а князь Михайла Юрьевича Долгоруково сверху ж кинули на копы, а Ивана Максимовича Языкова, изловя на Микитской и приведши к Орхангелу, изрубили ж на части, а князь Юрья Алексеевича Долгоруково на его дворе, кинув с крыльца больного, четвертовали и положили на площади против его двора; а Лариона Иванова и сына его Василья и полковника Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина изрубили ж, а Афонасья Нарышкина, сыскав у Спаса в верху в церкви, что у государыни царицы, под престолом, бив, кинули на копы ж, и тела их всех снесли в Спаския ворота на Красную площадь к Лобному месту и там над ними наругались же и, сшед с верху, Судной и Холопей приказы разорили, вынесши, всякие письма изодрали. Да не зная стольника Феодора Петрова сына Салтыкова, в государевых мастерских сенях изрубили ж, а чаяли его быть Нарышкиным. А Петра Фомина сына Нарышкина убили за Московую рекою.

И на завтрея того дни мая в 16 день приходили также на Постельная крыльцо с ружьём, и выходили к ним говорить государыни царевны, чтоб они, помня крестное целованье, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством... И великий государь указал им их выдать; думнаго дьяка Аверкея Кирилова, дохтура Яна да Степанова сына, и они их убили ж, а тех всех, о которых они великому государю били челом, простили, а Ивана Нарышкина и Степана дохтура го-

сударыни царевны упросили до утра, а того дни их не сыскали, и они пошли два приказа в Немецкую слободу и Степана дохтура сыскав, в нищенском образе привели в верх и отдали за караул.

И мая в 17 день приходили на Постельное ж крыльцо, также и к ним выходили государыни царевны ж и изволили им говорить, чтоб он для их государского многолетнего здоровья боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина и дохтура Степана простили, и они боярина Кирилу Полуехтовича простили, а чтоб ево постричь; а тех бы выдали, и хотели итить в верх, и великий государь их указал выдать, и они, взяв их, Ивана Нарышкина и Степана дохтура, повели в застенок в Костентиновскую башню и пытали, и после пытки изрубили их в части и череп Ивана Нарышкина на копё воткнули»⁶.

Правящая верхушка понесла тяжёлые потери: среди сорока убитых были шесть бояр, в том числе Артамон Матвеев, братья царицы, отец и сын Долгоруковы, главнокомандующий армией во время Русско-турецкой войны Григорий Ромодановский, выданный собственным холопом любимец царя Фёдора Иван Языков; думные дьяки Ларион Иванов и Аверкий Кириллов. Мятежники расправились с двумя придворными врачами — Стефаном фан Гаденом и Иоганном (Яном) Гутменшем — те якобы готовили «злое отравное зелье» для царской семьи по приказу других «изменников» — бояр А. С. Матвеева и А. К. Нарышкина.

Власти были вынуждены удовлетворить требования оставших стрельцов: виновных в злоупотреблениях командиров сослали или казнили, их имущество было конфисковано, а стрельцы «с великою наглостию» получили из казны в общей сложности 240 тысяч рублей и добились «политической реабилитации» своих действий. Кроме того, они впервые добились официальной «политической реабилитации» своих действий — чтобы их «бунтовщиками и изменниками не называли и без... государских имянных указов и без подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылку не ссылали». В июне 1682 года полки получили соответствующие царские грамоты; их текст был воспроизведён на специально воздвигнутом памятнике («столпе») на Красной площади.

Под нажимом стрельцов было создано подобие собора, провозгласившее царями обоих братьев. По официальному объяснению Иван якобы вначале добровольно «поступился царством» в пользу Петра, затем согласился «самодержавствовать обще» и уже оба царя по челобитью «всенародного множества людей» вручили правление сестре Софье, поскольку сами находились «в юных летех». Однако скорее всего акт, пе-

редававший власть Софье, был составлен уже задним числом её ревностным сторонником — учёным и публицистом Сильвестром Медведевым.

Двадцать пятого июня 1682 года в Успенском соборе состоялось очередное торжество венчания новых государей. Однако прецедента двоецарствия раньше никогда не случалось, и у организаторов возникли трудности: требовались два скипетра, две державы, два царских облачения. Для Ивана использовали прежние регалии, а для Петра всё было искусно сделано заново — новые символы власти почти не отличались от старых. Шапка Мономаха досталась Ивану; ремесленникам Золотой палаты пришлось спешно сделать для младшего брата такой же убор «второго наряда». Кремлёвские мастера изготовили для царей-соправителей необычный двойной трон, который сейчас хранится в Оружейной палате. Он напоминает золочёный чертог с двумя обитыми бархатом сиденьями на возвышении в три ступени. Его боковые стенки и высокая спинка, соединённые под прямым углом, образуют за тронем закрытое с трёх сторон пространство, где помещался тот, кто помогал малолетним царям во время официальных церемоний. Наставления и советы звучали через оконце, прорезанное в спинке и драпировавшееся бархатом.

Пишное оформление церемонии скрывало политический кризис — до конца лета 1682 года сохранялось стрелецко-боярское двоевластие, стрельцы во главе со своим командиром, заносчивым и недалеким боярином князем Иваном Андреевичем Хованским, чувствовали себя хозяевами города. Однако хованщина не удалась: самоуверенный князь не нашёл общего языка с царевной и не догадался поставить во главе приказного аппарата верных людей. Кроме мятежных стрельцов, Хованскому не на кого было опереться.

Правительнице и её окружению, хотя и с большим трудом, удалось к сентябрю собрать под Москвой дворянское ополчение. Хованского вызвали из Москвы, по дороге арестовали и вскоре казнили по обвинению в измене и «злехитром вымысле на державу их, великих государей, и на их государское здорovie», что было явной ложью. Однако устранившиеся стрельцы сдались, хотя и на весьма мягких условиях: казнено было всего несколько человек и даже по фактам убийства членов царской семьи следствие не заводилось. 21 мая 1683 года был разослан указ, подводивший черту под прошлым: «...во всех городах и уездах учинить заказ крепкий, под смертною казнью... чтоб всяких чинов люди прошлого смутного времени никак не хвалили, никаких непристойных слов не говорили и затейных дел не вмещали».

«Великого ума и великой политик»

После усмирения стрельцов ситуация в «верхах» на несколько лет стабилизировалась. Софья, в отличие от братьев-царей, к тому времени была уже вполне зрелым человеком, но о её жизни до 1682 года слишком мало сведений. Известно лишь то, что её рождение было отмечено пиром, а крестил царевну сам патриарх Никон в Успенском соборе.

«Государыни царевны» были недоступны взорам подданных и иностранцев — их круг общения составляли патриарх, сёстры и другие ближние родственники; имён царских дочерей мы не встретим в официальных летописях и разрядных записях. Брак и семья для них были невозможны — о печальном опыте с заморским принцем Вальдемаром речь уже шла выше, а выдавать царевен за подданных-«холопей» было «невместно». Их уделом на всю жизнь оставались молитвы, посты и одиночество, скрашиваемое рукоделием и редкими торжественными событиями вроде царской женитьбы и рождения братьев, сестёр и племянников.

Судя по действиям Софьи-правительницы в 1680-х годах, темпераментную и решительную царевну такой образ жизни не устраивал. При жизни отца она успела оценить придворный театр с музыкой. С науками и литературным творчеством царевну познакомил придворный писатель Симеон Полоцкий, посвятивший ей несколько строк в своём богословском труде «Венец веры кафолической» (1670):

О благороднейшая царевна София,
Ищещи премудрости выну небесныя.
По имени твоему жизнь твою ведещи:
Мудрая глаголеши, мудрая дееши...
Ты церковныя книги обыкла читати
И в отеческих свитцех мудрости искати...

Побывавший в 1689 году в Москве француз на польской дипломатической службе Фуа де ла Невиль рассказывал, что уже во время последней болезни Фёдора Алексеевича «под предлогом того, чтобы ухаживать за братом, к которому она выказывала большую любовь, она воспользовалась случаем, чтобы вкрасться в доверие к знати, завоевать народ своими милостями и приучить и тех и других к тому, чего они никогда не видели». «Но подобный план, — заметил дипломат, — не мог бы иметь успеха без большой партии сторонников, и она решила её составить; изучив достоинства всех, она сочла, что нет никого достойнее, чтобы стать во главе её, чем князь Голицын».

Едва ли мы когда-нибудь узнаем о том, как в действительности относились к Софье придворная знать и простонародье: москвиты той эпохи редко фиксировали свои чувства, и свидетельства такого рода можно обнаружить лишь случайно. Однако порой и делопроизводственные или хозяйственные бумаги содержат уникальные данные о жизни столичных «верхов». Так, ранней весной 1678 года монахи Иверского монастыря стремились освободить обитель от платежа чрезвычайного налога и «били челом Новодевичя монастыря игуменнии, чтоб она побила челом благоверным царевнам, и игуменния вверху была и благоверным царевнам о сих накладных денгах... била челом, чтоб пожаловали великому государю заступили, и благоверные де царевны Евдокия и София Алексеевны реклися брату своему великому государю о тех наших делах заступить во благополучное время, а ныне де не время, потому что готуются к Божественным Тайнам». Это — первое упоминание об участии царевны Софьи в политической жизни; во всяком случае, из него следует, что двадцатилетняя царевна уже имела — по крайней мере в глазах монастырских властей — известный вес в делах.

Много лет спустя В. Н. Татишев сообщал о другом примере вмешательства царевны в публичную политику: «Великий плут Иван Милославский, ища Петра Великаго в народной любви искоренить, а царевны Софию в большее почтение привести, неколико таких скверных женщин научил в церквах кричать и ломаться, и одна была шляхетского знаменитого рода девица, которая в соборе Успенском безобразно кричала, а царевна София, приступя ко оной с заклинанием диавола, молилась... что в подлом народе в великую ей святость причли». Правда, до поры влияние царевны не выходило за пределы дворца и не противоречило традиции.

В 1682 году 25-летняя Софья стала одним из активных участников начавшейся вокруг трона борьбы — и сумела стать настоящим лидером. Она не испугалась диспута о вере, устроенного в Грановитой палате по инициативе Хованского и вождей старообрядцев. Прения едва не перешли в драку, и лишь вмешательство Софьи спасло учёного холмогорского архиепископа Афанасия от побоев. Раскольники поносили память государей Алексея и Фёдора, а когда царевна запротестовала, старообрядцы-стрельцы заявили: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить!» Но Софью трудно было запугать; она знала, что сами стрельцы зависят от милости двора, и, в свою очередь, пригрозила, что уйдёт с братьями-царями из Москвы в другие города и возвестит народу об их «непослушании и разорении». Угроза подействовала: буй-

ные стрельцы не только отступились от раскольников, но и помогли их арестовать; предводитель старообрядцев Никита Добрынин за свою дерзость поплатился головой. Правительство перешло в наступление: указ 1684 года предписывал всех раскольников, отказывавшихся посещать церкви, «пытать и разыскивать накрепко. <...> которые с пыток учнут в том стоять упорно ж и покорения Святой Церкви не принесут, и таких за такие вины, по трикратному у казни вопросу, будет не покорятся, сжечь». Раскольников били кнутом и ссылали в монастыри, их имущество конфисковывали.

Политика регентши была направлена на удовлетворение дворянских чаяний: она повелела ловить, наказывать и возвращать к господам беглых холопов, в 1683 году разослала сыщиков на поиск беглых крестьян, требовала от землевладельцев регистрации купли-продажи крестьян. Правительство Софьи восстановило отменённые при Фёдоре должности губных старост, указало в 1684 году «справлять» поместья за малолетними наследниками независимо от размеров владения, осуществило земельные пожалования в связи с «Вечным миром» с Польшей (1686).

Вслед за Хованским Софья постепенно отстранила от власти интригана И. М. Милославского. Конечно, Иван Михайлович и его родственники (боярин Матвей Богданович и окольный Ларион Семёнович) заседали в Думе, но на первое место в правительстве выдвинулся боярин князь Василий Васильевич Голицын. Возглавивший после восстания Посольский приказ (и связанные с ним Малороссийский, Великой России и Смоленский приказы), князь в октябре того же года был пожалован почётным титулом «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель». В 1682 году он возглавил военные Иноземский, Рейтарский и Пушкарский приказы и финансовые Новгородскую, Галицкую, Владимирскую и Устюжскую четверти. Главное военное учреждение, Разрядный приказ, оказалось под началом думного дьяка Василия Семёнова, которого Софья выбрала «не из знатных», «чтобы подлежал к ней и князю Голицыну». Стрелецкий приказ попал в руки ещё одного сторонника царевны — дьяка Фёдора Шакловитого, которого она сделала думным дворянином и окольным. Таким образом, к концу года Софья и Голицын сосредоточили в своих руках руководство дипломатией и вооружёнными силами государства.

После продолжавшейся несколько месяцев столичной «смуты» наступила некоторая стабильность. Однако в стране сложилась необычная конфигурация верховной власти: на месте самодержавного «великого государя» оказались две номи-

нальные фигуры — единокровные братья, за каждым из которых стояла соперничавшая родня. При отсутствии авторитетного правительства и без того нехарактерная для московской традиции роль регента перешла к ещё более нетрадиционной дамской персоне — энергичной и властной, но всё же не царице-матери, а «девке»-царевне. Прибывший в 1684 году в Москву с саксонским посольством Георг Шлейсингер в своём сочинении отвёл ей ведущую роль в управлении: «Оба они (цари. — *И. К.*) правда, сидят на троне, но ни один из них ничего не решает, а царевна обдумывает всё с магнатами, после чего решение публикуется — опять же от имени обоих царей». Но на заданный себе же вопрос, как же царевна может участвовать в управлении, он так и не смог дать внятного ответа: «Этого я и сам не понимаю и не могу многого об этом сказать».

Понять и вправду было мудрено, ибо девица не могла официально председательствовать в Думе, издавать указы, требовать доклада от бояр и дьяков, официально решать судебные и прочие дела. Ей нужны были надёжные и влиятельные помощники. «Боярин князь Василий Васильевич Голицын вступил в великую её, царевнину, и в крайнюю к ней милость, и для управления государственных и иностранных дел повелено ему ведать Посольский приказ», — указывал позднее петровский вельможа и сын убитого стрельцами боярина Андрей Артамонович Матвеев. Другой столь же знатный современник, дипломат Борис Иванович Куракин, утверждал: «...понимали все для того, что оной князь Голицын был её весьма голант; и всё то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено». А упомянутый выше де Невилль впервые употребил применительно к Василию Васильевичу уже привычный для Франции термин «фаворит».

Как судить о реальности такой «теремной революции» спустя три с лишним века — при том, что суждения её современников разнятся, а их отношение к царевне далеко от научной объективности? К тому же даже самые осведомлённые из них не были допущены в царские покои и «свечку не держали». С одной стороны, трудно представить в допетровском дворце публичное проявление галантных нравов, присущих временам Елизаветы и Екатерины II. Но с другой стороны — как иначе воспринимать сохранившиеся письма правительницы фавориту, написанные «цифирью» (шифром)? «Свет мой, братец Васенька, — писала в одном из них Софья во время первого похода Голицына в Крым (1687), — здравствуй, батюшка мой, на многие лета и паки здравствуй Божию и Пресвятыя Богородицы и твоим разумом и счастием, победив агаряны. Подай тебе Господи и впредь враги побеждати, а мне, свет мой, веры

не имеется, што ты к нам возвратитца, тогда веры пойму, как увижу во объятиях своих тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, шtbody я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, аще и грешная. Ей всегда того прошу, шtbody света моего в радости видеть». Во время следующего похода (1689) она, надеясь на победу, вновь обращалась к своему любимцу: «Свет мой батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце моё, что-бы тебя, света моего, видеть. Велик бы мне тот день был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днём тебя поставила пред собою... Я брела пеша из Воздвиженского, толко подхожу к монастырю Сергия чудотворца, а от тебя отписка о боях. Я не помню, как взошла, чла идучи...»

Князь Василий Голицын, представитель древнего рода, к тому времени уже был хорошо известен. Он начал службу в 1658 году стольником при дворе Алексея Михайловича, но в первые ряды вышел в царствование его старшего сына: в 1676 году стал боярином, участвовал в Чигиринских походах 1677—1678 годов, в 1680-м был назначен главнокомандующим войсками на Украине, добился завершения войны и заключения Бахчисарайского мира. По возвращении князь был щедро награждён и поставлен во главе особой Ответной палаты — «ведать ратные дела для лучшего своих государевых ратей устройства и управления»; на этом посту он занимался сокращением расходов на армию (основной прямой налог — «стрелецкие деньги» — был уменьшен на треть) и переводом её на режим мирного времени.

Способствовала ли его карьере царевна, мы не знаем. Но занимавший видные посты при дворе Голицын не мог не обратить на себя её внимание, тем более что отличался широтой кругозора и начитанностью. По мнению де Невилля, Василий Васильевич принадлежал к самым умным, воспитанным и великолепным людям страны: «Он хорошо говорит на латыни и очень любит бывать с иностранцами и принимать их, не принуждая напиваться, сам вовсе не пьёт водки и единственное удовольствие находит в беседе». На француза произвёл большое впечатление и роскошный дом Голицына в Охотном Ряду. Сама Софья, по мнению того же очевидца, красотой не отличалась («...она ужасно толстая, у неё голова размером с горшок, волосы на лице, волчанка на ногах, и ей по меньшей мере 40 лет», — писал де Невилль, увидев царевну в 1689 году, когда ей исполнилось только 32 года), но нельзя не отдать должное её талантам: «Её ум и достоинства вовсе не несут на

себе отпечатка безобразия её тела, ибо насколько её талия коротка, широка и груба, настолько же ум её тонок, пронизателен и искусен».

Если верить де Невиллю, для Софьи союз с Голицыным был не только плодом честолюбивого стремления к власти, но и поистине революционной попыткой московской царевны обрести женское счастье, ни от кого особо не таясь. Но француз при этом полагал, что князь любил Софью «только ради своей выгоды». Он якобы предложил регентше хитроумный план: «...женить царя Ивана и ввиду его бессилия дать его жене любовника, которого она полюбила бы на благо государству, которому она дала бы наследников. А когда у этого монарха появятся дети и у царя Петра не станет больше ни друзей, ни креатур, в этом случае они (Софья и Голицын. — *И. К.*) повенчаются... затем они принудят Петра сделаться священником, а Ивана — громко сетовать на распущенность его жены, чтобы показать, что дети рождены ею не от него, потом постригут её в монастырь и добьются, чтобы Иван женился вновь, но так, чтобы они были уверены, что у них не будет детей. Этим путём, без убийства и без боязни Божьей кары, они станут во главе государства при жизни этого несчастного и после его смерти, так как в царской семье больше не останется мужских наследников». Правда, дальше воображение пылкого француза совсем уж разыгралось — под его пером князь Василий Васильевич превратился в настоящего католика в душе, стремившегося «присоединить Московию к Римской церкви», пережить царевну и добиться от папы возведения на трон своего законного сына, а не кого-то из детей от Софьи...

При этом князь боялся, как бы чувства царевны к нему не переменились, а потому клал ей «в ествы для прилюбления» какие-то «коренья». Трудно сказать, насколько опасения князя были обоснованными, — Софья не очень-то скрывала их отношения и даже подарила «моему свету Васеньке» «кровать немецкую ореховую, резную, резь сквозная, личины человеческие и птицы и травы, на кровати верх ореховый же резной, в середине зеркало круглое»... Но как бы то ни было, царевна вышла на политическую арену и стала открыто заниматься делами, о которых до неё женская половина царской семьи даже не помышляла.

Вслед за Софьей к новой жизни потянулись другие царевны, хотя яркая фигура правительницы явно их заслоняла. Однако за «эмансипацию» в виде нарушения вековых традиций приходилось дорого платить. Близкие отношения царевны сперва с князем Голицыным, потом с Шаковитым создали ей дурную репутацию: пошли слухи о том, что Софья «была блудни-

ца и жила блудно с боярами, да и другая царевна, сестра ея... и бояре ходили к ним, и ребят те царевны носили и душили, и иных на дому кормили».

В 1689 году правительница своим указом «помиловала» мужеубийцу «жёнку Палашку»: повелела не закапывать её живой в землю, а отсечь голову и впредь так же поступать с подобными преступницами. При ней же была, наконец, открыта первая высшая школа России — Славяно-греко-латинская академия. Пышные стихи Сильвестра Медведева увековечили это событие; в них воздаётся хвала Премудрости и царевне Софье (само имя по-гречески означает «премудрость») — её насаждательнице на Руси: «...царством дивно управляя... благоволи нам свет наук явити». Любовь царевны к просвещению и заботу о его распространении засвидетельствовали также иноземцы — Софью, на её беду, за это хвалили даже побывавшие в Москве иезуиты, говоря, что она не только не чуждалась латинского Запада, но, напротив, относилась к нему благосклонно. Софья подготовила почву для появления в будущем петровских ассамблей и выхода россиянок «в люди», но сама по иронии судьбы осталась в глазах последующих поколений символом «старины», активно сопротивлявшейся реформам.

Князь В. В. Голицын показал себя не только «галантом» царевны, но и государственным деятелем, ориентированным на реформы и сближение с Западом. В качестве «первого министра», руководителя нескольких приказов, он не только заключил «Вечный мир» с Речью Посполитой, но и вступил в коалицию европейских стран для борьбы с Османской империей. Возглавив русскую армию в походах на Крым, князь военных лавров не стяжал, зато, по сообщениям иностранных дипломатов, разрабатывал планы преобразований, включавшие создание регулярной армии, введение подушной налоговой системы, ликвидацию государственных монополий и даже отмену крепостного права.

Даже сторонник Петра I князь Борис Куракин признавал: «...правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И всё государство пришло во время её правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножилась коммерция и всякие ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго — и в экипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах. И торжествовала тогда довольность народная, так что всякой легко мог видеть, когда праздничной день

в лето, то все места кругом Москвы за городом, сходные к забавам, как Марьины рощи, Девичье поле и прочее, наполнены были народом, которые в великих забавах и играх бывали, из чего можно было видеть довольность жития их».

Казалось, положение правительницы упрочилось. При особе старшего царя Ивана Алексеевича в 1683 году, помимо Голицына, находился цвет Думы — бояре Шереметевы, Одоевские, Прозоровские, Милославские, несколько окольных, думные дьяки. В свите Петра состояли лишь два-три боярина, два окольных и думные дворяне. Однако «довольность жития» при дворе омрачалась безрадостной перспективой: с годами слабость и болезненность Ивана (он плохо видел и явно отставал в развитии) становились всё более заметными, тогда как живой и энергичный младший брат со временем имел бы полное право не только царствовать, но и править. Посетивший Москву в 1684 году имперский гонец Иоганн Эберхард Хевель утверждал: «Никому не тайна, что старший брат по слабому состоянию умственных и физических сил неспособен к управлению. Это признают сами бояре и частенько об этом вздыхают».

Саксонец Шлейсингер писал: «Бояре и важные господа очень симпатизируют младшему [царю]... но стрельцы и простые люди склоняются к старшему». «Улица» ещё по традиции почитала старшего в роду, но «важные господа» — придворные и московские чины — имели возможность сравнивать достоинства обеих государей и понимали, от кого из них будут впоследствии зависеть их продвижение по службе и пожалования. Юный Пётр тогда ещё был далёк от политики — его больше занимали «марсовы и нептуновы потехи». Но наблюдательные иностранцы уже с конца 1682 года отмечали напряжённые отношения между правительницей и царицей Натальей Кирилловной и формирование «партий» вокруг юных царей. За спиной Петра стояли не только влиятельные родственники, но и «потешные» полки. По словам Шлейсингера, сторонники царевны уже приступили к активным действиям: в селе Преображенском Петру I «однажды подожгли конюшню, другой раз подложили огонь под его покой и спальню». Конечно, пожар мог возникнуть и без всякого злонамеренного умысла; однако важно, что это событие в напряжённой политической атмосфере уже воспринималось современниками именно как покушение.

Думавшие о будущем придворные стали пополнять ряды сторонников Петра, и в 1688 году на церемониальных выходах его окружал целый сонм думных людей во главе со знатнейшими боярами М. А. Черкасским, И. Б. Троекуровым, И. С. и Ф. С. Уру-

совыми, М. И. Лыковым, К. О. Щербатовым, Ф. П. Соковником, Ф. П. Шереметевым, Л. К. Нарышкиным, Т. Н. Стрешневым. Обе группировки вели постоянную активную борьбу за ключевые посты в системе управления и проводили в Думу своих сторонников: при Фёдоре Алексеевиче и его младших братьях число думных чинов стремительно выросло, превысив сотню. Но этот расцвет «боярского правления» стал началом его конца — Дума перестала быть работоспособной.

Самодержавная власть не делится на троих. Софья боролась: её имя появилось в титулатуре указов с боярскими приговорами: «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Пётр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы, и сестра их, великая государыня царевна и великая княжна София Алексеевна указали и бояре приговорили». С 1686 года в именных указах и жалованных грамотах она именовалась «самодержицей», то есть по статусу приравнивалась к братьям.

В январе 1684 года состоялась свадьба царя Ивана Алексеевича — его женой стала Прасковья Фёдоровна Салтыкова, которая родила ему пять дочерей: Марию (1689—1692), Феодосию (1690?—?), Екатерину (1691—1733), будущую российскую императрицу Анну (1693—1740) и Прасковью (1694—1731).

Пётр с начала 1688 года (ему исполнилось 16 лет) стал являться в заседания Боярской думы. В январе следующего года его женили на Евдокии Фёдоровне Лопухиной — это означало наступление совершеннолетия царя и окончание регентской власти правительницы. Но она не собиралась сдаваться. 8 июля Софья демонстративно явилась на крестный ход по случаю празднования явления Казанской иконы Божией Матери, «что было противно» младшему брату: «И вышед из соборной церкви, царь Пётр Алексеевич просил сестру свою, чтоб она в ход не ходила. И между ими происходило в словах многое. И потом царь Пётр Алексеевич понуждён был, оставя ход, возвратиться в свои апартаменты, понеже сестра его, царевна Софья, не послушала и по воле своей в ход пошла с братом своим царём Иоанном Алексеевичем. Также она, царевна Софья, начала делать червонные под своею персоною, и в короне, и имя своё внесла титула государственного. Также учинила себе корону и давала овдиенции публичныя послам польским и шведским и другим посланникам в золотой палате, что всё то принято было за великую противность от брата ея, царя Петра Алексеевича».

Правая рука царевны, князь Василий Голицын, был первым из плеяды официальных фаворитов при «дамских персонах»; по-видимому, эта «должность» негативно воспринима-

лась его современниками, ещё не привыкшими к подобным вещам. К нему пристало прозвище «временщик» — его воспринял в своём донесении де Невиль, и его же прокричал в 1688 году набросившийся на князя убийца. От ножа Голицын увернулся, но создать в правящем кругу надёжные «креатуры» и обеспечить стабильность власти правительницы не смог. Куракин не без злорадства отмечал, что в конце правления Софьи начальник Стрелецкого приказа Шакловитый «в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софии ещё продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение или б содержан был для фигуры за перваго правителя, но в самой силе и делех бы был помянутой Щегловитой».

От трона в монастырь

Иностранные послы сообщали о «взаимной ненависти и недоверии» придворных группировок. Реформы в армии, привлечение на службу иностранцев, устройство академии, открытие идеологом нового правительства Сильвестром Медведевым латинской гимназии вызывали неудовольствие Церкви. Иоаким осуждал правительницу за то, что она осмелилась принять шведских послов, и оказывал двору Петра I материальную поддержку; Голицын конфликтовал с Милославскими, противники князя не одобряли его покровительство иезуитам и распускали слух о его подкупе шведами. Безуспешные Крымские походы подорвали авторитет временщика в армии, тем не менее царевна за первый поход наградила князя золотой медалью, осыпанной драгоценными камнями (рядовым ратникам досталось по серебряной копейке), а за второй — особой «похвальной грамотой», «золотным кафтаном» на соболях, серебряным кубком и крестьянской волостью в Суздальском уезде.

В 1689 году Шакловитый начал агитировать стрелецких командиров подать челобитную о венчании правительницы на царство. Предложение не получило поддержки, и царевна «того дела делать не указала». В том же году в России и за границей стал распространяться коронационный портрет Софьи — в царском облачении и со скипетром, а в Москве Шакловитый вновь собирал стрельцов, чтобы организовать её «выборы» на царство по образцу 1682 года.

На этих совещаниях, если верить показаниям стрельцов на следствии, зашла речь о том, чтобы «уходить медведицу, цари-

цу Наталью» и самого Петра: «Чего и ему спускать? За чем стало?» Были предложения подложить царю в сани гранату или зарезать его во время пожара. Возражений, судя по материалам следствия, вроде бы не последовало, как, впрочем, и каких-либо решительных действий. По-видимому, стрельцы не доверяли царевне и не желали уничтожить сторонников Петра без официального приказа. Отдать же его Софья так и не решилась, тем более что в рядах её приверженцев не было единства — например, Сильвестр Медведев выступал против покушения на вождей конкурирующей «партии» Б. А. Голицына и Л. К. Нарышкина.

После провала второго Крымского похода летом 1689 года противоречия между придворными «партиями» достигли апогея. Развязка наступила в ночь с 7 на 8 августа, когда в Преображенское приехали два стрельца, уведомивших Петра о сборе по тревоге ратных людей в Кремле и на Лубянке «неведомо для чего». Испуганный царь с немногими людьми немедленно ускакал из своей резиденции и укрылся в укрепленном Троице-Сергиевом монастыре. Софья же как будто не знала, что предпринять. В эти дни она часто молилась, ходила в окружении стрельцов в Донской и Новодевичий монастыри. Она послала к Петру бояр и патриарха, убеждала брата вернуться, но он отказался. Иоаким остался в Троице, на сторону семнадцатилетнего царя переходили члены государева двора, солдатские и стрельцкие полки, служилые иноземцы.

Софья, наконец, решила сама пойти к брату. Но в селе Воздвиженском посланцы Петра заявили, что если она осмелится двигаться дальше, то с ней «нечестно поступлено» будет. Потерпев неудачу, царевна вернулась в Москву. Она ещё пыталась уговаривать стрельцов, заставляла их целовать крест на верность ей... Но исход придворного конфликта решили стрельцкие командиры, 30 августа явившиеся в Троицу: правительство Софьи потеряло военную опору. Члены Боярской думы потянулись на поклон к Петру I. Сами же стрельцы потребовали выдать на расправу их начальника Шакловитого, а когда гордая царевна отказалась, стали грозить ей мятежом.

В итоге Софья капитулировала. Шакловитый и его «сообщники» были отданы под следствие и 12 сентября казнены. Голицын в решающий момент не смог или не захотел бороться за власть — уехал в свою подмосковную деревню. Затем он тоже явился к Троице, выслушал смертный приговор от имени молодого Петра, а потом и известие о царской милости — ссылке в северный Каргополь. Софья ещё успела послать гонца с письмом и деньгами — последним подарком дорогому Васеньке.

Участь самой царевны также была решена. Младший царь

писал брату, что их сестра «государством... учела владеть своею волею», а не по закону и её правление принесло как ущерб обоим государям, так и «народу тягость». Коротко сообщив о злодейских умыслах Шакловитого с сообщниками, в которых те «по розыску и с пытки винулись», Пётр изложил главное: «А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом вручённое нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей ц[аревне] С[офье] А[лексеевне], с нашими двумя мужескими особами в титлах и в росправе дел быти не изволяем... Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!» Иван не возражал — да и едва ли имел возможность поступить иначе. 7 сентября был издан указ об исключении имени царевны из титулатуры; она официально перестала быть правительницей и «переехала» из Кремля в Новодевичий монастырь.

Сам Пётр искренне верил в то, что его жизни угрожала опасность; он сообщал брату, как Шакловитый и его друзья «умышляли с иными ворами об убийстве над нашим и матери нашей здоровьем и в том по розыску и с пытки винулись». Сподвижники Петра Б. И. Куракин и А. А. Матвеев также приводили в своих записках версию о заговоре: «Царевна Софья Алексеевна, собрав той ночи полки стрелецкие некоторые в Кремль, с которыми хотела послать Щегловитого в Преображенское, дабы оное шато зажечь и царя Петра Алексеевича I и мать его убить, и весь двор побить и себя деклеровать на царство». В дальнейшем такая оценка событий стала общепринятой.

Но еще в XIX веке некоторые исследователи высказывали сомнения в существовании заговора. Сохранившееся с некоторыми утратами следственное дело Шакловитого позволяет говорить об отсутствии организованных действий сторонников Софьи. Все попытки поднять стрельцов на активные шаги в защиту правительницы успеха не принесли. Царевна не дала на них санкций, а её окружение само боялось нападения со стороны Преображенского — не случайно 25 июля, в день празднования именин царской тётки Анны Михайловны, Шакловитый поставил в Кремле усиленные караулы по случаю приезда Петра.

Седьмого августа в распоряжении Софьи вообще не было собранных войск, и её действия выглядят скорее как ответная мера. Вечером того же дня в Кремле было найдено подмётное письмо, «а в том письме написано, что потешные конюхи, собрався в селе Преображенском, хотели приходиться августа против 7 числа на их государский дом в ночи и их, государей, побить всех». Шакловитый отправил на разведку в Преобра-

женское трёх стрельцов — они-то и поспешили к Петру с доносом. Срочно поднятые в Кремле и на Лубянке стрельцы не имели конкретного плана выступления, что подтвердили и сами доносчики, не приведшие никаких доказательств угрозы жизни царя.

На первом допросе Дмитрий Мельнов и Яков Ладыгин выдали пославших их товарищей и единомышленников во главе с пятисотенным Стремянного полка Ларионом Елизарьевым — доверенным лицом Шакловитого, а те, прибыв к Троице через два дня, подали подробные изветы о планах убийства «ближних людей» царя Б. А. Голицына и Нарышкиных и предполагаемом смещении патриарха.

Показания Л. Елизарьева, И. Ульфова, Д. Мельнова, Я. Ладыгина, Ф. Турки, М. Феокистова и И. Троицкого стали основанием для розыска, через месяц приведшего Шакловитого и его приближённых на плаху. Именно эта семёрка получила не только огромную награду — по тысяче рублей, но и право «быть в иных чинех, в каких они похотят».

Спустя несколько лет, осенью 1697 года, стрелец находившегося в только что завоеванном Азове Стремянного полка Мишка Сырохватов, объявив «государево дело», рассказал воеводе, что именно Ларион Елизарьев и его друзья были в 1689 году самыми активными сторонниками Шакловитого: раздавали от его имени деньги и руководили сходками. По словам Сырохватова и представленных им свидетелей, Елизарьев и Феокистов собирали в памятную августовскую ночь стрельцов у съезжей избы, посылали трёх человек в Преображенское «для проведывания про великого государя» и, получив известие об отъезде Петра, «отправились в троицкой поход». Однако доносчик не дождался награды — по указаниям из Москвы он был «бит кнутом на козле нещадно» и оставлен на вечное житьё в Азове, а его извет нисколько не повредил карьере обвинённых им.

Похоже, что настоящей попытки переворота не было. В атмосфере взаимного подозрения действия стрельцов во главе с Елизарьевым стали той пружиной, которая привела в движение механизм всех дальнейших событий, — если, конечно, они являлись наивными служаками, по ошибке принявшими ночной сбор стрельцов за подготовку покушения на Петра I, а не провокаторами, подтолкнувшими царя к ответным шагам. Приведённые выше факты добавляют штрихи к данной версии, но пока не позволяют сделать окончательный вывод.

Призрачный шанс вернуться к власти и активной жизни появился у свергнутой правительницы на исходе века. Высланные из Москвы на литовскую границу стрелецкие полки

в 1698 году были недовольны своим положением. Их гонцы теперь сами стремились снести с опальной царевной и якобы получили письма (хотя до сих пор неясно, писала их сама Софья или стрелецкие вожаки от её имени) с призывом освободить её из заточения, «бить челом» — просить её «иттить к Москве против прежнего на державство» и не пускать в город Петра.

С помощью этих грамот предводители взбунтовали полки и двинулись к Москве «царевну во управительство звать и бояр, иноземцев и солдат побить». Никто не стал допытываться, подлинны ли эти послания. Впрочем, в случае отказа Софьи от власти имелись иные варианты: «обрать (избрать. — *И. К.*) государя царевича» — сына Петра Алексея. Контакты с Софьей не получили никакого развития (загадочное письмо на бумаге с «красной печатью» пятидесятник А. Маслов якобы отдал своему родственнику, а тот после поражения восставших утопил улику), но дорого обошлись восставшим: после жестокого розыска было казнено более тысячи человек. На следствии опять всплыли имена доносчиков 1689 года; видимо, их действия были памятны стрельцам даже девять лет спустя: «...возьмём Дмитрея Мельнова, да Ипата Ульфо́ва с товарищи: они все полки разорили, и чтоб их убить до смерти».

Официально царевна к следствию не привлекалась, но разгневанный Пётр сам учинил сестре допрос. Она не признала своего участия в бунте, но подчеркнула своё право на власть: «Такого письма, которое к розыску явилось, от ней в стрелецкие полки не посылавано; а что те стрельцы говорят, что пришед к Москве было им звать её, царевну, по-прежнему в правительство, и то не по письму от нея, а знатно потому, что она с [7]190 (1682. — *И. К.*) года была в правительстве».

Доказательств Пётр не имел, да и при их наличии расправиться с членом царского дома было невозможно. Царь мог только распорядиться повесить нескольких стрельцов под окнами Новодевичьего монастыря — перед глазами царевны. Брат заставил её принять монашество — в октябре 1698 года Софья превратилась в инокиню Сусанну, монастырскую узницу под надзором сотни преображенцев. Охрана строго соблюдала наказ о её изоляции от родственниц-царевен: «Сёстрам, кроме Светлой недели и праздника Богородицына, который в июле живёт (28 июля — празднование иконы Смоленской Божией Матери, во имя которой основан монастырь. — *И. К.*), не ездить в монастырь в иные дни, кроме болезни. Со здоровьем посылать Степана Нарбекова, или сына его, или Матюшкиных; а иных, и баб и девок, не посылать; а о приезде братья письмо у князя Фёдора Юрьевича. А в праздники быв не оста-

ваться; а если останется — до другого праздника не выезжать и не пускать. А певчих в монастырь не пускать; поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют “спаси от бед”, а в паперти деньги на убийство дают».

Царь не ограничивал средства на прожитие сестры; например, в 1700 году на содержание инокини Сусанны было израсходовано 5144 рубля 15 алтын 3 $\frac{1}{2}$ деньги. Но жизнь в заточении и разлука с близкими сократили её дни. Перед смертью она приняла схиму под собственным именем. В соборном храме Новодевичьего монастыря на одной из гробниц начертано: «Лета от сотворения мира 7212, а от Рождества 1704 году июля в 3 день в понедельник на первом часу дни, на память святого мученика Иоакимфа и в пренесение мощей иже во святых отца нашего Филиппа митрополита Киевского и всея России, в тот день преставися раба Божия, блаженные памяти благоверного и благочестивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и блаженные памяти благоверныя и благочестивыя великия государыни царицы и великия княгини Марии Ильиничны дщерь их, великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, а тезоименитство её было сентября в 17 числе, а от рождения ей было 46 лет и 9 месяцев и 16 дней, во иноцех была 5 лет и 8 месяцев и 12 дней, а имя ей наречено Сусанна, а в схимонахинях преименовано имя ей прежнее София, и погребена в церкви Пресвятыя Богородицы Смоленския на сём месте июля в 4 день».

Глава четвёртая
ПРОЕКТ «РЕГУЛЯРНОЕ ГОСУДАРСТВО»

*...Явно из всех нынешних дел не всё
ль неволю сделано, и уже за многое
благодарение слышится, от чего уже
плод произошёл.*

Пётр I

Становление реформатора

Едва ли кто будет спорить с тем, что реформы Петра Великого означали для России смену эпох — конец Средневековья и начало Нового времени со всеми признаками модернизации — промышленным развитием, утверждением России в роли великой европейской державы, появлением современной светской культуры. Однако споры о значении его преобразований не случайно продолжают уже более двухсот лет. Они были не только масштабными, но и противоречивыми. Да и таким ли уж безоглядным явился разрыв с прошлым?

Всё начиналось как обычно — в палатах царского дворца, где последний сын Алексея Михайловича познакомился с букварём и «потешными» книжками с картинками, играл с деревянными конями и пушечками, стрелял из игрушечного лука. В десять лет мальчик оказался на престоле Московского государства и сразу же испытал страшное потрясение — на его глазах прямо во дворце стрельцы расправлялись со знатнейшими боярами, в том числе с его родственниками. С тех пор стрельцы, их русские кафтаны и бороды да и сама Москва стали для царя символом косной и жестокой старины, которую любой ценой надо преодолеть.

Произошло это не сразу. В 1680-х годах Пётр оставался всего лишь декоративным младшим царём, участвовавшим в парадных церемониях. Секретарь шведского посольства Кемпфер описал высочайшую аудиенцию в 1683 году (Петру тогда было 11 лет): «В приёмной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под святыми иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая

кровь играла в нём, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верящую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Пётр, не дал времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: “Его королевское величество, брат наш Карлус Свейский, по здорову ль?”» А ещё были долгие церковные службы, крестные ходы, именины, поездки по монастырям, едва ли доставлявшие мальчишке удовольствие, — в будущем он с явным отвращением относился к скучным официальным церемониям.

Вместе с матерью и её роднёй Нарышкиными Пётр был отодвинут на «задворки» — в подмосковное Преображенское. Конечно, его учили — читать, писать, зубрить тексты богослужбных книг, давали некоторые сведения по истории и географии. Царь умел и любил петь на клиросе, но, пожалуй, знал тогда меньше, чем его сёстры-царевны. До конца жизни он не умел грамотно и аккуратно писать (автор этих строк может утверждать, что не встречал в бумагах XVIII века почерка более неразборчивого, чем тот, которым государь делал заметки в своих записных книжках) и признавался, что правилами арифметики овладел лишь в 15 лет.

Властная сестра и её окружение не были заинтересованы в приобщении брата-соперника к государственным делам и не готовили его в государи. Можно полагать, что они даже не без злорадства смотрели на мальчика, которого увлекали военные игрушки и воспитывали не чинные бояре, а «улица». Пётр до конца жизни не отличался изысканностью манер, приводя в смущение утончённых наблюдателей.

«Стол был лишь на восемь кувертов, но умудрились положить двенадцать. Царь сидел во главе стола в ночном колпаке и без шейного платка, мы все ели в стороне от стола, на расстоянии полуфута; два солдата гвардии носили каждый своё блюдо, на котором не было положительно ничего, но по краям стояли глиняные тарелки с бульоном и куском мяса; каждый выбрал одну из этих мисок, по другую сторону от своей тарелки, так что расстояние до стола стало ещё больше, настолько, что для того, чтобы зачерпнуть бульону, надо было вытянуть руку, словно при фехтовании. Если, съев бульон, вы хотите ещё, вы без церемоний залезаете в миску соседа, как поступил его величество с миской своего канцлера. Адмирал галерного флота, сидевший напротив царя, не ис-

пытывал аппетита и развлекался тем, что грыз ногти. Вдруг пришёл какой-то человек и не поставил прямо, а бросил на стол шесть бутылок вина, как будто играл в биты. Царь взял одну и налил каждому из сотрапезников по стакану. Канцлер, рядом с которым меня посадили, заметив, что я ем мясо без соли, ибо единственная солонка стояла на другом конце стола, учтиво сказал мне: “Сударь, если вы хотите соли, надо её взять”. Чтобы не выглядеть неловким, я протянул руку перед носом у царя и взял соли на всю свою трапезу. Почти все миски опрокинулись на скатерть, как и вино, ибо бутылки были плохо закупорены. Когда посуду убрали, скатерть была вся в жире и вине.

Подали вторую перемену... Перемена состояла лишь из одного блюда: две телячьих вырезки и четыре цыплёнка. Его величество, заметив цыплёнка покрупнее, взял его рукой, провёл им у себя под носом и, сделав мне знак, что цыплёнок хороший, оказал мне милость, бросив его мне на тарелку. Блюдо всё время скользило с одного конца стола на другой, не встречая препятствий, ибо блюдо было только одно, а скатерть, покрытая жиром, облегчала его движение. Прибыл десерт: тарелка с тремя печеньями, какие делают в Спа. Наконец, все встали из-за стола, и царь, подойдя к окну, нашёл там пару жирных и ржавых нагарных щипцов, коими воспользовался, чтобы почистить себе ногти⁷.

Такова была обстановка будничного обеда Петра и его сподвижников 22 июня 1717 года в бельгийском городке Спа, увиденная глазами случайного гостя, каноника Льежского собора де ла Нэ. Почтенный священник был так потрясён простотой царского обихода, что только после обеда «осознал, что поел скоромного в пятницу!» С другой стороны, брюссельская газета «Релясьон Веритабль» 27 мая того же года поместила сообщение о том, что «царь... принимает ванну раз в день» — для тогдашней Европы и даже для Франции, где только что закончилось правление «короля-солнце» Людовика XIV, это, должно быть, выглядело настоящей сенсацией.

Но зато наперекор строгим нравам московского двора Пётр увлёкся военными играми, строительством судов, дружил с ремесленниками и военными из Немецкой слободы — в общем, интересовался совсем не царскими занятиями. То, что Пётр держался на равных с кораблестроителями, матросами, шкиперами, мастеровыми, в дальнейшем поражало современников и стало основой мифа о демократичном царе — плотнике и солдате. Вдали от дворца он завёл друзей-сверстников — своих будущих генералов, дипломатов и администраторов. Здесь из «потешных» солдат, набранных из спальников, конюхов, дворян, сокольников, выросли гвардейские Преображенский и Семёновский полки — элита будущей петровской армии.

Общение с миром Немецкой слободы вызвало у одарённого подростка желание учиться, овладеть непривычным для России мастерством. Гуляя вместе с голландским моряком Францем Тиммерманом в Измайлове, он заинтересовался старым ботиком, на котором можно было плавать против ветра. Спустя три с лишним десятка лет в предисловии к Морскому уставу (1720) Пётр не удержался от воспоминаний: «...на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и zelo любо стало. Потом когда я часто употреблял с ним и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил для чего так, он сказал, что уска вода, тогда я перевёз его на Просяной пруд». Потом было Плещеево озеро у Переславля-Залесского, а летом 1693 года — Архангельск и впервые увиденные настоящие морские корабли голландцев и англичан... На яхте «Святой Пётр» он присоединился к торговому каравану и далеко провожал его в море. С того времени мальчишеские игры стали незаметно перерастать в дело, жизнь Петра наполнилась постоянной учёбой и трудами ради великой цели — блага Отечества и подданных, как он его понимал.

Как полагалось, подростку царю приискали жену — ею стала красавица Евдокия Лопухина, по отзыву Б. И. Куракина, «принцесса лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом несходная к своему супругу». В 1690 году родился сын Алексей. Но напрасно «женишка Дунька» отправляла письма мужу-«лапушке» и ожидала ответа. Петра куда больше интересовали военные игры и морское дело, а по женской части теремная барышня не могла конкурировать с очаровательной немкой, дочерью виноторговца Анной Монс.

Вот только политика и рутина управления до поры не привлекали молодого государя. Переворот 1689 года, утвердивший власть Петра I, был, вопреки обычным представлениям, не победой молодого реформатора над косным боярством, а скорее консервативной реакцией на западническую и «латинофильскую» политику правительства Софьи. Не случайно его поддержал патриарх Иоаким, уже через несколько дней после победы Петра потребовавший высылки из России всех иноземцев. В своём завещании Иоаким умолял царя разорить «еретические» храмы и не допускать «общения в содружестве творити» с иноверцами. Но царь не оправдал надежд церковного руководства, и Церковь была вынуждена смириться с падением своей роли в политической жизни страны.

После победы над Софьей Пётр являлся скорее символом власти, чем реальным правителем, и занимался прежде всего любимыми «марсовыми и нептуновыми потехами». Все высшие посты были заняты его сторонниками и родственниками

Т. Н. Стрешневым, И. Б. Троекуровым, Л. К. Нарышкиным, Б. А. Голицыным и др.; прошло немало лет, прежде чем царь привёл к власти свою «команду» и на рубеже веков приступил к решительным преобразованиям. В 1691—1694 годах он почти не участвовал в управлении — проводил манёвры «потешных» войск, строил корабли на Плещеевом озере. Боевым крещением Петра стали Азовские походы (1695, 1696) против турок, в процессе которых участвовали первые военные корабли, а результатами стали выход в крохотное Азовское море и полученный опыт строительства порта Таганрога. Сам царь именно с этих событий отсчитывал время своей «службы» государству.

Пётр официально сохранил двоецарствие и обещал номинальному соправителю уважать его, как отца. Имя Ивана во всех документах ставилось на первое место. Сам же «старший» государь делами не интересовался — он лишь выполнял церемониальные обязанности, а остальное время посвящал постам и молитвам. Он скончался в январе 1696 года, немного не дожив до тридцати лет, и был погребён с торжественными почестями в Архангельском соборе. Династический кризис разрешился, но обозначилось и сопротивление новациям и проводившему их Петру, принципиально отвергавшему образ благочестивого русского царя.

В 1697 году с целью укрепления союза европейских стран против «салтана турецкого, хана крымского и всех бусурманских орд» в Москве готовилось Великое посольство. Среди волонтеров, ехавших за границу обучаться морской науке, под именем Петра Михайлова скрывался сам государь. Он хотел своими глазами увидеть приоткрывшийся ему в московской Немецкой слободе западный мир — деловой размах, океанскую торговлю, процветание наук и искусств.

Молодой царь и его окружение, не скованные рамками посольского этикета, могли знакомиться с разными сторонами жизни западноевропейского общества. Они общались с коронованными особами, министрами — и мастеровыми, торговцами, моряками, епископами, актрисами. Пётр с одинаковым интересом работал на верфи, посещал мануфактуры, монетные дворы, театры и больницы, повышал свою квалификацию в качестве кораблестроителя и артиллериста, сидел в портовых кабаках, наблюдал за публичными казнями и вскрытием покойников в анатомическом театре.

«Спальня, убранная голубой отделкой, и голубая кровать, обитая внутри светло-жёлтым шёлком, вся измарана и ободрана. Японский карниз кровати сломан. Индийское шёлковое стёганое одеяло и постельное бельё запятнаны и загрязнены.

Туалетный столик, обитый шёлком, сломан и изрезан. Стеной орехового дерева столик и рундук сломаны. Медная кочегра, пара щипцов, железная решётка, лопатка — частью сломаны, частью утрачены. Палевая кровать разломана на куски...» — в таком состоянии находился после пребывания царя особняк адмирала Бенбоу в английском Дептфорде, в парке с поломанными деревьями и истоптанным газоном. Но после неумеренного «веселья» Пётр вёл переговоры, наблюдал морские манёвры, обозревал Оксфордский университет, заглянул в парламент: «Царь московский, не выдавший ещё до тех пор собрания парламента, находился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно».

Письма Петра, передающие его впечатления от калейдоскопа событий и достопримечательностей, предельно скупы и сообщают только о делах и передвижениях: «Здесь, слава Богу, всё здорово, и работаем на Индейском дворе»; «Покупки, которые принадлежат к морскому каравану, от господина генерал-комисария искуплены, также и ружьё, которое принадлежит к конным и пешим полкам, искупают же. Что станет впредь чиниться, писать буду. Из Амстрадама, декабря в 1 день»; «...о железных мастерах многажды говорил Витцену» (тому самому бургомистру Амстердама Николаасу Витсену, который в 1666 году побывал в Москве в составе посольства Генеральных штатов); «мы третьего дни, слава Богу, возвратились из Англии все здорово и на будущей недели, Богу изволшу, поедем отсель в Вену. *Piter*».

Где-то здесь, в центре деловой, динамично развивавшейся Европы, Пётр решил внедрить в России западноевропейский стиль жизни, как можно скорее перенять всё необходимое наперекор традициям старого уклада. При этом московский царь воспринял западный мир как сложную машину, набор технических приёмов и форм, которые надо было как можно скорее использовать дома.

К тому времени в интеллектуальных кругах Европы уже утвердилась благодаря сочинениям мыслителей XVII — начала XVIII века Гуго Гроция, Томаса Гоббса, Самуэля Пуфендорфа, Джона Локка идея нового светского государства, естественного права как совокупности принципов, прав и ценностей, продиктованных природой человека и в силу этого независимых от конкретных социальных условий и государства, разрушавшая традиционное средневековое представление о божественном происхождении власти. Эта идея легла в основу теории «общественного договора», согласно которой государство возникло в процессе сознательного творчества свободных людей и явилось результатом договора: они добровольно передали

органам власти часть своей свободы взамен на обязательство обеспечивать их безопасность, права и собственность.

Переосмысление сущности государства неизбежно заставляло задуматься о наиболее действенных способах управления с целью достижения «общего блага». В XVII столетии утвердился камерализм — учение об управлении государством, во многом предвосхитившее современную науку администрирования, охватывавшее важнейшие сферы жизни общества — финансы, государственное хозяйство, полицию (не просто органы охраны порядка, а единую систему государственного контроля и управления жизнью общества). Такое управление предполагало наличие отраслевых учреждений с чётко регламентированной компетенцией каждого и распространением их власти на всю территорию страны и все категории населения. Устройство этих учреждений и деятельность каждого отдельного чиновника должны были быть единообразными и строго регламентированными. Таким образом, вся система государственного управления представляла бы собой рационально организованный механизм, эффективность работы которого обеспечивалась законами и строгим контролем. При этом, поскольку целью государства объявлялось «общее благо», служить ему обязаны были не только чиновники, но вообще все подданные, чья жизнь от рождения до гроба тоже должна была подвергаться регламентации. Для этого требовалось создать новые законы, регулирующие не только общественную, но и частную жизнь подданных, не отменяя при этом словесных рамок, поскольку той эпохе была чужда идея равенства прав. В этой концепции не было места человеку как обладающей определёнными правами личности — он воспринимался лишь как составная часть государства, его слуга, обязанный трудиться на «общее благо».

Эти мысли пришли по душе рационально мыслившему царю-мастеровому, главной заботой которого было могущество государства — движущей силы общественного прогресса, залога благосостояния подданных. Правда, из трудов европейских мыслителей логически вытекало, что и высшая власть должна нести ответственность за ненадлежащее исполнение условий «общественного договора», а отсюда недалеко было до мысли о том, что в случае злоупотребления властью договор с правителем может быть расторгнут.

Но Пётр философем не был, а подобные перспективы для России вполне справедливо не принимал во внимание: иных «форм правления» русские мужики себе не представляли. Поэтому русский царь вполне мог, как рассказывает один из исторических анекдотов, без оглядки на последствия для себя

одобрять деятельность английского парламента: «Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно». Он и сам готов был слушать правду, оставаясь при этом самодержцем, перед которым все подданные равны. Простота обихода, демократизм в общении с людьми самого разного положения, даже пренебрежение традицией лишь сильнее оттеняли его право наставлять их «яко детей» и требовать беспрекословного послушания.

«Пётр Великий, беседа в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: “Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы. Полезное слушать рад я и от последняго подданного; руки, ноги, язык не скованы. Доступ до меня свободен — лишь бы не отягощали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру”»⁸.

Пётр провозглашал принципы «разума» и «порядка», по которым должны строиться политика государства и жизнь его обитателей, но не представлял себе иного способа установления этого порядка, нежели по его воле. Он, природный, разумный и просвещённый государь, знает, что нужно народу; недовольные и ослушники есть «злодеи мои и отечеству». Не случайно он почитал Ивана Грозного: «Сей государь есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел ещё в том столь далеко, как он».

Свою ответственность царь понимал иначе, чем создатели теории «общественного договора»: он считал, что должен быть примером для подданных, и до конца жизни демонстрировал служение интересам государства, при исполнении воинского долга пройдя все ступени служебной лестницы от простого бомбардира до генерала и вице-адмирала с соответствующим жалованьем, получая которое говорил окружавшим: «Сии деньги — собственные мои. Я их заслужил и употреблять могу по произволу. Но с государственными доходами поступать надлежит осторожно: об них должен я дать отчёт Богу».

Этому служению он подчинил и личную жизнь, не щадя ни себя, ни близких и требуя того же от других. Когда в 1716 году

царь в Копенгагене не смог повидать поутру своего союзника — датского короля Фредерика IV (тот проводил время с любовницей), он сделал царственному «брату» замечание, а услышав в ответ, что он и сам имеет «метресс», возразил: «Мои шлюхи мне ничего не стоят. Но та, что содержите вы, обходится вам в тысячи риксталеров, которые вы могли бы потратить с гораздо большей пользой».

Юношеские впечатления от заморской «вольности» у Петра остались надолго, но мог ли он понять основы качественно иного мироустройства, социальной структуры, отношений власти и подданных? Едва ли... И всё же он пошёл на разрыв с «московской» традицией и утверждал новую культуру, основанную на иной знаковой системе. Образцом объявлялось не восточное благочестие, а культурный уклад Западной Европы; бороду надо было менять на парик, русский язык — на немецкий. Не случайно впоследствии царь приказал поставить аллегорические статуи «каменных девок» в петербургском Летнем саду — античная мифология («еллинская ересь») стала официальным средством эстетического воспитания. Царь был глубоко убеждён в своём праве вводить любые новшества и «перемены обычаев». Вспомним и о том, что к московской старине у него был личный счёт.

Восстание стрельцов в 1698 году заставило Петра прервать заграничное турне и поспешить в Россию. По его приказу в Преображенском были построены 14 пыточных камер, где два приказных дьяка и восемь подьячих параллельно вели допросы и происходили пытки. 30 сентября на Красной площади Пётр принял участие в первой массовой казни участников Стрелецкого бунта. Государь при огромном стечении народа взял лично рубить головы приговорённым; причём его свита была обязана принять участие; избежать его смогли лишь иностранцы, отговорившиеся боязнью снискать ненависть русского народа. С сентября 1698 года по февраль 1699-го были казнены 1182 стрельца — почти треть привлечённых к следствию; более шестисот человек отправлены в ссылку в Сибирь, ещё две тысячи переведены из столицы в провинциальные полки.

Реформы набирали темп: уже на следующий день после прибытия из-за границы царь лично резал бороды потрясённым боярам, потом стал укорачивать рукава и приказал «всем служилым, приказным и торговым людям» носить иноземное платье. Указами вводилось новое летосчисление — от Рождества Христова — вместо старого, от Сотворения мира. Началось формирование новой армии по иноземным образцам. Реформа 1699 года лишила воевод судебной власти над горожанами, которые получили право выбирать свои органы — «бурмистер-

ские избы» (правда, за милость надо было платить двойные подати). Началась подготовка нового свода законов.

Впоследствии Пётр через полицейские органы приказывал собираться на ассамблеи и лично обучал придворных хорошим манерам: «Не разувая, с сапогами и башмаками, не ложиться на постели». Он вносил изменения в алфавит, редактировал первую газету «Ведомости», покупал за границей статуи и картины, приказывал кормить и поить посетителей Кунсткамеры и раздавать даром нераспроданные учебные книги — лишь бы читали. Использовались и более привычные средства — грозные указы и суровые наказания, от которых школяры укрывались в монастырях и даже убежали в Сибирь.

Петровские реформы заложили тот фундамент, без которого не мог бы впоследствии появиться тип европейски образованного интеллигентного человека и гражданина — главное культурное достижение XVIII века. Началась работа по изучению природных богатств страны; в путь отправились экспедиции Даниеля Мессершмидта в Сибирь и Витуса Беринга на Камчатку. Государство финансировало экспедиции и школы. В 1724 году Пётр утвердил проект создания Академии наук, которая должна была совмещать функции учёного сообщества, университета и гимназии. Академия наук, Кунсткамера, типографии были казёнными учреждениями. За границу посылались «пенсионеры» для изучения не только кораблестроения и навигации, но и «изящных искусств»; в их числе были будущие крупнейшие художники петровского времени Иван Никитин и Андрей Матвеев, архитекторы Пётр Еропкин и Иван Коробов. На смену церковной литературе пришли отечественные и переводные учебники по математике, механике, географии, фортификации; руководства по составлению писем («письмовники») и приобретению светских навыков («Юности честное зеркало»). В круг чтения людей той эпохи вошли сочинения античных авторов Квинта Курция, Юлия Цезаря, Иосифа Флавия и занимательно-авантюрные повести о храбрых, благородных и галантных героях («Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «О Александре российском дворянине»).

«Регулярство» по-русски

Масштаб преобразований был огромен. Но такой же масштабной была и личность молодого царя. По единодушному мнению современников, Пётр I обладал неувядающей энергией, «необыкновенной любознательностью», целеустремленностью и практическим расчётом, умел разбираться в людях. Не

многим правителям удавалось собрать вокруг себя столько на всё способных помощников. Двухметрового роста, жилистый и выносливый, хотя и часто болевший, государь не знал и не желал покоя. Он вставал в пять часов утра, работал по 14 часов в сутки. Не любя формальностей, он указывал приближённым не употреблять в деловых бумагах полагающегося обращения «премилостивейший великий государь царь Пётр Алексеевич»: «На подписях, пожалуй, пишите просто, так же в письмах, без “великого”». Речь царя была образной и живой — многие его формулировки и резолюции воспринимаются как афоризмы: «Деньги суть артериею войны»; «Знатное дворянство по годности считать»; «Бояться пульки — не итить в салдаты, или кому деньги дороже чести — тот оставь службу».

Большую часть жизни Пётр провёл в поездках, останавливаясь не в особняках, а в крестьянских избах и походном шатре; мог с одинаковым аппетитом закусить и за королевским столом, и в придорожном трактире. Солдат Никита Кашин описал повседневный обиход царя:

«В летнее и осеннее время по... улицам ходит пешком, летом в кафтане, на голове картуз чёрный бархатный, а в осень в сюртуке суконном серонемецком, в шапке белой овчинной калмыцкой на выворот; и ежели идуши противу его величества, сняв шапку или шляпу, поклонится и, не останавливаясь, пройдёт, а ежели остановится, то тотчас придёт к тебе и возьмёт за кафтан и спросит: “Что ты?” И ответ получит от идущего, что для его чести остановился, то рукою по голове ударит и при том скажет: “Не останавливайся, иди, куда идёшь!”...»

Кушал его величество очень мало и жаловал, чтоб было горячее, и кухня была во дворце об стену его столовой, и в стене было окошко, из которого подавали кушанье, а церемониальных столов во дворце не было. И после обеда отъезжал на яхту, поставленную у дворца на Неве почивать, и караул стоял около яхты, чтоб никто не ездил; а после почиванья для прогуливания ездил на Петербургский остров, ходил на Гостином дворе, торговал товары, но не преминет и кренделей купить и квасу выпить, всё смотрел, чтоб порядочно было. В великих трудах и в путешествиях не имел скуки, не охраняя своего здоровья, но ревнуя своей России, чтоб её сделать славною и непобедимою от прочих наций. И не можно того думать, чтоб великий и неустрашимый герой боялся так малой гадины — тараканов; и наперёд его едущего кулиеры бежали и где надлежит быть станции, осматривали, нет ли в избе тараканов, и по крайней возможности таких изб обыскать не можно, то по дорогам ставили избы нарочные для охранения от сей гадины»⁹.

Пётр не любил дворцовых залов и официальных приёмов — во время визита в Париж он отказался от роскошных апартаментов в Лувре и едва прикоснулся к королевскому угощению, попросив хлеба, репы и пару стаканов пива, — зато жадно стремился узнать что-нибудь полезное: «В 30 день перед полуднем его царское величество был в арсеналах и в королевских домах, и где льют медные всякие статуи, и в Аптекарском огороде, и в других огородах, и в Аптекарском доме, где смотрел анатомических вещей». Представление о том, какая обстановка ему нравилась, могут дать скромные комнаты сохранившегося Летнего дворца и остатки Зимнего дворца (в стенах нынешнего Эрмитажного театра), похожие на жилища солидных амстердамских бюргеров. Он и в живописи предпочитал голландскую школу и только скульптуры для дворцов и садов отбирал античные или итальянские. Впрочем, в произведениях искусства Пётр видел прежде всего предметы декора или наглядные пособия, что не мешало ему приобретать картины и статуи во время длительных путешествий по Европе. «Голландские» вкусы Петра отразились и на облике его любимого детища — Петербурга, с самого начала строившегося «регулярным» городом, в котором на смену узким улицам, сбегавшимся к кремлю или соборной площади, пришла военная чёткость линий широких проспектов и каналов. Он участвовал в разработке архитектурных планов новой столицы, сам руководил застройкой, вникал во все мелочи, включая установку скамеек и посадку деревьев.

Ежедневно из-под его пера выходило около десятка указов. Отдыхать он не умел — вместо этого менял занятие. Пётр, первый в отечественной истории царь-«технар», гордился тем, что владел десятком профессий; он был не только матросом и плотником, но и артиллеристом, капитаном, инженером-кораблестроителем — в начале XVIII века не было специальностей с более высоким техническим уровнем, чем эти. Он мог работать токарем, часовщиком, каменщиком и даже врачом. Царь носил с собой набор зубоврачебных инструментов и любил пускать их в дело, чем вызывал ужас у своего окружения. К отвлечённым же знаниям вроде философии или богословия он был равнодушен — до той поры, пока это не касалось государственных интересов.

Разносторонняя образованность и горячая любовь к Отечеству сочетались в нём с жестокостью и пренебрежением к человеческой личности. Ни в чём не терпевший непрофессионализма, Пётр мог указать палачам на погрешности в их работе («ноздри вынуты малознатно») или порадовать флорентийского герцога экзотическим подарком — шестью привезёнными

ми из тундры «самоедами» (ненцами) «подурнее рожием». Он умел утешать друзей в их несчастьях — и не считался с человеческими потерями в своих начинаниях.

Русский царь личным примером учил соблюдать светские приличия — и рубить головы восставшим стрельцам, а в гневе был способен даже на убийство. Во время нервных припадков «лицо его было чрезвычайно бледно, искажено и уродливо; он делал различные странные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями».

Колоссальное напряжение Пётр снимал, расслабляясь в своей «компании», куда входили русские и иностранцы, люди разного звания и положения: бояре и выходцы из рядовых служилых родов, военные, корабельные мастера, священники. В 1697 году царских приближённых насчитывалось уже свыше ста человек, среди которых были его ближайшие сподвижники А. Д. Меншиков, Ф. Я. Лефорт, Ф. А. Головин, Я. В. Брюс, Ф. М. Апраксин, Б. А. Голицын, Ф. Ю. Ромодановский, представители старой знати Т. Н. Стрешнев, И. А. Мусин-Пушкин, М. П. Гагарин, Ф. И. Троекуров, И. И. Бутурлин, Ю. Ф. Шаховской и незнатные «приятели». Из них составила шуточная иерархия, получившая название «Всепьянейший, всешутейший и сумасброднейший собор», где сам Пётр занимал должность протодьякона под неприличным именем Пахом Пихай-хуй. Современники по-разному объясняли смысл существования этой странной «коллегии»: одни считали, что царь спаивал гостей, чтобы выведать у них нужные сведения; другие полагали, что собор служил поучительным примером для сановников с целью отвратить их от пьянства; третьи видели в соборе только необычную для московского двора форму развлечения, отдыха от воинских и государственных дел.

Сопровождавший заседания собора разгул, вроде придуманной самим Петром церемонии поставления в 1718 году нового «князь-папы», бросал вызов освящённой веками старине:

«Пред ним несли две фляги, наполненные вином пьянственнейшим... и два блюда — едино с огурцами, другое с капустою... Оный же поставляющий ещё вопрошал: “Какое содержиши закон Бахусов и во оном подвизаешься?” Поставляемый отвещевал: “Ей, орла подражательный и всепьянейший отче! Востав поутру, ещё тме сушей и свету едва являющуся, а иногда и о полунощи, слив две или три чарки, изпиваю и, продолжающуся времени, не [в]туне оное, но сим же образом препровождаю; егда же придёт время обеда, пью по чашке немалой, также переменяющимся брашном всякой непуст препровождаю, но каждой ряд разными питьями — паче же вином, яко лутчим и любезнейшим Бахусо-

вым, — чрево своё, яко бочку, добре наполняю, так что иногда и ядем, мимо рта моего носимым от дражания моего десницы и предстоящей во очесах моих мгле. И тако всегда творю и учити мне врученных обещаюс, инако же мудрствующия отвергаю и яко чужды творю, и ебиматствую всех пьяноборцев, но яко же иерех творити обещаюс до окончания моей жизни с помощью отца нашего Бахуса; в нём же живём, а иногда и с места не движимся, и есть ли мы или нет — не ведаем; еже желаю тебе, отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь»¹⁰.

Прочие подробности таких празднеств, полагал дипломат и мемуарист Б. И. Куракин, можно описать лишь «в терминах таких, о которых запотребно находим не распространять, но кратко скажем — к пьянству, и к блюду, и к всяким дебошам». Такая «демократизация» повседневного обихода едва ли могла облагородить и без того не слишком изысканные нравы. Если отец Петра царь Алексей Михайлович лишь в редких случаях позволял себе подшутить над своими боярами (в 1674 году «жаловал духовника, бояр и дьяков думных, напоил их всех пьяными»), то сам он уже превратил свои развлечения в демонстративные. Неуёмный государь систематически понуждал двор, военачальников и статских чиновников к публичному и порой подневольному веселью. Важные события отмечались «ударными вахтами» вроде восьмидневного беспрерывного маскарада в честь заключённого в Ништадте мира со шведами. Тогда гостеприимный государь становился страшен для своих гостей, которых приказывал поголовно (включая дам, архиереев и дипломатов) поить до бесчувствия. Уклониться было невозможно — датский посол и бывалый морской волк командор Юст Юль не смог избежать угощения, даже забравшись на корабельную мачту: «[Пётр] полез за мною сам на фокванты, держа в зубах тот стакан (от которого я только что спасся), уселся рядом со мною, и там, где я рассчитывал найти полную безопасность, мне пришлось выпить не только стакан, принесённый [самим царём], но ещё и четыре других стакана».

Трудно сказать, как пошло бы развитие страны, не начнись тяжелейшая Северная война с одной из великих держав Европы, обладавшей 180-тысячной армией и мощным флотом. Но к этой войне Пётр сознательно и последовательно стремился — во-первых, потому что прорыв в Европу был невозможен, пока Швеция господствовала в водах и на берегах Балтики; во-вторых, царь был молод, нетерпелив, жаждал побед и славы. В это время окончательно сложились его политические взгляды. В ходе «троевременной школы», как называл царь

Северную войну, он создавал задуманное им регулярное государство. Модернизация Московского царства шла стремительно, но Россия не стала похожей на Голландию.

В 1708—1718 годах были намечены контуры нового государственного аппарата. Высшим органом управления стал основанный в 1711 году Сенат, которому подчинялись образованные в 1719—1721 годах коллегии. К этой реформе царь готовился заблаговременно. Начиная с 1712 года чиновники и дипломаты получали указания собирать и изучать «права других государств»: законодательство Австрии, Дании и даже Швеции. Для работы в коллегиях пришлось привлекать иностранцев — чехов, англичан, мекленбургских, саксонских, эстляндских, лифляндских «немчин» и пленных шведов.

Пётр верил, что «лучшее устройство через советы бывает», и потому требовал коллегиального обсуждения и решения дел. Новая система управления имела ряд преимуществ по сравнению с приказной: чёткое разделение сфер компетенции, действие на всей территории страны, единообразие устройства. Впервые закон устанавливал продолжительность рабочего дня чиновников, круг их обязанностей, размер жалованья и даже отпуска; вводилась обязательная присяга и единые правила делопроизводства. Всё это определялось подробными уставами и регламентами, многие из которых сочинил сам царь.

Россия была разделена на губернии (1708), которые, в свою очередь, делились (1719—1720) на провинции, ставшие основными административно-территориальными единицами. Провинции состояли из округов-«дистриктов» во главе с земскими комиссарами, избираемыми местным дворянством. При провинциальном воеводе появились ответственный за сбор налогов камерир, ландбухгалтер, рентмейстер (казначей), ландрихтер (судья), конторы рекрутских и розыскных дел и другие учреждения и должности, подчинённые соответствующим коллегиям; так Пётр пытался создать местные ведомства центральных учреждений. Впервые в истории страны он попробовал отделить суд от администрации — создал систему местных судов, подчинявшихся Юстиц-коллегии и высшей инстанции — Сенату. Для такой работы требовались квалифицированные кадры, которых в России катастрофически не хватало; вакансии заполнялись в основном отставными военными.

Вводя шведскую модель центрального управления, Пётр сознательно отказался от шведского же устройства местного самоуправления — приходо-кирхшпилей, управляемых кирхшпильфогтом вместе с пастором и крестьянскими представителями: «...ис крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указом

из городов, а не от церквей, к тому ж и в уездах ис крестьянства умных людей нет».

Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик (это он собирал в Швеции сведения для коллежской реформы) представил Петру проект регламента Главного магистрата, предполагавший введение в России настоящего городского самоуправления — магистратов с координацией их деятельности Главным магистратом. Но Пётр и здесь пошёл своим путём: в городах появились (1721—1724) магистраты с избираемыми советниками-«ратманами» и бургомистрами; однако вследствие слабости российского купечества они не были реальными органами управления, подобными западноевропейским, а выполняли главным образом полицейские обязанности: выявляли пришлых людей без «покормёжных писем», выдавали паспорта, организовывали полицейские наряды во главе с десятскими и сотскими, искореняли «праздных и гулящих», «понуждая» их «к каким возможно художествам и ремёслам или работам».

У этого «самоуправления» не было реальных, гарантированных законом источников доходов, что делало невозможным развитие местной экономики и инфраструктуры — поддержку мануфактур и промыслов, развитие «художеств» и торгов, учреждение бирж, ярмарок, школ, богаделен, обеспечение пожарного «охранения», чистоты улиц и ремонта мостов. Прибывший в город со своим отрядом офицер или местный воевода мог отдавать приказания бесправному «бурмистру», а то и поколотить его. Закон предписывал магистратам прежде всего собирать «положенные с них (городских жителей. — *И. К.*) доходы»; к тому же это «самоуправление» было поставлено под контроль бюрократического «министерства городов» — Главного магистрата.

В систему новых учреждений была включена и Церковь, ещё сохранявшая некоторую автономию. В 1721 году патриаршество было упразднено, высшим церковным учреждением стал Святейший синод — «духовная коллегия» из епископов и других священнослужителей, в котором руководящая роль принадлежала сторонникам реформ архиереям Феофану Прокоповичу и Феоodosию Яновскому и назначенному царём чиновнику — обер-прокурору. Как и прочие служащие, члены Синода получали жалованье и приносили присягу. Пётр I провозгласил себя «крайним судьей духовной сей коллегии» и принял титул «Отец Отечества». В глазах традиционно мыслящих подданных это был разрыв с древнерусской традицией: получалось, что православный, но светский государь сам себя назначил главой Церкви.

Царь не был атеистом, но в его представлении «духовный чин» должен был под государственным контролем трудиться на «общее благо» так же, как и прочие подданные. В своих указах Пётр обвинял монахов в туеядстве и утверждал, что люди «бегут в монастыри от податей, а также от лени, дабы даром хлеб есть». Похоже, он считал недопустимым, чтобы в его государстве были люди с другими жизненными ценностями и идеалами.

Составленный Прокоповичем по царскому указанию «Духовный регламент» объяснял причины ликвидации патриаршества: «...простой народ не ведаёт, как различается власть духовная от самодержавной, но великой высочайшего пастыря честию и славой удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство... Так простые сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего, как на верховного пастыря в коем-либо деле смотрят. И когда услышится некая между ними распря, все духовному больше, нежели мирскому правителю, слепо и прелезунно повинуются и за него поборствовать и бунтовать дерзают».

Отныне Церковь стала использоваться светской властью для пропаганды и контроля за подданными. Храмы и монастыри получили утверждённые штаты и должны были устраивать за свой счёт богадельни для отставных солдат. «Духовный регламент» предписывал церковникам доносить об открытых на исповеди политических преступлениях. Приходским священникам вменялось в обязанность каждый недельный праздник после литургии зачитывать вслух воеводские «публикации»; от них «под лишением священства и под политическою смертью» требовали подавать «подтвердительные сказки» об отсутствии в их приходах беглых, а в случае появления таких доносить властям.

Не случайно многие церковники стали противниками петровских новаций, и царь не без оснований утверждал: «Многому злу корень старцы да попы; отец мой имел дело с одним бородачом (Никоном. — *И. К.*), а я с тысячами». Пётр и его главный идеолог Феофан Прокопович не допускали мысли о какой-либо самостоятельности Церкви, видя в ней посползновение на верховную власть: «Се тёрн! Жало змеиное, папешский се дух! Священство бо иное дело, иной чин есть в народе, а не иное государство».

Созданный в первой четверти XVIII века мощный механизм власти помог мобилизовать силы страны, в кратчайший срок создать современную промышленность, выиграть тяже-

лейшую войну, заложить основы светского образования, внедрить ряд культурных инноваций и европеизированный образ жизни. При этом масштабная модернизация не была безоглядным разрывом с прошлым, как бы ни хотелось этого самому Петру.

Успех преобразований во многом был обусловлен как раз тем, что реформы царь велел приравнивать к местным условиям — «спускать с русскими обычаями», прежде всего с повышенной ролью государства во всех сферах общественной жизни и «служебным» характером отношений всех социальных слоёв с властью. В результате западноевропейские «образцы», пересаженные на русскую почву, приобретали местные черты.

Наиболее зрелым плодом Петровских реформ стала регулярная — единообразно устроенная, обмундированная, вооружённая и обученная — армия. Её победы сделали Россию великой державой: в 1720 году страна имела выставить 79 тысяч штыков пехоты и 42 тысячи сабель кавалерии, мощную артиллерию и инженерные части. В крепостях стояли гарнизонные полки; южные границы охранялись ландмилицией — территориальными командами, набиравшимися из тамошних мелких служилых людей — «однодворцев». Помимо регулярных войск, имелись полки казаков, татар, башкир, численность которых достигала 40—70 тысяч всадников. Российский флот стал сильнейшим на Балтике: в завершающую кампанию Северной войны Швеция могла вывести в море только 11 линейных кораблей, а Россия — 30, оснащённых двумя тысячами пушек, с десятью тысячами матросов и солдат на борту.

В новой армии утвердился рекрутский, а не наёмный, как в большинстве европейских стран, порядок комплектования. Прибывшие в полк мужики включались не только в воинские подразделения (батальоны и роты), но и в привычные для них формы организации — солдатские артели с круговой порукой. Этот перенос в армию привычного для крестьян жизненного уклада делал её социально и национально однородной. Вместе с солдатами пожизненную службу несли дворяне-офицеры — так же, как их предки-помещики в XVI—XVII веках. Сохраняя бессрочную службу, петровская европеизация не давала «шляхетству» гарантий освобождения от телесных наказаний и регламентации личной жизни.

Армия играла всевозрастающую роль во внутренней жизни страны, выполняя разнообразные административные и полицейские функции. Командир размещённого на «вечные квартиры» полка контролировал начальника дистрикта — выборного из дворянства земского комиссара. Воинские части занимались сбором податей и поимкой беглых крестьян.

С первых же дней новобранцу внушали: «...он уже не крестьянин, а солдат, который именем и чином своим от всех его прежних званий преимуществен, отличается от них неоспоримо честью и славою». Вчерашний «подлый мужик», а теперь рекрут исключался из подушного оклада и переставал быть крепостным. Дети, рождённые во время его службы, причислялись к военному ведомству и должны были поступать в гарнизонные школы. Грамотные солдаты встречались редко; к примеру, во Владимирском пехотном полку в 1720 году среди сержантов, капралов и рядовых их было 36 человек — всего три процента личного состава. Но такой молодец мог рассчитывать на завидную должность писаря или быстрое повышение. Крестьянский парень становился «государевым слугой» и в эпоху постоянных войн мог дослужиться до унтера и даже, если повезёт, до обер-офицера. Табель о рангах (1722) открывала дорогу к получению дворянского звания; таким путём «вышла в люди» примерно четверть пехотных офицеров петровской армии, и даже среди командного состава насчитывалось до 14 процентов выходцев из податных сословий. Теперь армия воспитывала чувство личной (а не родовой, как прежде) заслуженной чести, уважаемой государством и обществом. «Никакое воздаяние так людей не приводит к добру, как любление чести, и никакая казнь так не страшит, как лишение оной», — гласил петровский Морской устав.

Пётр был убеждён в том, что его армия — наиболее совершенный механизм управления, и стремился распространить армейские порядки на всё государственное устройство. Военский устав был принят как образец для гражданских учреждений и служащих. Должностные преступления чиновников были приравнены к измене, большинство из них каралось смертной казнью.

Царь желал, чтобы все дворяне прошли школу государственной службы — если не в полках, то по крайней мере в гражданских канцеляриях. Указ о единонаследии (1714) предписывал не дробить дворянские имения, а передавать их только одному из сыновей; безземельные наследники должны были поступать на службу. Этот же закон ликвидировал разницу между поместьем и вотчиной, но одновременно предписывал «не продавать и не закладывать» дворянские земли, за исключением «крайней нужды», то есть ограничивал дворянское право распоряжения своим имением. Другие указы не позволяли безграмотным недорослям жениться, не разрешали производить в офицеры не служивших рядовыми в гвардейских полках, запрещали таким дворянам покупать земли и крестьян. Власть требовала от дворян тяжёлой повседневной служ-

бы, при этом государственное налогообложение в 8—10 раз превышало величину повинностей крепостных в пользу барина.

Образование и «европейский» образ жизни были доступны лишь владельцам более сотни душ. Основная же масса дворян (90 процентов) была мелкопоместной и имела до ста душ, а 60 процентов из них — до двадцати душ. Их имения совсем не были похожи на барские усадьбы пушкинской поры с парками и библиотеками. Дворяне первой половины XVIII века свои «университеты» проходили в походах и баталиях, на воеводской и канцелярской службе, где тянуть лямку приходилось до глубокой старости.

Но и законное «недвижимое имение» в любой момент могло быть отобрано без суда — в языке эпохи отсутствовало само понятие «собственность». В первой четверти XVIII века, по неполным данным, земли были конфискованы у трёх тысяч дворян — за проступки и злоупотребления, например за обычное «огурство» — неявку на службу.

При помощи указов и инструкций царь стремился регламентировать даже личную жизнь и чувства. Замечательный исследователь эпохи М. М. Богословский сформулировал тогдашние представления об идеальном подданном: «...Он должен был жить не иначе как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указном месте лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки». «Отеческий» надзор должен был исключить самую возможность существования сколько-нибудь независимой от государства сферы человеческого поведения. Основным же инструментом для устройства «регулярной» жизни россиян Пётр считал созданную им полицию. В регламенте Главного магистрата содержится настоящий гимн полиции как движущей силе общественного развития:

«...Оная споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравочении, всем безопасность подаёт от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домостроителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всё потребном жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах и все явные прегрешения, призира-

ет нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных наука; вкратце ж над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»¹¹.

Модернизация государственного механизма привела к увеличению числа чиновников. В 1715 году в центральном аппарате было 1396 подъячих, а в 1721-м — уже 3101; на местах появились коменданты, вальдмейстеры, провиантмейстеры, комиссары. Новая система учреждений вызвала к жизни новый — бюрократический — принцип работы взамен старого служебно-родового: любой чиновник независимо от происхождения и статуса мог быть сменён или назначен на должность по усмотрению начальства.

Отныне продвижение по службе, включая получение дворянского звания, определялось личными заслугами, усердием и опытом. Новый порядок был закреплён Табелью о рангах — «лестницей» из четырнадцати основных классов гражданской, военной, морской и придворной службы. Табель о рангах облегчала карьеру неродовитым дворянам, а выходцам из «подлых сословий» давала возможность получить потомственное дворянство (в XVIII веке — по достижении чина VIII класса). Этот закон просуществовал с некоторыми изменениями до 1917 года. Дополнительными «пряниками» для служащих стали представление к орденам (до 1826 года означало получение потомственного дворянства) и пожалование титулами — баронскими, графскими и даже княжескими, на что отныне могли претендовать даже лица «никакой породы».

Реформы сделали общество более мобильным. Царь обладал умением выбирать толковых помощников; его «птенцы» быстро приобретали опыт и делали стремительную карьеру. Будущий кабинет-министр Анны Иоанновны Артемий Волынский в 15 лет начал служить солдатом, в 27 — был полномочным послом в Иране, в 30 — полковником и астраханским губернатором. Поступивший на русскую службу бедный немецкий студент Генрих Остерман благодаря своим способностям и знанию языков в 25 лет стал уже тайным секретарём Посольской канцелярии, а в 40 — вице-канцлером и фактическим руководителем внешней политики России.

Для контроля над растущей администрацией Пётр I создал (1711) государственную корпорацию доносителей-фискалов (по одному-два человека в каждом городе), обязанных «над всеми делами тайно надсматривать и проводывать» и доносить в центр обер-фискалу о замеченных должностных преступле-

ниях. Церковные власти контролировались духовными фискалами — «инквизиторами». Но 500 человек на всю Россию явно не покрывали потребности власти. В 1722 году тайный надзор был дополнен явным — прокуратурой. Первым генерал-прокурором Сената стал Павел Иванович Ягужинский — «наше око и стряпчий о делах государевых», как называл его Пётр. Ему подчинялись прокуроры коллегий и надворных судов в провинции, имевшие право вмешиваться в деятельность всех учреждений и требовать пересмотра в случае нарушения закона.

Жизненной школой для большинства деятелей той эпохи послужила гвардия. Петровские гвардейцы выполняли самые разные поручения: формировали новые полки, проводили первую перепись, назначались посланниками, ревизорами и следователями по особо важным делам. Простой сержант или поручик являлся в провинцию (для набора рекрутов, следствия или «понуждения губернаторов и прочих правителей в сборе всяких денежных сборов»), делал выговор губернатору в генеральском чине, а тот был вынужден оправдываться и исполнять указания, ибо знал, что через пару недель царский посланец будет лично докладывать ему о здешних делах и может повлиять на карьеру куда более знатного администратора.

Многим гвардейцам, находившимся «на баталиях и в прочих воинских потребах безотлучно», только личная храбрость, исполнительность и усердие позволили сделать карьеру. Сиротой из бедных новгородских дворян (на четверых братьев — один крепостной) начал в 1704 году службу солдатом-добровольцем Преображенского полка Андрей Иванович Ушаков — и через десять лет стал майором гвардии и доверенным лицом царя по производству «розысков». Проявлением доверия к гвардейцам стало включение в число судей над царевичем Алексеем двадцати четырёх офицеров Преображенского полка: рядом с вельможами подпись под приговором сыну государя поставил прапорщик Дорофей Ивашкин.

Другим рычагом проведения реформ стали Преображенский приказ в Москве и Тайная канцелярия в Петербурге — органы политического сыска, впервые выделившиеся при Петре в самостоятельное ведомство, пресекавшее все попытки сопротивления правительственному курсу. Главный судья Преображенского приказа, жестокий, но честный и неподкупный «князь-кесарь» Фёдор Юрьевич Ромодановский даже замещал царя во время отъездов, коротко и ясно сообщая ему о своей деятельности: «Беспрестанно в кровях омываемся». Процедура следствия по политическим делам заканчивалась массовыми расправами: в 1698 году после подавления выступления стрель-

цов был казнён 1091 человек; из пятисот привлечённых по делу о восстании в Астрахани (1706) 365 человек были приговорены к повешению, отсечению головы, колесованию.

Контроль «сверху» Пётр дополнял наблюдением «снизу». В 1713 году государь впервые обязался лично принимать и рассматривать доносы и призвал подданных «без всякого б опасения приезжать и объявлять... самим нам» о «преслушниках указам» и «грабителях народа». За такую «службу» доносчик мог получить имущество виновного, «а буде достоин будет — и чин». Рассчитывать на такой карьерный взлёт могли все, «от первых даже до земледельцоф». Поощряя практику доношительства, в следующем году царь указом от 23 ноября во всеулышание пригласил неизвестного автора подмётного письма «о великой ползе его величеству и всему государству» явиться к нему за наградой в 300 рублей — огромной по тем временам суммой. Однако в ответ хлынула волна устных и письменных обращений, разобрать которые по существу не хватало рук. Поэтому очередной собственноручный указ Петра от 25 января 1715 года выразил разочарование царя: «воровские и раскольнические» письма были наполнены различными «измышлениями» и неуместной критикой властей, а авторы истинно важных доношений так и не решались явиться за наградой. Отныне предписывалось подмётные письма сжигать, не вскрывая. Однако при этом указ убеждал: «Нет в доношениях никакой опасности», — и приводил достойные примеры для подражания — царских фискалов, доносивших «не точию на подлых, но и на самыя знатныя лица без всякой боязни».

Донос стал для власти источником информации о реальном положении вещей, а для подданных — единственным доступным путём свести счёты с влиятельными обидчиками. Можно представить, с каким «чувством глубокого удовлетворения» обыватели сочиняли бумагу (а чаще по неграмотности объявляли «слово и дело»); в результате воевода или офицер, а то и бедолага-сослуживец могли угодить под следствие. «По самой своей чистой совести, и по присяжной должности, и по всеусердной душевной жалости... дабы впредь то Россия знала и неутешные слёзы изливала», — захлёбываясь от восторга, доносил подьячий Павел Окуньков на соседа-дьякона: тот «живёт неистово» и «служить леницца».

Импульсивный царь мог даже лично сдать в застенки нового «клиента». В день его рождения, 30 мая 1724 года, сын купца Гостиной сотни из Серпухова Афанасий Шапошников оказался рядом с императором на службе в церкви Преображенского, где от души поднёс ему три украшенных цветными лентами калача. Царь принял подарок, а приглянувшегося ему молодого

го купца пригласил в Лефортовский дворец и посадил с собой обедать. Но за столом осмелевший молодец позволил себе спросить: «Есть ли польза в том употреблении табаку?» — и рассказал, как сам пробовал курить и нюхать табак, но «пользы не нашёл, кроме греха». В ответ император «изволил рассмеятца и сказал ему: “Не рыть бы де тебе, Афонасей, у меня камня»», — а после трапезы внезапно подошёл к гостю, «изволил ударить ево тростью дважды и указал взять ево под караул». Незадачливый детина последовал за Петром из Москвы в Петербург уже в качестве «колодника» и просидел в Тайной канцелярии вплоть до самой смерти государя.

Ответом на искренний поступок простолоудина стала величайшая милость — возможность посидеть за царским столом и побеседовать с государем. Будь Пётр в другом расположении духа — как знать, возможно, и сложилась бы карьера ещё одного петровского «птенца». Но «отеческая» угроза неразумному подданному внезапно перешла в собственноручную расправу с отправкой гостя «под караул». В этом крохотном эпизоде, случившемся на фоне коронационных торжеств, наглядно проявились не только характер и образ действия самого Петра, но и методы его реформ, в одночасье возносившие людей к вершинам власти и могущества и безжалостно свергавшие их оттуда в небытие. Фортуна Петровской эпохи была капризна и жестока.

Капитализм из-под палки

При отце Петра железо в Россию ввозилось из Швеции, ружья — из Голландии, да и сам он ещё несколько лет после Полтавской баталии вынужден был закупать оружие за границей. Но в первой четверти XVIII века в стране произошёл резкий скачок в развитии мануфактурного производства: к 1725 году количество мануфактур увеличилось в разы, появились новые отрасли: табачное, полотняное, шёлкоткацкое, хлопчатобумажное производства. В России впервые стали писать на отечественной бумаге; в украинской Ахтырке открылась первая табачная мануфактура, а в только что основанном Петербурге — шпалерная (гобеленовая). Появились даже игральные карты отечественного производства. Окрепили уральские металлургические заводы: выпуск их продукции вырос в пять раз; по этому показателю Россия заняла третье место в мире. Выплавка чугуна за четверть века увеличилась со 150 тысяч до 800 тысяч пудов. В 1724 году был издан указ о продаже железа с казённых заводов на внешнем рынке.

Вырос настоящий «военно-промышленный комплекс»: крупные (на некоторых было больше тысячи работников) предприятия — Тульский и Сестрорецкий оружейный заводы, Адмиралтейская верфь, Петербургский литейный двор, Хамовный, Канатный, Суконный, Портупейный, Шляпный дворы и другие мануфактуры — смогли вооружить, одеть и экипировать армию, оснастить и снабдить всем необходимым флот.

С 1702 года стали массово призываться иностранные специалисты — ремесленники, офицеры, учёные, в контракты которых включалось требование «учить русских людей без всякой скрытности и прилежно». Выгодные условия привлекали мастеров, к неудовольствию правительств их стран. «Вечером я явился в мастерскую в сопровождении Пэрсона, моего секретаря, и четырёх слуг; мы большую часть ночи провели в разрушении материалов и инструментов», — докладывал в Лондон в июле 1705 года английский посол Чарлз Уитворт о ночном погроме, произведённом им в московском отделении британской Табачной компании. Дипломат по поручению своего правительства уничтожил секреты «скручивания», крошения и прессования табака, поскольку русские власти отказали компании в монополии на торговлю и собирались завести свою мануфактуру, сманив на неё английских мастеров. Вслед за специалистами «импортировались» организационно-экономические формы: в России впервые появились акционерные общества («кумпании») и биржа. На смену серебряной копейке пришли золотой червонный, серебряные рубль и полтинник и медная мелочь.

Основанные казной предприятия передавались в частные руки с беспроцентными ссудами и другими льготами. Так, в 1717 году по царскому указу его приближёнными Ф. М. Апраксиным, П. А. Толстым и П. П. Шафировым была учреждена шёлковая компания, получившая из казны 36-тысячную субсидию, землю и здания (стоимостью 45 500 рублей), право беспроцентной продажи своих изделий в течение пятидесяти лет, свободу от податей и постоянной повинности. Даже привезённый казённым караваном китайский шёлк царь повелел отдать новоявленным фабрикантам бесплатно, «дабы она фабрика размножилась» (он мечтал развернуть в России мировой центр производства шёлковых тканей из доставляемого с Востока сырья).

Ближайший друг Петра I Александр Данилович Меншиков стал хозяином кожевенных, винокурных, парусных, стекольных, поташных, кирпичных предприятий, рыбных, салотопных, солеваренных промыслов, пильных мельниц, рудников. Одни он эксплуатировал сам, другие сдавал в аренду своим

или чужим крестьянам, купцам, посадским людям, вёл ростовщические операции. В Москве светлейший князь скупал лавки, харчевни, погреба, торговые места и сдавал их на оброк мелким торговцам. В только что основанном Петербурге он первым догадался завести доходный дом. Огромные прибыли принесли казённые подряды, в которых он участвовал с помощью подставных лиц. Тем же занимались и другие администраторы.

Берг-привилегия (1719) разрешала всем без исключения подданным разыскивать залежи полезных ископаемых и строить заводы даже на частных владениях при уплате хозяину земли $\frac{1}{32}$ дохода. В духе политики «меркантилизма» (вмешательства государства в хозяйственную жизнь с целью накопления в стране денег) поддерживался активный торговый баланс (превышение экспорта над импортом), а протекционистские меры были направлены на покровительство отечественной промышленности, увеличение экспорта готовой продукции и уменьшение импорта сырья.

За границей появились первые русские консульства. Таможенный тариф 1724 года устанавливал высокие (до 75 процентов) пошлины на импорт железа, швейных игл, парусины, скатертей, салфеток, выделанных кож, некоторых видов тканей — тех товаров, производство которых в России было уже освоено или налаживалось; на товары, не производимые в стране, пошлина была умеренная (от четырёх до десяти процентов; импорт ценных видов сырья (шёлк-сырец) объявлялся беспошлинным. Вывозимые товары облагались трёхпроцентной пошлиной, за исключением сырья и полуфабрикатов, необходимых для российских фабрик, вывоз которых был запрещён.

В результате форсированного развития промышленности 72 процента русского экспорта в 1725 году составляли готовые изделия и полуфабрикаты; остальное приходилось на традиционные виды сырья. Через год после смерти царя-преобразователя через Петербург было вывезено товаров на 2 миллиона 403 тысячи рублей, а ввезено на 1 миллион 550 тысяч рублей. Русское железо и парусина стали конкурентоспособными на мировом рынке; демидовский металл с клеймом «Старый собо́ль» экспортировался в Европу, а затем и в Америку. В 1725 году в Петербург прибыло 450 торговых судов — страна начала вхождение в мировой рынок.

Для того чтобы Санкт-Петербург из крепости на болотах стал почти европейским городом и морской столицей, его надо было связать с центром страны. К 1722 году голландскими мастерами, а затем купцом Михаилом Сердюковым были построены два канала между Цной и впадающей в Волгу Твер-

цией. Новая водная система, пропускавшая две-три тысячи судов в год, стала магистралью, которая позволила сделать Петербург главным портом страны. По ней из центральных и южных районов страны везли хлеб и другие продовольственные товары — мясо, масло, икру, рыбу и многое другое. Этим же путём направлялась в столицу и на экспорт отечественная промышленная продукция — уральское железо, полотно и холсты, кожа и прочие товары.

Обрадованный Пётр I отдал Вышневолоцкий канал в содержание Сердюкову «за то ево иждивение и труд» с правом получения доходов от мельниц и продажи вина, таможенного и «посаженного» (пять копеек с каждой сажени длины барки) сборов. Началось строительство пути в обход бурного Ладожского озера. Работы продолжались 12 лет, и в 1731 году названный именем Петра I канал протяжённостью 100 вёрст был открыт. Царь порой опережал своё время. Начатое в 1697 году строительство канала между притоком Волги Камышинкой и притоком Дона Иловлей спустя четыре года было остановлено (Волго-Донской канал был построен только в середине XX века). При Петре была предпринята ещё одна попытка соединить водные системы Волги и Дона: в 1707 году построен Ивановский канал между верховьем Дона и Окой, однако низкий уровень воды в канале делал его непригодным для больших судов. Масштабные проекты Петра I не соответствовали тогдашним техническим и финансовым возможностям страны.

Но Пётр I вовсе не стремился внедрить в стране систему свободного предпринимательства. «Заводы размножать не в едином месте, так, чтобы в пять лет не покупать мундира заморского, и заведение дать торговым людям, собрав компанию, буде волею не похотят, хотя в неволю» — такие инструкции он дал относительно развития суконного производства. Грозные указы повелевали строить исключительно «новоманирные» суда или использовать предписанную свыше технологию изготовления юфти (сорта кожи): «...а кто будет делать юфти по-прежнему, тот будет сослан в каторгу и лишён всего имения».

«Великий государь указал: по именному своему указу всего Российского государства в городах и в уездах льняные и пеньковые, тонкие и толстые всяких рук и цен полотна делать широкие, против европейских государств, какие за великие цены в Российское государство вывозятся, а именно: в полтора аршина и с четвертью в аршин, а уже того вновь отнюдь не делать, для того, что во всех европейских государствах делают полотна широкие, отчего промыслами и работами широких полотен от больших цен имеют многое народное

пополнение, понеже тем широким полотнам великие росходы состоят паче других товаров, а в Российском государстве от таких неугодных узких полотен, которые самыми малыми за негодностию ценами продаются, не только прибытков, но и своих издержанных вещей не получают, и оттого во излишние скудости приходят. И для исправления к тем широким вышепомянутых мер полотнам инструментов, а именно широких берд и других орудий, даётся сроку от получения в каждой город указов с сего числа на год впредь, и чтоб в те двенадцать месяцев вышепомянутые берда и другие к тем полотнам инструменты исправлены были без всякой отложенности и отговорки. А кто сей его царского величества указ преслушает, и после оного указного срока будет делать полотна по прежнему узкие, а не по указным мерам, и такие товары, где явятся у продажи, имать на его царское величество; а буде кто о том на кого известит, тому отданы будут безденежно, и сверх того имать штрафа за всякой аршин по гривне, и отдавать тому доносителю, и о том исправлении во всех губерниях губернаторам и вице-губернаторам и ландратам приложить тщание и прилежность»¹².

Издавая этот указ от 21 октября 1715 года, Пётр искренне желал, чтобы русские крестьяне изготавливали качественный продукт по европейским стандартам, но не учёл, что десятки тысяч хозяйств не в состоянии обзавестись новыми ткацкими станками, которые могли просто не встать в избе. Указ не выполнялся, и сам царь спустя три года разрешил делать узкие холсты.

Казна была крупнейшим предпринимателем и торговцем. Железо с казённых заводов (свыше 80 процентов всего производства) продавалось за границу. Государство ввозило для последующей продажи «в народ» соль, табак, курительные трубки, игральные карты. Оно же, особенно в первые, наиболее тяжёлые годы войны, объявляло монополию на производство или торговлю определёнными товарами (пенькой, строевым лесом, смолой, мехами, икрой, табаком, солью), что приводило к повышению цен и нарушению рыночной конъюнктуры. Из-за запрета выводить экспортные товары через другие порты, кроме Петербурга, рвались налаженные хозяйственные связи.

В конце царствования Петра I власть отказалась от наиболее грубых методов вмешательства в хозяйственную жизнь, но на смену прямым запретам пришла система государственного регулирования экономики. Берг- и Мануфактур-коллегии выдавали разрешения на открытие предприятий, распределяли государственные заказы, контролировали качество и количество продукции, выдавали ссуды и даже судили «фабриканов».

Промышленникам спускались сверху размеры капиталовложений и ассортимент изделий. Главной их обязанностью было выполнение казённых заказов, лишь «сверхплановая» продукция могла попасть на рынок. Несоблюдение этих условий грозило конфискацией предприятий — в русском языке Петровской эпохи отсутствовало само понятие «собственность».

Организация промышленности «сверху» не дополнялась массовым развитием предпринимательства «снизу». Реформы и военные расходы тяжело сказывались на развитии деревни и особенно города (в те времена горожане составляли всего три процента населения России). После губернской реформы горожане опять, как в XVII веке, попали в подчинение к местным властям — комендантам и воеводам. «Добрых и прожиточных» купцов и посадских с 1711 года Пётр потребовал переселять в неблагоустроенный Петербург. За право стать городским жителем крестьянин должен был заплатить двойной налог, что не избавляло его от крепостной зависимости.

Ликвидация слоя «вольных» и «гулящих» людей, сезонный характер «отхода» на заработки и массовый сыск беглых не давали российскому «фабрикану» возможности рассчитывать на вольный наём рабочей силы — в таких условиях она стоила слишком дорого. Предприниматели добивались права заводить крепостных или стремились закрепить рабочих на своём предприятии. К казённым предприятиям приписывались целые крестьянские волости: значительная часть черносошных крестьян Урала и Приуралья, Карелии и Западной Сибири стали «приписными» к металлургическим заводам и должны были по несколько раз в год проделывать путь иногда в сотни вёрст — на завод и обратно. Установленные правительством нормы оплаты их труда были ниже, чем зарплата наёмных работников.

На мануфактуры стали принудительно отправлять нищих, бродяг и преступников, в том числе «виновных баб и девок», которые не могли решить проблему нехватки рабочих рук. В 1721 году Пётр I нашёл выход — разрешил частным заводчикам «деревни покупать невозбранно». Предприятия превращались в «крепостную мануфактуру», их собственники становились хозяевами рабочих и могли обращаться с ними по своему усмотрению — например, «штрафовать цепью» за проступки, включая «сварливую жизнь в семействе». Даже тем работникам, которые считались вольными, «контрактами» не только запрещалось уходить с предприятия, но и «сходить» с фабричного двора; они соглашались на условия труда и размер зарплаты по воле хозяина, «сколько получает остальная моя братия».

Создание империи

Свои первые внешнеполитические акции — Азовские походы (1695—1696) — Пётр I проводил в русле унаследованного от прошлого внешнеполитического курса на совместную с Польшей, Австрией и Венецией борьбу с турецко-татарской угрозой. Но после того как Великое посольство (1697—1698) не получило от союзников поддержки (европейские державы, готовившиеся к Войне за испанское наследство, нуждались в мире с Турцией), царь резко изменил приоритеты внешней политики. В 1699 году Пётр I, курфюрст Саксонии и король Речи Посполитой Август II и датский король Фредерик IV образовали Северную лигу и начали военные действия против Швеции.

Молодой шведский король Карл XII сразу принудил Данию к капитуляции. Первая же операция русской армии в 1700 году — осада Нарвы — закончилась разгромом. Шведы высадились в Лифляндии, заставили Августа II снять осаду Риги, а уже 19 ноября нанесли под Нарвой поражение вдвое большей по численности русской армии: командующий и многие старшие офицеры попали в плен, была потеряна артиллерия, понесены тяжёлые людские потери. В Европе русских на несколько лет перестали воспринимать как серьёзную силу, а Карл XII заслужил славу великого полководца.

На счастье России, Карл двинулся на запад и на несколько лет «увяз» в Речи Посполитой, пока не посадил на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского. Затем он вторгся в Саксонию, и вскоре Август II заключил позорный Альтранштедтский мир (1706) и разорвал союз с Россией, а его подданные выплачивали победителям контрибуцию — по полмиллиона талеров в месяц. Король вершил судьбы Европы, но делами на востоке не интересовался и тем дал Петру I время для перевооружения армии, создания и обучения новых полков. Русские успешно действовали в Прибалтике: в 1702 году они взяли Нотебург (Шлиссельбург), в 1703-м — Ниеншанц в устье Невы, где был заложен Петербург; в 1704-м — Дерпт и Нарву.

Однако Пётр понимал, что его армия ещё не готова соперничать с лучшими войсками Европы. При посредничестве Франции, Голландии и Пруссии он стремился заключить мир ценой предоставления русских солдат для Войны за испанское наследство. Знаменитому английскому полководцу герцогу Мальборо были обещаны до 200 тысяч талеров, княжество Киевское, Владимирское или Сибирское с доходом в 50 тысяч талеров в год, драгоценный рубин и орден Андрея Первозванного, если бы он отстоял право России оставить за собой лишь устье Невы с только что основанным Петербургом. Но Карл и

не думал о мире, а союзников не прельщала помощь со стороны «варварской» Московии.

В сентябре 1707 года шведский король двинулся к российским границам. Однако новая русская армия была иной — обстрелянной, обученной, хорошо снабжённой. Во главе её стояли многому научившиеся генералы Б. П. Шереметев, Н. И. Репнин, М. М. Голицын, В. В. Долгоруков, А. Д. Меншиков, и сам Пётр проявил умения и таланты полководца. Однако и теперь, имея более шестидесяти тысяч солдат и офицеров, он не стремился к генеральному сражению — слишком сильным был противник. На военном совете в Жолкве (Украина) весной 1707 года обсуждался вопрос, «давать ли с неприятелем баталии в Польше или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не давать: понеже, ежели б какое несчастье учинилось, то бы трудно иметь ретираду (отступление. — *И. К.*); и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах и партиями, так же оголошением провианта и фуража томить неприятеля».

В июле 1708 года Карл нанёс русским поражение под Голловином. Пётр был разгневан: «Многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем». Их командиру Н. И. Репнину военный суд вынес смертный приговор, который царь заменил разжалованием в рядовые с взысканием денег за оставленные на поле боя пушки и снаряжение. Солдат, раненных в этом бою в спину, расстреливали и вешали как трусов. По приказу царя войска разоряли сначала Польшу, а затем и собственную страну: «Ежели же неприятель пойдёт на Украину, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, таже хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)... польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, таже мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Собранное зерно надлежало свозить в Смоленск, а при невозможности вывоза «прятать в ямы»; «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Нарушителей ждала суровая кара: «...сказать везде, ежели кто повезёт к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, таже равно и тот, который ведаёт, а не скажет». Приказ выполнялся, хотя для мужиков он стал трагедией: «А кои драгуны безлошадны были, тех офицеры посылали по деревням коней брать. А селяне уже жито в рожь и овёс собирать починали, и от того бунты учиня-

лись. Драгуны их рубили и лошадей брали. А по полям и лесам имали тех, кто ухвался, и рубили же дерзостных, а тех всех, кто поклонно падал, тех в работы разные брали».

Пётр постоянно находился в войсках — учил солдат, проводил смотры: «Многие нехочи поносными словами пожалованы были от его царского величества. Пальбу экзерционную чинили офицеры да унтеры со всеми солдаты да драгуны по всем лагерям. Пороху навезли где доброго, а иным худого. С того пальба разна была. У коих бухало добро и пули били добро, а у других шипели пули и падали наземь и целки живы стояли и дыр не случалось. А с того то было, что некои хитрые солдаты не по плутовству и нерадению, а по бережению пуль в картузы патронные не клали а палили тока огнём. А те, кто не поклали да и дерзили ещо, были в батоги отправлены и биты на козлах в пример другим».

Пётр I не жалел ни солдат, ни офицеров, требуя: «...во время бою или приступу не должен никто раненого или убитого относить или отвозить, ни начальных своих (пока бой минется или приступ)... не только во время бою, но и по совершении оных, без главного указа ни на какое добро и пожитки не смотреть, не подымать (хотя бы и под ногами было) под наказанием — лишением чести и живота без пощады». В 1704 году при штурме Нарвы он сам зарубил нескольких солдат, продолжавших убивать и грабить жителей крепости после её капитуляции. Узнав, что его воинство разграбило украинский город Ромны, Пётр повелел виновных в бесчинствах офицеров «по розыску казнить смертью в страх другим, а рядовых, буде меньше десяти человек, то казнить третьего, буде же больше десяти, то седьмого или десятого».

Отсутствие провианта вынудило Карла XII повернуть на Украину в расчете на помощь гетмана Ивана Мазепы. 28 сентября 1708 года возглавляемый Петром I отряд разгромил у деревни Лесной корпус А. Левенгаупта, шедший к главным шведским силам с большим обозом. На Украине шведская армия перезимовала, но за Мазепой последовало только несколько тысяч казаков; не оправдались надежды короля на помощь турок и Лещинского.

В таких условиях Карлу оставалось только дать генеральное сражение, к которому русская армия была теперь готова. 27 июня 1709 года шведы ещё до восхода солнца пошли в наступление. Пётр, несомненно, участвовал в сражении: в Зимнем дворце хранятся его пробитая шведской пулей шляпа и нагрудный шиток с глубокой вмятиной от ещё одной пули. Как утверждает «Гистория Свейской войны», «...государь в том нужном случае за людей и отечество, не щадя своей особы, по-

ступал, как доброму приводцу надлежит, где на нём шляпа пулю прострелена и в седельном орчаке фузейная пуля найдена».

К полудню всё было кончено. На очищенном от неприятеля поле началось торжественное богослужение, закончившееся ружейным и орудийным салютом. Ещё не были подсчитаны трофеи, ещё не собрали всех раненых и пленных, ещё искали на поле боя живого или мёртвого Карла XII, а Пётр, не чувствуя усталости, взялся за перо:

«Доносим вам о zelo превеликой и неначаемой виктории, которую Господь Бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил с малою войск наших кровию таковым образом: сего дни на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею, конною и пешею, отаковал, которая хотя по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фронт против нашего лагеру, против которого тотчас всю пехоту из транжаменту вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих фланках. Что неприятелю увидя, тотчас пошёл отаковать нас, против которого наши встречу пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля збили. Знамён, пушек множество взяли, також генерал-фельтмаршал господин Рейншилд купно с четырьмя генералы, а имянно Шлипембахом, Штакенберхом, Гамолтоном и Розеном, також первой министр граф Пипер с секретарями Гемерлином и Цидергелмом в полон взяты, при которых несколько тысяч офицеров и рядовых взято, и, единым словом сказать, вся неприятельская армия фазтонов коонец восприяла, а о короле ещё не можем ведать, с нами ль или со отцы нашими обретается...»

Победное известие понеслось в Петербург и Москву, к польским магнатам, «братьям»-монархам в Вену, Берлин, Стамбул. В этот день царь понял, что одержал важнейшую победу в своей отнюдь не формальной военной карьере и что Россия способна выиграть неудачно начатую войну.

Пленных шведских командиров во главе с фельдмаршалом Реншельдом Пётр I пригласил в расшитые шёлковые шатры. Столов не было, победители и побеждённые сидели прямо на земле; солдаты выкопали ровики, куда можно было опустить ноги; разровняли набросанную землю и накрыли её коврами. За этим импровизированным столом царь поднял тост за здоровье своих «шведских учителей» в военном деле. «Кто же они? — поинтересовался пленный фельдмаршал. — «Вы, господа шведские генералы», — ответил царь, и кто-то из шведов, кажется, первый министр граф Карл Пипер, произнёс: «Хорошо же, ваше величество, отблагодарили своих учителей!»

Победный пир стал звёздным часом Петра и его армии. Остатки шведских войск капитулировали на Днепре, Карл XII бежал в Турцию. Россия воссоздала Северную лигу; союзники начали военные действия в шведских владениях в Германии. Русская армия в 1710 году овладела всей шведской Прибалтикой (Эстляндией и Лифляндией) и Выборгом. В ответ на требование выслать короля турецкий султан Ахмед III объявил войну России.

На гребне успеха Пётр решил не уступать, перенести военные действия в турецкие владения на Балканах и поднять восстание подвластных туркам славянских народов, но не рассчитал силы. 38-тысячная русская армия была окружена турецко-татарским войском на берегу Прута в урочище Рябая Могила. Атаки янычар были отбиты, но контратаковать царь не решился. Люди не отдыхали трое суток, боеприпасы и продовольствие были на исходе; сам царь через несколько дней писал, что «никогда, как почал служить, в такой десперации (отчаянии. — *И. К.*) не были». Военный совет признал необходимым предложить туркам мир. Ответа не было, и Пётр, по свидетельству молдавского гетмана Иона Никулче, решился идти на прорыв из окружения сквозь огромное войско противника при полном господстве его конницы (на шесть с половиной тысяч русских кавалеристов приходилось 58 тысяч турецких и еще 20—30 тысяч татар), поскольку «стоять для голоду как в провианте, так и в фураже нельзя, но пришло до того: или выиграть, или умереть». Скорее всего, он предпочёл бы погибнуть в бою, нежели попасть в позорный плен, и эту участь разделили бы с ним его лучшие полководцы и министры. Чем бы закончилась в таком случае Северная война, остаётся только гадать. Не состоялись бы и главные петровские преобразования, известные по любому учебнику истории; не появились бы коллегии, прокуратура, Табель о рангах, полиция, городские магистраты; не была бы введена подушная подать, не открылась бы Академия наук. Иными словами — у нас была бы другая история...

Армия уже двинулась навстречу противнику, но визирь согласился на переговоры, и в его ставку срочно отправился вице-канцлер Павел Шафиров. Утром 11 июля Пётр написал ему отчаянное письмо: «...ежели подлинно будут говорить о миру, то ставь с ними на всё, чёво похотят, кроме шклавства (плена. — *И. К.*). И дай нам знать конечно сегодня, дабы свой десператной путь могли, с помощьюю Божию, начать». Он был готов уступить все завоевания в Прибалтике и в придачу Псков, чтобы сохранить Петербург. Однако Шафиров сумел заключить мир, по которому русские войска получали свобод-

ный выход из Молдавии, а за это Россия возвращала Турции Азов, ликвидировала крепости на побережье Азовского моря и Днепра (Таганрог, Каменный Затон), выводила войска из Польши и прекращала вмешательство в польские дела.

После Прутского похода Пётр I никогда больше не рисковал воевать на два фронта. Однако шведам неудача русских не помогла. Они потеряли Финляндию; русский галерный флот под командованием самого Петра одержал победу при Гангуте (1714). Война затянулась ещё на несколько лет, но в итоге 30 августа 1721 года «Вечный истинный и ненарушимый мир на земле и на воде» стоил шведской короне уступки «в совершенное непрекословное вечное владение и собственность» России территорий Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и части Карелии с Выборгом. «Сия радость превышает всякую радость для меня на земле», — отозвался Пётр I на это событие; во время празднования мира в столице он устроил грандиозный маскарад, где сам пел и плясал в матросском костюме.

От имени Сената канцлер Г. И. Головкин 22 октября 1721 года просил государя принять титул «Отца Отечества, Петра Великого, императора Всероссийского». Сознательная ориентация царя на римскую императорскую традицию не случайно совпала с завершающим этапом формирования самодержавной монархии в России. Выстроенная на военный лад держава с созданным в кратчайшие сроки «военно-промышленным комплексом» и неисчерпаемыми природными и людскими ресурсами отныне стала неременным фактором большой европейской политики.

По мере того как Северная война близилась к концу, Пётр I искал новые внешнеполитические цели за пределами Европы. Его планы вышли на океанские просторы и древние торговые пути Центральной Азии: царь рассматривал южное побережье Каспийского моря как плацдарм для овладения богатствами Индии и Китая.

В 1716 году была основана Красноводская крепость на восточном побережье Каспия. Царь распорядился отправить в Хивинское ханство экспедицию капитана гвардии Александра Черкасского с грандиозной задачей — «склонить» хивинского хана к дружбе с Россией и перекрыть плотиной Амударью, чтобы пустить воды великой среднеазиатской реки по древнему руслу в Каспийское море и по ней «до Индии водяной путь сыскать».

В июле 1722 года русские войска под командованием Петра I вышли на судах из Астрахани и высадились в Аграханском заливе — на территории современного Дагестана. В устье Сулака была заложена крепость Святого Креста. Дождавшись

шедшей по суше конницы, армия двинулась на юг, разгромила горских князей и без боя заняла Дербент. Пётр рассчитывал, соединившись в районе Шемахи с грузинским войском царя Вахтанга VI и армянским ополчением, двигаться на Баку. Однако русская флотилия была сильно потрёпана штормом, и армия лишилась провианта и артиллерии. Массовый падёж лошадей привёл в расстройство конницу, среди солдат росло число больных. Эти обстоятельства заставили русское командование отказаться от продолжения похода. Оставив гарнизоны в Дербенте и крепости Святого Креста, основные силы русской армии возвратились в Астрахань.

Летней ночью 1722 года на палубе флагманского корабля в Каспийском море император поделился планами с моряком и учёным Фёдором Соймоновым: «Знаешь ли, что от Астрабада до Балха в Бухарии и до Водокшана (афганского Бадахшана. — *И. К.*) и на верблюдах только 12 дней ходу, а там во всей Бухарии середина всех восточных коммерций... и тому пути никто помешать не может». В устье Куры он планировал заложить большой город-порт вроде Петербурга, «в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани».

Можно только удивляться размаху замыслов Петра: «вернуть» на Волгу проходивший через Иран и Турцию караванный путь шёлковой торговли; установить протекторат над Грузией, Арменией и всей Средней Азией, связав тамошних владетелей «союзными» договорами и учреждением при них «гвардии» из «российских людей». Правда, доплыть в Индию через цепи центральноазиатских горных хребтов было невозможно, но тогда об этом ещё никто в Европе не знал... Однако царь думал и о другом варианте. Старым морским путём вокруг Африки в 1723 году отправилась секретная экспедиция адмирала Вильстера — её целями являлись захват Мадагаскара (чтобы превратить его в перевалочный пункт в Индийском океане) и установление отношений с империей Великих Моголов в Индии. Правда, сделанные на скорую руку корабли оказались непригодны к длительному плаванию и вернулись, не достигнув цели.

В декабре 1722 года экспедиция полковника Шипова заняла Решт, столицу иранской провинции Гилян, а летом 1723-го русский десант после четырёхдневной бомбардировки заставил капитулировать Баку. Успехи русских войск и вторжение турок в Закавказье вынудили персидское правительство в сентябре 1723 года заключить Петербургский договор, по которому к России отошли Дербент, провинции Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. В следующем году был подписан

Константинопольский: Турция признавала все завоевания России в Прикаспии, а Россия — завоевания Турции в Западном Закавказье. Пётр уже готовился к освоению новых «провинций» — требовал доставить образцы бакинской нефти, овечьей шерсти из Дагестана, персидского сахара и пряностей. Но страна ещё не располагала экономическими возможностями для освоения заморских территорий, казаки и солдаты не могли заменить дельцов, моряков, торговцев, судовладельцев, которых не хватало и в самой России.

Первоначальный успех вторжения в Иран развить было невозможно; предстояло думать не столько о путях в Индию, сколько о сохранении контроля над узкой полосой западного и южного берега Каспия.

Имперское величие порождало имперские проблемы. По мере побед российского оружия сохранение национальной безопасности неизбежно уступало место иным задачам. Вопреки обещаниям, царь не отдал Эстляндию и Лифляндию союзнику Августу II, а сделал их российскими губерниями. В то же время Пётр отнюдь не стремился к территориальным приобретениям любой ценой. Союзнические обязательства он соблюдал, «ибо гонор пароля драже всего есть». Ещё в 1717 году царь с согласия сейма добился признания России гарантом политического устройства Речи Посполитой, то есть легального права вмешиваться во внутренние дела соседнего государства. Когда в 1721 году саксонский курфюрст и польский король Август II, желая превратить свою номинальную власть в наследственную и самодержавную, выдвинул инициативу раздела Польши, по которому собственно польские земли отошли бы к Саксонии, Пруссия должна была получить так называемую Польскую Пруссию и Вармию, а к России отошли бы Литва с Белоруссией, Пётр настоятельно посоветовал прусскому королю Фридриху Вильгельму не поддерживать эти планы, «ибо они противны Богу, совести и верности и надобно опасаться от них дурных последствий».

Претензии на господство России на Балтике, выход русских войск в Германию обеспокоили и её врагов, и друзей: в европейской «посудной лавке» появился «российский слон». Императорский титул Петра при его жизни признали лишь Венеция, Швеция и Пруссия. Царю срочно нужны были такие соседние «потентаты» (правители), которых можно было бы связать с интересами своей державы. Здесь Пётр использовал «брачную дипломатию»: сына Алексея он женил на брауншвейгской принцессе, племянницы Екатерина и Анна стали мекленбургской и курляндской герцогинями, а дочь Анну он готовился выдать за герцога Голштинии. Но помимо гер-

манских княжеств нужен был и настоящий стратегический союзник из числа крупных держав. Образование в 1724—1725 годах двух враждебных лагерей (Ганноверского союза Англии, Франции и Пруссии против Венского союза Австрии и Испании) заставляло обе стороны искать расположения России, способной изменить баланс сил в европейской политике. В последние месяцы жизни Пётр размышлял над проектом союзного договора с Францией, но вплоть до его смерти не было «никакой резолюции оному донныне не учинено».

Петровское «наследство»

Реформы стоили дорого. С началом Северной войны на горожан и крестьян в дополнение к прежним налогам и натуральным повинностям обрушились новые: деньги «запросные», «драгунские», «корабельные», на строительство Петербурга и т. д. Специалисты-«прибыльщики» придумывали, что бы ещё обложить налогом; в этом перечне оказались бани, дубовые гробы и серые глаза. Крестьяне обязаны были возить казённые грузы, работать на казённых заводах, возводить новую столицу (на строительство Петербурга отправлялось 40 тысяч человек в год), рыть каналы и ставить крепости. Первая перепись-«ревизия» (1718—1724) зафиксировала наличие 5,6 миллиона душ мужского пола, из которых четыре миллиона принадлежали дворцовому хозяйству, церковным и светским владельцам. Им отныне пришлось ежегодно платить подушную подать: 74 копейки с каждой крепостной души, по 1 рублю 14 копеек с государственных крестьян и 1 рублю 20 копеек с горожан. Новая налоговая система принесла в 1724 году доход в 8,5 миллиона рублей при девятимиллионном расходе, из которого 63 процента средств шло на армию. Ставка подушной подати и была определена путём деления военных расходов на число плательщиков.

Ежегодно, а то и дважды-трижды в год деревня провожала новобранцев на бессрочную военную службу. «Записывать рекрут с отцы, и с прозвища, и с леты, и в рожы, и в приметы, кто холост или женат; и жён их имена с отчеством, и что у них детей по именам же и скольких лет, также и отцы их живы ль или померли, и кто у них в том селе или деревне дядья, или братья, или племянники, или иные свойственники... За побегы те их отцы и дядья, братья или свойственники с жёнами и детьми посланы будут в ссылку в новозавоёванные города, а беглецы, кои будут сысканы, казнены будут смертью... А буде кто у себя беглых держать и укрывать будет или, ведая, у кого, про них

не извещать, а в том на тех людей будут изветчики за то, и тех людей поместья их и вотчины, в которых те беглые жили, будут взяты на великого государя и из них половина отдана будет изветчику. А буде приказчики и старосты, и целовальники, и крестьяне то чинили без ведома помещиков, и те казнены будут смертью», — грозил всем причастным к укрытию дезертиров один из указов Петра I.

Сам он своих солдат учил и берёт, но смотрел на них как на материал для создания задуманного им на благо государства. «Как ваша милость сие получишь, изволь не помедля ещё солдат сверх, кои отпущены, тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает, того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня», — писал царь в 1703 году ведавшему рекрутским набором боярину Т. Н. Стрешневу. Беглых рекрутов Пётр приказывал вешать по жребию или ссылать на каторгу. «Как ваша милость сие получишь, — приказывал он Стрешневу, — изволь немедленно сих проклятых беглецов... сыскать, сыскав всех, бить кнутом и уши резать, да сверх того 5-го с жеребья ссылать на Таганрог...»

При Петре I в армию было взято около четырёхсот тысяч человек — каждый десятый мужик; из них 200 тысяч из них погибли в сражениях или умерли от болезней, были ранены, искалечены, дезертировали и пополнили ряды нищих и банды разбойников. Оставшимся дома подданным предстояло содержать защитников Отечества. Обыватели вовсе не радовались входящему в их городок полку; brave драгуны и гренадеры не имели казарм и жили на постое в частных домах, чьи хозяева испытывали сомнительное удовольствие терпеть «гостей» несколько месяцев, обеспечивая их помещением и дрoвами.

К казённым повинностям добавлялся крепостной гнёт. В 1682—1710 годах дворянам было роздано 43 тысячи крестьянских дворов (примерно 175 тысяч человек). Петровская «ревизия» уравнила в бесправии владельческих крестьян и холопов; по закону имущество крепостных стало рассматриваться как собственность их владельца и могло быть конфисковано за его вину. В 1724 году были введены паспорта, без которых крестьяне и горожане не имели права покинуть место жительства. Результатом стало массовое бегство: в 1719—1727 годах в бегах числилось почти 200 тысяч душ.

Родовитое дворянство сохранило за собой ключевые государственные посты первых четырёх классов по Табели о рангах. Бюрократический аппарат отторгал не совместимые с ним новшества вроде коллегиальности. Каково было, например,

на заседании Военной коллегии безвестному полковнику Пашкову спорить с генерал-фельдмаршалом и личным другом государя Меншиковым? Независимый от администрации суд вскоре после смерти Петра был упразднён, в числе прочих причин, из-за невозможности найти необходимое количество юристов. Дело доходило до того, что в Сибири судьёй назначили человека, осуждённого за два убийства и находившегося под следствием за третье, поскольку он один был грамотным и знакомым с юриспруденцией.

Оборотной стороной выдвижения новых людей стало снижение уровня профессионализма чиновников при возрастании их амбиций, ведь теперь «беспородный» служака мог получить и богатство, и дворянский титул. Дьяки и подьячие XVII века брали взятки умереннее и аккуратнее, а дело своё знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным «бесстрашием» в злоупотреблениях.

При Петре были казнены сибирский губернатор М. Гагарин, глава всех фискалов А. Нестеров, сенатор Г. Волконский; непрерывно находился под следствием Меншиков. В последний год жизни царь приказал расследовавшему дела о казнокрадстве генерал-фискалу Мякинину «рубить всё дотла», но едва ли это помогло. За сотни и тысячи вёрст от Петербурга воеводы и прочие должностные лица становились совершенно неуправляемыми.

Сенаторская ревизия графа А. А. Матвеева в 1726 году вскрыла только по одной Владимирской провинции «упущения казённых доимков» на 170 тысяч рублей, бездействие судов и произвол «особых нравом» начальников. «Непостижимые воровства и похищения не токмо казённых, но и подушных сборов деньгами от камериров, комиссаров и от подьячих здешних я нашёл, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг здесь у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных записок по лоскуткам» — таким увидел ревизор регулярное государство изнутри.

При этом петровская административная система не выработала строгих норм компетенции и ответственности. Субординация государственных «мест» и нормальное прохождение дел постоянно нарушались, чему немало способствовал сам император. Множество рапортов и жалоб шло прямо в его личную канцелярию (Кабинет), а оттуда выходили, минуя Сенат и коллегии, его именные указы и устные распоряжения. Заключить «работу» монарха в определённые правовые рамки Пётр не желал — это означало бы нарушение самого принципа самодержавия, закреплённого в Воинском уставе 1716 года:

«Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен».

Смена модели культурного развития России, новые ценности и новая знаковая система культуры сопровождались отказом Петра от манеры поведения православного царя: он путешествовал инкогнито за границей, демонстративно нарушал придворный этикет, владел далеко не царскими профессиями и развлекался в составе кошулственного «Всеппянейшего собора». Поспешные преобразования вызвали своеобразный культурный раскол нации, взаимное отчуждение «верхов» и «низов» общества. За плохую учёбу в гимназиях XVIII века двоечников переодевали в «мужицкую» одежду, а провинциальные иконописцы изображали бесов бритыми и одетыми в «немецкое платье». Для крестьянина живущий в новомодных палатах и говорящий на чужом языке барин в немецком парике и кафтане уже представлялся почти иностранцем, тем более что внедрение европейского просвещения в России шло рука об руку с утверждением наиболее грубых форм крепостничества: галантные и образованные господа вполне естественно распоряжались имуществом и жизнью своих рабов, не видя в том ничего зазорного.

Усиление крепостнического и государственного гнёта связывалось в массовом сознании с «немецкими» обычаями и вызывало их резкое неприятие: восставшие в Астрахани выступали за «христианскую веру», то есть традиционные культурные ценности. Самого Петра I, законного царя, в народе воспринимали как самозванца, а то и Антихриста. Сейчас даже трудно представить себе то потрясение, которое испытывал традиционно воспитанный человек той эпохи от лицемерия полупьяного «благочестивого государя царя» Петра Алексеевича в «пёсьем облике» (бритого), в немецком кафтане, с трубкой в зубах, общавшегося на голландском портовом жаргоне со столь же непотребно выглядевшими гостями в саду среди мраморных «голых девок» и соблазнительно одетых живых прелестниц.

На протяжении петровского царствования постоянно вспыхивали волнения — в Астрахани, в Башкирии, на Дону. Глухое сопротивление самодержавной воле проявлялось в традиционной для России форме — поиске истинного царя: «Если б де он был государь, стал ли б так свою землю пустошить?» Но Пётр был слишком неординарной личностью, и его слишком часто можно было видеть «живьём», чтобы мог появиться его двойник. Зато слухи о выступлении царевича Алексея против отца стали распространяться за десять лет до его казни. Затем стали появляться и лже-Алексеи — рейтарский сын А. Крекшин, вологодский нищий Алексей Родионов. В 1724

году объявились сразу два претендента — солдат Александр Семиков и извозчик из Астрахани Евтифей Артемьев; последний даже объявил на исповеди, что скрывался «для того, что гонялся за ним Меншиков со шпагою».

«Интеллигенция» Московской Руси — духовное сословие — выдвигала из своей среды идеологов сопротивления, обосновывавших протест понятным народу языком. В 1705 году к смертной казни был приговорён книгописец Григорий Талицкий — за то, что «писал письма плеватьные и ложные о пришествии антихристове, с великою злобою и бунтовским коварством». Талицкий считал Петра I Антихристом, а доказательство близкой кончины мира видел в новшествах, вводимых царём: перемене летосчисления и фасонов платья, противном церковному учению бритье бород и курении, изменении нравов и образа жизни.

Вероятно, из церковной среды вышла легенда, что на самом деле Пётр I не является сыном царя Алексея Михайловича: «Когда были у государыни царевны Натальи Кирилловны сряду дочери, и тогда государь царь Алексей Михайлович на неё, государыню царицу, разгневался: буде де ты мне сына не родишь, тогда де я тебя постригу. А тогда де она, государыня царица, была чревата. И когда де приспел час ей родить дочь, и тогда она, государыня, убоясь его, государя, взяла на обмен из немецкой слободы младенца, мужеска полу, из Лефортова двора». Эту легенду монах Чудова монастыря Феофилакт услышал в 1702 году от дьякона Ионы Кирилловца, а затем она пошла гулять по просторам России.

Таким виделся Пётр не только священникам и их простодушной пастве, но и представителям того общественного слоя, который в школьных учебниках именуют «господствующим классом» — для них и без того тяжкая служба дополнилась обязанностью учиться, а доход становился тем меньше, чем больше требовало от их крестьян государство. В 1702 году галичский помещик Евтифей Шишкин, гостивший у сестры, говорил про государя непристойные слова: «Ныне де спрашивают с крестьян наших подводы, и так де мы от подвод и от поборов и податей разорились; у меня де один двор крестьянской, а сходит с него рубли по 4 на год, а ныне де ещё сухарей спрашивают. Государь де свою землю разорил и выпустошил. Только де моим сухарём он, государь, подавится. А живёт де он, государь, всё у немцов и думы думает с ними. И выбранил де он, Евтифей, его, государя, матерно», — после чего отправился на разбой, был схвачен, повинился в том, что бранил царя «за досаду, что податей всяких спрашивают почасту», и умер «за караулом».

Для царя-реформатора эти «бредни» были всего лишь свидетельством «замерзлого» упорства несознательных подданных, не желавших разделять с ним военные тяготы и посягавших на воздвигаемое им здание регулярного государства. Но оставить их без надлежащего внимания Пётр не мог — он стал первым в нашей истории царём, лично работавшим в допросной, рядом с которой выросли «колодничьи избы» для непрерывно поступающих подследственных. В застенке оказался и царевич Алексей, сын Петра от сосланной в монастырь нелюбимой жены Евдокии Лопухиной.

В 1711 году Алексей по воле отца вступил в брак с кронпринцессой Шарлоттой Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Тогда же сам царь «оформил» свои отношения с бывшей пленницей Мартой Скавронской, в православном крещении Екатериной Алексеевной, причём царевич был её крёстным отцом. От брака Алексея Петровича — ставки в дипломатической игре его отца — 21 июля 1714 года родилась дочь Наталья, а 12 октября 1715-го — сын Пётр. Но принцесса скончалась через десять дней после родов, а императрица Екатерина в том же году разрешилась сыном, которого тоже называли Петром. В семье назревал конфликт. Старший сын многими качествами пошёл в отца, а Петра трудно назвать хорошим родителем: вечно занятый войной и строительством державы, он скоро стал чужим для Алексея.

Десятого ноября 1716 года в венский особняк австрийского вице-канцлера графа Шёнборна вошёл неожиданный посетитель — «русский принц» Алексей, который попросил убежища от гнева отца. К тому времени Пётр I уже был уверен в никчёмности наследника и его нежелании участвовать в делах. В 1715 году в день похорон жены Алексей получил «Объявление сыну моему», после обвинений в лени и нежелании заниматься государственными делами завершавшееся угрозой: «...известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын». Пётр предъявил ультиматум: «Или отмени свой нрав и неллицемерно удостой себя наследником, или будь монах». В октябре 1716 года царь вызвал сына в Копенгаген, где обсуждал с союзниками операции против шведов. Алексей должен был сделать окончательный выбор. Царевич выбрал бегство — поскольку не только не одобрял дела отца, но и признавал: «Его особа зело мне омерзела».

Московского гостя спрятали в альпийском замке, потом в неаполитанской крепости. Там он ждал смерти отца, чтобы вступить на престол при поддержке духовенства и недовольных вельмож. Один из них, адмиралтеец Александр Кикин,

сообщал Алексею, что его друзья договорились с австрийским правительством о политическом убежище для наследника российского трона. Но Кикин обманул — в Вене царевича не ждали. Один из лучших дипломатов царя Пётр Толстой и капитан гвардии Александр Румянцев выслежили беглеца, затем добились свидания и вручили ему письмо отца: «...обещаюсь Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью, проклинаю тебя вечно. А яко государь твой за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить».

Действуя угрозами и посулами, Толстой за несколько дней уговорил Алексея вернуться; в октябре 1717 года через Рим и Вену беглец двинулся в Отечество — навстречу гибели. В феврале 1718 года в Кремле отец торжественно простил сына — но тут же заявил: «Если что утаено будет, то лишён будешь живота». Сразу же в застенках Тайной канцелярии развернулось следствие — царь не верил, что сын мог самостоятельно решиться выступить против него, а Алексей умолчал о многом, что творилось за спиной царя.

Современные исследования доказывают, что царевич не организовывал заговора против отца, но ждал своего часа. При дворе к середине 1710-х годов сложились противоборствующие «партии»: одну возглавлял А. Д. Меншиков, другую — семейство Долгоруковых, приобретавшее всё большее влияние на царя. К взрослому наследнику тянулись лица из ближайшего окружения Петра: у Кикина при аресте были найдены «цифирные азбуки» (шифры) для переписки с «большими персонами» — генералом Василием Долгоруковым, князьями Григорием и Яковом Долгоруковыми, генерал-адмиралом Фёдором Апраксиным, фельдмаршалом Борисом Шереметевым. Эта «оппозиция» готовилась после кончины Петра возвести Алексея на трон или сделать его регентом при единокровном младшем брате.

Пётр был слишком умён, чтобы развернуть репрессии против своих ближайших сподвижников; но он сделал их судьями сына-изменника. Алексею пришлось заплатить за всё. 24 июня 1718 года суд в составе 123 министров, сенаторов, военных и гражданских чиновников вынес царевичу смертный приговор за «помышление бунтовное» и за «богомерзкое, двойное, родителей убивственное намерение», связав самих его участников круговой порукой. Через два дня после приговора последовала загадочная смерть Алексея в Петропавловской крепости. Однако какими бы ни были последние часы царевича

ча, в народном сознании его гибель связывали с волей государя. Ветеран Петровской эпохи, солдат Навагинского полка Михаил Патрикеев в далёком Кизляре в 1749 году рассказывал собеседникам: «Знаешь ли, государь своего сына своими руками казнил».

Некоторые авторы считают возможным охарактеризовать сторонников царевича как «умеренных реформаторов европейской ориентации». Однако проблема в том, что в кругу «собственников» наследника были также люди, настроенные против всяких реформ. Чего же хотел сам Алексей? По словам его крепостной любовницы Ефросиньи, он мечтал о спокойном житье в Москве, «а Питербурх оставит простой город; также и корабли оставит и держать их не будет; а войска де станет держать только для обороны; а войны ни с кем иметь не хотел». Но на последнем допросе 22 июня он признался: «...ежели б до того дошло и цесарь (австрийский император. — *И. К.*) бы начал то производить в дело, как мне обещал, и вооружённую рукою доставить мне короны российской, то б я тогда, не жалея ничего, доступал наследства». Было ли это признание правдой — или сломленный царевич ради прекращения мучений готов был сознаться в любых преступлениях? Ответа мы уже не узнаем.

Как бы сочетались в случае вступления Алексея на престол его намерения опереться на духовенство, не «держатъ» флот и передать российские войска и «великую сумму денег» в распоряжение Австрии с планами просвещённых реформаторов? К тому же Алексей, выступавший против реформ отца, унаследовал отцовский темперамент: мог пообещать посадить на кол детей канцлера Головкина и всерьёз собирался жениться на своей Ефросинье: «Видь де и батюшко таковым же образом учинил». Похоже, приход царевича к власти вызвал бы новые столкновения в имперской верхушке и мог закончиться дворцовым переворотом — или ссылкой, а то и казнью слишком «европейски ориентированных» вельмож. Но избранный Петром I «силовой» выход из кризиса — устранение законного, по мнению общества, наследника — впоследствии тоже привёл к потрясениям.

Возможно, император ощущал перенапряжение сил страны: к концу царствования он желал продолжать преобразования таким образом, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». Однако курс на модернизацию «служилого» государства при сохранении сложившихся социальных отношений не изменился. Пётр издал указ о «непринуждении рабов к браку», публично осуждал произвол помещиков, продававших крестьян «врознь», что, однако, нисколько не мешало подобной торговле. Но колебаний по поводу выбранных им цели и средств

у царя, кажется, не было. Завершение переписи совпало с введением паспортной системы и устройством «вечных квартир» для полков регулярной армии. Предусматривалось создание настоящих «военных поселений» — слобод с типовыми, поротно поставленными избами, полковым хозяйством, рабочим скотом и даже женитьбой солдат на местных крестьянках, которых в интересах армии предполагалось отпустить из крепостных.

В январе 1725 года послы России в европейских странах получили императорский манифест (он не вошёл в официальное Полное собрание законов Российской империи), предписывавший им немедленно объявить царскую волю: «...Дабы всяких художеств мастерские люди ехали из других государств в наш российский империум» с правом свободного выезда и разрешением беспощинной торговли своей продукцией в течение нескольких лет. Государство обязалось предоставить прибывавшим квартиры, «вспоможение» из казны, свободу от постоя и других «служб». Похоже, государь, как в начале своего царствования, хотел организовать очередную «волну» иммигрантов, чтобы дать новый импульс преобразованиям в экономике.

Сохранившиеся в записных книжках Петра намётки предусматривали дальнейшую регламентацию новых порядков: «Уложение слушать», для служилых ввести единые сроки (в декабре) производства в чины, а «мужикам зделать какой малинкой регул и читать по церквам для вразумления».

Последние изданные именные указы Петра конца 1724-го — начала 1725 года — о чиновничьем жалованье, скорейшем сборе подушных денег на гвардию, продаже товаров в Петербурге по ценам, аналогичным московским, расположении к 1 марта полков на новых квартирах — свидетельствуют о неизменности избранного курса государственного строительства. Уже был подготовлен новый свод законов, который в разделе гражданского права («О содержании добрых порядков и о владении собственностью») провозглашал формулу крепостной зависимости: «Все старинные крепостные люди и по вотчинам и поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяня вотчинником своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено». В манифесте, которым надлежало объявить введение нового Уложения, говорилось, что подданные «будут мирны, безмятежны и смиренны» и каждый может «благочестно пребывать» и «познавать» своё звание. Российская модернизация, проводимая рабами регулярного государства, неуклонно сворачивала на казённо-крепостнический путь.

Но и перед несгибаемым самодержцем встал неизбежный вопрос: кому передать дело своей жизни? По воле царя Россия

в 1718 году присягнула новому наследнику — его сыну Петру Петровичу. Но в апреле 1719 года тот неожиданно умер, и четырёхлетний сын казнённого Алексея стал наиболее вероятным кандидатом на престол и объектом политических интриг: за ним начали пристально наблюдать иностранные дипломаты. После долгих колебаний Пётр I утвердил в феврале 1722 года первый в российской политической традиции закон о престолонаследии. Но этот важнейший правовой акт по сути провозглашал беззаконие — право монарха назначать наследника по своему усмотрению и отменять уже состоявшееся назначение по причине «непотребства» кандидата: «Понеже всем ведомо есть, какую авессаломскою злостию надмен был сын наш Алексей и что не раскаянием его оное намерение, но милостью Божиею всему нашему отечеству пресеклось, а сие не для чего иного у него взросло, токмо от обычая старого, что большему сыну наследство давали... чего для заблагорассудили сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея узду на себе».

Вслед за столь революционным актом царь издал распоряжение о присяге будущему — неназванному — наследнику. Порядок престолонаследия — незыблемая основа любой монархии. Но по петровскому закону выходило, что претендовать на власть могли все возможные кандидаты: дочери государя Анна и Елизавета; его внук и полный тёзка «великий князь Пётр Алексеевич», а также невестка Петра, вдова его брата Ивана царица Прасковья Фёдоровна и её дочери Екатерина, Анна и Прасковья. За спинами кандидатов на престол складывались «партии», членам которых воцарение поддерживаемого ими претендента сулило титулы, чины, ордена, земельные пожалования, что и стало залогом длительной нестабильности.

Единственным мужчиной среди претендентов был семилетний царевич Пётр, на которого дед не рассчитывал. В итоге он выбрал в преемницы любимую Катеринушку. В ноябре 1723 года был издан манифест о предстоявшей коронации Екатерины (по образцу «православных императоров греческих»), поскольку она «во многих воинских действиях, отложив немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно помогала». Церемония коронации состоялась в Москве в мае 1724 года. Однако не прошло и нескольких месяцев, как супруг узнал о предосудительной связи императрицы с красавцем камергером и управляющим её канцелярией Виллимом Монсом. В это же время в очередную опалу из-за

неутомимого казнокрадства попал Меншиков, которого Пётр уже лишил поста президента Военной коллегии. Подмётное письмо, оказавшееся справедливым, обвиняло во взяточничестве и других злоупотреблениях членов Вышнего суда сенаторов А. А. Матвеева и И. А. Мусина-Пушкина, генерала И. И. Дмитриева-Мамонова и кабинет-секретаря императора А. В. Макарова. Меншикову и Макарову, пользовавшимся ранее поддержкой Екатерины, новые обвинения могли стоить головы; генерал-фискал Мякинин в последнюю неделю жизни царя дважды, 20 и 26 января 1725 года, докладывал Сенату о взятках и хищениях крупных чиновников.

Царь так и не смог решить, на ком из потенциальных наследников остановить выбор. Его старшая дочь была в 1724 году обручена с голштинским герцогом Карлом Фридрихом. По условиям брачного договора Анна и её муж отрекались от прав на российскую корону; однако документ содержал секретную статью, согласно которой Пётр имел право провозгласить своим наследником сына от этого брака, появления которого на свет ещё надо было дожидаться.

Царь медлил с принятием решений о наследнике и о судьбе своих ближайших слуг. Даже умирая (царь страдал мочекаменной болезнью, приведшей к заражению крови) в январе 1725 года, он не отдал никаких распоряжений. Сам он не думал о скором конце: был полон планов, готовился после лечения и отдыха отправиться в Ригу и уже назначил с марта пятницу приёмным днём по сенатским делам. Вплоть до 25-го числа Пётр был способен заниматься делами: «записная книга» кабинет-секретаря Макарова фиксирует собственноручные петровские «пометы» о выдаче денег из Кабинета. В этот день врачи решились на операцию, принесшую лишь кратковременное облегчение. Состояние больного стало внушать опасения: от страшных болей Пётр «неумолчно кричал, и тот крик далеко слышен был».

Он скончался около пяти часов утра 28 января на втором этаже своего Зимнего дворца. Возможно, умиравший пытался в последний раз подчинить события своей воле — но на это у него уже не было сил, а ни сторонники его жены Екатерины, ни приверженцы его внука Петра не были заинтересованы в том, чтобы он назвал имя наследника. Секретарь австрийского посольства доложил в Вену, что Меншиков и его сторонники сумели настолько изолировать императора, что никакое его «устное распоряжение в ущерб Екатерине не могло иметь успех». В созданной трудом всей жизни государя системе не оказалось ни чётких правовых норм, ни авторитетных учреждений, чтобы обеспечить преемственность власти.

Глава пятая
ЗОЛУШКА У ВЛАСТИ

*Великая героиня и монархиня и
мать всероссийская.*

Феофан Прокопович

Лифляндская пленница

В льстивом панегирике новой российской царице учёный грек Софроний Лихуд весьма изящно высказался о родословной Екатерины: «... Не от человеческого рода какого низводишися, но ниспослана еси семо на землю с неба», — и до известной степени был прав. Сохранилось несколько версий происхождения Екатерины; согласно наиболее вероятной из них она — лифляндская уроженка литовского происхождения Марта Скавронская. Польский язык был родным для её семьи, которую до 1726 года держали «под крепким караулом»: брат царицы был ямщиком, а сестра с мужем — крепостными. Неизвестен и год её рождения: составители «Календаря» на 1725 год указали, что царице 41 год, а год спустя извинились и определили её возраст в 38 лет.

Как бы то ни было, после смерти родителей от чумы в начале Северной войны сирота оказалась на попечении тётки — Василевской или Веселевской, затем в услужении у пастора Глюка в городке Мариенбурге (нынешнем латвийском Алуksне), где приняла лютеранство. Новый господин весной 1702 года выдал девушку замуж за шведского драгуна Иоганна Крузе, который вскоре после свадьбы отбыл на войну. Екатерина больше никогда не увидела своего мужа, но особо по нему не горевала и вообще отличалась весёлым нравом и обаянием.

В августе 1702 года войска фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева подошли к крепости. После недолгой осады гарнизон согласился капитулировать, но кто-то из шведов взорвал пороховой погреб — и городок был взят уже без всяких условий. Для Екатерины рождественская сказка началась по-военному — после взятия крепости она стала трофеем: сначала была «полоном» кого-то из солдат, затем девушку приметил сам командующий Шереметев, а у того её выпросил удалой ка-

валерийский генерал и ближайший друг царя Александр Меншиков и поместил к сёстрам Арсеньевым, на одной из которых вскоре женился.

Через некоторое время пленница попала на глаза самому Петру — и сумела произвести на него впечатление. К тому времени личная жизнь царя складывалась неудачно. Царице Евдокии Фёдоровне были глубоко чужды его дела и вкусы, а многолетний роман с Анной Монс подошёл к концу: милая блондинка из Немецкой слободы завела шашни с саксонским посланником. Во время бурного объяснения Пётр обвинял изменницу в неблагодарности, обещал, что Анна ни в чём не будет нуждаться — и посадил её под домашний арест. Вот тут-то он и обратил внимание на очаровательную служанку в доме своего приятеля.

«Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот её приобрёл. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая её, сказал, что она умная, а закончил свою шутивную речь тем, что велел ей, когда она пойдёт спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутивном тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя», — поведал в своих мемуарах об этой нечаянной встрече французский капитан русского флота Франсуа Вильбуа.

Во время нового приезда Пётр поинтересовался, что с ней стало и почему он её не видит.

«Её позвали. Она появилась со своей естественной грациозностью. Это было ей свойственно во всех её поступках, как бы они ни были, но замешательство было так явно написано на её лице, что Меншиков был смущён, а царь, так сказать, озадачен, что было редким явлением для человека его характера... Царь, посмотрев на неё, сказал: “Екатерина, мне кажется, что мы оба смутились, но я рассчитываю, что мы разберёмся этой ночью”. И, повернувшись к Меншикову, он ему сказал: “Я её забираю с собой”. Сказано — сделано. И без всяких формальностей он взял её под руку и ушёл в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но не говорил с ним о том, чтобы прислать ему её обратно. Однако на четвёртый день, поговорив со своим фаворитом о разных делах, которые не имели никакого отношения

к любовным делам, когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: “Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне её уступить”. Меншиков дал своё согласие кивком головы с поклоном и удалился¹³.

Так ли было на самом деле, нет ли, но поначалу Марта очутилась среди многих «метресс» вечно куда-то спешившего царя. Она сумела понравиться не только Петру, но его любимой сестре Наталье; приняла православие и стала Катериной Василевской. Современники считали, что она просто приворожила Петра — так быстро она выделилась из прочих красавиц, так крепко полюбил её царь. Отставной капрал Ингерманландского полка Василий Кобылин на пьяную голову рассказывал в 1724 году о прошлом императрицы: «Она де не природная и не русская, и ведаем мы, как она в полон взята и приведена под знамя в одной рубаше и отдана была под караул, и караульный де наш офицер надел на неё кафтан; да она же де с князем Меншиковым его императорское величество кореньем обвели». Капрала за дерзость казнили, но служил он, между прочим, в личном полку Меншикова, и его впечатления о бывшей пленнице, похоже, были не лишены достоверности. Видно, были в этой женщине необыкновенная притягательность и внутренняя сила. Портреты не передают её — статная царица, с симпатичным, но тяжеловатым лицом воплощала тип красоты, далёкий от нынешнего идеала, воплощаемого фотомоделями, но куда более созвучный своей эпохе.

Люди прошлого лучше чувствовали её очарование. «Черты лица Катерины Алексеевны неправильны; она вовсе не была красавицей, но в полных щеках, в вздёрнутом носе, в бархатных, то томных, то горящих (на иных портретах) огнём глаз, в её алых губах и круглом подбородке, вообще во всей физиономии столько жгучей страсти; в её роскошном бюсте столько изящества форм, что не мудрено понять, как такой колосс, как Пётр, всецело отдался этому “сердешинькому другу”», — это голос не поклонника, а историка XIX века и издателя журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского. По словам другого историка и одновременно придворного, графа Сергея Дмитриевича Шереметева, подруга Петра была «очень телесна во вкусе Рубенса и красива». А такой увидел Екатерину дипломат-современник: «В настоящую минуту (1715 год. — *И. К.*) она имеет приятную полноту; цвет лица её весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у неё чёрные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное».

Приятная во всех отношениях наложница быстро завоевала сердце господина. В 1704 году при осаде Нарвы она уже находилась в царском лагере; в последующие годы Пётр вызывал её в Киев, Дубно, Глухов; с ней он встречал победный 1709 год в Сумах. В 1704 и 1705 годах она родила двух сыновей — Петра и Павла; в 1706-м — дочь Екатерину (все они умерли в младенчестве). 29 декабря роженица «докладывала» о рождении дочери:

«Милостивому нашему батюшке господину полковнику. Здравие твоё да сохранит Бог на лета многа. Поздравляем мы тебе с новорожденною девицею Екатериною, а рождение её было декабря в 27 день. Пожалуй, батюшка, порадуй нас своим писанием, а мы о твоём здоровье ежечасно слышать желаем. А про нас изволишь милостию своею напаметовать, и мы молитвами твоими декабря в 29 день в добром здоровье. Пожалуй в забвеньё нас не учини, к нам приезжай или нас к себе возми.

Не покручинься, батюшка, что дочка родилась: к миру. За сим писавый matka с дочкою и с тёткою поздравляем».

Следующими детьми Петра и Екатерины были девочки-погодки: в 1708 году родилась Анна, в 1709-м — Елизавета.

Шестого марта 1711 года накануне отъезда в Прутский поход Пётр I тайно обвенчался с простолюдинкой, которая теперь стала называться царицей Екатериной Алексеевной. Сочетаться браком с «мужичкой», а не с боярской дочерью или принцессой королевской крови (после Полтавы кто бы отказал посватавшемуся Петру?) было не только вызовом обычаям, но и отступлением от государственного интереса ради личного счастья. Для новобрачной же это был уж совсем немислимый взлёт: пленница-служанка, наложница и, наконец, супруга могущественного государя.

К месту пришла и легенда, согласно которой сопровождавшая Петра в Прутском походе Екатерина передала в подарок великому визирю Балтаджи-паше все свои деньги и драгоценности, что сделало турецкого военачальника более сговорчивым при заключении спасительного для русской армии мирного договора. Однако царицыны драгоценности не понадобились. Главный переговорщик Павел Шафиров действительно пообещал визирю 150 тысяч рублей и ещё 100 тысяч — другим турецким начальникам, но деньги были выделены из армейской казны; под командой бравого офицера и будущего министра Артемия Волынского в турецкий лагерь отправился целый обоз в «пяти ящиках, в семи фурманах, в шести палубех при 50 лошадях». Шафиров уже приготовился

их раздать, но получать русские деньги турки стеснялись, а иностранной валюты в русском лагере не было. «...от русских денег всяк бежит, и не смеют их принять, и так оные дешёвы, что ходит левок их наших денег по 40 алтын. По се число ещё никто оных не берёт, опасаютца, чтоб кто не признал», — писали 28 июля 1711 года из турецкого лагеря Шафиров и второй посол М. Б. Шереметев. Дипломаты привезли деньги в Стамбул, но визирь так и не смог их принять — Карл XII, до невозможности огорчённый отказом турок продолжать войну, обвинил вельможу в том, что он сознательно выпустил русских из ловушки, и Балтаджи-паша был смещён.

Екатерина же раздавала свои драгоценности офицерам (потом она отберёт их обратно), но не подкупала ими турок, как утверждали впоследствии Вольтер и другие авторы. Но царь, видимо, запомнил, как держалась его боевая подруга, когда сам он на какое-то время потерял самообладание и, по сообщению датского посла Юста Юля, «как полоумный бегал взад и вперёд по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова». Можно предположить, что с ним случился нервный припадок; в таких случаях Екатерина была незаменима.

Царь и его тайная жена вернулись из неудачного похода невредимыми. 19 февраля 1712 года тайное стало явным: была сыграна свадьба, хотя жених и именовался на ней не царём, а вице-адмиралом. Но Екатерина стала настоящей царицей и любимой женой.

Петербургская царица

Чудо, произошедшее с Золушкой, не изменило её — она оставалась такой же милой и заботливой боевой подругой царя, спутницей в его походах. Екатерина приспособилась к тяжёлому характеру супруга, угождала его вкусам, умела успокаивать его во время приступов ярости. Но главное — она сумела дать одинокому и фактически бездомному царю (до переезда в Петербург у Петра не было постоянной резиденции — он жил в дороге и в гостях) ощущение собственного уютного дома. «Горазда без вас скучаю», — писал Пётр из Вильно, добавляя, что в отсутствие жены его «ошить и обмыть некому». Но её забота не могла удержать дома неутомимого государя. Супруги часто расставались. Однако именно благодаря этому до нас дошли десятки их писем. Пётр писал коротко и просто. Так, в сентябре 1711 года, будучи на знаменитом европейском курорте Карлсбад (нынешние Карловы Вары в Чехии), он обращался к жене, находившейся в то время в Польше:

«Катеринушка, друг мой, здравствуй!

А мы, слава Богу, здоровы, толко с воды брюхо одула, для того так поят, как лошадей; и инова за нами дела здесь нет, толко что ссать. Письмо твое я чрез Сафонова получил, которое прочитая горазда задумался. Пишешь ты, якобы для лекарства, чтоб я нескоро к тебе приехал, а делам знатно сыскала ково-нибудь вытнее (здоровее. — *И. К.*) меня; пожалуй отпиши: из наших ли или из таруннчан (жителей польского Торуня. — *И. К.*)? Я болше чаю: из тарунчан, что хочешь отомстить, что я пред двумя леты занял. Так-та вы еввины дочки делаете над стариками! Кнез-папе и четверной лапушьке (младшей дочке Елизавете, ещё не умевшей ходить и ползавшей на четвереньках. — *И. К.*) и протчим отдай поклон.

Пётр».

В августе 1712 года в тяжёлую минуту (Петру никак не удалось наладить отношения с союзниками для совместных действий против шведов в Померании) он позволил себе пожаловаться жене: «Мы, слава Богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо левьшюю не умею владеть, а в одной правой руке принужден держать шпагу и перо; а помочников сколко, сама знаешь».

В том же году, уже из Берлина, он слал жене извинения, что не сумел достать для неё устриц: «Объявля[ю] вам, что я третьеве дни приехал сюды и был у кораля, а вччерась он поутру был у меня, а ввечеру я был у королевы. Посылаю тебе, сколко мог сыскать, устерсоф; а болше сыскать не мог, для того что в Гамбурхе сказывают явился пест (чума. — *И. К.*), и для того тотчас заказали всячину отголь сюды возить. Я сего моменту отьежаю в Лейпъцих. Пётр».

В следующем году он шлёт письмо с поля Полтавского сражения: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Посылаю к тебе бутылку венгерского (и прошу, для Бога, не печалься: мне тем наведёшь мненье). Дай Бог на здоровье вам пить, а мы про ваше здоровье пили. Пётр. С Полтавы, майя в 2 д. 1713. Кто не станет севодни пить, тому будет великой штроф». А уже через две недели царь извещает «друга сердешнинкого» о начале покорения шведской Финляндии: «...Объявляю вам, что господа шведы нас зело стыдятца, ибо нигде лица своево нам казать не изволят. Аднакож мы, слава Богу, внутрь Финляндии вошли и фут взяли (стали твёрдой ногой. — *И. К.*), отколь ближе можем их искать. А что у нас делалась, о том прилагаю при сём ведение».

Между делом он сообщал и о своих хворях — но всегда успокаивал, как в августе 1721 года: «А что сумневаеся о мне: слава Богу, здоров и не имел болезни, кроме обыкновенной с похмелья; истинно верь тому».

В январе 1717 года Пётр утешал жену после смерти очередного сына, маленького Павла Петровича: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Письмо твоё получил (о чём уже прежде уведомил) о незапном случае, которой радость в печаль пременял. Но что ж могу на то ответство дать? токмо со многострадалным Иевом: Господь даде, Господь и възят; яко же годе ему, тако и бысть. Буди имя Господне благославленно отныне и до века! Прошу вас також о сём разсуждение иметь; а я, колко могу, разсуждаю. О себе объявляю, что, слава Богу, час от часу умаляетца моя болезнь, и чаю в[с]коре выходить из дому, а и была не иная какая, толко чечуй (геморрой. — *И. К.*); а въпротчем, славлю Бога, здороф, и давно б ехал к вам, ежели б водою мочно было, а сухим путём ещё боюся разтрес[ть]ся; к тому ж ожидаю ответа от аглинского караля, которого на сих днях сюды ждут. Паки прошу, дабы вы обо мне нимало не мыслили о болезни; и для того послал Румянцова, чтоб вам умел лутче словами изъяснить, что я, слава Богу, не толко теперь, но ниже был тяжело болен». В Брюсселе царь заказывал для жены знаменитые брабантские кружева: «Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй! А мы, слава Богу, здоровы. Посылаю к тебе кружива на фантанжу и на агажanty*; а понеже здесь славньныя кружевы из всей Эуропы и не делают без заказу, того для пришли образец, какие имена или гербы во оных делать. Хотя мы сего дня и отъезжаем отсель; аднакож где мы ни будем, а когда получю от вас образцы, то на почте пошлю сюды...»

Летом того же 1717 года Пётр в шутовой манере сообщал любимой супруге о свидании в Париже с юным королём Людовиком XV: «Объявляю вам, что в прошлой понеделник визитовал меня здешней каралища, которой палца на два более Луки нашева, дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему доволно разумен, которому седьм лет», — и сообщал о намерении заказать её гобеленовый портрет: «Тапицерейная (шпалерная. — *И. К.*) рабо[та] здесь зело преславная, того для пришли мою партрету, что писал Мор, и свои обе: которую Мор и другую, что француз писали, такъже и крепиша с племянником, а буде оной уехал, то с Орликовым, дабы здесь тапицерейною работою оных несколько зделать», — а также о том, что отослал с бельгийского курорта Спа очередную любовницу: «Инаго объявить отсель нечего, только что мы сюды

* Фонтанж (фр. *fontange*) — дамская высокая причёска эпохи Людовика XIV, введённая в моду его фавориткой герцогиней де Фонтанж, и чепец из ряда накрахмаленных кружев, крепившийся при помощи шпилек и проволочных конструкций. Агажanty (фр. *engageante*) — длинные женские манжеты с кружевами.

приехали вчерась благополучно; а понеже во въремя пития вод домашней забавы дохторы употреблять запърещают, того ради я матрису свою отпустил к вам; ибо не мог бы удержатца, ежели б при мне была».

А через два дня Пётр снова обращался к жене, беспокоясь о здоровье дочерей: «Письмо твоё от 11 д. сего месеца вчерась я получил, в котором пишешь о болезни дочерей наших, и что первая, слава Богу, свободилась, а другая слегла, о чём и к[нязь] Александра Данилович пишет ко мне; но переменной штиль ваш так меня опечалил, о чём скажет вам доноситель сего, ибо весьма иным образом писана. Дай Боже, чтоб о Аннушке так слышать, как о Лизенке. А что ты пишешь ко мне, чтоб я скоряя приехал, что вам зело скушно, тому я верю; только шлюсь на доносителя — каково и м[н]е без вас, и могу сказать, что, кроме тех дней, что я был в Версалии и Марли, дней з 12, сколь великой плезир имел! А здесь принужден быть несколько дней, и когда отоплю воды, того же дня поеду...» Впрочем, и во время лечения царь любил выпить любимого венгерского или чего покрепче, но в письмах уверял, что больше пяти бутылок в день не употребляет, «а крепиша по одной или по две, только не въсегда: иное для того, что сие вино крепько, а иное для того, что его ретко».

Он постоянно писал Екатерине о ходе работ на строительстве полюбившейся обоим резиденции в пригороде Ревеля — нынешнем таллинском Кадриорге. Июнь 1719 года: «...Огород новой зело изрядной, и деревья с морской стороны или от норда зело хороши посажены, а с сюдной почитай всё переменять; а шпалер не единова дерева не посажено, в чём Нероноф солгал. Теперь равняют двор, что за палаты будет; а в агароде земленая работа вся отделана. Правьда сказать, что диковинка будет, как отделаетца! Мы, чаю, позавътрее пойдем отсюды к Ангуту. Посылаю при сём цветок да мяты той, что ты сама сажала. Слава Богу, всё весело здесь; только когда на загородной двор приедешь, а тебя нет, та очень скушно. Дай Боже в радости паки вас видеть!» Июль 1723 года: «...Огород, которой 2 года как посажен, так разросся, что веры нельзя нять; ибо одинакие деревья большия, которые вы видели, уже в некоторых местах срослись вет[в]ями через дороги, и любимое тёткина дерева, у которого сук подобен средоуказательному персту без нохтя, изрядна принелось; каштаны такъже все изрядно кроны имеют. Полаты только снаружи домазавают, а вънутри готовы, и единым словом сказать, что едва ль где инде такой дом правильной имеем. При сём посылаю вам клубники, которая ещё до приезде нашего на грядах поспела, также и вишни; зело удивляюсь, что так рана здесь поспевает, а один градус с

Питербурхом, и для сей куриозы посылаю вам оных фрукт-тов...» В июне 1724 года император, восторгаясь своей новой столицей, не мог удержаться от того, чтобы не сказать супруге, как тоскует по ней: «...как дитя в красоте растущее, и в огороде повеселились; толко в полаты как войдѣш, так бежать хочетца — всё пусто без тебя».

Екатерина до конца жизни оставалась неграмотной, но её письма царю, даже будучи написаны рукой канцеляриста, до некоторой степени передают установившуюся в семье атмосферу добродушно-грубоватого подтрунивания. «...Вчерашнего дня, — сообщала она супругу из Ревеля в июле 1714 года, — была я в Питер Гофе, где обедали со мною 4 ковалера, которые по 290 лет. А именно Тихон Никитич, король Самояцкой, Иван Гаврилович Беклемишев, Иван Ржевской, и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать».

Супруга постоянно просила царя «уведомить о состоянии своего дражайшего здравия», жила его интересами и бедами; всегда старалась поздравить с памятными датами — днями сражений при Лесной, Полтаве или Гангуте, — и сама отмечала их в его отсутствие; например, в июле 1719 года она сообщала: «...про здоровья ваше ели и венгерское пили, и при том сама палила трижды из пушек», — но при этом напоминала и о датах их совместной жизни: дне своего рождения (5 апреля) или дне свадьбы. Так же, как Пётр, Екатерина подшучивала над не всегда смешными «оказиями»: «...шёл он бедненкой (подвыпивший француз-садовник. — *И. К.*) ночью чрез канал, сшолся с ним напротив Ивашка Хмелницкой, и каким-та побытом с того мосту столкнув, послал на тот свет делать цветников». Она регулярно информировала мужа о здоровье и поведении детей и особенно о наследнике Петре Петровиче, который, как она считала, в двухлетнем возрасте обнаруживал любезные родительскому сердцу склонности. «...Оной дорогой наш шишечка часто своего дражайшаго папа упоминает и при помощи Божии во своё состояние происходит и непрестанно веселитца мунштированьем салдат и пушечною стрельбою», — сообщала супруга государю в августе 1718 года, через полтора месяца после смерти царевича Алексея.

Екатерина ценила заботу мужа и его подарки: «Особливо благодарствую за присланные кружива брабанские, которые я також в целости получила. А что изволили вы милостиво ко мне писать, чтоб прислать обрасцы, какие мне ещё надобны кружива; и хотя я и не хотела тем утрудить вашу милость, однако ж при сѣм образец посылаю и прошу против оного приказать зделать на фантанжи, толко б в тех круживах были зделаны имяна ваше и моё, вместе связанные». И конечно же она

тоже стремилась порадовать вечно находившегося в дороге Петра подарками — посылала «кафтан, два камзола, штаны, партупей; дай Боже, на здравие носить», «полпива и свежепросолённых огурцов», «помаранцов и других овощей и венгерского вина», «винные ягоды и дыни из нашего огорода», «фи-ги», «здешнева огорода фруктов», цитроны и «аплицины», «яблоки и орехи свежие», селёдку. Чаще всего среди её презентов были любимое царём вино «венгерское крепкое и сладкое» и водка — «крепыша шесть бутылок», «крепыша несколько бутылок» или «крепиша три фляши». Пётр спешил отдариться соответственно. «Посылаю к вам вина бургонского 7 бутылок, да другово красного 12 бутылок. Дай Боже вам здорово пить!» — писал он с дороги из Астрахани в Петербург в декабре 1722 года.

Екатерина не забывала о том, как она стала царицей, и милостиво прощала Петру его увлечения другими женщинами. Среди них были генеральша Авдотья Ивановна Чернышёва, которую Пётр называл «Авдотья бой-баба», славившаяся красотой княгиня Мария Черкасская, Мария Матвеева, Головкина, Измайлова, княжна Кантемир... Еще одной «метресишкой» была камер-фрейлина Екатерины Мария Гамильтон. Когда она наскучила царю, то соблазнила его денщика Ивана Орлова, с которым часто ссорилась и с целью примирения одаривала любовника подарками, в том числе и вещами, украденными у Екатерины. В 1718 году Пётр повелел «девку Марью Гамонтову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была от него брюхата трижды и двух ребёнок лекарствами из себя вытравила, а третьего удавила и отбросила, за такое душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексеевны крада алмазные вещи и золотые, в чём она с двух розысков повинилась, казнить смертию». Екатерина пыталась заступиться за свою фрейлину, но царь был непреклонен: убитые младенцы, возможно, были его детьми, а этого, как и измены, он фаворитке не простил.

«Також хотя и есть, чаю, у вас новые портомой, однакож и старая не забывает и посылает дюжину рубах и галздуков новых, также камзол и шлафрок», — писала Екатерина мужу в Париж из Амстердама в 1717 году. И по поводу отосланной мужем из Спа любовницы (кажется, это была её камер-юнгфера Анна Крамер) не сердилась — но всё же не удержалась от ехидного замечания: «Что же изволите писать, что вы матресишку свою отпустили сюда для своего воздержания, что при водах невозможно с нею веселитца, и тому я верю; однакож болше мню, что вы оную изволили отпустить за её болезнью, в которой она и ныне пребывает, и для леченья изволила поехать в Гагу; и не желала б я (от чего Боже сохрани!), чтоб и галан[т]

(любовник. — *И. К.*) той матресишки таков здоров приехал, какова она приехала. А что изволите в другом своём писании поздравлять именинами старика и шишечкиными; и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая шишечка на будшей год поспела».

Пётр любил называть себя стариком при молодой жене — и она, как могла, убеждала мужа, что он вовсе не старик, а очень даже импозантный мужчина и это могут подтвердить многие её ровесницы. В июле 1719 года Екатерина писала мужу: «Также изволили означить позавтрешним стариком. Дай Бог мне, дождавшись, верно дорогим называть стариком, а ныне не признаваю, и напрасно затеяно, что старик: ибо могу поставить свидетелей старых посестрей; а надеюсь, что и вновь к такому дорогому старику с охотою сыщутца».

Письма Екатерины и Петра, несмотря на не слишком изысканные шутки, дышат нежностью и теплотой; в них отразилось чувство, связывавшее их больше двадцати лет, о котором свидетельствуют постоянно встречающиеся понятные только им намёки и милые домашние прозвища, выражения беспокойства о здоровье и безопасности друг друга, сетования на тоску в отсутствие близкого человека. «Как ни выйду [в Летний сад], — писала царица, — часто сожалею, что не вместе с вами гуляю». Ответное письмо — «А что пишешь, что скушно гулять одной, хотя и хорош огород, верю тому, ибо те ж вести и за мною — только моли Бога, чтоб уже сие лето было последнее в разлучении, а впредь бы быть вместе» — Пётр написал накануне Гангутского сражения. Екатерина тут же подхватила мысль мужа: «Токмо молим Бога, да даст нам, чтоб сие лето уже последнее быть в таком разлучении», — а затем ещё не раз ожидала «счастливого сюда прибытия» вечно занятого делами Петра.

В Екатерине не было изящества её дочери Елизаветы, интеллекта Екатерины II, но Пётр был без ума от жены: она стала матерью любимых им детей, настоящей заботливой хозяйкой дома, которого у царя раньше никогда не было. Голштинский министр Генинг Бассевич, кажется, подметил главное в их отношениях: «Супруга его была с ним, окружённая, согласно воле монарха, царским блеском, который ему всегда был в тягость и который она умела поддерживать с удивительным величием и непринуждённостью. Двор её, который она устраивала совершенно по своему вкусу, был многочислен, правилен, блестящ, и хотя она не могла вполне отменить при нём русских обычаев, однако ж немецкие у неё преобладали. Царь не мог надивиться её способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не

родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся один величием своей простоты, другой — своею роскошью. Он любил видеть её всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась».

Лучше, пожалуй, и не скажешь. Екатерина владела редким даром — врождённым тактом и чувством меры. Безграмотная крестьянка смогла естественно играть роль государыни — и не московской боярыни, а светской дамы, пленявшей гостей танцем и беседой; она умела проникнуться интересами мужа, радоваться его успехам и переживать его неудачи.

Сохранившиеся документы петровского двора показывают Екатерину погружённой в хозяйственные заботы дворцового обихода. Царица закупала вина и водку; приобретала заморские колбасы или «чекулад», прибывавшие в Петербург на иностранных судах; приказывала доставить «про государев обиход две тысячи раков больших» или астраханских арбузов и винограда; посылала мужу свежую клубнику и огурчики.

В этой сфере она чувствовала себя вполне уверенно, как и в обществе придворных за карточным столом или в качестве арбитра в отношениях членов царского семейства. В свою очередь, Пётр нежно заботился о «сердешничком друге», мог послать букет цветов из «ревельского огорода», бегло сообщал о походах и сражениях, но в серьёзные дела не посвящал, и никаких следов участия Екатерины в управлении государством нет, если не считать таковыми умение вовремя замолвить слово за провинившегося или сгладить разгоравшийся конфликт. Однако именно ей император решил предоставить особый, независимый от брака титул императрицы и тем самым преимущественное право на престол. Его указ о предстоящем событии гласил, что Екатерина «во многих воинских действиях, отложив немощ женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче прудской баталии с турки... почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии и от них несумненно всему государству».

Утром 7 мая 1724 года по крытому красным сукном помосту, ведущему из дворцовых палат Московского Кремля в древний Успенский собор, вдоль выстроившихся рядами гвардейцев в центре торжественной процессии шла уже немолодая женщина в тяжёлой, «по испанской моде», робе пурпурного цвета с золотым шитьём (длинный шлейф несли пять придворных дам) и головном уборе, осыпанном драгоценными камнями и жемчугом. Под руку её вел будущий зять, герцог Голштинский Карл Фридрих, а сопровождали в храм в качест-

ве «ассистентов» великий канцлер Г. И. Головкин и генерал-адмирал Ф. М. Апраксин. Возглавляли процессию Пётр I и вся военная знать — генералы и бригадиры империи, а замыкали камергеры, кавалеры двора, дамы и девицы «первого достоинства» и «прочая шляхта национальная».

Через несколько минут после того как процессия заполнила собор, император повелел приступить к церемонии коронации: Екатерина прочла «Символ веры», преклонила колени, и сам Пётр возложил на неё роскошную коронационную мантию с орлами и драгоценную корону, а первый по сану новгородский архиерей Феодосий вручил «державный глобус». В этот момент под «многолетие» певчих грянул орудейный залп вместе с беглым огнём десяти тысяч солдат из собранных в старой столице полков. Очевидцы заметили слёзы на лице Петра; Екатерина же в порыве чувств «хотела как бы поцеловать его ноги; но он с ласковою улыбкою тотчас же поднял её». Вечером двор отмечал событие торжественным обедом в Грановитой палате, а для народа в Кремле был устроен роскошный праздник с жареными на вертелах быками и фонтанами белого и красного вина, подводившегося по трубам с колокольни Ивана Великого.

Коронация стала кульминацией неслыханной карьеры императрицы, начавшей свой путь на трон из крестьянской избы. Вопреки всем социальным рамкам, Екатерина сумела стать не очередной «метрессой», но самым близким и необходимым непредсказуемому и вспыльчивому царю человеком; она была заботливой женой и матерью, одобряла и предупреждала любые желания супруга, беспокоилась о его здоровье, а также умела успокаивать его во время припадков безудержного гнева. Правда, прочная взаимная привязанность и семейное тепло, а также необходимость узаконить рождённых детей могли объяснить вступление царя в официальный брак с Екатериной, но не демонстративную коронацию супруги, хотя Пётр и ссылался на пример «православных императоров греческих». Едва ли он обольщался насчёт государственных способностей Екатерины — скорее уж рассчитывал на поддержку своего ближайшего окружения, которое позволило бы его жене относительно спокойно царствовать, но не дало бы ей отказать от его реформ.

Однако именно с этой стороны Петра постиг удар, которого он не ожидал. 8 ноября того же года был арестован управляющий канцелярией Екатерины Виллим Монс — по официальной версии, за злоупотребления и казнокрадство. Современники же считали, что главной причиной была предосудительная связь императрицы с красавцем-камергером. Брат любовницы

молодого Петра I Анны Монс и генеральс-адъютант царя по его воле стал камер-юнкером царицы Екатерины, а затем, уже по собственной инициативе, её фаворитом. За пять-шесть лет он вошёл в такую «силу», что к нему за помощью не стеснялись обращаться фельдмаршалы, губернаторы и архиереи. За протекцию фаворита одавали деньгами, лошадьми, собаками, драгоценностями и даже именьями. Все прошения объединяло то, что для их исполнения надо было обойти закон, в чём Монс преуспевал. При коронации Екатерины он был пожалован в камергеры, но получить патент уже не успел. Блестящего кавалера сгубили тщеславные слуги. Сначала секретарь Монса Егор Столетов не сумел скрыть доверенные ему важные письма, затем передатчик любовных посланий придворный шут Иван Балакирев рассказал о придворных «тайностях» своему приятелю Ивану Суворову, а тот поделился с другим — и последовал донос. Сам царь допрашивал Столетова и шута — и узнал всё об отношениях жены с молодым придворным. 16 ноября на Троицкой площади Петербурга Монсу отрубили голову по обвинению в лихоимстве.

Имя императрицы на следствии, естественно, не упоминалось; тем не менее Пётр повёз жену смотреть на голову казнённого «галанта». По данным австрийских дипломатов, император велел опечатать драгоценности супруги и запретил исполнять её приказания. Согласно свидетельствам капитана Ф. Вильбуа и французского консула Виллардо, в это время он уничтожил заготовленный акт о назначении её наследницей. Царица откровенно боялась за своё будущее, хотя и пыталась, как сообщал саксонский посланник Лефорт, вернуть расположение мужа, на коленях вымаливая у него прощение.

Развязка произошла в январе 1725 года — колесо Фортуны сделало новый оборот. Официозная версия событий была составлена главным придворным идеологом Феофаном Прокоповичем. Феофан, «самовидец» событий, о многом умолчал, но подробно описал, как по кончине императора во дворце собрались члены Сената, генералитет и лица «из знатнейшего шляхетства» и после пространных речей о праве на трон Екатерины признали его «без всякого сумнительства». Более драматическую трактовку событий дал в своих записках голштинский министр Бассевич. Ему якобы стало известно о готовившемся заговоре против императрицы и её семейства», после чего сам он вместе с Меншиковым начал операцию по спасению Екатерины. Именно Бассевич привёл знаменитый рассказ о последней попытке Петра I назвать имя наследника: «Император пришёл в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было

разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: “Отдайте всё...”». На деле же Пётр в первые дни болезни явно рассчитывал на её благополучный исход, а потом события стали развиваться слишком быстро. Сообщения французского, шведского и голландского дипломатов от 26 января говорят о состоявшемся в середине дня заседании сенаторов и президентов коллегий, где был найден компромисс: наследником становился законный в глазах большинства населения сын царевича Алексея Пётр при регентше Екатерине и под контролем высшего государственного органа — Сената.

Рассказ о заговоре против Екатерины явно не соответствует действительности. Ограниченную в правах регентшу свергать не было никакой необходимости. Заговор был организован как раз против регентства и в пользу самодержавия Екатерины. Её «партия» оказалась сильнее. 26 января дворец был окружён стражей. Как следует из журнала приказов по Преображенскому полку, ещё 24-го числа некоторых солдат и унтер-офицеров приглашали к «кабинет-секретарю господину Макарову», а несшим дежурство во дворце приказали, чтобы «на карауле стояли опасно и шуму б не было». В ночь с 27 на 28 января искусный дипломат Пётр Толстой пугал собравшихся во дворце вельмож неизбежностью ушибы при царе-мальчике. Толстой доказывал необходимость сохранения в империи самодержавия Екатерины, поскольку «все требуемые качества соединены в императрице: она приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала своё героическое мужество, своё великодушие и свою любовь к народу». Его противники (президент Юстиц-коллегии П. М. Апраксин, сенаторы Д. М. Голицын и И. А. Мусин-Пушкин, фельдмаршал и президент Военной коллегии Н. И. Репнин, дипломат В. Л. Долгоруков, канцлер Г. И. Головкин) отстаивали преимущество законных учреждений и традиций над «силой персон»; тогда как для Толстого и Меншикова личность самодержца явно была выше любого закона.

После ожесточённых споров победила «партия» Меншикова и Толстого. Они и их приверженцы сумели сорвать достигнутое было договорённость. Фельдмаршал Меншиков привёл с собой гвардейских офицеров, от имени которых без всякой риторики выступил майор Андрей Ушаков: «Гвардия желает видеть на престоле Екатерину и... она готова убить каждого, не одобряющего это решение». Новая политическая сила — петровская гвардия — решила спор о престолонаследии. Сделать выбор гвардейцам было нетрудно — для них, скорее всего,

проблемы выбора не существовало, преимущество «полковницы» было очевидно и осязаемо.

А что же сама Екатерина? Оказавшись в центре борьбы за власть, она, кажется, без колебаний встала на сторону старых и близких друзей. Пришлось выйти из образа убитой горем вдовы, которую с трудом оторвали от тела мужа, чтобы приготовить для своих сторонников, по словам Бассевича, «векселя, драгоценные вещи и деньги». Расходные книги царского Кабинета сообщают, что её воцарение обошлось в 30 тысяч рублей: 23 тысячи выплатили солдатам гвардии, остальное пошло на «тайные дачи» Ушакову и другим офицерам. А в апреле 1725 года 27 солдат-преображенцев во главе с сержантом Петром Ханыковым попросили об особой награде за то, что они стояли «на карауле у императорского величества бессменно генваря с 14 по 29 число». Сержант получил 50 рублей, а рядовые — по 25 рублей за то, что обеспечили изоляцию умиравшего императора.

Первый манифест нового царствования извещал о вступлении на престол Екатерины по воле самого Петра, «понеже в 1724 году удостоил короною и помазанием любезнейшую свою супругу и великую государыню нашу императрицу... за её к российскому государству мужественные труды». Но сам манифест был издан не от имени Екатерины — присягать новой государыне «правительствующий Сенат и святейший правительствующий Синод и генералитет согласно приказали», что весьма походило на слегка замаскированное избрание монарха теми, кто обладал реальной властью. В России начиналась «эпоха дворцовых переворотов».

«Матерь всероссийская»

Началось короткое и неяркое царствование Екатерины I (1725—1727). Но «женское правление», впервые торжественно провозглашённое в России, вызвало проблемы. Не случайно в торжественном слове в день «вспоминания коронации» Екатерины в 1726 году Феофан Прокопович, во всеуслышание признав наличие недовольных тем, что императрица «женское есть», не обличал их, а старался убедить, приводя в пример древних цариц Клеопатру и Зенобию и королеву Изабеллу Кастильскую.

Насколько было успешно пропагандистское сравнение «матери всероссийской» с языческими царицами сомнительного, с точки зрения христианской морали, поведения, сказать трудно. Но торжество недавней царской наложницы яви-

лось наглядным воплощением нового принципа служения регулярному государству, когда низкое происхождение уже не могло быть преградой на пути к чинам, почестям и «благородному» статусу. Начавшаяся «демократизация» правящего слоя не могла не пугать представителей старых фамилий, но являлась мощным стимулом к усердию для выходцев из «подлых» сословий и направляла их способности и энергию в нужное русло. Не случайно при всех явных недостатках этой системы она оставалась неизменной до самого конца существования монархии.

Однако сидящая на императорском престоле «баба» со всеми присущими её полу слабостями явно «снижала» в массовом сознании подданных сложившийся в прошлые века образ «великого государя царя». Едва ли сподвижники Петра действительно могли преклоняться перед далёкой от государственных дел женщиной сомнительного происхождения, ими же самими возведённой на престол.

Обретение власти не сделало домохозяйку государственным человеком. Конечно, Екатерина обещала «дела, зачатые трудами императора, с помощью Божией совершить» и по мере возможностей следовала этому обещанию. Она утвердила уже рассмотренные Петром штаты государственных учреждений, отправила в далёкое путешествие экспедицию капитан-командора Витуса Беринга, дала аудиенцию первым российским академикам. В новой столице продолжали мостить улицы и ставили первые скамейки для отдыха прохожих на «Перспективной дороге» — будущем Невском проспекте. Именной указ государыни от 5 июля 1726 года требовал даже от отставных дворян под страхом штрафа и битья батогами «носить немецкое платье и шпаги и бороды брить; а ежели где в деревнях таких людей, кто брить умеет, при них не случится, то подстригать ножницами до плоти в каждую неделю по дважды». На русскую службу по-прежнему охотно принимались иностранцы.

В первые дни после восшествия Екатерины царская резиденция была доступна поздравлявшим и просителям. Но уже в феврале императрица запретила караулу пускать во дворец людей «в серых кафтанах и в лаптях», а в октябре приказала все прошения на её имя, за исключением доносов «по первым двум пунктам»*, принимать только в «надлежащих местах». Придворным дамам запрещалось уезжать домой без спроса,

* В указе Петра I от 25 января 1715 года назывались важнейшие государственные преступления: «1. о каком злом умысле против персоны его величества или измены; 2. о возмущении или бунте».

дежурным камергерам велено было не пускать никого в «передспальню» и не разрешать желающим играть на бильярде, поскольку «та забава имеетца для её величества».

Капитан-француз Ф. Вильбуа сделал императрице комплимент: «Немногие умели прищпорить лошадь с такой грациозностью, как она». Но, судя по всему, этим её управленческие способности и ограничивались. Она умела поддержать разговор на русском и немецком языках, усвоила внешний облик сановного величия и имела некоторые, хотя и весьма скромные, представления о стоявших перед страной проблемах, но руководить государственными делами просто не могла. Отбыв положенный траур, старевшая императрица стремилась наверстать упущенное в молодости с помощью фаворитов, нарядов, праздников и прочих увеселений, не отличавшихся изысканностью вкуса: «Господа майоры лейб-гвардии и княгиня Голицына кушали английское пиво большим кубком, а княжне Голицыной поднесли другой кубок, в который её величество изволила положить 10 червонных». Саксонский посол Иоганн Лефорт, передавая свои петербургские впечатления, боялся, что дома ему никто не поверит: «Я рискую прослыть лгуном, когда описываю образ жизни русского двора. Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, это уж самое раннее, в пять или семь часов утра».

Придворные «журналы» за 1725—1726 годы подтверждают образ жизни императрицы с полуночными застольями и обильными возлияниями. Для её двора ежегодно выписывались венгерские и французские вина, а при необходимости делались экстренные закупки у иностранных и местных торговцев. «У француза Петра Петрова взято в комнату её императорского величества водок гданьских, померанцевой, лимонной, тимонной (тимьянной. — *И. К.*), салдарейной, коричневой, анисовой, гвоздичной, бадьянной — всего 220 штофов» — обычная запись кабинетных расходов императрицы. По заложенной Петром традиции она ещё посещала верфи, госпитали и выезжала на пожары, но большую часть времени посвящала прогулкам «в огороде в летнем дому», по другим резиденциям и по улицам столицы, застольным «забавам» и «трактованиям».

«8-го [июня]. После полдень был у её императорского величества герцог Голштинский, а в 5-м часу пополудни её величество изволила гулять по огороду. И потом её величество изволила быть в еловой алее против партикулярной верфи, где изволила смотреть спуску торншхойта... Сегодня из Галландии привёз птичник Симон Шталь заморских птичек и зверков разных родов.

11-го. Её императорское величество изволила смотреть из своих апартаментов идущих в Кронштат галер под командой генерал-лейтенанта Бона, а пополудни в 6-м часу была аудиенция грузинскому принцу.

13-го и 14-го. Все сии оба дня её императорское величество изволила гулять в саду и при ней многие господа из министров и придворные.

15-го. После полдень у её величества была государыня цесаревна Анна Петровна. В 5-м часу пополудни её величество изволила гулять по огороду и смотрела работы в новых Летнего дому палатах, что подле каналу, и указала ещё делать балконы под верхними окнами, чтоб ход был внутрь двора круг палат на галерею»¹⁴.

Прежний политический курс проводился гораздо менее энергично. Сразу же после смерти Петра прекратились заседания комиссии по подготовке нового Уложения. Многие её члены нашли себе иные занятия, несмотря на приказ Екатерины от 1 июня 1726 года пополнить комиссию выборными из разных сословий и срочно начать «слушать» уже готовый текст.

Часто личная инициатива Екатерины представляла собой не более чем карикатуру на петровские замыслы. Знаменитые ассамблеи из средства обучения светскому обхождению и места делового общения превращались в разгульные вечеринки для узкого круга придворных; выдвижение талантливых и умелых помощников — в пожалования новым фаворитам и крестьянским родственникам императрицы. При Петре их держали подальше от столицы, но Екатерина после воцарения распорядилась доставить сестёр и братьев с супругами и детьми (всего 22 человека) в Петербург. Так появились дворяне Гендриковы, Скавронские и Ефимовские, а братья государыни Карл и Фридрих Скавронские стали в 1727 году графами Российской империи.

Главной своей государственной задачей императрица считала устройство достойных «партий» для дочерей. Вопрос о браке старшей, Анны, был уже решён Петром, и в результате этого союза в круг высшей российской знати вошёл герцог Карл Фридрих Голштинский. Екатерина I как заботливая тёща хотела во что бы то ни стало вернуть зятю земли, отнятые у его герцогства Данией, не останавливаясь перед неизбежным международным конфликтом. В мае 1726 года императрица велела вооружить пушками свою яхту и собиралась лично возглавить флот в походе на Данию. Но в Балтийское море вошли английская и датская эскадры и адмирал Чарлз Уэйджер передал русским властям письмо своего короля, объявлявшего о недопустимости военного конфликта на Балтике. В тот же день Апраксин доложил, что Кронштадт не готов к обороне. Начи-

нать войну без союзников и при превосходстве противника на море было невозможно; пришлось ограничиться приведением в порядок укреплений Кронштадта и Ревеля. В результате этой авантюры внешнеполитическая ситуация для России ухудшилась: в 1726 году Голландия, а в 1727-м Швеция и Дания официально примкнули к враждебному ей Ганноверскому союзу.

По примеру супруги Екатерина была заботливой «полковницей»: лично присутствовала на «экзерцициях», делала гвардейцам подарки на именины и крестины, лично разбирала их прошения и оказывала помощь нуждавшимся. «Великая перемена чинам» прокатилась по армии — в иной день императрица подписывала по сотне новых офицерских патентов! При этом повальные награждения происходили «не по старшинству», нередко без учёта действительных заслуг и приводили к повышению выходцев «от солдатства». Даже в рядах гвардии, наиболее преданной опоры режима, были недовольные — награды доставались не всем желающим. Доносы сохранили ворчание гвардейской казармы: «...Не х кому нам голову приклонить, а к ней, государыне... господа де наши со словцами подойдут, и она их слушает, что ни молвят. Так уж де они, ростакые матери, сожмут у нас рты? Тьфу де, ростакая мать, служба наша не в службу! Как де, вон, ростаким матерям, роздала деревни дворов по 30 и болше... а нам что дала помянуть мужа? Не токмо что, и выеденова яйца не дала».

Недовольство прорывалось не только в словах. 26 января 1726 года выстрел, раздавшийся из рядов выстроенных на Неве семёновцев, уложил безвестного «мужика» на набережной у дворца, из окна которого императрица наблюдала за экзерцициями. Стрелявшего так и не обнаружили — сказалась гвардейская солидарность, всех подозреваемых через неделю освободили, но отныне на учениях и парадах солдатам полагалось выходить «без пуль» под страхом «жестокой смерти».

Появились случаи отказа от присяги с мотивацией: «Не статочное дело женщине быть на царстве, она же иноземка». В некоторых подмётных письмах Меншиков сравнивался с Борисом Годуновым, а юный Пётр Алексеевич — с царевичем Дмитрием. Одно из таких «творений» настолько взволновало Екатерину, что она заболела на несколько недель. Безымянного автора сочинения предали церковному проклятию, а за его «объявление» были обещаны вознаграждение в две тысячи рублей и повышение в чине.

Уже в декабре 1725 года было решено создать в качестве личной охраны императрицы кавалергардскую роту с личным составом «из знатного шляхетства самых лучших людей из прапорщиков и из поручиков». В течение нескольких месяцев

Военная коллегия тщательно подбирала кандидатов на почётную службу не из гвардии, а из заслуженных офицеров драгунских и пехотных армейских полков. В начале 1727 года очередной манифест предупредил подданных, что «за несправедные и противные слова против членов императорского дома без всяких отговорок учинена будет смертная казнь без пощады».

Екатерина щедро наградила своих сторонников. Головкин, Меншиков, Бутурлин и Бассевич стали кавалерами ордена Андрея Первозванного, кабинет-секретарь Макаров — генерал-майором и тайным советником, Остерман — вице-канцлером и действительным тайным советником. Из ссылки были возвращены генерал князь В. В. Долгоруков и П. П. Шафиров, а также осуждённые по делу Монса. В июне 1725 года Екатерина повелела прекратить все дела по доносам фискалов, начатые до 1721-го. В столице власти установили твёрдые цены на хлеб, которые продавцы должны были выставлять на дощечках-ценниках под угрозой порки с конфискацией товара. Непосильная подушная подать была уменьшена на четыре копейки.

Однако вскоре в окружении императрицы начались конфликты. Генерал-прокурор Ягужинский вступил в ссору с Меншиковым. Вице-президент Синода новгородский архиепископ Феодосий Яновский заявил, что «духовные пастыри весьма порабощены», и отказался служить панихиду по императору. Остановленный близ дворца (до полудня спавшая императрица запрещала пропускать грохочущие кареты), Феодосий заявил: «Я де сам лутче светлейшего князя», — и в гневе отправился к царице; когда его не пустили, «вельми досадное изbleвал слово, что он в дом ея величества никогда впредь не войдёт, разве неволею привлечён будет». После неоднократного отказа архиепископа явиться к царскому столу терпение Екатерины лопнуло. В итоге первое лицо в церковной иерархии «за некоторый злой умысел на Российское государство» было осуждено на вечное заточение в Николо-Корельском монастыре.

Для решения важнейших государственных проблем при неспособной к правлению и болезненной императрице в феврале 1726 года был образован Верховный тайный совет в составе А. Д. Меншикова, П. А. Толстого, Г. И. Головкина, Ф. М. Апраксина, А. И. Остермана и представлявшего «оппозицию» князя Д. М. Голицына. Сама Екатерина до сентября 1726 года 12 раз посетила заседания совета (примерно дважды в месяц), затем присутствовала ещё два раза в декабре — и больше не появлялась. Неудивительно, что указ от 4 августа 1726 года провозглашал действительность распоряжений, подписанных не императрицей, а всеми членами совета, что было необходимо для нормальной работы государственной машины.

Екатерина общалась с министрами через Кабинет — личную канцелярию во главе с опытным бюрократом А. В. Макаровым. Оттуда же выходили её именные указы, касавшиеся прежде всего пожалований чинами и «деревнями», увольнений и назначений — в этих случаях государыня иногда оставляла своё право наперекор мнению министров-«верховников». Кроме того, она издала указы, закреплявшие практику доклада императрице по делам своих ведомств Меншикова, Апраксина, командующих войсками на Украине (М. М. Голицына) и в Иране (В. В. Долгорукова), а также послов. Екатерина также оставила за собой право в случае разногласий членов Верховного тайного совета получать их письменные мнения «для решения об оных».

Создание Верховного тайного совета не прекратило борьбу в «верхах». Если в первые месяцы правления Екатерины наиболее влиятельным советником, судя по донесениям дипломатов, был Толстой, то скоро его оттеснил Меншиков. Весной 1725 года светлейшему князю была возвращена должность президента Военной коллегии, с него были сняты все обвинения в хищениях и денежные начёты в пользу казны. В день ангела Екатерины он получил поистине царский подарок — украинский город Батурин с 1300 дворами и еще две тысячи дворов по соседству, в Гадячском округе. Но, к крайнему неудовольствию Меншикова, императрица ввела в состав совета герцога Карла Фридриха, сделала его подполковником Преображенского полка и лично представила зятя солдатам и офицерам.

После провала датского похода Меншиков выступил против дальнейшей поддержки голштинцев, но зато сам пытался стать коронованной особой, пусть и в маленьком Курляндском герцогстве, вассальном владении Речи Посполитой. Летом 1726 года, прибыв в Курляндию, он сделал рыцарству выговор за избрание герцогом неугодного Петербургу кандидата — внебрачного сына польского короля Морица Саксонского: «Он их Сибирью страшал и при том им сказывал: по их правам не довлеет им блядина сына в своё братство принимать, а ныне оне блядина сына над собою в герцогии выбрали». Светлейший князь предложил собственную кандидатуру, а после отказа представителей ландтага созвать депутатов для её утверждения потребовал у Петербурга «ввести в Курляндию полков три или четыре» для успешного завершения дела. Новый международный конфликт никак не входил в намерения русского правительства, и Меншикову был послан указ немедленно возвращаться в Петербург.

Голштинские амбиции Екатерины I и курляндский вояж Меншикова показали, что императрица и её ближайший друг

так и не освоились с ролью руководителей великой державы, выдвигая на первый план династические и чисто личные интересы. Хорошо ещё, что министры и дипломаты служба сумели удержать страну от втягивания в ненужные конфликты и найти стратегического союзника в европейской политике. В августе 1726 года после долгих и трудных переговоров был заключён русско-австрийский союзный договор, определявший взаимные гарантии европейских границ, условия совместных действий против Турции и сохранение статус-кво государственного строя Речи Посполитой.

Отказ от датского похода и выбор стратегического союзника в Европе позволили вернуться к решению внутренних проблем, главными из которых были перенапряжение сил страны и хроническая нехватка средств. Выбор был сделан в пользу сокращения затрат на государственный аппарат и привёл к ломке созданной Петром I системы управления. Количество сотрудников всех коллегий сокращалось вдвое. В Юстиц- и Вотчинной коллегиях прекращалась выплата жалованья — служащие должны были обеспечивать себя за счёт добровольных «акциденций» просителей.

«Известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятца и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят», — гласил именной указ от 9 февраля 1727 года. Военным надлежало срочно завершить все дела по переписи и вернуться в свои части. Полки выводились с недостроенных полковых дворов в города, а $\frac{2}{3}$ офицеров и солдат из дворян могли отправиться в отпуск в свои имения, «когда конъюнктуры допустят». Сбор подушной подати переходил к провинциальным воеводам, которые имели дело непосредственно с помещиками и вотчинной администрацией. Началось сокращение петровских учреждений и должностей: администрации судов, прокуроров, земских комиссаров и пр. В 1727 году был упразднён Главный магистрат. Управление городским и сельским населением по традиции XVII века передавалось губернаторам и воеводам, поскольку, гласил указ, «чин воеводский уездным людям в отправлении всяких дел может быть страшнее». По предложению Меншикова правительство решило отчеканить легковесные медные пятаки на общую сумму два миллиона рублей и низкопробные серебряные гривенники. Инициаторы этого шага понимали, что он неизбежно вёл к обесценению денег и вздорожанию товаров, но видели явное преимущество в том, что «денег будет в казне и в народе довольно».

Но все эти меры обдумывали министры, и обозначенный курс активно проводился в жизнь всего несколько месяцев.

Короткое царствование императрицы подходило к концу; на первый план неизбежно выходила проблема престолонаследия, волновавшая и окружение Екатерины, и дипломатов европейских держав.

Завещание императрицы

Часто болевшая Екатерина всё больше замыкалась в придворном кругу, где за обедом или карточной игрой выдвигались новые фавориты — молодой поляк Пётр Сапега и камергер Рейнгольд Левенвольде, — получившие за заслуги интимного свойства щедрые пожалования. Меншиков тоже принимал участие в дворцовых забавах вроде соревнований по питью пива; с любимцами императрицы он как будто ладил, но за пределами дворца реальная власть находилась в его руках. С конца 1726 года он обдумывал план женитьбы маленького великого князя Петра на одной из его дочерей, в результате чего он сам породнился бы с царствующей династией и мог стать регентом при несовершеннолетнем государе. Этому замыслу способствовали усилия датских и австрийских дипломатов, считавших кандидатуру Петра наиболее благоприятной для своих интересов.

Но добиться желаемого Меншикову удалось не сразу. В феврале 1727 года Екатерина ещё не допускала такой возможности и заявляла, что престол принадлежит её дочерям Анне и Елизавете. Обе цесаревны и герцог Карл Фридрих упрашивали государыню не допустить желаемого светлейшим князем поворота событий. К весне силы Екатерины были на исходе, а вокруг неё плелись нескончаемые интриги. После долгих колебаний Екатерина всё же дала Меншикову согласие. Возможно, она поняла, что это — единственно возможный вариант, или просто не смогла дальше сопротивляться напору светлейшего князя.

У Екатерины началась горячка — воспаление или, по позднейшему заключению врачей, «некакое повреждение в лёгком». Смертельно больная императрица (вероятно, не без влияния православных иерархов) распорядилась всех евреев «выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под какими образами в Россию не впускать». Но вот решение более существенных вопросов от неё уже, видимо, не зависело.

Меншиков же не выпускал из своих рук инициативу: 10 апреля он переехал в свои апартаменты Зимнего дворца, чтобы неусыпно держать ситуацию под контролем.

Вечером 6 мая вдова и преемница Петра I «с великим покоем представилась». Могла ли так и не научившаяся грамоте Екатерина за считанные часы до смерти читать документы, утверждать завещание и миловать осуждённых? Может быть, в

последние часы жизни она и пыталась что-то сделать, но было уже поздно. Сам светлейший князь после описываемых событий с присущей ему циничностью сообщил датскому послу, что Екатерина накануне смерти хотела передать престол дочерям, поскольку «её сознание в это время было не совсем ясным».

Утром следующего дня в присутствии высших чинов империи Меншиков объявил о завещании Екатерины, согласно которому престол переходил к законному наследнику Петру Алексеевичу и регентскому совету при нём, а в случае смерти Петра II до достижения совершеннолетия — к его тёткам Анне и Елизавете и сестре Наталье «с их потомствами». Этот документ из шестнадцати пунктов стал последней загадкой в не слишком длинной истории царствования Екатерины.

«1) Великий Князь Пётр Алексеевич имеет быть сукцессором.

2) И имянно со всеми правами и прерогативами, как мы оным владели.

3) До ... лет не имеет за юностью в правительство вступать.

4) Во время малолетства имеют администрацию вести наши обе цесаревны, герцог и прочие члены Верховного совета, которой обще из 9 персон состоять имеет.

5) И сим иметь полную власть правительствующего самодержавного государя, токмо определения о сукцессии ни в чём не отменять.

6) Множеством голосов вершить всегда и никто один повелевать не имеет и не может.

7) Великий князь имеет в совете присутствовать, а по окончании администрации ни от кого никакого ответа не требовать.

8) Ежели Великий князь без наследников преставитца, то имеет по нём цесаревна Анна с своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потом Великая княжна и ея десценденты наследовать, однакож мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однакож никогда российским престолом владеть не может, которой не греческого закона, или кто уже другую корону имеет...

11) Принцессу Елизавету имеет Его любовь Герцог Шлезвиг Голштинский и бискуп Любецкой в супружество получить, и даём ей наше матернее благословение, также имеют наши цесаревны и правительство администрации стараться между Его любовью и одною княжною князя Меншикова супружество учинить...»¹⁵ и т. д.

Хранящийся в архиве русский текст завещания имеет дефекты и пропуски (опущен 12-й пункт; отсутствуют указание на возраст наступления совершеннолетия императора и имя жениха княжны Меншиковой). Невразумительно составлен

11-й пункт: непонятно, идёт ли в нём речь о женитьбе на дочери Меншикова великого князя Петра Алексеевича или двоюродного брата голштинского герцога; но в таком случае последний должен был вступить в брак и с Елизаветой, и с дочерью светлейшего князя при посредничестве той же Елизаветы. Текст подписан: «Екатерина»; подпись явно сделана рукой Елизаветы, что подтверждается её сравнением с подписями цесаревны на приложенном к завещанию протоколе и на других указах.

В том же деле хранятся две копии завещания и запись канцлера Г. И. Головкина о передаче им «завещательного письма» в 1730 году императрице Анне Иоанновне. Здесь же хранятся и конверты: на одном сохранилась запись генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого: «Взят из Иностранной коллегии 27 ноября 1741 году»; на другом, конца XVIII века, помечено: «Подлинник».

Можно предположить, что указанный текст и является подлинником, который хранился в Коллегии иностранных дел, отправлялся к императрице Анне в Измайлово, а затем вновь потребовался при воцарении Елизаветы. Но тогда как объяснить содержащиеся в нём пропуски и ошибки? С. М. Соловьёв считал вероятным версию о наличии «исправленного русского текста» завещания, который затем был «истреблён» Анной Иоанновной, ведь по нему три дочери царя Ивана Алексеевича, в том числе сама Анна, оказывались устранёнными от престолонаследия.

После переворота 1741 года императрица Елизавета пыталась выяснить у министров прежнего царствования судьбу материнского «тестамент». На допросе Остерман подтвердил, что подлинная «духовная» Екатерины была отдана Анне, но заявил, что совершенно не помнит, что потом случилось с документом. Получается, что Елизавета не считала подлинным дошедший до нас текст, который был ею же подписан и «взят из Иностранной коллегии» 27 ноября 1741 года. Возможность уничтожения подлинника исключить нельзя. Но что в таком случае являлось подлинником? В 1728 году голштинский министр Бассевич признал, что «в самой скорости помянутое завещание сочинил», но Екатерина скончалась, прежде чем его успели перевести, и поэтому текст уже задним числом подписывала Елизавета.

Таким образом, появление на свет нового порядка престолонаследия было подлогом. Похоже, что современники так к нему и относились: основные положения «тестамент» вскоре были нарушены тем же Меншиковым, а затем сменившими его Долгоруковыми. Действительная воля покойной Екатерины никого не интересовала. Сказка закончилась — воздвигнутый Петром Великим «империум» оказался непосильной ношей для Золушки.

Глава шестая
ТЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Осталось только памяти сего царствования, что неисправленная грубость с роскошью и распутством соединилась.

М. М. Щербатов

Судьба наследника

Утром 7 мая 1727 года секретарь Верховного тайного совета Василий Степанов в присутствии высших чинов империи огласил завещание Екатерины I, согласно которому престол переходил к внуку Петра I. Знать и гвардия присягали юному императору Петру II, который заявил о стремлении с богобоязненностью и правосудием управлять по похвальному примеру римского императора Веспасиана. Но пышные церемонии и блеск российского двора скрывали продолжение борьбы за выбор политического курса, жестокую схватку честолюбий, в центре которой была судьба одиннадцатилетнего мальчика, ставшего в то весеннее утро неограниченным повелителем миллионов жителей великой державы.

По распоряжению Петра I его сын от нелюбимой и сосланной в 1698 году в монастырь Евдокии Лопухиной, царевич Алексей, в 1711 году женился на Шарлотте Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, которая скончалась спустя четыре года, родив ему двоих детей.

Узел династического спора завязался как раз в тот момент, когда подходило к трагическому концу столкновение Алексея с отцом: приговорённый к казни, царевич умер при загадочных обстоятельствах в Трубецком раскате Петропавловской крепости.

В 1718 году страна присягала новому наследнику — сыну царя от Екатерины Петру Петровичу. Но в апреле 1719 года мальчик, которому не исполнилось ещё и четырёх лет, неожиданно умер, и его тёзка, племянник и одноклассник, сын Алексея, опять стал символом надежд всех недовольных политикой Петра I, объектом придворных интриг и международных комбинаций. Сам он о них и не подозревал, находясь на попечении вначале гувернантки мадам Роо, а затем воспитателей, в том

числе камер-пажа Екатерины Семёна Афанасьевича Маврина и учителя-венгра Ивана Зейкина.

В июле того же года французский посланник Лави сообщил: «...в Летнем царском дворце готовится помещение для сына покойного наследника, которого величают теперь великим князем Московским. Многие думают, что это делается с целью не допустить тайных недовольных в этом государстве похитить его в отсутствие царя и утвердить за ним московскую корону». Когда австрийский посол граф Кинский попытался заговорить с Петром I о правах ребёнка (единственный мужской отпрыск династии Романовых являлся родственником императора Карла VI Габсбурга, жена которого была родной сестрой матери мальчика), это заставило поволноваться французских дипломатов, опасавшихся усиления австрийского влияния. Вице-канцлер П. П. Шафиров успокаивал французского посла Кампредона: «...император, некоторые другие державы и даже кое-кто из наших хлопчат о назначении наследником внука царя, чего сам царь, сколько я могу судить, не желает. Отец этого принца покушался на жизнь и на престол его царского величества: большая часть нынешних министров и вельмож участвовали в произнесённом над ним приговоре. К тому же весьма естественно отдавать преимущество собственным детям, и, между нами, мне кажется, что царь назначает престол своей старшей дочери».

Император умер, так и не выбрав наследника престола. Однако как бы ни оценивать его колебания в пользу того или другого претендента, по-видимому, внука среди них не было. Так, в «Календаре» на 1725 год в составе царского семейства упомянуты только дочери Анна и Елизавета. Исход споров о престолонаследии решили сплотившиеся ближайшие сподвижники Петра I — Меншиков, Толстой, Ф. Апраксин, Головкин, Ягужинский — и гвардейские офицеры. Императрицей стала Екатерина. На её коронации маленький Пётр не присутствовал, да и вообще неизвестно, как жил в эти годы царевич. Французский посол Лави описал его: «Он один из самых прекрасных принцев, каких только можно встретить; он обладает чрезвычайной миловидностью, необыкновенной живостью и выказывает редкую в такие молодые годы страсть к военному искусству».

Последнее замечание, кажется, справедливо. Учиться будущий царь явно не любил, с трудом писал на латыни, но, как все дети, предпочитал играть. Известно, что у него были игрушечная пушечная батарея и маленькое ружьё. Однако мальчик подрастал, и приходилось обращать на его воспитание более

серьёзное внимание. В 1726 году обер-гофмейстером к царевичу был назначен вице-канцлер Остерман, а в мае 1727-го в качестве преподавателя «правил наук и художеств» определён профессор математики Христиан Гольдбах. Что преподавал великому князю академик, неизвестно, но занятый проблемами российской внешней политики Остерман не утомлял науками юного ученика. «За его высочеством великим князем я сегодня не поехал, как за болезнью, так и особенно за многодельством, и работаю как отправлением курьера в Швецию, так и приготовлением отпуска на завтрашней почте, и, сверх того, рассуждаю, чтоб не вдруг очень на него налегать», — сообщал вице-канцлер в одном из писем.

Едва ли мальчишка задумывался о своём будущем; но многие люди, как знатные, так и «подлые», считали, что именно маленький Пётр является единственным законным наследником российского престола. На него делали ставку будущий канцлер, а тогда посол в Дании А. П. Бестужев-Рюмин и его окружение, в которое входил наставник царевича. Хитрый Остерман предлагал иной выход: брак Петра и Елизаветы (племянника и тётки!) с выделением ей Прибалтики в личное владение. Однако все эти планы были похоронены Меншиковым, положение которого по мере ухудшения здоровья императрицы становилось всё более шатким. После смерти Петра I Меншиков был самым решительным противником воцарения Петра II, но к весне 1727 года он неожиданно для своих бывших единомышленников превратился в горячего сторонника юного царевича. Он задумал женить царевича на своей дочери, в результате чего сам он смог бы стать регентом при несовершеннолетнем государе. Да и только что заключённый союз с Австрией заставил изменить отношение к племяннику императора Карла VI, тем более что датские и австрийские дипломаты считали кандидатуру великого князя наиболее благоприятной для своих интересов.

У Меншикова были две дочери — Мария и Александра. Старшую уже помолвили с польским графом Петром Сапегой. Вероятно, позже Меншиков решил подстраховаться, и в проекте завешания Екатерины оказался пункт об обручении будущего императора Петра II с одной из дочерей светлейшего, но без упоминания имени невесты. Екатерина умирала, поэтому у Меншикова оставалось очень мало времени, чтобы убедить императрицу в необходимости подобной комбинации. Но он всё же смог добиться её принципиального согласия, однако встретил сопротивление со стороны недавних единомышленников. Одним из них подобный поворот событий грозил опа-

лой, других пугала бесконтрольная власть, которую получал Меншиков.

В числе недовольных были генерал-полицмейстер А. М. Девиер, член Верховного тайного совета граф П. А. Толстой, генералы-гвардейцы И. И. Бутурлин и А. И. Ушаков. Их мнения сводились к тому, чтобы Екатерина «короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну или Анну Петровну, или обеих вместе. И когда так зделаетца, то ея величеству благонадёжнее будет, что дети её родные». А о судьбе царевича Толстой писал: «Как великий князь научитца, тогда можно его за море послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могли утвердитца здесь каранация их высочеств». Решительный Девиер пытался даже сделать наследника своим орудием — «нечто ему на ухо шептал» и призывал: «Поедем со мной в коляске, будет тебе лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой».

До настоящего заговора дело не дошло — Меншиков нанёс удар первым. 24 апреля он добился от Екатерины указа об аресте Девиера, затем были схвачены Толстой и другие оппоненты светлейшего князя. Следствие проходило в спешке под его сильнейшим давлением и обернулось обвинением в подстрекательстве к «великому возмущению» с полагавшимся в таких случаях пыточным розыском. 4 мая императрице был сделан доклад по делу; 5 мая Меншиков четыре раза посещал умиравшую и добился-таки именного указа о предоставлении уже следующим утром краткого доклада по делу. Доклад и приговор были готовы лишь к вечеру 6 мая, в последние часы жизни Екатерины, и утверждены ею в присутствии Меншикова, не отходившего от её постели. Толстой был отправлен в заточение в Соловецкий монастырь, Девиер и Скорняков-Писарев — в Сибирь, Бутурлин — в деревню, Ушаков и Иван Долгоруков отправлены служить в полевые полки.

Утром 7 мая Меншиков представил гвардии нового императора, затем была проведена церемония утверждения государя. Было зачитано завещание Екатерины, согласно которому до совершеннолетия Пётр II «за юностью не имеет в правительство вступать» и его опекунами назначались Анна, Елизавета, герцог Голштинский и члены Верховного тайного совета. Чтение документов завершилось присягой императору. Пётр II, которому шёл двенадцатый год, в окружении родственников принимал поздравления и объявил о своём желании регулярно присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета. Началось его недолгое царствование.

«Я покажу, кто император...»

К вечеру 7 мая 1727 года светлейший князь считал себя победителем. Противники были повержены, и теперь он, выскочка, сумевший своей хваткой и способностями пробить дорогу на самый верх, мог стать подлинным правителем империи. Пётр II — ребёнок, ему ещё расти и расти. К тому же мальчик знает, что только благодаря ему, Меншикову, он получил корону. Оставалось породниться с императором.

Светлейшему надо было окончательно упрочить своё положение и престиж своего семейства. 7 мая сам Александр Данилович стал адмиралом, а его сын Александр — обер-камергером, то есть занял высшую должность среди придворных Петра II. Через несколько дней руководимый Меншиковым Верховный тайный совет решил, что малолетнему Петру «и государыням цесаревнам не о важных делах протоколов крепить не надобно», то есть их участие в повседневной правительственной деятельности признавалось излишним. Светлейший князь устроил для придворных небольшой спектакль: Пётр II зашёл в его покои и неожиданно заявил: «Я хочу уничтожить фельдмаршала!» «Эти слова, — писал саксонский посланник Лефорт, — привели всех в недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначал Меншикова своим генералиссимусом». За неизвестные заслуги его сын стал генерал-лейтенантом, получил орден Андрея Первозванного и даже дамский орден Святой Екатерины. Таким же орденом была награждена старшая дочь светлейшего Мария, а младшая Александра и свояченица Варвара Арсеньева — только что учреждённым орденом Александра Невского.

Меншиков перевёз Петра II в свой дворец на Васильевском острове, который тут же был обнесён забором. В Петербурге тогда свирепствовала оспа, поэтому Александр Данилович распорядился, чтобы никто из больных и их родственников не смел даже приближаться к его резиденции. Светлейший старался постоянно держать царя при себе. Вместе с Петром он садился за обеденный стол, сам возил его то на конный, то на галерный двор, совершал развлекательные поездки по городу, а также в Кронштадт и в Ораниенбаум — свою загородную резиденцию.

Правителю с большим трудом удавалось сохранять приличия. Сразу же после похорон Екатерины (16 мая) начались приготовления к обручению Петра II с Марией Меншиковой. Её несостоявшемуся жениху Петру Сапеге сама Екатерина I

перед смертью предложила в жёны свою племянницу графиню Софью Карловну Скавронскую.

Двадцать четвёртого мая 1727 года произошло обручение, которое совершил сподвижник Петра I архиепископ Феофан Прокопович. Синод повелел во всех церквях России поминать рядом с Петром II «обручѣнную невесту его, благоверную государыню Марию Александровну». Для неё был создан особый двор с бюджетом в 34 тысячи рублей на содержание камергеров, фрейлин, гайдуков, лакеев, пажей, поваров и прочего персонала, во главе которого стала умная и деятельная сестра светлейшей княгини обер-гофмейстера Варвара Арсеньева. Одновременно от мальчика-императора удалялись все, кто казался Меншикову опасным. Первым делом из России была выдворена цесаревна Анна Петровна вместе с мужем, герцогом Голштинским. Полюбившийся Петру II молодой камергер Иван Долгоруков вынужден был уехать на службу в Томский полк; наставник царя Семён Маврин был срочно отправлен в Тобольск, а «арап Петра Великого» гвардии поручик Абрам Ганнибал — в Селенгинск, строить крепость на границе с Китаем. За пределы России был выслан и прежний учитель юного императора Иван Зейкин.

Все распоряжения, разумеется, формально исходили от самого Петра II, который, казалось, был надёжно изолирован от нежелательного влияния. И юный царь, казалось, соответствовал предназначенной ему роли: не разлучался с детьми своего опекуна, не проявлял интереса к государственным делам. Единственное известное его увлечение — охота — тоже контролировалось Меншиковым, сопровождавшим Петра в поездках по окрестностям Петергофа. Там же для игры и обучения юного императора в июле 1727 года была заложена «потешная» крепость Петерштадт.

Сам же светлейший князь находился на вершине мирской славы и получал поздравления от нидерландских Генеральных штатов и императора Карла VI. «Полудержавный властелин», бесконтрольно распоряжавшийся финансами, провёл через Верховный тайный совет решение о выпуске в придачу к леговесным медным пятакам копеек общим номиналом в миллион рублей полушек на полмиллиона. По его приказу чеканились изготовленные из «фальшивого серебра» с большим содержанием мышьяка новые монеты; члены Берг-коллегии потом признавались, что так и «не осмелились» подать в совет соответствующее доношение. Готовилась к изданию монументальная биография «Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова», авторы которой на всякий случай указывали и на происхождение

князя от «древней польской фамилии», и на его родство с удельным князем Андреем Васильевичем, братом Ивана III. Сам же Меншиков уже предполагал закрепить своё родство с династией женитьбой сына на сестре императора Наталье, чтобы в любом случае страной управляли его потомки.

Правитель карал и миловал, отбирал и раздавал своим приверженцам имения. Он взял под собственную «дирекцию» дворцовое ведомство и позволял себе бесцеремонно вмешиваться даже в церковные дела. Но при этом князь в 1727 году практически не посещал Военную коллегию, президентом которой являлся, всё реже бывал на заседаниях Верховного тайного совета и подписывал их протоколы не читая — и тем самым постепенно выпускал из рук контроль над гвардией и государственным аппаратом, где даже его «креатуры», подобно члену Военной коллегии Егору Пашкову, в частных письмах стали весьма нелестно отзываться о своём патроне.

Могущество правителя внушало опасения и сплачивало недовольных. Однако пока Меншиков говорил и действовал от имени императора, с ним ничего нельзя было сделать. Но 22 июня светлейший заболел и оказался надолго прикованным к постели. В «предсмертном» обращении к Петру II Меншиков не только просил его выполнить свои обещания, данные невесте, но и, будучи государственным человеком, указывал царю на ожидавшие его трудности: «Восприяли вы сию машину недостроенную, которая к совершенству своему многова прилежания и неусыпных трудов требует». Князь призывал своего воспитанника стремиться к тому, чтобы все его «поступки и подвиги изобразовали достоинство императорское»; предостерегал от людей, «которые похотят вам тайным образом наговаривать». Хорошо зная нрав мальчика, он советовал «в езде так и в протчих забавах умеренно и осторожно поступать», вести себя кротко и быть достойным памяти деда, «как чрез учение и наставление, так и чрез помощь верных советников».

Первым из них князь назвал Остермана, который в эти месяцы стоял ближе всех к императору. Но он-то и подготовил очередной дворцовый переворот, свергнувший, казалось бы, всемогущего Меншикова. Барон Андрей Иванович, как отмечали его современники и историки, помимо организаторских способностей, трудолюбия и таланта плести интриги обладал в высшей степени развитым чутьём и умением прятаться за чужие спины. На первый план Остерман выдвинул князей Долгоруковых — честолюбивого Алексея Григорьевича и его сына, семнадцатилетнего разбитного молодца Ивана, с разрешения Меншикова вернувшегося в окружение Петра II. Вероятнее

всего, пока барон вёл большую игру, а строгая опека со стороны светлейшего князя была снята из-за его болезни, новые фавориты вместо надоевшего мальчику-императору учения предоставили ему весёлые гулянья и игры.

Составленный Остерманом план учебных занятий Петра II и так не был перегружен: на изучение истории, географии и математики отводилось всего 12 часов в неделю, остальное время посвящалось танцам, занятиям музыкой, стрельбе, игре на бильярде и псовой охоте. Сохранилась записка самого юного императора, в которой его распорядок выглядел уже несколько иначе: «В понедельник пополудни от двух до трёх часов — учиться, а потом солдат учить; пополудни вторник и четверг с собаками на поле, пополудни в среду солдат обучать; пополудни в пятницу с птицами ездить, пополудни в субботу музыкою и танцованием; пополудни в воскресенье в летний дом и в тамошные огороды». За всё лето Пётр лишь дважды на короткое время посетил Верховный тайный совет. Разве могли разговоры с Меншиковым или суровым князем Д. М. Голицыным сравниться с общением с лихими егерями и верным другом Иваном Долгоруковым!

Вначале Пётр навещал больного Александра Даниловича, но вскоре ездить в его дворец перестал. Когда светлейший князь оправился от недуга, он попытался снова взять инициативу в свои руки. Вечером 29 июля он вместе с Петром II участвовал в церемонии открытия наплавного моста через Неву и проехал по нему в карете. Внешне за время болезни светлейшего ничего не изменилось, однако воспитанник стал тяготиться его опекой. Дипломаты докладывали, что Меншиков присвоил поднесённые царю деньги, что Петру вовсе не нравилась его невеста. Светлейший же делал своему подопечному публичные выговоры: «...всего неделю он выдал царю 200 рублей, и уже ничего не осталось», — и забрал подарки австрийского императора.

С подачи новых друзей даже разумные распоряжения Меншикова стали восприниматься императором как покушение на его власть. Во время одного из столкновений Пётр закричал на Меншикова: «Я тебя научу, что я — император и что мне надобно повиноваться!» Своё отношение к светлейшему князю государь выражал соответственно возрасту: бил кулаками сына князя, своего ровесника, пока тот не попросил пощады. А на именинах своей сестры Пётр II повернулся к Меншикову спиной. С середины августа царь со своим окружением и Меншиков уже жили раздельно, но корректные отношения пока сохраняли.

Остерман ещё отправлял из Петергофа Меншикову в Ора-

ниенбаум почтительные письма, в одном из которых император под его диктовку написал: «Вашей светлости и светлейшей княгине, и невестке, и своячине, и теткѣ, и шурина поклон отдаю любителны. Пётр». И всё же приближалась развязка. Ни на именины к Меншикову, ни на освящение новой церкви в Ораниенбауме его подопечный не приехал; не было среди гостей и Остермана. «Весь двор находился в ожидании перемены», — написал в донесении от 5 сентября прусский посол Мардефельд.

Накануне Меншиков сделал последнюю попытку оседлать судьбу — приехал в Петергоф для беседы с царём. Однако свидание было кратким, остаться наедине с императором ему не удалось, а на следующий день того увезли на охоту. В раздражении Меншиков отправился выяснять отношения с Остерманом, которого назвал «атеистом» и угрожал ссылкой в Сибирь за плохое влияние на императора. Видимо, разговор был очень острым, так как обычно невозмутимый Андрей Иванович, не сдержавшись, заметил, что и он хорошо знает человека, который давно заслужил колесование.

Меншиков явно не обладал дипломатическими способностями, чтобы изменить манеру обращения с «неблагодарным» мальчишкой и тем самым избежать конфликтной ситуации. Он сделал новую ошибку — уступил «поле боя» противникам и вернулся в Петербург. Он явно не знал, что предпринять: 6 и 7 сентября то появлялся на заседаниях Верховного тайного совета, то говорил о желании отойти от дел и уехать на Украину, то вызывал обратно им же высланного учителя императора Зейкина (вероятно, на замену Остерману) и приказывал фельдмаршалу М. М. Голицыну «поспешать сюда как возможно».

Седьмого сентября Пётр окончательно перебрался из дворца Меншикова в «новый летний дом» у Невы. На следующее утро князю было объявлено о домашнем аресте. На улицах под барабанный бой зачитывали указ о том, что император «всемилостивейшее намерение взяли от сего времени сами в Верховном тайном совете присутствовать и всем указам быть за подписанием собственныя нашея руки» и о «неслушании» любых распоряжений Меншикова. Государь объявлял себя вступившим «в правительство» (совершеннолетним); тем самым регентство Верховного тайного совета упразднялось.

Девятого числа в совете появился и сам Пётр. Но ещё до его прихода Остерман представил присутствовавшим записку о «винах» Меншикова. Единогласным решением тот был лишён званий, чинов и орденов и приговорён к ссылке в своё дальнейшее имение — городок Ораниенбург под Рязанью. Приказ об

этом, подписанный императором «в своих покоях», также принёс Остерман. Привязанность юного императора к своему наставнику, надо полагать, ещё более возросла после того, как он сумел убедить Верховный тайный совет в необходимости покупки для сестры государя бриллиантов на 85 тысяч рублей. От светлейшего князя такого щедрого подарка едва ли можно было ожидать.

Сам князь, его жена и дети пытались обращаться к царю с письменными и устными просьбами о помиловании. Возможно, Пётр какое-то время колебался: сохранились противоречивые известия о его поведении в отношении жены Меншикова и своей невесты. Но законы борьбы за власть беспощадны: 10 сентября бывший правитель России в роскошной карете с целым караваном имущества и прислуги отправился в ссылку.

А Пётр, похоже, не очень-то интересовался положением своего несостоявшегося тестя, как, впрочем, и многими другими государственными делами. После нескольких появлений на заседаниях Верховного тайного совета юный император потерял к ним интерес. Самым важным занятием для него стала охота. Остерман в угоду забавам Петра объявил от его имени повеление «о запрещении ходить с ружьём и собаками, стрелять и ловить птиц и зверей, а также устраивать кабаки на Аптекарском острове» (недалеко от центра современного Санкт-Петербурга).

В то время как царь развлекался охотой, положение Меншикова всё ухудшалось: вначале у него отобрали все награды, в том числе и кольцо, подаренное Петром II невесте, затем настала очередь лошадей и экипажей. Доказать обвинение светлейшего князя в государственной измене не удалось, но его вотчины с десятками тысяч крепостных и движимое имущество стоимостью примерно в 400 тысяч рублей были конфискованы. Архивные документы свидетельствуют, что юный царь проявил интерес к делу Меншикова только тогда, когда стали делить драгоценности его семьи. Так, ордена Святой Екатерины и Александра Невского Пётр II пожаловал Ивану Долгорукову, а своей сестре Наталье подарил бриллиантовый крест-складень, золотой пояс с пряжкой и многие другие украшения. Позже конфискованные богатства Меншикова пошли на покрытие расходов на коронацию Петра II, а часть драгоценностей князя — на изготовление царской короны.

Девятого января 1728 года огромный «поезд» царя, сопровождаемый пушечной пальбой, медленно двинулся из Петербурга. Ещё раз увидеть основанную дедом новую столицу Петру II было не суждено.

«Не хочу учиться»

Сохранившиеся портреты и гравюры не дают возможности сказать что-либо определённое о характере юного императора. На них предстаёт в традиционном парадном облачении — латах, мантии, пудреном парике, орденских лентах — рослый светловолосый мальчик с миловидным, но не очень выразительным лицом. «Он высокого роста и очень полон для своего возраста, так как ему только пятнадцать лет. Он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нём нет ничего привлекательного или приятного», — считала жена английского консула Уорда. И другие иностранцы, часто видевшие Петра II, единодушно утверждали, что он выглядел старше своих лет.

Подросток унаследовал от отца и деда не только рост, но и взрывной темперамент, а также упорство в достижении целей. Сверстникам и свите он доставлял немало хлопот. Уже в октябре 1727 года Лефорт писал: «Царь похож на своего деда в том отношении, что он стоит на своём, не терпит возражений и делает, что хочет». Выйдя из-под опеки Меншикова, Пётр не очень стеснялся в выражении своих чувств. Он мог отказать в аудиенции фельдмаршалу М. М. Голицыну, нагрубить на ассамблее своему наставнику Остерману, а разговору с австрийским послом предпочесть общение с конюхами. Порывистый, живой и своенравный подросток, видимо, гораздо комфортнее чувствовал себя в неофициальной обстановке — на охоте, с расторопными егерями, весёлой тёткой Елизаветой, услужливыми и предупредительными Долгоруковыми, умевшими выполнять любой его каприз, — чем во дворце, в атмосфере придворного этикета и светской утончённости.

Таким же был в молодости и его великий дед, который стал царём в том же возрасте и рос без особого надзора вдали от двора, в Преображенском. Внуку, казалось, должно было быть легче. В 11 лет он стал законным и всеми признанным главой государства, с которым вынуждена была считаться вся Европа. В его распоряжении были талантливые министры и генералы, а его учителями были не голландские мастеровые, а выдающиеся дипломаты, как А. И. Остерман, и профессора Академии наук. И сам Пётр II был юношей энергичным, увлекающимся.

Однако созданный дедом механизм абсолютной власти оказался не по плечу юному государю. Рядом с ним не было никакого утверждённого правом или традицией учреждения, способного сдерживать проявления неограниченной власти, оказавшейся в руках мальчика. Все качества юного царя с самого начала стали эксплуатироваться придворными интрига-

нами: соперничавшие группировки стремились вырвать Петра друг у друга, а для этого надо было держать его при себе, доставлять ему всевозможные удовольствия, удалять от серьёзных занятий. У Петра II, в отличие от деда, не было надёжных друзей, выросших вместе с ним (кроме, пожалуй, сестры Натальи); едва ли часто видел он и своих учителей — их заменили фавориты.

Титулы, чины, имения — перспектива получения всех этих благ заставляла стремиться к единственному их источнику и любой ценой искать его милости. Не случайно немногие сохранившиеся именные указы Петра II (как правило, они передавались в Верховный тайный совет через Остермана или Долгоруковых) — это распоряжения о пожалованиях в чины или выдаче денег и «деревень». Согласно «Выписке о раздаче деревень с 1726 по 1730 г.» из бумаг Остермана, наибольшие пожалования были сделаны любимой тётке царя Елизавете (9382 двора, 35 тысяч душ); более скромные награды предназначались офицерам гвардии — поручику И. Любимову, капитанам А. Танееву и Ф. Полонскому. Своим родственникам Лопухиным Пётр подарил 740 дворов, 1800 дворов получил генерал Матюшкин, тысячу — майор гвардии Г. Д. Юсупов, более шестисот душ — капитан-поручик П. Колокольцев. Достались пожалования и канцлеру Г. И. Головкину (220 дворов), и генералу В. Я. Левашеву (200 дворов), и, конечно, ближнему придворному кругу: Долгоруковым, «метр-де-гардероб» Петру Бему, интенданту П. Мошкову, гофмаршалу Д. Шепелеву, камер-юнкеру М. Каменскому.

Нельзя сказать, чтобы об образовании царя совсем забыли. Академик-физик Георг Бильфингер составил и опубликовал в 1728 году «Расположение учения его императорского величества Петра Второго...». Юному монарху рекомендовалось изучать французский и немецкий языки, латынь, а также «статскую историю», «общую политику» и военное искусство. Прочие науки — математику, «космографию», «знания естественные» и геральдику — предлагалось преподавать так, как «к увеселению потребно». Особый упор был сделан на историю и «нынешнее всех государств состояние». На поучительных примерах прошлого и сведениях о государственном устройстве, армии, законах и политике европейских держав, считал почтенный академик, Пётр «своё государство, оною силу, потребность и способы как в зеркале увидит и о всём сам основательно рассуждать возможет». Бильфингер полагал необходимым особенно заботиться о том, чтобы его величество «...жития и дел Петра I и всех приключений его владения довольное и подлинное известие имел».

Специальное руководство о «Наставлении в христианском законе» для Петра написал Феофан Прокопович. В Академии наук Я. Германом и Ж. Делилем было составлено и издано «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России», включавшее изложение арифметики, геометрии, географии и фортификации. Автор знаменитой «норманнской теории» Готлиб Байер сочинил для Петра II пухлый учебник античной истории от «сотворения мира» до падения Рима. На освоение всей программы Бильфингер отводил два года при условии, что монарх будет заниматься по 15 часов в неделю.

Однако все эти планы оказались ненужными — даже по облегчённой программе Петру учиться не пришлось, да и сам он явно предпочитал иные занятия. Правда, Бильфингер уверял, что в отношении иностранных языков юный государь «в великое совершенство пришёл», но австрийский посол граф Вратислав был очень рад, когда император в 1729 году смог, наконец, произнести несколько слов на немецком языке. Подводя итоги первому году правления Петра II, Лефорт писал: «...молодость царя проходит в пустяках; каждый день он участвует в Измайлове в детских играх... он не заботится о том, чтобы быть человеком положительным, как будто ему и не нужно царствовать. Остерман употреблял всевозможные средства, чтобы принудить его работать, хотя бы в продолжение нескольких часов, но это ему никогда не удавалось».

Одиннадцатилетнего Петра, наверное, можно понять: учиться в XVIII веке было очень трудно. Современному школьнику едва ли доставило бы удовольствие заучивание наизусть с голоса правил: «Что есть умножение? — Умножить два числа вместе значит: дабы сыскать третье число, которое содержит в себе столько единиц из двух чисел, данных для умножения, как и другое от сих двух чисел содержит единицу...» Но окружение Петра, может быть, за исключением Остермана, как раз меньше всего было заинтересовано в его серьёзном образовании и воспитании. Под руководством восемнадцатилетнего Ивана Долгорукова Пётр постигал совсем другие науки. В начале 1728 года Лефорт сообщал: «Царь с некоторого времени взял привычку ночь превращать в день и целую ночь рыскает со своим камергером Долгоруким», — а спустя несколько дней добавил: «Говорят, что он начинает пить...» Именно при Петре II при дворе стало модно играть в карты. Вскоре и сам император, по мнению осведомлённого Лефорта, увлёкся карточной игрой, предпочитая её порой «игре в любовь».

Составленные для него учебники оставались нераскрытыми. Император веселился. Он присутствовал на учениях гвар-

дейских полков, вместе с Елизаветой открывал бал по случаю рождения у герцогини Голштинской сына Петра Ульриха (будущего российского императора Петра III), часто выезжал на охоту; «о некоторых же других его страстях упоминать неудобно», — заметил английский консул Клавдий Рондо. В конце 1727 года петербургский свет судачил о «приятных свиданиях», которые устраивал своему юному другу Иван Долгоруков — участник его походов в увеселительных заведениях столицы. «Царь только участвует в разговорах о собаках, лошадях, охоте; слушает всякий вздор, хочет жить в сельском уединении, а о чём-нибудь другом и знать не хочет», — сообщал Лефорт осенью 1728 года. Он подвёл грустный итог своим размышлениям о перспективах российской политики: «Прежде можно было противодействовать всему этому, теперь же нельзя и думать об этом, потому что государь знает свою неограниченную власть и не желает исправиться. Он действует исключительно по своему усмотрению, следуя лишь советам своих фаворитов». «Дело воспитания государя идет плохо», — вторил саксонцу в своём донесении его австрийский коллега.

«Революция» Петра I завершила формирование в России культа императора, власть которого поднялась на недостижимую для его подданных высоту. Феофан Прокопович публично провозгласил малолетнего озорника «главой всего российского благочестия» и сравнивал его шальные поступки с деяниями Владимира Мономаха и самого Петра I, выражая надежду, что Пётр II станет настоящим наследником реформ его великого деда:

Дал Петру стадо своё упасти Спаситель,
Дабы тем делом Христов явился любитель.
Бог и Петру Второму вручил стада многа
И сотвори известно, коль любит он Бога.

Перед этим мальчиком любой российский аристократ, обладатель высших чинов, «кавалерии» и десятков тысяч крепостных, был так же бесправен, как его собственный дворовый. Стремительные карьеры и столь же стремительные опалы со вздёргиванием на дыбу, битьём кнутом, конфискацией имущества и ссылкой в Сибирь — типичное для России XVIII века явление. Многие герои того времени — Меншиков, Остерман, Долгоруковы, Девиер, Толстой — прошли этот путь. Любое сопротивление воле монарха воспринималось как государственная измена со всеми вытекающими печальными последствиями. Пышность двора, раздача титулов, чинов, имений заставляли дворян стремиться к единственному источнику этих благ и любой ценой искать милости монарха.

Пока во главе этой системы стоял сам Пётр Великий, она могла быть необыкновенно динамичной: собственные разносторонние способности и личный пример государя, сочетание жестоких наказаний и царских наград действовали весьма эффективно. Но когда трон «отца Отечества» занял его малолетний внук, не имевший такой воли и опыта, всё изменилось. Созданный Петром I механизм абсолютной власти обрушился на юного Петра II с такой силой, против которой он не мог устоять. Его короткое царствование вместило в себя и ожесточённую борьбу придворных группировок, и дворцовые перевороты, и безудержное хозяйничанье фаворитов — всё то, что так пышно расцвело в последующие годы XVIII столетия. Сам Пётр Великий, наверное, осудил бы внука за такой образ жизни, который на деле являлся следствием, тенью его собственных преобразований.

Самодержавие без самодержца

Помнившим эпоху Петра I современникам Петра II приходилось осваиваться с новым порядком вещей, при котором государство существовало без самого правителя, неделями пропадавшего на охоте. Из сохранившейся «Росписи охоты царской...» следует, что для императора в селе Измайлове были заготовлены 50 саней, 224 лошади, сотни собак и «для походов 12 верблюдов»; охотничий «поезд» обслуживали 114 охотников, сокольников, доезжачих, лакеев и конюхов. Там же за казённый счёт содержались и пойманные звери: «Оленям и сайгам, зубрям, кабанам — муки ржаной, ячменю, овса по требованию, понеже оному хлебу числа положить не можно, потому что сколько зверей прибудет, ведения о том не имеется». В Москве царя видели редко. По неполным подсчетам (не считая коротких поездок на один-два дня), он за два года пребывания в Москве провёл на охоте более восьми месяцев.

Несколько раз Пётр обещал Остерману заняться учёбой и присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета, но обещания не сдержал. В мае 1728 года газета «Ведомости» извещала читателей: «Из Москвы явствуют последние письма от 29 дня апреля, что его императорское величество 30 вёрст отсюда на ловлях забавляться изволит». Охотничья экспедиция затянулась до ноября, но была внезапно прервана похоронами царевны Натальи Алексеевны. Пётр II был так увлечён охотой (он даже сам готовил корм для собак), что даже смерть любимой сестры с трудом смогла заставить его на время отвлечься от «ловли» и прискакать в Москву. О возвращении в Петербург

он даже слышать не хотел: «Что мне делать в местности, где, кроме болот да воды, ничего не видать», — по информации английского консула, заявил он Остерману. Андрей Иванович несколько раз заговаривал об отставке, но... всё-таки не ушёл. Новый австрийский посол граф Вратислав в отчаянии от того, что не удаётся заставить юного царя учиться, даже просил Карла VI прислать из Германии разбиравшегося в тонкостях охоты профессора, чтобы просвещать императора без отрыва от его излюбленного занятия...

В следующем году Пётр II со своей охотничьей командой постоянно носился по ближним и дальним окрестностям старой столицы — под Ростовом, Боровском, Коломной. «С тех пор как царь уехал отсюда, сообщают, что затравлено 4000 зайцев, 50 лисиц, 5 рысей, 3 медведя и множество живности» — такие итоги деятельности императора подводил Лефорт осенью 1729 года.

В промежутках между выездами на охоту он появлялся в Москве: раздавал послам свои охотничьи трофеи, принимал кого-нибудь из знатных особ или проявлял неожиданный интерес к текущим делам. Так, вдруг повезло отставному капралу князю Алексею Кропоткину, избитому в августе 1729 года своим богатым соседом, камер-юнкером Елизаветы Григорием Петрово-Соловово, и его крестьянами. Лежать бы жалобе князя без всякого движения в недрах канцелярий, но каким-то образом дело получило огласку, попало в Верховный тайный совет, и сам император осматривал побои потерпевшего.

Задуманное Остерманом путешествие Петра по России через Смоленск и Киев (осведомлённые иностранцы полагали, что вице-канцлер хотел вывезти Петра в Европу) не состоялось. Долгоруковы не выпускали царя из Москвы. Царские пристрастия стали учитываться в большой политике: прусский король прислал в подарок Петру выездных лошадей и набор ружей, а дядя, австрийский император Карл VI, и польский король Август II — охотничьих собак. Но эти же высочайшие привычки приводили в отчаяние иностранных послов, лишённых возможности даже представиться царю. Однако отсутствие императора (в 1727 году тот посетил Верховный тайный совет девять раз, в 1728-м — четыре, а с апреля 1729 года вообще не появлялся там до самой смерти) до некоторой степени способствовало устойчивости правительственной системы, поскольку исключало непредсказуемое вмешательство мальчика-царя в работу высших государственных учреждений.

Новая конфигурация власти опиралась, с одной стороны, на Верховный тайный совет, с другой — на заменивший Меншикова клан Долгоруковых, в котором решающие роли игра-

ли князь Алексей Григорьевич и его сын Иван. Последние, в отличие от «полудержавного властелина», не пытались подмять под себя верховную власть, а разделили её с советом, хотя в 1728 году в него вошли два представителя рода Долгоруковых — сам Алексей Григорьевич и талантливый дипломат Василий Лукич. Британский консул Рондо докладывал о наметившемся «разделении труда»: разработка внешней политики всецело принадлежит Остерману, а «назначения и отличия вполне ведаются Долгорукими».

Алексей Григорьевич, человек «посредственного разума», появлялся в совете редко; к нему обращались только для консультаций по вопросам царской охоты. Но зато он не жалел сил и времени для устройства новых развлечений, чтобы сохранить привязанность царя; продолжительные охотничьи экспедиции в подмосковных лесах как нельзя лучше соответствовали этому замыслу.

Важнейший пост обер-камергера занял его сын Иван — в качестве близкого друга царя он получал новые вотчины и «подарки» на 11 тысяч рублей, что было отражено в сохранившейся книге дворцовых расходов. Он же стал капитаном Преображенского полка, где несколько представителей младшего поколения клана занимали офицерские должности. Будучи более светским человеком, чем его отец, Иван с друзьями предпочитал охоте в глуши всевозможные городские развлечения, описывая которые князь Щербатов замечал: «...честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турков во взятом граде». Молодец был не прочь поучаствовать и в большой политике — по словам испанского дипломата герцога де Лириа, «хотел управлять государством, но не знал, с чего начать», — но оказался непригодным к сколько-нибудь ответственной роли в управлении. Способности младшего Долгорукова к интриге не простирались дальше попытки соблазнения красавицы-жены камер-юнкера Никиты Трубецкого, которого он намеревался отправить на службу в Сибирь. В документах Верховного тайного совета фаворит почти не упоминается; но о его влиянии говорит тот факт, что с декабря 1728 года доклады и приказы по гвардии стали проходить через его руки; именно к нему обращался В. В. Долгоруков (фельдмаршал — к капитану!) для решения вопроса о выдаче полкам задержанного «хлебного жалованья».

Главной «сферой влияния» Долгоруковых являлся двор. Пётр I не любил дворцовых церемоний, и при нём придворные особой роли в управлении не играли. Теперь же ситуация изменилась. В декабре 1727 года Пётр II утвердил новый придворный штат; свои штаты были у сестры императора, у цеса-

ревны Елизаветы и племянниц Петра I царевен Прасковьи и Екатерины. Расходы на содержание двора при Петре II значительно возросли: если в 1719 году они составляли 52 094 рубля, в 1726-м — 66 788 рублей, то в 1728 году — уже 90 025 рублей.

Ключевой деталью нового правительственного механизма и посредником между возглавившимся семейством Долгоруковых двором и Верховным тайным советом стал Остерман. Такая роль соответствовала как сложившейся придворной «конъюнктуре», так и личным качествам вице-канцлера, никогда не стремившегося, да и не способного быть лидером. От имени Петра он вносил в совет предложения и вопросы для обсуждения, передавал челобитные и немногие именные указы царя и подавал ему доклады. Иногда он позволял себе высказывать собственное мнение (например, по поводу назначения губернатора в Архангельск), «приказывал» совету навести справки в других учреждениях по тому или иному вопросу; он же определял круг дел, коими стоило или не стоило «утруждать» царя. Он же ведал драгоценностями сестры царя и орденскими знаками; в его архиве хранились и личные документы Петра II, и челобитные, поступавшие на царское имя. Состав придворного штата Петра также был подготовлен и подписан Остерманом.

Возвращение из динамично развивавшегося Петербурга в среду старой русской знати с её неторопливым образом жизни, обычаями и представлениями означало в глазах многих современников принципиальный отказ от продолжения политики Петра Великого. Австрийского посла не без основания тревожило то, что вельможи, переехав в Москву, могут перестать «заботиться о флоте и войске, и вновь завоёванные провинции окажутся подвергнутыми крайней опасности». Долгоруковых же иноземцы часто называли «национальной партией».

Единодушное мнение иностранных дипломатов выразил испанский посол де Лириа: «Всё идёт из рук вон плохо; император не занимается делами и не хочет о них слышать. Жалованье никому не платят, и Бог весть, что станется с казной его величества. Ворует каждый, кому не лень. Все члены Верховного совета больны и по этой причине в этом собрании — душе здешнего правительства — заседаний не происходит. Все подчинённые отделы также прекратили свою деятельность. Раздаются бесчисленные жалобы, каждый творит, что ему вздумается. И никто не думает помочь в беде, кроме Остермана, который не может один всюду поспеть. Мне кажется, что почва вполне созрела для революции...» Но действительно ли всё так стремительно переменилось? Как увидеть за дворцовыми распрями и министерской неразберихой реальную жизнь

послепетровской России и обычных людей с их повседневными проблемами и мыслями о своём житье-бытье?

Страна продолжала более или менее успешно «пожинать плоды» преобразований Петра Великого. Многие меры нового царствования — частичное «прошение» подушной подати, разрешение свободного устройства горных заводов в Сибири, вольной продажи табака, соли, поташа, право вывозить товары за границу не только через Петербург, «вексельный устав» и прочее «увольнение коммерции» — были жизненно необходимы стране. Некоторое ослабление полицейского режима, замедление деятельности бюрократических канцелярий, отсутствие войн и рекрутских наборов были желанной передышкой для мужиков, которые вполне искренне могли благодарить за это Петра II.

Однако по-прежнему существовала огромная армия, несмотря на роспуск по домам в 1727 году трети солдат и офицеров из дворян. Сохранялся и боеспособный флот. Русские дипломаты готовились принять участие в Суассонском конгрессе, где предполагалось осуществить «генеральное примирение» европейских держав. А на далёкой восточной границе Савва Лукич Владиславич-Рагузинский только что заключил Кяхтинский договор с Китаем о торговле и границах и спешил доложить в Москву: «Могу я ваше императорское величество поздравить с подтверждением дружбы и обновлением вечного мира с китайским императором». Весной 1728 года в Москву пришёл китайский караван с драгоценным фарфором. В Охотске, единственном русском порту на Тихом океане, весной 1728 года готовилась отправиться к северо-восточной оконечности Азии, чтобы проверить, «где она сошлась с Америкой», экспедиция Беринга.

Основанные Петром I училища продолжали свою деятельность, несмотря на скудость отпускаемых средств и суровые порядки. По ведомости 1729 года в московских Спасских школах обучалось всего 259 человек. Из них «бежали на Сухареву башню в математическую школу в ученики 4... из философии бежал в Сибирь 1, из риторики гуляют 3, из пиитики 2». В Холмогорах юный Ломоносов уже открывал «врата своей учёности» — учебники грамматики и арифметики...

Дневник украинского полковника Якова Андреевича Марковича за 1728—1729 годы постоянно фиксирует в обыденной жизни Москвы детали нового быта: в Грановитой палате устраивались ассамблеи, на улице можно было зайти в «кофейный дом», а о новостях из Лондона, Парижа, Вены и даже Лиссабона прочитать в газете, приходившей из Петербурга с месячным опозданием. В повседневный обиход вошли

«канарский цукор», кофе по 20 алтын за фунт; а вот чай был ещё дорог (фунт стоил целых шесть рублей) и несоизмерим по цене с икрой (пять копеек за фунт). Обыватель мог развлечься карточной игрой «шнип-шнап» (немецкая колода стоила восемь копеек). Для любителей более серьёзных занятий продавались учебники (первый отечественный курс истории, «Синописис», стоил 50 копеек), «Политика» Аристотеля, «книжка об орденах» и «коронные конституции» Речи Посполитой. Можно было приобрести в тележном ряду «англинскую коляску», купить слугам «немецкие кафтаны» по 2 рубля 25 копеек, а для самих хозяев — китайские фарфоровые чашки (по 50 копеек), «померанцевые деревья с плодами» (пять рублей) и приборы *barometrum* и *thermomethrum* (за оба — полтора рубля)¹⁶.

Хотя старшие из князей Долгоруковых не жаловали иноземцев, никаких альтернативных программ и тем более планов реставрации допетровских порядков они не имели. Для них важнее было подчинить юного государя своему влиянию и оттеснить любых возможных соперников в борьбе за власть. Верховный тайный совет от имени императора без всякого суда принял решение «за многие и важнейшие к нам и государству нашему и народу показанные преступления» сослать Меншикова в Берёзов — маленький сибирский посёлок на Нижней Оби у самого полярного круга. В апреле 1728 года бывший светлейший князь отправился с женой и детьми в последнее путешествие.

Однако новые правители в точности повторяли тактику Меншикова в отношении возможных конкурентов. Попали в немилость и были удалены от двора камер-юнкер Алексей Татищев и родственник царя Александр Нарышкин. Были пресечены попытки выйти «в случай» представителей семьи Голицыных: двор покинули фельдмаршал М. М. Голицын, его зять граф Александр Бутурлин и молодой камергер Сергей Голицын. Подозрения вызывала и дочь Петра I Елизавета, шокировавшая московское общество «весьма необычным поведением». Она часто сопровождала племянника на охоту, и тот настолько сильно привязался к весёлой тётушке, что это стало беспокоить двор и дипломатический корпус. «Остерман заметил, что большой риск оставлять его одного с принцессой Елизаветой, и в этом отношении, безусловно, необходимо иметь постоянный надзор за ними», — докладывал обстановку при русском дворе французский резидент Маньян. Опасения членов Верховного тайного совета усилились, когда после смерти сестры императора Натальи Елизавета имела все шансы стать основной претенденткой на трон. Но её любов-

ные похождения в конце концов позволили Долгоруковым дискредитировать цесаревну.

Борьба против Меншикова на короткое время сплотила клан Долгоруковых. Как только светлейший князь перестал являться препятствием, мешавшим им закрепиться у трона, родственники стали оттирать друг друга. Посольские донесения 1728—1729 годов рисуют картину постоянных склок внутри «мишурного семейства», боровшегося за царские милости. Сначала князь Алексей поссорился с Остерманом — да так, что оба «покаялись погубить друг друга», затем он поругался с собственным сыном. В сентябре 1728 года Лефорт отмечал: «Семейство Долгоруковых состоит из трёх партий, противных друг другу; барон Остерман сумел приобрести себе доверие всех и даже служить им в роде оракула». С помощью фельдмаршала В. В. Долгорукова удалось достичь примирения Остермана и князя Ивана, но оно вызвало зависть отца. По сведениям испанского посланника, Алексей Долгоруков приложил все усилия к тому, чтобы поссорить Петра II с князем Иваном и «провести» в фавориты другого своего отпрыска, Николая. С помощью царицы-бабушки Евдокии Лопухиной интриган хотел удалить от Петра и самого Остермана, но столкнулся с достойным противником и вынужден был отступить.

Благодаря таким отношениям в своём окружении Пётр II получал уроки лицемерия, овладевал премудростью подлаживаться к соперничавшим сторонам. «Нельзя не удивляться умению государя скрывать свои мысли; его искусство притворяться замечательно. На прошлой неделе он два раза ужинал у Остермана, над которым он в то же время насмеялся в компании Долгоруковых; перед Остерманом же он скрывал свои мысли: ему он говорил противоположное тому, в чём он уверял Долгоруковых», — удивлялся Лефорт зимой 1729 года. Это соперничество могло бы помочь молодому государю, при наличии желания и воли, постичь тонкости управления людьми и утвердить себя в качестве настоящего монарха — но этого желания он как раз и не проявлял.

Несостоявшаяся свадьба

Большие надежды окружение Петра II и иностранные дворы связывали с будущей женитьбой императора. В числе возможных претенденток назывались прусская и австрийская принцессы, дочери герцогов Мекленбургского и Бевернского. Но у Долгоруковых были свои планы. В дипломатических донесениях из Москвы всё чаще встречалось имя Екатерины, сестры

Ивана Долгорукова, хорошенькой, самолюбивой и капризной восемнадцатилетней особы. Дочери Алексея Григорьевича были неперенными участницами путешествий императора, который к тому же подолгу гостил в Горенках, подмосковной усадьбе Долгоруковых. Любезная настойчивость хозяина и красота его дочери привели к тому, что четырнадцатилетний Пётр II был вынужден просить её руки.

Помолвка императора состоялась 30 ноября 1729 года с большой торжественностью. На церемонию в Лефортовский дворец царская невеста прибыла в роскошной карете и с большой свитой. Под гром пушек Феофан Прокопович совершил обряд обручения. Вслед за ним молодых поздравляли высшие чины империи и дипломатический корпус. Торжество завершилось балом. Однако блеск праздника не мог заглушить голоса недовольных. В светских разговорах постоянно упоминался ссыльный светлейший князь, действия которого полностью повторяли новые временщики. Ещё никто не знал, что в эти дни за три тысячи вёрст от Москвы друг за другом скончались несостоявшийся тесть и «порученная невеста» Петра, и не предвидел, что Долгоруковым вскоре придётся разделить их участь.

В Москве шли балы и фейерверки, начинались приготовления к царской свадьбе, назначенной на 19 января. Екатерину Долгорукову, как ранее её предшественницу, указано было поминать при богослужении. Придворный живописец И. Люден писал её портрет. Счастливый отец невесты уже получил в подарок 12 тысяч крестьянских дворов — около сорока тысяч крепостных. Его сын и ближайший друг Петра II по примеру Меншикова добился титула князя Римской империи, стал майором гвардии и выбрал себе спутницу жизни — наследницу одной из первых фамилий империи Наталью Шереметеву. Впоследствии она, схимонахиня Нектария, в записках трогательно и правдиво рассказала о своей трагической судьбе, страшной участи мужа и его родственников...

Но тогда они не подозревали об очередном повороте колеса Фортуны. Однако внимательные наблюдатели отмечали холодность Петра к невесте и его высказывания о новых родственниках как о «двуногих собаках». Царь тайно посетил Елизавету, несколько раз по ночам скрытно встречался с Остерманом, который дал понять, что ему не нравится этот брак. Неожиданно Остерман «заболел» — с 3 ноября он не появлялся на заседаниях Верховного тайного совета. Пётр II впервые отказался от охоты, собирался раздать желающим всех своих собак и даже стал прилежно заниматься. Всё это было странно; герцогу де Лириа в те дни казалось, что «в воздухе собиралась гроза».

Шестого января, на Крещение, император подписал последний в своей жизни указ об обмене московского двора графа Саввы Рагузинского на 800 дворов в Комарицкой волости Севского уезда. На параде его величество «перед Преображенским полком в строевом убранстве изволил идти в полковничьем месте». В этот же день его видели отправлявшимся в саях вместе с невестой на водоосвящение. Он долго пробыл на льду реки среди войск.

Современники единодушно утверждали, что уже вечером того же дня Пётр заболел оспой, от которой совсем недавно умерли австрийский император Иосиф I и испанский король Луис. Но англичанин Рондо узнал об этом только 12-го, а Лефорт — 13-го числа, когда появилось официальное сообщение о болезни императора, которая уже якобы не представляла опасности для его здоровья. В таком духе и составляли дипломаты донесения своим дворам. За кулисами же вокруг больного мальчика-императора разворачивалась очередная интрига. Еще 15 января Алексей и Сергей Григорьевичи Долгоруковы стали выдвигать требования о передаче короны царской невесте. 17 января 1730 года они составили подложное завещание императора. Один из экземпляров подписал за царя Иван Долгоруков, а второй держал наготове, чтобы дать подписать Петру, если тот придёт в сознание. Отец невесты был готов даже обвенчать умиравшего императора. Но намерения временщиков были пресечены Остерманом, безотлучно находившимся у постели Петра II. Положение Долгоруковых ослаблялось несогласием внутри семейства: фельдмаршал Василий Владимирович открыто протестовал против любых планов захвата престола.

В ночь на 19 января Пётр II умер, по официальной версии, «болезнью оспою». Его последние слова были: «Запрягайте сани, хочу ехать к сестре...» 11 февраля 1730 года москвичи проводили в последний путь внука Петра I. Он, единственный из наследников великого императора, по древней традиции был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля. Юный государь был последним мужчиной из рода Романовых — отныне страной будут управлять представители женской линии династии.

Любой неожиданный поворот событий и отсутствие достоверной информации заставляли современников сомневаться в официальной трактовке событий. Лефорт уже 20 января представил две версии случившегося. Согласно первой, смерть ускорило «худосочие» императора вследствие изнурительных охотничьих экспедиций; по другой — врачи во главе с президентом Академии наук Л. Блюментростом вовремя не распоз-

нали болезнь и лечили не оспу, а лихорадку. Помимо этого, существовало и мнение, что уже выздоравливавший Пётр II сам открыл окно и застудился.

Остерман ещё в 1728 году делился с Минихом, что «образ жизни, который принуждают вести молодого государя, очень скоро приведёт его к могиле». Австрийский и испанский послы обязательно оповещали свои дворы о любом недомогании императора; в их сообщениях можно найти указания на усталость и болезненный вид Петра II зимой 1729/30 года. С другой стороны, незадолго до смерти царь был здоров и даже совершил двухдневную поездку за город. Возможно, Петра хотели удержать дома, но он всё-таки вырвался из-под опеки своих новых «родственников» и простудился во время катания. Неизвестно, каким образом и от чего его лечили. Во всяком случае, эта смерть была неожиданной и сразу нарушила хрупкую стабильность в «верхах».

Трудно, конечно, говорить о политическом курсе страны, на престоле которой сидел ребёнок, к тому же не отличавшийся примерным поведением. Но как бы ни оценивать этот короткий период российской истории, нельзя не заметить, что, несмотря на бездействие, а порой и скрытое противодействие «верхов», новые явления во всех сферах общественной жизни неудержимо пробивали себе дорогу — Россия входила в свою Новую историю и своё Возрождение. Господство крепостничества, консервативные традиции, грубая роскошь двора лишь сильнее оттеняли достигнутые успехи — развитие производства на современных заводах и «коммерции», экспериментальную науку. Рядом с кабаками и застенками Антиох Кантемир сочинял первые сатиры и переводил «Разговоры о множестве миров» француза Фонтенеля, а вернувшийся из Сорбонны Василий Триаковский готовил реформу русского стихосложения и издавал первую в России любовно-галантную повесть «Езда в остров Любви».

Трудно сказать, каким мог бы стать повзрослевший Пётр II. Однако в глазах многих его подданных он навсегда остался «добрым царём». Печальная судьба мальчика-императора отразилась в народных песнях:

Ах ты, дедушка родимый,
Меня ты покидаешь!
Кому царство оставляешь?
Мне ли царство содержать?
Господа ныне большие
Изведут меня в минуту...

Глава седьмая
ГРОЗНАЯ ВДОВА

*...Народ был порядочно управляем.
Не был отягощён налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности, страшились вельможи подать какую причину к несчастью своему.*

М. М. Щербатов

Курляндская затворница

Времена Анны Иоанновны (1730—1740) были не самыми гуманными; но когда в России они были иными? Особых оснований для того, чтобы быть нежной и ласковой, императрица не имела. Племянница Петра I, нелюбимая дочь вдовы его старшего брата Ивана Алексеевича, царицы Прасковьи Фёдоровны Салтыковой, не рассматривалась в качестве наследницы трона, росла в подмосковном Измайлове и стала первой за время существования династии русской принцессой, которой, вопреки традициям московского двора, предстояло отбыть в чужие края. После полтавской победы Пётр I решил выдать племянницу замуж за молодого курляндского герцога. Её согласия никто и не думал спрашивать — Анна стала очередной и не самой важной ставкой во внешнеполитической игре царя.

По воле дяди семнадцатилетняя Анна в октябре 1710 года была обвенчана с герцогом маленькой, но пока независимой Курляндии (южной части современной Латвии) Фридрихом Вильгельмом. На свадьбе Пётр усердно «трактовал» жениха — по выражению самого царя, «до состояния пьяного немца». От этого или от каких других хворей герцог скончался на пути домой, и Анна осталась вдовой. Прав на управление страной она не имела (герцогом стал дядя покойного Фердинанд), но Курляндия должна была оставаться в сфере влияния России; Пётр распорядился отправить молодую вдову вместе с маленьким двором в столицу герцогства Митаву «ради резиденции её». Племяннице выделили несколько имений, которыми ведал её обер-гофмейстер Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин.

Вдовствующая герцогиня оказалась бедной родственницей, которой поначалу даже негде было жить. Анна вечно нуждалась в деньгах, но терпела. В письмах «батюшке-дядюшке»

Петру и «матушке-тётушке» Екатерине она посылала поздравления с церковными и семейными праздниками, справлялась о здоровье и иногда жаловалась:

«Всемиловитейший государь батюшка-дядюшка! Известно вашему величеству, что я в Митаву с собою ничего не привезла, а в Митаве ж ничего не получила и стояла в пустом мещанском дворе, того ради, что надлежит в хоромы, до двора, поварни, конюшни, кареты и лошади и прочее — всё купано и сделано вновь. А приход мой с данных мне в 1716 году деревень денгами и припасами — всего 12 680 талеров; ис того числа в росходе в год по самой крайней нужде к столу, поварне, конюшне, на жалованье и на либриеку служителем и на содержание драгунской роты — всего 12 154 талера, а в остатке только 426 талеров. И таким остатком как себя платьем, бельём, круживами и, по возможности, алмазами и серебром, лошадами, так и протчим, в новом и пустом дворе не только по моей чести, но и противу прежних курляндских вдовствующих герцогинь весьма содержать себя не могу. Также и партикулярные шляхетские жёны ювели и протчие уборы имеют не убогие, из чего мне в здешних краях не безподозрительно есть. И хотя я, по милости вашего величества, пожалованными мне в прошлом 1721 году денгами и управила некоторые самые нужные домовые и на себя уборы, однако ещё имею на себе долгу за крест и складень бралиантовой, за серебро и за убор камаор и за нынешнее чёрное платье — 10 000 талеров, которых мне ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а, не имея чем платить, и кредиту нигде не буду иметь...»¹⁷

Пётр жалоб не любил, денег не давал и смотрел на Анну как на пешку в шахматной партии. В 1712—1718 годах кандидатами на её руку перебивали герцог Фердинанд, герцог Иоганн Адольф фон Саксен-Вейсенфельс, герцог Ормонд, саксонский генерал-фельдмаршал граф Яков Генрих Флеминг, маркграф Фридрих Вильгельм фон Бранденбург, принц Вюртембергский Карл Александр. Порой дело доходило даже до составления брачного договора, но в итоге все женихи так и остались ни с чем, поскольку не устраивали либо Петра, либо его соседей — монархов Польши и Пруссии.

На мгновение мелькнул в Курляндии блестящий камерюнкер жены Петра I Виллим Монс. Молодой красавец привлёк внимание Анны, но у него уже начался «амур» с особой куда более высокого положения — самой царицей. Анна, как смогла, устроила своё женское счастье с помощью пожилого, но надёжного Бестужева, но эту связь не одобряла её мать. Царица Прасковья Фёдоровна вообще больше заботилась о стар-

шей дочери Екатерине, а когда Анне удавалось вырваться из Курляндии в Москву, мать встречала её упреками и придираками. Бестужев вёл хлопоты об имениях, ведал их доходами (Анна, окружённая на протяжении многих лет «немцами», так и не выучила язык и впоследствии избегала на нём объясняться). Вдовствующая герцогиня, в свою очередь, заботилась о семье управляющего, хлопотала о его сыновьях и дочери, а ему самому выпрашивала чин тайного советника. Однажды она познакомилась с управляющим именем Вирцава, исполнительным и энергичным малым Эрнстом Иоганном Бираном.

Но Анна ещё не оставила мечты о замужестве. «Дарагая моя тётушка, покажи нада мною материнскую милость: попроси, свет мой, милости у дарагова государя нашего батюшки дядюшки оба мне, чтоб показал милость — моё супружественное дело ко окончанию привесть, дабы я болше в сокрушении и терпении от моих зладеев, ссораю к матушке не была... Вам, матушка моя, известна, што у меня ничево нет, кране што с воли вашей выписаны штофы; а ежели к чему случеи позавёт, и я не имею нарочетых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочетава...» — жаловалась она на бедность царице Екатерине.

Летом 1726 года, не дожидаясь кончины престарелого Фердинанда, курляндское рыцарство с согласия Августа II избрало нового герцога — незаконного сына короля, офицера французской службы и дамского угодника Морица Саксонского. Сражённая галантностью кавалера Анна слёзно умоляла Меншикова донести до императрицы её горячее желание выйти замуж: «Прилежно вашу светлость прошу в том моём деле по древней вашей ко мне склонности у её императорского величества предстательствовать и то моё полезное дело совершить», — а в конце письма признавалась: «И оной принц мне не противен».

Однако усиление позиций саксонского курфюрста и появление в Курляндии французского полковника не устраивали ни Пруссию, ни Россию, ни самого Меншикова. В Курляндию двинулись русские войска, а Мориц, на беду, попался на глаза герцогине январской ночью, когда тащил на плечах в свои апартаменты очередную прелестницу-фрейлину, не желая, чтобы она была скомпрометирована следами на снегу. Морица мало волновали упреки несостоявшейся жены — он с «армией» в 500 человек храбро отбивался от русских драгун, в конце концов ускользнул от них и отбыл в Париж, а курляндское дворянство объявило его избрание незаконным и «никогда не состоявшимся».

Видимо, в это печальное для Анны время и пробил час Бирона. «А ныне в Вирцаве очень хорошо», — не удержавшись, сообщила она своей подруге летом 1727 года из имения, много лет остававшегося на попечении Бирона. Из управляющего он постепенно превратился в доверенное лицо — камер-юнкера, постиг самую важную придворную науку — умение быть необходимым и оказываться в нужном месте в нужный момент. Кто-то ведь должен был добывать деньги на текущие расходы, улаживать бытовые проблемы, наконец, развлекать забытую герцогиню. Вероятно, как раз тогда Анна пристрастилась к охотничьим развлечениям вольных немецких баронов — пальбе из ружья по любой живой твари (эту привычку она не оставила и будучи императрицей).

Вернувшийся в конце 1727 года после долгой отлучки Бестужев получил отставку. Он сильно переживал из-за случившегося и писал своей дочери Аграфене в Москву, куда как раз отправилась герцогиня: «Я в несносной печали: едва во мне дух держится, потому что чрез злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш друг (Бирон. — *И. К.*) более в кредите остался... Я в такой печали нахожусь, что всегда жду смерти, ночей не сплю; знаешь ты, как я того человека люблю, который теперь от меня отменился». Анна, ещё недавно защищавшая своего слугу, теперь жаловалась Петру II: «Я на верность его полагалась, а он меня неверно чрез злую диспозицию свою обманул и в великий убыток привёл», — но признавалась, что при подписании бумаг «многих писем не читала и не рассуждала».

Анна по-прежнему оставалась безвластной герцогиней в чужом краю и зависела от милостей петербургских родственников. Только теперь она уже адресовала просьбы не «батюшке-дядюшке» и «матушке-тётушке», а двоюродному племяннику, юному императору Петру II, его сестре Наталье или новым хозяевам двора — князьям Долгоруковым и Остерману. Пётр II лишь увеличил её содержание на 12 тысяч рублей, и маленький двор исправно получал жалованье.

Так бы и остался камергер Бирон завхозом бедной герцогини в медвежьем углу Европы. Может быть, для их репутации, да и для всей отечественной истории так было бы лучше — тогда в учебниках не было бы ни «засилья иноземцев», ни бироновщины. Осталась бы красивая сказка о большой любви и тихом счастье московской царевны и незнатного курляндского красавца, которую рассказывали бы гиды заезжим туристам. Но внезапно в провинциальный мир Митавы вторглась большая история.

«Коварные письма»

В ночь на 19 января 1730 года в московском Лефортовском дворце, и поныне стоящем на берегу Яузы, умер Пётр II. Никакой воли император выразить не успел, да и едва ли её приняли бы во внимание, как и завешание Екатерины I, устанавливавшее, что в случае бездетной смерти Петра II престол наследовали её дочери Анна и Елизавета. В «эпоху дворцовых переворотов» не очень уважали правовые акты, вопросы о власти решались «силой персон» в ходе борьбы придворных группировок.

На ночном совещании Верховного тайного совета старший и наиболее авторитетный из «верховников» князь Дмитрий Михайлович Голицын пресёк попытку клана Долгоруковых объявить о якобы подписанном Петром завещании в пользу невесты и вслед за тем отвёл кандидатуры Елизаветы Петровны и сына её старшей сестры Карла Петера Ульриха Голштинского. Голицын предложил избрать на российский престол представительницу старшей линии династии — вторую дочь царя Ивана, курляндскую герцогиню Анну.

Выбор был не случаен. Старшая сестра Анны, Екатерина, отличалась решительным характером и состояла в браке с герцогом Мекленбургским — первым пьяницей и скандалистом среди германских князей, к тому времени уже изгнанным из своего герцогства. Младшая царевна, Прасковья, была горбата и состояла в тайном браке с гвардейским подполковником И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Бедная же вдова, много лет просидевшая в провинциальной Митаве, не имела ни своей «партии» в Петербурге, ни заграничной поддержки. Официальный протокол заседания утвердил введение в состав совета фельдмаршалов В. В. Долгорукова и М. М. Голицына и сообщал: «...имели рассуждение о избрании кого на российский престол, и понеже императорское мужеского колена наследство пресеклось, того ради рассудили оной поручить рождённой от крови царской царевне Анне Иоанновне, герцогине Курляндской».

Но вслед за этим Голицын предложил собравшимся «воли себе прибавить». «Хоть и зачнем, да не удержим этого», — откликнулся В. Л. Долгоруков. «Право, удержим», — уверял Голицын и пояснял: «Будь воля наша, только надобно, написав, послать к её величеству пункты». Именно так, по рассказу В. Л. Долгорукова на следствии в 1739 году, родилась идея ограничения самодержавной монархии и появились на свет знаменитые «кондиции» (Анна позднее назовет их «коварными письмами»), принципиально изменявшие вековую форму правления:

«...Того ради, чрез сие накрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее моё попечение и старание будет не токмо о содержании, но и о крайнем и всевозможном распространении православные нашея веры греческаго исповедания, такожде по принятии короны росиской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять. Ещё обещаемся, что понеже целость и благополучие всякаго государства от благих советов состоит, того ради, мы ныне уже учреждённый Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного тайного совета согласия:

ни с кем войны не всчинать;

миру не заключать;

верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать;

в знатные чины, как в статцкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять, и гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного тайного совета;

у шляхетства живота и имени и чести без суда не отимать;

вотчины и деревни не жаловать;

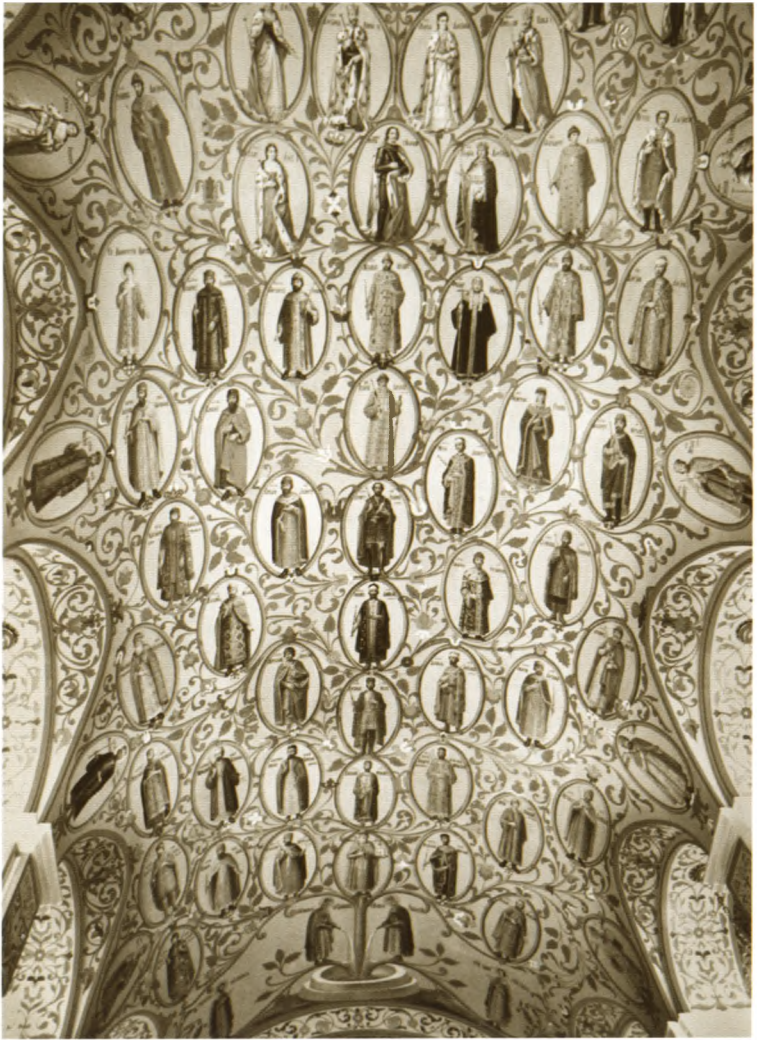
в придворные чины как русских, так и иноземцов, без совета Верховного тайного совета не производить;

государственные доходы в расход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать, а буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской»¹⁸.

«Верховники» не объявили о «кондициях» при объявлении кандидатуры Анны, что не могло не вызвать подозрений. В обстановке секретности три представителя совета — В. Л. Долгоруков, М. М. Голицын-младший (сенатор) и генерал М. И. Лентьев — отправились в Курляндию. Одновременно Москва была оцеплена заставами, выехать из города можно было лишь по выданным правителями паспортам. Быстрые действия совета позволили не допустить дискуссий о порядке престолонаследия, но не могли не вызвать противодействия со стороны недовольных решениями «верховников».

Ещё ночью Ягужинский заявил: «Теперь время, чтоб самодержавию не быть», но сам тайно отправил камер-юнкера Петра Сумарокова в Митаву — генерал-прокурор предостерегал герцогиню от подписания «кондиций» и намекал, «чтоб её величество была благонадёжна, что мы все её величеству желаем прибытия в Москву». Таким образом, Анна узнала не только о планах совета, но и о существовании их противников.

Забытой герцогине захолустного княжества предстоял важнейший в её жизни выбор — принимать или не принимать корону Российской империи на предложенных условиях. Вече-

«Родословное древо государей Российских»
на потолке парадных сеней Государственного исторического музея.
Ф. Торнов. 1883 г.

Царь Михаил Фёдорович Романов.
И. Ведекинд. 1728 г. Копия с портрета 1626 г.

Икона «Кийский крест».

Слева — святой равноапостольный царь Константин Великий, царь Алексей Михайлович, патриарх Никон; справа — святая равноапостольная царица Елена, царица Мария Ильинична.

И. Салтанов. 1670-е гг.

Царь Фёдор Алексеевич.
Посмертная парсуна
Б. Салтанова. 1682 г.

Царевна-правительница
Софья Алексеевна.
Гравюра Р. Боннара. 1685 г.

Восстание стрельцов. Немецкая гравюра. 1682 г.

Цари Иван и Пётр Алексеевичи.
Гравюра Ж. Жоллена. 1685 г.

Двухместный трон.
1682—1684 гг.

Золотая монета с портретами Петра, Ивана и Софьи. 1689 г.

Император Пётр I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади.
Миниатюра Г. Мусикийского. 1723 г.

Императрица Екатерина Алексеевна на фоне Екатерининского дворца.
Миниатюра Г. Мусикийского. 1724 г.

Царевны Анна Петровна и Елизавета Петровна. *Л. Карвак. 1717 г.*

Конклюзия на коронацию Екатерины Алексеевны.
Гравюра И. Зубова. 1724 г.

Царская семья: Пётр I, Екатерина Алексеевна, Алексей Петрович, Елизавета и Анна Петровны, Пётр Петрович.
Миниатюра Г. Мусикийского. 1717 г.

Царевич Алексей Петрович.
Гравюра Х. Вортмана
по оригиналу И. Люддена. 1729 г.

Пётр II.
Гравюра Х. Вортмана
по оригиналу И. Люддена. 1729 г.

Серебряный рубль с профилем Петра II. 1729 г.

Анна Иоанновна. Л. Каравак. 1730 г.

Елизавета Петровна. *И. Вишняков. 1743 г.*

Коронация Елизаветы Петровны в Успенском соборе Московского Кремля.
Гравюра Г. Качалова по рисунку Э. Гриммеля. 1744 г.

Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны —
творение Б. Растрелли.

Гравюра А. Грекова по рисунку М. Махаева. 1753 г.

Великий князь Пётр Фёдорович
и великая княгиня Екатерина Алексеевна с калмыцким пажом.
А. де Гаск (Лисевская). 1756 г.

Екатерина II — законодательница в храме Правосудия.
Д. Левицкий. 1783 г.

Екатерина II с сыном Павлом Петровичем, невесткой Марией Фёдоровной и внуками Александром и Константином в царскосельском парке у бюста Петра I.

Гравюра Д. Бергера с оригинала И. Антинга. 1763 г.

«Мечты царицы Екатерины»:

чёрт подносит Екатерине II Варшаву и Константинополь.

Карикатура У. Холланда

«Алмазный» трон царя Алексея Михайловича. 1658 г.

ром 25 января Анна подписала «кондиции»: «Тако по сему обещаю без всякого изъятия содержать». Росчерком пера самодержавная монархия в России стала ограниченной ровно на месяц — до следующего государственного переворота. Большинство подданных об этом так никогда и не узнали, но при ином раскладе политических сил эти ограничения могли бы стать рубежом в нашей истории.

Второго февраля князь Д. М. Голицын объявил собравшимся на свадьбу царя и угодившим на его похороны дворянам о «кондициях» и призвал их подавать проекты будущего государственного устройства. В зимней Москве наступила небывалая политическая «оттепель». Только недавно приченные к бритью бород и ношению европейских камзолов дворяне ещё хорошо помнили дубинку императора и его грозные (по выражению Пушкина, писанные кнутом) указы, но приступили к сочинению новой формы правления.

Кто они были? Старые служивые, прошедшие огонь, воду и медные трубы Петровских реформ; посланные в своё время за границу «пенсионеры», капитаны нового флота; боевые офицеры, заканчивавшие карьеру переходом на мирные должности воевод и комендантов, чиновников Сената, в полицию, в новые коллегии. В перечне «прожектёров» рядом стоят имена денщиков Петра I и проворовавшихся чиновников. В центр событий попали вызванные на смотр армейские офицеры, ожидавшие новых постов бывшие прокуроры или назначенные Сенатом «нарочные» для сбора недоимок в провинциях. Уничтожавший самодержавие проект подписали старшие чины московской полиции во главе с обер-полицмейстером и молодые камергеры и камер-юнкеры двора. Рядом с носителями старинных чинов стольников и жильцов подписи ставили представители иного поколения — обучавшийся в Париже и прикомандированный к Академии наук А. Юров и «архитектурного и шлюзного дела мастер» И. Мичурин.

Нам известны семь составленных в те дни дворянских проектов и планы реформ самого Верховного тайного совета. И те и другие были единодушны в намерении расширить права дворян, но вступили в противоречие по ключевому вопросу о верховной власти. Самый многочисленный дворянский «проект 364-х» (по числу подписей под ним) предлагал создать «Вышнее правительство» из двадцати одной «персоны». Это правительство, а также Сенат, губернаторов и президентов коллегий предлагалось выбирать: «балатировать генералитету и шляхетству.. а при балатировании быть не меньше ста персон», то есть упразднить Верховный тайный совет в его прежнем качестве и составе.

Для «верховников» такое устройство означало отстранение их от власти. В ответ правители согласились на увеличение своего состава (но не более чем на пять членов), признавали выборы сенаторов и президентов коллегий. Но выбирать должны были... только сами «верховники» вместе с Сенатом! Их максимальной уступкой было согласие на созыв особого «собрания» из двадцати-тридцати человек для сочинения «твёрдых и нерушимых» законов империи. Но этих депутатов ещё предстояло выбрать с участием всех дворян империи, а новые законы должны были единогласно приниматься последовательно депутатами, Сенатом и... самим Верховным тайным советом, что оставляло реальную и неограниченную исполнительную власть в руках опытных бюрократов.

Следственные дела и редкие письма донесли до нас отзвуки тогдашних дискуссий. Рядовые дворяне не доверяли вельможам-министрам, опасаясь, подобно казанскому губернатору и будущему министру Артемию Вольтеру, чтобы «не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий». Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик «был весел» оттого, что «не будут иметь впредь фаворитов таких как Меншиков и Долгорукой», и мечтал «о правительстве как в Швеции». Асессор Рудаковский «ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия кроме единого Бога и одного государя у многих под властью быть не пожелает». Капитан-командор Иван Козлов радовался, что императрице «определяют на год 100 000... а сверх того не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому». Однако автор столь радикальных высказываний подпись под проектами не поставил — надо было подумать о карьере.

Вопрос о власти расколол «генералитет» (особ первых четырёх классов по Табели о рангах): одни склонялись к компромиссу с «верховниками»; другие (в том числе руководство Военной коллегии, три из шести сенаторов, президенты и советники ряда коллегий) требовали ликвидации совета. В спорах смешались имена, чины, карьеры, поколения, знатность и «подлости». Смелые «прожектёры»; недовольные выбором кандидатуры государыни вельможи; наконец, просто захваченные волной политических споров провинциальные служивые — такой диапазон уровней политической культуры исключал возможность объединения тех, кого можно было бы назвать «конституционалистами». Для полноты картины можно добавить давление «фамильных» и карьерных интересов, оглядку на желание влиятельного и чиновного родствен-

ника-«милостивца», возможность обеспечить себе счастливый «случай»...

Однако пока одни дворяне до хрипоты спорили, другие, боявшиеся перемен, объединялись под флагом самодержавия. «Политика» не затронула основную массу гвардейских офицеров и солдат. Они-то и стали опорой императрицы. Встречавшие прибывшую Анну под Москвой гвардейцы бросились в ноги к своей «полковнице» и удостоились из её рук по стакану вина — такая «агитация» была куда более доходчивой, чем политические проекты. 15 февраля Анна Иоанновна, как сообщал газетный «репортаж» тех дней, «изволила пред полуднем зело преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь». У крепостных ворот её торжественно встретили депутаты от дворянства, купечества и духовенства, Феофан Прокопович произнёс приличествовавшую случаю речь. Анна поклонилась праху предков в Архангельском соборе и под ружейную пальбу выстроенных в шеренги полков проследовала в свои новые покои в Кремлёвском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от Анны по рублю; на завтра началась раздача вина по ротам, а затем полки получили жалованье.

Вокруг прибывшей в Москву Анны Иоанновны образовалась небольшая, но активная «партия» сторонников восстановления самодержавия; в их числе находились Остерман, Прокопович и родственники императрицы Салтыковы, в том числе майор Преображенского полка Семён Салтыков. 25 февраля 1730 года неожиданно для правителей во дворце появилась дворянская депутация и вручила Анне Иоанновне прошение о том, чтобы «согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить», поскольку Верховный тайный совет игнорировал их мнение по поводу нового государственного устройства. Анна немедленно подписала челобитную и отправилась на обед вместе с «верховниками».

Без надзора членов совета депутаты никакой новой формы правления сочинить не смогли, тем более что гвардейские офицеры требовали возвращения императрице её законных прав: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!» Под крики офицеров шляхетство подало вторую челобитную с просьбой «всемилодивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели», и Анна «при всём народе изволила, приняв, изодрать» подан-

ные ей «кондиции» — в таком виде они сейчас хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

Манифест от 4 марта 1730 года упразднил Верховный тайный совет. Утвердившаяся на престоле Анна отомстила несостоявшимся правителям России. В июне Долгоруковы отправились в Берёзов («по стопам» Меншикова!), увозя с собой память о прошлом величии — миниатюрный портрет Петра II, подаренный им невесте, а также рукописную книгу о коронации Петра II, в которой было изображение его персоны, «сидящей на престоле, да Россия, стоящая на коленях пред престолом его императорского величества девою в русском одеянии». В 1737 году по обвинению в служебных злоупотреблениях попал в заточение Д. М. Голицын. Затем началось новое следствие, в результате которого отец и сын Долгоруковы были казнены под Новгородом в 1739 году, а «разрушенная невеста блаженная и вечно достойная памяти императора Петра II девка Катерина» заточена в томский Рождественский монастырь «под наикрепчайшим караулом».

«Строгое правление»

Императрица нередко предстаёт со страниц исторических сочинений настоящим пугалом: «Престрашного была взору. Отвратное лицо имела. Так была велика, когда между кавалеров идёт, всех головой выше, и чрезвычайно толста», — писала немало пострадавшая от неё княгиня Наталья Долгорукова. Но вот и другой дамский отзыв о внешности императрицы, сделанный не имевшей к ней претензий женой английского консула леди Рондо: «Она примерно моего роста, но очень крупная женщина, с очень хорошей для её сложения фигурой, движения её легки и изящны. Кожа её смугла, волосы чёрные, глаза тёмно-голубые. В выражении её лица есть величавость, поражающая с первого взгляда, но когда она говорит, на губах появляется невыразимо милая улыбка. Она много разговаривает со всеми, и обращение её так приветливо, что кажется, будто говоришь с равным; в то же время она ни на минуту не утрачивает достоинства государыни. Она, по-видимому, очень человеколюбива, и будь она частным лицом, то, я думаю, её бы называли очень приятной женщиной».

Анну Иоанновну трудно назвать выдающимся государственным деятелем, но тем, что называется «чувством власти», она, несомненно, обладала. Неожиданно оказавшись на престоле великой державы, она не только царствовала, но и правила — порой жестоко. Но нужно признать, что при Анне бы-

ла создана относительно устойчивая политическая структура, обеспечившая стабильность в высших эшелонах власти.

Недоверие к знати, пытавшейся ограничить власть императрицы и подписывавшей подозрительные проекты, вызвало чистку в рядах высшего государственного аппарата. В течение двух лет было заменено руководство ведущих коллегий и других центральных учреждений, на места отправились новые губернаторы и вице-губернаторы. Царствование Анны выглядит, пожалуй, самым интенсивным по части служебных перемещений: за десять лет состоялись 68 назначений на руководящие посты в центральном аппарате и 62 назначения губернаторов. При этом 22 процента руководителей учреждений и 13 процентов губернаторов были репрессированы; с учётом уволенных и оказавшихся «не у дел» отстранённые составляли соответственно 29 и 16 процентов.

К двум старым гвардейским полкам императрица добавила два новых — Измайловский и Конную гвардию, куда лично подбирала кандидатов на командные должности. Доклады и приказы по гвардии свидетельствуют, что новая «полковница» старалась держать её под строгим контролем. Анна устраивала «трактования» гвардейских офицеров во дворце с непременной раздачей вина по ротам; регулярно посещала полковые праздники, но одновременно установила еженедельные (по средам) доклады командиров полков и лично контролировала перемещения и назначения. Даже списки гвардейских новобранцев министры несли ей на утверждение; так, Анна лично определила в гвардию шестилетнего Петра Румянцева, будущего фельдмаршала.

Государыня категорически запретила гвардейцам игру в карты «в большие деньги». Полковое начальство с 1736 года не могло отправлять подчинённых в отпуска и «посылки» без разрешения императрицы. Она же своими резолюциями определяла наказания для провинившихся. Загулявший сержант Иван Рагозин в качестве штрафа «стоял под 12 фузеями», пропивший штаны князь Иван Чурмантеев отправился в Охотск, а вторично попавшиеся на воровстве солдаты Фёдор Дирин, Семён Шанин и Семён Чарыков были повешены. Анна утвердила и смертный приговор поручика-взяточника Матвея Дубровина, правда, разрешив его «от бесчестной смерти уволить, а вместо того расстрелять».

Восстановленный было в полномочиях после упразднения Верховного тайного совета Сенат скоро был отеснён на задний план. Для повседневного управления Анна создала в 1731 году Кабинет министров, который взял на себя дела текущего управления, преимущественно финансовые. Министры

готовили проекты решений по поручениям императрицы и объявляли её именные указы и резолюции. По указу от 9 июня 1735 года подписи на документе трёх кабинет-министров формально заменяли подпись императрицы — та не любила вникать в рутину повседневной административной работы. «А ныне мы живём в летнем доме, и лето у нас изрядное и огород очень хорош», — радовалась она в июне 1732 года и требовала, чтобы её не беспокоили делами «малой важности».

Впрочем, её можно понять, ведь огромное количество времени (порой министры, как видно из журнала заседаний, совещались «с утра до ночи») отнимали всевозможные вопросы финансового управления: проверка счетов, отпуск средств на разные нужды и даже рассмотрение просьб о выдаче жалованья. Позднее на первый план выдвинулись организация и снабжение армии в условиях непрерывных военных действий в 1733—1739 годах. Кроме того, на протяжении всего времени существования Кабинета министров через него проходило множество сугубо административно-полицейских распоряжений: о «приискании удобных мест для погребания умерших», распределении сенных покосов под Петербургом, разрешении спорных судебных дел и рассмотрении бесконечных челобитных о повышении в чине, отставке, снятии штрафа и т. д.

В Кабинете министров заседали старый канцлер Г. И. Головкин и князь А. М. Черкасский, «человек доброй, да не смелой, особливо в судебных и земских делах». «Душой» же Кабинета министров стал опытнейший Андрей Иванович Остерман. Его не любили, но обойтись без квалифицированного администратора, умевшего проанализировать сведения, сформулировать суть проблемы и предложить пути её решения, не могли. Но для противовеса Остерману после смерти Головкина в состав Кабинета министров последовательно вводились его оппоненты из числа русской знати: сначала Павел Ягужинский (1735), затем деятельный и честолюбивый Артемий Волынский (1738) и, наконец, будущий канцлер Алексей Бестужев-Рюмин (1740). Однако нельзя сказать, что Анна совсем устранилась от дел. Из сохранившегося подсчёта итогов работы Кабинета министров за 1736 год следует, что на 724 указа министров приходится 135 именных указов императрицы, а на 584 их резолюции на докладах и «доношениях» — 108 «высочайших резолюций».

В 1730-х годах императорский двор стал настоящим учреждением в структуре верховной власти: в его штате имелись 142 чина да ещё 35 «за комплектом»; всего же при дворе состояли 625 человек и 39 «за комплектом». Ежегодно на содержание двора расходовалось 260 тысяч рублей (не считая ста тысяч на конюшню); эта сумма была перекрыта только в

1760 году в связи с возросшими запросами ещё более пышно-го двора Елизаветы.

Под началом главных чинов (обер-камергера, обер-гофмейстера, обер-гофмаршала) находились фигуры второго и третьего ряда, нередко также со своим штатом; главный кухмистер в генеральском чине командовал армией поваров и поварят, придворный мясник — дворцовой «скотобойней», капельмейстер — «певчими», «композитером» и оркестром из тридцати трёх музыкантов. Повышение престижа дворцовой службы отразилось в изменении чиновного статуса придворных. При Петре I камергер был приравнен к полковнику, а камер-юнкер — к капитану. При Анне ранг этих придворных должностей был повышен соответственно до генерал-майора и полковника, а высшие чины двора из 4-го класса перешли во 2-й. Придворный круг становился «трамплином» для политической и военной карьеры: будущие министры, генералы и вельможи начинали службу в качестве камер-юнкеров. Место сосланных Долгоруковых заняли назначенный обер-гофмейстером Семён Салтыков, обер-гофмаршал Рейнгольд Левенвольде; обер-шталмейстером стал сначала Ягужинский, а затем брат обер-гофмаршала Карл Густав Левенвольде.

Министр и придворный историк Екатерины II князь М. М. Щербатов считал царствование Анны своеобразным рубежом в истории императорского двора: «Двор, который ещё никакого учреждения не имел, был учреждён, умножены стали придворные чины, серебро и золото на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская серебром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярия, и экипажи придворные всемогущее блистание с того времени возымали. Итальянская опера была выписана, и спектакли начались, так как оркестры и камерная музыка. При дворе учинились порядочные и многолюдные собрания, балы, торжества и маскарады».

Так же думали другие современники, отмечавшие «невыразимое великолеpie нарядов» и роскошь балов и празднеств. Описание одного из зимних празднеств оставила жена английского консула в России леди Рондо: «Оно происходило во вновь построенной зале, которая гораздо обширнее, нежели зала св. Георгия в Виндзоре. В этот день было очень холодно, но печки достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья образовывали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось много пространства для танцев <...>. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лёд и снег — казались чем-то волшебным

<...>. В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка, и происходили танцы, аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных платьях <...>. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь в стране фей».

Воспоминания полковника Манштейна, адъютанта фельдмаршала и президента Военной коллегии Миниха, содержат описание образа жизни Анны Иоанновны:

«Обыденная жизнь императрицы была очень правильная. Она всегда была на ногах ещё до 8 часов. В 9 она начинала заниматься со своим секретарём и с министрами; обедала в полдень у себя в комнатах только с семейством Бирон. Только в большие торжественные дни она кушала в публице; когда это случалось, она садилась на трон под балдахином, имея около себя обеих царевен, Елизавету.. и Анну Мекленбургскую. В таких случаях ей прислуживал обер-камергер. Обычно в той же зале накрывался большой стол для первых чинов империи, для придворных дам, духовенства и иностранного посольства.

В последние годы императрица не кушала на публице и иностранные послы не были угощаемы при дворе. В большие праздники им давал обед граф Остерман.

Летом императрица любила гулять пешком; зимою же упражнялась на бильярде. Слегка поужинав, она постоянно ложилась спать в 12 часу.

Большую часть лета двор проводил в загородном дворце, выстроенном Петром I в 7 лье от Петербурга и названном Петергофом. Местность этого дворца самая прелестная, на берегу моря: слева виден Кронштадт и весь флот, напротив — берега Финляндии, а направо — вид на Петербург. При дворце большой сад с великолепными фонтанами; собственно строение неважное, комнаты малы и низки.

Остальное лето императрица проводила в летнем дворце в Петербурге; дом довольно плохой постройки на берегу Невы, при нём большой сад, изрядно содержанный...

При дворе играли в большую игру, которая многих обогатила в России, но в то же время многих и разорила. Я видел, как проигрывали до 20 000 рублей в один присест за квинтичем или за банком. Императрица не была охотница до игры: если она играла, то не иначе как с целью проиграть. Она тогда держала банк, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравший тотчас же получал деньги, но так как игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денег от тех, кто ей проигрывал.

Она любила театр и музыку и выписала и то и другое из Италии. Итальянская и немецкая комедии чрезвычайно привились. В 1736 г. поставлена первая опера в Петербурге; она была очень хорошо исполнена, но не так понравилась, как комедия и итальянское интермеццо»¹⁹.

В этом мире Анна чувствовала себя уверенно — как властная помещица в кругу своей дворни. Именно при дворе решались многие важные вопросы, а императрица обеспечивала верность вельмож выплатами и подарками, намного превосходящими официальное жалованье. Удивлявшая современников роскошь двора требовала немалых расходов. При Анне даже такой вельможа, как А. П. Волынский, которого трудно счесть малообеспеченным, тяготился «несносными долгами» и искренне считал возможным «себя подлинно нищим назвать».

Именные указы Соляной конторе (доходы от продажи соли составляли источник личных, «комнатных» средств императрицы) показывают, что Анна направляла поток милостей в виде единичных выдач (например, фрейлинам на приданое) и «пенсионеров» офицерам гвардии и фигурам более высокого ранга. Первые вельможи — герцог Л. Гессен-Гомбургский, С. А. Салтыков, А. М. Черкасский, братья Левенвольде, Г. П. Чернышёв, А. П. Волынский, Б. Х. Миних, Ю. Ю. и Н. Ю. Трубецкие — постоянно получали подарки на лечение, «на проезд за моря», «для удовольствия экипажу». По нашим подсчётам, сделанным по ведомостям Камер-цалмейстерской конторы, эти расходы составляли примерно 100 тысяч рублей в год.

После долгого прозябания в Курляндии Анна Иоанновна, как в своё время Екатерина I, стремилась наверстать упущенное. В 1732 году она заказала бриллиантов на 158 855 рублей, 22 805 рублей были израсходованы на покупку сервизов, ещё 9597 рублей разошлись по мелочи. В 1734 году только на украшения Анна потратила 134 424 рубля. Счета её «комнатных» сумм постоянно фиксируют расходы на роскошную посуду и драгоценности, общая стоимость которых за несколько лет достигла 908 230 рублей. Императрица желала роскоши. «В торжественные и праздничные дни, — писал современник, — одевалась она весьма великолепно, а в прочие ходила просто, но всегда чисто и опрятно. Придворные чины и служители не могли лучше оказать ей уважение, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронавания, которые ежегодно с великим торжеством [бывали] празднованы, приедут в новых и богатых платьях во дворец».

Императрица — возможно, памятуя о судьбе собственного мужа — пьяных терпеть не могла. Но 19 января ежегодно отмечалось по особому ритуалу с выражением чувств в духе национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить «по большому бокалу с надписанием речи: “Кто её величеству верен, тот сей бокал полон выпьет”». «Так как это единственный день в году, в который при дворе разрешено пить открыто и много, — пояснял консул Рондо в 1736 году, — на людей, пью-

ших умеренно, смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать своё усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз её величества с помощью дворцового гренадера».

Анна не получила ни должного образования, ни воспитания, и её вкусы трудно назвать изысканными. Она любила грубоватые забавы своих шутов. Среди них были иностранцы (португалец Ян Лакоста, неаполитанский скрипач и актёр Пьетро-Мира Педрилло), Иван Балакирев и представители знатнейших фамилий — граф Алексей Апраксин, князя Никита Волконский и Михаил Голицын. Шуты дурачились и «порядочным образом дрались между собой», к удовольствию придворных и самой государыни.

Скучавшую императрицу потешали болтовнёй и байками придворные «бабы»; в специфическом дамском штате императрицы состояли «Матера безножка», карлицы Аннушка и Наташка, «баба Материна», «Катерина персиянка», безымянные «горбушка», «поповна», «посадская», «калмычка». Императрица в своих письмах, записочках, резолюциях выглядит помещицей — не особо умной, мелочной, суеверной. Переписка Анны со своим родственником, московским главнокомандующим С. А. Салтыковым, похожа на переписку столичной бабы со своим приказчиком из провинциальной вотчины:

«Благодарю за присылку Голицына, Милютина и балакиревой жены. А Голицын всех лучше и здесь всех дураков победил...»

«...Как сие получишь, того часу изволь взять из дому Власовой сестры тётушки сундучок с писмами её амурными и как скорее сюды к нам прислать...»

«...Тимофея певчего, который играет на бандуре, пришли сюда ево и бандуру немедленно...»

«...никому не сказывай, толко ко мне отпиши, когда свадьба Белоселского была и где и как отправляясь, и кнегиня Марья Фёдоровна Куракина как их принимала и весела ли была...»

«У вдовы Загрязской Авдотьи Ивановны в Москве живёт одна девка княжна Палагея Афанасьева дочь Вяземская... её сыщи и отправь сюда. Толко чтоб она не испужалась, то объяви ей, что я её беру из милости, и в дороге вели её беречь. А я её беру для забавы, как сказывают, что она много говорит...»²⁰

Анна любила санную езду, часто посещала «экзерциции» гвардейских полков, интересовалась различного рода «куриозами» — требовала доставить ей «великорослых турок» из числа пленных, старинные ткани и «истории прежних государей», голосистых певчих с Украины; скворца, «который так хорошо

говорит, что все люди, которые мимо едут, останавливаются и его слушают»; «мужика, который унимает пожары».

Особенно её волновали любовные дела подданных — все-российская императрица нередко выступала в роли свахи, приказывая «сыскать воеводскую жену Кологривую и, призвав её к себе, объявить, чтоб она отдала дочь свою за Дмитрия Симонова, которой при дворе нашем служит, понеже он человек доброй и мы его нашею милостию не оставим». «Здесь играючи женила я князя Никиту Волконского на Голицыной», — общала она Салтыкову.

Самой пышной стала устроенная кабинет-министром А. П. Волынским в феврале 1740 года свадьба шута-князя Михаила Голицына и шутихи-калмычки Евдокии Бужениновой в специально выстроенном по этому случаю на Неве «Ледяном доме». Торжество включало в себя маскарад с участием народов империи. В повозках и санях, запряжённых быками или собаками, ехали вотяки, лопари, камчадалы и просто ряженые «под видами разных диких народов»; верхом на винной бочке — Бахус (которого изображал шут Иван Балакирев) с двумя сатирами. За «жениховой конюшней» — осёдланными ослом, козлом и бараном — ехал в санях, запряжённых шестью оленями, сам жених — «дурак самоятской ханской сын Квасник» Голицын, за ним — свахи, управитель всего маскарадного поезда верхом на слоне, 12 арапов на верблюдах, главный жрец торжества с изображением солнца, «которого идолопоклонники за бога почитают», и, наконец, в «качалке» на двух верблюдах сама «невеста блядь Буженинова» со свитой из мордвин, чувашей и черемис на санях, которые тянули свиньи.

Можно посочувствовать жениху (внуку фаворита царевны Софьи) и посетовать на грубость шутовских развлечений; но представление имело успех, поскольку отвечало вкусам не только императрицы, но и прочей публики. «Весь народ мог видеть и веселиться довольно, а поезжане каждый показывал своё веселье, где у которого народа какие веселья употребляются, в том числе ямщики города Твери оказывали весну разными высвистами по-птичьи. И весьма то было во удивление, что в поезде при великом от поезжан крике слон, верблюды и весь упоминаемый выше сего необыкновенный к езде зверь и скот так хорошо служили той свадьбе, что нимало во установленном порядке помешательства не было», — искренне восхищался вместе с народом капитан гвардии Василий Нащокин.

Другим увлечением государыни была охота. Анна метко падала по птицам и зверям из окон дворца (вдоль стен стояли заряженные ружья, и царица не упускала случая ими воспользоваться). По описи 1737 года главная охотница империи рас-

полагала арсеналом из 91 фузеи, 32 штуцеров, 54 винтовок, 30 пищалей, 11 мушкетонов, двух мортирок и 46 пар пистолетов. Прямо у дворцового крыльца валили кабанов, и государыня изволила в 1737 году «едва не ежедневно по часу перед полуднем... смотрением в Зимнем доме медвежьей и волчьей травли забавляться». В Летнем саду сворами гончих травили медведей, волков, лисиц. В Петергофе устраивались большие охоты на птиц и зверей с призами — золотыми кольцами и бриллиантовыми перстнями. «Всемиловейшая государыня изволила потешаться охотой на дикую свинью, которую изволила из собственных рук застрелить»; «с 10-го июня по 6-е августа её величество, для особенного своего удовольствия, как парфорсною охотою (с гончими. — *И. К.*), так и собственноручно следующих зверей и птиц застрелить изволила: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волка, 374 зайцев, 68 диких уток и 16 больших морских птиц», — сообщали об охотничьих подвигах Анны «Санкт-Петербургские ведомости». Когда запас зверей подходил к концу, Сенат распоряжался о закупке медведей, куропаток, волков, кабанов, оленей, лисиц и зайцев.

Но вкусы света постепенно менялись. Многие культурные новации вошли в жизнь столичного общества именно при Анне Иоанновне. В ту пору начался долгий процесс создания русского литературного языка, занявший большую часть столетия; у его истоков стояли поэты и переводчики Антиох Кантемир и Василий Тредиаковский.

В первую годовщину коронации Анны, 29 апреля 1731 года, русский двор впервые услышал во время праздничного обеда итальянскую «кантату на день коронации императрицы Анны Иоанновны» для сопрано, скрипки, виолончели и клавесина. В том же году в Россию из Дрездена прибыл целый театральный коллектив; под началом директора труппы Томмазо Ристори состояли актёры комедии дель арте, музыканты и певцы. Затем приехала группа европейских музыкантов и певцов во главе с капельмейстером Гибнером.

Ещё недавно культурной новинкой при дворе были незатейливые персидские «комедианты». Но в феврале 1736 года газета сообщила, что «представлена от придворных оперистов в императорском зимнем доме преизрядная и богатая опера под титулом “Сила Любви и Ненависти” к особенному удовольствию её императорского величества и со всеобщую похвалю зрителей». В 1738 году танцмейстер кадетского корпуса Жан Батист Ланде получил указ об основании «Танцевальной её императорского величества школы»: там учились первые отечественные балерины — «женска полу девки» Аксиныя Сергеева, Елизавета Борисова, Аграфена Иванова.

Бирон и бироновщина

Особый по значению и приближённости к особе императрицы пост обер-камергера (начальника придворного штата) занял вывезенный из Курляндии Эрнст Иоганн Бирон. Как-то Анна призналась, что он — «единственный человек, которому она может довериться». Имя его стало символом «немецкого господства», но дело было унаследовано последующими временщиками. «Заслуга» же Бирона состояла в том, что он превратился из ночного «галанта» в первого в нашей истории «правильного» фаворита с нигде не прописанными, но чётко определёнными функциями и правилами поведения.

За два года он нейтрализовал соперников — генерал-прокурора Ягужинского и фельдмаршала Миниха. С 1732 года иностранные дипломаты стали регулярно посещать обер-камергера. В ходе неформальных встреч Бирон выдвигал инициативы, сообщал о ещё не объявленных официально решениях, разъяснял точку зрения правительства. Дипломаты убедились: подарки и посулы не могли изменить его мнения, когда оно касалось главных задач российской внешней политики; так, французы тщетно старались подкупить Бирона миллионом пистолетов за отказ от союза России с Австрией. Столь же безуспешно закончились попытки английского кабинета «отговорить» Бирона от войны с Турцией.

Ту же роль информированного и влиятельного посредника играл Бирон и во внутренней политике. Он приучил должностных лиц доставлять ему информацию в виде рапортов «для препровождения до рук её величества». Самые догадливые, как Артемий Волинский, посылали и их «экстракты» на немецком языке — для Бирона. У обер-камергера появились приёмные часы и «аудиенц-камора» с отдельной «палатой» для знатных и другой — для «маломощных и незнакомых бедняков». Бирон и его «офис» исполняли функции личной императорской канцелярии, что позволяло освободить Анну от потока ежедневной корреспонденции. «Я должен обо всём докладывать», — писал фаворит близкому к нему дипломату Г. Кейзерлингу и называл в числе своих забот подготовку армии к боевым действиям в начавшейся войне с Турцией, снабжение её провиантом, обмундированием и амуницией. Среди бумаг Бирона сохранилась тетрадка, из которой следует, что фаворит зубрил грамматику и лексику русского языка.

«Доклады» императрице и ведение корреспонденции требовали понимания внутренней и внешнеполитической ситуации, кадровые назначения — способности разбираться в людях; прошения и «доношения» — умения вести политическую

интригу. Для многих государственных деятелей той поры фаворит являлся «скорым помощником», говоря современным языком — влиятельным лоббистом, который был в состоянии получить царскую санкцию и одним словом запустить механизм исполнения «полезных дел», чтобы нужные решения не «залежались» в очередной канцелярии.

Кроме того, необходимо было быть любезным с друзьями и противниками, вовремя замечать перемену настроения государыни, развлекать её приятными сюрпризами, подчиняться её распорядку дня, склонностям и даже капризам день за днём в течение многих лет — и всё это время находиться «на прицеле» у придворного общества, среди интриг и «подкопов». Бирон хорошо понимал, «как крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтобы не воспоследовало злополучной перемены»: для этого нужно всегда находиться «в службе её величества» и соблюдать «единственно и исключительно интерес её императорского величества». Этот «интерес» он защищал и в качестве герцога Курляндского, которым стал в 1737 году благодаря усилиям императрицы и русской дипломатии. Сама же Анна обеспечивала баланс сил в правящем кругу. Бирон мог критиковать вице-канцлера Остермана, но дипломаты знали: в области внешней политики «все дела проходят через руки Остермана», который «много превосходит обер-камергера опытом и... умеет ошеломить его своим анализом положений».

Нет оснований подозревать Бирона в неискренности, когда он рассказывал о своей «работе» на следствии в 1741 году: «Он в воскресные дни в церковь Божию всегда не хаживал, и то не по его воле, понеже всякому известно, что ему от её императорского величества блаженные памяти никуда отлучиться было невозможно, и во всю свою бытность в России ни к кому не ездил, а хотя когда куда гулять выезжал, и в том прежде у её императорского величества принуждён был отпрашиваться, и без доклада никогда не дерзал».

Фавориту надлежало входить в самые интимные подробности высочайшего самочувствия. Это было сложно, так как императрица «оную свою болезнь сами всегда изволила таить, и разве ближние комнатные служительницы про то ведали». За два года до смерти у Анны появились первые симптомы заболевания — «в урине её императорского величества... кровь оказалась». Бирон тогда лично отправлял мочу государыни на анализ и, преодолевая сопротивление Анны, «припадая к ногам её императорского величества, слёзно и неусыпно просил, чтоб теми от докторов определёнными лекарствами изволила пользоваться; а больше всего принуждён был её величеству в

том докучать, чтоб она клистир себе ставить допустила, к чему её склонить едва было возможно».

Тем не менее он сумел дать некрасивой, одинокой, бездетной женщине ощущение собственного дома и семьи. Как свидетельствуют записки очевидца, «не бывало дружнее четы, приемлющей взаимно в увеселении и скорби совершенное участие, чем императрица с герцогом Курляндским. Оба почти никогда не могли во внешнем виде своём притворствоваться. Если герцог явился с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Если тот был весел, то на лице монархини явное отражалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену».

У императрицы и фаворита сходились и характеры, и вкусы. Оба они любили нехитрые развлечения шутов, буженину, токайское (в меру), карты, танцы. Бирон, как известно, был страстным лошадиником и наездником и проводил почти каждое утро в своей конюшне либо в манеже. «Поскольку же императрица не могла сносить его отсутствия, то не только часто к нему туда приходила, но также возымела желание обучаться верховой езде, в чём наконец и успела настолько, что могла подамски с одной стороны на лошади сидеть и летом по саду в Петергофе проезжаться». Видимо, именно в подарок Анне Бироном был заказан драгоценный «конский убор, украшенный изумрудами», хранившийся некогда в Эрмитаже и проданный в начале 1930-х годов за рубеж всего за 15 тысяч рублей.

Царствование Анны Иоанновны вошло в учебники как время бироновщины — засилья иностранцев, грабивших богатства страны и жестоко преследовавших всех недовольных. Однако доля чужеземцев среди высших чиновников и военных не увеличилась, а их жалованье было уменьшено и сравнялось с получаемым русскими сослуживцами. Составленный в 1740 году «Список о судьях и членах и прокурорах в коллегиях, канцеляриях, конторах и протчих местах» свидетельствует: на закате бироновщины из 215 ответственных чиновников центрального государственного аппарата «немцев» было всего 28 человек (а при Петре I в 1722 году — 30). Если же выбрать из этих служащих лиц в чинах I—IV классов, то окажется, что на 39 важных русских чиновников приходилось всего шесть иностранцев (чуть больше 15 процентов).

Не было и единой «партии немцев»: иноземцы, укоренившиеся на русской службе со времён Петра I (А. И. Остерман, Б. Х. Миних), или поступившие на неё выходцы из Прибалтики и немецких княжеств (Менгдены, Левенвольде и др.) соперничали между собой не менее остро, чем с русскими вель-

можами. Среди членов Кабинета министров иностранцем был только Остерман. С другой стороны, сделавшие карьеру при Петре Великом П. И. Ягужинский, А. М. Черкасский, Г. И. Головкин, А. И. Ушаков, Ф. Прокопович, П. П. Шафиров верно служили и Анне.

При Анне вполне можно было угодить под пытку по доносам о «непитии здоровья» государыни или «подтирке зада указом с титулами её императорского величества». Но сохранившийся архив карательного ведомства показывает, что Тайная канцелярия была непохожа на аппарат соответствующих служб Новейшего времени с их разветвлённой структурой и многотысячным контингентом штатных сотрудников и нештатных осведомителей, а являлась скромной конторой с небольшим «трудоёмким коллективом». В 1740 году в ней несли службу секретарь Николай Хрущёв, четыре канцеляриста, пять подканцеляристов, три копииста и «запечный мастер» Фёдор Пушников. В Москве работал её филиал — Контора тайных розыскных дел с двенадцатью сотрудниками во главе с секретарём Василием Казариновым. Доставку подозреваемых осуществляли местные военные и гражданские власти. Никаких местных отделений и тем более сети штатных «шпионов» не было.

Большинство преступлений составляли «ложное объявление за собой слова и дела» и «непристойные слова» в адрес верховной власти и не представляли, с точки зрения опытных следователей, опасности. Обвиняемые, особенно если они не запирались, а сразу каялись в «безмерном пьянстве», отделялись сравнительно легко — поркой и отправкой к прежнему месту жительства или службы. Так, в 1739 году жительница Старой Руссы Авдотья Львова угодила на дыбу за исполнение песни о печальной молодости императрицы, по приказу Петра I выданной замуж за курляндского герцога:

Не давай меня, дядюшка,
Царь государь Пётр Алексеевич,
В чужую землю нехристианскую, бусурманскую.
Выдай меня, царь государь,
За своего генерала, князя, боярина.

Тщетно бедная мешанка уверяла, что пела «с самой простоты», как исполняли эту песню многие во времена её молодости. От имени Анны она получила «нешадное» наказание кнутом с последующим «свобождением» и вразумлением о пользе молчания.

За всё царствование Анны Иоанновны к политическим делам оказались причастными (в качестве подследственных и свидетелей) 10 512 человек, а в ссылку отправились 820 пре-

ступников. От эпохи бироновщины в Тайной канцелярии осталось 1450 дел, то есть ежегодно рассматривалось 160 дел, тогда как от времени «национального» правления доброй Елизаветы Петровны до нас дошло уже 6692 дела, то есть интенсивность работы карательного ведомства выросла до 349 дел в год — более чем в два раза.

Однако царствование Анны Иоанновны стало в глазах дворян символом жестоких репрессий: императрица и её окружение подозрительно относились к русской знати — к тем, кто недавно сочинял проекты по ограничению самодержавия. Из 128 важнейших судебных процессов её царствования 126 были «дворянскими», почти треть приговорённых Тайной канцелярией принадлежала к «шляхетству». Судили политических противников (Д. М. Голицына, князей Долгоруковых) и недовольных затянувшейся войной, образом жизни двора и налоговой политикой (указы 1735 года требовали взыскивать недоимку подушной подати с самих помещиков). По инициативе Бирона и Остермана был отдан под суд и казнён кабинет-министр А. П. Волынский. Фельдмаршал Миних утверждал, что «сам был свидетелем, как императрица громко плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть её, если она не пожертвует ему Волынским и другими», а секретарь опального Василий Гладков показал на следствии, что слышал от асессора Смирнова, как Бирон, стоя перед Анной Иоанновной на коленях, говорил: «Либо ему быть, либо мне».

В оренбургские степи, в Сибирь, на Камчатку отправились «пошехонский дворянин» Василий Толоухин, отставные прапорщики Пётр Епифанов и Степан Бочкарёв, «недоросли» Иван Буровцев и Григорий Украинцев, драгун князь Сергей Ухтомский, отставной поручик Ларион Мозолевский, подпоручик Иван Новицкий, капитан Терентий Мазовский, воевода Пётр Арбенов, коллежский советник Тимофей Тарбеев, майор Иван Бахметьев и многие другие российские дворяне.

Одних подследственных ожидали жестокие пытки и казнь, как иркутского вице-губернатора Алексея Жолобова или Егора Столетова, который, на свою беду, рассказывал, как сестра царицы мекленбургская герцогиня Екатерина Иоанновна сожительствовала с его приятелем князем Михаилом Белосельским. Но порой Анна умела быть великодушной. Крестьяне сосланного Петра Бестужева-Рюмина донесли, что его жена не стеснялась в «непристойных словах к чести её императорского величества». Государыня повелела отписать мужу, что отправляет к нему виновную, «милосердая к ней, Авдотье», и пусть та впредь не болтает.

Нельзя сказать, что все подследственные дворяне или чи-

новники являлись политическими преступниками или страдальцами за убеждения. Протоколы Канцелярии конфискации показывают вполне рутинную деятельность: «штрафование» нерадивых воевод и чиновников, взыскания с недобросовестных или прогоревших казённых подрядчиков, разоблачение «похищений» государственных средств, взимание недоимок — и отнюдь не только с бедных крестьян. «Бывшего в канцелярии моей секретаря Егора Мишутина за имеющуюся на нём доимку за пятьсот за семьдесят рублёв двор ево с пожитками и с людьми продать», — распорядился обер-гофмейстер С. А. Салтыков.

Имена и дворы отбирались по тем же причинам, что и в предыдущие, и в последующие царствования: за невыполнение подрядных обязательств по отношению к казне, долги по векселям и т. п. Трудно считать жертвами бироновщины, например, московского «канонира» Петра Семёнова, продававшего гарнизонные пушки, или разбойничавшего на Муромской дороге помещика Ивана Чиркова. Дворяне были недовольны неудачной войной, тяжёлой службой, ответственностью за выплату их крепостными податей. Но эти сугубо российские проблемы появились не при Анне.

Итоги десятилетия

Герцог де Лириа в начале аннинского царствования отметил, что императрица «очень страшится пороков, в особенности содомии, её размышления и идеи очень возвышенны, и она ничем так не занята, как тем, чтобы следовать тем же правилам, что и её дядя Пётр I». О том же писал в мемуарах сын фельдмаршала Миниха: «Она была богомольна и при том несколько суеверна, однако духовенству никаких вольностей не позволяла, но по сей части держалась точных правил Петра Великого».

При Анне Иоанновне в целом проводилась та же политика, что и при её великом дяде, хотя и с учётом интересов «шляхетства». Был отменён петровский закон о единонаследии, по которому имение доставалось по наследству только одному из сыновей, а остальные должны были жить службой, открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус для подготовки из дворянских недорослей офицеров и «статских» служащих. В 1736 году служба дворян была впервые ограничена двадцатью пятью годами, а в 1740-м им был разрешён переход с военной службы на гражданскую. Помещичьим крестьянам было запрещено брать на откуп торговлю казёнными товарами и государственные подряды. С другой стороны, все поползнове-

ния дворянского «общенародия» на участие во власти, вроде содержащихся в проектах 1730 года предложений о выборности должностных лиц в центральных учреждениях и губерниях, были отвергнуты.

В стране создавались новые предприятия, в 1730-х годах по выплавке чугуна Россия обогнала Англию. По-прежнему собиралась подушная подать и проводились рекрутские наборы. Военные опять приступили к сбору недоимок: «В случае непривоза денег в срок полковники вместе с воеводами посылают в не заплаченные деревни экзекуцию». Однако вскоре практика использования воинских команд для сбора недоимок была отменена: недоимки продолжали расти, а вместе с ними росли поборы, взятки и злоупотребления со стороны сборщиков. «Слёзные и кровавые подати» заставляли крестьян бежать за рубежи государства или оказывать сопротивление властям и составлять разбойничьи «партии».

И всё же тревожная для правящей верхушки «эпоха дворцовых переворотов» принесла некоторое облегчение «подлым» подданным. Как показали антропометрические исследования Б. Н. Миронова, если за царствование Петра I средний рост взятых в армию парней уменьшился с 165,4 до 163,1 сантиметра, то к 1740 году увеличился до 164,7 сантиметра, что, по мнению исследователя, говорит о повышении уровня жизни.

Царица временами была грозной; ходили слухи, что она давала «всемиловнейшие оплеушины» своим министрам. Однако и ей не удалось прекратить финансовую неразбериху, ужесточить сбор налогов и упорядочить государственные доходы и расходы. Порой не могли найти денег даже для самой Анны Иоанновны — тогда министры «для сыскания той суммы» послали «ездовых сержантов» за сведениями, «сколько в штатс-конторе и других принадлежащих к тому местам денежной казны ныне имеется налицо».

Ревизион-коллегия в мае 1732 года докладывала: коллегии и конторы прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Действительно, при разборе документов финансовой отчётности уразуметь их смысл и систему подачи цифр порой весьма мудрено, а сопоставить с показателями других лет часто бывает невозможно. Деньги (с опозданием и не в полном объёме) приходили в разные кассы. Нужные средства изыскивались в других ведомствах и затем годами не возвращались. Наконец, центральный аппарат не имел представления о том, сколько и каких сборов должно было поступать в казну. На попытки властей империи получить точную картину финансового положения страны и составить «окладную книгу» чиновники с мест отвечали, что

отчёты «в скорости сочинить никоим образом не можно, ибо за раздачами приказных служителей в разные команды и в счётчики осталось самое малое число».

Анна, подобно Петру I, самовольно назначала архиереев, не обращая внимания на «представления» Синода. За неслужение молебнов и поминовений императорской фамилии виновных ждали не только плети и ссылка, но и лишение сана. Тех же, кто по каким-либо причинам не присягнул новой императрице, считали изменниками; следствие по их делам передавалось в Тайную канцелярию. Начались «разборы» церковнослужителей и их родственников, которых власти отправляли в армию, чтобы восполнить потери. Синод отчитывался: в Тверской епархии «взято в службу 506 человек, в Казанской 464, в Нижегородской — 1233». В итоге некоторые храмы и монастыри остались без клира.

Во внешней политике императрица также пыталась следовать курсу дяди. В феврале 1731 года она подписала «жалованную грамоту» хану Младшего казахского жуза Абулхаиру о принятии его в российское подданство с обязательством «служить верно и платить ясак». Следующим шагом стало строительство Оренбургской крепости и линии укреплений, которая должна была сомкнуться с Иртышской линией в Сибири. На северо-востоке Азии продолжались грандиозные работы Второй Камчатской экспедиции Беринга по изучению и описанию северных владений России.

В 1733 году Россия вместе с Австрией утвердила на польском престоле своего ставленника саксонского курфюрста Августа III. На юге велась война с Турцией (1735—1739) с целью взять реванш за поражение Петра I на Пруте. Честолюбивый фельдмаршал Миних обещал триумф: «Знамёна и штандарты её величества водружаются где? — в Константинополе. В первой, старейшей греко-христианской церкви, в знаменитой Святой Софии, её величество венчается как греческая императрица и даёт мир кому? — миру без пределов».

В 1736 году армия Миниха двинулась через степи на юг. Прорвав перекопские укрепления, русские войска впервые вторглись во владения крымского хана. Они без боя заняли ханскую столицу Бахчисарай и сожгли её, но после вынуждены были повернуть обратно.

В том же году другая русская армия под командованием фельдмаршала П. П. Ласси захватила Азов. В 1737 и 1738 годах Ласси ещё дважды вторгался в Крым, но вынужден был возвращаться: в разорённой предыдущими походами местности не было провианта. Миних в 1737-м взял турецкую крепость Очаков в устье Днепра; русские отстояли его от турок, но на-

чавшаяся чума и трудности со снабжением заставили покинуть и этот опорный пункт на побережье Чёрного моря.

Только в 1739 году главнокомандующий наметил оказавшийся удачным маршрут через Молдавию в турецкие владения на Балканах. В сражении у села Ставучаны турки были разбиты, зажгли свой лагерь и в беспорядке отступили. Крепость Хотин была взята без сопротивления: большая часть гарнизона бежала вместе с отступавшей армией. Студент Михаил Ломоносов воспевал славу русского оружия в «Оде на победу над турками и татарами и на взятие Хотина»:

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними,
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих...

Строки о реках, наполненных кровью, были поэтическим преувеличением — на деле потери турецкой армии не превышали тысячи человек, а русские потеряли всего 70.

Однако как раз в это время австрийцы были разбиты под стенами Белграда и вынуждены были заключить мир ценой потери территорий, завоёванных ими в ходе предыдущей войны (1716—1718). Воевать в одиночку Анна Иоанновна не была готова. По Белградскому договору 1739 года Россия не получила ни выхода к Чёрному морю, ни права держать там свой флот; вся торговля могла осуществляться лишь на турецких судах. В качестве трофеев ей достались только Азов без права строить там укрепления и полоса степного пространства к югу вдоль среднего течения Днепра; русским паломникам гарантировалось свободное посещение Иерусалима.

Опыт ведения наступательной войны на огромных пространствах, координация действий на разных фронтах, учёт международной ситуации и состояния противника — всё это подготавливало почву для будущих побед. Только цена этого опыта оказалась высока: по современным оценкам, походы 1735—1739 годов унесли жизни не менее 120 тысяч человек — примерно половины штатного состава всей русской армии, причем не более десятой части из них пали в боях, а остальные погибли от жары, голода и болезней. Слава великих побед досталась уже последующим поколениям солдат и полководцев времён Екатерины II.

Надо было подумать и о наследнике престола. В июле 1739 года императрица, наконец, выдала дочь сестры Екатерины и герцога Мекленбургского Анну Леопольдовну замуж за

брауншвейгского принца Антона Ульриха. Супруги явно не подходили друг другу, но выполнили династический долг: 12 августа 1740 года Анна Иоанновна лично восприняла от купели долгожданного наследника, названного по прадеду Иваном. В воскресенье 5 октября за обедом императрице стало дурно. Во время своей последней болезни государыня сразу объявила младенца своим преемником, но медлила с назначением регента.

В эти дни Бирон рыдал, однажды даже упал в обморок — и всё же рискнул предложить себя в правители государства. Будущий канцлер, а в то время кабинет-министр Алексей Петрович Бестужев-Рюмин составил «челобитную» о назначении Бирона регентом при младенце-императоре, и её безропотно подписали виднейшие сановники. За два дня до смерти императрица не без колебаний утвердила полномочия регента. 17 октября Анна Иоанновна скончалась между девятью и десятью часами вечера в полном сознании и даже успела ободрить своего любимца: «Небось!»

Бирон получил право вершить все государственные дела «как бы от самого самодержавного всероссийского императора». За трёхнедельное правление он подписал ровно 100 указов, предписывавших «поступать по регламентам и уставам... государя императора Петра Великого». Всем подданным обещался суд «равный и правый», крестьянам — сбавка в уплате подушной подати, преступникам — амнистия; дезертирам — отсрочка для добровольной явки. Бирон «изволил слушать доклады» в Сенате и накладывал на них резолюции с подписью по-русски: «Иоганн регент и герцог». Похоже, он был уверен в любви подданных, поскольку даже начал проводить непопулярные меры: назначил очередной рекрутский набор и поднял в столице цену на водку.

«В службе её величества» Бирон был непотопляем. Но после десятилетнего фавора он попытался стать самостоятельной фигурой — и потерпел фиаско. Столь стремительное возвышение фаворита вызвало недовольство вельмож и «преторианские» поползновения гвардии. Поручик Пётр Ханьков прямо во дворце во время присяги регенту заявил: «Что де мы зделали, что государева отца и мать оставили... а отдали де всё государство какому человеку регенту — что де он за человек?» В 1740 году поручики и капитаны уже были уверены в своём праве «отдавать» престол. Как только у них объявился лидер, произошёл дворцовый переворот: в ночь на 9 ноября 1740 года фельдмаршал Миних с группой гвардейцев свергли регента. Правительницей России стала мать императора принцесса Анна Леопольдовна.

В заключении Бирон держался с достоинством. Он опровергал обвинения в небрежном отношении к здоровью Анны Иоанновны и рассказывал, как «докучал, чтобы она клистир себе ставить допустила»; утверждал, что «до казённого ни в чём не касался»; требовал представить пострадавших от его «несытства» — надо сказать, что таковых следствие не нашло. Но приговор был предreshён: «бывший герцог» был приговорён к четвертованию. Казнь заменили ссылкой, Бирона лишили 120 имений с годовым доходом в 78 720 талеров и даже имени — было велено именовать его Бирингом. «Дело» герцога содержит огромный список его гардероба и домашней утвари — в «бывшем доме бывшего Бирона» зубочистки и даже ночной горшок были из чистого золота. В манифесте от 14 апреля 1741 года он представал демонической фигурой: Бог «восхотел было всю российскую нацию паки наказать... бывшим при дворе её императорского величества обер-камергером Бироном». Закончивший свою миссию злодей отправился в Сибирь под конвоем гвардейцев.

Новая «регентина» Анна Леопольдовна чувствовала себя при дворе неуютно: «Поступки её были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для неё несноснее, как толь необходимое при дворе притворство и принуждение... — писал о ней Миних-младший. Правительница помиловала или облегчила участь многим сосланным по политическим обвинениям в прежнее царствование. Но к лету 1741 года она отошла от дел в связи с рождением дочери Екатерины. Формально она исполняла свои обязанности; но обычно просто утверждала предлагаемые ей решения резолюциями «Быть по сему» или «Так». Её назначения не были продуманными; произвольные повышения нарушали сложившиеся традиции чиновничества; министры ссорились и интриговали — и проглядели новый дворцовый переворот.

Глава восьмая
«ВЕЛИКАЯ ПЕТРОВА ДЩЕРЬ»

*Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет.
Все кричали с восхищенья,
Что её мудрее нет.*

Г. Р. Державин

Вечная невеста

Елизавета Петровна появилась на свет в подмосковном Коломенском в победном для русского оружия 1709 году, ещё до заключения официального брака между её родителями. Счастливый отец этим обстоятельством не смущался — от души баловал свою «четверную лапушку» и готовился сделать из «Лизетки» настоящую принцессу.

Её воспитанием занимались тётка-царевна Наталья Алексеевна и семья Меншикова. «Мамушек» и кормилиц сменили учителя-иностранцы и француз-танцмейстер. Живая девочка училась танцам, музыке; свободно говорила по-французски и по-немецки, понимала итальянский и шведский языки. В 1722 году тринадцатилетняя цесаревна (так стали именоваться дочери Петра I после принятия им императорского титула) была объявлена совершеннолетней. Анна и Елизавета должны были сыграть важную роль в заключении международных союзов и поддержании политического равновесия в Европе. Начались поиски достойных женихов для дочерей российского императора. Анну Пётр планировал выдать за герцога Голштинии; Елизавета постоянно была чьей-то потенциальной невестой — французского короля Людовика XV, принцев Карлоса Испанского, Морица Саксонского, Георга Английского, Карла Бранденбургского, но ни за одного из них так и не вышла: слишком быстро менялась внешнеполитическая конъюнктура, да и происхождение девушки смущало претендентов.

В короткое царствование супруги Петра I Елизавета с сестрой находилась при дворе матери. Очаровательная природная блондинка (хотя и красила волосы и брови в чёрный цвет) политикой не интересовалась, но читала неграмотной императрице государственные бумаги и даже подписывала вместо

неё указы. Та ещё в феврале 1727 года заявляла, что престол принадлежит её дочери — но скоро сдалась под нажимом Меншикова, сделав наследником внука первого императора — Петра II. Противники Меншикова генерал-полицмейстер Антон Девиер и член Верховного тайного совета Пётр Толстой пытались добиться того, чтобы императрица «короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну или Анну Петровну, или обеих вместе», но силы оказались неравны — престол занял одиннадцатилетний Пётр под присмотром Меншикова.

После смерти матери Елизавета согласно завещанию покойной должна была выйти замуж за любекского князя-епископа Карла Августа из голштинского дома. Однако жених в том же году скончался, а Меншиков отстранил цесаревну от участия в заседаниях Верховного тайного совета. Опала «полудержавного властелина» на короткое время сделала Елизавету некоронованной царицей двора её племянника.

Позднее поэт и министр Гавриил Державин воспел «царь-девицу»:

Очи светлы голубые,
Брови чёрные дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — как лебедь белизной.

Однако беспечная Елизавета слишком уж шокировала московское общество, по оценке французского резидента Маньяна, «весьма необычным поведением». Её роман с молодым генералом Александром Бутурлиным и прочие приключения, услужливо пересказанные Долгоруковыми Петру II, отдалили от неё венценосного племянника.

Теперь маленький двор Елизаветы ещё более шумно веселился. Цесаревна, как говорил её биограф в позапрошлом веке, удалилась «искать развлечений в безмятежной тиши подмосковных дворцовых сёл, предавшись там вполне влечениям своей страстной, пылкой, истинно русской природы». Заезжала она и в Измайлово, но большую часть времени проводила в старинной Александровской слободе, находившейся в ведении её собственной Вотчинной канцелярии. Там близ церкви Рождества Христова и торговой площади стояли хоромы дочери Петра, в которых размещалась её свита: Мария Румянцева, Аграфена Салтыкова, врач Арман Лесток, камер-юнкеры Александр Шувалов, её сердечный друг камер-паж Алексей Шубин, родня (Гендриковы и Скавронские), юнгферы и «камер-медхены», музыканты, певчие, карлицы во главе с гофмейстером Семёном Нарышкиным.

Летом Елизавета в сарафане водила хороводы и каталась на лодках, осенью под звуки рога гонялась с псовой охотой за зайцами, зимой скользила на коньках и носилась в санях на тройках; вернувшись, пела со слободскими парнями и девками и «мастерски отделывала с ними все русские пляски». Денег порой не хватало, но веселье било ключом, а спиртное лилось рекой: на месяц выходило 17 вёдер водки, 26 вёдер вина и 263 ведра пива — и это «окроме банкетов». Двадцатилетняя царица жила широко и любила много — словами того же биографа, «роскошная её натура страстно ринулась предвкусить прелестей брачной жизни». От того времени осталась песня, приписываемая народной памятью Елизавете:

Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно;
Легче б ты не знати, нежели так страдати.

После неожиданной смерти Петра II Елизавета согласно завещанию матери оказалась наследницей трона, поскольку её старшая сестра Анна, выходя замуж за герцога Голштинского, отреклась от прав на российскую корону, а в 1728 году умерла, оставив сына. Однако Верховный тайный совет признал Елизавету незаконнорождённой и отказал ей в правах на престол. Новая императрица Анна Иоанновна двоюродную сестру не любила и видела в ней опасность для своей власти. Цесаревну вызвали в Петербург, но она не имела права являться к императрице без предварительной просьбы или специального приглашения. Ей сократили содержание со ста до тридцати тысяч рублей, запретили устраивать у себя ассамблеи, а Шубина сослали в Сибирь.

Но грозная императрица ничего не могла сделать с нежеланной родственницей — дочерью Петра Великого, хотя тоже пыталась выдать её «за отдалённого чужестранного принца» и даже думала, как бы постричь её в монахини. Девушка сохраняла при дворе почётное место и по-прежнему являлась украшением любого бала. «Принцесса Елизавета... красавица. Кожа у неё очень белая, светло-каштановые волосы, большие живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она склонна к полноте, но очень изящна и танцует лучше всех, кого мне доводилось видеть. Она говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку, — в кружке, но не любит церемонности двора», — передавала свои впечатления о полуопальной принцессе леди Рондо.

Бирон во время своего кратковременного регентства относился к Елизавете вполне доброжелательно и даже заплатил её долги — может быть, потому, что намеревался обвенчать цесаревну со своим старшим сыном. С правительницей Анной Леопольдовной отношения тоже складывались неплохо: на свой день рождения (18 декабря) Елизавета получила от «сестрицы» браслеты, золотую табакерку с государственным гербом и 40 тысяч рублей, а позднее — подарки от имени младенца-императора. Она, в свою очередь, стала приемницей дочери правительницы, а Ивану Антоновичу подарила два пистолета и ружьё.

Но, кажется, именно в это время Елизавета впервые выказала желание царствовать. Поначалу она рассчитывала на скорую смерть младенца-императора и с конца 1740 года консультировалась с французским послом Шетарди и его шведским коллегой Нолькеном. Те сулили поддержку — в обмен на официальное обещание пересмотреть результаты Северной войны, однако осторожная принцесса не желала давать письменных обязательств.

«Знаете, кто я»

Не слишком знатные, но преданные слуги тридцатилетней цесаревны (камердинер Василий Чулков, камер-юнкеры Александр и Пётр Шуваловы, Михаил Воронцов, Арман Лесток) не могли рассчитывать на карьеру при «большом» дворе. С их помощью Елизавета вступила в борьбу за власть.

В апреле 1741 года английский посол Финч известил Остермана и принца Антона, «будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княгини Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу». За принцессой стали следить — но подозрительного не обнаружили, кроме визитов к французскому послу.

Существовал проект выдать цесаревну замуж за младшего брата Антона Ульриха, принца Людвига, которого покорные чины Курляндии только что избрали своим герцогом вместо Бирона. Но Анна Леопольдовна не отличалась властолюбием и решительностью. Замкнувшись в узком придворном кругу вместе с подругой-фрейлиной Юлианой Менгден и возлюбленным, саксонским посланником графом Линаром, правительница утратила контроль над своим окружением, игнорировала мужа и перестала слушаться советов мудрого Остермана. Её министры ссорились, а попытки принца Антона поднять

дисциплину в гвардии вызывали недовольство, о чём свидетельствуют дела о «непристойных словах» гвардейских солдат и прочих обывателей в адрес верховной власти.

В этих условиях симпатии к простой и открытой цесаревне росли. Она, как отметил английский посол, «чрезвычайно приветлива и любезна, потому её лично очень любят, она пользуется чрезвычайной популярностью».

Летом 1741 года Швеция объявила России войну, но связанные с ней надежды Елизаветы рухнули после поражения шведского корпуса 23 августа при Вильманстранде; опубликованный шведами (и согласованный с ней) манифест о борьбе с министрами-иностранцами никакого отклика не вызвал. 23 ноября 1741 года правительница беседовала с Елизаветой во время куртага: «Что это, матушка, слышала я, что ваше высочество корреспонденцию имеете с армиею неприятельскою и будто вашего высочества доктор ездит ко французскому посланнику и с ним вымышленные факции в той же силе делает». Елизавета, конечно, с негодованием отмела подозрения: у неё «никаких алианцов и корреспонденций» с противником нет и в помине, а если доктор Лесток зачем-то встречался с Шетарди, то она его расспросит. Разговор перешёл во взаимные упреки, и дамы расстались недовольные друг другом.

Настоящий заговор возник в другом месте — в гвардейской казарме. Елизавета и раздражённые новыми порядками гренадеры быстро нашли общий язык — в глазах солдат цесаревна оставалась славной дочерью их великого полковника. Во главе «партии» Елизаветы стали преображенский сержант, бывший саксонский торговец Юрий Грюнштейн, и несколько унтер-офицеров и рядовых гренадерской роты.

В тот же день Елизавета послала за гренадерами, которые заверили её в своей преданности. Последним толчком к перевороту стало поступившее на следующий день в гвардейские полки повеление принца Антона быть «к походу во всякой готовности»: гвардии предстояло поздней осенью отправиться из столицы на финскую границу. Вечером Лесток получил от Шетарди две тысячи рублей для раздачи солдатам. Прибыв вместе с Михаилом Воронцовым и Лестоком в казармы, любимица гвардии знала, как к ним обратиться: «Знаете ли, ребята, кто я? И чья дочь?» — и попросила помощи: «Моего живота ищут!» После принесения присяги Елизавете гренадерская рота выступила в поход. По дороге к Зимнему дворцу от колонны отделились отряды для ареста министров Анны Леопольдовны — Левенвольде, Миниха, Головкина, Менгдена, Остермана — и близких к ним лиц. Солдаты подняли цесаревну на руки и стремительным броском захватили дворец с императорской семьёй.

Спешно созданные вельможи приносили Елизавете поздравления и сочиняли манифест о её вступлении на престол. Вслед за ними к Елизавете в её прежний дворец, где уже сидели под арестом брауншвейгское семейство и его «партизанты», спешили прочие чиновники. Безвестный офицер видел новую правительницу среди её воинства: «Большой зал дворца был полон преображенскими гренадерами. Большая часть их были пьяны; они, прохаживаясь, пели песни (не гимны в честь государыни, но неблагопристойные куплеты), другие, держа в руках ружья и растянувшись на полу, спали. Царские апартаменты были наполнены простым народом обоего пола... Императрица сидела в кресле, и все, кто желал, даже простые бурлаки и женщины с их детьми, подходили целовать у ней руку».

К восьми утра «генеральное собрание» в старом дворце Елизаветы завершилось составлением первого манифеста нового царствования. В нём объявлялось, что в правление младенца-императора произошли «как внешние, так и внутрь государства беспокойства и непорядки, и следовательно, немалое же разорение всему государству последовало б»; поэтому все верные подданные, «а особливо лейб-гвардии нашей полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше воспринять соизволили», что и было сделано по «законному праву»: как «по близости крови», так и по «единогласному прошению».

Пути двух принцесс окончательно разошлись. Елизавета в качестве новой императрицы переселилась во взятый ею ночным «штурмом» Зимний дворец. После состоявшегося под гром пушек молебна и официальных поздравлений должностные лица и собранные вокруг дворца полки приняли присягу. Брауншвейгское семейство ждала бесконечная ссылка — сначала в Ригу, потом в крепость Динамюнде, в городок Ораниенбург в центре России и, наконец, в Холмогоры.

Для Елизаветы, как бы ни пыталась она доказать свою правоту, свержение императора и правительницы осталось не только пятном на совести, но и постоянным раздражителем, тем более что они и в «падении» оставались слишком известными фигурами, чтобы просто исчезнуть. Отсюда и колебания императрицы — она то посылала арестантам подарки, то изводила их допросами и строгостью режима. В этом смысле Анна Леопольдовна оказалась выше своей соперницы — она приняла предписанную ей роль простой принцессы, а не великой княгини, матери императора и правительницы, ни на что не жаловалась и никого ни в чём не обвиняла. К тому же у неё оставалась семья — то, чего была лишена всемогущая императрица России. Анна не жалела об утраченной власти и на упрё-

ки мужа отвечала, что рада тому, что при их «падении» не совершилось никакого кровопролития.

Царствование Ивана Антоновича было признано незаконным, поскольку Миних, Остерман и кабинет-министр регентши М. Г. Головкин вместе с ней самой «насильством взяли» управление империей в свои руки, в то время как «принц Иоанн» и его родственники «ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола ни по чему не имеют». Елизавета и её министры решили вычеркнуть предшествующее царствование из истории.

Власти и раньше уничтожали отдельные документы (например, в 1727 году манифест по делу царевича Алексея); теперь же правительство Елизаветы решило устранить всю информацию о предшественнике. С 1741 года изымались из обращения монеты с его изображением, публично сжигались печатные листы с присягой, а с 1743-го началось систематическое изъятие манифестов, указов, церковных книг, паспортов, жалованных грамот и прочих официальных документов с упоминанием свергнутого императора и правительницы.

В церковных проповедях евангельские образы и риторические обороты убеждали паству в законности власти Елизаветы как преемницы дел отца и защитницы веры от иноземцев. В образе последних представляли Миних, Остерман и другие «эmissарии диавольские», которые «тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, Бога и государство весьма любящих втайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, пытали, мучали, кровь невинную потоками проливали», назначали на руководящие должности иноземцев, а несправедливо нажитые деньги «вон из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали».

Милостивое правление

Министры и вельможи «прежнего правления» были осуждены и отправлены в ссылку. Своих приверженцев Елизавета щедро наградила: в 1742—1744 годах в раздачу (включая возвращение конфискованных вотчин прежним владельцам) пошла 77 701 душа.

Из своих защитников-гренадеров Елизавета 31 декабря 1741 года создала Лейб-компанию — привилегированное воинское соединение телохранителей. Сама императрица числилась её капитаном, принц Гессен-Гомбургский — капитан-поручиком, Грюнштейн — прапорщиком; прочие офицерские

должности в этой «гвардии в гвардии» получили самые близкие к императрице люди: А. Г. Разумовский, М. И. Воронцов, братья П. И. и А. И. Шуваловы. Сержантами, капралами и вице-капралами стали наиболее активные заговорщики. Все лейб-компанцы простого происхождения получили дворянство, им были составлены гербы с девизом «За верность и ревность» и пожаловано каждому по 29 крепостных душ. Лейб-компанцы, постоянно сопровождавшие императрицу в поездках и дежурившие во дворце, были убеждены в своём особом положении. Гренадеры буянили, резались в карты, пьянствовали и валялись без чувств на караулах в «покоях» императрицы, приглашали туда для угощения «неведомо каких мужиков»; гуляли в исподнем по улицам, устраивали грабежи и дебоши; могли потребовать, чтобы их принял фельдмаршал, или заявиться в любое учреждение с указанием, как надо решать то или иное дело. Их жёны считали своим правом брать «бездежно» товары в лавках.

Современники утверждали, что Елизавета «была набожна без лицемерства и уважала много публичное богослужение», что, впрочем, не мешало ей наслаждаться жизнью. Она строго соблюдала посты, исполняла церковные обряды, заботилась о строительстве новых храмов; по её инициативе был основан Воскресенский Новодевичий Смольный монастырь. Совершая пешком паломничество из Москвы в Троицу, Елизавета тратила недели, а иногда и месяцы на то, чтобы пройти 60 вёрст. Утомившись, она доезжала до очередного путевого дворца в экипаже, но на следующий день начинала движение с того места, где прервала его накануне; в 1748 году поход на богомолье занял почти всё лето.

Осуждение и шельмование деятелей свергнутого правительства сопровождалось раздачей милостей: была объявлена очередная амнистия, «сложены» штрафы «за разные неисправления», уменьшена на десять копеек подушная подать на 1742 и 1743 годы, прощены «доимки» за 1719—1730 годы, ликвидирована и сама Доимочная комиссия. На несколько дней, судя по протоколам, сыскное ведомство замерло — прекратились допросы и пытки, — но потом продолжило обычную работу в прежнем составе и с прежним жалованьем.

С точки зрения императрицы, принятых мер было довольно для благоденствия подданных. Можно было заняться устройством собственного счастья. Влюбчивая и капризная государыня ещё не успела проникнуться свойственными веку Просвещения рационализмом и благодушием к слабостям и была по-дедовски набожна; всё же краткие «любы телесные» — это одно, а многолетнее «блудное» сожителство — другое.

Сохранившаяся в московском районе Перово церковь Иконы Божией Матери Знамение, где, по преданию, в 1742 году состоялось венчание императрицы Елизаветы и её певчего, украинского казака Алексея Разумовского, хранит свою тайну. Когда-то рядом с ней стоял созданный по проекту мэтра российской «архитектурии» Бартоломео Франческо Растрелли нарядный усадебный дом. Здесь протекали счастливые дни императрицы и её избранника (вероятно, всё-таки хотя и тайного, но законного мужа), которому Елизавета подарила дворец и парк. Но причастные к делу умели молчать. Лишь через пять лет саксонский резидент Пецольд написал: «Все уже давно предполагали, а я теперь это знаю достоверно, что императрица несколько лет тому назад вступила в брак с обер-егермейстером».

После дворцового переворота 1762 года, возведшего на престол Екатерину II, отставного елизаветинского фаворита посетил срочно прибывший из Петербурга канцлер М. И. Воронцов и от имени новой императрицы попросил подтвердить или опровергнуть мнение о его тайном браке с Елизаветой (Екатерина примеряла ситуацию на себя). Алексей Григорьевич задумался, а потом достал из шкатулки грамоту с печатями, дал её прочитать гостю — и бросил в горящий камин... Фамильным преданиям полагается изображать предков великими и благородными — таким и предстаёт старый елизаветинский фаворит в рассказе его племянника А. К. Разумовского, переданном зятем последнего, министром Николая I С. С. Уваровым. Вельможа уничтожил драгоценный документ: «Я не был ничем более, как верным рабом её величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих. Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов».

Елизавета не скрывала своего счастья. Однако и за бравый захват власти, и за свободу чувств приходилось платить. В традиционном обществе ситуация, когда женщина стояла у власти, представлялась недоразумением, а уж вольный образ жизни вне брака и подавно считался безобразием. Императрица же была рождена до законного брака родителей, сама в положенном возрасте замуж не вышла и жила с кем ей заблагорассудится. При Анне Иоанновне тоже болтали про её связь с Бироном. Но даже немец Бирон, кажется, не вызывал такой ненависти, как пробившийся «из грязи в князи» православный украинец Алексей Разумовский — добродушный сибарит и далеко не худший из монарших фаворитов. Взысканный царской милостью казак хотя и бывал буен во хмелю, но в государственные дела не лез и чинами не кичился. Но чего толь-

ко не приписывала ему завистливая молва — даже использование его матерью-казачкой приворотного зелья: «Ведьма кривая, обворожила всемилостивейшую государыню».

Документов о браке никто не видел, и о детях Елизаветы и Разумовского мы до сих пор ничего определённого утверждать не можем. Предположительно у них имелась дочь Августа, которая была в 1785 году по распоряжению императрицы Екатерины II пострижена в московском Ивановском монастыре и умерла в 1810-м. Современники же как будто не сомневались — со знанием дела обсуждали интимную жизнь государыни.

Рождественской ночью 1742 года капитан-поручик Преображенского полка Григорий Тимирязев пожаловался молодому солдату Ивану Насонову: «Жалуют де тех, которые не токмо во оной чин годились, но прежде бы де ко мне в холопы не годились. Возьми де это одно — Разумовской де был сукин сын, шкаляр местечка Казельца, ныне де какой великой человек. А всё де это ни што иное делает, кроме того как одна любовь». Бывалый гвардеец рассказал приятелю обо всех сердечных увлечениях государыни, начиная с «Аврамка арапа... которого де крестил государь император Пётр Великий. Другова, Онтона Мануиловича Девьера, третьего де ездова (а имени, отчества и прозвища ево не сказал); четвертова де Алексея Яковлевича Шубина; пятова де ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского. Да эта де не довольно; я де знаю, что несколько и детей она родила, некоторых де и я знаю, которые и поныне где обретаютца». Поручик Афанасий Кучин в 1747 году заявил, что «её императорское величество изволит находиться в прелюбодеянии с его высокографским сиятельством Алексеем Григорьевичем Разумовским; и бутто он на естество надевал пузырь и тем де её императорское величество изволил довольствоваться», — кажется, впервые упомянув появившуюся при дворе новинку в области противозачаточных средств. За осведомлённость в деликатном вопросе он был сослан «до кончины живота» в Иверский монастырь и заточён «под крепкий караул в особливом месте»²¹.

В 1751 году отправилась в Сибирь крестьянка Прасковья Митрофанова — за рассказ:

«...государыня матушка от Господа Бога отступилась... она живёт с Алексеем Григорьевичем Разумовским, да уже и робёнка родила, да не одного, но и двух — вить у Разумовского и мать-та колдунья. Вот как государыня изволила ехать зимою из Гостилицкой мызы в Царское Село и как приехала во дворец и прошла в покои, и стала незнаемо кому говорить: “Ах, я угорела, подать ко мне сюда истопника, который по-

кои топил, я ево прикажу казнить!” И тогда одного истопника к ней, государыне, сыскали, который, пришел, ей, государыне, говорил: “Нет, матушка, всемилостивая государыня, ты, конечно, не угорела”; и потом она, государыня, вскоре после того родила робёнка, и таперь один маленькой рождённый от государыни ребёнок жив и живёт в Царском Селе у блинницы, а другой умер, и весь оной маленькой, который живёт у блинницы, в неё, матушку всемилостивую государыню, а государыня называет того мальчика крёстным своим сыном, что будто бы она, государыня, того мальчика крестила и той блинницы много казны пожаловала»²².

В глазах солдат и городской черни императрица стала «своей», что в немалой степени способствовало разрушению в сознании народа представлений о сакральности самодержавия. Рядовой личной охраны государыни, лейб-компанец Игнатий Меренков мог по-дружески позавидовать приятелю, гренадеру Петру Лахову: тот «с ея императорским величеством живёт блудно». «Каких де от милостивой государыни, нашей сестры бляди, милостных указов ждаты?» — сомневались жёнка Арина Леонтьева с подругами не слишком строгих нравов в сибирском Кузнецке. Про неё же «с самой сущей простоты» сложили непристойную песню, которую прямо в тюрьме при Сибирской губернской канцелярии распевал, сидя на нарах, шестнадцатилетний Ваня Носков:

Государыню холоп
Подымя ногу гребёт.

В петербургской богадельне ту же актуальную тему обсуждала одна из самых пожилых «клиенток» Тайной канцелярии — 102-летняя Марина Фёдорова. Даже на границе «польские мужики» Мартын Заборовский с товарищами могли себе позволить пожелать: «Кабы де ваша государыня была здесь, так бы де мы готовы с нею спать», — за что получили от российских служивых «в рожу».

Придворный унтер-экипажмейстер Александр Ляпунов не был снисходителен к слабостям императрицы: «Всемиловейшая де государыня живёт с Алексеем Григорьевичем Разумовским; она де блядь и российской престол приняла и клялася пред Богом, чтоб ей поступать в правде. А ныне де возлюбил дьячков и жаловала де их в лейб-компанию в порутчики и в капитаны, а нас де дворян не возлюбила и с нами де совету не предложила. И Алексея де Григорьевича надлежит повесить, а государыню в ссылку сослать».

Образ жизни царицы смущал строгих моралистов и после того, как «случай» Разумовского миновал. В 1749 году его в по-

стели сорокалетней государыни сменил восемнадцатилетний Иван Шувалов. Судя по всему, стареющая женщина пыталась остановить неумолимое время. Во дворце каждую неделю проходили балы и любимые государыней маскарады, на которые она любила являться в мужском костюме, одетая то французским мушкетёром, то голландским матросом. Будущая Екатерина II — в те годы жена наследника престола — отмечала: «...мужской костюм шёл вполне только к одной императрице. При своём высоком росте и некоторой дюжести она чудно хороша в мужском наряде. Ни у одного мужчины я никогда в жизнь мою не видала такой прекрасной ноги: нижняя часть ноги была удивительно стройна. На неё нельзя было довольно налюбоваться». Кавалерам, соответственно, приходилось без особого удовольствия передеваться в дамское платье.

Государыня любила гречневую кашу, но знала толк в деликатесах и винах. По её приказам Коллегия иностранных дел ежегодно отправляла в Лондон, Париж, Гаагу реестры «винам и провизии для вывозу» в Россию. Вольный город Гданьск поставлял две тысячи штофов фирменной водки. Из Англии выписывали сою, горчицу и конечно же пиво (50 тысяч бутылок). Из Парижа поставляли 10 тысяч бутылок шампанского, 15 тысяч бутылок бургундского; десятки и сотни бочек мясо, пантака, мушкетеля, бержерака, анжуйского и пикардона; до двадцати пудов французских сыров, 1500 бутылок прованского масла, анчоусы, оливки, чернослив, рейнский уксус, абрикосы, сухие вишни, персики, «тартуфель» (картофель) и «конфеты французские сухие нового устройства» — до полусотни пудов.

Больше всего забот гастрономические вкусы императрицы доставляли русскому послу в Голландии Александру Головкину. Только в 1745 году ему было предписано закупить 150 бочек рейнвейна и «секта», 50 бочек португальского вина, специи (корицу, гвоздику, кардамон, шафран, имбирь, перец, мускатный орех), 2700 пудов канарского сахара, 250 пудов винограда, 255 пудов изюма, миндаль, пять пудов фисташек, тёртые олени рога, 50 бочек солёных лимонов, по 25 пудов шоколада и голландского сыра, 20 пудов швейцарского сыра и пармезана, 50 пудов ливанского кофе и 400 пудов ординарного.

Благодаря любви императрицы к театру русский зритель познакомился с пьесами Шекспира и Мольера. Указ от 10 сентября 1749 года гласил: «Отныне впредь при дворе каждой недели после полудня быть музыке: по понедельникам — танцевальной, по средам — итальянской, а по вторникам и в пятницу, по прежнему указу, быть комедиям». В 1755 году в придворном театре впервые были исполнены русскими певцами на русском

языке оперы «Цефал и Прокрис» и «Альцеста»; их либретто сочинил поэт А. П. Сумароков. При Елизавете ещё приходилось штрафовать придворных на 50 рублей «за нехождение в театр», но за 20 лет её правления они постепенно приучились к новому времяпрепровождению. В программу увеселений поначалу входили представления итальянской оперы, французского театра и балетной труппы, но в 1756 году императрица пригласила в Петербург из Ярославля Фёдора Волкова, основателя русского национального театра. Его директором и ведущим отечественным драматургом стал Сумароков.

По свидетельству Екатерины II, изысканный вкус Елизаветы способствовал тому, что «в большом ходу при дворе» оказались кокетство и шегольство. «Дамы тогда были заняты только нарядами, — вспоминала императрица, — и роскошь была доведена до того, что меняли туалет по крайней мере два раза в день; императрица сама чрезвычайно любила наряды и почти никогда не надевала два раза одного и того же платья, но меняла их несколько раз в день; вот с этим примером все и соотнобщывались: игра и туалет наполняли день».

Императрица была главной распорядительницей празднеств, ревниво следила за придворными дамами и могла ножницами испортить причёску какой-нибудь прелестнице, чтобы та не забывала, кто здесь первая красавица.

«Её императорское величество изволила указать именным своим императорским величества указом объявить всем дамам, которые к высочайшему двору её императорского величества приезд имеют, чтоб они на голове, на правой стороне, не имели ни какого убранства, а именно окромя одних буллов и отнюдь не втыкали б в волосы на оную правую сторону ничего как алмазов, так и цветов, но только б в одной левой стороне носили б убранства; также не употребляли б сверх тупея цытерьнаделей и цветов и прочего ничего и в тупей ничего не втыкали б... а тупей и правая сторона были б просто в одних завитых волосах. Декабря 13 дня, 1751 г.»²³.

Вот описание её наряда в день рождения великого князя Петра Фёдоровича в 1745 году: «Императрица вышла из своей уборной чрезвычайно разодетая: на ней было коричневое платье, расшитое серебром, и она вся была покрыта бриллиантами, то есть голова, шея, лиф...» В борьбе за модное первенство царица использовала служебное положение: прибывшие в Россию с новейшими образцами тканей, косметики и парфюмерии купцы не имели права их продавать, пока она не отберёт себе товар. В июле 1751 года царица выговаривала чиновнику своего Кабинета Василию Демидову:

«Уведомилась я, что корабль французской пришёл с разными уборами дамскими, и шляпы шитые мужские, и для дам мушки, золотые тафты разных сортов и галантереи всякие золотые и серебряные; то вели с купцом сюда прислать немедленно. А первые товары, которые я в Царском Селе отобрала, алые, бруснишные без серебра и голубые с серебром полантины со всем убором, ничего сюда не присланы. И ежели они проданы, немедленно оных отобрать и деньги заплатить и прислать всё ко мне. А впредь, когда что отберу, то лучше в одно место складывать, дабы опять какой ошибки не было»²⁴.

Заказы Елизаветы Петровны исполнял российский посланник в Париже Фёдор Бехтеев. В 1758 году он закупал для венценосной модницы зеркала, парфюмерию, румяна, ленты, чулки, перчатки, сладкий ликёр. Кажется, покупка чулок вызвала наибольшие сложности — необходимы были такие, чтобы «не сжимались после мытья», и с особыми «новомодными стрелками», поскольку «шитых стрелок более не носят, для того что показывают ногу толще». Роскошный гардероб императрицы постоянно пополнялся; пожар 1753 года в московском Головинском дворце уничтожил четыре тысячи её платьев, но — но это были далеко не все её наряды.

«Восстановление отеческого духа»

С лёгкой руки поэта и писателя графа Алексея Константиновича Толстого дочь Петра Великого вошла в историю прежде всего как любительница танцев и развлечений:

Весёлая царица
Была Елисавет:
Поёт и веселится,
Порядка только нет.

Однако именно при ней страна динамично развивалась, русская армия одолела лучшего полководца Европы — прусского короля Фридриха II, петровские новации прочно утвердились в повседневной жизни России, появились Московский университет и Академия художеств.

Елизавета сама возложила на себя корону в Успенском соборе Московского Кремля 25 апреля 1742 года. Программа императрицы была выражена в «словесном указе» от 2 декабря 1741 года: государство должно быть «возобновлено на том же фундаменте, как оно было при жизни» её отца. Кабинет министров был ликвидирован, а Сенат восстановлен в правах;

воссозданы упразднённые в предыдущие царствования Берги и Мануфактур-коллегии и Главный магистрат. Императрица быстро уладила сложный вопрос о престолонаследии: 5 февраля 1742 года в Россию привезли её голштинского племянника принца Карла Петера Ульриха, который после принятия православия был объявлен наследником.

На деле же «петровская» риторика новой власти в ряде случаев оборачивалась продолжением официально осуждаемой практики «незаконного правления». Елизавета ещё больше повысила значение придворных чинов: камер-юнкер приравнивался уже к армейскому бригадиру, новые придворные фельдмаршалы, вроде А. Г. Разумовского или С. Ф. Апраксина, едва ли могли соперничать даже с Минихом по части военных талантов. Зато некоторые петровские предназначения его дочь отменила; так, в 1743 году она утвердила доклад о прекращении экспедиции Беринга, от которой Сенат «ни малого плода быть не признавает».

«Список генералитета и штаб-офицеров» 1748 года показывает, что на российской службе по-прежнему было немало иностранцев: два из пяти генерал-аншефов, четыре из девяти генерал-лейтенантов, 11 из 31 генерал-майора; в среднем звене — 12 из 24 драгунских и 20 из 25 пехотных полковников. Именно при Елизавете генерал-аншефами стали И. фон Люберас и родственник Бирона Л. фон Бисмарк; генерал-лейтенантами — Ю. Ливен, В. Фермор, П. Гольштейн-Бек, А. де Бриньи, А. Девиц. Остались на службе брат ссыльного фельдмаршала Х. В. Миних, принц Л. Гессен-Гомбургский, дипломаты И. А. Корф и Г. К. Кейзерлинг.

В социальной политике правительство Елизаветы продолжало курс на укрепление регулярного государства. По-видимому, переворот 1741 года породил у крепостных надежды на облегчение их положения. Указ от 2 июля 1742 года упоминал, что беглые помещичьи люди «немалым собранием» просили императрицу разрешить им записываться в армию, и категорически запретил такие уходы; просителей же отправили в ссылку на сибирские заводы. В мае того же года разрешённая ранее подача государыне челобитных была категорически воспрещена. При принесении присяги императрице крепостные были фактически исключены из числа подданных — за них присягали их владельцы. В 1747 году Елизавета предоставила помещикам право отдавать по своему выбору крестьян в рекруты и продавать их с разлучением семей, в 1760-м — ссылать в Сибирь. Со следующего года крепостным запрещалось без позволения помещиков заключать сделки.

Первоначальные налоговые послабления сменились в

1742 году распоряжениями о взыскании недоимок. 30 декабря 1745 года подушная подать была увеличена на 10 копеек для крепостных и на 15 копеек для государственных крестьян. Проведение новой ревизии ставило задачу сделать невозможным само существование «вольных разночинцев» — их всех надлежало непременно записать в подушный оклад, в армию, на предприятия. Резко усилились при Елизавете гонения на «безуказных» предпринимателей, которые вели свой бизнес без разрешения соответствующих коллегий. Возрождение в 1743 году магистратов и цехового устройства не облегчило их положения, поскольку эти органы находились в полном подчинении администрации, которая могла сажать бурмистров под караул.

Правительственная политика и усиление помещичьего гнёта вызвали ответную реакцию: продолжались действия разбойничьих «партий» и бегство на окраины и за границу; беглые селились во владениях польских вельмож, на южном берегу Каспийского моря строили флот персидскому шаху Надиру.

Оборотную сторону — ограничение веротерпимости — имела и официально демонстрировавшаяся приверженность православию. Указы 1741—1742 годов предписывали обратить все строившиеся лютеранские кирхи в православные храмы и запрещали армянское богослужение. Дважды, в 1742 и 1744 годах, объявлялось о высылке из империи всех евреев, за исключением принявших крещение. В 1742 году Сенат повелел прекратить разрешённую ранее запись в раскол; возобновилась практика взимания денег с «бородачей» и ношения шутовских кафтанов с красным воротником-козырем для раскольников (именоваться староверами им было запрещено). В ответ на репрессии в стране начались самосожжения. При этом набожная императрица вовсе не собиралась отменить отцовские законы в отношении церкви. Она оставила без последствий доклад новгородского архиепископа Амвросия с просьбой о восстановлении патриаршества и по-отцовски решительно смещала и назначала архиереев: «Ежели крутицкой пожелает на московскую епархию, то на Крутицы воскресенсково архимандрита, а Платона архимандрита как от Синота написан, а Горленка, которой у Троицы Святые лавры архимандрит и наместник, в Белгородскую епархию».

Усилился контроль за повседневной жизнью подданных; им занимались возникшие в 1744 году при епархиальных архиереях духовные консистории, ведавшие борьбой с ересями и расколом, а также судом над духовными лицами и мирянами. Указы Синода начала 1740-х годов запрещали устраивать кабаки близ церквей и монастырей, предписывали в храмах не

вести бесед о «светских делах» и даже на торжественных мольбах не выражать громко верноподданные чувства. Распоряжения светской власти определяли поведение на улице: чтобы «на лошадях скоро ездить и браниться не дерзали». В Петербурге и Москве было запрещено устраивать кулачные бои, содержать на больших улицах питейные дома, заводить домашних медведей, мчаться вскачь, произносить в общественных местах «бранные слова». В 1743 году власти попытались ввести цензуру: для книг с «богословскими терминами» — синодальную, для остальных — сенатскую. Появились указы о запрещении «писать и печатать как о множестве миров, так и о всём другом, вере святой противном и с честными нравами несогласном».

Этот курс продолжался примерно до конца 1740-х годов. Но простая реставрация петровских порядков и учреждений не соответствовала стоявшим перед страной задачам. Во второе десятилетие царствования Елизаветы её правительство стало создавать новую реальность путём ряда реформаторских мер.

Долгое и в целом удачное царствование Елизаветы объясняется не только его «национальным» характером: при всём несходстве с отцом она в качестве правительницы явно превосходила предшественниц. Императрица хотя и любила развлечения, но обладала никогда не покидавшим её «чувством власти». Она могла быть жёсткой, использовала в своей политике если не дух, то по крайней мере «букву» замыслов своего отца, а самое главное — была способна объективно и трезво оценивать своих советников, выбирать среди них самых умных и компетентных и умело лавировать среди соперничавших группировок, не отдавая никому преимущества. Секретарь французского посольства Жан Луи Фавье оценил манеру императрицы:

«Сквозь всю её доброту и гуманность, доведённую до крайности безрассудным обетом (об отмене смертной казни. — *И. К.*)... в ней нередко просвечивают гордость, высокомерие, иногда даже жестокость, но более всего — подозрительность. В высшей степени ревнивая к своему величию и верховной власти, она легко пугается всего, что может ей угрожать уменьшением или разделом этой власти. Она не раз выказывала по этому случаю чрезмерную шекотливость. Она не терпит титула «великий» к приложению к придворным чинам и в особенности к званию великого канцлера, хотя обычаем принято так называть первого министра. Однажды Бестужев так называл себя в её присутствии. «Знайте, — сказала она ему, — что в моей империи только и есть великого, что я да великий князь, но и то величие последнего не более как

призрак». Зато императрица Елисавета вполне владеет искусством притворяться. Тайные изгибы её сердца часто остаются недоступными даже для самых старых и опытных придворных, с которыми она никогда не бывает так милостива, как в минуту, когда решает их опалу. Она ни под каким видом не позволяет управлять собой одному какому-либо лицу, министру или фавориту, но всегда показывает, будто делит между ними свои милости и своё мнимое доверие»²⁵.

Ответственные решения Елизавета принимала только после тщательного обдумывания и обсуждения мнений советников. Алексея Петровича Бестужева-Рюмина она сделала канцлером и хотя не любила его, считая человеком неискренним и пьяницей, но ценила его опыт и знания. Бестужев был прирождённый дипломат — хладнокровный, расчётливый, хорошо разбирался в отношениях европейских держав, владел латынью, французским и немецким языками. Именно он в начале 1742 года организовал систематическую перлюстрацию дипломатической почты аккредитованных в Петербурге послов, создав для этого целый штат, включавший резчика печатей, копиистов, переводчика. Главным специалистом «чёрного кабинета» стал бывший учитель Петра II академик-математик Христиан Гольдбах: именно его усилиями через год были дешифрованы депеши французского маркиза Шетарди, возглавлявшего вместе с Арманом Лестоком и вице-канцлером Михаилом Воронцовым «партию» при дворе. Прусский король выделил Воронцову «подарок» в 50 тысяч рублей, ежегодный «пенсион» и даже лично инструктировал его в Берлине осенью 1745 года. Но миссия маркиза по вовлечению России в орбиту франко-прусского влияния завершилась полным провалом. В 1748 году Лесток был арестован и сослан в Устюг; но ни Воронцова, ни Трубецкого Елизавета не тронула — она умела лавировать и использовать противоречия между своими слугами.

Воронцов во внешней политике являлся сторонником Франции, из-за чего вступил в конфликт с Бестужевым-Рюминым, ориентировавшимся на Англию и Австрию. В этой борьбе он потерпел поражение, но сохранил свою должность, а после смещения Бестужева в 1758 году стал канцлером. Камергер Александр Иванович Шувалов ведал Тайной канцелярией, а его брат Пётр стал «мозговым центром» реформ елизаветинского царствования.

По его инициативе была осуществлена отмена внутренних таможен, созданы первые государственные банки — Дворянский заёмный и Купеческий, началось генеральное межевание, созвана очередная комиссия для разработки свода законов (1754). Как вспоминали современники, дом Шувалова

«наполнен был весь писцами, которые списывали разные от графа прожекты. Некоторые из них были к приумножению казны государственной... а другие прожекты для собственного его графского верхнего доходу, как то сало, ворвань, мачтовый лес и прочее». Как начальник артиллерии (генерал-фельдцейхмейстер) он много сделал для её усовершенствования: его именем названы гаубица с овальным дулом для стрельбы картечью и универсальное орудие «единорог», находившееся на вооружении около века; по его проекту открыт уже в царствование Екатерины II (1762) Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус.

Контроль над соперничавшими «персонами» и «партиями» Елизавета сочетала с невмешательством в повседневную работу государственной машины. Так, например, за 1753—1756 годы она только однажды, 29 марта 1753-го, посетила заседание Сената, но провела там более четырёх часов, слушая доклады о назначениях на высшие государственные посты президентов и вице-президентов коллегий, судей приказов, губернаторов и вице-губернаторов — всего на 31 должность, об установлении пошлины на суда, шедшие с Ладоги, о наказании каторжников в Рогервике, о размере жалованья служащим Сыскного приказа, об очистке улиц Петербурга от нищих (отдавать в солдаты, отправлять на предприятия или возвращать помещикам) и т. д. Затем государыня разбиралась в конфликте Сената и Военной коллегии (и отчитала руководство последней за невыполнение давнего указа Петра I о присутствии в ней генералитета «с переменною»), поручила сенаторам обсудить ставку ясака в Сибири и Иркутской провинции и меры контроля над качеством продукции мануфактур, а также вопрос о способах пресечения лжесвидетельств для получения недвижимой собственности.

Елизавета уважала Сенат, но в то же время периодически созывала «конференции» и «советы» из авторитетных лиц для обсуждения ответственных решений; с 14 марта 1756 года Конференция при высочайшем дворе работала уже на постоянной основе. Императрица присутствовала всего на шести из семидесяти шести заседаний, состоявшихся до конца года.

Была восстановлена личная канцелярия (Кабинет) императрицы, имевшая возможность контролировать действия всех прочих органов власти. Умение лавировать в политике обеспечило Елизавете 20 лет спокойного царствования. Тайная канцелярия при Елизавете работала не менее активно, чем раньше; но резкое сокращение репрессий по отношению к дворянству исключало повторение процессов времён бироновщины. Ещё одним способом контролировать государст-

венный аппарат стали массовые «ротации кадров» в системе центрального и местного управления, проведённые в 1753 и 1760 годах, при этом перестановки не сопровождались опалами. В царствование Елизаветы репрессии в отношении руководителей учреждений применялись почти в два раза реже, чем при Анне Иоанновне. Кнут, казнь и конфискацию имущества — распространённые при Петре I кары за казнокрадство и взяточничество — Елизавета заменила понижением в чине, переводом на другую службу и изредка увольнением.

При Елизавете число мануфактур в стране достигло шестисот. Она разрешила «приватизацию» казённых металлургических заводов — правда, в первую очередь знати. Новыми владельцами крупных предприятий стали Шуваловы, Чернышёвы, Воронцовы. Прочее дворянство получило монополию на винокурение, что гарантировало ему доход от поставок водки в казённые питейные дома. В рамках Уложенной комиссии были разработаны проекты секуляризации церковных земель, законодательного оформления привилегий дворянства, осуществлённые при Екатерине II.

Появление «баб» на троне можно считать началом эволюции сурового облика и стиля российской власти.

Во-первых, при императрицах XVIII века двор стал центром притяжения и символом не только могущества, но и культурного роста державы. Петровские празднества с неумеренным питием и пальбой сменились более изысканными балами и маскарадами. Французский язык и этикет прочно закрепились в обиходе петербургского общества, а двор Елизаветы стал одним из самых блестящих в Европе.

Фаворит императрицы камергер Иван Шувалов стал чем-то вроде неформального министра культуры России. При его поддержке и участии М. В. Ломоносова были созданы Московский университет (Шувалов стал его первым куратором) и при нём две гимназии — для дворян и разночинцев. При университете с 1756 года стала выходить первая московская газета «Московские ведомости», а с 1760-го — журнал «Полезное увеселение» поэта М. М. Хераскова. Шувалов стал и президентом основанной по его инициативе в 1757 году Академии художеств. В Санкт-Петербурге академия первоначально размещалась во дворце Шувалова. С 1760 года лучшие выпускники отправлялись на заграничную стажировку на средства академии. Первыми «шуваловскими пенсионерами» были отправлены во Францию и Италию будущие знаменитости — художник Антон Лосенко и архитектор Василий Баженов. Шувалов стал одним из первых русских меценатов; собиратель произведений искусства, обладатель прекрасной библиотеки, покро-

витель приглашённых в Россию иностранных художников, сам освоивший технику офорта, он воплощал в себе черты новой интеллектуальной элиты страны и при этом отличался необычной для фаворитов скромностью. В конце жизни он писал императору Павлу:

«В царствование блаженной и достойной памяти императрицы Елисаветы Петровны я был случаем возведён в знатность, имел её милость всё время её жизни: не был никогда ослеплён самолюбием, отказывал великие чины, деревни и другие награждения, чему все оставшиеся люди свидетели. Сия моя бескорыстность, усердие и преданность удостоили меня доверенности во всех важных государственных делах! Был употреблён в иностранных переписках, при заключении трактатов с Франциею, Венским и Датским дворами, за что от оных предлагаемы мне были великие подарки и графство от императора, которого диплом граф Цинцендорф здесь с собою имел; но я оные все по совести моей отказал. Малые мои, но усердные услуги Отечеству были в основании Московского университета, Академии художеств, кимназии в Казани, учреждение банка; которые при установлении ордена Св. Владимира почтены были услугами от Сената и от коллегиев, и удостоен по большинству голосов кавалером ордена Большого креста. По кончине блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны был поставлен у меня сундук с золотою монетою; но как я об оном особливого приказа не имел, то я его в тот же день отдал, чему свидетельствовать может Катерина Константиновна Скороходова. Всё время моего при дворе пребывания я никогда никаких откупов, подрядов и заводов не имел...»²⁶

Во-вторых, каким бы жестоким ни был в России «галантный век», правление пусть не самых образованных и не самых добродушных дам способствовало гуманизации общественной жизни. В первой половине столетия представители высшего света лично били лакеев прямо во дворце, отличались грубым шутовством и жульничали в карточной игре. При дворе Елизаветы подобные развлечения уже не поощрялись. В годы её правления перестали исполняться смертные приговоры, строились инвалидные дома и богадельни.

Вкусы и увлечения императрицы в немалой степени способствовали развитию отечественной культуры и просвещения. В среде столичного дворянства получает распространение домашнее образование под руководством иностранных преподавателей. На вторую половину елизаветинского царствования приходятся расцвет творчества М. В. Ломоносова, строительство Зимнего дворца, Смольного монастыря и других ансамблей Растрелли. Представители «света» и городских

верхов стали читать — уже не по принуждению, а для души — самые различные книги: учебные, художественные и даже научные. В 1759 году А. П. Сумароков основал журнал «Трудолюбивая пчела», наполнявшийся большей частью произведениями своего издателя и имевший успех у читателей. Правда, вскоре издание прекратилось по недостатку средств.

Столицу украсили новые особняки и дворцы. Помимо традиционных кабаков и постоянных дворов, появились более современные и комфортные трактиры-«герберги». С потоком товаров и людей в Россию проникали не только экзотические продукты и вина, но и иные плоды цивилизации, в том числе бордельный промысел, поэтому императрица развернула первую кампанию по борьбе с «непотребством». В 1750 году, узнав, что в Петербурге есть «дом свиданий», Елизавета Петровна дала указание разыскать содержательницу этого дома Анну Фелькер по прозвищу Дрезденша, «взять под караул в крепость со всею её компаниею» и принять меры «к поимке... всех непотребных женщин и девок».

Марш на Берлин

Особо важные посольские реляции или доклады Коллегии иностранных дел по принципиальным вопросам внешней политики обязательно направлялись к государыне. Дипломатия являлась «ремеслом королей», и даже не слишком усердная в делах Елизавета Петровна вникала в вопросы, высказывала своё мнение, дополняла и изменяла подготовленные документы. Правда, она же поручала российским дипломатам за рубежом добывать редкости — например мартышек, говорящих «перокетков» (попугаев) и канареек, «кои менуеты и другие маленькие арии свистят».

Елизавете пришлось вести свою войну со шведами, желавшими взять реванш за поражение при Петре I. В 1742 году русские войска захватили большую часть Финляндии и вынудили противника капитулировать под Гельсингфорсом. Шведы продержались ещё год, но после поражения своего гребного флота в мае 1743 года пошли на заключение Абоского мира, по которому Россия получила юго-восточную часть Финляндии.

В дальнейшем российскую внешнюю политику определяли союзы с Саксонией и Речью Посполитой (1744) и Австрией (1746), направленные против агрессивной прусской политики, и с «морскими державами» во имя торговых выгод. Главным же возмутителем европейского спокойствия к середине столетия стала Пруссия с сильно выросшим военным по-

тенциалом. Для «сокращения» прусской опасности Россия вступила с Англией в «субсидные» отношения на предмет содержания русского экспедиционного корпуса, готового немедленно отправиться на германский театр военных действий. В 1748 году марш русских войск заставил воюющие стороны поспешить с окончанием Войны за австрийское наследство (1741—1748).

Последние годы царствования императрицы выдались тяжёлыми. Шла Семилетняя война (1756—1763) Австрии, России, Франции, Саксонии, Швеции и Испании против Пруссии и Англии. Её главной причиной стала борьба между Англией и Францией за владения в Ост- и Вест-Индии и Северной Америке. На Европейском же континенте прусский король Фридрих II с помощью английских денег начал войну с Австрией и Францией. Манифест о вступлении в войну России гласил: «Король прусский... захватил наследные его величества короля Польского области и со всей суровостию войны напал на земли её величества римской императрицы-королевы (Марии Терезии. — *И. К.*). При таком состоянии дел не токмо целость верных наших союзников, святость нашего слова и сопряжённая с тем честь и достоинство, но и безопасность собственной нашей империи требовали не отлагать действительную нашу противу сего нападателя помощь».

Русская армия нанесла поражение пруссакам при Гросс-Егерсдорфе (1757) и Кунерсдорфе (1759); в начале 1758 года русские войска заняли Восточную Пруссию, а в 1760-м на короткое время захватили Берлин. Однако у противников Фридриха II отсутствовало единство интересов и действий. Австрийский двор боролся за возвращение отнятой в 1740-х годах Силезии и требовал участия русской армии именно на этом театре войны. Отправленная туда русская армия в 1760—1761 годах из-за разногласий с австрийцами и прусских маневров не смогла разгромить пруссаков. Французы рассматривали альянс с Россией как случайное стечение обстоятельств и не собирались отказываться от традиционной политики «восточного барьера» — системы союзов с реальными и потенциальными её противниками Швецией, Польшей и Турцией. В Париже опасались «слишком больших успехов русских в этой войне». В соответствии с этими установками знаменитого «секрета короля» — тайной дипломатии Людовика XV — в 1760 году французский МИД инструктировал своего посла в России барона де Бретейля. Тамошние политики мечтали возвести на русский престол свергнутого Ивана Антоновича и вызвать смуту, которая была бы выгодна королю, «так как она ослабила бы русское государство».

Однако попытки французской дипломатии склонить Россию к миру оказались напрасными. М. И. Воронцов, несмотря на обещанные ему французским двором 800 тысяч ливров, оказался бессилён — передал, что не может воздействовать на императрицу. Елизавета была намерена продолжать борьбу «со всею силою и ревностию» и даже обещала в случае нехватки средств заложить свои платья и драгоценности. В декабре 1761 года генерал Пётр Румянцев взял Кольберг (нынешний польский Колобжег) — крепость и порт на побережье Балтийского моря. Тогда же был подготовлен «план операций на будущую 1762 году кампанию». К началу нового года заграничная армия вместе с гарнизонами и иррегулярными частями составляла внушительную силу — 123 889 человек.

Но в мире придворных «конъектур» будущее выглядело менее определённо. Затянувшаяся война нарушила равновесие между придворными «партиями». Последние годы царствования Елизаветы принесли ей ту же проблему, что и её отцу: конфликт с взрослым и законным наследником. Пётр Фёдорович, не скрывавший своих симпатий к Пруссии, был выведен из состава Конференции при высочайшем дворе. С другой стороны, болезнь Елизаветы и её отход от дел заставляли окружение императрицы всё больше считаться с намерениями «молодого двора». Появились слухи о возможном отстранении от престолонаследия Петра Фёдоровича и передаче короны маленькому Павлу Петровичу. Позднее сама Екатерина II сообщала, что «за несколько времени» до смерти Елизаветы Петровны Иван Шувалов предлагал воспитателю Павла Н. И. Панину «переменить наследство» и «сделать правление именем цесаревича», на что Панин ответил отказом.

И всё же Елизавета не рискнула изменить ею же утверждённый порядок. Императрица теперь часто болела: помимо астмы и, вероятно, диабета, она страдала частыми припадками эпилепсии, после которых по несколько дней пребывала в бессознательном состоянии. В последние месяцы жизни она устранилась от дел в Царском Селе. Начавшиеся в конце 1740-х годов реформы в условиях войны и начавшейся борьбы за власть были свёрнуты. В очередной раз не было завершено составление Уложения, не проведён в жизнь указ 1757 года о передаче управления церковными вотчинами светским властям.

«...Для нее ненавистно всякое напоминание о делах, и приближённым нередко случается выжидать по полугоду удобной минуты, чтобы склонить её подписать указ или письмо. В течение настоящей длинной зимы (1760/61 года. — *И. К.*) императрица всего только раз показывалась в публике (в праздник Св. Андрея), а с тех пор по самую Пас-

ху.. она не выходила из своих покоев, куда запиралась совершенно одна в частых припадках меланхолии или где забавлялась с детьми и маленькими калмыцкими девочками. Принимая же у себя общество, она выносила присутствие только самого ограниченного числа придворных. Её успешно развлекает и забавляет один теперь из её хора, буффон и мимик, по имени Компани...

Кроме истерических припадков, симптомов потери крови, совершающейся у неё постепенно, и другой местной болезни, императрица Елисавета в течение всей настоящей зимы страдала ещё от раны на ноге, но ни за что не хотела ни лечиться, ни следовать какому бы то ни было режиму. Она ни с кем не желает советоваться, кроме одного лекаря по имени Фуасавье, но он не иное что, как цирюльник и ниже всякой посредственности.

В этом состоянии она ещё сохраняет страсть к нарядам и с каждым днём становится в отношении их всё требовательнее и прихотливее. Никогда женщина не примирялась труднее с потерей молодости и красоты. Нередко, потратив много времени на туалет, она начинает сердиться на зеркало, приказывает снова снять с себя головной и другие уборы, отменяет предстоявшее театральное зрелище или ужин и запирается у себя, где отказывается кого бы то ни было видеть»²⁷.

Иван Шувалов остался единственным докладчиком больной императрицы, а порой был единственным придворным, кого она допускала к себе. О настроениях в её окружении повествует переписка между ним и канцлером Воронцовым в ноябре 1761 года. Канцлер желал уйти в отставку; фаворит умолял его не делать этого, но одновременно признавал полный паралич управления: «Все повеления без исполнения, главное место без уважения, справедливость без защищения. Вижу хитрости, которых не понимаю, и вред от людей, преисполненных моими благодеяниями».

Третьего декабря Елисавета высказала свой «гнев» сенаторам за их «излишние споры и в решениях медлительство» — и слегла окончательно. Как и отец, она до самого конца гнала мысль о смерти: распорядилась приготовить ей покои в новом Зимнем дворце к марту 1762 года. Но переехать туда ей не было суждено: 12 декабря «вдруг сделалась с нею преежестокая рвота с кашлем и кровохарканьем». Врачи прибегли к кровопусканию и увидели, что «во всей крови её было уже великое воспаление». 25 декабря 1761 года «Петрова дщерь» скончалась.

Глава девятая

«ОН НЕ БЫЛ ПОХОЖ НА ГОСУДАРЯ»

*Благоразумнее и безопаснее иметь
дело с такими простаками, как мы...*

Пётр III

«Голштинский чёртушка»

Судьба появившегося на свет в феврале 1728 года внука Петра Великого началась трагично: его мать, российская цесаревна Анна Петровна, умерла после родов. Отец мальчика герцог Карл Фридрих был племянником шведского короля Карла XII, и его сын в принципе мог претендовать и на русский, и на шведский престолы. Но высокое родство не принесло выгод. В тени баталий Северной войны и без того малое герцогство Гольштейн-Готторпское понесло невосполнимые потери: отец Карла Фридриха сражался в рядах шведской армии и пал в бою; победители-датчане отобрали область Шлезвиг с родовым замком в Готторпе. Самостоятельно вернуть утраченное герцог не рассчитывал и надеялся только на могучего союзника-покровителя. Женившись в 1725 году на дочери Петра I, Карл Фридрих рассчитывал на помощь России. Однако тёща-императрица Екатерина I воевать с объединённым датско-английским флотом не решилась. А смерть жены и воцарение Анны Иоанновны сделали сюжет неактуальным — императрица не любила свояченицу герцога Елизавету, а его самого и его сына-«чёртушку» и подавно. Карл Фридрих мог только мечтать о реванше и завещал эту мечту сыну.

Однако юный наследник, названный в честь славных дедов Карлом Петером Ульрихом, оставшийся в 1739 году круглым сиротой, едва ли мог её осуществить. Но тут его русская тётка в результате дворцового переворота стала императрицей. Детей (по крайней мере законных) у Елизаветы не было, и необходимость утверждения на троне потомков Петра I оставляла ей единственный вариант. В декабре 1741 года в Голштинию прибыло секретное посольство, и двоюродный дядя юного герцога Адольф Фридрих охотно отправил мальчика в далёкую Россию. Елизавета Петровна встретила племянника радушно,

обещала быть ему второй матерью, хотя и была удивлена видом бледного и худого наследника и его скудным образованием — за исключением французского языка.

Но выбирать не приходилось. Двор торжественно отметил четырнадцатилетие «его королевского высочества владетельного герцога Шлезвиг-Голштинского», а затем он отбыл на коронацию тётки в Москву. Вскоре мальчик уже был подполковником гвардейского Преображенского полка и полковником кирасирского. В это время Карл Петер Ульрих был избран наследником шведского престола — преемником слабого и ограниченного сословиями в правах короля Фридриха Гессенского (затянувшего тем не менее войну с Россией). Но Елизавета успела раньше: после принятия православия манифестом от 7 ноября 1742 года её племянник был объявлен наследником престола с титулом его императорского высочества и указанием поминать его на богослужении как «внука Петра Первого, благоверного государя великого князя Петра Фёдоровича». Штелин отметил, что на церемонии императрица «показывала принцу, как и когда должно креститься, и управляла всем торжеством с величайшею набожностью. Она несколько раз целовала принца, проливая слёзы, и с нею вместе все придворные кавалеры и дамы, присутствовавшие при торжестве». Проигравшим войну шведам пришлось в 1743 году довольствоваться избранием на престол голштинского дяди Петра, что России вполне устраивало. При заключении в августе мирного договора юный великий князь подписал отречение от шведского трона.

Следовало позаботиться о должном образовании будущего государя. Вопреки расхожим утверждениям, он не был совершенным невеждой. Отчёты воспитателей принца за 1739—1741 годы из голштинского архива показывают, что Карл Петер Ульрих владел французским и латынью, изучал арифметику, римское право, фехтование и верховую езду; прочёл Библию с комментариями и имел представление об истории и географии соседних стран. Другое дело, что преподаватели были скучны и суровы, а наказания — часты и жестоки: заточение в капелле на хлебе и воде, хождение в «позорном колпаке», запрет на игрушки, стояние в углу на коленях на горохе, порка розгами под звуки флейты и барабана. Неудивительно, что мальчишка учился из рук вон плохо и на всю оставшуюся жизнь сохранил отвращение к школьному занудству.

Елизавета избрала ему в наставники российского академика и ординарного профессора поэзии и элоквенции (красноречия) Якова Штелина, который предложил свою систему: учить высокопоставленного школяра незаметно и с наимень-

шими с его стороны усилиями. К примеру, Штелин читал подпечному новости из газет о происшествиях в европейских государствах, а затем показывал их на карте, знакомил его с иностранными «ходячими монетами» и курсом обмена.

Успехи были скромными: по словам воспитателя, Пётр, по мнению учителей, «от природы судит довольно хорошо, но привязанность к чувственным удовольствиям более расстраивала, чем развивала его суждения, и потому он не любил глубокого размышления». Мальчик стал худо-бедно говорить по-русски, «прошёл» Закон Божий в православном изложении; с удовольствием учился играть на скрипке и без всякого удовольствия — танцевать. Больше всего ему нравилась «практическая математика» — изучение по моделям фортификации и полевых укреплений; к прочим наукам он относился без всякой «охоты», но всё же, как вспоминал его наставник, из истории России «знал государей от Рюрика до Петра I». Но самым большим удовольствием для юного принца было «видеть развод солдат во время парада» — с этим не мог сравниться никакой бал или балет. За отсутствием в распоряжении настоящих солдат Пётр играл с оловянными (при русском дворе никто ему этого не запрещал), а затем проводил «экзерциции» с лакеями и пажами. Он мечтал о воинских подвигах, хвалился, что ни в каком сражении не останется позади, но «на деле боялся всякой опасности» и «всегда чувствовал страх при стрельбе и охоте».

Учиться в те времена было трудно, а обер-гофмаршал наследника Брюммер по-прежнему подвергал его наказаниям за малейшие провинности — в результате тот вырос обидчивым, самолюбивым, вспыльчивым и упрямым. К тому же ребёнок нередко пропускал занятия из-за болезней, придворных церемоний и увеселений. В итоге, к большому огорчению императрицы, Штелин смог отметить разве что природные «память и остроумие» своего ученика и его игру на скрипке. Но главное — Пётр так и остался иноземным принцем в чужой стране, больше всего любившим своё маленькое обиженное герцогство.

Но и такое обучение шло недолго. Елизавета желала упрочить трон за потомками Петра I. Прибывшую в феврале 1744 года в Петербург невесту — такую же бедную, как и он сам, немецкую принцессу и свою троюродную сестру Софию Фредерику Августу Ангальт-Цербстскую — Пётр встретил породственному и во время разговора по душам рассказал, что влюбился в красавицу-фрейлину, дочь статс-дамы Натальи Лопухиной, но Елизавета по обвинению в государственном преступлении (Лопухины в своём кругу ругали императрицу и

рассчитывали на возвращение к власти Ивана Антоновича) сослала всё семейство в Сибирь. Принцесса, по её собственному признанию, сделанному много лет спустя, «благодарила его за предварительную доверенность, но в глубине души... не могла надивиться его бесстыдству и совершенному непониманию многих вещей».

Впрочем, отношения шестнадцатилетнего Петра и его пятнадцатилетней невесты (после перехода в православие звавшейся Екатериной Алексеевной) в ту пору были не скандальными, а скорее дружественными. Намеченный брак состоялся 21 августа 1745 года, но ожидаемых последствий не имел, хотя Пётр и Екатерина жили теперь вместе. Наследник устраивал в подаренном тёткой Ораниенбауме игрушечную крепость и развлекался военными «экзерцициями» с ротой из придворных кавалеров — подгонял амуницию, разучивал сигналы, маршировал, упражнялся с ружьём; его супруга читала и предпринимала первые попытки подчинить своей воле окружающих её придворных и слуг.

Инструкция А. П. Бестужева-Рюмина приставленным к «молодому двору» лицам указывала: они должны следить за тем, чтобы великий князь «явной Божией службе в прямое время с усердием и надлежащим благоговением, гнушая всякаго небрежения, холодности и индифферентности (чем все в церкви находящиеся явно озлоблены бывают) присутствовал» и почтительно относился к своему духовнику, из чего можно понять, что наследник не отличался примерным поведением. Придворные Петра и Екатерины должны были делать всё, чтобы «ни малейшее несогласие не происходило, наименьше же допускать, чтоб между толь высокосочетавшимися какое прегорчение вкоренилось, или же бы в присутствии дежурных кавалеров, дам и служителей, колыми меньше же при каких посторонних, что-либо запальчивое, грубое и непристойное словом или делом случилось». Видимо, несдержанность великого князя и его публичные размолвки с женой вскоре стали обычными. Но были и другие минуты, когда, вспоминала Екатерина, великий князь и его кавалеры приходили «в мои внутренние апартаменты, и Бог весть, как мы скакали... жмурки были в большом ходу, и часто плясали сплошь весь вечер, или же бывали концерты, за которыми следовал ужин».

Кроме того, Петру Фёдоровичу предписывалось, чтобы он «публично всегда серьёзным, почтительным и приятным казался, при весёлом же нраве непрестанно с пристойною благоразумностию поступал, не являя ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах»; «более слушал, нежели говорил, более спрашивал, нежели рассказывал». Хуже всего

было то, что надлежало прекратить «играние на инструментах, егорями и солдатами или иными игрушками и всякие шутки с пажами, лакеями или иными негодными и к наставлению неспособными людьми». Впрочем, большинство предписаний так и остались лишь пожеланиями.

Наследник не был ни великовозрастным дебилом, ни безграмотным капралом. Он получил нормальное (по меркам не екатерининского, а предшествовавшего времени) образование, собирал библиотеку, вполне прилично писал и переводил на русский, хотя предпочитал в своём «голштинском» кругу говорить по-немецки. Сохранились его записки М. И. Воронцову, сделанные на французском языке нетвёрдым и неаккуратным почерком. Пётр искренне любил музыку, интересовался живописью, обладал «добрым и весёлым нравом» и чувством юмора, но в то же время оставался инфантильным и поверхностным юношей, слабохарактерным, болтливым и не в меру откровенным. При этом он ценил ум своей жены, часто обращался к ней за помощью, называл её «олицетворённой находчивостью» и «госпожой разумных советов». В 1748 году прусский посол Карл Вильгельм Финк фон Финкенштейн оценивал характер и привычки наследника:

«На великого князя большой надежды нет. Лицо его мало к нему располагает и не обещает ни долгой жизни, ни наследников, в коих, однако, будет у него великая нужда. Не блещет он ни умом, ни характером; ребячится без меры, говорит без умолку, и разговор его детский, великого государя недостойный, а зачастую и весьма неосторожный; привержен он решительно делу военному, но знает из одного одни лишь мелочи; охотно разглагольствует против обычаев российских, а порой и насчёт обрядов Церкви греческой отпускает шутки; беспрестанно поминает своё герцогство Голштинское, к коему явное питает предпочтение; есть в нём живость, но не дерзну назвать её живостью ума; резок, нетерпелив, к дурачествам склонен, но ни учтивости, ни обходительности, важной персоне столь потребных, не имеет. Сколько известно мне, единственная разумная забава, кою он предаётся, — музыка; каждый день по нескольку часов играет с куклами и марионетками; те, кто к нему приставлен, надеются, что с возрастом проникнется он идеями более основательными, однако кажется мне, что слишком долго надеждами себя обольщают. Слушает он первого же, кто с доносом к нему является, и доносу верит; неблагодарность, кою отплатил он за привязанность старинным своим слугам... мало делает чести его характеру. Слывёт он лживым и скрытным, и из всех его пороков сии, без сомнения, наибольшую пользу ему в нынешнем его положении принести

могут; однако ж, если судить по вольности его речей, пороками сими обязан он более сердцу, нежели уму. Если когда-либо взойдёт на престол, похоже, что правителем будет жестоким и безжалостным; не даром толкует он порой о переменах, кои произведёт, и о головах, кои отрубит. Императрицу боится он и перед нею трепещет; фаворита терпеть не может и порою с ним схватывается; канцлера в глубине души ненавидит; нация его не любит, да при таком поведении любви и ожидать странно»²⁸.

Подводя итоги наблюдению за жизнью «молодого двора» в 1748—1753 годах, Штелин вынужден был признать: «Великий князь забывает всё, что учил, и проводит время в забавах». Время шло, а желанного наследника всё не было. Наконец терпение императрицы кончилось. Комиссия из придворного хирурга и повивальной бабки установила, что у молодой четы отсутствуют супружеские отношения по вине мужа. Французский дипломат сообщал в Париж: «Великий князь, не подозревая этого, был не способен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым. Великая княгиня, которой он опротивел, и не чувствующая ещё потребности иметь наследников, не очень огорчалась этим злоключением». Хирургическое вмешательство помогло справиться с «крайней невинностью» влюбчивого великого князя, который стал отныне пользоваться своими мужскими возможностями...

Однако не было ли «излечение» лишь ширмой, за которой решалась важнейшая государственная задача производства легитимного наследника престола и продолжателя династии? Современные исследователи жизни Петра III и мемуаров Екатерины II О. А. Иванов и М. А. Крючкова склоняются к тому, что великому князю врачи могли помочь стать мужем, но не отцом — он был бесплоден. Сама же Екатерина отнюдь не была невинной овечкой (об этом речь пойдёт ниже). Как бы то ни было (и кто бы ни был отцом ребёнка), официально молодая чета свою миссию исполнила: 20 сентября 1754 года на свет появился долгожданный цесаревич Павел Петрович. К тому времени повзрослевшие Пётр и Екатерина уже стали чужими людьми: у каждого были свой круг друзей и свои интересы.

После рождения сына великая княгиня увлеклась секретарём английского посла, молодым польским графом Станиславом Августом Понятовским — галантным и образованным кавалером, а Пётр влюбился в юную фрейлину «молодого двора» графиню Елизавету Воронцову, некрасивую и грубоватую ба-

рышню, похожую, как утверждали злые языки, «на трактирную служанку самой низкой пробы». Секретарь французского посольства объяснял её успех тем, что «девица сумела так подделаться под вкус великого князя и его образ жизни, что общество её стало для сего последнего необходимым». Супруги не скрывали своих «предметов»; Понятовский вспоминал, как они ужинали вчетвером, после чего великий князь уводил Воронцову, говоря жене и её любовнику: «Ну, итак, мои дети, я вам больше не нужен, я думаю».

По мере взросления и приобщения к государственной деятельности Пётр Фёдорович вызывал у Елизаветы и её окружения всё большее беспокойство. Он не только выучился играть на скрипке, но одновременно стал, как подобает бравому офицеру, лихо курить и пить. Кавалеров и лакеев в его придворном войске сменили выписанные из отечества голштинские солдаты и офицеры. С началом Семилетней войны он вошёл в состав высшего государственного органа империи — Конференции при высочайшем дворе, разрабатывавшей планы военных действий против Пруссии и обсуждавшей отношения с союзниками — Австрией и Францией, вопросы комплектования и снабжения армии. Наследник же, преклоняясь перед Фридрихом II, заявлял, «что императрицу обманывают в отношении к прусскому королю, что австрийцы нас подкупают, а французы обманывают», и гордился тем, что курьеры из Пруссии привозят ему верную информацию. Елизавета вывела Петра из состава Конференции. Возник проект возведения на престол Павла, но осторожная императрица в конце жизни так и не решилась на это, а многие люди из её окружения стремились заранее обеспечить благосклонность великого князя. Поддержка со стороны Шуваловых вкупе с лояльностью жены (как-никак она становилась императрицей) и собственными усилиями по привлечению на свою сторону гвардейских офицеров обеспечили спокойный переход престола.

Как вспоминал позднее секретарь Петра III Д. В. Волков, он подготовил текст манифеста и присяги ещё при жизни Елизаветы. 25 декабря 1761 года наследник с супругой попросились с умиравшей, и в половине четвёртого вечера она скончалась. Новый император в преображенском мундире объехал построенные вокруг дворца гвардейские батальоны и обратился к ним: «Ребята, я надеюсь, что вы не оставите меня сегодня». Гвардейцы радовались: «Слава Богу, наконец после стольких баб, управлявших Россией, у нас теперь опять мужчина императором». Так триумфально началось новое царствование. Тогда никто не предполагал, что оно трагически завершится уже через несколько месяцев.

Несовпадение со временем

Начавшаяся с 1850-х годов публикация источников в цензурных и бесцензурных изданиях сделала тему правления Петра III и переворота в пользу его супруги открытой для исследования, несмотря на все усилия властей не допускать публичного оглашения неудобных для династии подробностей. Большинство авторов на основании ставших доступными материалов, в том числе весьма тенденциозных мемуаров самой Екатерины II, выносили Петру III однозначный обвинительный приговор.

Однако с начала 1990-х годов в науке наметилось другое направление (К. Леонард, В. П. Наумов, А. С. Мыльников), которое можно считать попыткой его посмертной реабилитации: историки отмечали великодушие и веротерпимость Петра, имевшиеся у него задатки государственного деятеля, делавшие его «слишком хорошим» для своего времени. Удалось по-иному представить фигуру необычного монарха, отрешившись от образа, навязанного «Записками» его жены-соперницы. Однако нередко симпатии к Петру как человеку без достаточных на то оснований переносились на отношение к главе государства.

За полгода его царствования в России был осуществлён целый ряд важных реформ (кстати, ставших основой для политики Екатерины II). В результате возник парадокс: не любивший и не понимавший Россию император стремился переиначить политику тётки — и в итоге устранял пережитки крепостнически-служилой модели российской государственности. Однако почему же «коалиция реформ» вокруг Петра III оказалась столь непрочной, а сам он так легко был свергнут во время очередного переворота? Ведь в 1761 году поддержка влиятельных «персон» (Н. Ю. Трубецкого, Шуваловых, Воронцовых) обеспечила ему беспрепятственный приход к власти — впервые с 1725 года, если не считать воцарения младенца Ивана Антоновича.

Канцлер М. И. Воронцов уже 25 декабря представил монарху предложения: объявить амнистию, «упустить» казённые недоимки, пожаловать треть годового жалованья армии и гвардии, скорее заполнить вакансии в гвардии и при дворе, проводить ежедневные заседания Конференции и обновить её состав. Царь решил показать характер и исполнил далеко не всё из предложенного, но первые кадровые перестановки произвёл сразу. Доверенное лицо П. И. Шувалова А. И. Глебов сразу же сменил Я. П. Шаховского на посту генерал-прокурора, командоватьграничной армией вместо фельдмаршала А. Б. Бутурлина стал П. С. Салтыков, а наиболее ярко проявивший се-

бя на заключительном этапе войны П. А. Румянцев срочно отзывается ко двору — у императора были на него особые виды.

При характеристике Петра обычно на первый план выставляются его прусские симпатии. Однако сам Фридрих II как раз полагал, что «император хотел подражать Петру I, но у него не было его гения». Стремление подражать своим знаменитым предкам — Петру I и Карлу XII — отмечали и близкие к императору люди, в том числе его учитель академик Я. Штелин и библиотекарь Мизере (впрочем, возможно, под этим псевдонимом скрывался тот же Штелин). О намерении следовать «стопам» Петра Великого свидетельствуют и манифест о вступлении на престол нового императора, и ссылки на распоряжения «вселюбезнейшего нашего деда» в указах нового царствования. Опытный царедворец Н. Ю. Трубецкой обострённым чутьём тут же уловил эту черту государя: по его инициативе была отчеканена медаль на похороны Елизаветы, где возносившаяся на небо императрица указывала на наследника со словами: «В нём найдёшь меня и деда».

Император желал противопоставить «слабой» политике тётки и её изнеженному двору иной стиль руководства в духе славного предка. В первые три месяца своего правления он вставал в семь часов утра, в восемь уже принимал доклады в кабинете, затем отправлялся на развод караулов или на парад, ездил по городу с посещением учреждений; после обеда следовали не менее активные развлечения — бильярд или поездки. Вечером император с избранными приближёнными запросто приезжал к кому-нибудь из своих вельмож на ужин, который затягивался до трёх-четырёх часов утра.

Пётр лично посещал коллегии и поставил их служащим задачу: решительными мерами «уничтожить все беспорядки», накопившиеся в предшествовавшее царствование. «Пора опять приняться за виселицы», — реагировал он на участвовавшие грабежи на столичных улицах. В секуляризации церковных и монастырских вотчин он видел завершение «проекта Петра Великого». Продолжал петровскую традицию и замысел «поднять мещанское сословие в городах России, чтоб оно было поставлено на немецкую ногу»; для этого предполагалось осуществить массовый «импорт» немецких ремесленников в качестве учителей и отправку русских в Германию для обучения «бухгалтерии и коммерции». Секретарь французского посольства Фавье считал, что царь следовал Петру I и Карлу XII «в простоте своих вкусов и в одежде»; княгиня Дашкова отмечала его ненависть «ко всякому этикету и церемонии». Молодой государь, отнюдь не красавец, по вступлении на престол, оценивая собственное изображение на новом рубле, заметил:

«Ах, как ты красив! Впредь мы прикажем представлять тебя ещё красивее».

Из подражания великим предкам — очевидно, совпадавшего со вкусами и темпераментом самого Петра III — вытекали и его шокирующие двор привычки: император сам удил рыбу в петергофских прудах, гулял по улицам столицы, «как бы желая сохранить инкогнито»; запросто заходил в гости к хорошо знакомым ему купцам и даже к своему бывшему камердинеру; прерывал все дела, чтобы помчаться тушить пожар. Своих придворных он заставлял пировать по поводу спуска на воду новых кораблей в тесноте их кают.

В начале мая 1762 года распорядок Петра III выглядел так:

«...2. Ученье артиллерии прусской в артиллерийском парке. Его императорское величество там немного простудился.

3—4. Его императорское величество оставался в своих покоях, будучи не совсем здоров. Этим временем он развлекался, рассматривая и выбирая всякого рода вазы, картины, мною взятые из *Casonne di Corona*.

5. Собрание и концерт вечером в галерее.

6. Спущены два военные корабля; один назван “Король Фридрих”, другой — “Принц Георг”. Большое собрание в Адмиралтействе и обед на корабле.

7. Отдых и малый стол за обедом. Вечером прогулка и ужин в Эрмитаже. Ночью серенады по улицам до 2 часов утра.

8. Обеденный малый стол. Вечером его императорское величество на сговоре полковника Опица в доме невесты.

9. Его императорское величество целый день на ученье своего Преображенского полка.

10. Вечером его императорское величество на голландском корабле капитана Волкенсблата в таможне для осмотра и выбора продававшихся картин. Его императорское величество ужинал у герцога Курляндского Бирона»²⁹.

Под стать петровским ассамблеям были и его вечеринки. Пётр-внук любил повеселиться в непринуждённой обстановке — и при этом непременно становился, как и дед, душой компании: устраивал, например, импровизированный оркестр из первых чинов двора — братьев Л. А. и А. А. Нарышкиных (обер-штальмейстера и обер-гофмейстера), обер-прокурора Сената П. Н. Трубецкого, Штелина и нескольких гвардейских офицеров или отправлялся майской ночью распевать по улицам серенады. Под звон стаканов в густом табачном дыму обсуждались международные новости и государственные дела. Содержание этих разговоров поутру уже разносилось по Петербургу и вызывало самые разные комментарии.

Елизавета тоже начинала своё царствование с реставрации

петровских учреждений, но вовремя остановилась; и уж вовсе не мыслила возрождать манеры поведения отца. Избранный её племянником стиль государственного руководства «а-ля Пётр Великий» оказался ему не под силу. Дед, человек железной воли и универсальных способностей, мог работать по 16 часов в сутки, контролировать десятки дел и поручений, мгновенно входить в суть любой проблемы, сочетать дела и пиршества, а во время последних не терять головы. Внуку ничего этого не было дано. Внешнее копирование образа жизни предка становилось дурной пародией, дворцовые приёмы превращались в офицерские вечеринки с певичками, после «бесед с Бахусом» устраивались игры для вельмож. Молодой офицер Андрей Болотов описывал развлечения двора:

«...государь был охотник до курения табаку и любил, чтоб и другие курили, и все тому натурально в угодность государю и подражать старались, то и приказывал государь всюду, куда ни поедет, возить с собою целую корзину голландских глиняных трубок и множество картузов с кнастером и другими табаками, и не успеет куда приехать, как и закурятся у нас несколько десятков трубок и в один миг вся комната наполнится густейшим дымом, а государю то было и любо, и он, ходючи по комнате, только что шутил, хвалил и хохотал.

Но сие куда бы уже ни шло, если б не было ничего дальнейшего и для всех россиян постыднейшего. Но та-то была и беда наша! Не успеют, бывало, сесть за стол, как и загремят рюмки и покалы и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все как маленькие ребяточки и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что, вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать: “ну! ну! братцы, кто удалее, кто сшибёт с ног кого первый!” — и так далее. А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звёздами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих? Хохот, крик, шум, биение в ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремели. Они должны были служить наказанием тому, кто не мог удержаться на ногах и упал на землю. Однако всё сие было ещё ничто против тех разнообразных сцен, какие бывали после того и когда дохаживало до того, что продукты бакхусовы оглуляли всех пирующих даже до такой степени, что у иного наконец и сил не было выйтить и сесть в линию, а гренадеры выносили уже туда на руках своих»³⁰.

Екатерина II утверждала, что её супруг в гневе даже порол приближённых розгами, «не стеснясь ничьим присутствием», чем вызвал изумление английского посла Кейта. Эта информация может и не соответствовать действительности; но то, что император, собравшись жениться на своей пассии Воронцовой, приказал прямо на парадном обеде арестовать жену, не вызывает сомнения. Лишь Георг Голштинский, дядя Петра, уговорил его отменить приказ.

К тому же возрождение духа «австерии времён Петра Великого» уже не совпадало со вкусами и привычками общества. Такое поведение более или менее естественно смотрелось бы при дворе Анны Иоанновны, рядом с её шутами и стрельбой из окон; но теперь оно уже выглядело совершенно неприемлемым. Милые Петру III кабацко-солдатская «демократичность» и простота нравов воспринимались как «безразборчивая фамилиарность», от которой в своё время предостерегала племянника императрица Елизавета. «Он не был похож на государя» — таковым было общее мнение; с этой оценкой вполне соглашались и образованная дочь вельможи Екатерина Дашкова, и аристократ Михаил Щербатов, и армейский поручик Андрей Болотов. Двор и столичное общество явно отвергали новый стиль государственного руководства, но Пётр этого не чувствовал.

«Великие перемены»

Пётр III не обладал и способностями предка по части выбора помощников, хотя старался приобрести популярность среди своего окружения, которое мгновенно это почувствовало. В бумагах канцлера Воронцова сохранилась его жалобная записка: «всеподданнейший бедный раб» сетовал на свой двухсоттысячный долг, из-за коего займодавцы причиняют ему сильнейшее «внутреннее беспокойство». Далее был помещён список желательных пожалований с указанием количества (28 тысяч) крепостных душ самому канцлеру, его родственникам Гендриковым и Ефимовским, а также ещё несколькими придворным. Следом составлен был второй такой список с просьбами о пожалованиях ещё 21 тысячи мужиков братьям Нарышкиным, И. И. Шувалову, А. Г. Разумовскому и И. И. Неплюеву.

Раздачи оказались скромнее, но всё же новым владельцам достались целые волости из дворцовых земель. Сам канцлер получил четыре тысячи душ, А. И. Шувалов — две тысячи «по его выбору», гофмаршал М. М. Измайлов — 1085, А. П. Мельгунов — тысячу. Родственники императора — его дядя, прусский

генерал Георг Людвиг Голштинский, и принц Пётр Гольштейн-Бекский — стали российскими фельдмаршалами; первый был назначен командиром Конной гвардии, второй — петербургским генерал-губернатором. Боевые генералы А. Н. Вильбуа, И. Ф. Глебов, П. А. Румянцев, З. Г. Чернышёв, П. А. Девиер были повышены в чине. Воспитатель Павла Н. И. Панин получил чин действительного тайного советника, адъютант государя и начальник кадетского корпуса А. П. Мельгунов — генерал-лейтенанта, секретарь Конференции Д. В. Волков — действительного статского советника.

Но несмотря на эти милости собрать надёжную «команду» Петру III оказалось не под силу. Со смертью в январе 1762 года опытного П. И. Шувалова влияние его клана пошло на убыль: с упразднением Тайной канцелярии отошёл в тень брат покойного А. И. Шувалов, а бывший фаворит И. И. Шувалов, судя по его письмам, сам теперь просил поддержки у Д. В. Волкова. Пётр III разделил свой Кабинет на «хозяйственное» отделение (его по-прежнему возглавлял А. В. Олсуфьев) и личную канцелярию, что сделало Волкова одним из самых влиятельных людей нового царствования. Однако сам он признавал, что не имел отношения к «делам придворным и комнатным». На руководящие посты при дворе выдвинулись члены прежнего «молодого двора» Л. А и А. А. Нарышкины, М. М. Измайлов вместе с компанией новых камергеров из бывших камер-юнкеров.

Министры Конференции во главе с канцлером представили императору проект указа о её сохранении «на прежнем основании». Опытный канцлер в своих докладах разъяснял, что «перемена системы» потребует согласованных действий всех ведомств и с ликвидацией Конференции эту роль не смогут взять на себя ни Сенат, ни Коллегия иностранных дел. Но Пётр решил иначе — 20 января Конференция была упразднена. Самого канцлера царь называл «французом», что в его устах можно считать ругательством.

Опытный канцлер оказался прав. В мае 1762 года Петру III пришлось срочно создавать очередной координационный орган — Императорский совет с правом принимать без его участия решения по делам «меньшей важности». В состав совета вошли Д. В. Волков, Георг Людвиг Голштинский и Пётр Гольштейн-Бекский, возвращенный из ссылки Б. Х. Миних, М. Н. Волконский, бывшие члены Конференции Н. Ю. Трубецкой и М. И. Воронцов, А. Н. Вильбуа, новый любимец императора А. П. Мельгунов, но зато не попали гетман К. Г. Разумовский, сенатор и отец фаворитки Р. И. Воронцов и генерал-прокурор Глебов. Можно предположить, что отстранение этих лиц стало одной из причин, приведших их на сторону Екатерины.

Перетасовка кадров и непродуманные решения усилили нестабильность в правящем кругу и, что важнее, не привели к созданию единого «штаба» в условиях начавшихся реформ. Им не стали ни Сенат, ни Кабинет, ни распушенная Конференция, ни даже Императорский совет, мнение членов которого Пётр III не всегда принимал во внимание.

Ключевые должности в центральном аппарате управления и губерниях сохраняли назначенные при Елизавете лица. Скромные перемены на статской службе Пётр компенсировал чинопроизводством военных: весной 1762 года появились семь новых генерал-аншефов, 23 генерал-лейтенанта и 62 генерал-майора — больше, чем за всё предыдущее царствование. Пристрастие к военным приводило к тому, что генералами становились придворные (Нарышкины, Дараганы) или назначенный начальником Канцелярии от строений И. И. Бецкой. Можно полагать, что массовым пожалованием император стремился обеспечить себе опору в армии перед планировавшейся войной с Данией. В один день (30 апреля) были отправлены в отставку руководители Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирал М. М. Голицын, адмиралы З. Мишуков и А. Головин, генерал-кригскомиссар Б. В. Голицын и контр-адмирал Д. Я. Лаптев. Адмиралом стал В. Льюис, вице-адмиралом — С. Ф. Мешерский, контр-адмиралом — А. И. Нагаев; контр-адмирал В. И. Ларионов был назначен генерал-кригскомиссаром. Главным по морскому ведомству Пётр III сделал произведённого им в вице-адмиралы С. И. Мордвинова, несмотря на наличие старших по званию.

Император торопился: обживал свои новые дворцы, награждал приближённых, мечтал преобразовать армию и флот, изменить всю систему внешней политики. Датский посланник сразу почувствовал, как изменилась атмосфера двора: «Всё пришло в движение, и во всём проявляется деятельность изумительная». Но царь не был способен реально контролировать ни своих генералов, ни министров, ни даже фаворитку: придворные имели удовольствие наблюдать «кухонные» сцены, когда ревнивая Воронцова называла российского императора «гадким мужиком», а тот в ответ требовал вернуть подаренные бриллианты. Любовница Петра была очень похожа на него самого — такая же непосредственная, но добрая и прямодушная. Она во всех отношениях уступала супруге императора — но подходила ему. Не случайно Пётр говорил молоденькой Екатерине Дашковой, своей крёстной и подруге жены: «Дочь моя, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон».

Подсчёт числа законодательных актов второй половины столетия показывает, что правление Петра III поставило рекорд по части законотворческой активности (он был побит в царствование Павла I): пять манифестов, 70 именных указов, два договора и 13 резолюций по докладам. Почти каждый второй день из 185 проведённых им на троне отмечался личным царским распоряжением, не считая сенатских указов. Интенсивность потока монаршей воли особенно заметна в первые месяцы царствования.

В январе 1762 года были упразднены должности провинциальных полицмейстеров, утверждены образцы монет, приняты решения о перечековке медных денег и снижении цены на соль, Сенат получил указ исполнять устные распоряжения императора, была ликвидирована Конференция, объявлено о рекрутском наборе и записи добровольцев в голштинские полки, беглым раскольникам разрешено вернуться в Россию и свободно отправлять богослужение, при Сенате открыт апелляционный департамент, помещики получили право переводить крестьян в другие уезды без санкции властей, Мануфактур-коллегия переехала из Москвы в Петербург.

В феврале был объявлен манифест о волюности дворянства, упразднена Тайная канцелярия, провозглашена секуляризация церковных и монастырских владений согласно елизаветинскому указу 1757 года, распущена Лейб-компания, создана комиссия по улучшению флота, беглым предоставлена возможность безнаказанно вернуться из-за границы, прекращена ссылка на каторгу в Рогервик на берегу Финского залива.

В марте было запрещено строить и иметь церкви в «партикулярных домах», созданы Коллегия экономии для проведения в жизнь секуляризации и «воинская комиссия» для преобразований в армии, утверждён новый штат гвардии, запрещено «бесчестно» наказывать солдат и матросов «кошками» и батогами. Предпринимателям больше не разрешалось покупать крестьян к мануфактурам, но зато вводились экономические свободы: подданные получили право торговать в Архангельске и вывозить из империи хлеб, отменялись казённые монополии на торговлю холстом и ревенем и монопольные торговые компании на Каспийском море. С 13-го числа начались заседания вызванных из провинции депутатов для обсуждения нового Уложения.

Но в апреле преобразовательный порыв утих: на смену серьёзным реформаторским актам пришли распоряжения об истреблении полицией «всех имеющихся в Санкт-Петербурге собак», срочном переименовании полков по именам их шефов и новых мундирах для полковых лекарей и живодёров.

Даже важнейшие акты нового царствования составлялись поспешно, оказывались не вполне продуманными, не был обеспечен контроль над их проведением в жизнь. «Епакта вольности российских дворян» (так назвал манифест от 18 февраля 1762 года обер-прокурор Сената П. Н. Трубецкой) не была подкреплена материальным обеспечением в виде монополии на заводы и ликвидации купеческого предпринимательства. Эти гарантии предполагались проектом нового Уложения, но составлявший манифест А. И. Глебов их вычеркнул. На практике получить «вольность» было не так просто; дела Герольдмейстерской конторы показывают, что при Петре III отставников по-прежнему определяли на «статскую» службу в качестве провинциальных воевод. Другие к ней не особенно стремились; многим ветеранам Русско-турецкой войны 1735—1739 годов идти было некуда, и они сами просили определить их «для пропитания» к монастырям.

Манифест о ликвидации Тайной канцелярии на самом деле предписывал только не принимать свидетельств от «колодников» и не арестовывать оговорённых без «письменных доказательств», но не отменял дел «по первым двум пунктам», о которых по-прежнему полагалось «со всяким благочинием» доносить «в ближайшее судебное место, или к воинскому командиру», или (в «резиденции») доверенным лицам императора Волкову и Мельгунову.

Объявленная секуляризация вообще не имела механизма реализации: только 21 марта 1762 года новый указ предписал создать при Сенате Коллегию экономии и отправить офицеров для описания церковных и монастырских вотчин, а инструкция им была готова лишь к середине апреля; сенатский указ поступил к монастырским властям только к лету. В итоге до самого свержения Петра III реформа так и не началась.

Составленная уже при Екатерине II сенатская ведомость об исполненных и неисполненных письменных и словесных указах её предшественника показала, что «неучинёнными» оказались не только секуляризационная реформа, но и указ о понижении пробы серебряных монет, и снижение цены на соль, и отмена каторги в Рогервике, и распоряжения о полицмейстерах, о «производении в секретари из приказных чинов» и другие повеления императора.

Некоторые из его распоряжений тут же приходилось корректировать. Так, указ о свободе торговли хлебом вызвал протест лифляндского губернатора Ю. Ю. Броуна в связи с неурожаем на подвластной ему территории, а Сенат представил подробный доклад, где указывал на невозможность свободного вывоза хлеба из Сибири. Другие царские инициативы тор-

мозились сенаторами, которые предполагали эти акты «предложить впредь к рассуждению», тем более что многие важные указы, в том числе о «вольности» дворянства, издавались без их участия. В мае сенаторы осмелились прямо возражать государю: указывали на невозможность немедленного изыскания огромных сумм на войну и ошибочность запрещения покупки меди для монетных дворов в то время, когда намечался массовый выпуск медных денег. В ответ царь запретил Сенату выступать с толкованием законов.

Архиереи издавали повеления во исполнение императорских указов, а затем саботировали их. Распоряжение о закрытии домовых церквей вызвало протест даже ближайших к Петру лиц. В результате храмы были оставлены в домах Н. Ю. Трубецкого, М. И. Воронцова и «генеральши Мельгуновой», что могло, пожалуй, только дискредитировать царя и его любимцев. Пётр посылал в Синод упрёки в неправосудии и «долговременной волоките» и повелевал: «Нашим императорским словом чрез сие объявляю, что малейшее нарушение истины накажется как злейшее государственное преступление, а сей указ не токмо для всенароднаго известия напечатать, но в Синоде и к настольным указам присовокупить»³¹.

В ответ по столице стали распространяться слухи о приказе императора уничтожить большинство икон в храмах и обрить бороды священникам (на деле же ничего подобного ни среди устных, ни среди письменных распоряжений Петра III нет). Но главной заботой императора весной 1762 года была война.

Война и деньги

Штелин считал апрель рубежом в политике своего бывшего ученика: с момента переезда в новый Зимний дворец тот лишь утром занимался государственными делами, а всё остальное время посвящал заботам об армии. Император видел себя восстановителем отечества, которым прежде всего считал родную Голштинию. Но для этого надо было прекратить затянувшееся противостояние с Пруссией, которое Пётр III считал принципиально ошибочным.

Этот шаг не был неожиданным для окружения царя. 23 января в докладе о международном положении страны Воронцов напомнил Петру об имевшихся договорах и их преимуществах для России (в виде австрийских субсидий и гарантий присоединения Восточной Пруссии) и предложил взять на себя почётную роль посредника-миротворца. С точки зрения канцле-

ра, все участники конфликта, в том числе и Англия, истощены войной; необходимо объявить союзникам о «новой системе» и «заставить каждого уменьшить свои требования».

Но император предпочёл действовать проще — приказал отозвать корпус З. Г. Чернышёва из австрийской армии. Почувствовавший конъюнктуру главнокомандующий П. С. Салтыков доложил, что согласился на предложенное противником перемирие, не дожидаясь указа из Петербурга. Такой рескрипт немедленно последовал, и переговоры завершились 5 марта подписанием перемирия.

Салтыков докладывал в Петербург о невыплате армии жалованья за 1761 год. Но Пётр уже 18 февраля повелел Военной коллегии полностью укомплектовать людьми и лошадьми Померанский корпус. Его командир П. А. Румянцев был вызван в столицу, где получил рескрипт о подготовке войск «к известному назначению» — войне с Данией, которая, по утверждению Волкова, «всегда была решённым делом».

Датскому послу в России графу Гакстгаузену было указано на то, что от упорства в голштинском вопросе «могут крайние, но лехко ещё теперь упреждаемые последовать бедствия». 17 марта на ужине во дворце А. Г. Разумовского император «изъявил своё намерение объявить войну Дании» прямо в присутствии датского дипломата. Бряцание оружием началось как раз в то время, когда союзники русского императора получили его декларацию от 8 февраля 1762 года с отказом от «тягостных» обязательств по отношению к ним и намерением заключить мир даже ценой потери всех «приобретений». Прибывший в Петербург прусский посол и адъютант короля Фридриха барон Бернгард Вильгельм фон дер Гольц при полном одобрении императора взял процесс мирных переговоров в свои руки.

У этой политики были свои сторонники. Честолюбивый Румянцев начал подготовку сулившего новые лавры похода и уже 31 марта рапортовал, что его полки «в готовое состояние к походу приведены». Эта новость, очень желанная при дворе, не соответствовала действительности, как следует из позднейших рапортов самого Румянцева. Стремился в поход молодой гвардеец Семён Воронцов; его брат Александр, только что назначенный в 21 год послом в Лондон, также одобрял «столь благополучные начала» нового царствования. Молодой дипломат, готовый «жизнью своею заслужить» столь высокую монаршую милость, сообщал дяде о блестящем начале своей карьеры: сам Фридрих II «доволен сделать мне знакомство».

Император поставил перед новым послом неразрешимую задачу — вновь привлечь Англию к союзу с Пруссией и возобновлению выплаты Фридриху II субсидии, от чего британский

кабинет как раз решил отказаться. А Пётр III лучшим средством дипломатического воздействия считал угрозу, что Россия «следующие товары отнимет у Англии, а именно пеньку, мачтовые деревья, медь, железо и конопляное масло, без которых англичане не могут обойтись».

Столь же бесцеремонной стала русская политика в отношении вчерашних союзников. Саксонского посланника Прассе император принял, по выражению самого дипломата, «как нищего». Австрийская дипломатия стремилась любой ценой сохранить союз и даже предложила денежную субсидию для войны с Данией, но всё оказалось напрасным: посол граф Мерси передал в Вену высказывания императора о том, что Фридрих без труда «разделается» с австрийскими войсками.

После затяжной паузы в русско-австрийских отношениях 2 мая последовал зашифрованный рескрипт послу в Вене Д. М. Голицыну, содержащий обвинения Австрии в том, что война ведётся из-за «упорства» Марии Терезии, и недвусмысленно указывавший объявить о посылке русских войск на помощь Фридриху II. В тот же самый день резиденту в Стамбуле А. М. Обрескову предписывалось «внушить искусным образом» туркам, что они могут начать войну с Австрией, в которую «мы... ни прямо, ни стороною мешаться не будем», отчего турецкие министры пришли в «великое удивление».

Все попытки канцлера и даже близкого к Петру III Волкова воспрепятствовать заключению мира под диктовку Фридриха отвергались. В итоге по подписанному 24 апреля договору Россия безвозмездно возвращала Пруссии все захваченные территории, а кроме того, направляла на помощь королю русский корпус Чернышёва. Мир действительно был необходим — но в первую очередь не России, а Пруссии, которую бросил союзник (в мае 1762 года английский парламент отказался далее предоставлять субсидии). Захваченные русской армией прусские земли могли бы стать предметом торга и с ослабленной Пруссией, и с Речью Посполитой. Пожалуй, Пётр на завершающем этапе Семилетней войны мог бы сыграть роль арбитра для истощённых войной держав. Но выход из войны был осуществлён самым неуклюжим способом, представлявшим Россию не только плохим союзником, но и лицемерным агрессором.

Пётр был убеждён, что достаточно военных приготовлений вместе с дипломатическим демаршем, чтобы заставить Данию капитулировать. Испуганный король Фредерик V даже написал особую молитву, с которой обращался к Господу: «Твой червь, прах и пепел». Но донесения из Копенгагена сообщали, что, несмотря на «ужас и беспокойство» народа, там полным

ходом шли подготовка флота из тридцати линейных кораблей и восемнадцати фрегатов, переброска войск в Шлезвиг и подготовка припасов. Стало ясно, что предстоит не демонстрация силы, а настоящая война, к которой не были готовы ни дипломаты, ни армия.

Возражал даже обычно не решавшийся перечить Воронцов. Как следует из его доклада от 12 апреля, канцлер не только назвал предстоявшую кампанию «химерической», но и отстаивал своё мнение («иного сказать не могу»), поскольку воевать без сильного флота, «довольных магазинов», а главное — без «великих сумм» не считал реальным. Корпус Чернышёва отправился на помощь прусской армии, а войска Румянцева на протяжении апреля и мая только укомплектовывались людьми и лошадьми, и в полках даже началось дезертирство из-за отсутствия денег.

Мечтавший о славе император столкнулся с проблемой финансирования и материально-технической подготовки армии к войне вдалеке от собственных границ с противником, обладавшим превосходством на море. Вступив на престол, Пётр III обнаружил в закромах Кабинета не менее полумиллиона рублей наличными и значительную сумму в виде слитков золота и серебра с императорских заводов на Алтае. Сразу последовали щедрые траты: 150 тысяч рублей на строительство Зимнего дворца, 60 тысяч — на любимый Ораниенбаум, столько же предполагалось потратить на намечавшуюся на сентябрь коронацию; 20 тысяч получила в качестве «пенсии» фаворитка. Для самого императора выписывались импортные обновки: «кафтан серебряной с бархатными алыми с зелёным цветочками» за 270 рублей, бархатные кафтаны по 80 рублей, а всё прочее с доставкой обошлось почти в десять тысяч.

Наличные запасы быстро были исчерпаны: уже в январе Пётр пустил на расходы 120 тысяч рублей, предназначенных наследнику Павлу, и прекратил оплату счетов покойной тётки частным лицам. Документы Камер-коллегии показывают, что недостающие на достройку Зимнего дворца 100 тысяч пришлось искать проверенным способом — по всем кассам, включая Тульскую провинциальную канцелярию, которая оплатила изготовление дворцовых замков и «шпаниолетов». Зато такую же сумму Пётр распорядился выделить «для перевода в Голштинию».

Принятое ещё в январе решение о переделке медных монет и понижении пробы серебряных пока не дало результатов, зато только текущие расходы заграничной армии исчислялись в феврале 3 338 502 рублями. Судя по расходным ведомостям Кабинета, личные траты императора были умеренными, одна-

ко обстановку нового дворца и экипировка голштинской гвардии требовали немалых средств. Екатерина II до 1767 года расплачивалась по счетам покойного супруга за мундиры, позументы и прочую амуницию, за посуду, мебель, книги.

Для жаждавшего стяжать военные лавры государя отсутствие денег стало ударом — для ведения военных действий против Дании необходимо было срочно изыскать около четырёх миллионов. Времени не было. Отказ от летней кампании означал потерю преимущества внезапности. Все начатые реформы отошли на задний план, главной стала «битва за финансы».

В апреле от Синода потребовали срочно сдать всех годных к службе лошадей с вотчинных конских заводов. В мае император распорядился перечеканить в монеты всё имевшееся в Кабинете золото и серебро, затем пустил «в расход» 300 тысяч рублей таможенных сборов и собственное жалованье полковника гвардии. Но ни экономия, ни текущие поступления не могли восполнить нехватку средств. 3 мая 1762 года Мельгунов и Волков от лица императора объявили Сенату о необходимости срочно «сыскать» на военные расходы в 1762 и 1763 годах восемь миллионов рублей «сверх штатного положения» — огромную сумму, больше половины годового бюджета. Этим Пётр дал понять, что решился не на военную демонстрацию, а на настоящую и, возможно, затяжную войну.

Сенат рапортовал о некоторых внутренних резервах — в частности, поступавшем из Нерчинска золоте и серебре, но основной источник поступления средств видел только в бесперебойной работе монетных дворов по перечеканке медных и серебряных денег с понижением веса медных монет (изготовлением из пуда меди не 16, а 32 рублей) и ухудшением пробы серебряных. Но 6 мая сенаторы доложили, что в любом случае доходы начнут поступать не ранее сентября, и видели единственный выход в займе у голландских купцов.

Восемнадцатого мая Императорский совет на первом же своём заседании решал сразу обе проблемы — военную и финансовую. В отношениях с Данией предстояло действовать «силою»: занять для начала мекленбургские города Росток, Висмар и Шверин, дабы обеспечить тылы будущего наступления. Расходы же предполагалось покрыть за счёт выпуска бумажных денег — «банковых билетов» на пять миллионов рублей. 23 мая появился именной указ Петра III о подаче всеми учреждениями в двухнедельный срок ведомостей о расходовании полученных средств.

Двадцать первого мая Румянцев получил приказ императора ввести десять тысяч солдат в Мекленбург. В этом документе

война считалась уже «декларованной», хотя лишь 24-го последовал рескрипт русскому послу в Копенгагене И. А. Корфу о предъявлении Дании ультиматума о немедленном возвращении «похищенных земель». В качестве уступки русская сторона соглашалась на переговоры в Берлине при посредничестве прусского короля, но при условии их продолжительности не более семи дней. Такие решения Петра III вызвали протест даже у членов Императорского совета. 30 мая они подали государю «записку», в которой подчеркнули неготовность армии к немедленному выступлению. Советники предлагали разумный выход: выступить следующей весной, когда будут исчерпаны все дипломатические средства и появятся «надёжные пласдармы и достаточные магазины», а до того момента действовать «одними казаками» для разорения датских владений. Даже лучший друг Фридрих II уговаривал Петра не выступать в поход до коронации. Но все старания были напрасны. На предостережения прусского короля его «добрый брат и союзник» отвечал:

«Ваше величество пишет, что, по вашему мнению, по отношению к народу я должен короноваться прежде, нежели ехать в армию. Надобно, однако, Вам сказать, что так как война эта почти уже началась, то я не вижу вовсе средства короноваться прежде, именно относительно самого народа, так как я не могу совершить коронования с великолепием, к которому привык народ. Я не могу короноваться, потому что ничего не готово и ничего за скоростью нельзя здесь найти. Что же касается принца Ивана, он у меня под крепкой стражей, и, если бы русские хотели мне зла, они бы давно могли бы мне сделать, так как я вовсе не остерегаюсь, предаю себя на сохранение Богу, хожу пешком по улицам... Могу вас уверить, что, когда умеют взяться за них (русских. — *И. К.*), то можно на них положиться»³².

Последнее представление императору было подготовлено М. И. Воронцовым 10 июня 1762 года. В нём ещё раз изложены аргументы против задуманного похода: части Румянцева выступили, «положа на отвагу», поскольку имеют провианта только до 1 июля, взять же его в Мекленбурге неоткуда: отправленные транспорты задержаны встречным ветром, а два корабля разбиты штормом. Война будет стоить не менее десяти миллионов рублей, первые же доходы от перечеканки могут поступить только в сентябре, но медная русская монета за границей бесполезна. Канцлер умолял императора не рисковать своей «героической славой», ибо «скорому походу армии противится непреодолимая натура вещей и поправление тому зависит не от искусства и ревностных распоряжений, но почти единственно от времени».

Мы не знаем, дошло ли это обращение до императора; во всяком случае, на его действия оно никак не повлияло. Армии не хватало ни времени на подготовку, ни средств. Правда, в начале июня войскам наконец стали выплачивать задержанное жалование: в заграничную армию перевели 1 миллион 240 тысяч рублей. Но получить остальные миллионы было неоткуда. 5 июня Сенат объявил о невозможности представить в срок сведения о штатах и расходах, а 14-го донёс: амстердамские банкиры Клиффорд и Гопп запрошенный заём в размере трёх или четырёх миллионов рублей «изыскать не в состоянии». Одновременно Адмиралтейство сообщило, что военные корабли из Архангельска не смогут прибыть к датским берегам раньше осени.

Третьего июля Румянцев писал в донесении Петру III, не зная о его свержении, что до сих пор не может выступить. Инициативу перехватили датчане: их войска окружили пограничный Гамбург, взяли с него «добровольный заём» в миллион талеров и готовились встретить русскую армию на заранее выбранных позициях. Румянцев пришёл «в крайнее отчаяние», но император был готов идти до конца, невзирая ни на какую «неодолимую силу вещей». Манифест царя от 5 июня объявлял о немедленном сборе с архиерейских и монастырских крестьян годового оброка. 8-го числа был заключён союзный договор с недавним противником: в обмен на гарантию сохранения за Пруссией Силезии Фридрих обещал царю пятнадцатитысячный корпус для похода на Данию. В июне были уже готовы образцы бумажных денег номиналом в 1000, 500, 100, 50 и 10 рублей; предполагалось, что их первая партия будет выпущена на общую сумму в два миллиона.

За два дня до переворота, 26 июня, царь потребовал от Сената «неотложно собрать» с вельмож из его окружения все розданные им из государственных заёмных банков и просроченные ссуды. В тот же день Адмиралтейство получило указ немедленно строить необходимые корабли и брать для этого людей «от партикулярных работ». Коллегия иностранных дел должна была обеспечить выезд канцлера и дипломатического корпуса в армию — царь намеревался продемонстрировать свои полководческие таланты. С собой он брал гвардейский отряд из четырёх батальонов и трёх эскадронов, для которых был даже разработан маршрут следования...

Смерть в Ропше

Политика Петра III, его «стремительное желание завести новое» (по замечанию повзрослевшего наследника Павла) и сам повседневный стиль жизни монарха вызывали неизбеж-

ное отторжение у бюрократических структур, двора и гвардии — тех самых сил, которые являлись основной его опорой в самодержавной системе.

Книга приказов 1762 года по Семёновскому полку свидетельствует, что с первых дней царствования Пётр III повёл наступление на гвардейские вольности. 1 января он приказал военным новые мундиры «иметь недлинные и неширокие, и рукава б у тех были узкие с малинками обшлагами, так как пред сим во всей армии имелись». Офицерам было велено носить «белые волосяные банты», белые штиблеты и салютовать эспонтонами, а солдатам — новые шляпы «против опробованных». На вахтпарадах царь следил, чтобы у офицеров «воротники у кафтанов вплоть пришиты были», а солдат учил «держат ружья опуствя вдоль руки на правом плече круче». Недовольный выправкой гвардейцев, Пётр приказал офицерам лично обучать каждого солдата «в своих покаях» и маршировать по «расписанию темпов». Он распорядился и о том, чтобы «солдатские жёны вина не выносили». Все эти указания были получены от императора за первые две недели 1762 года.

В марте было приказано завершить переобмундирование; при этом сукно офицерам велено покупать «от себя», а за новые аксельбанты вычитать из жалованья. «Постройка» новых мундиров продолжалась до июня и обошлась, например, Преображенскому полку в 69 тысяч рублей, которые так и не были выплачены служивыми даже к концу года. Новая офицерская форма «со всем прибором» тянула на огромную для небогатого дворянина сумму — 130 рублей. Уже после переворота командование просило избавиться от вычетов за мундир всех, у кого было меньше двухсот душ. Но ведь кроме парадного или «богатого» мундира офицеров обязали сделать себе и обычные «вицмундиры».

Полковые бумаги говорят, что вслед за введением новых штатов и формы в полках начался «полковой строй» — частые учения по только что отпечатанному уставу. Премудростям новой «экзерциции» пришлось обучаться и восемнадцатилетнему рядовому-преображенцу Гавриле Державину (он и на склоне лет помнил, «как он платил флигельману за ученье некоторую сумму денег»), и его командиру — опытному придворному Никите Трубецкому. Одно за другим следовали замечания: о ношении шпаг, сделанных только «по образцу»; о немедленном «выбелении» древков у алебард и даже о запрещении накладных усов — сей признак доблести велено было отращать естественным образом.

Гвардейских гуляк приказано было отлавливать специальному караулу, поставленному у самого популярного кабака

«Звезда», увековеченного в стихах служившего в те времена в Семёновском полку поэта В. И. Майкова:

Против Семёновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими вороты,
До коего с Тычка не близкая езда;
То был питейный дом называнием «Звезда»...
Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замёрзлы губы,
Четвёртый исчислял, не все ль пропали зубы
От поражения сторонних кулаков.

Такое покушение на «русский дух» вместе с ужесточением дисциплины и дорогостоящим переодеванием не добавляло императору гвардейских симпатий. Но дело было не только в муштре. Штелин совершенно определённо сообщал о планах Петра преобразовать гвардейские части, которые «блокируют резиденцию, неспособны ни к какому труду, ни к военной экзерциции и всегда опасны для правительства».

Уже в марте император распустил елизаветинскую Лейб-компанию. В мае командир Преображенского полка Н. Ю. Трубецкой распорядился выпустить в армию всех «неспособных, малорослых, собою гнусных», а также «недостаточных» солдат и унтер-офицеров. Военная коллегия повелела начать пополнение полка солдатами из армейских полков и гарнизонных частей; первая партия в сотню человек из Астраханского гарнизона уже была вытребована в столицу. Одновременно развернулась вербовка в «голландские» войска, и к моменту переворота в Ораниенбауме содержались первые 224 новобранца из «малороссиян». Пётр III форсированно создавал не просто ещё одну гвардейскую часть, а принципиально новый десяти-тысячный корпус, который со временем должен был неизбежно заменить «старые» полки.

Девятого июня царь отказался от звания полковника трёх пехотных полков гвардии; новыми полковниками стали Н. Ю. Трубецкой, А. И. Шувалов и К. Г. Разумовский. Отменены были даже обычные символы императорского внимания — «именинные и крестинные деньги», которые теперь было приказано причислять к жалованью. Подобные акции могли только усилить недовольство в полках. Но государь ничего не замечал. Он облегчил задачу своим противникам тем, что отбыл 12 июня в любимый Ораниенбаум, забрав с собой наиболее надёжных своих приверженцев. Последний, отданный 25 июня царский приказ об отправке сводного отряда гвардейцев на заморскую войну оказался как нельзя кстати организаторам заговора; к тому же гвардейцам не на что было

выступать, и полковое начальство 26 июня срочно просило выдать десять тысяч рублей.

В Ораниенбауме Императорский совет принял — уже без возражений — последние решения о срочном сборе средств на войну, немедленной «здаче королевства Прусского» немецкой администрации, создании «походной канцелярии». 27 июня на его последнем заседании был утверждён список царского «поезда» из 150 карет, фур и кибиток для следования до курляндской Митавы и далее в действующую армию. Но выступить в поход уже не пришлось.

Утром 28 июня Пётр III не подозревал, что его власть уже не распространяется за пределы резиденции. Он ещё успел провести «экзерцицию» своих войск и пожаловать тысячу душ М. Л. Измайлову и мызы в Лифляндии бригадирам Дельвигу и Цеймарну. Только при отъезде в Петергоф он получил первое известие об исчезновении супруги. Несколько часов ушло на совещания и рассылку уже бесполезных распоряжений в армейские и гвардейские полки. Даже предложенное Гольцем бегство к действующей армии было невозможным. Приказ о присылке из ямских слобод пятидесяти лошадей дошёл по назначению уже тогда, когда его никто не собирался исполнять.

Императора могли спасти либо бросок в Кронштадтскую крепость, либо следование совету опытного Миниха: «явиться перед народом и гвардией, указать им на своё происхождение и право, спросить о причине их неудовольствия и обещать всякое удовлетворение». Но на последнее Пётр не был способен, а на первое решился только к ночи. Однако к тому времени прибывший в Кронштадт адмирал Талызин уже привёл моряков и гарнизон крепости к присяге Екатерине и выдал каждому по «порционной чарке». Приплывший со свитой Пётр III после двух попыток высадиться вынужден был отправиться обратно. Хроника событий изложена в записках Я. Штелина:

«28-го июня назначен был у государыни обед в Монпле-зире (в Петергофе). В два часа приехал туда Пётр и нашёл дворец пустым: Екатерина ещё в пять часов утра, втайне от своих приближённых, отправилась в Петербург. Из свиты Петра князь Н. Ю. Трубецкой, граф М. Л. Воронцов и граф А. И. Шувалов едут туда же за известиями. В 3 часа государь и прибывшие с ним едут к каналу за дворцом и узнают от причалившего фейерверкера (поруч. Бернгорста) о начавшемся в Петербурге, с утра, волнении в Преображенском полку. По слуху, что возмущением руководит там гетман К. Г. Разумовский, посылают за А. Г. Разумовским в Гостилицы. Решено ехать в Кронштат, как скоро получатся известия из Петербурга. Разсылаются в разные стороны указы, кото-

рые тут же и пишутся, особенно Волковым с писарями; посланные с ними не возвращаются. Пётр, несмотря на представления приближённых, посылает в Ораниенбаум за голштинскими войсками в намерении защищаться. В 8 часов вечера прибыли эти войска. В 10 часов вечера же, по возвращении из Кронштата отправленного утром князя Барятинского, решаются плыть туда; голштинские полки отсылаются назад в Ораниенбаум. В 1-м часу ночи галера и яхта приблизились к Кронштатскому рейду, но им велят удалиться с угрозой стрелять. После тщетных попыток войти в гавань они поспешно отъезжают обратно к Ораниенбауму, но яхта опережает императорское судно и уходит в Петергоф. В 3 часа ночи государь возвращается в Ораниенбаум и идёт сначала в малый дворец, а потом перебирается в большой, распустив гарнизон, по просьбе дам. В Петергофе ходят страшные слухи о том, что делается в Петербурге, где такие же слухи об Ораниенбауме. В 5 часов утра 29-го числа в Петергоф приходит из столицы гусарский отряд под начальством поручика Алексея Орлова; до полудня прибывают оттуда же полки один за другим и располагаются вокруг дворца. Гусары спешат в Ораниенбаум и там занимают все входы и выходы. В 11 часов в Петергоф прибыла императрица верхом в гвардейском мундире и с ней одетая таким же образом княгиня Дашкова; Екатерину войско принимает восторженно, с криками ура и пушечною пальбою. Г. Г. Орлов и генерал-майор Измайлов отправлены в Ораниенбаум за императором. В 1-м часу они привезли его и высадили в дворцовом флигеле. На всё ему предложенное он изъявил согласие. Около вечера он отправлен в Ропшу, а императрица в 9 часов выехала из Петергофа и в следующий день около полудня имела торжественный въезд в столицу»³³.

К семи утра в Петергоф и Ораниенбаум вошли передовые части войск, вечером 28 июня отправившихся во главе с Екатериной в поход на резиденцию «бывшего императора». Несколько часов спустя Пётр подписал отречение от престола, копию которого его супруга отправила в Сенат, за что получила оттуда благодарность «с крайним восхищением» от имени всего общества; подлинник же до сих пор не найден. По донесению Гольца, император отрёкся «при условии, что он сохранит свою свободу и управление своими немецкими владениями»; но даже сам дипломат не был уверен в достоверности этих сведений. Что же касается «своеручного» отречения, то где и когда Пётр подписал его и почему оно было обнародовано только после его смерти, непонятно. Однако уже к вечеру того же дня свергнутый император был отправлен под конвоем к месту последнего заключения — в пригородную «мызу» Ропшу.

Официальная версия последних событий в жизни Петра III изложена в манифесте его жены:

«Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем чрез сие всем верным подданным. В седьмый день после принятия нашего престола всероссийского получили мы известие, что бывший император Пётр Третий, обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христианского и заповеди святой, которую мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тот час повелели отправить к нему всё, что потребно было к предупреждению следств из того приключения опасных в здравии его, и к скорому вспоможению врачеванием. Но к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался»³⁴.

Трагическая судьба пленника сразу же вызвала немало вопросов и версий относительно обстоятельств его смерти и степени участия в ней самой Екатерины и её окружения. Уже современники отвергали официальную причину и дату смерти Петра: пастор А. Бюшинг, датский дипломат А. Шумахер, немецкий барон А. Ф. Ассебург (со слов Н. И. Панина) и ювелир И. Позье независимо друг от друга называли днём его кончины 3 июля, Штелин — 5 июля. Разошлись во мнениях и историки. Большинство придерживается официальной даты. Однако недавно обнаруженные в библиотеке Зимнего дворца документы караула Ропши могут считаться свидетельством того, что к 5 июля Пётр был уже мёртв: для облачения тела понадобилось тайно и срочно доставить из Ораниенбаума его голштинский мундир.

Что же касается организации «прежестокой колики», то как бы ни хотелось иным авторам видеть в происшествии только «пьяную нежданную драку» с последующим раскаянием, поверить в это трудно. Однако и сейчас мы можем только гадать, произошла ли гибель монарха с молчаливого согласия его супруги или без него — или, напротив, явилась результатом действий заговорщиков, желавших обезопасить себя и связать руки императрице.

Приходится согласиться с мнением прусского посла Гольца, 10 августа доложившего в Берлин: «Невозможно найти подтверждение тому, что она лично отдала приказ об убийстве», — но подчеркнувшего, что эта смерть слишком выгодна тем, «кто управляет государством сегодня». В числе этих лиц находились не только Орловы, но и Н. И. Панин. Теперь он не

только занимался воспитанием наследника, но и заседал в Сенате, приступил к делам внешнеполитическим и стал чем-то вроде шефа службы безопасности: именно Никита Иванович отправлял в Ропшу Петра, ведал охраной другого царственного узника — Ивана Антоновича — и возглавлял целый ряд следственных комиссий по политическим делам.

Своевременно появился манифест от 6 июля, предварявший сообщение о смерти императора. Составители документа собрали всевозможные претензии в адрес свергнутого государя: «расточение» казны, «потрясение» православия, «ниспровержение» порядка, «пренебрежение» законами, приведение страны «в совершенное порабощение» — и даже абсолютно лживые обвинения в «принятии иноверного закона» и намерении «истребить» жену и сына-наследника. В официальном российском учебнике истории, вышедшем в самом конце столетия и переиздававшемся в течение четверти века, указывалось, что Пётр III естественным образом «скончался в июле 1762 года». В других подобных сочинениях щекотливость ситуации компенсировалась изяществом стиля: добрый государь, «слыша, что народ не доверяет его поступкам, добровольно отрёкся от престола и вскоре затем скончался в Ропше».

Пётр III был похоронен без всяких почестей в Александроневской лавре, поскольку так и не был коронован и формально не мог быть погребён в императорской усыпальнице — Петропавловском соборе.

Оставаться бы ему в родной Голштинии — и судьба «простака» сложилась бы иначе. Он вполне вписался бы в ряд подобных эксцентричных владетелей карликовых княжеств в пору *ancient regime*: чудил в меру и развлекался, ссорился с соседями и подданными, но без большого ущерба по причине ограниченных возможностей. Но для политического механизма самодержавия внук Петра I оказался непригоден — «эпоха дворцовых переворотов» ломала и более сильные фигуры. Однако по иронии судьбы свергнутый и убитый герцог оставил династии своё имя: его потомки отныне официально числились Романовыми-Гольштейн-Готторпскими; герб маленького герцогства вошёл в состав родового герба Романовых и Большой герб Российской империи.

Осталась и другая память о свергнутом императоре, которую сам Пётр III едва ли одобрил бы: его имя стали принимать российские самозванцы. Образ безвинно изгнанного государя начал самостоятельное существование и доставил Екатерине II куда больше хлопот, чем его прототип. Самым знаменитым из нескольких десятков «императоров» стал донской казак Емельян Пугачёв, почти на равных сражавшийся с Екатериной II в 1773—1774 годах.

Глава десятая
«ЗАКОННАЯ МОНАРХИЯ»

*Ты в лучшем веке жил. Не столько просвещённый,
Являл он бодрый вкус и ум неразвращённый...
Сей благодатный век был век Екатерины.*

Е. А. Баратынский

Рассудительная принцесса

История Екатерины II была бы похожа на сказку про бедную немецкую принцессу, превратившуюся волею судеб в великую российскую императрицу. Но вместо случая были многолетний труд, воля, терпение, гибкий ум и необходимое для политика чувство меры. Правда, начинался её путь к власти почти как в сказке.

Племяннику российской императрицы Елизаветы Карлу Петеру Ульриху из Голштинии, объявленному наследником престола, надо было подобрать жену из приличного дома, но без амбиций. Раздробленная на сотни княжеств Германия была в XVIII столетии «ярмаркой невест» для европейских дворов. Руководитель внешней политики России А. П. Бестужев-Рюмин предлагал сватать дочь союзника, польского короля и саксонского курфюрста Августа III. Придворная «партия» во главе с лекарем Лестоком внушала императрице, что брать жену из почтенной династии, да к тому же католичку, опасно. В итоге Елизавета Петровна выбрала племяннику дочь ещё более мелкого, чем он сам, немецкого владетеля Христиана Августа Ангальт-Цербстского Софию Фредерику Августу, чем был весьма доволен прусский король Фридрих II, опасавшийся союза России и Саксонии.

Двадцать восьмого июня 1744 года невеста перешла в православие и получила имя Екатерина Алексеевна, став полной тёзкой матери императрицы. Инфантильный жених впечатления на неё не произвёл, но значения это не имело. 21 августа 1745 года она была обвенчана с великим князем Петром Фёдоровичем. Разумная и честолобивая барышня, в отличие от мужа, ни по родному Штеттину, ни по фамильному Цербсту не тосковала, поняв, что у неё появился шанс превратиться в нечто большее, чем бедную немецкую принцессу. Впоследствии

она писала: «В ожидании брака сердце не обещало мне много счастья. Одно честолюбие меня поддерживало; у меня в глубине сердца было что-то такое, что никогда не давало мне ни на минуту сомневаться, что рано или поздно я сделаюсь самодержавной повелительницей России».

Пока же будущей Екатерине Великой приходилось уживаться с мальчишкой-мужем, краснеть из-за своих туалетов и оправдываться за долги: «Во-первых, я приехала в Россию с очень скудным гардеробом. Если у меня бывало три-четыре платья, это уже был предел возможного, и это при дворе, где платья менялись по три раза в день; дюжина рубашек составляла всё моё бельё; я пользовалась простынями матери. Во-вторых, мне сказали, что в России любят подарки и что щедростью приобретёшь друзей и станешь всем приятной».

Екатерина «решила очень бережно относиться к доверию великого князя, чтобы он мог, по крайней мере, считать меня надёжным для него человеком, которому он мог всё говорить, безо всяких для себя последствий». Она старалась расположить к себе окружающих, начиная от слуг и кончая придворными: «И в торжественных собраниях, и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала о их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы о их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей; сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренне их благодарила. Я знала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял её от моего имени и подносил цветы и плоды из оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разнеслась по всей России. Самым простым и невинным образом составила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство». Насчёт «всей России» и тем более «великой славы» можно и усомниться, но для скромной немочки вхождение в высший свет чужой огромной империи на самом деле было большой победой.

Другой «тихой» победой явилось становление личности будущей правительницы империи. В те времена барышни читать ещё не привыкли и во всяком случае предпочитали соответствующую чувствительную литературу. По уровню образования Екатерина едва ли не уступала мужу. Устроенный шестнадцатилетней принцессе «экзамен» показал, что она умеет «по немецки писать и читать с ошибками многими; по французски го-

ворить, писать и читать хорошо; из арифметики слагать несколько и умалить худо; из Закона Божьего по лютеранскому исповеданию молитвов по немецки с десять знает худо, а Священному Писанию не учена вовсе; танцевать изрядно способна, а сверх того иному ничему не научена».

Но в отличие от супруга, с облегчением вырвавшегося из-под тяжёлой руки преподавателей, не обременённая знаниями принцесса сохранила любознательность. Она не тратила время зря: выучила русский язык, хотя до конца своих дней писала с ошибками, и много читала. Сначала — мемуары и сочинения об эпохе славного французского короля Генриха IV; затем перешла к более серьёзным трудам — «Историческому и критическому словарю» французского мыслителя Пьера Бейля, «Истории Германии» в девяти томах, «Всемирной истории» Вольтера, «Деяниям церковным» кардинала Цезаря Барония в русском переводе. Екатерина изучила знаменитую книгу Монтескьё «Дух законов» и труды других идеологов Просвещения — Дидро, Гельвеция, сочинения по истории, экономике, юриспруденции, штудировала античную классику — «Летописи» Тацита. «Последнее сочинение, — говорила она, — произвело в моём уме странный переворот, которому, может быть, немало способствовало тогдашнее грустное моё расположение. Я стала видеть многое в тёмном свете и отыскивать в предметах, представлявшихся моим взорам, более глубокие причины, зависевшие от разнородных интересов».

Восприимчивый ум и хорошая память помогли ей стать одной из самых образованных женщин своего времени. Но брак оказался несчастливym — слишком разными были молодые супруги. Будущий император России больше всего на свете любил свою милую Голштинию, а жена не разделяла его любви к игре в солдатики: «Я полагала, что гожусь на нечто большее».

При этом она не была затворницей — не меньше, чем книги, её интересовали охота, верховая езда, придворные увеселения и туалеты. «Я тогда очень любила танцы; на публичных балах я обыкновенно до трёх раз меняла платья; наряд мой был всегда очень изысканный, и если надетый мною маскарадный костюм вызывал всеобщее одобрение, то я наверное ни разу его больше не надевала, потому что поставила себе за правило: раз платье произвело однажды большой эффект, то вторично оно может произвести уже меньший. На придворных балах, где публика не присутствовала, я зато одевалась так просто, как могла, и в этом немало угождала императрице, которая не очень-то любила, чтобы на этих балах появлялись в слишком нарядных туалетах», — не без удовольствия вспоминала она свой успех в далёкую зиму 1750 года.

Прусский посол Финкенштейн в 1748 году докладывал Фридриху II о положении жены наследника российского престола:

«Великая княгиня достойна супруга более любезного и участи более счастливой. Лицо благородное и интересное предвещает в ней свойства самые приятные, характер же сии предвестия подтверждает. Нрав у неё кроткий, ум тонкий, речь льётся легко; сознаёт она весь ужас своего положения, и душа её страждет; как она ни крепись, появляется порою на её лице выражение меланхолическое — плод размышлений. Не так осмотрительно она себя ведёт, как бы следовало в положении столь шекотливом; порою молодость и живость берут своё, однако же осмотрительности у неё довольно... и ежели будет столь счастлива, что одолеет препятствия, от трона её отделяющие, полагаю, что сможет ваше величество рассчитывать на её дружбу и выгоду из того извлечь. Нация любит великую княгиню и уважает, ибо добродетелям её должное воздаёт.

Жизнь, кою сия принцесса ведёт поневоле бок о бок со своим супругом, и принуждения, коим оба обречены, есть самое настоящее рабство... На ничтожнейшую забаву особенное потребно разрешение; все их речи надзиратели записывают и в дурную сторону перетолковывают, а затем государыне доносят, отчего случаются порою бури, всем прочим лишь отчасти известные, но молодому двору много причиняющие огорчений»³⁵.

У неё долго не было детей, чем была очень недовольна императрица, — но зато были поклонники. Об одном из своих возлюбленных, камер-юнкере Захаре Чернышёве, она предпочла молчать в мемуарах, зато о чувствах к нему говорят её записочки, написанные любезному кавалеру зимой 1751/52 года: «Накажите меня, измените, но будьте уверены, что только Вами занята вся моя жизнь»; «...Между 11 и полночью возьмите в Вашу карету манто и приходите по маленькой лестнице ко мне; я позабочусь, чтобы дверь была открыта»; «Знаки любви, которые я от Вас получаю, слишком мне дороги, чтобы я не поддержала Вас в этом». О другом, Сергее Салтыкове, рассказала так подробно, что именно его стали считать отцом родившегося в 1754 году (до того у Екатерины было несколько выкидышей) долгожданного наследника Павла. Вполне возможно, что сама она не знала наверняка, от кого родила сына, поскольку супруг вряд ли оставлял её совсем без внимания...

Впрочем, в полной мере почувствовать себя матерью великая княгиня не смогла. Ребёнка у неё отняли, и его воспитанием занялась сама венценосная двоюродная бабка. Утешением Екатерине служили балы, танцы, охота — она отличалась

крепким здоровьем и была отличной наездницей — и новые романы. В своём отцовстве родившейся в сентябре 1757 года дочери Анны (умерла в 1759-м) Пётр Фёдорович не сомневался. Но к тому времени у Екатерины был уже новый друг. В конце 1755-го или начале 1756 года она дала отставку Чернышёву из-за нового романа — с изящным польским аристократом: «Я люблю и буду любить всю мою жизнь гр[афа] Пон[ятовского]. Благодарность, уважение, страсть привязали меня к нему навсегда». Правда, после отъезда графа Станислава его место занял бравый боевой офицер Григорий Орлов.

Но молодую женщину интересовали уже не только любовные интриги. Пока муж проводил время с Елизаветой Воронцовой и своим голштинским войском, великая княгиня, как и многие другие придворные, понимала, что царствование Елизаветы Петровны подходит к концу. Между тем Европа вступала в Семилетнюю войну и придворные «партии», поддерживаемые одна Австрией и Францией, другая Англией и Пруссией, вступили в очередную схватку. В этом противостоянии Екатерина склонилась на сторону могущественного канцлера Бестужева-Рюмина — сторонника союза с Англией и противника французов.

Переписка Екатерины 1756 года с начальником своего возлюбленного (Понятовский был секретарём английского посланника Чарлза Уильямса) свидетельствует, что она ждала смерти государыни. В письме от 25 сентября, отправленном после ужина, на котором императрица сказала, что стала чувствовать себя лучше и уже не страдает кашлем и одышкой, великая княгиня довольно ехидно замечает: «...если она не считает нас глухими и слепыми, то нельзя было говорить, что она этими болезнями не страдает. Меня это прямо смешит». Но государыня была не так уж плоха, и Екатерина не скрывала раздражения: «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения! Умерла бы она скорее!»

Однако в ту пору великая княгиня ещё не отделяла своих интересов от судьбы мужа. Екатерина уже имела план (изложенный в её письме от 18 августа 1756 года) утверждения Петра III у власти в случае неожиданной смерти императрицы: вместе со своими сторонниками А. П. Бестужевым-Рюминым, С. Ф. Апраксиным и генералом Ю. Г. Ливеном она должна была войти «в покои умирающей» вместе с сыном, принять присягу караула и, опираясь на пятерых доверенных гвардейских офицеров и «младших офицеров» из Лейб-компания вместе с их солдатами, пресечь попытки сопротивления со стороны Шуваловых. Екатерина признавалась: «В моей голове сумбур от интриг и переговоров» Она даже составила мужу

специальную инструкцию, шесть из семнадцати параграфов которой были посвящены организации немедленного приведения гвардии и Лейб-компания к присяге. Кстати, в тогдашних письмах Екатерины её супруг выглядел «весьма рассудительным» и способным «ухаживать» за гвардейцами, то есть весьма непохожим на тот образ ограниченного голштинца, который был создан позднее в её мемуарах.

Вокруг «молодого двора» складывалась «партия» недовольных могуществом Шуваловых. Екатерина обсуждала с Бестужевым его план, по которому она становилась «соправительницей» императора, а канцлер — президентом трёх «первейших» коллегий и командующим гвардией. Но одновременно она тайно встречалась с шефом Тайной канцелярии Александром Шуваловым, а его влиятельный брат Пётр сообщил о готовности ей служить.

Первым проиграл Бестужев. Подозрения, возникшие в связи с отступлением русской армии из Восточной Пруссии, последовавшие за ним арест фельдмаршала Апраксина и обнаружение его переписки с Бестужевым и Екатериной лишили канцлера доверия императрицы. Однако историки до сих пор не нашли никаких следов предполагаемой «измены» — приказа об отступлении, якобы полученного Апраксиным от канцлера. «Дело» Бестужева до сих пор остаётся загадкой, тем более что следственные материалы побывали в руках самого канцлера после его возвращения из ссылки, в результате чего его первые показания пропали. Осталась неизвестной и «священная тайна, о которой никто не может помыслить без ужаса», открытая Бестужевым и зафиксированная в исчезнувших протоколах допросов. Предъявить же ему смогли только «суетное желание так долго быть великим, как бы он общему всех смертных пределу подвержен не был», и покушение на роль «соправителя». Он не признал себя виновным и отделался ссылкой в свою подмосковную деревню.

Великий князь «сдал» Бестужева — рассказал императрице, что министр советовал ему противиться её воле. Екатерина, наоборот, держалась стойко. Алексей Петрович успел уничтожить все компрометирующие бумаги. Разгневанная Елизавета в апреле 1758 года вызвала Екатерину на беседу-допрос; но великая княгиня твёрдо заявляла, что ни о каком противодействии воле государыни и не думала, а её отношения с канцлером и главнокомандующим были вполне невинного свойства.

Никаких улик у следствия не было. Елизавета поверила — или сделала вид, что поверила. 23 мая последовал второй визит к императрице — но на этом интересном месте мемуары Екатерины обрываются. Следующие два года — едва ли не са-

мый тёмный период в её жизни. Лишь в одном отрывке, датированном 1760 годом, она пишет: «Я поздравляю себя с зарождающейся ко мне милостью, но должна в ней сомневаться, несмотря на уверения и подарки, которые мне делают. Это не должно, однако, мешать мне поступать совершенно так же, как будто я считаю её действительной. Мне всегда будут льстить, когда и насколько будут недовольны [великим князем]. Я слишком молода и проч., чтобы стать фавориткой, но должна так сделать, как будто думаю быть таковой».

Ждать пришлось недолго. В последние дни 1761 года она стала супругой императора, правление которого оказалось очень коротким.

«Рука Божия предводительствует»

Пётр III вступил на престол как законный наследник и внук первого российского императора. Благородные подданные приветствовали его первые милости, а манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 года вызвал их искренний энтузиазм — сенаторы даже собрались поставить золотую статую императора. Но скоро восторги сменились разочарованием: Пётр совершал одну ошибку за другой. Облик и манеры государя не соответствовали утвердившемуся дворцовому этикету, а сам он представлялся не российским монархом, а заурядным голштинским офицером. Он обидел гвардию переодеванием в «немецкие» мундиры; заключил мир и союз с недавним противником Фридрихом II, отказавшись от оплаченных русской кровью завоеваний, чем оскорбил гордившихся победами военных; восстановил против себя духовенство, объявив об изъятии земель и крестьян у монастырей и передаче их в казну; наконец, решил во что бы то ни стало начать войну с Данией из-за голштинских земель. Судя по всему, дальнейшая жизнь с Екатериной в его планы не входила — на очередном празднике 9 июня император публично назвал супругу дурой и собирався даже арестовать её. В такой обстановке возник заговор вельмож и гвардейских офицеров.

Однако сама Екатерина II в письме С. Понятовскому от 2 августа 1762 года призналась: «Уже шесть месяцев как замышлялось моё восшествие на престол». Чёткого плана действий у неё, кажется, не было. Польскому графу она сообщала о замысле схватить мужа и «заключить, как принцессу Анну и её детей», но тут же указывала на идею Панина о перевороте в пользу наследника Павла, с чем якобы категорически не со-

глашались гвардейцы. О панинском плане провозгласить Екатерину «правительницей» были осведомлены и иностранные дипломаты (датчанин А. Шумахер, английский поверенный в делах Г. Ширли и секретарь французского посла К. Рюльер), и Дашкова, и ротмистр Конной гвардии Ф. Хитрово. Однако Екатерина могла выслушивать подобные предложения, но не связывать себя обещаниями. К тому же у императрицы были и другие заботы: в апреле 1762 года она втайне родила от Григория Орлова сына Алексея.

На начальном этапе заговор, по-видимому, включал узкую группу близких к Екатерине людей (включая пятерых братьев Орловых и Панина), которая на фоне недовольства политикой Петра III смогла за три-четыре недели организовать переворот. Екатерина II указывала на «четыре отдельных партии, начальники которых созывались для приведения [плана] в исполнение»; «узел секрета находился в руках троих братьев Орловых». Сами же эти «партии», как нам представляется, комплектовались на основе клановых и патрональных отношений, которые связывали гвардейских поручиков с «генералитетом». Состав же названных Екатериной II гвардейских «партий» известен из наградных документов — списков пожалованных за участие в перевороте.

Из солдат к заговору привлекались только избранные. Согласно дневнику статс-секретаря А. В. Храповицкого, в декабре 1788 года императрица вспоминала, как давала свою руку преображенскому гренадеру Стволу в качестве «знака» для «приступления» к заговору. Такая тактика была оправданна. Попытки предупредить императора о возмущении остались без ответа не только из-за его беспечности, но и потому, что доносители не могли сказать ничего определённого о руководителях заговора. Вельможи не участвовали в офицерских сходках и «вербовке» гвардейцев. В привлечении лиц высокого ранга главную роль играла сама Екатерина; но она умела молчать; молодые офицеры представляли для неё намного более выигранный «фон», чем опытные придворные интриганы... Частью подготовки дворцовой «революции» стала пропагандистская кампания — дискредитирующие императора слухи о «всенародном объявлении веры Лютера», намерении Петра III заново переженить министров и самому обвенчаться с Елизаветой Воронцовой в протестантской кирхе.

Незадолго до переворота царица обратилась за помощью к французскому послу Бретейлю. Она просила не так уж и много — 60 тысяч рублей; но дипломат, собиравшийся выехать из России, уклонился от исполнения деликатной просьбы, поручив дело секретарю посольства Беранже. Но теперь уже отка-

залась Екатерина: «Покупка, которую мы хотели сделать, будет сделана, но гораздо дешевле; нет более надобности в других деньгах». Очевидно, она нашла иной источник финансирования. Французские современники событий и авторы сочинений о перевороте Ж. Ш. Тибо де Лаво и Ж. А. Кастера сообщают о получении ею стотысячной «ссуды» от английского купца Фельтена.

Ранним утром 28 июня находившуюся в Петергофе Екатерину разбудил прискакавший из столицы Алексей Орлов. Вместе с ним императрица прибыла в расположение Измайловского полка, где её с энтузиазмом приветствовали гвардейцы. Измайловцы во главе с Екатериной отправились к казармам Семёновского полка, и оповещённые семёновцы выбежали навстречу. Два полка двинулись по Невской «перспективе» к Зимнему дворцу. Во время молебна в Казанском соборе царицу окружали уже не только солдаты и офицеры, но и подоспевшие высшие чины — К. Г. Разумовский, А. Н. Вильбуа, М. Н. Волковский; прибыл Н. И. Панин с наследником Павлом Петровичем. Но после провозглашения Екатерины императрицей в полках и «многолетия» ей в соборе говорить о регентстве было уже бессмысленно. В это время прискакала Конная гвардия; затем подошли и преображенцы, преодолев сопротивление верных присяге офицеров.

В Зимнем дворце Екатерина приняла присягу гвардейцев и высших чинов империи; манифест о вступлении на престол читал перешедший на сторону сильнейшего генерал-прокурор Глебов. Лишь немногие любимцы Петра III, подобно его генерал-адъютанту Андрею Гудовичу, остались до конца верны монарху, остальные же, как военное руководство, при первой возможности переметнулись к Екатерине. Благодаря этому обстоятельству и усилиям дежурных генерал-адъютантов (фельдмаршалов Разумовского и Бутурлина) мятежники были в курсе расположения и передвижения военных частей в окрестностях столицы; их посланцы успели перехватить все полки и «команды», прежде чем они получили приказы Петра III двигаться в Ораниенбаум. Почтовое ведомство задержало всю корреспонденцию, направленную к лицам «голштинской службы». Быстрое развитие событий дало мятежникам преимущество во времени в шесть-семь часов. Петру III не удалось ни вызвать на подмогу войска, ни укрыться в Кронштадтской крепости; он пал духом, безропотно подписал отречение от престола, умолял отпустить его в Голштинию, но через несколько дней был убит в Ропше. Появившийся 6 июля манифест порочил свергнутого монарха, чтобы оправдать переворот:

«...Не успел он только удостовериться о приближении кончины тётки своей и благодетельницы, потребил её память в сердце своём прежде, нежели она ещё дух свой последний испустила, так что на тело её усопшее или вовсе не глядел, или когда церемониею достодожного к тому был приведён, радостными глазами на гроб её взирал, отзываясь при том неблагодарными к телу её словами...

Не имев, как видно, он в сердце своём следов веры православной греческой (хотя в том довольно и наставляем был), коснулся перво всего древнее православие в народе искоренять своим самовластием, оставив свою персоною Церковь Божию и моление... Потом начал помышлять о разорении и самих церквей, и уже некоторые и повелел было разорить самым делом...

По таковому к Богу неусердию и презрению закона Его, презрел он и законы естественные и гражданств, ибо имея он единого Богом дарованного нам сына, великого князя Павла Петровича, при самом вступлении на всероссийский престол не восхотел объявить его наследником престола, оставляя самовольству своему предмет, который он в погубление нам и сыну нашему в сердце своём положил, а вознамерился или вовсе право, ему преданное от тётки своей, испровернуть, или Отечество в чужие руки отдать...

... законы в государстве все пренебрёг, судебные места и дела презрел, и вовсе об них слышать не хотел, доходы государственные расточать начал бесполезными, но вредными государству издержками, из войны кровопролитной начинал другую безвременную и государству Российскому крайне бесполезную, возненавидел полки гвардии, освященным его предкам верно всегда служившие... А напоследок стремление так далеко к пагубу нашей собственной персоны возрастать стало... от чего наипаче помыслы его открылися и до нас дошли, вовсе нас истребить и живота лишить...

И для того, призвав Бога в помощь, а правосудие его Божественное себе в оборону, отдали себя или на жертву за любезное отечество, которое от нас то себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития. По чему вооружая силою руки Господней, не успели мы только согласие своё объявить присланным к нам от народа избранным верноподданным, тот час увидали желание всеобщее к верноподданству, которое нам все чины духовные, военные и гражданские все охотнейшею присягою утвердили...»³⁶

Так завершилась самая долгая и самая массовая дворцовая «революция» XVIII века. 2 сентября 1762 года не имевшая никаких прав на русский престол Екатерина была коронована в кремлёвском Успенском соборе.

Наступило долгое и славное, но поначалу очень трудное царствование. Государыня настолько не была уверена в буду-

шем, что переводила деньги за границу. Бумаги Тайной экспедиции Сената содержат два десятка дел гвардейских офицеров и солдат, намеревавшихся «переиграть» ситуацию в пользу зачѐнного Ивана Антоновича, а позднее — наследника Павла. Так, в 1769 году отставной конногвардейский корнет Илья Батюшков и подпоручик Ипполит Опочинин мечтали захватить карету императрицы на царскосельской дороге и постричь её в монастырь.

В том же году к следствию были привлечены преображенский капитан Николай Озеров и его друзья — бывший лейб-компанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. «Прямые сыны отечества» (так называли себя приятели) не просто ругали императрицу, а были возмущены тем, что не выполнены «разные в пользу отечества обещания, для которых и возведена на престол». Заговорщики планировали возвести на престол Павла, рассчитывая на то, что при нём земли дворянам раздадут «безденежно» и ликвидируют откупа, поскольку «винный промысел самый дворянский». Екатерину же они намеревались заточить в монастырь; а если бы она пыталась вырваться оттуда, «во избежание того дать выпить кубок». Озеров накануне ареста даже успел приготовить план Летнего дворца.

В июне 1772 года обнаружился замыслы группы преображенских солдат-дворян во главе с капралом Матвеем Оловянниковым. Тот считал возможным уничтожить наследника и обвинить в этом императрицу с целью оправдания её убийства, а затем самому занять трон: «А что же хотя и меня!» Своих друзей, из которых не все «умели грамоте», капрал заранее производил в генерал-прокуроры и фельдмаршалы. Оловянников был лишѐн дворянства, выпорот кнутом на плацу перед полком, заклея мѐн буквой «З» (злодей) и отправлен в Нерчинск на каторгу; его сообщников сослали в сибирские гарнизоны. Екатерина не смогла сдержать удивления: «Я прочла все сии бумаги и удивляюсь, что такие молодые ребята стали в такие беспутные дела; Селехов старшей и таму 22 года...» Едва ли самодержице пришло в голову, что дерзость юных солдат была побочным результатом её собственных действий по захвату власти.

Первые реформы и крестьянский бунт

Екатерина II вступила на престол относительно молодой, уверенной в том, что на новом поприще ей предстоят великие дела.

Английский посланник при русском дворе граф Джон Бакингемшир описал новую государыню:

«Её императорское величество ни мала, ни высока ростом; вид у неё величественный, и в ней чувствуется смешение достоинства и непринуждённости, с первого же раза вызывающее в людях уважение к ней и дающее им чувствовать себя с нею свободно... Черты лица её далеко не так тонки и правильны, чтобы могли составить то, что считается истинною красотой; но прекрасный цвет лица, живые и умные глаза, приятно очерченный рот и роскошные, блестящие каштановые волосы создают, в общем, такую наружность, к которой очень немного лет тому назад мужчина не мог бы отнестись равнодушно, если только он не был бы человеком предубеждённым или бесчувственным. Она была, да и теперь остаётся тем, что часто нравится и привязывает к себе более, чем красота. Сложена она чрезвычайно хорошо; шея и руки её замечательно красивы, и все члены сформованы так изящно, что к ней одинаково подходит как женский, так и мужской костюм. Глаза у неё голубые, и живость их смягчена томностью взора, в котором много чувствительности, но нет вялости. Кажется, будто она не обращает на свой костюм никакого внимания, однако она всегда бывает одета слишком хорошо для женщины, равнодушной к своей внешности. Всего лучше идёт ей мужской костюм; она надевает его всегда в тех случаях, когда ездит на коне. Трудно поверить, как искусно ездит она верхом, правя лошадьми — и даже горячими лошадьми — с ловкостью и смелостью груга. Она превосходно танцует, изящно исполняя серьёзные и легкие танцы. По-французски она выражается с изяществом, и меня уверяют, что и по-русски она говорит так же правильно, как и на родном ей немецком языке, причём обладает и критическим знанием обоих языков. Говорит она свободно и разсуждает точно; некоторыя письма, ею самую сочинённые, вызывали большие похвалы со стороны учёных тех национальностей, на языке которых они были написаны...»³⁷

Начались первые реформы. Генерал-прокурор А. А. Вяземский сосредоточил в своих руках управление юстицией, администрацией, финансами, почтовым делом; ему же подчинился орган политического сыска — Тайная экспедиция Сената. Как главное доверенное лицо монарха он противостоял попыткам возвысить власть Сената и держал под контролем местных администраторов. Сенат, разделённый на шесть департаментов, стал органом контроля за деятельностью государственного аппарата и высшей судебной инстанцией.

Закон 1763 года утвердил новые штаты государственных учреждений, их служащие стали впервые в России регулярно получать жалованье. Вместе с новыми штатами и окладами в 1764 году у чиновников, опять же впервые, появилось право на «пенсион» по выслуге тридцати пяти лет. «Пенсионы» вначале

выплачивались весьма узкому кругу лиц, далеко не сразу удалось добиться порядка в чиновничестве и оформлении «послужных списков» чиновников, а уж тем более обеспечить учреждения «достойными и честными людьми»; но это были первые практические шаги по созданию эффективного и современного государственного аппарата.

Несмотря на борьбу придворных «партий» (Н. И. Панина, братьев Орловых, Г. А. Потёмкина), Екатерина сумела сделать работу своей «команды» эффективной и работоспособной. Она осуществляла продуманное обновление высшего звена государственного аппарата. Место «слова и дела» заняли более гибкие методы контроля над настроениями и намерениями элиты, хотя начальника Тайной экспедиции Сената «кнутобойцу» С. И. Шешковского императрица по-прежнему принимала во дворце. К концу царствования регулярным занятием Екатерины стало чтение перлюстрации иностранной и внутренней почты, в том числе переписки наследника. В столицах появились профессиональные информаторы, следившие за подозрительными, с точки зрения властей, фигурами. Казалось, даже дворцовые стены имеют уши. Весной 1789 года в пустом зале Зимнего дворца француз-волонтёр на русской службе граф Руже де Лама, наблюдая за маршем отправлявшихся на фронт гвардейских частей, произнёс: «Если бы шведский король увидел это войско, он заключил бы мир» — и был крайне удивлён, когда через два дня Екатерина напомнила ему эту фразу.

Больше не было полунезависимых органов, подобных Верховному тайному совету 1726—1730 годов или Кабинету министров Анны Иоанновны. Екатерининский Совет при высочайшем дворе не обладал самостоятельностью предшественников: императрица с помощью генерал-прокурора решала массу дел помимо него по докладам Сената, коллегий и других учреждений.

Екатерина была прагматична. Она не одобряла крепостничества и в первые годы правления осторожно высказывалась в пользу его смягчения. В «Записках» она отмечала: «Предрасположение к деспотизму... прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления. Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями... Я думаю, мало людей в России даже подозревали, чтобы для слуг существовало другое состояние, кроме рабства».

Но дворяне XVIII столетия искренне не представляли себе, как можно жить без крепостных, и императрица пошла им навстречу: в 1765 году помещики получили право ссылать крестьян на каторгу, а с 1767-го жалоба крепостного на помещика стала считаться уголовным преступлением. Так при Екатерине II завершилось формирование крепостного права: теперь по закону крепостного нельзя было только убить.

Тридцатого июля 1767 года в Успенском соборе Кремля торжественным богослужением открылась работа законодательной ассамблеи — Комиссии «для сочинения проекта нового уложения». Для участия в ней в Первопрестольную съехались 572 представителя российского общества: 223 дворянина, 192 выборных от городов, а также депутаты от казаков и народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Помещичьи и дворцовые крестьяне никого не выбирали — их интересы представляли господа, а государственным крестьянам досталось только 20 мест.

Депутаты выслушали составленный императрицей «Наказ», преподнесли ей титул «Мать Отечества» (многие в тот момент плакали от восторга) и перешли к работе. С 31 июля 1767 года по 12 января 1769-го «большое собрание» провело 203 заседания. Одна из первых статей «Наказа» провозглашала: «Россия есть европейская держава»; далее шло разъяснение, что это подразумевает соединение самодержавной власти («ибо никакая другая, как только соединённая в его особе власть не может действовать сходно с пространством такого великого государства») с фундаментальными законами, «которые ни в какое время не могут перемениться» и обязаны гарантировать гражданские права подданных. Екатерина соглашалась с Монтескьё в том, что власть не должна быть сосредоточена в руках одного лица, однако разделение властей понимала не как учреждение независимых от монарха парламента, сословных организаций или суда, а как разграничение компетенции различных ведомств, представляющих собой «протоки, через которые изливается власть государева».

«Наказ» не имел юридической силы, но в нём впервые в российском законодательстве прозвучал термин «гражданское общество», хотя и понималось оно как социум, где «надлежит быть одним, которые правят и повелевают, и другим, которые повинуются». Однако в «Наказе» ставился вопрос об обязанностях власти перед подданными и «безопасности каждого особо гражданина», в том числе о презумпции невиновности. Гражданам, в свою очередь, надлежало знать законы: «...книга добрых законов должна быть доступна всем, как букварь». Ещё одной новацией стало внимание к охране собственности вплоть

до стремления «учредить нечто полезное для собственного рабов имущества». Императрица заявляла, что «все граждане должны быть подвергнуты одним и тем же законам», но сопровождала эту революционную для своего времени мысль оговоркой: «Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить» — и очень осторожно затрагивала вопрос о крепостном праве: власти должны «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю».

Депутаты заявляли о своих «нуждах и недостатках» на основании наказов от избирателей, но согласия среди них не было. Дворяне требовали ввести для них выборный суд, передать власть в губерниях и уездах в руки их сословных организаций, предоставить шляхетству исключительное право владеть крепостными рабочими на своих мануфактурах. Купцы же, наоборот, желали получить хотя бы часть дворянских привилегий — покупать к своим предприятиям «деревни» и получить монополию на торговую и промышленную деятельность. Но на это не соглашались ни крестьянские депутаты, ни представители дворян, чьи мужики разными промыслами добывали деньги для уплаты оброка.

Наказы государственных крестьян заполнены жалобами на малоземелье и захват угодий помещиками, заводчиками и своими же богатеями, на тяжесть податей и повинностей, на произвол судей. Дворянин Григорий Коробьин предложил законодательно определить объём работ и платежей крепостных крестьян, однако поддержки не получил. Шляхетские депутаты убеждали, что «крестьян своих берегут и любят», содержат их, как велит «долг власти отца или хозяина», а мужики не хотят хорошо работать из-за пьянства и лени.

На заседаниях так и не было принято ни одного решения — у большинства депутатов отсутствовал опыт законодательной деятельности, а социальные противоречия были слишком острыми. Под предлогом начавшейся Русско-турецкой войны Екатерина II в январе 1769 года распустила комиссию. Не успела завершиться тяжёлая война, как началась война крестьянская.

Осенью 1773 года на реке Яик (Урал) беглый донской казак Емельян Иванович Пугачёв объявил себя императором Петром III. Пока основные силы повстанцев осаждали Оренбург, другие отряды под предводительством башкира Салавата Юлаева, рабочих людей Афанасия Хлопуши и Ивана Белобородова, казака Ивана Чики-Зарубина захватили Кунгур, Красноуфимск, Самару, осадили Уфу, Екатеринбург, Челябинск; заняли ряд крепостей Яицкой укрепленной линии. К движению присоединялись башкиры, татары, калмыки, чуваша, марийцы.

В марте—апреле 1774 года правительственные войска разбили Пугачёва под Татищевой крепостью. Восставшие отступили на Урал, а оттуда двинулись к Казани и взяли её в июле 1774 года. В сражении под Казанью Пугачёв потерпел поражение и перешёл с полутысячным отрядом на правый берег Волги. Здесь у него вновь появилась армия из тысяч восставших крестьян. «Государь Пётр Фёдорович» жаловал крепостных «вольностью и свободою», землями, сенокосными угодьями, рыбными ловлями «без покупки и без оброку», освобождал «от податей и отягощений», «чинимых от злодеев дворян». Восставшие казнили дворян и тех, кто отказывался признать их предводителя императором. Прасковья Лопатина сообщала знакомому о страшной участи таких помещиков:

«Государь мой, Иван Антипович! Письмо от вас, от 2-го сентября, получила того ж 18-го, в котором изволите писать о несносной нашей горести и печали общей, о смерти покойных Степана Ивановича и Марьи Григорьевны. И на то вам, государь мой, доношу.. Покойные поехали, собравши, к вам в Тулу и взяв с собою лутчее платье, бриллианты и серебро, до приезде злодея Пугачёва в Саранск за день, и доехали до Сипягина генерала и предводителя саранского, и с ними Василий Иванович Языков. А у Сипягина ночевав, и после обеда поехали все вместе и, отъехав 15 вёрст до села Украинцова Щербачовой, Марьи Григорьевой, и в том селе пойманы мужиками; Степана Ивановича сковав с Сипягиным; а Василья Ивановича, посадя на стул, взяв на боярской двор под караул. Обоз остался за деревнею, в коем была и несчастная Марья Григорьевна, назвав её Бориска своею женою и выпросясь у мужиков за дватцать три рубли; и как они из Украинцова повезли их в Саранск, и отъехав до села Исы три версты, и в том селе встретясь злодейская команда — казаки; она ушла из обозу, взяв с собою бедного сына Дмитрия и всех прося людей и женщин, в таком несчастном случае, чтоб их не оставили; однако никто с нею не пошёл..»

Его (Степана Ивановича. — *И. К.*), привезя в Саранск, злодеи замучили плетьюми, и муча бросили; несколько лежа и сгоряча вскочил, так ему предали смерти, подсекли жилы. Сипягина тож плетьюми замучили и, вбив в рот кляп, который много перед ним говорил и бранил его, называя его злодеем и вором и разорителем Пугачёвым, и говоря в народ, чтоб не думали, якобы государь был; а Василья Ивановича повесили, и Сипягина сына 14-ти лет.. Имение их всё разграблено в Саранском, кое с ними было; а в доме что осталось: платья, хлеб, скот, по себе всё разделили, до нитки, люди и крестьяне, его и приданные кареты, возки, стулья, канапе, кожу и сукно ободрали, железо сняли, дерево и полозья все изрубили... в доме стёкла побили, ставни, двери выбрали; пробои, крючья выдрали; печи разломали...»³⁸

Но восставшие возрождали существовавшие формы государственного устройства. Манифестом от 31 июля 1774 года Пугачёв жаловал крестьян «быть верноподданными рабами собственной нашей короне», то есть переводил их на положение государственных. При «императоре» работала «Военная коллегия», стремившаяся превратить повстанцев в регулярную армию с жалованьем, учениями, «отпускными билетами» и наградами-медалями. Сподвижники Пугачёва получали титулы и чины. Вопреки обещаниям «император» проводил мобилизации в войско и принудительные реквизиции провианта и фуража.

Самозванец не рискнул пойти на Москву и двинулся на юг — занял Алатырь, Саранск, Пензу, Саратов, но взять Царицын не смог. 25 августа 1774 года произошло последнее сражение между регулярными войсками и десятитысячной армией повстанцев. Пугачёв был разбит и с небольшим отрядом пытался укрыться за Волгой, однако казаки из его окружения захватили вожака и выдали его властям. 10 января 1775 года Пугачёв и его ближайшие сторонники были казнены в Москве. «...Он осмеливается питать какую-то надежду, — писала Екатерина Вольгеру. — Он воображает, что ради его храбрости я могу его помиловать и что будущие его заслуги заставят забыть его прошлые преступления. Если б он оскорбил одну меня, его рассуждение могло бы быть верно, и я бы его простила. Но это дело — дело империи, у которой свои законы. Маркиз Пугачёв, о котором вы опять пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом».

Неудача с Уложенной комиссией и восстание не обескуражили императрицу, но зато продемонстрировали ей уровень развития российского общества, его реальные нужды и слабость самой власти, особенно на местах. Началась серьёзная многолетняя работа по подготовке комплекса реформ. Полученные же в ходе работы комиссии материалы были использованы при создании новых законов в 1770—1780-х годах. Законотворчество теперь было сосредоточено в кабинете императрицы, где она работала со своими статс-секретарями.

Фундаментальные законы

В отличие от своих предшественниц Екатерина была реально правящей императрицей. Она неукоснительно соблюдала распорядок дня, в котором главное место отводилось государственным делам: вставала в шесть-семь часов утра, работала с

бумагами, слушала доклады секретарей. Её утренний туалет занимал по меркам той эпохи очень мало времени — «никогда не долее часу». После завтрака по хорошей погоде государыня совершала прогулку с любимыми собачками. Далее шли выходы, чтение документов, приём высших чиновников...

Обычный (не парадный) обед в узком кругу изысканностью не отличался; любимым блюдом императрицы было мясо с огурцами. Запивалась еда клюквенным морсом, на десерт подавались яблоки и вишни. Екатерина почти не пила вина — разве что рюмку рейнвейна или мадеры. После обеда она читала и снова работала до шести часов вечера, когда опять шла гулять, играла в карты или посещала театр. В десять вечера императрица ложилась спать. Она ежедневно вникала в подробности жизни столицы и отдавала распоряжения начальнику столичной полиции:

«...Как сказывают, что у вас известной по смертоубийству Андреев ушёл из полиции или тюрьмы, то дайте знать как и когда? и прикажите его непременно отыскать, дабы снова не напроказил, также почему часовой виноват когда он сидел наверху тут где и окошки были без решётки; о сём о всём донесите мне в пятом часу сегодня после обеда.

У церкви Воскресения, где образ Всем Скорбящим, сходятся ежедневное великое число празднующихся нищих, в том числе и сумашедший 15-ти лет, сей едва не Кузминской ли слободы житель, прикажи с ними учинить как вам предписано, а частному приставу прикажи напоминать должность.

Никита Иванович! Дни два барка с дровами стоит посреди Невы против косы Васильевского острова, пошлите спросить, ради какой причины она тут остановилась.

Под моими окошками ежедневно шатается мужик один в сером кафтане и синяя шапка на голове; когда шапку снимет, тогда голова у него подвязана платком с низу вверх; он называется работником и будто в Царском Селе, упав с лесов, ушибся, я ему единожды и дала не помню сколько, но как он ежедневно паки приходит, то прикажи его прибрать, так, что буде заподлинно болен, прикажи его в городской гошпиталь вылечить, буде же туняец, то прикажи его отослать, буде помещиций — к помещику, буде государев — в селение, а буде годится в службу — куда способен...»³⁹

На рабочий стол государыни ежедневно ложились десятки длинных и коротких рапортов, докладов, писем, «экстрактов» из дел и т. д. На высочайшее имя поступали бесконечные челобитные о награждениях и по многочисленным судебным процессам. Вот неполный перечень дел, рассмотренных императрицей за один день 20 февраля 1788 года, с её резолюциями:

«...Гуленков о возвращении отца его, сосланного в ссылку за смертоубийство. — *Следует отказать.*

Подпор. Хабалеров Грузинцов о взятии заложенного его имени из владения полковника Галахова в новоучреждённой банк под заклад с выдачею на заплату денег. — *Буде по законам сие делать нельзя, то отказать.*

Действ. стат. совет. Грипков о пожалованьи на заплату долгов 15 000 и пенсии по смерть. — *Отказать.*

Княгиня Гика просит о определении сына её в гвардию. — *Каких лет и где служит или служил, не видно; о сём доложить.*

Михаила Гудим просит о возвращении снятого чина. — *За что снято, не видно; буде правильно, то отказать.*

Стат. совет. Грат о прощении его за употреблённые им казнённые деньги 1400 р. и произвождении по бедности его по половинной пенсии. — *Отказать.*

Борисоглебский купец Горбунов просит о скорейшем решении дела его, имеющегося у генерал-рекётмейстера. — *Сему объявить, чтоб о сём деле докладовал.*

Одноворец Михаила Гарнастаев о возвращении земли ему принадлежащей, владеемой девицею Дурново, отнятой у него бывшим отцом её, воеводою в городе Ливне. — *Сие дело в каком суде ведомо, по реестру не видно...»⁴⁰*

Екатерина стремилась следовать закону и учила тому же других. Но при этом государыня считала, что во имя благого дела можно пожаловать достойного человека своей сверхзаконной самодержавной волей: «Указ нашему Сенату. По причине многого добра, учинённого Прокофием Демидовым сиропитательному дому, дело его о битье Юстиц-коллегии секретаря повелеваем предать забвению, а естли Сенат найдёт, что Юстиц-коллегия в противность именного нашего указа дело сие столь долго волочила, то повелеваем вычесть из жалованья членов того департамента по законам и отдать оные на школу для солдатских детей». Этим указом императрица освобождала от заслуженного наказания эксцентричного, но щедрого представителя знаменитой династии заводчиков — и тут же «по закону» наказывала чиновников, «волочивших» дело (надо полагать, не без участия того же Демидова), обеспечивая при этом содержание школы...

Посреди государственных забот она находила время издавать и редактировать журнал «Всякая всячина», сочинять пьесы для придворного театра (комедии «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Обманщик» и др.) и детские сказки, коллекционировать картины и книги, переписываться с французскими просветителями. Она писала интереснейшие мемуары, четырёхтомные «Записки касательно российской исто-

рии», а наряду с этим — не очень складные стишки на смерть любимых собачек:

Ci-git Mimi la dechireuse des manchettes,

Qui ne tut toute sa vie qu'une mazette.

(Здесь покоится прах Мими, терзательницы манжеток, всю свою жизнь она была не более как чумичкою.)

Государыня умела не только работать, но и отдыхать. На Масленицу она устраивала весёлые катания на санях, выезжала в гости и на маскарады, где порой переодевалась в мужской костюм. В 1778 году сестра английского посланника Гертруда Харрис встретила Екатерину на одном из маскарадов: «Она была очень хороша в венецианском домино и в шляпе, украшенной бриллиантами, причём её полумаска была по краям обшита в один ряд большими камнями, а самый огромный служил застёжкой. Она выглядела хорошо, но так походила на мужчину, что я сначала не различила её в окружении иностранных послов, князя Потёмкина и других мужчин, с которыми она сидела за макао». Иногда императрица устраивала «мещанский бал», на который все должны были явиться в простых камзолах и дешёвых платьях.

Она была не только законодательницей мод, но ещё и кутюме: опробовала на себе и с 1775 года ввела при дворе обязательную моду на «русское платье» с коротким шлейфом и двойными рукавами, сконструировала особый свободный детский костюмчик для внука Александра. В 1782 году во время визита в Париж великого князя Павла Петровича этот костюмчик, вручённый королевской чете, произвёл фурор в столице европейской моды.

С годами Екатерина стала меньше танцевать, а для отдыха от нескончаемых дел устраивала вечера в дворцовом Эрмитаже, в которых участвовали два десятка близких и интересных ей людей: французский посланник граф Сегюр, принц де Линь, Нарышкин, Строганов, Дашкова. Здесь царил особая атмосфера — присутствовавшие свободно общались вне рамок строгого дворцового этикета: играли в жмурки, карты, фанты, гадали, читали стихи. Вывешенные на стенах правила запрещали вставать перед государыней, иметь сердитый вид, наносить друг другу оскорбления, нелестно отзываться о ком бы то ни было, лгать и говорить вздор. Нарушитель обязан был платить штраф в пользу бедных или выучивать труднейшие вирши из сочинения В. К. Тредиаковского «Телемахида».

Искренний патриотизм, добродушие и обаяние сочетались у Екатерины с отсутствием угрызений совести. К соперникам в борьбе за власть она была беспощадна. «Пошлите сказать известной женщине, что естли она желает облегчить свою судь-

бину, то бы она перестала играть ту комедию, которую и в последних к Вам присланных письмах продолжает, и даже до того дерзость простирает, что подписывается Елизаветою; велите к тому прибавить, что никто ни малейшего сомнения не имеет о том, что она авантюриера, и для того Вы ей советуйте, чтобы она тону убавила и чистосердечно призналась в том, кто её заставил играть сию роль, и откуда она, и давно ли плутни сии примышлены. Повидайтесь с ней и весьма серьёзно скажите ей, чтобы она опомнилась, *voila une fiefie canaille**, — структурировала она 7 июня 1775 года генерал-фельдмаршала А. М. Голицына, допрашивавшего «принцессу Тараканову». Но авантюристка, называвшая себя дочерью императрицы Елизаветы и схваченная графом А. Г. Орловым в Италии, не раскаялась и ничего достоверного о себе так и не поведала и скончалась в Петропавловской крепости в декабре того же года.

Императрица либо умело притворялась, либо действительно верила в то, о чём сообщала Вольтеру: в её стране каждый крестьянин ест на обед курицу, а по праздникам — индейку. Однако простым лицемерием политика Екатерины II (её обычно называют «просвещённым абсолютизмом») не ограничивалась. Реформы были нацелены на модернизацию системы управления, подъём промышленности и торговли, развитие просвещения — но в рамках существовавших порядков и дворянских привилегий, закреплённых в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785): монополию на владение землёй, недрами и крепостными крестьянами, освобождение от податей, рекрутской повинности, телесных наказаний. Однако, по мнению Екатерины, неограниченная власть монарха должна уравновешиваться не только привилегиями «главного члена» общества — дворянства, но и наличием других сословий при ограждающем их права законодательстве.

Реформа 1775 года («Учреждения для управления губерний») ввела новую систему местных органов. Вместо прежних пятнадцати губерний появились 40 губерний; вместо громоздкого трёхуровневого (губерния — провинция — уезд) административно-территориального деления — двухуровневое: губернии с населением в 300—400 тысяч податных душ и уезды по 20—30 тысяч душ. Так на местах была создана густая сеть органов власти, которая должна была обеспечить более эффективный контроль. В старых и новых провинциальных центрах появлялись новые здания, учреждения, должности, обслуживающий персонал, школы.

* Вот отъявленная каналья (*фр.*).

Административно-полицейская власть передавалась в городах городничему, в уездах — нижнему земскому суду во главе с избравшимся дворянством капитан-исправником, в губерниях — губернатору. Суд отделялся от администрации: дворян судили уездные и губернские верхние земские суды; горожан — городовые и губернские магистраты; государственных крестьян — нижние и верхние расправы. Впервые появились приказы общественного призрения — органы, ведавшие образованием и социальным обеспечением: школами, больницами, богадельнями, сиротскими, работными и смирительными домами.

Эти реформы приблизили власть к населению. В сословных судах «равный» судился «равным», система местного управления сочетала назначаемость должностных лиц уездного, городского и губернского уровня с выборностью. Одновременно было создано дворянское сословное самоуправление (уездные и губернские дворянские собрания), включавшее благородное сословие в имперскую структуру власти. «Возвращение» дворянства в провинцию в результате манифеста о «вольности дворянства» 1762 года привело к перераспределению власти — передаче полномочий центральных органов на места и вследствие этого к ликвидации ряда коллегий. Но в то же время дворянские сословные органы интегрировались в систему управления, что препятствовало попыткам создания оппозиции.

В 1781 году 52-летняя Екатерина не без удовольствия подводила итог своим трудам в письме старому другу барону Мельхиору Гримму:

«28-го июня этого года г. фактотум Безбородко принёс мне отчёт о моих делах до этого дня, который он должен составлять ежегодно за каждый год. И вот краткий вывод:

В продолжение последних 19-ти лет:

Учреждены губернии на новых началах — 29

Учреждены и построены города — 114

Заключено условий и трактатов — 30

Одержано побед — 78

Достопамятных постановлений, законов и учреждений — 88

Постановлений о народном довольствии и облегчении — 123

Всего — 492

Всё это дела государственные; частные же дела, как Вы видите, в этом перечне не имеют места. Ну, милостивый государь, как Вы нами довольны? не были ли мы ленивы?»⁴¹

Для поддержания порядка Екатерина издала Устав благочиния (1782) — закон о полиции, которой поручались воспитание подданных и контроль за выполнением каждым из них

своих обязанностей. В духе такой политики государыня сформулировала своё понимание гражданских прав и свобод: «Вольность не может состоять ни в чём ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть».

Императрица стремилась вырастить в России богатое и просвещённое городское сословие («третий чин» или «средний род людей»). «Жалованная грамота городам» (1785) делила горожан на шесть разрядов. Городская верхушка — купцы первой и второй гильдий, «иностранные гости» и «имянитые граждане» (банкиры, учёные, не состоявшие в гильдиях предприниматели) освобождались от телесных наказаний и подушной подати. За всеми горожанами впервые закреплялись права собственности на имущество, свободного заведения предприятий и торговли; их честь и достоинство охранялись законом. «Общество градское» получало права юридического лица и избирало (мужчины, достигшие двадцати пяти лет и обладавшие годовым доходом не менее пятидесяти рублей) городскую думу, ведавшую благоустройством и санитарным состоянием под контролем городничего из дворян.

Екатерина II, как и Пётр I, стремилась совместить европейское просвещение и цивилизацию с отечественным самодержавием и крепостным правом. Она запретила употреблять в официальных документах слово «раб» и матерную ругань, отменила телесные наказания для священников. В России появился первоклассный музей — Эрмитаж, были открыты Воспитательный дом для сирот и подкидышей, Екатерининская больница для бедных в Москве (нынешний Московский областной научно-исследовательский клинический институт); образовано Вольное экономическое общество (1765), открылись частные типографии, выпускавшие большое количество журналов и книг.

В духе эпохи Просвещения в 1773 году императрица провозгласила принцип веротерпимости. Она упразднила ведавшую старообрядцами Раскольническую контору, освободила их от уплаты двойной подушной подати и разрешила им носить старинное платье и не брить бороды.

Российские мусульмане получили право строить мечети и заводить при них школы. Указ 1783 года разрешил им самим избирать себе авторитетных богословов — ахунов, чтобы не приглашать их из Бухары или «другой чужой земли». В 1788 году в Уфе учреждалось мусульманское духовное собрание «для заведывания всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими»; оно утверждало мулл, «дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надёжные и доброго поведения». Пер-

вый член этого собрания оренбургский ахун Мухаммед Джан Гусейн был назначен Екатериной муфтием «над всеми обитающими в империи нашей сего закона людьми, исключая Таврическую область, где от нас определён особый муфтий».

Екатерина инициировала массовое переселение иностранных колонистов на российские просторы (в Поволжье, на Украину, в Крым). Их освобождали от военной службы и давали прочие льготы, в том числе свободу богослужения. В связи с разделами Речи Посполитой в 1791 году императрица разрешила бывшим польским евреям записываться в купечество и мещанство на территории Белоруссии, Екатеринославского наместничества и в Крыму.

Реформа 1786 года впервые создала в России систему среднего образования: в губернских городах открывались главные (четырёхгодичные), а в уездных — малые (двухгодичные) народные училища. В классы набирались ученики одного возраста, уроки велись по одним программам и типовым государственным учебникам. В школах вводились классная урочная система, единые сроки начала и окончания занятий; впервые появились сохранившиеся до нашего времени настенная доска, исторические карты, глобусы и другие наглядные пособия, классный журнал, экзамены и каникулы.

В малых училищах обучались чтению, письму, чистописанию, арифметике, катехизису, а в главных изучали Закон Божий, русский язык, географию, историю, естественную историю, геометрию, архитектуру, иностранные языки, механику и физику. Государыня однажды явилась на экзамен по истории в столичной школе и «сама по части российской истории и географии изволила предлагать вопросы, делать возражения и тем поставила род диспута». Она же редактировала первые учебники по истории и обществознанию. Суть её замечаний сводилась к тому, что в тексте будущего учебника не должно быть ничего, что могло послужить умалению достоинств государства и его правителей.

Из учебника «О должностях человека и гражданина» (что-то типа современного «Обществознания») школьникам надо было усвоить, что подданные «во всяком звании могут быть благополучны», но и при отсутствии благополучия должны без роптания сносить «собственные свои тягости» и воздерживаться от «суетных желаний». Вторая глава, посвящённая гигиене, убеждала при необходимости обращаться к врачам, умываться и мыть руки, иметь «благопристойность в лице». Запрещалось пугать детей чертями и «ужасными небылицами», отчего могли случиться «родимец и падучая болезнь». А глава четвёртая со ссылкой на Священное Писание поясняла

исконность существования господ и рабов со времён Авраама, при этом убеждала, что и те и другие должны иметь «совершенную уверенность к вышнему разуму верховных своих начальников». От благородных требовалась «непоколебимая верность», от прочих — «искреннее и от всего сердца» повиновение и уплата податей «по мере государственных надобностей».

Учителей готовила специальная учительская семинария в Петербурге. «Руководство учителям народных училищ» требовало от педагога благочестия, воздержанности от пьянства, грубости и «обхождения с непотребными женщинами». Учеников запрещалось бить за «худую память» и «природную неспособность» и ругать «скотиной» и «ослиными ушами».

Впервые открылось училище для бедных дворянских девушек — Смольный институт в Петербурге (1764), где они жили на полном пансионе. В 1772 году появилось первое коммерческое училище. В 1786 году действовало 165 училищ с 394 учителями и 11 088 учениками (10 230 мальчиками и 858 девочками), а к началу XIX столетия в России было более трёхсот школ и пансионатов с 20 тысячами учащихся и 720 учителями.

Однако просвещение и «вольности» не всегда давали ожидаемые императрицей плоды. Летом 1790 года она прочла в недавно вышедшей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» скромного чиновника Александра Радищева: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягчённые, яряся в отчаянии своём, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обогрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую: я зрю сквозь целое столетие».

По свидетельству секретаря Храповицкого, Екатерину поразила эта риторика: «Говорено с жаром о чувствительности». Императрице, стремившейся создать сплочённое и устремлённое к благу страны дворянство и просвещённое городское сословие и объединить их в рамках «законной монархии» с непросвещённым и требовавшим руководства крестьянством, в конце долгого и славного царствования читать такие строки было досадно. Сочинитель предсказывал надвигавшуюся катастрофу и новый мужицкий бунт. Екатерина недоумевала: «Желчь нетерпения разлилась повсюду на всё установленное и произвела особое умствование, взятое, однако, из разных полу-мудрецов сего века... Не сделана ли мною ему какая обида?»

Императрица умело подбирала себе помощников, не боясь людей ярких и талантливых. Именно поэтому её время отмечено появлением целой плеяды выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей, художников, музыкантов. В общении с подданными Екатерина была, как правило, терпелива и тактична, умела внимательно выслушать каждого. Она, по собственному признанию, не обладала творческим умом, но хорошо улавливала всякую дельную мысль и использовала её в своих целях. На службу она привлекала даже ей лично неприятных, но умных и способных людей и не забывала щедро их награждать. А приятных во всех отношениях — делала своими фаворитами.

«Известная должность»

Однако не стоит представлять государыню эпатажной «секс-бомбой» XVIII столетия. В век Просвещения полагали, что всё естественное прекрасно, а что может быть лучше «наслаждения натурального» — земной любви во всех её проявлениях? Екатерина была особой чувствительной. «Беда та, что сердце моё не хочет быть ни на час охотно без любви», — признавалась она Потёмкину. Нормальной семьи она никогда не имела, а потому испытывала потребность в мужском внимании, ласке и заботе. Однако к публичности императрица не стремилась и даже в самый разгар страсти старалась соблюдать приличия. Так, однажды ранним утром она направилась в апартаменты «милого друга Гришеньки» (Потёмкина), но так и не дошла, поскольку встретила прислугу: «Я искала к тебе проход, но столько гайдуков и лакей нашла на пути, что покинула такое предприятие».

Фаворитизм же в екатерининское время уже стал особым институтом власти: лица «известной должности» обитали в дворцовых покоях со своим кабинетом и кругом обязанностей. Участник дворцового переворота 1762 года Григорий Орлов стал возлюбленным царицы и отцом её сына Алексея Бобринского. Он был красив, отважен, «сердца и души добрейшей», но в просвещённый придворный круг не вписался: не знал французского языка; театру, беседам о литературе и светским развлечениям предпочитал «собак и охоту». Он в одиночку ходил на медведя, но не годился в секретари и ценители изящных искусств. Правда, на какое-то время он увлёкся астрономией и установил телескоп на крыше Летнего дворца, но больше интересовался «звёздами» земными — фрейлинами императрицы, чем немало её обижал. Она долго прощала Орлову всё — но че-

рез десять лет его «случай миновался»; он путешествовал, женился на восемнадцатилетней красавице-кузине Екатерине Зиновьевой, а после её ранней смерти лишился рассудка.

Идеальной фигурой фаворита-сотрудника стал Григорий Потёмкин. Его судьба фантастична даже для той эпохи: сын отставного петровского офицера хотя и учился в пансионе при Московском университете, но склонялся к духовной карьере. Однако в 16 лет он поступил в гвардию и сумел отличиться в день переворота, возведшего Екатерину на престол. Конногвардеец стал депутатом Уложенной комиссии, был пожалован в камергеры, но из дворца отправился прямо на Русско-турецкую войну. В 1773 году Потёмкин, уже молодой генерал-поручик, получил от императрицы письмо с просьбой «по пустому не даваться в опасность». Он понял намёк — и отправился навстречу любви и славе. Свидетельствами бурного романа остались записочки Екатерины: «Гришенок, не гневен ли ты?..»; «Милушенька, ты не знаешь, как я тебя люблю...»; «Яур (гяур. — *И. К.*), москов, казак, хочешь ли мириться?»

Предположительно их роман завершился в 1774 году тайным браком. Но через полтора года начались ссоры: Потёмкин ревновал и устраивал сцены, Екатерина плакала и клялась в верности. Семейный уют для них оказался невозможен, несмотря на то, что в июле 1775 года государыня родила девочку — Елизавету Григорьевну Тёмкину, воспитывавшуюся в семье племянника Потёмкина А. Н. Самойлова. Екатерина вовлекла Потёмкина в большую политику, и двум сильным характерам в одной дворцовой «берлоге» стало тесно. Императрица это поняла: «Мы ссоримся о власти, а не о любви», — и они расстались.

Но в отличие от семейного их политический союз не распался. Они удачно дополняли друг друга: масштабно мысливший князь мог от кипучей деятельности перейти к отчаянию и меланхолии, а более приземлённая Екатерина умела сохранять выдержку в любых обстоятельствах. Потёмкину поручался юг страны — Новороссия, которую он старался сделать цветущим краем. А ещё — строил Черноморский флот, командовал армиями. «Завиваться, пудриться, плести косы — солдатское ли сие дело; у них камердинеров нет... Туалет солдатский должен быть таков: что встал, то и готов», — отстаивал он новую форму (просторные шаровары, куртки и лёгкие кожаные или фетровые саски), заменявшую тесные камзолы, треугольные шляпы, высокие суконные штиблеты.

Князь Таврический обладал огромной властью и влиянием, вплоть до смерти (1791) оставался ближайшим советником императрицы. Ни одно крупное событие не обходилось без его

участия. К нему летели нежные письма: «Мне кажется, год как тебя не видала. Ау, ау, сокол мой дорогой». Но он был не все-силен: не все его инициативы реализовались, а при дворе против него интриговали другие «партии».

При Потёмкине — и с его согласия — у императрицы появлялись новые «случайные люди» — Семён Зорич, Иван Римский-Корсаков, Александр Ланской, Александр Ермолов, Александр Дмитриев-Мамонов — они по очереди с должности адъютантов светлейшего князя переходили в покои Зимнего дворца. Царица требовала от них уважения к своему мужу, а в случае неповиновения любимцы получали отставку. «Вышел из случая Иван Николаевич Корсаков, а место его заступил Александр Дмитриевич Ланской. Корсакову пожаловано было в Могилёвской губернии 6000 душ, 200 000 рублей для путешествия в чужие края, брильянтов и жемчугов было у него, как ценили тогда, более, нежели на 400 000 рублей; судя по нынешнему курсу имел он денег и вещей на 2 400 000 рублей», — судачили современники.

Похоже, что с годами Екатерине всё труднее было мириться с приближением старости, но даже самодержавная государыня была не в силах остановить время и боялась одиночества. Законного сына у неё отняли в младенчестве, а после её воцарения Павел стал для неё соперником и центром притяжения всех недовольных. Другого сына, Алексея, рождённого от Григория Орлова, она вынуждена была скрывать под чужим именем: мальчик воспитывался в семье гардеробмейстера В. Г. Шкурина. Сначала императрица предполагала причислить сына к фамилии князей Сицких (близкому к Романовым роду, угасшему в конце XVII века), но в 1774 году дала ему фамилию Бобринский — от села Бобрики, которое купила для него в Тульской губернии. Он учился в Сухопутном кадетском корпусе, а после его окончания был отправлен в путешествие по России и Европе в сопровождении полковника А. М. Бушуева и профессора Н. Я. Озерецковского. Юный граф Бобринский переживал из-за своего двусмысленного положения и вырос нервным, заносчивым, раздражительным. Живя в Париже, он огорчал мать игрой в карты и долгами; она сердилась, но пыталась оправдать его пристрастия, говоря, что он неглуп и не лишён очарования. В 1788 году Алексея вернули в Россию и поселили вдали от столицы — в Ревеле. Мать так и не решилась передать ему документы на владение именьями, поскольку не была уверена в его способности самостоятельно решать денежные вопросы.

Красивые фавориты помогали ей ощущать себя молодой и любимой, что не мешало менять их как перчатки, впрочем, сопровождая расставание богатыми подарками. В письмах Пет-

ру Завадовскому Екатерина одновременно и уверяла его в своих чувствах, и давала понять, что не может целиком принадлежать возлюбленному — её ждут государственные дела:

«Петруса милой, всё пройдёт, окромя моей к тебя страсти...»

«Петруса, Петруса, прежди ко мне! Сердце моё тебя кличет. Петруса, где ты? Куда ты поехал? Бесценные часы проходят без тебя. Душа мая, Петруса, прежди скорее! Обнимать тебя хочу».

«Петруса, непонятно мне твои слёзы. Буде ты чувствуешь нужда в том или тебя будет облегчение открыться кому, то откройся другу своему, авоз лебо он принесёт твоему состоянию облегчение, но только чтоб он так, как ты сам, поступал скромно. Письма же мои прошу не казать. Люблю тебя, люблю быть с тобою. Сколь часто возможно, только бываю с тобою, но Величество, признаюсь, много мешает. Душатка, успокойся! Я желаю причинить тебе удовольствие, а не слёзы».

«Петруса, в твоих ушах крик лживы родился, ибо ты не входишь ни мало в моё состояние. Я повадило себя быть прилежна к делам, терять прямо как возможно менее, но как необходимо надобно для жизни и здоровья прямо отдохновения, то сии часы тебя посвящены, а прочее время не мне принадлежит, но империи, и буде сие время не употреблю как должно, то во мне родится будет на себя и на других собственное моё негодование, неудовольствие и *mauvaise humeur** от чувствие, что время провождаю в праздность и не так, как должна. Спроси у кня[зья] Ор[лова], не истари ли я такова. А ты тотчас и раскричися, и ставишь сие, будто от неласки. Оно не оттого, но от порядочного разделение прямо между дел и тобою...»⁴²

Екатерина — искренне или нет — считала: «Я делаю и государству немалую пользу, воспитывая молодых людей». Неудивительно, что она видела в них всевозможные достоинства и успешно культивировала их. От Корсакова, получившего прозвище Пирр, она была без ума. «Когда Пирр заиграет на скрипке, — сообщала она Гримму, — собаки его слушают, птицы прилетают внимать ему, словно Орфею. Всякое положение, всякое движение Пирра изящно и благородно. Он светит, как солнце, и вокруг себя разливает сияние. И при всём том ничего изнеженного, напротив — это мужчина, лучше которого вы не придумаете. Словом, это Пирр, царь Эпирский. Всё в нем гармония...» И так же она восторгалась сменившим Корсакова Ланским. «Этот молодой человек, — писала Екатерина тому же Гримму, — при всём уме своём и уменьи держать

* Плохое настроение (*фр.*).

себя легко приходит в восторг; при том же душа у него горячая... В течение зимы он начал поглощать поэтов и поэмы, на другую зиму — многих историков. Не предаваясь изучению, мы приобретаем знаний без числа и любим водиться лишь с тем, что есть наилучшего и наиболее поучительного. Кроме того, мы строим и садим, мы благотворительны, веселонравны, честны и мягкосердечны». Похоже, что императрица всё же лукавила насчёт «подготовки кадров» — государственным мужем оставался один Потёмкин, остальным же предназначалась роль приятных собеседников.

Черета «случаев» дорого обходилась казне, но никто из фаворитов не мог управлять императрицей. Практичная Екатерина требовала от них соблюдения определённых правил поведения («будь верен, скромн, привязан и благодарен до крайности») и считала необходимым приобщать их к государственным делам — в соответствии со способностями. Орлов командовал дворцовой охраной — кавалергардами, Завадовский после «отставки» управлял Заёмным банком и проводил школьную реформу, Дмитриев-Мамонов сочинял пьесы, а Римский-Корсаков играл на скрипке и, по компетентному мнению Екатерины, мог служить моделью для живописцев и скульпторов. Титул последнего из любимцев великой императрицы Платона Зубова свидетельствует о его разнообразных обязанностях: «Светлейший князь, генерал-фельдмаршал, над фортификациями генерал-директор, главноначальствующий флотом Черноморским и Азовским и Черноморским казачьим войском, генерал-адъютант, шеф кавалергардского корпуса, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор, член Военной коллегии, почётный благотворитель Императорского воспитательного дома и почётный любитель Академии художеств».

«Гром победы, раздавайся!»

При Екатерине Россия прочно утвердила свой статус великой державы. Императрица, постоянно вникавшая в дипломатические дела, полагала, что страна должна следовать собственным интересам, не подчиняясь влиянию других государств: «Время всем покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся». Немецкая принцесса, ставшая российской государыней, искренне считала, что русские являются «особенным народом в целом свете; он отличен догадкою, умом, силою»: «Я знаю это по двадцатилетнему опыту моего царствования. Бог дал русским особенное свойство».

Главной целью внешней политики Екатерины II стала борьба с Турцией за выход к Чёрному морю. Во время первой Русско-турецкой войны (1768—1774) русские войска заняли Молдавию (1769); посланный с Балтики в Средиземное море русский флот под командованием Алексея Орлова одержал победу в Чесменской битве, а на суше армия Петра Румянцева разгромила 150-тысячное войско турок в Кагульском сражении (1770); корпус князя В. М. Долгорукова занял Крым (1771). После побед А. В. Суворова в Болгарии (1774) турки согласились на мир. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года к России отошли Кабарда, крепости Керчь и Еникале в Крыму, область между низовьями Днепра и Южного Буга; русские корабли получили свободный доступ в Чёрное море и проход в Средиземное море через проливы Босфор и Дарданеллы. Молдавия и Валахия обрели автономию, а Крымское ханство было объявлено независимым. Россия получила право выступать в защиту христианского населения Османской империи.

В 1782 году в переписке с австрийским императором Иосифом II Екатерина набросала «греческий проект»: создание Греческой империи во главе со своим внуком Константином и вассального государства Дакии на территории современной Румынии; Россия не получала бы новых территорий, но укрепляла своё влияние на Балканах и утверждала контроль над черноморскими проливами. От этих планов тогда пришлось отказаться, но в 1783 году императрица присоединила к России Крым. Тогда же был подписан Георгиевский трактат с Восточной Грузией — Картли-Кахетией: царь Ираклий II признавал российское покровительство и обязывался своими войсками служить императрице, а Россия, со своей стороны, выступала гарантом независимости и территориальной целостности его государства.

Весной 1787 года императрица в компании австрийского императора (он отправился в вояж инкогнито под именем графа Фалькенштейна) совершила путешествие в новообретённый «полуденный» край, энергично осваиваемый Потёмкиным. Журнал путешествия фиксировал:

«Мая 22. В 10 часу утра её императорское величество и граф Фалькенштейн изволили выехать из Бакчисарая, и по перемене лошадей при Мекензиевом хуторе 20, в Инкермане 14 вёрст, был обеденный стол в виду пространной и знаменитой Севастопольской гавани и стоящего тамо на рейде Черноморского флота, в числе 15 военных кораблей и фрегатов, и шестнадцатого бомбардирского корабля. В продолжении стола на корабле, называемом “Слава Екатерины”, под-

нят кейзер-флаг; каждое судно салютовало 15 выстрелами, и с флагманского корабля ответствовано из 7 пушек.

После обеда доехав до пристани, всемиловейшая государыня благоволила сесть на шлюпку с графом Фалкенштейном и в препровождении свиты, на других шлюпках бывшей, продолжала шествие водою к городу Севастополю. Приблизясь ко флоту, поднят был штандарт на шлюпке её величества, и вдруг корабли и фрегаты, спустя свои флаги, гюйзы и вымпелы, салютовали из всех пушек; а матросы, стоявшие по реям, вантам и борту, кричали “ура!”. Потом, когда шлюпка с штандартом поравнялась против флагманского корабля, то каждое судно сделало 31 выстрел при вторичном восклицании матросов, и тогда же производилась пушечная пальба с транспортных и купеческих судов, с берега севастопольского и с 4 батарей, при входе в гавань расположенных...»⁴³

Но турки не смирились — в том же году началась новая война. Одновременно пришлось воевать против Швеции (1788—1790), желавшей вернуть утраченные владения на Балтике. России угрожали также Англия и Пруссия.

Империя выстояла. В 1788 году армия Потёмкина овладела крепостью Очаков в устье Днепра, а на следующий год русские и австрийцы под командованием А. В. Суворова разгромили турок в Фокшанском и Рымникском сражениях. Главным событием кампании 1790 года стало взятие крепости Измаил на Дунае. Турция при поддержке Англии и Пруссии пыталась продолжить войну, но летом 1791 года адмирал Ф. Ф. Ушаков разгромил флот противника в Калиакрийском сражении, а сухопутная армия нанесла поражение туркам при Мачине. На Кавказе корпус генерала И. В. Гудовича взял Анапу. Крах надежд на помощь из Европы заставил султана Селима III заключить в декабре 1791 года Ясский мир: Турция уступила России междуречье Днестра и Южного Буга, признала присоединение к ней Крыма и Кубани, отказалась от притязаний на Грузию. Ещё раньше шведы после ряда сражений на суше и море окончательно отказались от реванша.

Поэт и видный государственный деятель Гавриил Державин в звучных стихах передал победный дух екатерининской эпохи:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёс.

Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость Россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ.

.....
Мы ликуем славы звуки,
Чтоб враги могли то зреть,
Что свои готовы руки
В край вселенной мы простреть...

После заключения мира Россия стремилась установить добрососедские отношения с Турцией, чему в немалой степени способствовала поездка генерал-майора М. И. Кутузова в Константинополь в 1793 году, которому Екатерина поручила «сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужная для отдохновения по толиких трудах и безпокойствах, империею нашу понесённых, и полезная для распространения торговли». Будущий победитель Наполеона блестяще справился с поставленной задачей: снискал расположение Селима III, верховного визиря и других высших сановников и даже сумел — впервые в дипломатической практике — побеседовать в саду гарема с матерью и сестрой султана. Генерал урегулировал вопрос о торговых пошлинах, предотвратил войну между Турцией и Австрией и не допустил выступления Порты с возражением по поводу второго раздела Польши, как предлагал ей французский представитель. Мирные отношения с южным соседом были необходимы, поскольку в конце XVIII века главный вектор внешней политики России вновь указывал на Европу.

И в России, и в других странах к падению Бастилии и последующим революционным событиям во Франции вначале отнеслись сочувственно, как к торжеству идеалов Просвещения, и даже радовались ослаблению соперника на международной арене. «Санкт-Петербургские ведомости» были в числе первых европейских газет, опубликовавших Декларацию прав человека и гражданина: «1) Все люди рождаются вольными и в совершенном в рассуждении прав равенстве; различия же должны быть основаны на единой токмо общей пользе. 2) Всякое общество обязано иметь главным предметом бытия своего соблюдение естественных и забвению не подлежащих прав человека. Права сии суть: Вольность, Собственность, Безопасность и Противоборство угнетению. 3) Всякая верховная власть имеет основание своё в народе; и никакое общество властвовать не может, не заимствуя власти от народа...»

Но скоро стало ясно, что «французская мода превратилась в эпидемию» и угрожала всему «старому режиму» Европы. Русские дипломаты в Париже подкупили знаменитого деятеля революции Мирабо и пытались организовать бегство короля Лю-

довика XVI с русским паспортом. Екатерина II в 1792—1793 годах сколачивала коалицию европейских стран против Франции и предлагала «уничтожить все демократические учреждения и наименования; революционные документы и революционную печать повсеместно сжигать». Она не признавала принципа «равенства» («Равенство — это чудовище, которое хочет стать королём», — говорила она статс-секретарю Храповицкому) и писала, что от природы «питает большое презрение ко всем народным движениям». Но будучи мудрым политиком, она полагалась не только на силу — предлагала предоставить французам «умеренную свободу» и даже конституцию:

«В настоящее время достаточно десяти тысяч человек войска, чтобы пройти Францию от одного конца до другого. К набранному войску неминуемо присоединятся все оставшие родину французские дворяне, а может быть также и полки немецких государей. Многого можно ожидать и от многочисленного дворянства, которое сядет на коней и со шпагою в руках провозгласит себя дружиною короля, действующей для освобождения его и королевства, угнетённых, разорённых и ограбленных тиранами и разбойниками. Восстановить монархию и монарха, разогнать самозванцев, наказать злодеев, избавить государство от угнетения, тотчас же объявить прощение и забвение всем, изъявляющим покорность и признающим законного государя. Французское духовенство получит назад, что останется нераспроданного из его имущества, дворянство — свои права сословные, государственные области — то, чего они потребуют. Есть вероятность, что многие выборные перейдут на сторону власти и справедливости, как скоро увидят себе поддержку. Посему придумали, что нужно бы составить акт, который бы послужил им точкою соединения. Подписавшиеся под этим актом соединения согласятся: 1) поддерживать римско-католическую религию в её неприкосновенности, 2) хранить верность королю, 3) освободить его, 4) восстановить правительство по единодушному желанию народа, выраженному в областных наказах, следовательно, в поддержании трёх сословий касательно их сущности, собственности и безопасности...»⁴⁴

Однако после казни короля в 1793 году дипломатические и торговые связи с Францией были прерваны. Теперь «Ведомости» уже обличали её «самозванный народ, составленный из попов, стряпчих, профессоров, бродяг и их сволочи», и предрекали ему печальную судьбу: «Должно ему одичать совершенно и свирепствовать противу всего, что он бесчеловечным своим правилам находит противным; а сие превращение человечества в зверство есть одно из ужаснейших следствий, каковое французское безначалие произвести было в состоянии».

Французская дипломатия, в свою очередь, настраивала против России Турцию, Швецию и Данию; агенты Конвента оказались в русской армии, Черноморском флоте и даже Коллегии иностранных дел. Когда 3 мая 1791 года в Польше под влиянием французских событий была принята конституция, недовольная знать обратилась к России и Екатерина II отправила в соседнюю страну войска — якобы для «защиты свободы» шляхты. Польше пришлось заплатить за успехи французских революционных войн. Ещё в 1764 году Екатерина посадила на польский трон своего ставленника Станислава Понятовского. Однако король пытался проводить укреплявшие центральную власть реформы, в стране начались смуты — и императрица склонилась на предложение Фридриха II о разделе Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией. По первому разделу (1772) Россия получила часть нынешней Латвии и Восточную Белоруссию.

В декабре 1792 года императрица чётко сформулировала своё отношение к событиям в Польше: «В Варшаве развелись клубы, наподобие якобинских, где сие гнусное учение нагло проповедуется и откуда легко может распространиться до всех краёв Польши и следовательно коснуться и границ её соседей... По испытанию прошедшего и по настоящему расположению вещей и умов в Польше, то есть по непостоянству и ветрености сего народа, по доказанной его злобе и ненависти к нашему и особливо по изъявляющейся в нём склонности к разврату и неистовствам французским мы в нём никогда не будем иметь ни спокойного, ни безопасного соседа иначе, как приведя его в сущее бессилие и немогущество».

В январе 1793 года Россия и Пруссия совершили второй польский раздел. Депутаты сейма в полном молчании ратифицировали его: несогласных силой удаляли с заседания, а их имущества конфисковывались. Так Россия получила Правобережную Украину. Поляки ответили восстанием под руководством Тадеуша Костюшко. Осенью 1794 года войска России и Пруссии разбили повстанцев, Костюшко попал в плен. Варшава была взята штурмом армией Суворова. По третьему разделу страны (1795) к России отошли Западная Белоруссия, Литва и Курляндия. Несчастный Станислав Понятовский отрёкся от престола и спустя три года скончался в почётном плену в Петербурге, а Польша как самостоятельное государство прекратила существование — до 1918 года. Императрица гордилась тем, что не взяла «ни клочка» собственно польских земель, но опасалась появления французской «заразы» близ российских границ. Она писала Суворову: «Я была бы виновата перед потомством, если б дала усилиться бунтовщикам; разврат французский разлился бы по лицу России и наводнил бы весь Север».

На закате

В 1790-х годах Екатерина находилась на вершине славы и могущества. «Осанка её величественна, такую воображала я себе в детстве волшебницу. Лицо у неё широкое и полное, с виду нельзя ей дать 60 лет. Волосы и брови у неё не крашенные, совсем седые и густые; причёска совершенно соответствует её летам. Головной убор приколот двумя огромными бриллиантами. Выражение лица очень приятно, рот до сих пор необыкновенно красив, нос не велик, но прекрасной формы и чудные голубые глаза, без которых нельзя вообразить её. Она слегка румянится, но кожа так свежа у неё, что, наверное, она никогда не белилась. Поступь у неё удивительно лёгкая, не по летам, и вообще её можно назвать олицетворением “крепкой старости”» — так выглядела 66-летняя российская императрица в 1795 году по описанию герцогини Августы Софии Саксен-Зальфельд-Кобургской, прибывшей в Петербург выдавать одну из своих дочерей замуж за великого князя Константина Павловича.

Екатерина вела всё тот же размеренный образ жизни и постоянно работала. Конечно, силы были уже не те. Она располнела, стала с трудом подниматься по лестнице, читала в очках; донимали колики, простуды, ревматизм. Один за другим уходили из жизни её сподвижники и друзья молодости — Григорий Орлов, братья Никита и Пётр Панины, фельдмаршалы Александр Голицын и Захар Чернышёв, незаменимый Потёмкин, генерал-аншеф Юрий Броун, генерал-прокурор Александр Вяземский, подруги Прасковья Брюс и Мария Нарышкина. Неумолимое течение времени уносило современников Екатерины, и ей оставалось лишь запечатлеть их на страницах своих мемуаров.

В день пятидесятилетия своего приезда в Россию, 11 февраля 1794 года, она писала Гримму: «Да, я думаю, что здесь в Петербурге едва ли найдётся десять человек, которые бы помнили мой приезд. Во-первых, слепой дряхлый Бецкой: он сильно заговаривается и всё спрашивает у молодых людей, знали ли они Петра 1-го. Потом 78-летняя графиня Матюшкина, вчера танцовавшая на свадьбах. Потом обер-шенк Нарышкин, который был тогда камер-юнкер, и его жена. Далее его брат обер-штальмейстер; но он не сознается в этом, чтоб не казаться старым. Потом обер-камергер Шувалов, который по дряхлости уже не может выезжать из дому, и, наконец, старуха моя горничная, которая уже ничего не помнит. Вот каковы мои современники! Это очень странно: все остальные годились бы мне в дети и внуки. Вот какая я старуха! Есть семьи, где я знаю уже пятое и шестое поколения».

Ситуация в Европе становилась всё более опасной. Императрица понимала, что «французский разврат» несёт угрозу привычному мироустройству, и иногда не могла сдержаться себя. Не менее знаковой, чем дело Радищева, стала бессудная расправа с одним из самых благородных людей той поры — Николаем Ивановичем Новиковым, основателем Типографической компании. Новиков и его друзья-масоны ставили целью духовно-нравственное исправление личности на стезях христианского вероучения. Они реализовали масштабный просветительно-филантропический проект: за десять лет (1779—1789) аренды университетской типографии было выпущено около девятисот изданий — примерно четверть всей печатной продукции того времени, в том числе первые в России женские, детские, философские, агрономические журналы, учебники, словари и т. п. Ими были открыты при Московском университете педагогическая семинария для подготовки преподавателей гимназий и пансионов, первое студенческое общество («Собрание университетских питомцев»), больница и аптека с бесплатной раздачей лекарств бедным. Студенты организованной ими переводческой семинарии обучались на средства, собранные масонами. Размах независимой от правительства общественной инициативы насторожил Екатерину, а заграничные масонские связи Новикова и его друзей и их попытки установить контакт с наследником Павлом переполнили чашу её терпения. В 1792 году она повелела начать расследование по делу просветителя. «Князь Александр Александрович! ...видя из ваших реляций, что Новиков человек коварный и хитро старается скрыть порочные свои деяния, а сим самым наводит Вам затруднения, отлучая Вас от других порученных от нас Вам дел, и сего ради повелеваем Новикова отослать в Слесьбургскую крепость», — приказала она 10 мая московскому главнокомандующему Прозоровскому.

Вопросы, заданные Новикову на следствии, несли отпечаток представлений императрицы о масонстве: как он обогащался за счёт обмана рядовых членов масонских лож; сколько золота было получено с помощью философского камня; насколько отступил он от православия; почему установил изменнические связи с Пруссией. Новиков не признал себя виновным в том, «чтобы против правительства какое злое имел намерение». Екатерина II, не передавая дело в Сенат, лично определила, что он виновен по шести пунктам обвинения и «по силе законов» достоин смертной казни. Собственноручный указ от 1 августа 1792 года гласил, что государыня, «следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость».

Место у трона, освободившееся со смертью Потёмкина, занял 22-летний Платон Зубов — ротмистр Конной гвардии, «чернуша» и «резвуша», как называла его императрица в письмах. При жизни князя Таврического фаворит в дела не вмешивался; современники считали его «дуралеюшкой», но Екатерина верила в его таланты. Влияние Зубова стало расти: в 1792 году он был назначен генерал-адъютантом, в 1793-м — генерал-фельдцейхмейстером, екатеринославским и таврическим генерал-губернатором; в 1796-м стал главноначальствующим над Черноморским флотом и получил титул князя Священной Римской империи. Не имея ни знаний, ни способностей Потёмкина, Платон Александрович стал ближайшим советником императрицы и фактически сосредоточил в своих руках руководство внешней политикой России. Своими ордерами он управлял Новороссийским краем, никогда не выезжая на юг. В 1795 году он участвовал в переговорах о разделе Речи Посполитой и выдвинул масштабный проект войны с Турцией: одна армия, покорив Иран, должна была идти на Константинополь с востока, другая — через Балканы с запада. Частью этого плана стал Персидский поход (1796) под началом его брата Валериана. В 1796 году по инициативе фаворита началась перечеканка всей медной монеты с удвоением её номинала.

Государыня всё больше времени проводила в уютном придворном кругу с его домашними радостями:

«Раз в неделю бывали театры в Эрмитаже и вечера в бриллиантовой комнате. Играли в карты. У государыни были особенные карты, она играла в бостон. Князь Зубов и старик Ч. составляли всегдашнюю ея партию, четвёртый переменялся. Старик Ч. за бостоном горячился и даже до того забывался, что иногда кричал; это забавляло государыню. На святках в тронной бывали куртаги. Пели святочные песни, хоронили золото, играли в фанты, в верёвочку. Государыня мастерица была ловить в верёвочку. Когда, бывало, среди круга подойдёт к кому-нибудь и станет разговаривать, тот возьмёт свои меры, снимет руки с верёвочки, и вдруг она ударит, человека чрез три, того, который и не воображал быть пойман. Куртаги оканчивались всегда танцами.

В Царском Селе государыня жила, как помещица... В хорошие вечера государыня гуляла со всем двором в саду и, возвратясь с прогулки, садилась на скамейке против монумента Румянцева. Здесь начиналась игра *à la guerre*, или, как называли, в знамёна. Кавалеры и фрейлины разделялись на две партии: одна становилась у дворца, другая к стороне концертной залы. У каждой было своё знамя; кто отбивал знамя, тот одерживал победу. Арбитром был князь Барятинской; он садился на ступеньки монумента. *Attention, messieurs!* — кричал он, и игра начиналась, бегали, ловили друг друга, упо-

требляли все хитрости, чтобы отбить знамя. В этой игре князь Зубов и камергер М[усин]-П[ушкин] отличались. Быстрее их никто не бегал. Осенью императрица жила в Таврическом дворце. Туда все приезжали во фраках, часто танцевали и даже в саду. Бывали и русские пляски; великие княжны Александра и Елена Павловны участвовали в сих плясках, кавалером их был граф Ч., который плохо говорил по-русски, но плясал по-русски в совершенстве»⁴⁵.

Тем не менее работа над «фундаментальными законами» продолжалась: готовились Наказ Сенату, Уголовное уложение, «Жалованная грамота государственным крестьянам», которые должны были утвердить сословную систему и гарантировать подданным их права и судебную защиту. Проект Устава о тюрьмах предполагал содержание заключённых за казённый счёт, регулярное питание и медицинское обслуживание. Екатерина понимала, что реализация новых разработок зависит от её преемников, а ограничить самодержавную власть не считала полезным. «...Никакая другая, как только соединённая в его (императора. — *И. К.*) особе власть не может действовать сходно с пространством толь великого государства», — писала она в Наказе.

В черновиках остался и важнейший указ о престолонаследии. В течение своего царствования Екатерина несколько раз возвращалась к работе над ним. Сохранились по крайней мере три проекта закона, датируемые 1767—1768, 1785 и 1787 годами. Во всех вариантах предусматривался переход престола по прямой нисходящей мужской линии, хотя не исключалось и «женское правление» при отсутствии наследников-мужчин.

Реформы Екатерины были рассчитаны на долгий срок. Сама она в 1782 году, спустя почти семь лет после введения новых губернских учреждений, писала посетившему Псков сыну Павлу: «Очень рада, что новое устройство губернское показало Вам лучше, чем прежнее. Посещение епархий показало Вам детство вещей, но кто идёт медленно, идёт безопасно». Конечно, за несколько лет нельзя было создать просвещённое, богатое и послушное третье сословие — русский город был слишком слабым, чтобы представлять возможный противовес дворянству. Но именно при Екатерине завершился долгий процесс централизации страны: была ликвидирована автономия Украины — упразднена власть гетмана и перестала существовать Запорожская Сечь.

Царствование Екатерины II стало «золотым веком» дворянства. Её эпоха породила уют и поэзию русской усадьбы, изысканность дворцовой архитектуры, философские споры в тиши библиотек, блеск балов и празднеств. Ворота богатых домов всегда были распахнуты для приёма гостей и соседей, еже-

дневно был накрыт, по выражению поэта Державина, «дружеский незванный стол» на 20—30 человек. А сколько радости доставляли охота, оркестры, балет! Только в Москве в начале XIX столетия было до двадцати барских театров с крепостными актёрами и музыкантами. Российские дворяне «открыли» для себя Европу — уже не в качестве петровских «пенсионеров», а как знатные туристы. С середины века познавательные путешествия становятся нормой для тех, кто мог себе их позволить.

Для крестьян же оставались рекрутчина, подушная подать и крепостной гнёт. Пётр I до 1710 года раздарил дворянам 43 тысячи крестьянских дворов; в 1725—1762 годах было роздано около 250 тысяч душ, при Екатерине II — 425 тысяч. С другой стороны, секуляризация церковных земель сделала около двух миллионов монастырских крестьян государственными. Манифест 1775 года вводил свободу предпринимательства: теперь представители всех сословий получили право «заводить станы и рукоделия», не испрашивая разрешения властей и без всякой регистрации. В 1769 году в России впервые появились бумажные деньги — ассигнации номиналом 25, 50, 75 и 100 рублей, облегчившие операции с крупными суммами. С присоединением Северного Причерноморья возникли новые города Одесса, Херсон, Николаев, Севастополь, оживилась черноморская торговля. С 1764 года любой желающий мог купить землю для заведения предприятия на юге, в Новороссии; спустя два года императрица разрешила приобретать земли дворцовым, а с 1788-го — казённым крестьянам (но не лично, а от имени волости). Введение свободы предпринимательства и невозможность покупки рабочих рук (в 1762 году купцам и промышленникам было запрещено покупать «деревни» к заводам) заставляли мануфактуристов учитывать конъюнктуру рынка и привлекать вольнонаёмных рабочих.

За годы правления Екатерины II население страны увеличилось с 20 до 36 миллионов человек, бюджет — с 16 до 69 миллионов рублей. Военное могущество обеспечивалось четырёхсоттысячной армией и флотом. Но за громкими победами и официальным «благоденствием» империи к концу столетия проявлялись первые признаки начинавшегося кризиса. Дорогостоящие войны и реформы привели к бюджетному дефициту. Эмиссия бумажных денег способствовала инфляции — в начале XIX века покупательная способность серебряных денег была в четыре раза выше, чем ассигнаций. В 1769 году правительство впервые прибегло к заграничным займам у голландских и генуэзских банкиров, а в 1780—1790-х годах было заключено 22 четырёх- и пятипроцентных займа; внешний долг составил 55 миллионов рублей серебром. «Золотой век» импе-

рии оказался тяжким для подданных; по антропометрическим данным, за полвека (1745—1794) вследствие падения жизненного уровня большинства населения России средний рост армейских новобранцев уменьшился с 164,7 до 160 сантиметров.

Пятого ноября 1796 года императрицу разбил инсульт. Запись в камер-фурьерском журнале гласила: «...Наша благочестивейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, быв объята страданием вышеписанной болезни, чрез продолжение 36 часов, без всякой перемены, имея от рождения 67 лет, 6 месяцев и 15 дней, наконец 6-го числа ноября, в четверток, пополудни, в три четверти 10-го часа, к сетованию всея России, в сей временной жизни скончалась».

Незадолго до своего пятидесятилетия государыня написала шутливую эпитафию самой себе:

«Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля/2 мая 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцать лет от роду она возымела тройное желание: нравиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы предуспеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочла много книг. Вступив на российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Милостивая, обходительная, от природы весёлого нрава с душою республиканскою и с добрым сердцем, она имела друзей. Работа ей легко давалась. Она любила искусства и быть на людях»⁴⁶.

Спустя десять лет, в 1789 году она уже серьёзно подводила итог своего правления в письме доктору и философу Иоганну Георгу Циммерману: «Я уважаю философию, так как в душе я всегда была вполне республиканкой; я согласна с тем, что это свойство моей души представляет, может быть, странную противоположность с неограниченной властью, присвоенною тому положению, которое я занимаю, но зато никто в России не скажет, что я злоупотребляла этою властью... В политике я старалась держаться такого образа действий, который казался мне наиболее полезным для моей страны и наиболее сносным для других государств. Если бы я видела лучший путь, то я последовала бы ему; Европа напрасно тревожилась моими планами, от которых, напротив, она могла только выиграть. Если мне платили неблагодарностью, по крайней мере никто не скажет, что я была неблагодарна; нередко я мстила врагам, делая им добро или прощая им обиды. Вообще человечество имело во мне друга, не изменявшего ему ни в каком случае».

Глава одиннадцатая
«НЕПРОСВЕЩЁННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ»

О Павел! Ты наш бог земной!

Г. Р. Державин

Одинокий наследник

Современники воспринимали Павла I как стихийное бедствие; люди просвещённого XIX века видели в нём ходячий анекдот. Однако и спустя два столетия историки оценивают личность императора и его политику весьма различно. Одни (С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, К. В. Сивков, С. Г. Пушкарёв, Б. И. Сыромятников) считают сына великой Екатерины психически неуравновешенным человеком; другие характеризуют его режим как «военно-полицейскую диктатуру» (Н. П. Ерощкин, Н. Б. Голикова, Л. Г. Кислягина, М. М. Сафонов) или «непросвещённый абсолютизм» (Н. Я. Эйдельман). Третьи (Ю. А. Сорокин), наоборот, видят в нём умного и способного человека, проводившего «единственно возможную политику», и считают, что его причуды «не выходят за рамки порядков и обычаев, господствующих в его время и в его социальной среде».

Его биография началась в спокойное царствование Елизаветы Петровны. После беспорядка с престолонаследием «эпохи дворцовых переворотов» впервые был назначен бесспорный наследник престола — внук Петра I великий князь Пётр Фёдорович; в 1754 году у его супруги Екатерины Алексеевны родился сын Павел. Злые языки уже тогда говорили, что будущий император — не сын наследника, да и сама Екатерина не особо старалась пресечь подобные намёки. Она не занималась воспитанием сына — его сразу же отобрали у матери, и младенец находился на попечении бабки и её доверенных лиц. Однако будущее мальчика было ясным — ему предстояло унаследовать после отца российский трон. Но в 1761—1762 годах всё смешалось в царском семействе: бабка Елизавета умерла, Пётр III через полгода был свергнут и при неизвестных до сих пор обстоятельствах убит, а на предназначенном Павлу престоле оказалась его мать.

В то время мальчик был всего лишь статистом при куда более опытных актёрах. «Черты лица великаго князя не имеют ни правильности, ни красоты, но общее выражение его замечательно интеллигентное. На вид он изящен и танцует он, для своих лет, грациозно. Вследствие неразумной заботливости императрицы Елизаветы, при жизни которой ему никогда не давали подышать открытым воздухом, он очень тщедушен, но силы его с каждым днём прибывают. Он обладает живою понятливостью и прекрасною памятью, но не имеет выдержки в учебных занятиях; тем не менее он более сведущ, чем обыкновенно бывают в его годы принцы; а так как мать не делает ему особенной поправки, учителя же его способны и старательны, то он может достигнуть значительных успехов. Говорят, он очень похож по манере, а отчасти и по наклонностям, на покойнаго императора, особенно же тем, что очень пуглив», — описал его английский посланник граф Бакингамшир. После беседы с маленьким наследником англичанин отметил, что «его речь и манера приятны и привлекательны, и держит он себя необыкновенно для своих юных лет». Другие современники отмечали способности наследника к точным наукам, военному делу, интерес к искусству, философии... и тяжёлый характер.

Его мать, с одной стороны, заботилась о репутации наследника, с другой — изящно показывала, кто в государстве главный: указ 1763 года разрешал Павлу как бы по его инициативе открыть в Москве больницу (нынешнюю клиническую больницу № 4 — старейшее лечебное учреждение города). Она не собиралась уступать ему место, но и не могла не опасаться его. Павел с малых лет попал в поле политических интриг, стал знаменем всех недовольных политикой и стилем правления Екатерины. Почти десять лет он учился и вырос под надзором «первого члена» Коллегии иностранных дел, одного из ближайших сподвижников Екатерины и её учтивого, но постоянного оппонента Никиты Ивановича Панина. Именно Панин подал императрице проект создания Императорского совета. Он не посягал на прерогативы монарха, но внушал Екатерине, что самодержавную власть нельзя «в полезное действие произвести» иначе «как разумным её разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон».

Осторожный Панин своих планов никогда не раскрывал; можно лишь предполагать, что его целью было установление соправительства Екатерины и Павла, при котором сам он играл бы роль третьего лица в государстве. Екатерина это знала, но изменить положение не могла. В первые годы на престоле она чувствовала себя неуверенно и нуждалась в поддержке, а

за Паниным стояла влиятельная придворная «партия» — его брат генерал Пётр Панин, камергер и обер-прокурор Сената Александр Куракин, генерал и дипломат князь Николай Репнин, секретарь и единомышленник Панина драматург Денис Фонвизин. Впоследствии Екатерина признавалась своему секретарю Храповицкому, что «по политическим причинам не брала его (Павла. — *И. К.*) от Панина: все думали, что ежели не у Панина, так он пропал!».

Юный великий князь не только постигал книжную премудрость — его с детства окружали большие и малые персоны двора, иноземные гости, дамы и фрейлины. Надо было постигать науку общения со знатными подданными, уметь вести себя в обществе, слушать наставления матери и рассказы умудрённых опытом вельмож о жизни недружной «семьи» европейских монархов, о «статских», военных и морских делах (наследник являлся генерал-адмиралом российского флота).

Вот описание двух дней из жизни Павла в мае 1765 года, сделанное Семёном Порошиным:

«11. Встал четверть осьмого. За чаем говорил со мною о вчерашнем балете и кое о каких вчерашних его примечаниях, о летнем дворце, о переходе туда и проч. Во время убирания волос сперва твердил Платонов урок из богословия, потом Фаворовы сочинения читал, оперу *comique Anette et Lubim u Fete d'amour**. Одевшись, бегал в жёлтой комнате. В начале одиннадцатого сел учиться, потом в воланы. Обедал у нас Салдерн, дежурный гвардейский майор кн. Черкасской и Набоков. Никита Иваныч тут же обедал. После обеда учился великий князь у меня очень хорошо. Потом стали понаезжать из Сарского села Елагин, гофмаршал и проч. В седьмом часу и государыня из Сарского прибыть изволила. Поздоровавшись с великим князем, за собой ему ийтить в опочивальню приказала. Через полчаса времени вышла, и он за нею. Над Гагариным шутить изволила, и то с тем, то с иным говорила. Через полчаса времени или меньше изволила пойти ко всенощной, а мы к себе. Там с кн. Гагариным и со мною разсуждал Никита Иваныч, как бы здесь в деревнях завести фермы. Пришёл братец его, пошли они к себе, а великий князь скоро стал ужинать и потом спать десятого в половине.

12. Вознесение Господне. Его высочество, одевшись, изволил читать с отцом Платоном Священное Писание. В церковь, оттуда к государыне. Туда в бильярдную мичмана Алисова приводили, которой приехал из Ост-Индии... Алисов за обедом и после обеда про Ост-Индию рассказывал. Иван Григорьич — про флот и неудовольствие его по оному. После обеда великий князь по собственному его побуждению вы-

* Комическую оперу «Анетта и Любим» и «Праздник любви» (*фр.*).

просил Алисову 30 имперялов, кои я ему отдал... После к государыне, там большой берлан был, и она играть изволила. В пули червонцев с 50, разделили их за тем, что для великого князя поздно вато становилось. Остальные он выиграл. Государыня короля сбросила для него, как мне показалось. Государыня говорила об обычаях по смерти французского короля, о коронации цесарской. В берлан играли Никита Иваныч, великий канцлер, генерал Голицын, молодой Миних, Вадковский, Вяземский, Гагарин, Зиновьев, Шереметев, государыня и наш. Потом ушёл к себе ужинать и спать»⁴⁷.

Двадцатого сентября 1772 года Павлу исполнилось 18 лет — но в его положении ровно ничего не изменилось. Правда, спустя год Екатерина женила сына на выбранной для него принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской (в православии Наталье Алексеевне). И именно тогда Панин — с почётом и богатыми подарками — был отставлен от должности воспитателя великого князя. Декабрист Михаил Фонвизин, потомок писателя, сообщил в мемуарах о якобы имевшем место заговоре братьев Паниных с целью воцарения Павла, раскрытом из-за предательства панинского секретаря Бакунина:

«...граф Н. И. Панин, брат его фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо неё возвести совершеннолетнего её сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил её своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие. Душою заговора была супруга Павла, великая княгиня Наталья Алексеевна, тогда беременная. <...>

При графе Панине были доверенными секретарями Д. И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин, оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решился быть предателем. Он открыл любовнику императрицы Г. Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. Она позвала к себе сына и гневно упрекала его участие в замыслах против неё. Павел испугался, принёс матери повинную и список всех заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: “Я не хочу знать, кто эти несчастные”. Она знала всех по доносу изменника Бакунина. Единственную жертвою заговора была великая княгиня Наталья Алексеевна: полагали, что её отравили или извели другим способом... Граф Панин был удалён от Павла с благово-

лительным рескриптом, с пожалованием ему за воспитание цесаревича 5 тысяч душ и остался канцлером... Над прочими заговорщиками учреждён тайный надзор...

Панин предлагал установить политическую свободу сначала для одного только дворянства в учреждении верховного Совета, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц... Сенат был бы облечён полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная... В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей. Проект был написан Д. И. Фонвизиним под руководством графа Панина»⁴⁸.

Мы и сейчас не знаем, существовал ли заговор в действительности, — иных свидетельств о нём нет. Однако шансы Павла на трон оценивались при дворе скептически. Прусский посол Евстафий фон Герц докладывал Фридриху II: «Можно быть уверенным, что он никогда не склонится к перевороту, никогда никаким, даже самым косвенным образом не будет ему способствовать, даже если бы недовольные, в коих нет недостатка, затеяли таковой в его пользу».

Павел так и остался вечным наследником — Екатерина не допускала его к делам. Великий князь формально возглавлял морское ведомство, но главным лицом в Адмиралтействе стал придворный и дипломат И. Г. Чернышёв — именно он объявлял императорские повеления. Павлу, конечно, давали на подпись не слишком важные бумаги, и он справедливо гневался, получив на утверждение, например, чиновничье решение «о определении в Кронверкскую гавань отставного лейтенанта Полянского, о дурном поведении которого, о дурной рекомендации бывших его командиров и о пьянстве его не токмо Коллегия сведома, но ещё, при представлении его к определению, все его дурные качества исчисляет». Рассерженный генерал-адмирал наложил резолюцию: «...государственной адмиралтейской коллегии нерассмотрение и с самой собой противуречие побуждает меня советовать ей впредь остерегаться и подобных мне представлений не чинить».

Несмотря на просьбы сына, Екатерина не ввела его в Совет при высочайшем дворе, где обсуждались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. В лучшем случае ему разрешалось присутствовать при чтении писем. Семейная жизнь тоже не складывалась. Павел искренне привязался к супруге, но в апреле 1776 года Наталья Алексеевна умерла от родов, а Екатерина рассказала убитому горем сыну о её измене с придворным и другом Павла графом Андреем Разумовским.

Второй брак был более удачен — в принцессе Софии Доротеи Августе Луизе Вюртемберг-Монбельярской, ставшей в России великой княгиней Марией Фёдоровной, Павел нашёл близкого человека. «Мой дорогой, мой нежный друг. Вот уже три дня, как я не писал вам, ангел мой, и эти три дня показались мне вечностью, таково состояние моей души. Я испытал потребность открыть вам моё сердце, которое существует только ради вас», — обращался он к будущей жене, прибывшей в Царское Село в августе 1776 года. Она же старалась понравиться мужу. «Сбереги только меня, люби только меня, и ты будешь мною доволен», — писала ему по-русски «Машенька». Императрица же получила внуков: в 1777 году — Александра, а в 1779-м — Константина, которых сразу же отобрала у родителей. В сентябре 1781 года Павла с женой отправили в путешествие по Европе.

Графа и графиню Северных (под этим именем 14 месяцев вояжировали супруги) с почётом принимали в Варшаве, Вене, Риме, Неаполе, Антверпене. Путешественники поднимались на Везувий, несколько раз побывали в Помпеях и Геркулануме, где уже развернулись археологические исследования. В Венеции они целую неделю провели почти без сна — побывали во всех знаменитых палаццо, соборах и монастырях, наслаждались регатой на Канале Гранде, знаменитым карнавалом на площади Сан-Марко, иллюминацией и фейерверками...

Следом их путь лежал в Париж, где публика под влиянием прибывшей четы увлеклась всем российским. Северные гости несколько не были похожи на «варваров» — напротив, покоряли своей «французскостью»: образованные, галантные, щедрые. Они покупали себе наряды, делали заказы на изготовленные гобелены и севрского фарфора; предприниматели тут же выпустили фарфоровые медальоны и сервизы с изображением знатных гостей и их бюсты, тут же вошедшие в моду. Король Людовик XVI демонстрировал августейшим путешественникам французское гостеприимство — их принимали в Версале и резиденциях французской аристократии. Они совершили прогулку в парке Монсо: «...проследовав по тысяче извилистых тропинок под тенью клёнов, сирени, ломбардских тополей и множества индийских кустарников, надышавшись свежим воздухом и отдохнув на лужайках, усыпанных тимьяном и Богородицыной травкой, посетив хижину и готические замки в развалинах, граф и графиня Северные разделили скромный обед пастухов, возвращавшихся со своих полей...»

Но после блестящего турне Павлу с женой пришлось снова играть в Петербурге не слишком почётную роль отдалённых от «большой политики» «производителей» продолжателей дина-

стии. Когда в 1783 году императрица завела с сыном откровенный разговор о международных делах, Павел был удивлён и даже записал его:

«Сего дня, мая 12, 1783 г., будучи по утру у государыни, по прочтении депешей, читан был объявительной манифест о занятии Крыма. Сей манифест будет всему свету известен, то я о нём ничего и не пишу. Когда сие чтение кончилось, я встав, сказал: должно ожидать, что турки на сие скажут.

Государыня: Им ничего отвечать не можно, ибо сами пример подали занятием Тамана и генерально неисполнением Кайнарджицкаго трактата.

Я: Но что протчия державы станут тогда делать?

Государыня: Франция не может делать, ибо и в прошлую войну не могла каверзами ничего наделать. Швеции — не боюсь. Император, если бы и не стал ничего делать, так мешать не будет.

Я: Французы могут в Польше нас тревожить.

Государыня: Никак, ибо и в прошлую войну ничего же важнаго всеми конфедерациями не наделали и нам в главном ни в чём не помешали.

Я: Но в случае бы смерти нынешняго Польскаго Короля, при выборе новаго, ибо нынешний слаб здоровьем, могут нас беспокоить или выбором своим, или мешая нам, как то именно Саксонской фамилии.

Государыня: Для сего стараться надобно выбор свой сделать...

Я: Но чтоб другия, вместо нас, того же с Польшею, по нынешнему ея состоянию, делать не захотели?

Государыня: Я тебе скажу, что для сего надобно попасть на человека приятного нации и не имеюшаго связей (*Anhang*); в доверенности я тебе скажу, что для сего у меня на примете есть уже племянник королевской князь Станислав, котораго качества и тебе и мне известны.

Я: На сие не мог иначе отвечать как со удовольствием.

Государыня: Прошу о сём не говорить. Я и сама никак ему даже виду не подаю, чтоб дела прежде времени не испортить...

Доверенность мне многоценна, первая и удивительна»⁴⁹.

Продолжения, однако, не последовало. «Мне тридцать лет, а дела нет. Впрочем, я полагаюсь на промысел Божий и тем утешаюсь... Моё спокойствие основано не только на покое, окружающем меня в моих владениях, но, главное, — на моей чистой совести... Это меня утешает, возвышает и наполняет терпением, которое посторонние принимают за угрюмство нрава», — объяснял Павел своё состояние Николаю Румянцеву в 1784 году. Мария Фёдоровна была обижена указами императрицы против роскоши, запрещавшими 23-летней женщине

являться ко двору в платьях из парчи и делать причёски выше двух вершков; жене наследника, славившейся длинными и густыми волосами, пришлось, плача, подстригать их.

Когда с началом второй Русско-турецкой войны Павел стал проситься в армию, государыня категорично велела ему отложить отъезд до родов Марии Фёдоровны, а на возражение сына, что в Европе уже знают о его сборах, ответила: «Касательно предлагаемого мне вами вопроса, на кого вы похожи в глазах Европы, отвечать нетрудно. Вы будете похожи на человека, подчинившегося моей воле». Каково это было слышать 34-летнему мужчине, мыслившему себя военным человеком, в то время как младшие его современники покрывали себя славой на полях сражений?

«Малый двор» всё больше замыкался в загородных владениях — Павловске и Гатчине. «Село Павловское» было подарено великому князю в связи с рождением первенца Александра, и супруги летом «имели пребывание» в своих загородных «домиках». Гатчина досталась новым хозяевам в августе 1783 года уже обустроенным помещьем, «с тамошним домом, со всеми находящимися мебелью, мраморными вещами, оружейною, оранжереєю» — одним из самых больших в окрестностях Петербурга дворцов, построенным по проекту архитектора Антонио Ринальди и ранее принадлежавшим покойному фавориту императрицы Григорию Орлову.

У каждого была своя любимая резиденция. Приближённый к «малому двору» князь Иван Михайлович Долгоруков вспоминал: «В Гатчине он (Павел. — *И. К.*) был хозяин, а в Павловске супруга его». Мария Фёдоровна прилагала немалые усилия, чтобы «её» Павловск «мог выдержать сравнение с Гатчиной», которую в переписке с управляющим называла «опасной соперницей». Она распорядилась построить уютный парковый павильон («Шале») на левом берегу речки Славянки, предназначенный для отдыха после прогулок по парку и детских игр и стилизованный под немецкий сельский дом — с прямоугольными окнами, покрытыми соломой шатровыми и двускатными кровлями (дань сентиментальным воспоминаниям детства великой княгини). Для «Шале» в Англии был заказан «старошалайный» сервиз из фаянса, украшенный сельскохозяйственными орудиями — лопатами, граблями и т. д. Продуманное до мелочей убранство интерьера контрастировало с простотой фасадов. Мария Фёдоровна, как и французская королева Мария Антуанетта, хотела быть ближе к природе. В парке по берегам Славянки паслись овцы, а при павильоне «Молочня» содержались голландские коровы и козы; в полдень звон колокола призывал отведать свежего молока с хле-

бом. Несколько раз в неделю великая княгиня в сопровождении одетых пастушками фрейлин отправлялась доить чисто помытых к её приходу коров.

Архитектурный облик гатчинского дворца был уже сформирован, но его апартаменты приспособляли к вкусам новых владельцев. Отделка покоев супруги наследника поражала роскошью и изяществом, глаз радовали лепное убранство, изысканный рисунок паркета, мебель, блеск хрусталя, фарфора, золочёной бронзы. Увлечения Павла находили отражение в коллекции картин. В комнатах наследника не было ни одного портрета Екатерины II, зато в Овальном кабинете видное место занимал большой портрет отца, а собрание картин по подбору художников напоминало коллекцию самого Петра III в Ориенбауме. А вот портретов Фридриха II, несмотря на кажущуюся «пруссоманию» Павла, в его личных покоях не было — зато там имелось несколько портретов (скульптурных, тканых, живописных, гравированных) французского короля Генриха IV Наваррского, чей путь к трону был весьма тернистым. В Овальном кабинете находились и изображения двух прадедов Павла Петровича: родного — Петра I и двоюродного — Карла XII. Другие полотна, изображавшие вид Антверпена или охоту на оленя в Шантильи, поместье принца Конде, напоминали о приятном путешествии.

Конечно, ему приходилось участвовать в официальных церемониях и празднествах. Но они тяготили Павла — в глазах придворных Екатерины он играл роль незавидную, а отношения с приближёнными матери не складывались. «Великий князь крайне враждебно настроен против Зубова. Он желает зримых подтверждений тому, что Зубов — не более чем подданный, а он — великий князь. Между тем Зубов всемогущ, а он — ничто», — писал в декабре 1793 года камер-юнкер Павла Ф. В. Ростопчин послу в Лондоне С. Р. Воронцову.

В Гатчине, в отдалении от чуждого ему «большого двора» матери, наследник мог чувствовать себя относительно свободно. Здесь, в окружении преданных людей и собственных войск, непохожих на распущенных екатерининских гвардейцев, он создавал свой мир. Основу гатчинского гарнизона составили его подчинённые из флотских батальонов, назначенные для несения караулов и охраны порядка в резиденции. В 1788 году были созданы пять рот, получивших название «батальон его императорского высочества». К началу павловского царствования «гатчинцы» составляли шесть батальонов пехоты, егерскую роту, три кавалерийских и один казачий эскадрон, а также артиллерийскую команду, где начал свою карьеру знаменитый впоследствии А. А. Аракчеев. Для наследника его

войска были не только «потешными» — он видел в них ядро будущей Российской армии и сам придирчиво отбирал и производил в чины офицеров.

Шли годы — а он продолжал оставаться без короны и настоящего дела. Павел становился нетерпеливым, раздражительным; развивались ипохондрия, желчность, мстительность, неумение прощать обиды. «Каждую среду у него маневры, каждый день он лично проводит вахт-парад и присутствует при экзекуциях. Ничтожные упущения по службе, малейшее опоздание или противоречие влекут за собой его гнев. Он делает выговоры каждому и всем», — отмечал Ростопчин. Там были выношены и его политические убеждения — принцип максимально жёсткой централизации власти и отказ от излишне, на его взгляд, либеральных реформ матери.

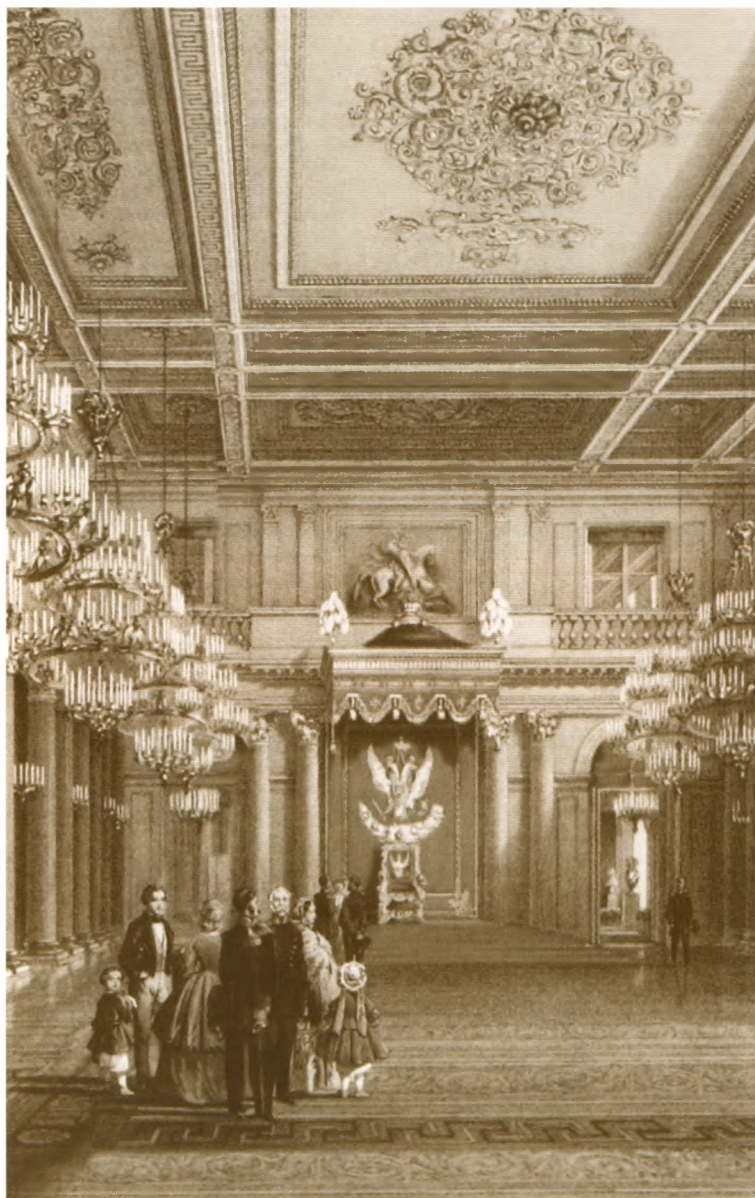
Павел мог и не дожидаться своего часа. Императрица видела, что сын не склонен следовать её реформам; к тому же не без оснований подозревала его в связях с масонами (при посредничестве известного просветителя Новикова и архитектора Баженова), в том числе с прусским королём-масоном и её врагом Фридрихом Вильгельмом II. Масонами были Никита Иванович Панин, его брат Пётр Иванович, князь Николай Васильевич Репнин, друг детства и молодости Павла князь Александр Куракин.

Правда, утверждать, что Павел был масоном, мы не можем: существует несколько версий о времени и месте его вступления в ложу, проверить которые невозможно. На допросах по делу Новикова один из масонов его круга, князь Николай Трубецкой, проговорился о том, что московские мартинисты хотели сделать Павла своим великим мастером и что, по его мнению, Павел поступил в ложу во время визита в Европу; по другим сведениям, цесаревич был принят в масоны сенатором И. П. Елагиным у него дома в присутствии графа Н. И. Панина. Среди рукописей московских мартинистов имелась песнь в честь вступления Павла в ложу:

О старец, братьям всем почтенный,
Коль славно, Панин, ты успел:
Своим премудрым ты советом
В храм дружбы сердце царско ввел...

В любом случае, став императором, Павел к масонству охладел — орден «вольных каменщиков» не очень вписывался в его идеал полицейского государства во главе с всевластным монархом.

Но в конце правления Екатерины над его головой сгущались тучи. О намерении императрицы передать престол внуку

Георгиевский (Большой тронный) зал в Зимнем дворце.
Литография Ф. Келерхофена с оригинала В. Садовникова. 1858 г. Фрагмент

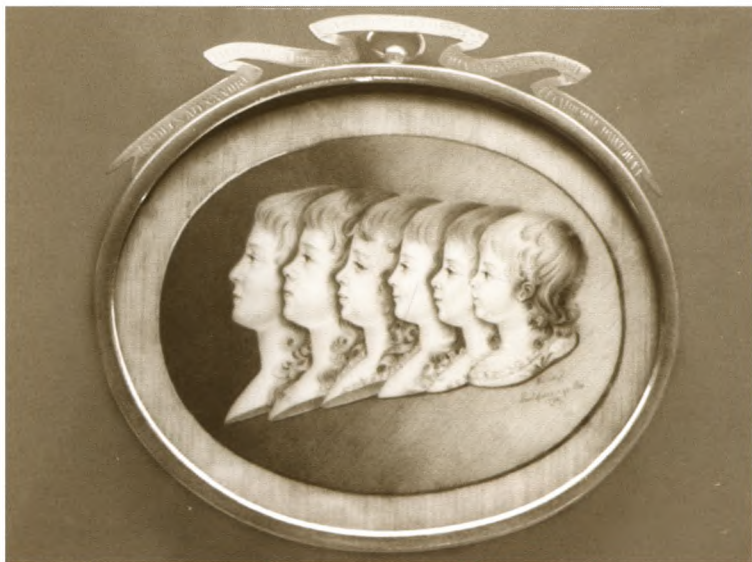

Павел I.
В. Боровиковский. 1796 г.

Императрица Мария Фёдоровна.
В. Боровиковский. Не позднее 1801 г.

Дети Павла Петровича и Марии Фёдоровны Александр, Константин, Александра, Елена, Мария и Екатерина.
Великая княгиня Мария Фёдоровна. 1790 г.

Павел I с семьёй. Слева направо: Александр, Константин, Николай, Мария Фёдоровна, Екатерина, Мария, Анна, Павел Петрович, Михаил, Александра и Елена. На заднем плане — бюст умершей в младенчестве Ольги. *Г. Кюгельген. 1800 г.*

Михайловский замок. *Акварель Д. Кваренги. 1801 г.*

Александр I и Елизавета Алексеевна.
Гравюра по оригиналу Л. де Сент-Обена. 1807 г.

Прощание Александра I с Наполеоном на берегу Немана
после заключения Тильзитского мира. *Д. Серанжели. 1807—1810 гг.*

Александр I принимает капитуляцию Парижа 19 (31) марта 1814 года.
Австрийская гравюра первой четверти XIX в.

Николай I
и Александра
Фёдоровна.
Камея А. Лагрене.
Вторая половина
1820-х гг.

Императорская
чета принимает
представителей
податных
сословий.
А. Ладюрнер.
1840-е гг.

Александра Фёдоровна со старшими детьми Александром и Марией.
Д. Доу. 1820-е гг.

Семья Александра II.
Сидят: император,
супруга наследника
Мария Фёдоровна
с маленьким
Николаем,
императрица Мария
Александровна
(фото вклеено).
Стоят: Павел,
Сергей, Мария,
Алексей, цесаревич
Александр,
Владимир.
1870 г.

Император
со второй семьёй —
Екатериной
Долгоруковой
и детьми Георгием
и Ольгой.
1878 г.

Александр II
во время
Русско-турецкой
войны
под Плевной.
1877 г.

Цесаревич Александр
Александрович
с супругой Марией
Фёдоровной.
1867 г.

Александр III с семьёй и любимым псом Камчаткой в Гатчине. 1888 г.

Крушение царского поезда. 18 октября 1888 г.

Последняя семейная фотография Александра III в Ливадии.
Сидят: Мария Фёдоровна, Михаил, Александр III.
Стоят: цесаревич Николай, Георгий, Ольга, Ксения.
Май 1893 г.

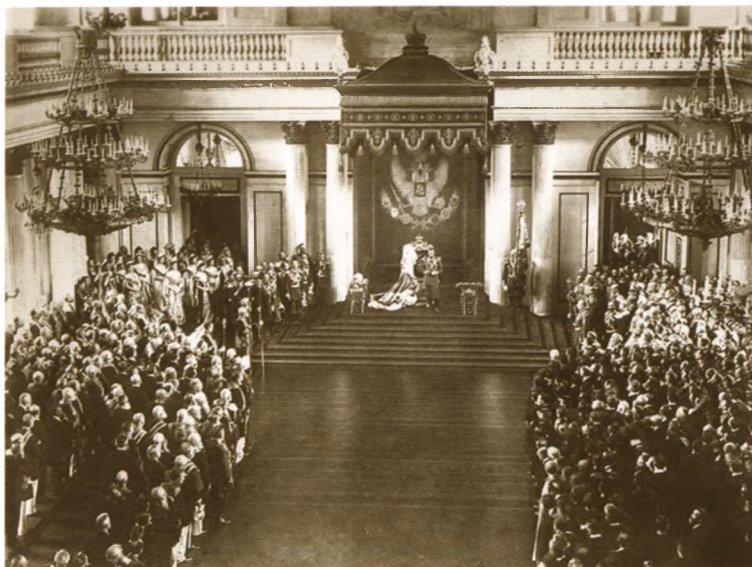
Николай II и Александра Фёдоровна в русских национальных костюмах.
1903 г.

Коронационные торжества в Москве. 14 мая 1896 г.

Ходынское поле за несколько часов до трагедии. 18 мая 1896 г.

Торжественное открытие Государственной думы и Государственного совета в Георгиевском зале Зимнего дворца. 27 апреля 1906 г.

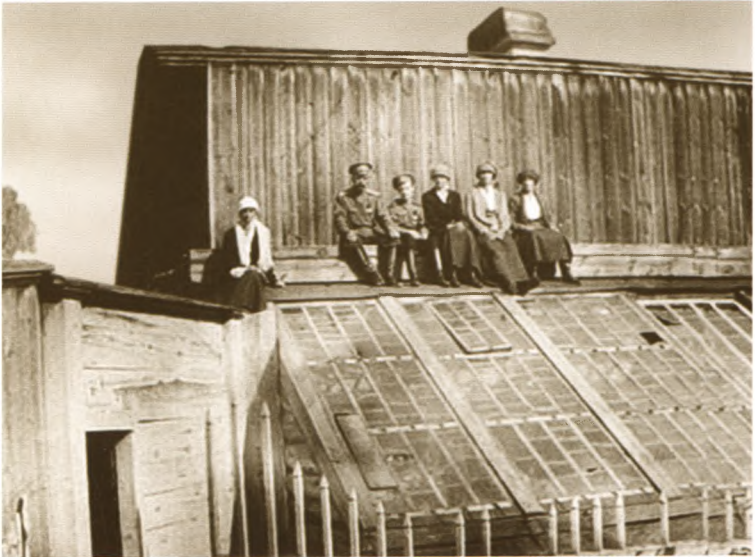
Народный дом императора Николая II в Петербурге в дни празднования трёхсотлетия царствующего дома Романовых. 1913 г.

Семья последнего императора на прогулке в Александровском парке в Царском Селе. Ничто не предвещало грядущих потрясений. 1913 г.

Последнее фото царской семьи в Тобольске. Апрель 1918 г.

До основанья, а затем... Снос памятника Александру III в Москве.
Лето 1918 г.

Демонтаж двуглавых орлов на кремлёвских башнях. 1935 г.

в обход Павла Петровича иностранные дипломаты начали доносить уже с 1782 года. Второй всплеск подобных слухов возник весной—летом 1791-го, когда Екатерина стала вызывать к себе Александра для беседы о государственных делах, которые становились известны Павлу Петровичу лишь одновременно с «публикой». 1 сентября 1791 года в письме Гримму императрица, касаясь положения дел во Франции, неожиданно проговорила: «Если революция охватит всю Европу, тогда явится опять Чингиз или Тамерлан... но этого не будет ни в моё царствование, ни, надеюсь, в царствование Александра».

Искренних друзей у Павла почти не было; одним из них стала фрейлина Екатерина Нелидова, которую великий князь ценил за ум и душу. Павел нервничал, срывался. «Невозможно смотреть без сожаления и ужаса на его деяния; он словно нарочно ищет способы распротранить к себе ненависть и отвращение; он цепляется ко всем и наказывает правых и виноватых», — писал Ростопчин. Согласно позднейшим воспоминаниям, сам наследник считал, что его приступы гнева были следствием расстройства здоровья вследствие отравления:

«Как же, — спросил я князя Лопухина, — согласить то, что вы говорите о доброте и добродушии императора Павла, с другими сведениями, коими, однако, пренебрегать нельзя? На это он ответил мне, что, действительно, государь был чрезвычайно раздражителен и не мог иногда сдерживать себя, но что эта раздражительность происходила не от природного его характера, а была последствием одной попытки отравить его. Князь Лопухин уверял меня с некоторою торжественностью, что этот факт известен ему из самого достоверного источника. (Из последующих же моих разговоров с ним я понял, что это сообщено было самим императором Павлом княгине Гагариной, в девичестве Анне Петровне Лопухиной.) Когда Павел был ещё великим князем, он однажды внезапно заболел; по некоторым признакам, доктор, который состоял при нём, угадал, что великому князю дали какого-то яду, и, не теряя времени, тотчас принялся лечить его против отравы. Больной выздоровел, но никогда не оправился совершенно; с этого времени на всю жизнь нервная его система осталась крайне расстроенною: его неукротимые порывы гнева были не что иное, как болезненные припадки, которые могли быть возбуждаемы самым ничтожным обстоятельством. Князь Лопухин был несколько раз свидетелем подобных явлений: император бледнел, черты лица его до того изменялись, что трудно было его узнать, ему давило грудь, он выпрямлялся, закидывал голову назад, задыхался и пыхтел. Продолжительность этих припадков была не всегда одинакова. Когда он приходил в себя и вспоминал, что говорил и делал в эти минуты, или когда из его приближённых какое-

нибудь благонамеренное лицо напоминало ему об этом, то не было примера, чтобы он не отменял своего приказа и не старался всячески загладить последствия своего гнева»⁵⁰.

После того как императрице стало известно о сношениях Павла Петровича с берлинским двором, резкое охлаждение между ней и сыном сделалось неизбежным. Возможно, именно тогда были составлены загадочные документы, передававшие право на престол Александру, по легенде, хранившиеся у А. А. Безбородко и отданные после смерти императрицы Павлу.

Версия о намерении Екатерины в соответствии с петровским законом о престолонаследии передать корону внуку разделяется не всеми историками. Но императрица явно думала над проблемой престолонаследия. В тексте Наказа Сенату 1787 года был тщательно прописан пункт об отрешении законного наследника в случае возможного «бунта» или если «буде доказано, что при жизни и[мператорского] в[еличества] стремился всходить на престол». Более того, Екатерина одобряла петровский закон об отрешении «своего отродия» и даже считала возможным назначение наследника (из числа «ближних по крови») Сенатом в случае, если это не было сделано при жизни государя. Но всё же Екатерина не решилась — или не успела — ни обнародовать подготовленный закон, ни воспользоваться своим правом.

Когда 5 ноября 1796 года императрицу сразил апоплексический удар, в Гатчину тут же понеслись гонцы с известием; свою записку («Она очень плоха. Если будет что-то ещё, я немедленно сообщу Вам») послал и великий князь Александр. Павел собрался ехать по-военному быстро — за 15 минут — и послал Екатерине последнее вежливое и сухое письмо: «Моя дражайшая матушка! Я осмеливаюсь засвидетельствовать Вам своё почтение, равно как и таковое же моей супруги, и назваться Вашего императорского величества послушнейшим сыном и покорнейшим слугой», — которое умиравшая уже не смогла прочесть.

Павловские порядки

Новый император примчался в Петербург и сразу же приступил к преобразованиям — он ждал этого дня почти 25 лет. «Тотчас во дворце приняло всё другой вид, загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом», — вспоминал поэт и важный чиновник Гавриил Державин.

Государь оказал посмертные почести своему отцу. Гроб Петра III был перенесён из Александро-Невской лавры, вскрыт и поставлен в Зимнем дворце рядом с гробом Екатерины. Павел торжественно короновал останки отца, после чего упокоил родителей вместе в Петропавловском соборе.

Новое царствование началось с милостей. Сразу по восшествии на престол Павел приказал освободить из тюрем и ссылки 87 человек. Вечером 5 декабря — дня погребения — он вызвал сенатора И. В. Лопухина и приказал ему объявить в Сенате «волю его об освобождении всех без изъятия заключённых по Тайной экспедиции, кроме повредившихся в уме». «Я, — вспоминал Лопухин, — обнимал колени государя, давшего сие повеление точно, кажется, по одному чувствованию любви к человечеству». Новиков был выпущен из Шлиссельбургской крепости, а Радищев возвращён из сибирской ссылки. Польского «мятежника» Костюшко император навестил в тюрьме, предоставил ему (как и всем полякам, арестованным за участие в восстании 1794 года) свободу, выдал денег и позволил уехать в Америку.

Были благодетельствованы и не столь знаменитые просители: некий Николай Судовщиков удостоился милостивой резолюции: «Дать 50 рублей» — за чувствительные стихи:

...Узреть родителя желает
И гроб его слезой омыть.
Достоин Пётр толикой жертвы,
Цари неправедны суть мертвы,
Но Пётр не преставал в нас жить.

Престарелому танцовщику Бартоломео Фациоли повезло больше — за давнее «счастье нравиться искусством своим императору Петру III» он получил целых 100 рублей.

На коронации 5 апреля 1797 года было выдано более двухсот императорских указов о пожалованиях чинов, титулов, орденов и земель.

Государь задал новый стиль жизни, сильно отличавшийся от прежнего. Он вставал в шесть часов утра, чтобы принять ежедневный доклад генерал-прокурора. «К началу седьмого часа, — писал Андрей Болотов, — долженствовали уже быть в назначенных к тому комнатах... все те из первейших его вельможей, которым либо долг повелевал быть всякое утро у государя, либо кому в особливости быть накануне того дня было приказано... и государь, вошедши к ним, занимается с ними наиважнейшими делами и разговорами, до правления государственного относящимися, и препровождает в том весь седьмой и восьмой час. В восемь часов стоят уже у крыльца в готовности санки и верховая лошадь; и государь... разъезжает

по всему городу и по всем местам, где намерение имеет побывать в тот день». Чиновники вынуждены были к тому времени сидеть в канцеляриях и департаментах — Павел мог внезапно захватить. В десять часов император возвращался во дворец — он не мог пропустить обязательный гвардейский развод с вахтпарадом, во время которого упражнялся «в учении и муштровании своей гвардии». После короткого отдыха он снова отправлялся в путь: «В пять часов должны быть опять уже в собрании в комнатах его министры и государственные вельможи; и государь, по возвращении своём, занимается с ними важными, государственными и до правления относящимися делами весь шестой и седьмой час... В 8 часов государь уже ужинает и ложится почивать; и в сие время нет уже и во всём городе ни единой горящей свечки».

Павел ежедневно собирал и читал прошения, опускавшиеся в известное всем окно во дворце. Резолюции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Вал челобитных поднялся до такой высоты, что в указе от 6 мая 1799 года император вынужден был констатировать: «...к сожалению нашему, двухлетний опыт нас удостоверил, что дерзость и невежество, употребляя во зло терпение наше, бесчисленными, не дельными, прихотливыми, с порядком и законом несовместными просьбами занимают внимание наше» — и запретил подавать «недельные прошения».

Павел, не любивший мать, отстранившую его от власти, стремился изменить тот политический курс, который она осторожно, но последовательно проводила в жизнь. Однако он не был озлобленным и тем более сумасшедшим, каким его иногда называют. «Император был небольшого роста, черты лица его были уродливы, за исключением глаз, которые были очень красивы, и выражение их, когда он не был в гнев, обладало привлекательностью и бесконечной мягкостью... Он обладал прекрасными манерами и был очень любезен с женщинами; он обладал литературной начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселию, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершенстве; его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себе представить что-либо более изящное, чем краткие милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия» — это описание, принадлежащее княгине Дарье Ливен, как и многие другие отзывы современников, не вписывается в традиционный образ неумного, истеричного и жестокого деспота.

Ему пришлось править в эпоху, когда на Европейском кон-

тиненте начался грандиозный социальный переворот. «Вы правы, Катя, — писал Павел Нелидовой, — когда ворчите на меня за мои строгости. Всё это правда, но правда и то, что, попустительствуя, можно повторить путь Людовика XVI: он был снисходителен, и в конце концов его самого низвели». Кроме того, Екатерина II оставила Павлу в наследство огромный государственный долг, превышающий 200 миллионов рублей — три годовых бюджета страны. К концу 1796 года внешний долг России составлял 41 миллион рублей, с процентами — 55 миллионов, которые должны были быть выплачены к 1808 году.

Был прекращён «Персидский поход»; началось закрытие некоторых созданных реформами Екатерины местных государственных учреждений, уменьшена денежная эмиссия. В бюджете на 1797 год император приказал расходную часть ограничить 31,5 миллиона рублей, — но уложиться в эту сумму никак не выходило, и после долгих согласований размер расходов был установлен уже в 80 миллионов при восьмимиллионном дефиците бюджета. Павел демонстративно приказал сжечь на площади перед дворцом ассигнации на 5 316 665 рублей и распорядился с 1 января 1798 года начать обмен ассигнаций на звонкую монету по повышенному курсу (его писали на специальной доске) — не более десяти рублей золотом и сорока рублей серебром в одни руки. Но к обмену стали предъявляться «великие суммы», а драгоценные металлы пришлось закупать за границей — и в октябре того же года кампания была свёрнута. Император, правда, воспринял неудачу как временное явление и приказал выпустить новые бумажные деньги, на которые предполагал обменять все старые ассигнации, но его план так и остался нереализованным.

Эти меры могли дать лишь временный эффект, и Павел первым попытался затронуть саму систему социальных, политических и экономических отношений, построенную на принципах дворянских привилегий. 18 декабря 1796 года на дворянские имения впервые был наложен постоянный сбор (1,6 миллиона рублей) на содержание общегосударственных судебно-административных учреждений. Кроме того, император предложил дворянам «добровольно» взять на себя оплату постройки казарм для полков, квартировавших в губерниях. Для поддержки основных налогоплательщиков — крестьян — он мыслил ликвидировать малоземелье — в казённой деревне, дав мужикам 15 десятин на ревизскую душу за счёт порожних государственных земель. Реформа начала проводиться 11 ноября 1797 года, но скоро оказалось, что земли не хватает; пришлось наделять ею только совсем уж малоземельных, добавляя до нормы в восемь десятин.

Одновременно последовало запрещение продавать в частные руки казённые порожние земли и отдавать их при межевании частным владельцам; в спорных случаях предписывалось отдавать земли в первую очередь казённым крестьянам, а потом частновладельческим. Следующим шагом могло быть разрешение государственным крестьянам приобретать землю у дворянства, то есть отступление от исключительного права дворян на владение землёй. Но указом от 21 марта 1800 года Павел разрешил «покупать у частных владельцев земли» только крестьянам «удельного ведомства» — принадлежащим царской фамилии. Возможно, впоследствии он сделал бы и следующий шаг; хотя стоит отметить, что не терпящий ни малейшего прекословия Павел в трудном «крестьянском вопросе» действовал робко. Но и сделанного императором было достаточно для того, чтобы дворянство было им недовольно.

Десятого ноября 1796 года был отменён объявленный ещё при Екатерине II рекрутский набор, спустя месяц — разорительная для крестьян хлебная подать; в следующем году с крестьян и мещан снята недоимка за подушную подать. Русских крепостных было запрещено продавать без земли с публичного торга, а украинских — в любом случае.

Разумеется, Павел не собирался принципиально менять положение крепостных, более того, кажется, искренне полагал, что у помещиков им живётся лучше. За своё короткое царствование он успел раздать почти 300 тысяч душ и приказывал с помощью армейских частей подавлять волнения, вспыхнувшие в 1796—1797 годах в тридцати двух губерниях, вызванные его же распоряжением о приведении крепостных к присяге (те подумали, что их переводят от хозяев в казну, и отказывались подчиняться владельцам). Чаще всего мужики сами «винулись», в других случаях дело доходило до ружейной и пушечной стрельбы: на Орловщине полк под командой губернатора «превращал в пепел» мужицкие хаты, а в селе Брасове над могилой тридцати четырёх убитых картечью крестьян была поставлена надпись: «Тут лежат преступники против Бога, государя и помещика, справедливо наказанные огнём и мечом по закону Божию и государеву».

Но благородное сословие расценило как посягательство на свои привилегии царский манифест от 5 апреля 1797 года, запрещавший принуждать крестьян к работе в воскресные дни, а барщину рекомендовавший ограничить тремя днями в неделю (на практике в некоторых имениях барщина была и меньше).

«Объявляем всем нашим верноподданным. Закон Божий, в десятословии нам преподанный, научает нас седьмой день посвящать Ему; почему в день настоящий, торжеством веры

христианской прославленный, и в который Мы удостоились воспрять священное миропомазание и царское на прародительском престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим пред творцом и всех благ подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издольев остающиеся в неделю шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям»⁵¹.

Идеалом Павла было регламентированное крепостное право. Об этом свидетельствует организация «командорских имений», получаемых кавалерами Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Они не были полновластными помещиками — имениями управляли чиновники, крестьянские повинности были строго регламентированы, — а только пользовались доходами.

Современники увидели в царской воле «попытку подготовить низший класс нации к состоянию менее рабскому». К тому же верховная власть заявила о своём праве регламентировать отношения крестьян и помещиков, в которые доселе не вмешивалась (хотя на деле это было лишь благое пожелание, исполнение которого было предоставлено доброй воле помещика). Мужики решили, что император уравнивает их с «господами». Молодой столичный дворянин Пётр Полетика вспоминал, что как-то, спрятавшись на всякий случай от проезжавшего мимо Павла за забором, услышал, как стоявший неподалёку сторож сказал: «Вот-ста наш Пугачёв едет!» «Я, обратясь к нему, спросил: “Как ты смеешь так отзываться о своём государе?” Он, поглядев на меня, без всякого смущения отвечал: “А что, барин, ты, видно, и сам так думаешь, ибо прячешься от него”. Отвечать было нечего...»

Такой курс неизбежно уравнивал все сословия перед волей императора, которому приписывали фразу: «В России дворянин тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю». В 1798 году дворянам было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли. Павел рискнул сделать то, от чего до последних лет царствования отказывалась его мать: увеличить основной главный прямой налог — подушную подать. Только в 1794 году в условиях инфляции и дефицита бюджета Екатерина подняла её с 70 копеек до 1 рубля 2 копеек. Павел начал с того, что повысил оброчный сбор с 3 рублей до 3,5—5 (в зави-

симости от губернии), а подушную подать — до 1 рубля 26 копеек; таким образом государство перераспределяло крестьянские деньги в пользу казны за счёт урезания оброка помещикам. Не случайно после убийства Павла одним из первых требований сановных кругов было понижение подушной подати до прежних размеров, хотя и мотивировалось оно жалобами на отягощение крестьян.

Главной целью императора было укрепление монархии. Именно Павел в 1797 году впервые в российской практике принял «Акт о порядке престолонаследия», вводивший действовавший до 1917 года принцип наследования по праву первородства в мужском колене; женщины могли занять престол только по смерти всех мужских представителей династии. Принятое одновременно «Учреждение о императорской фамилии» укрепляло власть и авторитет монарха среди членов императорской фамилии: он определял их имущественное положение и доходы, давал разрешение на вступление в брак.

Что же касается дворянства, то 4 мая 1797 года государь запретил подачу коллективных прошений на высочайшее имя; теперь делегациям от дворянских обществ не разрешалось приезжать в столицу для встречи с монархом. Губернские дворянские собрания были упразднены, а круг лиц, имевших право участия в уездных собраниях, сокращён: исключённые из военной службы лишались права голоса, а отставленные не могли избираться на должности. Были отменены выборы в уездные и нижние земские суды; часть выборных должностей в судебно-административных учреждениях заменена чиновниками, назначенными от короны. Отменено было и многое из введённого екатерининским «Учреждением о губерниях»: ликвидированы наместничества и наместники, приказы общественного призрения, надворные суды, нижние расправы, все губернские сословные суды. Городское управление было слито с органами охраны порядка — с 1799 года во всех губернских и уездных городах стали открываться военно-полицейские органы — ордонансгаузы. В селениях государственных крестьян появились волостные правления и волостные головы, которым предписывалось проводить в жизнь решения властей.

Когда-то Павел с помощью Панина строил планы создания Сената, выбираемого дворянскими собраниями, имеющего право контролировать соблюдение законов в стране и подавать представления на издаваемые монархом акты. Но теперь ему пришлось проводить уже совсем иную политику.. Он явно не верил в какую-либо разумную «инициативу снизу» и самоуправление; в обществе он видел только сложную машину, механиком которой его назначил Бог...

Дело было, видимо, не только в боязни революции наподобие французской. Павел опасался, что представительство и выборность дадут дворянству легальный инструмент законного сопротивления начатой им переделке социально-политического устройства монархии. Мы не можем утверждать, будто он понимал, что привилегии благородного сословия тормозят развитие страны, но очевидно, что ведущей идеей императора стала бюрократизация и централизация государственного аппарата.

На исходе века екатерининский либерализм был не только ненавистен Павлу — он казался проявлением слабости, доказательства которой виделись ему даже в стиле указов матери. Сам он предписывал писать подаваемые ему бумаги «чистым и простым слогом, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснить самое дело, а высокопарных выражений, смысл потемняющих, всегда избегать».

Павел стремился поднять сан самодержца на недостижимую высоту, окружить его почти божественным почитанием. Современники вспоминали: «Никогда не было при дворе такого великолепия, такой пышности и строгости в обряде. В большие праздники все придворные и гражданские чины первых пяти классов были необходимо во французских кафтанах, глазетовых, бархатных, суконных, вышитых золотом или, по крайней мере, шёлком, или с стразовыми пуговицами, а дамы в старинных робах с длинным хвостом и огромными боками (фишбейнами), которые бабками их были уже забыты. Выход императора из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургии предваряем был громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздававшимся в нескольких комнатах, вдоль коих, по обеим сторонам, построены были фронтом великородные кавалергарды, под шлемами и в латах».

Этой задаче были подчинены и требование выходить из кареты при встрече с повозкой императора, и запрещение аплодировать в театре раньше его, и множество мелочей этикета, делавшего придворную жизнь невыносимой.

Павел был убеждён, что государь должен являться первоисточником всех самых незначительных действий подданных: определять, как им одеваться и причёсываться, как себя вести и какие слова произносить. Он попытался укрепить режим путём усиления дисциплины и исклочьить все проявления свободомыслия, усматривая их даже в общепринятой лексике. В 1797 году государь приказал вместо слова «выполнение» употреблять только «исполнение», вместо «граждане» — «жители или обыватели», вместо «отечество» — «государство», а слово «общество» повелел «совсем не писать». Государь без стесне-

ния вторгался в повседневную жизнь подданных, безжалостно пытаясь искоренить любые казавшиеся ему опасными или неуместными проявления «вольности». Всем жителям столицы полагалось в одно время обедать, отходить ко сну и т. п. Запрещался ввоз книг из-за границы, прекращались заграничные поездки на учёбу, вводилась строгая цензура.

Столичный обер-полицмейстер в 1799 году распоряжался:

«Февраля 18-го. Запрещается танцевать вальс.

Апреля 2-го. Запрещается иметь тупей, на лоб опущенной.

Октября 26-го. Дабы младшие пред старшими где бы то не было снимали шляпы.

Мая 6-го. Запрещается дамам носить через плечо разноцветные ленты на подобие кавалерских.

Июня 17-го. Запрещается всем носить низкие большие пукли.

Июля 28-го. Чтоб малолетные дети на улицу из домов выпускаемы не были без присмотру.

Августа 12-го. Чтоб те, кто желает иметь на окошках горшки с цветами, держали бы оные по внутреннюю сторону окон, но если по наружную, то не иначе, чтоб были решётки, и запрещается носить жабо. Чтоб никто не имел бакенбард.

Сентября 4-го. Чтоб никто не носил ни немецких кафтанов, ни сертуков с разноцветными воротниками и обшлагами; но чтоб они были одного цвета.

Сентября 25-го. Подтверждается, чтоб в театрах сохраняем был должный порядок и тишина.

Сентября 28-го. Подтверждается, чтоб кучера и фореиторы ехавши не кричали.

Октября ... Чтоб мастеровые и ремесленники, приемля от кого бы то ни было из обывателей работы, оканчивали оныя непременно в назначенное ими время...

Ноября 28-го. Воспрещается ношение синих женских сертуков с кроеными воротниками и белою юпкою.

Декабря 15-го. Чтоб всякой выезжающий из города куда бы то ни было публиковался в газетах 3 раза сряду⁵².

Эта регламентация происходила не только в столице. Бумаги из Петербурга летели по всей стране, и магистрат маленького Переславля-Залесского получал из губернского Владимира строжайшие предписания насчёт туалетов и поведения провинциальных обывателей, «чтоб кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок никаких других никто не носил и потому смотреть наиприлежнейше за исполнением сего, и если кто в противном сему явится, тех тотчас брать под стражу». По воскресеньям, великим праздникам и «торжественным императорской высочайшей фамилии» дням запрещалась торговля, за исключением продажи съестного. Так же, как

в столицах, воспрещалось ношение фраков, «а позволяется иметь немецкое платье с одинаким стоячим воротником, шириною не более как в три четверти вершка, а обшлага иметь того же цвета, как и воротники, исключая сюртуки, шинели и ливрейных слуг кафтаны, кои остаются по нынешнему их употреблению; 2-е, запрещается носить всякаго рода жилеты, а вместо оных употреблять обыкновенные немецкие камзолы; 3-е, не носить башмаков с лентами, а иметь оные с пряжками, а также и коротких, стягиваемых впереди шнурками или с отворотами сапогов; 4-е, не увёртывать шею безмерно платками, галстуками или косынками, а повязывать оныя приличным образом без излишней толстоты...».

«Заразе» французской революции Павел стремился противопоставить не только запреты, но и обновлённую идеологию самодержавия. Его взгляды соединяли теорию божественного происхождения царской власти с рыцарским служением защите «старого порядка». Понятие о благородном рыцарстве в принципе исключало революционную идею равенства и братства, но обязывало дворянина бескорыстно и беспрекословно служить.

Военные реформы также ставили целью «подтянуть» дисциплину и порядок в рядах армии. При вступлении Павла на престол гатчинские войска немедленно были включены в состав лейб-гвардии. Полки получили новую форму по прусскому образцу. «Всё пошло на прусскую статью: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли (букли. — *И. К.*), ордонанс-гаузы, экзерциц-гаузы, шлагбаумы (имена дотоле неизвестные) и даже крашение, как в Берлине, пёстрою краскою мостов, буток и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра Третьего», — вспоминал адмирал и министр А. С. Шишков.

Однако стоит иметь в виду, что большая часть полевой армии и гарнизонов парики носила редко — при торжественном вступлении в город или в особые праздничные дни. А вот столичные полки действительно были обременены укладкой волос и разводами, проходившими ежедневно под грозным взором императора, болезненно внимательного к мелочам. Так усы предписывалось носить в пехоте только гренадерам, а в кавалерии — кирасирам и гусарам. В приказе по лейб-гвардии Семёновскому полку от 6 июля 1797 года говорилось: «Всем гренадерам не носить фальшивых накладных усов, а отращивать свои как возможно длиннее» (как видим, и в этом вопросе Павел разделял мнение своего отца). А бакенбарды в 1799 году были запрещены после того, как прибывший из армии курьер поведал, что их принято носить у французских офицеров:

«Император, услышав об этом, приказал, чтобы немедленно сбрили бакенбарды; час спустя приказание было исполнено».

Павел искренне считал двор Екатерины II гнездом порока и праздности, подлежащим презрению и уничтожению. «За незнание своей должности, за лень и нерадение, к чему привык в бытность его при князе Потёмкине и Зубове, где вместо службы обращались в передней и в пляске», — гласил один из царских указов о разжаловании офицера из гвардии в армейский полк.

«При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрутов», — вспоминал один из гвардейских офицеров. Были уволены 333 генерала и 2261 штаб-офицер. Из армии увольняли выходцев из недворян. Зато бывшие гатчинцы делали быструю карьеру — Павел охотно возвышал исполнительных и усердных служаек:

«...Июня 28-го дня 1796 г. пожалован Алексей Аракчеев полковником.

Ноября 8-го дня, 1796 г., пожалован Алексей Аракчеев генерал-майором и кавалером 1-й степени Св. Анны.

Декабря 12-го 1796 года, пожалована Алексею Аракчееву Грузинская вотчина, 2000 душ.

Апреля 5-го 1797 г. пожалован А. Аракчеев бароном Российской Империи и орденом Св. Александра Невского.

Января 5-го дня, 1799 года, пожалован Алексей Аракчеев орденом Иоанна Иерусалимского, с командорством по 1000 рублей в год.

Мая 5-го дня, 1799 г. пожалован Алексей Аракчеев графом Российской Империи...»⁵³

Мемуаристы отмечали, что солдаты гвардии любили Павла, а «вспышки ярости этого несчастного государя обыкновенно обрушивались только на офицеров и генералов, солдаты же, хорошо одетые, пользующиеся хорошей пищей, кроме того, осыпались денежными подарками». Создавались военные школы для солдатских детей-сирот. Отличившиеся солдаты получали право увольнения до окончания срока службы, а остальные по указу 1800 года по окончании службы наделялись 15 десятинами земли в Саратовской губернии и 100 рублями на обзаведение хозяйством.

Беспольные победы

Вскоре армия была пущена в дело. Победы молодого генерала Наполеона Бонапарта в Италии привели первый антифранцузский союз к развалу, но уже в 1798 году коалиция воз-

родилась в составе Австрии, Великобритании, Королевства обеих Сицилий, России и Турции. Военные действия развернулись в Нидерландах, на Рейне в Италии и на Средиземном море. По настоянию союзников Павел поставил во главе русской армии фельдмаршала А. В. Суворова. «Париж государю! Даже Мадрид с Алкудием*, и дать там древние законы», — писал полководец, рассчитывая на скорую войну с Францией для восстановления в ней королевской власти.

Для искренне ненавидевшего французских «бунтовщиков» Павла этот шаг был вполне естественным — но, пожалуй, преждевременным. Император поторопился стать членом союза, тогда как несколько позднее мог бы выступить в качестве арбитра, который рискует меньше, а получает больше. Он же предпочёл тяготы войны, которая велась в интересах Австрии, желавшей восстановить своё господство в Италии, и Англии, надеявшейся прибрать к рукам Голландию. Российский государь отправил сорокатысячный корпус, чтобы поддержать действия австрийцев в Северной Италии, а затем ещё 17 тысяч человек на подмогу англичанам. Несколько более оправданной была успешная русско-турецкая морская операция по освобождению от французов Ионических островов — две империи, не раз воевавшие друг с другом, впервые успешно сотрудничали в борьбе с французской экспансией на Балканах.

Осенью 1798 года русский флот под командованием адмирала Фёдора Ушакова вошёл в Адриатическое море и совместно с турецкой эскадрой начал боевые операции. В феврале 1799 года русские корабли, высадив десант, взяли считавшиеся неприступными крепостные сооружения острова Корфу и, очистив архипелаг от французов, двинулись к итальянскому побережью. Над городом Бриндизи был поднят флаг коалиции. Отсюда отряд русских моряков и солдат капитан-лейтенанта Генриха Белли пересёк Апеннинский полуостров с востока на запад, освободив от французов Неаполь и Рим. Сопровождавший десант неаполитанский министр Антонио Мишеру сообщал Ушакову: «...в промежуток двадцать дней небольшой русский отряд возвратил моему государству две трети королевства».

В Италии Суворов принял командование союзной армией (33 тысячи русских и 86 тысяч австрийцев). Он готовил австрийцев действовать в традициях русской военной школы: применять холодное оружие, совершать ночные марши, атаковать колоннами.

* Алькудия — испанский город на острове Майорка в Средиземном море.

В сражении на реке Адде Суворов нанёс поражение французской армии генерала Моро. Затем фельдмаршал разбил французскую армию Макдональда в сражении на Треббии. Новый французский главнокомандующий генерал Б. К. Жубер в сражении при Нови в августе 1799 года погиб, а его армия была разгромлена. Почти вся Италия оказалась в руках союзников.

Суворов уже готовился вторгнуться во Францию, но Великобритания и Австрия, опасаясь усиления влияния России, решили удалить русские войска из Италии. Суворов получил из Вены приказ идти с войсками в Швейцарию на соединение с корпусом А. М. Римского-Корсакова. Швейцарский поход начался в августе 1799 года. Суворов избрал кратчайший, хотя и наиболее трудный путь через занятый противником перевал Сен-Готард и заставил противника отступить. Но все усилия оказались напрасными. «Я покинул Италию раньше, чем было должно. Но я сообразывался с общим планом... Я согласовываю свой марш в Швейцарию... перехожу Сен-Готард, преодолеваю все препятствия на своём пути; прибываю в назначенный день в назначенное место и вижу себя всеми оставленным... Позиция при Цюрихе, кою должны защищать 60 000 австрийцев, оставлена на 20 000 русских, коих не обеспечили продовольствием... Что мне обещали, ничего не исполнили», — в гневе писал русский полководец австрийскому эрцгерцогу Карлу 20 октября.

Предательские действия австрийского командования, поражение корпуса Римского-Корсакова, крайнее изнурение и большие потери (более четырёх тысяч убитыми и ранеными) привели к тому, что цель похода не была достигнута. Провалом завершилась и операция в Голландии — в результате ошибки английского главнокомандующего герцога Йоркского русско-английские войска потерпели поражение (правда, англичане сумели захватить значительную часть голландского флота).

«Князь Александр Васильевич. Побеждал повсюду и во всю жизнь Вашу врагов отечества, не доставала Вас особого рода слава: преодолеть самую природу, и Вы и над нею одержали ныне верх», — написал полководцу император 29 октября 1799 года, пожаловал ему титул князя Итальянского и произвёл в высший, чрезвычайный воинский чин генералиссимуса. Но по возвращении Суворова ждала опала. Павел разжаловал его из национальных героев за то, что полководец вёл себя противно новому воинскому уставу. «...имел, — сказано в императорском приказе от 20 марта 1800 года, — при корпусе своём по старому обычаю неперменного дежурного генерала, что и делается на замечание всей армии». Кроме того, Павел не за-

бывал, что в ближайшем окружении полководца вынашивались планы государственного переворота. Любимец фельдмаршала полковник А. М. Каховский замыслил поднять дивизию Суворова и двинуть войска на Петербург. Но сам генералиссимус затевать гражданскую войну не хотел: «Не могу. Кровь сограждан». И всё же после смерти полководца государь нашёл в себе силы отдать ему последний долг. Прямо с вахтпарада он выехал на Невский проспект, где двигалась в Александро-Невскую лавру похоронная процессия; снял шляпу, промолвил: «Прощай! Прости!.. Мир праху великого!» — и заплакал.

Он оказался во внешней политике в незавидном положении: не имея территориальных притязаний, вступил в коалицию во имя общеевропейских целей, в то время как его союзники решали собственные экспансионистские задачи. События в Швейцарии и Голландии раскрыли императору глаза на двойственную политику союзников, и в октябре 1799 года он разорвал союз с Австрией, а затем и с Англией, захватившей «его» Мальту. Император распорядился секвестровать все английские суда в русских портах. Приглашение к сближению последовало из Франции — она вернула русских военнопленных (около шести тысяч человек) с почестями, в новом обмундировании и с новым оружием. Как бы извиняясь за прошлое, Наполеон преподнёс Павлу драгоценный подарок — шпагу одного из магистров Мальтийского ордена, полученную от папы Льва X. Кстати подоспел и переворот ноября 1799 года, сделавший Наполеона первым консулом, а на деле — военным диктатором. «Я желаю видеть скорый и неизменный союз двух могущественнейших наций в мире», — писал Бонапарт Павлу 21 декабря 1800 года.

Павел интуитивно почувствовал, что республике во Франции наступает конец; Наполеон, в отличие от революционеров-узурпаторов, виделся ему защитником закона и порядка: «Он делает дела, и с ним можно иметь дело». Государь круто изменил внешнеполитический курс, начав переговоры с первым консулом. В инструкции тайному советнику Кольчеву, направленному для переговоров в Париж, он советовал «расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула, даже с престолонаследием семейства»: «Такое решение с его стороны я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правление и изменить революционные начала, вооружившие против неё всю Европу». В Петербурге считали, что Бонапарт должен освободить оккупированные французами государства, возратить Египет Турции, передать России Мальту, «восстановить» на Святом престоле

нового папу. В декабре 1800 года Павел предложил первому консулу совместную экспедицию семидесятитысячной русско-французской армии в британскую Индию и, не дожидаясь его решения, отправил донских казаков через казахские степи и Среднюю Азию на завоевание Индии. Император писал атаману Войска Донского В. П. Орлову:

«С.-Петербург, января 12-го 1801 года.

Англичане готовят нападение флотом и войском на меня и на союзников моих — шведов и датчан; я готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от Вас туда месяц, итого четыре. Поручаю всю сию экспедицию Вам и войску Вашему, Василий Петрович. Соберитесь Вы с оным и выступите в поход к Оренбургу, откуда любую из трёх дорог или всеми пойдёте с артиллериею прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английския, по ней лежащая...

Бог Вас благословит. Есмь Ваш благосклонный

Павел».

«С.-Петербург, января 12-го 1801 года.

Индия, куда Вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговая, приобретённые или деньгами, или оружием, то и цель всё сие разорить, а угнетённых владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан, и торг обратить к нам. Сие Вам исполнение поручая, пребываю вам благосклонный

Павел»⁵⁴.

По плану, предложенному Павлом Бонапарту в 1801 году, французский и русский корпуса под командованием маршала Массены должны были идти на Индию Каспийским морем на персидский порт Астрабад и далее по суше через Герат и Кандагар. 40 казачьих полков (22,5 тысячи человек) уже двинулись в поход. Дворцовый переворот и гибель императора остановили эту операцию.

Павел полагал, что раз «время и обстоятельства» пока не позволяют России прочно утвердиться в Закавказье и «подробно» обустроить «тамошний край», нужно «составить» из благоволящих к России местных владетелей «федеративное государство», номинально зависимое от Петербурга и способное бороться с врагами без российской поддержки. Однако из этого плана ничего не вышло. В 1798 году умер главный союзник — картлийский царь Ираклий II; против его наследника Георгия XII выступили братья; в начавшейся междоусобной войне обиженные

царевичи призвали на помощь отряды горцев и войска аварского хана. Царь обратился в Петербург с просьбой о присоединении к России Картли и Кахетии, наместниками которых стали бы его потомки, но умер, не дождавшись решения. 18 января 1801 года Павел издал манифест о переходе грузинского царства «в непосредственное подданство императорскому всероссийскому престолу» по просьбе самого грузинского народа для защиты страны от «несчастливых войн».

Мартовский переворот

Павел, державший курс на максимальную централизацию государственного аппарата и предельное усиление личной власти монарха, окружил себя теми людьми, на которых считал возможным положиться и которых (И. П. Кутайсова, Н. Х. Оболянинова, братьев Куракиных, А. А. Аракчеева, Ф. В. Ростопчина) отличали исполнительность, преданность и отсутствие собственного мнения. Но император никому безоглядно не доверял — за время своего короткого царствования сменил четырёх генерал-прокуроров. Управление государством почти полностью сосредоточилось в императорской канцелярии. Уже были готовы планы введения министерств, что представляло бы собой крупный шаг по пути бюрократической централизации.

Павел I отнюдь не был «демократом» — напротив, рассматривал дворянство как основную «подпору государства и государя». Однако если Екатерина II считала возможным даровать дворянам, а с ними и другим сословиям «фундаментальные» права, то её сын противопоставлял сомнительным «вольностям» представления о сословном рыцарском благородстве, бескорыстии и храбрости (не случайно российский император принял звание гроссмейстера католического рыцарского Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского). Сплочённые волей государя дворяне должны были противостоять идеям французской революции, но этому, с точки зрения Павла, препятствовали неуместная свобода и «распушенность» дворянства, не желавшего безоговорочно служить государству.

Но горячность в политике недопустима. Павел умел быть милым и добродушно прощать, но мог прямо на балу объявить не понравившемуся человеку, что считает его «дураком». Он распорядился напечатать в германских газетах объявление: «Из Петербурга сообщают, что российский император, видя, что европейские державы не в состоянии примириться между собою, и желая прекратить войну, разоряющую Европу уже

11 лет, собирается выбрать место, куда он пригласит всех других государей, чтобы им встретиться друг с другом в честном поединке, имея в качестве оруженосцев, герольдов и судей своих просвещеннейших министров и искуснейших генералов...» — и в то же время искренне считал, что только он может определять меру чести и достоинства своих дворян.

Ещё наследником Павел пришёл к мысли о необходимости привлечь дворянство на службу, преимущественно военную. Став императором и понимая, что нельзя прямо лишить дворянство важнейшей привилегии, он пытался максимально затруднить выход дворян в отставку. Так указ от 5 октября 1799 года не разрешал дворянским детям вступать в гражданскую службу без ведома императора; другой указ, изданный на следующий день, запрещал не выслужившим год в соответствующем чине подавать прошения об отставке — в противном случае их предписывалось исключать из службы, что лишало офицеров права избираться на должности в дворянском самоуправлении или вступать в гражданскую службу; согласно третьему указу, от 12 апреля 1800 года, дворяне, вышедшие в отставку из военной службы, не могли вступать в гражданскую, если не были определены императором к статским делам. На губернаторов была возложена обязанность доносить начальству о неслужащих молодых дворянах, чтобы записывать их в полки унтер-офицерами. Впервые дворяне стали платить налоги со своих имений на содержание местных судебных и административных учреждений.

Ругая одного из губернаторов, Павел задал ему страшный для чиновника вопрос: «Если вы ничего не делаете, то тогда зачем вы вообще нужны?» Беспощадная борьба императора с халатностью и разгильдяйством вызвала лавину увольнений — «за дурное поведение», «за развратное поведение», «за пьянство», «за лень и нерадение», «за неспособность к службе», «за ложный рапорт», «за ложный донос», «за упущение по службе», «за ослушание команды», даже за «неприличную и уныние во фрунте наводящую фигуру». Число подвергнутых разного рода наказаниям превысило полторы тысячи человек — вроде бы и немного, но среди разжалованных и «выключенных» из службы находились члены знатнейших фамилий.

Имена проштрафившихся и недостойных императорской милости публично объявлялись в «Санкт-Петербургских ведомостях». Так, в январе 1798 года было напечатано: «По высочайшему повелению тайн. сов. Трошинский объявляет подполковнику Денисову, просившему 7 тысяч десятин земли, что он к таковому награждению никакого права не имеет. Выключенному из службы капитану Тернеру, просившему об опреде-

лении его паки в оную, что поведение его, по коему он из службы исключён, недостойно уважения. Войсковому товарищу Яновскому, просившему о пожаловании пропитания, — что он в службе никаких отличностей не оказал, за которые бы достоин был просимого награждения... Выключенному из службы капитану Ушакову, просившему о пропитании, — что оного подобным ему не даётся. Коллежскому секретарю Алтарнацкому, который просил об определении его в малороссийской губернии при нижних земских судах комиссаром или заседателем, а если там нет места, то о назначении ему какой-либо должности в казённых имениях с дачею ему земли и крестьян, — что он многого просит, а ничего не заслуживает».

В деле чести и дисциплины для Павла мелочей не было — он лично мог перед строем показывать офицеру, как надо печатать шаг и держать эспантон. Государь был крут, но отходчив, о чём свидетельствуют многочисленные анекдоты времён его царствования: «На посту у Адмиралтейства стоял пьяный офицер. Император Павел приказал арестовать офицера. — Согласно уставу, прежде чем арестовать, вы должны сменить меня с поста, — ответил офицер. — Он пьяный лучше нас трезвых своё дело знает, — сказал император. И офицер был повышен в чине».

Но вкусившие вольности дворяне такую милость уже считали ниже своего достоинства. Общество не могло «вычеркнуть» из памяти четыре десятилетия реформ и культурного развития. Люди, воспитанные на уважении к правам, закреплённым «Жалованной грамотой дворянству», иначе, чем их отцы, реагировали на попытки государя подменять закон своей волей. Права личности и частная жизнь сделались ценностями, посягательства на которые воспринимались очень болезненно. «Трудно описать Вам, в каком вечном страхе мы живём, — писал другу граф Виктор Кочубей. — Боишься своей собственной тени. Все дрожат, так как доносы следуют за доносами, и им верят, не справляясь, насколько они соответствуют действительности. Все тюрьмы переполнены заключёнными. Какой-то ужасный кошмар душит всех. Об удовольствиях никто и не помышляет... Тот, кто получает какую-нибудь должность, не рассчитывает оставаться на ней больше трёх или четырёх дней... Теперь появилось распоряжение, чтобы всякая корреспонденция шла только через почту. Отправлять письма через курьеров, слуг или оказией воспрещается. Император думает, что каждый почтмейстер может вскрыть и прочесть любое письмо. Хотят раскрыть заговор, но ничего подобного не существует. Ради бога, обращайтесь внимание на всё, что Вы пишете. Я не сохраняю писем, я их жгу... Нужно бояться,

что доверенные лица, на головы которых обрушиваются самые жестокие кары, готовятся к какому-нибудь отчаянному шагу... Для меня, как и для всех других, заготовлена на всякий случай карета, чтобы при первом же сигнале можно было бежать». «Тирания и безумие достигли предела», — считал в марте 1800 года вице-канцлер Никита Панин, племянник и тёзка воспитателя императора, один из руководителей будущего заговора.

Негладко складывалась и семейная жизнь императора. Катя Нелидова, девушка, одна из первых воспитанниц Института благородных девиц, обратила на себя внимание наследника ещё в 1780-е годы и с той поры сделалась незаменима при его дворе. «Знайте, что, умирая, буду помнить о Вас», — писал ей Павел; она же признавалась: «Разве я искала в Вас для себя мужчину? Клянусь Вам, с тех пор, как я к Вам привязана, мне всё кажется, что Вы моя сестра». Мария Фёдоровна долгое время ревновала супруга, но в конце концов поняла, что Нелидова умеет укрощать вспышки его гнева (маленькая смуглянка была некрасива, но обезоруживающе умна, находчива и смегла — до того, что могла запустить в императора башмачком!), и сочла за благо сделать её своей наперсницей. Нелидова (в царствование Павла уже сорокалетняя дама) имела во дворце апартаменты рядом с комнатами государя и верила, что Господь предопределил ей хранить его; она подбирала в окружение Павла таких людей, для которых её слово было весомее их собственного мнения, за что её, естественно, ненавидели те, кто не мог подступиться к государю.

Жена терпела платонические отношения мужа с Нелидовой. Но вскоре он воспылал страстью, свойственной скорее двадцатилетнему юноше, к новой фаворитке Анне Лопухиной. В июле 1798 года разразился скандал: государыня написала Лопухиной, но письмо до адресата не дошло — его принесли государю.

«Около десяти часов император послал за великим князем наследником и приказал ему отправиться к императрице и передать ей строжайший запрет когда-либо вмешиваться в дела. Великий князь сначала отклонил это поручение, стараясь выставить его неприличие и заступиться за свою мать, но государь, вне себя, крикнул: “Я думал, что я потерял только жену, но теперь я вижу, что у меня также нет сына!” Александр бросился отцу в ноги и заплакал, но и это не могло обезоружить Павла. Его величество прошёл к императрице, обошёлся с ней грубо, и говорят, что если бы великий князь не подоспел и не защитил бы своим телом мать, то неизвестно, какие последствия могла иметь эта сцена. Несомненно то, что император запер жену на ключ и что она в течение

трёх часов не могла ни с кем сноситься. Г-жа Нелидова, которая считала себя достаточно сильной, чтобы выдержать эту грозу, и настолько влиятельной, чтобы управиться с нею, пошла к рассерженному государю, но вместо того, чтобы его успокоить, она имела неосторожность — довольно странную со стороны особы, воображавшей, что она его так хорошо изучила, — осыпать его упрёками. Она указала ему на несправедливость его поведения с столь добродетельной женой и столь достойной императрицей и стала даже утверждать, что знать и народ обожают императрицу... Далее она стала предостерегать государя, что на него самого смотрят как на тирана, что он становится посмешищем в глазах тех, кто не умирает от страха, и, наконец, назвала его палачом. Удивление императора, который до сих пор слушал её хладнокровно, превратилось в гнев. «Я знаю, что я создаю одних только неблагодарных, — воскликнул он, — но я вооружусь полезным скипетром, и вы первая будете им поражены, уходите вон!» Не успела г-жа Нелидова выйти из кабинета, как она получила приказание оставить двор»⁵⁵.

Гнев Павла на жену и подругу вызвал потрясения в «верхах» и опалы близких к ним лиц: были отставлены племянник Нелидовой генерал-лейтенант А. А. Баратынский, вице-адмирал С. И. Плещеев, петербургский губернатор генерал Ф. Ф. Буксгевден (его место занял будущий глава заговора П. А. Пален), генерал-прокурор князь Алексей Куракин и вице-канцлер Александр Куракин. Императрица смирилась. Павел сделал Лопухину камер-фрейлиной, подарил ей дом на Дворцовой набережной, куда ездил инкогнито в карете, украшенной мальтийским крестом, которую хорошо знали в столице. Скромная Анна Петровна старалась держаться вдали от интриг и пользовалась своим влиянием только для просьб о прощении попавших в немилость или о наградах для кого-нибудь — плакала, капризничала и в итоге получала желаемое. Её мачеха стала статс-дамой, а отец — генерал-прокурором и действительным тайным советником. Павел стремился и этому увлечению придать рыцарский характер: возвёл возлюбленную в степень кавалерственной дамы Большого креста Мальтийского ордена; имя Анны (*др.-евр.* «Божественная милость») стало девизом государя, а её любимый малиновый цвет — его цветом. Ради неё устраивались балы и даже было разрешено танцевать при дворе до того запрещённый вальс. Рыцарственный государь вызвал князя Павла Гагарина, которого она полюбила, из армии в Петербург, осыпал его наградами и устроил их брак — но сохранил за ней апартаменты в Михайловском замке. Две другие камер-фрейлины родили от Павла девочек, которые вскоре умерли, не успев добавить проблем царской фамилии.

Вокруг дам, пользовавшихся благосклонностью императора, складывались и боролись придворные «партии». Павел был непредсказуем: то возносил своих слуг (к примеру, Иван Павлович Кутайсов из пленного турка стал царским брдобреем, а затем — ближайшим к государю лицом и графом Российской империи), то налагал опалы на вернейших, в том числе на Аракчеева.

Резкость, неуравновешенность и вспыльчивость императора, наступление на дворянские привилегии, мелочная регламентация различных сфер жизни настроили дворянство против него. Количество арестантов по Тайной экспедиции начало быстро расти, и почти половину угодивших туда составляли дворяне; наиболее частым преступлением стало оскорбление величества, а реакция властей на него — весьма суровой. Так, унтер-офицера Мишкова, подозреваемого в авторстве злой карикатуры на царя, тот приказал в начале 1801 года, «не производя над ним никакого следствия, наказав кнутом и вырвав ноздри, сослать в Нерчинск на каторгу». Хорошо ещё, что приведение экзекуции в исполнение было, по-видимому, умышленно затянута; пришедший к власти Александр I велел дело «оставить без исполнения». Произвольные репрессии императора стали одной из причин образования против него заговора.

Педантичный до смешного Павел уже распланировал чуть ли не по дням весь наступивший 1801 год:

«10-го марта начинаются ученья. Первые 10 дней поодиночке, потом и две недели ротами, а последние две недели баталионам, причём Его Императорское Величество присутствовать изволит по трижды в неделю: в понедельник, в среду и в пятницу, а в те две недели, что ротами учить будет, только мимоездом.

1-го мая переезд в Павловское и отъезд Его Величества в Москву.

2-го ночевать в Новгороде и при отъезде Его Величество смотреть изволит баталион полку Вырубова.

3-го в Валдае.

4-го в Вышнем Волочке, где Его Величество осматривать изволит водную коммуникацию.

5-го в Твери, и при отъезде Его Величество смотреть изволит баталион полку Вырубова.

6 приезд в Москву к ночи или к обеду другого дня...»

Но в ночь на 12 марта 1801 года император был убит группой заговорщиков из гвардейских офицеров в только что отстроенной резиденции — Михайловском замке. Подготовкой заговора руководил военный губернатор Петербурга Пётр Алексеевич Пален — исполнитель многих жестоких распоряжений Павла:

«Господин генерал от кавалерии фон дер Пален.

По получении сего вышлите немедленно из Петербурга отставного синодского прокурора князя Хованского и отставного генерал-майора Корсакова; приказав — первому отправиться в Симбирск, а второму — в Саратов, где они должны оставаться безвыездно. К вам благосклонный.

Павел.

Павловск, 15 июня 1799 г.».

«Господин генерал от кавалерии фон дер Пален.

По получении сего посадите в крепость прокурора военной коллегии Арсеньева, который обратился ко мне с просьбою о месте обер-прокурора в сенате и который, надо полагать, вольнодумец. К вам благосклонный

Павел.

Петергоф, 1 июля 1799 г.»⁵⁶.

В курсе планов заговорщиков был и цесаревич Александр, который после переворота вступил на престол. Последний в России удавшийся дворцовый переворот стал делом исключительно придворного круга и высшего гвардейского офицерства. Пользовавшийся полным доверием государя Пален действовал хладнокровно и грамотно. Он добился возвращения из ссылки нужных ему для руководства заговором генерала Л. Л. Беннигсена и братьев Зубовых. Рядовых офицеров-исполнителей к заговору подключили лишь накануне ночного «похода» на Михайловский замок, а солдат вообще не посвящали в дело. Заговорщики даже опасались возможного солдатского протеста — и, как подтвердили колебания некоторых воинских частей при объявлении о воцарении Александра I, не напрасно.

Но всё прошло благополучно для заговорщиков: они, возглавляемые Зубовыми и Беннигсеном, проникли в царскую спальню, схватили императора — и через несколько минут он был уже мёртв. Л. Л. Беннигсен, не без желания оправдаться, рассказывал в мемуарах:

«Я поспешил войти вместе с князем Зубовым в спальню, где мы... застали императора уже разбуженным этим криком и стоящим возле кровати, перед ширмами. Держа шпаги наголо, мы сказали ему: “Вы арестованы, ваше величество!” ...В эту минуту вошли ещё много офицеров. Я узнал потом те немногие слова, какие произнёс император, по-русски — сперва: “Арестован, что это значит арестован?” Один из офицеров отвечал ему: “Ещё четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!” На это он возразил: “Что я сделал?” Вот единственные произнесённые им слова. Офицеры,

число которых ещё возросло, так что вся комната наполнилась ими, схватили его и повалили на ширмы, которые были опрокинуты на пол. Мне кажется, он хотел освободиться от них и бросился к двери, и я дважды повторил ему: “Оставайтесь спокойным, ваше величество, — дело идёт о вашей жизни!” В эту минуту я услышал, что один офицер, по фамилии Бибиков, вместе с пикетом гвардии вошёл в смежную комнату, по которой мы проходили. Я иду туда, чтобы объяснить ему, в чём будет состоять его обязанность, и, конечно, это заняло не более нескольких минут. Вернувшись, я вижу императора, распростёртого на полу. Кто-то из офицеров сказал мне: “С ним покончили!” Мне трудно было этому поверить, так как я не видел никаких следов крови. Но скоро я в том убедился собственными глазами. Итак, несчастный государь был лишён жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намерениям тех, кто составлял план этой революции, которая... являлась необходимой. Напротив, прежде было условлено увезти его в крепость, где ему хотели предложить подписать акт отречения от престола»⁵⁷.

Историческими «реликвиями» потом считались золотая табакерка, которой нанесли Павлу удар в висок, и офицерский шарф, закрученный на царской шее...

С другой стороны, подготовка заговора сопровождалась «конституционными собеседованиями» одного из его лидеров Н. П. Панина с наследником Александром. Сохранились известия о подготовке Паниным и П. А. Зубовым «конституционных актов» и даже якобы имевших место обещания наследника их утвердить. переворот 1801 года представлял исключение с точки зрения его освещения: события той мартовской ночи были покрыты плотной завесой молчания. Указы и манифесты нового царствования не содержали критики павловского режима, а запрет на публикации материалов о перевороте сохранялся даже в начале XX века.

Павел вошёл в историю странным и сумасбродным монархом. Намного пережившая его Мария Фёдоровна оставила по себе более добрую память — она посвятила себя благотворительности. Ко времени её смерти (1828) в ведении её канцелярии находились 14 женских учебных заведений (в том числе Смольный и Екатерининский институты благородных девиц, Мещанское училище — Александровский женский институт) с 1837 воспитанницами, главным образом дочерьми дворян, а также 25 медицинских и благотворительных заведений (петербургский и московский воспитательные дома, училище глухонемых, вдовьи дома в Петербурге и Москве, Повивальный институт, больницы, богадельни, инвалидные и странноприимные дома и пр.) с 43 432 «призреваемыми».

Глава двенадцатая
ЛУКАВЫЙ «АНГЕЛ»

*Сфинкс, не разгаданный до гроба,
О нём и ныне спорят вновь...*

П. А. Вяземский

«Царевич Хлор»

В семье при жизни его называли «ангелом»; в государстве после смерти — «благословенным»; но многие подданные терялись в догадках относительно его истинной роли в истории. Самый благовоспитанный и интеллигентный из российских государей проводил — и в то же время не проводил реформы, приближал — и мгновенно отстранял советников. И, кажется, не доверял до конца никому.

Первенца великого князя Павла Петровича, появившегося на свет в декабре 1777 года, сразу же отобрали у родителей. Екатерина II, в своё время лишённая возможности воспитывать сына, теперь решила сама заниматься внуком. Она кроила маленькому Александру рубашки и видела в нём преемника своей политики, а в честолюбивых мечтах уподобляла его Александру Македонскому. В 1781 году императрица сочинила для внука «Сказку о царевиче Хлоре», похищенном киргизским ханом-кочевником и посланном на поиски «Розы без шипов» — символа добродетели, которой нельзя достигнуть «косыми путями», но только «прямою дорогою», опираясь на два посоха — «Честность и Правду». Преодолев множество препятствий и искушений, Хлор взошёл на крутую гору к «Храму Розы без шипов», и великодушный хан отпустил его...

У юного великого князя были хорошие учителя. Его воспитателем был философ, приверженец идей Просвещения и республиканец по взглядам швейцарец Фредерик Сезар Лагарп, законоучителем и духовником — отец Андрей Самборский, русский язык, историю и «нравственную философию» преподавал писатель и просветитель, будущий попечитель Московского университета Михаил Муравьёв, академик Пётр Паллас обучал естественным наукам.

Великий князь не блистал в учении, но зато овладел более

трудным искусством — одновременно быть почитателем либеральной бабушки и не раздражать не выносившего екатеринских порядков отца. Он умел угадывать желания старших и представлять перед ними таким, каким его хотели видеть. Эта придворная школа сделала из Александра лукавого «сфинкса», умело скрывавшего за нужной в данный момент маской свои мысли и чувства. Но и сам он усваивал порой прямо противоположные принципы. Один из самых просвещённых и гуманных монархов тогдашней Европы был тщеславен и унаследовал любовь к дисциплине, мундиру, парадам.

В 1793 году Александра женили на принцессе Луизе Марии Августе Баденской, в православии Елизавете Алексеевне. Любящая бабушка готовила внуку сюрприз. Однажды Екатерина спросила Александра и Константина, «как бы они стали править государством, если б им случилось быть на престоле». Константин сказал, что стал бы править, как Пётр Великий, Александр же — что стал бы во всём подражать примерам и правилам государыни. Державная бабушка была очень довольна внуком. «...Всё в нём естественно: в нём нет ничего искусственного», — писала она одному из своих корреспондентов. Императрица не могла знать о том, что примерно в то же время, весной 1795 года, Александр признался своему другу польскому князю Адаму Чарторыйскому в совсем других взглядах.

Чарторыйский вспоминал, что Александр «восхищался цветами, зеленью, любил земледельцев и грубую красоту крестьянок, сельские работы, жизнь простую и спокойную, желал уединиться в каком-нибудь весёленьком хуторе»; в политике же великий князь «желал повсюду видеть республику как единственную форму правления, удовлетворяющую требованиям и правам человека». В 17 лет он утверждал, что ненавидит деспотизм, любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям. Даже четыре десятилетия спустя Чарторыйский не мог забыть этих слов: «Как! Русский князь, будущий преемник Екатерины, её внук и любимый ученик... о котором говорили, что он наследует Екатерине, этот князь отрицал и ненавидел убеждения своей бабки, отвергал недостойную политику России, страстно любил справедливость и свободу». Более того, «чрезвычайно интересовался французской революцией» и заявил другу, «что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он всё же желает успеха республике и радуется ему». Слышала бы это Екатерина!

Но бабушка, готовившая Александра в наследники, не успела довести дело до конца, а сам он в то время не очень желал царствовать. Ученик Лагарпа критически оценивал придворный мир. Весной 1796 года Александр писал своему другу Виктору Кочубею:

«Моё положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравится исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен явиться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Барятинский, оба Салтыковы, Мятлев и множество других, которых не стоит даже и называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что рождён не для того сана, который ношу теперь, и ещё менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или иным способом. <...>

В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нём злоупотребления? ...Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща... поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить частным человеком, полагая моё счастье в обществе друзей и в изучении природы»⁵⁸.

Вот только удалиться от придворных и политических страстей Александру было невозможно. С воцарением Павла I он был официально объявлен наследником престола, полковником лейб-гвардии Семёновского полка и номинальным военным губернатором столицы, неофициально же неизбежно становился центром притяжения для тех, кто выступал против крутых и не всегда продуманных действий отца. Уже в 1797—1799 годах, как обоснованно считают историки, сложился если не заговор, то оппозиционный кружок лиц, участниками которого являлись друзья наследника (Адам Чарторыйский, Николай Новосильцев, Павел Строганов, Виктор Кочубей), влиятельные сановники А. А. Безбородко и Д. П. Трощинский. Их беседы о политических делах и формах государственного устройства нашли отражение в составленном Чарторыйским «манифесте» о будущем конституционном устройстве России и записке Безбородко «О потребностях империи Российской» 1798 года. Однако Безбородко вскоре умер, а друзья наследника один за другим угодили в опалу.

Отец Александра если и не знал об этих планах, то явно о чём-то догадывался. «Именно с этой поры, — писал Чарто-

рыйский, — Павла стали преследовать тысячи подозрений: ему казалось, что его сыновья недостаточно ему преданны, что его жена желает царствовать вместо него. Слишком хорошо удалось внушить ему недоверие к императрице и к его старым слугам. С этого времени началась для всех, кто был близок ко двору, жизнь, полная страха, вечной неуверенности». Однажды Павел обнаружил на столе у сына сочинение о смерти Юлия Цезаря. Поднявшись в свои покои, он разыскал «Историю Петра Великого», раскрыл её на странице с описанием смерти царевича Алексея и приказал отнести книгу к великому князю. Александр прочёл — и понял, что ему грозит опасность.

На его страхе и играл руководитель заговора П. А. Пален, чтобы любой ценой вовлечь наследника в заговор против отца. Лишь при условии, что свержение правителя будет санкционировано не менее легитимной фигурой из числа претендентов на трон, дворцовый переворот мог предстать восстановлением попранной справедливости, а не покушением на власть самодержца. Пален рассказывал:

«Уже более шести месяцев были окончательно решены мои планы о необходимости свергнуть Павла с престола, но мне казалось невозможным... достигнуть этого, не имея на то согласия и даже содействия великого князя Александра или, по крайней мере, не предупредив его о том. Я зондировал его на этот счёт сперва слегка, намёками, кинув лишь несколько слов об опасном характере его отца. Александр слушал, вздыхал и не отвечал ни слова. Но мне не этого было нужно; я решился наконец пробить лёд и высказать ему открыто, прямодушно то, что мне казалось необходимым сделать.

Сперва Александр был видимо возмущён моим замыслом; он сказал мне, что вполне сознаёт опасности, которым подвергается империя, а также опасности, угрожающие ему лично, но что он готов всё выстрадать и решился ничего не предпринимать против отца. Я не унывал, однако, и так часто повторял мои настояния, так старался дать ему почувствовать настоятельную необходимость переворота, возраставшую с каждым новым безумством, так льстил ему или пугал его насчёт его собственной будущности, представляя ему на выбор — или престол, или же темницу и даже смерть, что мне наконец удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность и даже убедить его установить вместе с Паниным и со мною средства для достижения развязки»⁵⁹.

Имя Александра было необходимо заговорщикам — и он согласился при условии сохранения жизни отцу, заставив Палена поклясться в этом. «Я дал ему это обещание, — говорит Пален. — Я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что

было невозможно. Но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя». Александр поверил — или делал вид, что поверил, когда рассказывал Чарторыйскому о своём желании облегчить, насколько возможно, участь отца после отречения: «Он хотел предоставить ему в полное распоряжение его любимый Михайловский замок, в котором низверженный монарх мог бы найти спокойное убежище и пользоваться комфортом и покоем». С цесаревичем был согласован вопрос о дате переворота — в ночь с 11 на 12 марта, когда караул должны были нести солдаты Семёновского полка, шефом которого он являлся. Впоследствии Александр утверждал, что заговорщики его «обманули», но никогда не забывал, что взошёл на престол в результате убийства отца.

Руководители заговора Н. П. Панин и П. А. Пален были удалены в свои поместья; непосредственные участники убийства императора Я. Ф. Скарятин, В. М. Яшвиль, И. М. Татаринов лишились чинов. Других важных участников переворота — П. А. Талызина, Л. И. Депрерадовича, П. А. Толстого, А. В. Аргамакова и особенно ценимого им как военачальника Л. Л. Беннигсена — Александр не тронул, а П. М. Волконского и Ф. П. Уварова даже приблизил. Амбициозных екатерининских вельмож он недолюбливал. В результате опорой царя поначалу стали его «молодые друзья» Павел Строганов, Адам Чарторыйский, Николай Новосильцев и Виктор Кочубей, образовавшие в 1801 году так называемый Негласный комитет при императоре.

В манифесте от 12 марта Александр объявил: «Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца». Он обещал, что будет управлять «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой».

«Прекрасное начало»

Новый государь являлся противоположностью неказистому и суровому Павлу — высокий, стройный, голубоглазый молодой человек с улыбкой и изящными манерами. «...Несмотря на правильность и нежность его очертаний, несмотря на блеск и свежесть его цвета лица, красота его при первом взгляде поражала не так, как выражение приветливости, привлекавшее к нему все сердца и сразу внушавшее доверие», — вспоминала графиня Софья Шуазель-Гуфье, фрейлина двора и супруга французского дипломата-эмигранта. «Дмитрий Про-

кофьевич. Я кругом виновен пред Вами, забыв совсем, что я Вам назначил сегодня быть ко мне. Причиною оному бал, но отнюдь не от горячности к танцам. Прошу меня извинить. В пятницу после обеда буду Вас ожидать» — эту записочку Александр послал 3 февраля 1804 года бывшему полковому писарю, а ныне министру уделов Трошинскому. Кто бы ранее мог помыслить, что российский самодержец будет извиняться перед подданным?

Царь умело скрывал физические недостатки — близорукость (он пользовался не очками, а лорнетом) и глухоту на левое ухо (в детстве во время стрельб он оказался рядом с артиллерийской батареей) — и глубоко въевшиеся с юных лет недоверчивость и подозрительность, зато демонстрировал царственную скромность и благочиние. «Чтоб по дороге ни встреч для меня, ниже других особых приготовлений, излишнюю тягость обывателей составляющих, не было», — приказал он псковскому губернатору, по обычаю согнавшему мужиков приветствовать царский «поезд». Александр специальным указом потребовал пресечь азартную игру «в скопищах разврата, где толпа безчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, из рук неопытного юношества, или неразсчётливой алчности, одним ударом изторгают достояние предков, веками службы и трудов уготованное, и испровергая все законы чести и человечества, без угрызения совести и с целом безстыдным не редко поглощают даже до последнего пропитания семейств невинных». Подобно простому обывателю он мог прокатиться на извозчике и, не имея при себе денег, просить его обождать, оставив шинель в заклад. В 1824 году Александр, как его великий предок, побывал в мастерских Златоустовского завода, осмотрел станки, поинтересовался здоровьем рабочих и даже сам, по свидетельству лейб-медика Д. К. Тарасова, лично попробовал «испытать труд».

С юности он ежедневно принимал холодные ванны и ранним утром гулял по столице пешком по набережной до Фонтанки, затем поворачивал, выходил на Невский проспект и возвращался в Зимний дворец. На завтрак он предпочитал чай «всегда зелёный, с густыми сливками и поджаренными гренками из белого хлеба», «землянику... предпочитал всем прочим фруктам».

С весны до глубокой осени новый государь проживал в Царском Селе и в любую погоду по утрам прогуливался по парку: «Утро прекрасное; какое благотворное солнце! Какое благодатное небо! Бог даровал мне это место для моего успокоения и наслаждения его богатыми милостями и дарами природы! Здесь я удалён от шума столицы, неизбежного этикета

фамильного, здесь я успеваю сделать в один день столько, сколько мне не удаётся сделать в городе во всю неделю».

Александр был необыкновенно обаятельным собеседником — «сущим прельстителем», как называл его М. М. Сперанский. Царский гардероб был безукоризнен, а в умении носить и менять одежду ему мог позавидовать любой профессиональный актёр. В 1815 году во время пребывания в Вене, где тогда шёл международный конгресс, у императора с австрийскими аристократами зашёл разговор о том, кто может быстрее одеться — мужчина или женщина: «Ударились об заклад и положили сделать испытание в доме одной из графинь Зичи, куда отправлен был камердинер его императорского величества с платьем. В назначенное время государь вышел в одну комнату, а графиня в другую, чтобы переменить одежду; император выиграл заклад».

Современников покорило в Александре сочетание скромного изящества и «солнцеподобного» величия, благородного монаршего блеска. Он мог путешествовать по стране в потёртом офицерском мундире без знаков различия, так что сельские старосты принимали государя за нечиновного отставника, зато его ослепительная фигура в генеральском мундире у трона вызывала благоговейное молчание членов Польского сейма, отнюдь не симпатизировавших России. Даже с Елизаветой Алексеевной, «супругою покинутою, бездетною и безнадежною», Александр был любезным и порой общался с ней «с пленительною простотою и нежностью».

От него многого — может быть, даже слишком многого — ожидали. И поначалу ожидания оправдывались. Началось, говоря словами Пушкина, «дней Александровых прекрасное начало». Император восстановил урезанные Павлом I «жалованные грамоты» дворянству и городам, освободил дворян от телесных наказаний, упразднил Тайную экспедицию Сената, освободил около тысячи заключённых и ссыльных, вернул на службу изгнанных при Павле чиновников и военных.

В сентябре 1801 года именным указом было возведено об уничтожении пытки. К этому шагу Александра побудил один ставший ему известным случай, когда в Казани «взят был по подозрению в зажигательстве один тамошний гражданин под стражу, был допрошен и не признался; но пытками и мучениями исторгнуто у него признание и он предан суду». Несчастный во время наказания кнутом «призывал всенародно Бога в свидетели своей невинности и в сём призывании умер». Государь потребовал, «чтоб нигде ни под каким видом ни в вышних, ни в нижних правительствах и судах никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний под страхом

неминуемого и строгого наказания... и чтобы наконец самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной». Помимо того, царь отменил порку лиц духовного сословия и членов их семей.

Пятого апреля 1801 года был создан Непременный совет — законосовещательный орган при государе из двенадцати старых и опытных сановников его бабки (Н. И. Салтыкова, А. Р. Воронцова, братьев П. А и В. А. Зубовых, П. В. Завадовского, Г. Р. Державина и пр.). К коронации, состоявшейся в сентябре 1801 года, были подготовлены проект «Всемиловейшей грамоты, Российскому народу жалуемой», с гарантиями основных гражданских прав подданных (свободы слова, печати, совести, личной безопасности, частной собственности и т. д.), проект манифеста о запрете продажи крестьян без земли и порядке выкупа крестьян у помещика и проект реорганизации Сената. В ходе их обсуждения выявились противоречия между членами совета, особенно по крестьянскому вопросу; сановники дали понять императору, что принятие подобного указа вызовет брожение среди дворян и может привести к новому перевороту. После этого Александр предпочитал обсуждать реформы в Негласном комитете.

Государь уважал «внешние формы свободы», но теперь уже отнюдь не отказывался от самодержавного правления. Когда Сенат на основании нового закона 1802 года «О правах и обязанностях Сената» осмелился возразить против запрета Военной коллегией увольнения унтер-офицеров из дворян ранее истечения двенадцатилетнего срока службы, как император указом от 21 марта 1803 года разъяснил: право делать «всеподданнейшие представления» относится только к актам, опубликованным до 1802 года, а все последующие указы должны приниматься Сенатом к безусловному исполнению. С учреждением министерств реальная власть перетекла в Комитет министров; министрами и их заместителями были назначены как представители екатерининской знати, так и члены Негласного комитета: министром внутренних дел стал Кочубей, а Строганов — его товарищем (заместителем); пост товарища министра иностранных дел Воронцова получил Чарторыйский, а товарища министра юстиции Державина — Новосильцев; Министерством просвещения руководил Завадовский. Поскольку «молодые друзья» теперь занимали важнейшие государственные посты, в 1803 году Негласный комитет прекратил свои заседания, а в Непременный совет поступали лишь второстепенные дела.

Острота крестьянского вопроса ещё не была осознана властью. В этом направлении она пока двигалась очень мелкими шагами. Указ от 12 декабря 1801 года предоставлял купцам, ме-

шанам, казённым крестьянам право покупать землю, а ещё один, подписанный четырьмя днями ранее, разрешал крестьянам заниматься торговлей «с тем только, чтоб они не заводили в городах для торговли сими припасами ни магазинов, ни лавок, а производили бы продажу на рынках и других установленных сего местах». В 1804 году было издано Положение о крестьянах Лифляндской губернии: «дворохозяева» объявлялись наследственными владельцами своих земельных наделов, за которые теперь обязаны были отбывать барщину или платить оброк в зависимости не от желания владельца, а от качества и количества земли.

Александр запретил публиковать объявления о продаже крестьян (хотя сама продажа не запрещалась), торговать крепостными на ярмарках «в розницу», ссылать их в Сибирь за маловажные проступки. Он же прекратил практику массовых пожалований казённых крестьян в частные руки, отвечая на просьбы о «деревнях»: «Русские крестьяне большею частью принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян». Правда, их можно было передать на время — в аренду, что в первой половине XIX века являлось обычной наградой.

Указ о «вольных хлебопашцах» 1803 года предусматривал возможность выкупа крестьян на волю по обоюдному согласию с помещиками. Правда, в александровское царствование таким образом получили свободу 47 тысяч крестьян — совсем немного. Однако впервые в истории России за крестьянством было признано законом право на владение землёй (ранее бывшее исключительной прерогативой дворянства). «Я желал бы вывести наш народ из дикарского состояния, при котором дозволена торговля людьми, — говорил в 1807 году Александр французскому генералу Савари. — Добавлю даже, что если бы гражданственность стояла на более высокой ступени, я уничтожил бы рабство, даже если это стоило бы мне головы».

Цензурный устав 1804 года, самый либеральный в дореформенной России, рекомендовал цензорам руководствоваться «благоразумным снисхождением для сочинителя... толковать места, имеющие двойкий смысл, выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать».

В 1803 году были образованы учебные округа, а в следующем принят устав учебных заведений России, деливших их на четыре ступени: приходские училища, уездные училища, гимназии, университеты. В стране появилась система высшего образования — к Московскому университету добавились универ-

ситеты в Дерпте, Вильно, Казани, Харькове, Петербурге; открылись Институт инженеров путей сообщения и привилегированные гуманитарные лицеи — Царскосельский (1811), Демидовский в Ярославле (1803) и Ришельевский в Одессе (1817).

Государственное финансирование предусматривалось только для трёх верхних ступеней образования, приходским же училищам приходилось уповать на общественность. Александр I говорил об этом в 1803 году: «Мы удостоверены, что и все наши верноподданные примут деятельное участие в сих заведениях, для пользы общей и каждого учреждаемых». В 1824 году в 1411 учебных заведениях (не считая духовных и военных училищ) обучалось 69 629 человек. В этом году государь сам утвердил обязательную для школьников молитву: «Благодарим Тебе, Создателю, яко сподобил еси нас благодати Твоея, во еже внимати учению. Благослови наших начальников, родителей и учителей, ведущих нас к познанию блага и подаждь нам силу и крепость к продолжению учения сего...»

В 1802—1811 годах была создана система министерств, отличавшихся от петровских коллегий не только принципом единоначалия, но и наличием подведомственных им местных органов и чиновников. Губернаторы отныне подчинялись Министерству внутренних дел; прокуроры, уездные суды и губернские судебные палаты — Министерству юстиции; Министерство финансов управляло казёнными палатами и уездными казначействами, Министерство народного просвещения — университетами и гимназиями, Военное министерство — армией и военными поселениями. 20 ноября 1809 года вышел царский манифест, провозглашавший: «Распространение земледелия и промышленности, возрастающее население столицы и движение внутренней и внешней торговли превосходят уже меру прежних путей сообщения», — в соответствии с которым были образованы Главное управление водяными и сухопутными путями сообщения, Корпус и Институт Корпуса инженеров путей сообщения, первый — для строительства и эксплуатации дорог, второй — для подготовки специалистов.

Подлинным создателем министерской системы был сделавший стремительную карьеру сын сельского священника статс-секретарь Михаил Михайлович Сперанский, составивший в 1809 году по поручению царя план нового государственного устройства — «Проект уложения государственных законов Российской империи», в основу которого был положен принцип разделения власти и устройства всех её ветвей «на непрременном законе». Проект предполагал введение выборных представительных собраний (дум) в губерниях, которые должны были формировать Государственную думу. Предусматрива-

лось последовательное рассмотрение всех представленных правительством законопроектов в Государственной думе, Государственном совете и утверждение императором, без санкции которого закон не мог вступить в силу. Законодательная инициатива и система управления оставались бы в руках царя и его министров, но действия последних подлежали бы гласному обсуждению. Волостные, окружные и губернские думы должны были формировать суды соответствующего уровня, а верховным судебным органом оставался Сенат.

Сперанский считал, что все граждане (включая государственных крестьян), владеющие недвижимостью (землёй) или «капиталами промышленности», должны получить политические права. Он не стремился сразу отменить крепостное право, но полагал, что крепостные могут иметь «общие гражданские права»: на владение собственностью, наказание только по суду, — а их повинности будут регламентироваться законом. Зато он предлагал отменить принадлежность к дворянству по рождению, а даровать его за особые заслуги перед отечеством.

Была проведена в жизнь серия крайне необходимых мер по оздоровлению финансовой системы, ведь в 1810 году расходы в два раза превосходили доходы. С помощью продажи казённых земель, введения нового протекционистского таможенного тарифа (1810) и новых налогов (платить были обязаны и помещики — по 50 копеек за крестьянскую душу) он сумел сократить бюджетный дефицит и спасти государство от банкротства.

«Счастье и несчастье всех и каждого зависят от устройства правительства», — искренне полагал реформатор; он рассчитывал, что уже в 1810 году смогут произойти первые свободные выборы и к 1811-му Россия «воспримет новое бытие». Но из всех его планов был реализован лишь один — создание законосовещательного Государственного совета. Сам же реформатор вскоре пал жертвой дворянского недовольства. 17 марта 1812 года он был вызван на высочайшую аудиенцию. Из кабинета государя он вышел «в великом смущении», а у себя дома застал министра полиции А. Д. Балашова — тот опечатал его бумаги, а самого реформатора отправил в ссылку — сначала в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Его арест и ссылка без следствия и суда по устному распоряжению Александра I стали последним отзвуком прежних «падений» министров, сопровождавшихся заточением в крепости и конфискацией имущества.

Придворный мир радовался крушению «изменника», сам же Александр не сомневался в его невиновности и на следующий день сказал князю А. Н. Голицыну: «Если бы у тебя отсекли руку, ты, наверно, кричал бы и жаловался, что тебе больно»;

у меня прошлой ночью отняли Сперанского, а он был моею правою рукою!» Сперанский намного опередил время. Его проект был возрождён самой властью в 1905 году — но было уже слишком поздно: законосовещательная Дума была снесена революционной волной.

«Умиротворитель Вселенной»

Александр, как и его отцу, выпало править в эпоху потрясавших Европу Наполеоновских войн. Придя к власти, он попытался проводить внешнюю политику как бы с чистого листа: с одной стороны, были восстановлены отношения с Англией, с другой — в 1801 году с Францией был заключён договор, провозглашавший дружбу, восстанавливавший торговые отношения и оговаривавший сохранение статус-кво в Германии.

Теперь, когда на Западе был установлен мир, Россия могла обратиться к делам на Востоке. Непременным советом дважды обсуждался вопрос о Грузии. Выбор был трудным: попытаться создать там наследственное наместничество в составе России, как просил царь Картли-Кахетии Георгий XII, или превратить Грузию в российскую губернию.

Участники заседания признали, что «протекция, какую по Георгиевскому трактату 1783 года давала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение», но рекомендовали принять Грузию в состав империи по следующим причинам: «1) Несогласие членов царской фамилии, тотчас по кончине царя Георгия Ираклиевича обнаружившееся, грозит слабому царству сему пагубным междоусобием; 2) открытое покровительство, которое с давнего времени Россия дарует сей земле, требует, чтобы для собственного достоинства империи царство грузинское сохранено было в целостности; 3) спокойствие границ российских тем обеспечится по вящей удобности обуздать своевольство горских народов (советники императора видели в Грузии плацдарм для наступления на горские племена Северного Кавказа. — *И. К.*)».

Решив, что страна «не может ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги горских народов», Александр I в манифесте от 12 сентября 1801 года провозгласил решение о включении Восточной Грузии в состав Российской империи. Династия Багратионов лишилась прав на грузинский престол, а Картли и Кахетия стали Грузинской губернией. За ними последовала Имеретия (1810). Уже в следующие царствования были присоединены Гурия (1840), Мин-

греция (1857), Абхазия (1866). Однако присоединение Закавказья не принесло России выгод. Его следствием стала серия войн с Ираном и Турцией. Империя не могла оставить между русским Северным Кавказом и христианским Закавказьем непокорённый Кавказ. Противодействие набегам горцев и установление надёжных коммуникаций через Большой Кавказский хребет способствовали втягиванию в войну в горах. Первым полководцем, который вёл постоянные боевые действия на Кавказе, стал главноуправляющий Грузией и командующий Кавказским корпусом генерал князь Павел Цицианов.

В 1804 году персидский шах Фетх-Али потребовал от России вывода войск из Закавказья. Царевич Аббас-Мирза вторгся в Эриванское ханство. Но после серии поражений Иран по Гюлистанскому договору (1813) признал вхождение в состав Российской империи Восточной Грузии и большей части Азербайджана; Россия получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море.

По проискам Франции турецкий султан Селим III закрыл Босфор для русских судов и сменил господарей в вассальных княжествах Молдавии и Валахии, нарушив тем самым предыдущие договоры. Армия под командованием генерала И. И. Михельсона в декабре 1806 года заняла Яссы и Бухарест, а эскадра адмирала Д. Н. Сенявина блокировала пролив Дарданеллы и в июне 1807 года в Афонском сражении нанесла поражение турецкому флоту. Переговоры, состоявшиеся при посредничестве Франции, не принесли результатов. В 1809 году боевые действия возобновились и шли до тех пор, пока М. И. Кутузов в июне 1811 года не нанёс туркам поражение под Рушуком. В ноябре окружённая армия великого визиря сдалась, а в мае 1812 года в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому к России отходила Бессарабия.

Александр скоро убедился в том, что Наполеон предполагал установить французскую гегемонию в Европе: в мае 1803 года после разрыва отношений с Англией он захватил Ганновер — наследственную вотчину английских королей — и бесцеремонно устанавливал своё господство в Германии. Объединить Вену, Берлин и мелкие германские дворы общими целями было почти невозможно, но российский император склонил австрийцев к участию в антифранцузской коалиции. В 1804 году в Париже был раскрыт очередной роялистский заговор. Когда французские войска вторглись на территорию Великого герцогства Баден, они захватили и казнили проживавшего там представителя династии Бурбонов герцога Энгийенского, к заговору не причастного. После оскорбительного ответа на русскую ноту протеста («Если бы в то время, когда Англия замы-

шляла убийство Павла I, стало известно, что устроители заговора находятся в 4 километрах от границы, неужели не постарались бы схватить их?») новоявленный французский император стал для Александра личным врагом.

В 1805 году молодой государь и две его армии двинулись на запад; офицерам «казалось, что мы идём прямо в Париж». По дороге Александр заехал в Берлин и уговорил короля Фридриха Вильгельма III примкнуть к коалиции; в гарнизонной церкви Потсдама ночью, при свечах, император, король и его жена Луиза над гробом Фридриха Великого поклялись в вечной дружбе. Но в походе за «восстановление свергнутых государей» российский император переоценил свои полководческие способности, а «придворная выправка» помешала командующему армией М. И. Кутузову отговорить царя от генерального сражения. Александр вместе с австрийским монархом Францем I пережил позор поражения и бегства под Аустерлицем. Государь, впервые увидевший на поле боя груды мёртвых тел, мучился и даже потерял аппетит. Коалицию не спасла и Пруссия — её армии в 1806 году были разгромлены за две недели.

Александр I издал манифест, возвещавший о том, что общий враг Европы теперь угрожает отечеству, и отказался ратифицировать уже подписанный трактат «о мире и дружбе» с Францией; Синоду было предписано провозгласить анафему Наполеону — «твари, совестью сожжённой и достойной презрения», — который дошёл до того, что «проповедовал алкоран Магометов». Но и серия кровопролитных сражений в Восточной Пруссии завершилась поражением русских под Фридрихсбургем в Восточной Пруссии в июне 1807 года.

При отсутствии союзников (австрийцы воевать отказались, а англичане предпочитали действовать там, где у них были колониальные интересы) Александру I пришлось принять трудное решение. При встрече на плоту посреди Немана 25 июня (7 июля) 1807 года русский император обнял французского и не расставался с ним в течение нескольких дней: они вместе проводили смотры и учения, вели переговоры, обедали, а вечерами вели беседы о мировых делах или выходили прогуляться по ночным улицам прусского городка Тильзита. «Я был крайне им доволен! — написал Наполеон супруге Жозефине после первых встреч с царём. — Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый император. Он гораздо умнее, чем думают».

Александр почтительно слушал Наполеона, восхищался его талантами и победами, ругал его врагов (Людовика XVIII назвал «самым ничтожным и пустым человеком в Европе», а про англичан заявил, что ненавидит их так же, как и сам Бонапарт). России пришлось заключить Тильзитский мир на ус-

ловиях победителя, однако она не только не потеряла ни пяди земли, но и приобрела Белостокскую область. Императоры вступили в союз; при этом Александр признал право Наполеона распоряжаться германскими землями и созданным по его воле у российских границ Великим герцогством Варшавским. Присоединение к континентальной блокаде Англии вскоре привело к финансовому кризису, падению курса ассигнаций...

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, Тильзитское соглашение позволило выиграть время, чтобы скопить силы. Александр, в отличие от негодующего общества, смотрел в будущее и в конечном счёте оказался прав. Наполеон же ошибался, считал Россию своим союзником в европейских делах («Я имею основание надеяться, что наш союз будет постоянным», — писал он министру иностранных дел Ш. М. Талейрану), а Александра — «младшим партнёром» в своей игре против Англии. Именно Англии была объявлена континентальная блокада, целью которой являлась изоляция английской экономики. Систематическое нарушение Россией блокады стало, наряду с соперничеством двух империй за влияние в Германии и на Ближнем Востоке, причиной похода «Великой армии» Наполеона в 1812 году. К тому же тариф 1810 года поднял на 50 процентов пошлины на импортные, в том числе французские товары. Александр отказался отдать в жёны Наполеону свою сестру и резко протестовал против оккупации владений своего родственника принца Ольденбургского. К 1810 году в преддверии разрыва резко выросли военные расходы, а армия была увеличена вдвое. Высшее военное командование предполагало в 1811 году наступательную войну, но Александр I всё-таки утвердил план стратегического отступления военного министра М. Б. Барклая де Толли.

«Россия увлечена роком. Судьбы её должны свершиться... Идём же вперёд, перейдём Неман, внесём войну в её пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая; но мир, который мы заключим, принесёт с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы», — писал французский император в воззвании к войскам 10 (22) июня 1812 года.

Но при всех своих амбициях Наполеон не собирался завоёвывать Россию и управлять из Парижа её просторами. Он намеревался быстрым ударом разгромить русские войска у границы и навязать Александру I выгодный для Франции договор; предполагался даже совместный поход двух армий в Индию. Только после провала этого замысла в конце июля 1812 года французский император решился идти на Москву.

Он даже пытался использовать социальный протест «рабов»: кое-где его командиры говорили с крестьянами о «независимости» (мужики Юхновского уезда, жаловался тамошний помещик, «от вольнодумствия начинают убивать до смерти господ своих и подводят французов в те места, где оные скрываются»), но так и не решился осуществить планы освобождения крепостных в России. Французский император не собиравшись становиться вождём народного бунта — до самого оставления Москвы он рассчитывал на заключение мира.

Александрю же вновь пришлось пережить позор отступления. Он вынужден был покинуть армию, сознавая свою бесполезность в роли Верховного главнокомандующего, и вопреки своему желанию поставил во главе войска М. И. Кутузова. Зато император проявил твёрдость — заявил ещё перед началом кампании: «Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России» — и выполнил обещание. 18 сентября 1812 года он писал сестре Екатерине Павловне:

«...Нечего удивляться, когда на человека, постигнутого несчастьем, нападают и терзают его. Я никогда не обманывал себя на этот счёт и знал, что со мной поступят так же, чью судьба перестанет мне благоприятствовать. Мне суждено, быть может, лишиться даже друзей, на которых больше всего я рассчитывал. Всё это, по несчастью, в порядке вещей в здешнем мире! <...>

В Петербурге я нашёл всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было единодушное желание. Так как я знаю Кутузова, то я противился сначала его назначению, но когда Ростопчин в своём письме от 5 августа известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая Баркляя и Багратиона годными для главного начальства, и когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить общему желанию. <...>

После того, что я пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов всякую ответственность, что не внушаю войскам никакого доверия, и поставленными мне в вину поражениями делаю их более прискорбными, чем те, которые зачли бы за генералами, — судите, дорогой друг, как мне должно быть мучительно услышать, что моя честь подвергается нападкам. Ведь я поступил, как того желали, покидая армию, тогда как сам только и хотел, что быть с армией. <...>

Что касается меня... то я могу единственно ручаться за то, что моё сердце, все мои намерения и моё рвение будут клониться к тому, что, по моему убеждению, может служить на благо и на пользу Отечеству. Относительно таланта, может, у

меня его недостаточно, но ведь таланты не приобретаются, они — дар природы. Справедливости ради должен признать, что ничего нет удивительного в моих неудачах, когда у меня нет хороших помощников, когда терплю недостаток в деятелях по всем частям, призван вести такую громадную машину в такое ужасное время и против врага адски вероломного, но и высокоталантливого, которого поддерживают соединённые силы всей Европы и множество даровитых людей, появившихся за 20 лет войны и революции. Вспомните, как часто в наших с Вами беседах мы предвидели эти неудачи, допускали даже возможность потерять обе столицы, и что единственным средством против бедствий этого ужасного времени мы признали твёрдость. Я далёк от того, чтобы упасть духом под гнётом сыплющихся на меня ударов. Напротив, более чем когда-либо я решил упорствовать в борьбе и к этой цели направлены все мои заботы»⁶⁰.

Государю приходилось заниматься негероическими делами: изыскивать резервы, распоряжаться о закупке лошадей для армии, вести нелёгкие переговоры с британским союзником. Английское правительство не верило в то, что Россия выдержит удар «Великой армии», и не спешило оказывать помощь — в октябре 1812 года в Петербург прибыло лишь 50 тысяч старых ружей. Только в 1813 году страна стала получать английские оружие и субсидии на содержание заграничной армии. Из захваченного Смоленска Наполеон отправил к императору пленного генерала П. А. Тучкова с предложением мира, ещё раз сделал подобное предложение, находясь в Москве; но они были отвергнуты, хотя Александра толкали к миру и вдовствующая императрица, и брат Константин, и многие представители высшей бюрократии.

Он был одним из первых европейских монархов, кто понял значение пропаганды как важнейшего элемента политики. В 1812 году российская пресса помимо либеральной фразеологии стала активно использовать освободительную риторику. В 1813 году её острей оказалось направленным на Германию, а в 1814-м — на Францию. Тогдашний патриотический подъём у немцев во многом был результатом русской публицистики. В 1814 году Александр I сформулировал принцип: союзники ведут борьбу не против Франции, а против Наполеона. В «войне перьев» перевес оказался на стороне Александра I.

В первый день 1813 года русская армия, очистившая территорию страны от неприятеля, перешла границу. Теперь Александр видел свою миссию в освобождении западноевропейских народов и низвержении Наполеона с престола. Он проявил энергию и талант дипломата, создавая новую коалицию против старого врага; в 1813 году она выставила против

Наполеона почти миллионную армию. Царь улаживал трения, разрабатывал стратегию союзников и предлагал верные тактические решения; так, несмотря на возражения австрийцев, он настоял на сражении под Лейпцигом в октябре 1813 года, а затем призвал двигаться на Париж. Случались и обескураживавшие союзников поражения, но Александр оставался твёрд. «Я не заключу мира, пока Наполеон остаётся на престоле», — говорил он в феврале 1814-го, и уже в марте союзные войска взяли французскую столицу. Российский император стал вершителем судеб Европы.

«Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил моё сердце теплотою веры, какой я до сих пор не ощущал, — говорил он позднее. — Тогда я познал Бога. Во мне созрела твёрдая решимость посвятить себя и своё царствование Его имени и славе». Император каждый день стал читать Библию «и находить в ней утешение». 29 марта (10 апреля) 1814 года он во главе своих войск молился на пасхальной службе на парижской площади, где был казнён король Людовик XVI. Он отклонил поднесённый ему Государственным советом, Сенатом и Синодом титул «Благословенный», поскольку считал, что его принятие дало бы его подданным «пример, не соответствующий тем чувствам умеренности и духу смирения, которые он стремится им внушить».

С одной стороны, Отечественная война пробудила чувство общности, единения множества людей разных состояний перед лицом нашествия. Общенациональный подъём имел огромное значение для духовной жизни русского общества. С другой стороны, итогом войны были Венский конгресс и реставрация феодальных порядков в Европе, да и в России победа над Наполеоном способствовала укреплению режима. Победители Наполеона заключили в Париже 26 сентября Священный союз ради защиты незыблемости послевоенных границ в Европе и борьбы против революционных выступлений:

«Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы! Их Величества, император Австрийский, король Прусский и император Всероссийский, вследствие великих происшествий, ознаменовавших в Европе течение последних трёх лет... восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо предлежащих держав образ взаимных отношений подчинить высшим истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенныя их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководиться не иными какими-либо правилами как

заповедями сея святая веры, заповедями любви, правды и мира... На сём основании Их Величества согласились в следующих статьях:

I. Соответственно словам Священных Писаний, повелевающим всем людям быть братьями, три договаривающиеся монарха пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы единосемцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства, которыми они одушевлены для охранения веры, мира и правды.

II. По сему единое преобладающее правило да будет как между помянутыми властями, так и подданными их приносить друг другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всех себя как бы членами единого народа христианского, поелику три союзные государя почитают себя яко поставленными от Провидения для укрепления трема единого семейства отраслями, а именно Австрией, Пруссией и Россией...»

Для Александра этот акт означал не только окончательную победу над врагом, но и начало новой эры, создание, говоря современным языком, «общеευропейского дома», правители и народы которого объединены отныне общеевропейскими христианскими ценностями и должны помогать друг другу в борьбе против любых революционных потрясений.

С этого времени сохранение Священного союза и созданной с его помощью европейской «системы» стало главной целью внешней политики Александра I. По его инициативе собирались конгрессы союза. В ответ на революционные движения в Италии, Испании и Португалии на конгрессе 1821 года была принята предложенная им декларация о праве вооружённого вмешательства в дела любой страны, которой угрожает революция. Через два года с санкции Священного союза войска королевской Франции подавили революцию в Испании.

Александр состоял в переписке с одним из авторов Декларации независимости и третьим президентом США Томасом Джефферсоном, который пытался объяснить российскому императору особенности американского государственного устройства. В 1809 году были установлены дипломатические отношения с США; в 1821-м русское правительство объявило своим владением всё западное побережье Северной Америки до 51-й параллели, в 1812-м было основано русское поселение в Калифорнии — Форт Росс, в 1815-м — фактория на Гавайских островах. Там уполномоченный Российско-Американской компании доктор Егор Шеффер заключил торговый до-

говор с вождём Каимеама (Томари); на острове Оаху появились русский форт и первые поселенцы. Вождь выражал желание перейти под протекторат российского императора. Но Александр I счёл его просьбу не заслуживающей внимания и распорядился лишь наградить его золотой медалью с надписью «Владельцу Сандвичевых островов Томари в знак дружбы его к россиянам». Однако русские владения в Америке оставались малонаселёнными, не получали у метрополии необходимой поддержки — кораблей, оружия, продовольствия. Управлявшая землями Российско-Американская акционерная компания, специально для этого созданная с участием государства, не выдерживала конкуренции с американскими торговцами и в 1824 году предоставила им равные права на торговлю с индейскими племенами.

Александр тяжело было осознавать, что реальные политические интересы неизбежно разводили союзников в стороны, а сам принцип легитимизма вступал в противоречие с духом времени. Начавшееся в 1821 году национально-освободительное движение в Греции привело к распаду Священного союза: Александр призывал воздействовать на истреблявших греков турок, бунтовщиков против законной власти султана, а его оппоненты больше всего опасались усиления влияния России на Балканах. В августе 1825 года император вынужден был объявить союзникам, что «отныне Россия будет следовать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами».

«Моделью» несостоявшегося европейского «дома» Александр видел свою империю. Помимо Грузии и азербайджанских ханств, в её состав вошли Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Царство Польское (1815). Отныне под его скипетром были объединены бескрайние просторы самодержавной России, конституционная Польша и автономная Финляндия.

«Некем взять»

Царствование Александра I обычно делят на две неравные половины, поскольку полоса реформ сменилась после войны 1812 года «аракчеевщиной». Однако 15 ноября 1815 года в Варшаве император подписал конституцию Царства Польского — одну из самых либеральных в тогдешней Европе. По решению Венского конгресса Польша стала «призом» России в борьбе с Наполеоном, компенсацией и защитным барьером на случай нового нападения. Александр не мог забыть, что наполеоновское вторжение началось именно с территории

Польша и в нём участвовала стотысячная польская армия, до конца оставшаяся верной французскому императору. Но одновременно царь попытался создать объединение двух народов. Польша должна была стать первым шагом по пути распространения конституционных норм на всю Российскую империю. Несмотря на значительные ограничения, конституция впервые гарантировала свободу печати, передвижения, право на исповедание католической религии, участие в выборах представительных органов власти. Сейм получал право обсуждения законов. Власть императора на территории Царства Польского ограничивалась конституцией, он проходил особую процедуру коронования в Варшаве и клялся соблюдать условия конституции.

Выступая на заседании сейма 15 марта 1818 года, Александр I сказал слова, вселившие в русском обществе надежду на перемены: «Образование, существовавшее в вашем крае, дозволило мне ввести немедленно то, что я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние, надеюсь я, с помощью Божьей распространится и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приготавливаю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости... Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры».

В этих словах многие в России увидели завуалированное обещание крестьянской реформы, ведь в Польше крепостное право уже было отменено Наполеоном в 1807 году. В 1816 году было опубликовано Положение об эстляндских крестьянах, провозглашавшее: «Эстляндское рыцарство, отрекаясь от всех доселе принадлежащих ему крепостных наследственных прав на крестьян, на основании изданного о будущем состоянии их положения, предоставляет себе токмо право собственности на земли, так, чтобы впредь уже свободные от крепостной зависимости крестьяне вступать могли в такие токмо с помещиками отношения, которые проистекать могут из взаимных договоров, на согласии основанных и действию гражданских законов подлежащих». Таким образом, крестьяне освобождались от крепостной зависимости и владели земельными наделами, оставшимися собственностью помещиков, на условиях аренды. Продолжая аграрную реформу в Прибалтике, Александр I утвердил аналогичные акты о курляндских (1817) и лифляндских (1819) крестьянах.

Однако уже в конце 1817 года либо в начале 1818-го импе-

ратор высказался в том смысле, что неосторожно и невозможно отпустить разом на волю всех крепостных: «Следовало бы поэтому держаться системы, принятой в этом отношении в Лифляндии и Эстляндии, то есть соразмерить и облегчить повинности крестьян, оградить их от произвола помещиков, позволить им приобретать собственность, одним словом, составить новое, точное и умеренное законоположение относительно крепостного состояния». Кажется, он искренне верил, что «забота наша о благосостоянии помещичьих крестьян предупредится попечением о них господ их»: «Существующая издавна между ими... добродетелям свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг к другу усердия и общей к Отечеству любви ознаменованная, не оставляет в нас ни малюго сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой, они яко усердные домочадцы, исполнением сыновних обязанностей и долга приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают доброправные и благополучные семейства».

По инициативе и с ведома царя разрабатывались проекты отмены крепостного права в России (сам Александр втайне подготовил первый такой указ ещё в 1801 году), причём в их составлении участвовали не только либеральные государственные деятели вроде П. Д. Киселева или Н. С. Мордвинова, но и А. А. Аракчеев. Последний предлагал начать покупку помещичьих имений в казну «по добровольному на то помещиков согласию»; продавать государству крестьян и дворовых помещиков должно было заставить стремление избавиться от долгов и вести хозяйство на рациональной основе. В принципе проект был осуществим: война разорила многих помещиков, неумелые землевладельцы входили в долги и закладывали имения. Другое дело, что задумка Аракчеева не предусматривала мер, заставлявших помещиков продавать свои владения, и процесс освобождения крепостных растянулся бы на сотни лет.

Одобренный императором проект остался без последствий, но появились новые. В 1818—1819 годах действовал специальный секретный комитет для разработки крестьянской реформы. Проект Е. Ф. Канкрин (1818) предполагал осуществлять её поэтапно аж до 1880 года: сначала даровать мужикам права владеть домом и «движимостью» и покупать землю, потом регламентировать их повинности в пользу помещиков, затем объявить твёрдую таксу для выкупа с землёй и учредить специальный кредитный банк и т. д.

Однако и эти идеи не были реализованы. Намерение российского самодержца не встретило ответного «друг к другу усердия» мужиков и господ, а у последних не нашло понима-

ния. Подавляющее большинство дворян были убеждены, что испокон века на Руси их сословию «справедливо жалованы были поместья и доверялась участь нескольких сотен крестьян».

Пришлось ограничиться даже не полумерами, а робкими шагами по намеченному ещё Павлом I пути вмешательства государства в «отеческие» отношения господ и крепостных. В 1816 году вышел указ о запрещении «совершать купчих на людей без земли по верующим письмам»; в 1818-м — «о строжайшем наблюдении губернским начальствам о неупотреблении крестьян к господским работам в воскресные и праздничные дни» и о распространении права «учреждать фабрики и заводы на всех казённых, удельных и помещичьих крестьян»; в 1821-м — о невозвращении получивших свободу помещичьих людей в крепостное владение.

По-иному действовать не получалось — у осторожного императора не было надёжной опоры ни в лице влиятельной буржуазии, ни даже среди просвещённой бюрократии — ни того ни другого слоя в России ещё не было. В ноябре 1820 года предложение ограничить продажу крепостных без земли не встретило поддержки ни в департаменте законов Государственного совета, ни в общем собрании совета, и дело было отложено в долгий ящик.

Император знал пороки своей государственной машины — медлительность, бюрократизм, коррупцию. Он напутствовал нового министра юстиции Д. П. Трошинского:

«Дмитрий Прокофьевич! ...Я в полной к Вам доверенности поручаю Вам усугубить надзор, дабы дела как в Правительствующем Сенате, так и во всех подчинённых ему местах имели успешнейшее течение, чтоб законы и указы повсюду исполнялись неизменно, чтоб бедные и угнетаемые находили в судах защиту и покровительство, чтоб правосудие не было помрачено ни пристрастиями к лицам, ни мерзким лихонимством, Богу противным и мне ненавистным, и чтоб обличаемые в сём гнусном пороке нетерпимы были в службе и преследуемы всею строгостию законов, в чём Вы по долгу звания Вашего неослабно наблюдайте и о последствиях меня в откровенности извещать не оставьте, донося равномерно и о тех отличных чиновниках, которых за усердную и безпорочную службу найдёте достойными особеннаго моего воздаяния»⁶¹.

В 1818 году в глубокой тайне Александр I утвердил основы будущей русской конституции, составленные Н. Н. Новосильцевым и князем П. А. Вяземским. «Государственная уставная грамота Российской империи» в окончательной редакции 1820 года предусматривала федеративное устройство

(деление страны на 12 наместничеств со своими представительными органами), создание двухпалатного Государственного сейма, дарование свободы слова, печати, вероисповедания, равенства перед законом, неприкосновенности личности и частной собственности при сохранении крепостного права. Законы должны были издаваться совместно императором и сеймом, при этом исключалась ответственность исполнительной власти перед сеймом.

Но ни «Уставная грамота», ни какие-либо указы, облегчавшие жизнь крепостных, так и не были обнародованы. Попытка эксперимента — создание в 1819 году Тульского наместничества — не привела к перестройке системы местной администрации. Назначенный управлять огромной территорией (Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерниями) генерал-адъютант А. Д. Балашов лишь в 1823 году получил именной указ об изменении порядка управления, касающийся лишь Рязанской губернии. При этом государь требовал, чтобы наместник сам предлагал новшества, но «каждый раз представлял на моё разрешение». В итоге Балашов даже не пытался создать совет наместничества (аналог Государственного совета) и жаловался на «великий недостаток в знающих и способных чиновниках». В Рязани появились лишь губернский совет чиновников, пожарная команда и «тюремный замок» — иных указаний из Петербурга не последовало.

В августе 1821 года возвращённый из ссылки Сперанский записал слова царя: «Разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются». «Некем взять», — жаловался царь своему окружению на то, что не имеет помощников и не может найти подходящих людей.

Скоро Александр I перестал даже «иметь вид», что готовит преобразования. С 1816 года в стране насаждались военные поселения, в которые были переведены 150 тысяч солдат и почти 400 тысяч государственных крестьян, чтобы армия сама себя кормила и воспроизводила (дети женатых солдат и военных поселян зачислялись в армейскую службу). Военные поселения, каждое со своим общественным «магазином»-складом, кирпичным мастером и повивальной бабкой, по замыслу создателей, должны были стать не только средством содержания армии, но и образцом для устройства жизни в России: на их прямых улицах стояли в линию типовые дома, а жизнь их обитателей была подчинена военному распорядку; «поселенные» солдаты в обязательном порядке получали жён по жребью.

На первое место в управлении империей выдвинулся генерал, граф, сенатор и фактический руководитель Государствен-

ного совета Алексей Андреевич Аракчеев, заведовавший личной канцелярией Александра I. В его руках сосредоточились все сколько-нибудь важные государственные дела: подготовка законопроектов, надзор за органами центрального и местного управления, назначения, награды и пенсии. С 1815 года министры были лишены права личного доклада царю и обращались к нему через Аракчеева.

Но это не означало, что император устранился от дел и передал всю власть «всесильному временщику». Аракчеев прежде всего был его доверенным лицом, строгим и неподкупным исполнителем его предписаний, регулярно предоставлял отчёты о своих действиях и даже предъявлял полученные им письма, а в ответ получал точные инструкции, иногда даже черновики ответов на деловые бумаги и прошения, которые просто переписывал от своего имени. Сам император определил роль Аракчеева в разговоре с адъютантом: «Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеев. Всё, что делается дурного, он берёт на себя; всё хорошее приписывает мне».

Создание Министерства духовных дел и народного просвещения привело к изгнанию из Казанского и Петербургского университетов передовых профессоров и введению суровой дисциплины для предохранения студентов от «всеразрушающего духа вольнодумства». Не забывал царь и про полицию. При петербургском военном губернаторе была учреждена Тайная полицейская экспедиция для выявления «предметов и деяний, клонящихся к разрушению самодержавной власти». В 1805 году родился секретный Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции, через два года его сменил Комитет охранения общественной безопасности, опять-таки нацеленный на борьбу против французских происков и тайных обществ — иллюминатов и мартинистов. В 1811—1819 годах действовало уже целое Министерство полиции, опиравшееся на особые органы, существовавшие при обер-полицмейстерах обеих столиц. Помимо перечисленных инстанций, отдельный орган политического сыска имелся на юге страны — им руководил начальник южных военных поселений граф И. О. Витт. Начальство требовало от полицейских: «...одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг; в питейных и кофейных домах, трактирах, клубах, на рынках, на горах, на гуляньях, на карточных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты — словом, везде, где примечания делать, поступки видеть, слушать, выведывать и в образ мыслей проникать возможно».

Однако разномастные структуры и непрофессиональные агенты проморгали складывание тайных обществ; империя

получила небывалого прежде «врага внутреннего». Декабрист Г. С. Батеньков не без основания иронизировал: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами “карбонарии” и “либералы”, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки; их доносы обрабатывали, как приходило в голову».

Восстание в Семёновском полку и рост революционных настроений среди офицерства после Заграничных походов русской армии побудили Александра I в начале 1820-х годов учредить тайную военную полицию при штабе Гвардейского корпуса. Её возглавил М. К. Грибовский — агент, внедрившийся в Коренную управу Союза благоденствия и сообщивший императору ценные сведения о составе и планах декабристского тайного общества. Грибовскому покровительствовал (и в частности, передал его записку с показаниями императору) начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, которому вскоре было суждено занять особое место в развитии системы политического сыска.

В мае 1821 года по возвращении Александра I из-за границы генерал И. В. Васильчиков подал ему список наиболее активных членов тайного общества. Рассказывают, что царь якобы бросил список в пылающий камин, не желая знать «имён этих несчастных», ибо и сам «в молодости разделял их взгляды», и добавил: «Не мне подобает карать». При разборе бумаг после смерти царя была обнаружена записка 1824 года, где он говорил о росте «пагубного духа вольномыслия» в войсках, о существовании «по разным местам тайных обществ или клубов», с которыми связаны влиятельные генералы А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, П. Д. Киселёв, М. Ф. Орлов. Эти и другие сведения, поступавшие по разным каналам, послужили причиной кадровых перемещений в гвардии и армии, которые на время выбили почву из-под ног фрондирующего офицерства.

Уже в 1817 году Александр писал сестре Екатерине: «Вы спрашиваете, дорогой друг, что я подельваю. Всё то же, т. е. привыкаю всё более и более покоряться велениям судьбы и даже нахожу уже известное удовлетворение в том полном одиночестве, в каком я нахожусь». Заботы удручали, а отрешиться от них было негде. Семейная жизнь победителя Наполеона не удалась. Елизавета Алексеевна родила ему дочь Марию (1799), но девочка умерла совсем маленькой. Царь охладел к супруге. В течение пятнадцати лет его избранницей оставалась очаровательная Мария Нарышкина (в девичестве княжна Четвертинская), красота которой была, по словам одного из современни-

ков, «до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною». Но отношения законных супругов оставались дружескими — Александр часто приходил к жене пить чай. Подруга императрицы графиня Прасковья Фредро рассказывала:

«В первый же год связи императора Александра с г-жой Нарышкиной, ещё прежде восшествия на престол, он пообещал ей навсегда прекратить супружеские отношения с императрицей, которая должна была остаться его женой только формально. Он долгое время держал слово и вскоре после коронации, движимый одним из тех бескорыстных порывов, что были отличительной чертой его характера, даже решил принести жертву во имя своей любви. Он задумал отречься от престола, посвятил в свои планы юную императрицу, князя Чарторыйского и г-жу Нарышкину, и было единогласно решено, что они вчетвером уедут в Америку. Там состоятся два развода, после чего император станет мужем г-жи Н[арышкиной], а князь Адам — мужем императрицы. Уже были готовы корабль и деньги, и предполагалось, что корона перейдёт маленькому великому князю Николаю при регентше императрице Марии.

Императрица Елизавета потеряла свою дочь, что облегчало материальные трудности и делало её одинокое и растерзанное сердце доступным для решений, продиктованных отчаянием. Князь Адам, во власти сильнейшей страсти, на мгновение был увлечён такой соблазнительной перспективой; но он же первый осознал её невозможность, почувствовал угрызения совести и привёл императору доводы рассудка. Ему удалось его убедить, всё осталось по-прежнему, и по меньшей мере несколько лет империя наслаждалась покоем, но императрица Елизавета стала ещё более одинокой...

В 1806 г. было объявлено о беременности императрицы: эта новость была встречена с радостью, все ей сочувствовали после смерти её старшей дочери и желали, чтобы эта утрата была возмещена. Но г-жа Нарышкина пришла в ярость. Она требовала от императора верности, на которую сама была не способна, и с горечью осыпала его упрёками, на что он имел слабость ответить, что не имеет никакого отношения к беременности своей жены, но хочет избежать скандала и признать ребёнка своим. Г-жа Нарышкина поспешила передать другим эти жалкие слова»⁶².

От Нарышкиной Александр имел двух дочерей; но фаворитка имела и других любовников. Генерал и военный историк А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал:

«Государь, как известно, страстно любил Марию Антонову Нарышкину, которая, однако же, невзирая на то, что была обожаема прекраснейшим мушиною своего времени, каковым был Александр, ему нередко изменяла. В числе

предметов непостоянной страсти её был и граф Ожаровский. ...Государь приблизил к себе сего последнего после Фридландского сражения, в котором убили брата его... государь, чтобы утешить его в сей потере, осыпал его милостями. Граф Ожаровский заплатил за сие неблагодарностию, заведя любовную связь с Нарышкиною. Государь, заметя оную, начал упрекать неверную, но сия с хитростию, свойственною распутным женщинам, умела оправдаться и уверить, что связь её с Ожаровским была непорочная и что она принимала его ласковее других, потому что он поляк и следственно её соотечественник и что она находится в самых дружеских отношениях к его матери. Вскоре, однако же, измена обнаружилась, ибо по прошествии малого времени государь застал Ожаровского в спальней своей любезной и в таком положении, что не подлежало сомнению, чтобы он не был щастливым его соперником. Кто бы на месте государя не отмстил дерзкому и удержал бы порыв своего гнева? Посмотрим, что сделал Александр.

Он призвал к себе своего соперника, им благодетельствованного, и сказал ему: «Ты знаешь, сколь несчастий я имел в жизни, но у меня оставалась одна отрада, единственное утешение в свете — в любви Марьи Антоновны, и ты, похитив её сердце, лишил меня моего благополучия, но мстить я тебе не стану; дружеская связь, до сего времени между нами существовавшая, прерывается; ежели ты желаешь, то ты можешь оставаться по-прежнему при мне генерал-адъютантом. Я тебе не буду ни в чём отказывать и позволяю тебе отныне впредь просить всего, что ты ни пожелаешь. Вот моё мщение»».

24-летняя императрица замкнулась во дворце, появляясь лишь на официальных церемониях. Неожиданно для самой себя она увлеклась кавалергардским офицером Алексеем Охотниковым. Недавно найденный дневник императрицы показывает, как зарождалось и росло её чувство: «Воскресенье 6 декабря 1803... Невыразимое счастье после томительной неуверенности. Портрет. Я его видела, прикасалась к нему, упивалась им, осыпала его поцелуями. О, если бы этот портрет умел говорить, он поведал бы тому, с кого он писан, о вещах, в которых тот, быть может, не сомневается». Скорее всего, именно этот миниатюрный портрет Охотникова был найден и сожжён Николаем I после смерти Елизаветы Алексеевны вместе с её письмами. У неё недоставало сил противостоять этой любви — 3 ноября 1806 года она родила дочь Елизавету, которую Александр признал, но не любил. Возлюбленный государыни умер в январе 1807 года от «грудной болезни» — скоротечного туберкулёза; в следующем году умерла и рождённая от него дочь.

В июне 1824 года, во время воинского смотра узнав о смерти своей любимой семнадцатилетней внебрачной дочери Со-

фии, император страшно побледнел; однако не прервал занятий и только сказал: «Я наказан за все мои прегрешения». Приближённые Александра отмечали, что он становился всё мрачнее, стал чаще уединяться. «Возносясь духом к Богу, — писал император в 1818 году графине Софье Соллогуб, — я отшелся от всех земных наслаждений. Призывая к себе на помощь веру, я приобрёл такое спокойствие, такой мир душевный, какие не променяю на любые блаженства здешнего мира. Если бы не эта вера, святая, простая, чистая, которая только одна вознаграждает меня за все тяготы, сопряжённые с моим званием, что другое могло бы дать мне силы к перенесению его бремени? Обязанности, налагаемые на нас, надо исполнять просто...»

Одно время царь увлёкся мечтами об «общевропейской религии» и проявлял интерес к христианским объединениям (чешским «моравским братьям», английским квакерам) и учениям мистиков вроде И. Г. Юнга-Штиллинга, предвещавшего конец истории в 1836 году. С 1813 года под покровительством государя развернуло свою деятельность Библейское общество, целью которого было распространение христианского учения и обеспечение «всякого христианского вероисповедания Библиями тех самых изданий, которые почитаются исправнейшими; доводить Библию до рук азиатских в России народов из магометан и язычников состоящих, каждому равномерно на его языке...». С 1813 до 1826 года было издано свыше полумиллиона экземпляров Ветхого и Нового Завета на сорока одном языке. Министерство духовных дел и народного просвещения руководило одновременно делами всех конфессий в России, школами и университетами. Однако православные иерархи были недовольны присутствием в Обществе католических и протестантских проповедников. В 1824 году близкие к Александру архимандрит новгородского Юрьева монастыря Фотий и Аракчеев уговорили его остановить деятельность Библейского общества и ликвидировать необычное министерство.

Благочестивый государь стремился улучшить положение духовенства, чтобы усилить его нравственное влияние. Была создана система подготовки кадров: уездные духовные училища, духовные семинарии, духовные академии. Приходское духовенство и монастыри были освобождены от поземельного налога и прочих натуральных и денежных повинностей и от воинского постоя; увеличены постоянные оклады священников и причта. Но при этом Церковь оставалась под бдительным государственным контролем: царские указы окончательно отменили право выбора прихожанами приходских священников. Не случайно граф Аракчеев в 1825 году передал министру

внутренних дел «высочайшее повеление» всем губернским властям: не допускать, чтобы традиционное угощение священника сопровождалось приведением его «в нетрезвое положение», поскольку «случалось, что быв оные напоены допьяна, от таковых угощений некоторые из них, духовных, скоропостижно умирали».

Лейб-хирург Дмитрий Климентьевич Тарасов отмечал: «Император был очень религиозен и истинный христианин. Вечерние и утренние свои молитвы совершал он на коленях и продолжительно, отчего у него на верху берца у обеих ног образовалось очень обширное омолоение общих покровов, которое у него оставалось до его кончины». По его повелениям было начато возведение крупнейших храмов Москвы и Петербурга — Христа Спасителя в Москве в память победы в Отечественной войне и Исаакиевского в Петербурге.

Царь всё чаще говорил о желании отказаться от власти. Однако ни у него, ни у объявленного официальным преемником брата Константина не было наследников. Александр I побудил Константина отказаться от трона и манифестом от 16 августа 1823 года передал право на престолонаследие младшему брату Николаю. Однако царь не объявил об этом акте — возможно, опасался каких-либо движений против него с использованием имени великого князя, — создав таким образом ситуацию междоусобия, чем воспользовались декабристы.

В последнее десятилетие царствования Александра не было ни одного года, когда бы он не совершал длительных поездок по России. В 1816 году он посетил Киев и Варшаву; в 1817-м — Витебск, Могилёв, Киев, Полтаву, Харьков, Курск, Орёл, Калугу, Москву; в 1818-м после Варшавы двинулся в Крым; в 1819-м ездил в Архангельск, Петрозаводск, Финляндию. В 1820 году царь совершил длительную поездку в Осташков, Тверь, Москву, Рязань, Козлов, Липецк, Воронеж, Обоянь, Чугуев, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Умань, Острог, Владимир-Волынский, Варшаву. В 1821 году он отправился в Витебск; в 1822-м — в Псков, Динабург, Белосток, Вильно и опять в Варшаву. В 1823-м ездил по Новгородской губернии и в Старую Руссу, а затем отправился в Мценск, Орёл, Карачев, Брянск и далее на Украину. Во время длительного путешествия в 1824 году Александр посетил Торопец, Боровск, Рязань, Тамбов, Пензу, а затем поехал дальше на восток — в Симбирск, Ставрополь (Волжский), Самару, Бузулук, Оренбург, Екатеринбург, Пермь, Вятку, Вологду.

Как благочестивый паломник посещал он обители и встречался с прославленными подвижниками: в Саровской пустыни беседовал с отцом Серафимом, в Киево-Печерской лавре

побывал на исповеди у слепого иеросхимонаха старца Вассиана, в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре выстаивал всю монастырскую вечернюю службу и подолгу разговаривал за чаем с одним из старцев, а в четыре часа утра один, без свиты, первым был у дверей собора, ожидая начала нового богослужения. В 1824 году император долго молился в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре у мощей Димитрия Ростовского, а потом беседовал со старцем Амфилохием. Он посещал церковную службу в городских соборах и даже в сельских церквях, где его огорчало «козлогласование»; однажды в октябре 1824 года в одном из сельских храмов он даже сам пел на клиросе вместе с доктором Тарасовым, бывшим семинаристом.

Как государь он посещал присутственные места, инспектировал воинские части. По прибытии в Пермь Александр прежде всего посетил госпитальные помещения, включая прачечную с кухней, где попробовал приготовленную для больных еду. На дороге из Перми в Вятку ему встретились три партии этапиремых арестантов, которым он, согласно русской традиции, подарил в общей сложности пять тысяч рублей. В Вятке царь остался недоволен увиденным и к тому же получил донесения ревизоров о выявленных злоупотреблениях губернатора П. М. Добрынского, который был тут же отрешён от должности и отдан под суд.

Александр как будто заново открывал для себя страну, которую не успел как следует узнать в круговороте военных и дипломатических дел. На Миасском золотом прииске он взял в руки лопату, а на кузнице Нижнеисетского завода в Екатеринбурге выковал два гвоздя и топор. Он и умер в дороге, чего ни с одним другим государем не случалось.

После путешествия в Екатеринбург и Пермь Александр желал посетить Сибирь — Тобольск и Иркутск. Однако осенью 1824 года тяжело заболела его жена. «Мы здесь уже около недели и в беспокойстве о здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны, которая от простуды имела сильный кашель и жар, — сообщал в письме Н. М. Карамзин. — Я видел государя в великом беспокойстве и в скорби трогательной: он любит её нежно. Дай Бог, чтобы они ещё долго пожили вместе в такой любви сердечной!» Супруги решили ехать на юг.

В июле 1825 года Александр получил от унтер-офицера южных военных поселений Шервуда новые сведения о заговоре, зреющем в расквартированных на юге войсках. По указанию царя началось выявление членов и руководителей тайной организации. 1 сентября Александр выехал из Петербурга, намереваясь посетить южные военные поселения, Крым и Кавказ. В сентябре он был уже в Таганроге. Туда же приехала Елизаве-

та Алексеевна. «Жизнь пошла совсем помещичья, без всякого церемониала и этикета, — писал Карамзин. — Их величества делали частые экскурсии в экипаже, вдвоём, по окрестностям, оба восхищались видом моря и наслаждались уединением. Государь совершал, кроме того, ежедневные прогулки пешком; трапезы тоже обыкновенно происходили без лиц свиты, словом, всё время протекало так, что супруги оставались часами вместе и могли непринуждённо беседовать между собой, так, как это было им приятно». 20 октября император отправился в Крым, где посетил Симферополь, Алупку, Ливадию, Ялту, Балаклаву, Севастополь, Бахчисарай, Евпаторию. Он купил имение «Ореанда» на южном берегу и заявлял: «Я поселюсь в Крым... я буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку».

Двадцать седьмого октября на пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь царь, ехавший верхом в одном мундире при сыром пронизывающем ветре, простудился и возвратился в Таганрог уже больным. Он считал болезнь обычным недомоганием и сначала даже отказывался лечиться. Лейб-медики констатировали «желчную лихорадку»; современные врачи предполагают геморрагическую лихорадку, скоротечный менингит или даже брюшной тиф. Лейб-медик Виллие фиксировал в дневнике состояние венценосного пациента:

«...7 ноября. Эта лихорадка имеет сходство с эпидемической крымской болезнью. Приступы болезни слишком часто повторяются...

10 ноября. Начиная с 8-го числа я замечаю, что что-то такое занимает его более, чем его выздоровление, и смущает его душу... Ему сегодня хуже...

11 ноября. Болезнь продолжается; внутренности ещё довольно нечисты... Когда я ему говорю о кровопускании и слабительном, он приходит в бешенство и не устаивает говорить со мною. Сегодня мы, Стофреген (личный врач императрицы. — *И. К.*) и я, говорили об этом и советовались.

12 ноября. Как я припоминаю, сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы сможем посредством хитрости убедить его употребить их. Это жестоко. Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я несчастный.

13 ноября. Всё пойдёт скверно, потому что он не дозволяет, не соглашается делать то, что безусловно необходимо. Эта склонность ко сну — очень плохое предзнаменование. Его пульс очень неправильный, слаб, и будет выпот без ртутных средств, кровопускания, мушки, горчицы, мочегонного и очистительного.

14 ноября. Всё очень нехорошо, хотя у него нет бреда. Я намерен был дать соляной кислоты с питьём, но получил от-

каз по обыкновению: “Уходите прочь”. Я заплакал, и, видя это, он мне сказал: “Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины”.

15 ноября. Сегодня и вчера, что за печальная моя должность объявить ему о близком его разрушении в присутствии её величества императрицы, которая отправилась предложить ему верное лекарство. Причащение Федотовым. Его слово после того.

16 ноября. Всё мне кажется слишком поздно. Только вследствие упадка сил физических и душевных и уменьшения чувствительности удалось дать ему некоторые лекарства после святого причастия и увещаний Федотова.

17 ноября. От худого к худшему. Смотрите историю болезни...

18 ноября. Ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил императрицу и кн. Волконского и Дибича, которые находились, первый у него, а последний внизу у камердинеров.

19 ноября. Её величество императрица, которая провела много часов вместе со мною одна у кровати императора все эти дни, оставалась до тех пор, пока наступила кончина в 11 часов без 10 минут сегодняшнего утра»⁶³.

Последним распоряжением Александра I был отданный начальнику военных поселений Витту приказ арестовать П. И. Пестеля и других руководителей заговора.

«Наш ангел на небесах, а я, несчастная, на земле», — писала Елизавета Алексеевна о кончине супруга. Жизнь императрицы закончилась в Белёве через несколько месяцев после смерти Александра на обратной дороге из Таганрога в Петербург. Кончина ещё не старого государя (ему шёл 48-й год), ранее не болевшего, породила различные слухи и предположения. Наиболее распространённым стало предание о том, что Александр скрывался в Сибири под именем «таинственного старца» Фёдора Кузьмича.

Глава тринадцатая
ОТЕЦ-КОМАНДИР

Он строг, суров и непреложно следует принципам и собственному пониманию долга — ничто на свете не может заставить его этим принципам изменить.

Королева Виктория

«Что он для меня создал»

«Самый красивый мужчина Европы» при жизни и «незабвенный» по смерти вскоре стал в глазах общества символом косности, формализма и деспотизма. Однако царствование Николая I, традиционно воспринимаемое как эпоха застоя, поражает внутренней противоречивостью: золотой век русской культуры — и вопиющее крепостничество, систематизация законов — и неприкрытый произвол власти, высокий международный престиж — и позорный проигрыш в Крымской войне.

Третий сын великовозрастного наследника Павла Петровича и его супруги Марии Фёдоровны родился 25 июня 1796 года. Екатерина II ещё успела понянчить очередного внука и писала своему корреспонденту барону Гримму: «Мамаша родила огромного малыша. Голос у него бас... длиною он аршин без двух вершков (62 сантиметра), а руки немного поменьше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря». Однако этого «рыцаря», в отличие от его старших братьев Александра и Константина, она к великим делам не предназначала. Ему предстояло стать военным; в 1799 году он впервые надел мундир лейб-гвардии Конного полка как его шеф и генерал-лейтенант по чину, в 1800-м стал командиром лейб-гвардии Измайловского полка и с тех пор постоянно носил зелёный измайловский мундир.

Образование Николая было домашнее с военным уклоном, которое сам он впоследствии считал совершенно неудовлетворительным. Много лет спустя он вспоминал: «В учении я видел одно принуждение и учился без охоты. Меня часто и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков».

Однако военный порядок и дисциплина всегда были Николаю по сердцу. В воспоминаниях он писал: «Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие». Юриспруденцию, философию и прочие гуманитарные «рассуждения» Николай не любил («Лучшая теория права, — говорил он, — добрая нравственность, и она должна быть в сердце независимо от этих отвлечённостей и иметь своим основанием религию»), зато прекрасно разбирался в артиллерии и фортификации; но больше ему нравилось инженерное дело. «Мы — инженеры!» — любил повторять будущий царь. Повоевать он не успел: молодых великих князей Николая и Михаила выпустили из России только в 1814 году, под занавес долгой войны с Наполеоном. Зато по дороге, в Берлине, произошло его знакомство с дочерью союзника, прусского короля Фридриха Вильгельма III, и в октябре 1815 года последовало официальное извещение о помолвке. В 1817 году Николай женился на своей избраннице, принцессе Шарлотте Каролине Фредерике Луизе, ставшей в православии Александрой Фёдоровной.

Николай был не только счастливым мужем и отцом, но и бравым служакой — он стал генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Сапёрного батальона, затем командиром бригады 1-й гвардейской дивизии. В этом качестве он постоянно проводил смотры и учения, посещал находившуюся под его началом школу гвардейских подпрапорщиков, наблюдал за строительством укреплений в Кронштадте. К своим обязанностям великий князь относился серьёзно, начальником был строгим, вникал в мелочи и стремился во всём навести порядок. Однако в гвардии его не очень уважали по причине отсутствия боевого опыта и не любили за придирчивость и порой пренебрежительное отношение к офицерам. От тягот службы великий князь отдыхал в кругу семьи: рисовал, изредка музицировал, читал — часто в комнатах жены, а то и спал днём у неё. Гости у четы были немногочисленными. Николай и Александра редко наносили визиты и посещали балы.

Так бы и тянулась жизнь любезного мужа и генерала-строевика, но летом 1819 года император Александр объявил, что следующий из братьев, Константин, не желает царствовать и престол переходит к Николаю. В 1823 году Александр I подписал манифест, объявлявший великого князя Николая Павловича наследником престола. Николай о нём знал, но едва ли был знаком с текстом строго секретного документа. А сам Александр по-прежнему не привлекал брата к делам, даже не ввёл его в состав Государственного совета и других высших уч-

реждений — то ли показывал, что может передумать, то ли опасался какого-либо «движения» в пользу великого князя. Так старший брат, возможно, и не желая того, «подложил свинью» младшему: великий князь не был допущен к государственным делам, не общался с сановниками и не воспринимался обществом как будущий государь.

Узнав о смерти Александра, 27 ноября 1825 года взволнованный Николай записал в дневнике: «...конец всему, нашего Ангела нет больше на этой земле! — конец моему счастливому существованию, что он для меня создал!» — и немедленно принёс присягу Константину: «...все делают то же, я подписываю и иду созвать караулы сделать то же, начал с пикета гренадер, рота Ангела Преобр[аженского], рыдания и повиновение, также с кавалергардами». Присягнули поспешно, не следуя законному порядку и без торжественной благопристойности церемонии.

Эта странная присяга, игнорировавшая секретные документы об отречении Константина и переходе престола к Николаю, стала началом династического кризиса. Причины её до сих пор вызывают споры. Одни историки говорят о великодушии Николая, не пожелавшего обойти старшего брата; другие — о том, что Николай не мог поступить иначе, ибо не видел документов, обосновывающих его права, и не был уверен в их существовании; третьи настаивают, что молодой великий князь сделал это под давлением гвардейских командиров, сторонников Константина. Однако не стоит забывать и о том, что после внезапной смерти Александра в Таганроге для большинства подданных императором стал Константин. К тому же нужно учитывать и двадцатилетнюю разницу в возрасте между старшими и младшими сыновьями Павла. 29-летний Николай никогда в управлении страной не участвовал и мог быть просто растерян — на него свалился не подарок, а тяжкое бремя. Сам он писал об этом во вступлении к своим запискам: «...Я себя спрашивал, кто большую приносит из нас двух жертву: тот ли, который отвергал наследство отцовское под предлогом своей неспособности и который, раз на сие решившись, повторял только свою неизменную волю и остался в том положении, которое сам себе создал сходно всем своим желаниям, — или тот, который, вовсе не готовившийся на звание... и который должен был жертвовать всем, что ему было дорого, дабы покориться воле другого? Участь страшная».

Однако Константин Павлович престола не принял, подтвердил письмом свой отказ от наследования, присягнул в Варшаве Николаю и ехать в Петербург не пожелал. Неразбериха на троне создала междуцарствие, которым воспользова-

лись члены тайного общества для выступления. 12 декабря Николай принял решение объявить себя императором. Спустя два дня он сообщил о своём восшествии на престол сестре Марии Павловне: «Пожалейте несчастного брата — жертву воли Божией и двух своих братьев! Я удалял от себя эту чашу, пока мог, я молил о том Провидение, и я исполнил то, что моё сердце и мой долг мне повелевали... Молитесь, повторяю, Богу за вашего несчастного брата; он нуждается в этом утешении — и пожалейте его!»

Ему присягнули Государственный совет и другие высшие государственные учреждения. Но первый день нового царствования начался восстанием на Сенатской площади. Молодой царь сумел сохранить самообладание — и когда столкнулся лицом к лицу с восставшими лейб-гренадерами поручика Николая Панова у ворот Зимнего дворца («...на моё “стой” отвечали мне: “Мы за Константина”; я указал им на Сенатскую площадь и сказал: когда так, то вот вам дорога, и вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска и присоединилась без препятствий к своим одинаково заблуждённым товарищам»), и когда уговаривал стоявшие на площади мятежные полки подчиниться, стоя на виду у мятежного каре. «Самое удивительное, — говорил он впоследствии, — что меня не убили в тот день».

Когда уговоры не подействовали, он пустил в ход артиллерию и восставшие были разгромлены. «Страх, братец ты мой, как вспомнить. На улице это трупы; снег это весь перемят и смешен с грязью и с кровью. Стоны, стоны на площади-то. Кому руку оторвало, кому ногу, кому пробило бок, кому челюсть вывернуло. Некоторых толпа раздавила совсем и кишки выдавила, и лицо как блин сделала...» — вспоминал помощник квартального надзирателя Первой Адмиралтейской части Петербурга о том, как выглядело место, где недавно стояли восставшие. А в это время в церкви Зимнего дворца служили благодарственный молебен; Николай I и его жена молились на коленях. Трагические события 14 декабря оставили глубокий след в душе императора. Он был твёрдо уверен, что спас Россию от неминуемой гибели и исполнил свой «ужасный долг», как он назвал в письме матери утверждение смертного приговора пятерым декабристам.

«Дуб телом и душою»

Двадцать второго августа 1826 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялась коронация императора Николая I и его супруги. Затем последовали балы у послов Анг-

лии и Франции, графини Орловой и князя Н. Б. Юсупова. Девичье поле, отведённое под народный праздник, оставили накрытыми скатертями длинными столами и скамейками. «На этих столах, — вспоминал М. Назимов, очевидец праздника 16 сентября 1826 года, — установлено было бесчисленное количество разрезанных на куски окороков, говядины, телятины, баранов с золотыми рогами, пирогов, колбас, сыров и прочего, а посредине столов возвышались пирамидами разные печенья. В интервалах между столами находились фонтаны с бассейнами красного и белого вина. За столами в разных местах помещались открытые увеселительные балаганы, карусели, качели, столбы с сюрпризами, трупы волтижёров и прочее, с музыкою и песенниками». Фрукты и разные лакомства развешивали на деревьях. По краю площади были устроены крытые трибуны для «чистой публики», приглашённой полюбоваться на народное гулянье, и императорская ложа в отдельном павильоне.

Громогласное «ура!» возвестило о прибытии императора с семьёй. Дважды объехав со свитой всё поле, он занял место в ложе. Когда гости расселись, Николай поднялся и громко прокричал: «Дети мои, всё это для вас!» В тот же момент взвился белый сигнальный флаг с гербом, фонтаны забили вином, верёвки ограждения упали, и толпа (более ста тысяч человек, как считали тогдашние газеты) набросилась на угощение. «Не прошло и минуты, — писал очевидец, — как на столах всё было разобрано, и на них бегали уже посетители, обирая остатки. Фонтаны запружены народом. Ковшей, конечно, не достало, берут шапками, шляпами, пьют лёжа, прислонившись к бассейну, некоторые столкнутые в них и купаются. Те, кому не досталось еды (которую традиционно не ели, а уносили с собой), с криками “Тут всё наше! Царь-батюшка сказал, что мы здесь хозяева!” принялись ломать сами столы и скамейки и обдирать скатерти».

Торжества завершились фейерверком из сотни орудий. Но праздник отшумел, и Николаю предстояло не только войти в курс государственных дел, но и выбрать направление политики. Военная служба сделала из него отличного строевика, требовательного и педантичного. По описанию современников, он был «солдат по призванию, солдат по образованию, по наружности и по внутренности». Главный начальник Третьего отделения, шеф жандармов и личный друг царя Александр Христофорович Бенкендорф писал, что «развлечения государя со своими войсками — по собственному его признанию — единственное и истинное для него наслаждение». В период его царствования было открыто множество военных учебных за-

ведений, и государь любил инспектировать их. «Прощайте, мои однокорытники. Служите так, как служили предки ваши, лезьте туда, куда велют, и притом лезьте так, чтобы и другие за вами лезли», — напутствовал он выпускников Первого кадетского корпуса в 1847 году.

Статный высокий (1 метр 89 сантиметров) красавец с грозным взглядом, от которого, бывало, и старые служаки падали в обморок, Николай и сам называл себя «солдатом в душе», а государство — «своей командой». Он был неприхотлив в быту: спал в кабинете Зимнего дворца под шинелью, в гостях у английской королевы Виктории в Виндзорском дворце попросил на конюшне соломы для матраца своей походной кровати; любил простую еду — щи, гречневую кашу, картофельный суп; его слабостью были солёные огурцы — ими он заедал даже чай. «Превосходно владея многими языками, он был в полном смысле слова оратором. Обращался ли он к войску, к толпе народа или говорил в совещательном собрании, представителям сословий, иностранным дипломатам — во всех случаях речь его изливалась непринуждённо, гладко, звучно и метко. Слово его всегда производило впечатление», — вспоминал военный министр Александра II Н. А. Милютин.

Вставал Николай рано и в девять часов утра начинал принимать доклады. Спортсменом не был, но за собой старался следить, используя в качестве тренажёра тяжёлое ружьё, с которым по утрам проделывал различные упражнения, и жалел, что так и не смог приучить к этой полезной зарядке хрупкую жену. Он не курил и не разрешал курить в своём присутствии, не пил даже на официальных приёмах — заменял вино стаканом воды. Лейб-медик Филипп Карелль, осматривая государя в 1849 году, был искренне удивлён: «Нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!» Парикмахер Этиен уже в 1830-х годах изготавливал для Николая волосяные накладки, чтобы скрыть наметившуюся лысину; после пятидесяти лет у него появился заметный на портретах животик; тем не менее царь оставался человеком подвижным и выносливым — на манёврах он мог по восемь часов находиться в седле.

Перед началом рабочего дня Николай любил в одиночестве гулять по набережной Невы, а иногда мог пройтись и по «отдалённым частям города». За границей он мог так же спокойно совершать прогулки или посещать магазины и кафе. В Петербурге в 1839 году, по свидетельству барона М. А. Корфа, император совершил рождественский шопинг — «вдруг неожиданно явился в английском магазине и в известной нашей кондитерской».

Боле́л Николай нередкó, но привык переносить недомога́ния на нога́х, что и породило представление о его «железном здоровье». Доктора могли уложить его в постель только тогда, когда ему было совсем плохо. Так, в ночь на 10 ноября 1829 года он вышел на шум упавшей вазы, поскользнулся и, падая, ударился головой о шкаф. Пролежав долгое время на холодном полу, он получил тяжёлое воспаление лёгких. Ему случилось и попадать в «ДТП»: в августе 1836 года по дороге из Пензы в Тамбов лошади внезапно понесли, карета опрокинулась, и вылетевший из неё государь сломал ключицу. С годами одолевали другие хвори — головные боли, подагра. Но всё это от посторонних скрывалось, так что скоропостижная смерть императора вызвала недоумение даже у его близких знакомых. «Плач всеобщий, всеобщее изумление — никто не верит, чтоб этот дуб телом и душо́ю, этот великан так внезапно свалился!» — писал управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал Л. В. Дубельт.

В юности великий князь из всех музыкальных инструментов отдавал предпочтение барабану, но в зрелом возрасте мог недурно сыграть и на флейте, а в дворцовых любительских спектаклях был неподражаем в роли полицейского чиновника — квартального надзирателя.

Суровый император мог быть чутким мужем и отцом. Ещё будучи великим князем, он, чтобы порадовать скучавшую по родине супругу, устроил на Рождество 1817 года в Московском Кремле первую в России ёлку с украшениями, свечами и развешанными на ветках сладями. С этого времени ёлки в семье Николая Павловича и Александры Фёдоровны стали устраиваться регулярно — сначала в их собственном Аничковом дворце, а после коронации в Зимнем дворце. В 1828 году императрица организовала первый праздник «детской ёлки» для своих пятерых детей и дочерей деверя, великого князя Михаила Павловича. За 38 лет супружества у Николая и Александры родилось семеро детей: будущий император Александр (1818), Мария (1819), Ольга (1822), Александра (1825), Константин (1827), Николай (1831), Михаил (1832). После рождения сына Николай государь на радостях подарил жене бриллиантовое с опалами ожерелье стоимостью 169 601 рубль, а на серебряную свадьбу летом 1842 года преподнёс супруге «бриллиантовый эсклаваж с семью, по числу детей, грушеобразными крупными подвесками» за 87 478 рублей. Когда сын и наследник Александр увлёкся фрейлиной Ольгой Калиновской, Николай тактично, но твёрдо напомнил ему об ответственности перед династией и страной: «...я не раз тебе говорил, что и

теперь подтверждаю, что никогда никого из вас не буду принуждать сочетаться с лицом, вам не нравящимся. Но ты должен тоже помнить, что тебя Бог поставил так высоко, что не себе принадлежишь, а своей родине, она от тебя ждёт достойного выбора...»

Из недавно изданной переписки отца с сыном видно, как Николай вникал в детали жизни столицы и окрестностей. Он инспектировал строящиеся здания, которые должны были стать украшением Петербурга, и даже взбирался на купол возводимого Исаакиевского собора и на чердак восстанавливаемого после пожара Зимнего дворца; посещал разводы гвардейских полков, кадетские корпуса, богадельни. За письменным столом он однажды просидел 11 часов подряд. Но, с другой стороны, он любил балет и балерин. После представления «Девы Дуная» со знаменитой танцовщицей Марией Тальони он писал сыну: «Признаюсь кроме Тальони — прочее мне всё так гадко, что больно глядеть. Пажихи милы по-прежнему; но они милы, покуда пажи, и в девушках будут те же толстые, жирные, короткие и неуклюжие...»

Царь был примерным семьянином; мог пофлиртовать с дамами, но, к их разочарованию, без серьёзных последствий. А если интрижки и случались, то к обоюдному удовольствию и без влияния на дела государства. Единственным продолжительным увлечением государя с вехом большой императрицы стала фрейлина Варвара Нелидова. Она искренне любила Николая, но отнюдь не стремилась стать влиятельной фавориткой, да и обставлено всё было с соблюдением приличий. В 1845 году А. О. Смирнова-Россет описывала образ жизни государя: «В 9-м часу после гулянья он пьёт кофе, потом в 10-м сходит к императрице, там занимается, в час или 1½ опять навещает её, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садится кушать, в 6 гуляет, в 7 пьёт чай со всей семьёй, опять занимается, в десятого половина сходит в собрание, ужинает, гуляет в 11. Около двенадцати ложится почивать. Почивает с императрицей в одной кровати» — и недоумевала: «Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой?» Николай оставил Нелидовой по завещанию 200 тысяч рублей, которые она передала в «инвалидный капитал».

Государь был не робкого десятка — ему пришлось побывать под выстрелами на войне; он являлся на пожары и командовал их тушением. Во время холерного бунта 22 июня 1831 года царь, встав в экипаже на Сенной площади, зычным голосом обратился к толпе: «Вчера учинены злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков; они вас поду-

чают, ловите их, представляйте подозрительных начальству. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога, обратимся к церкви, на колени и просите у Всемогущего прощения!» Все опустились на колени и с умилением крестились, и Николай тоже; слышались восклицания: «Согрешили, окаянные!» Царь готов был действовать личным примером:

«...в 1831 году в холерную эпидемию, во время бунта, когда император Николай Павлович отправился один в коляске на Сенную площадь, въехал в средину неистовствовавшего народу и, взяв склянку ртути, поднёс её ко рту; — в это мгновение бросился к нему случившийся там лейб-медик Арендт, чтобы остановить его величество, говоря: “*Votre Majeste perdra les dents* (ваше величество лишится зубов)”. Государь, оттолкнув его, сказал: “*Eh bien. vous me ferez une machoire* (так вы сделаете мне челюсть)” — и проглотил всю склянку жидкости, чтобы доказать народу, что его не отравляют; тем усмирил бунт и заставил народ пасть на колени перед собой»⁶⁴.

Поначалу общество возлагало на Николая большие надежды; лучшие умы России, в том числе Пушкин, сравнивали его с Петром I. «Ничтожности... замыслов и средств» декабристов Пушкин в 1830 году противопоставлял просвещение нации, прогресс, осуществляемый «сверху»: «Правительство действует или намерено действовать в смысле европейского Просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мешан и крепостных — вот великие предметы». По мысли поэта, «просвещённая свобода» включала сотрудничество с правительством и личную инициативу дворянства в создании гражданского общества на условиях «семейственной неприкосновенности» и «гласности», благодаря которым «образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещённом народе основана чистота его нравов». Так предполагалось совместить ценности западного Просвещения и либерализма с отечественной политической реальностью.

Государь на службе

Николай Павлович был цельным человеком с твёрдыми принципами и неизменными ценностями; в нём не было очарования старшего брата — но не было и его лукавства, раздвоенности, скрываемых колебаний и недосказанности. Не обладал он и какой-то особой чёрствостью или жестокостью — мог плакать у могилы Карамзина, во время присяги наследника-

цесаревича или над гробом А. Х. Бенкендорфа. Но он считал своим долгом быть непримиримым ко всем, кто своевольно выходил за рамки субординации и дисциплины, а тем более действовал, по его убеждению, во вред России. Здесь он был строг и беспощаден. Столь же рьяно царь боролся со злоупотреблениями, по-видимому, веря в то, что во вверенной ему «команде» можно и должно раз и навсегда навести идеальный порядок путём назначения строгих начальников; создания новых министерств, ведомств, секретных комитетов и поддерживать его с помощью исправных слуг. Но, похоже, он не представлял себе, что это можно делать не только усилением начальственного контроля, что возможно устройство общества без повседневной и всепроникающей государственной опеки.

В 1826 году Николаем была создана Собственная Его Императорского Величества канцелярия, превращённая в особый высший орган власти, стоявший над всем государственным аппаратом и позволявший монарху контролировать его и вмешиваться в решение любых дел.

Первое отделение канцелярии стало всероссийским «отделом кадров»: здесь были сосредоточены дела по определению на службу, производству в чины, перемещению и увольнению всех чиновников империи. Сам Николай заявлял: «Я желаю знать всех моих чиновников, как я знаю всех офицеров моей армии». Он намеревался возвысить гражданскую службу до уровня военной; в 1834 году Положение о гражданских мундирах ввело единую систему мундиров всех государственных структур. Для каждого ведомства устанавливалось десять разрядов формы тёмно-зелёного или тёмно-синего цвета. Цвет мундирного прибора (воротника, обшлагов и выпушек), а также узор шитья указывали на ведомство. Ранг чиновника определялся количеством шитья. Шитые золотом и серебром мундиры были парадной формой одежды, а повседневно носились вицмундиры со скромной вышивкой, сюртуки и мундирные фраки. «Мундир иметь всем членам не военным зелёный с красным воротником и обшлагами, с шитьём по классам по воротнику, обшлагам и карманам, а председателю и по швам, а пуговицы с гербами. Вседневный мундир тот же, но с одним верхним кантом по воротнику, обшлагам и карманам» — это царская резолюция 1826 года на докладной записке государственного секретаря о назначении ему особого мундира. Неслужебные фраки император откровенно не любил, считая их признаком неблагонадёжного бездельника; «фрачник» в его глазах стоял неизмеримо ниже носителя мундира. Штатские мундиры стоили дорого, но оказались излишне вычурными и неудобными, и государь завещал сыну усовершенствовать их —

что тот и исполнил. Поэтому государь вникал во всё, что касалось мундиров, формы, чинов, — сам определял цвет обшлаг, расположение шитья и прочие тонкости.

Второму отделению была поручена задача систематизации законов. Проблема давно назрела — в России со времён Соборного уложения 1649 года (на него пришлось опираться при подготовке приговора декабристам!) не существовало единого свода законов, в то время как за прошедшее время накопились тысячи правовых актов, изменявших и дополнявших законодательство. В XVIII веке безуспешно действовало до десятка кодификационных комиссий. Огромная работа под руководством М. М. Сперанского была завершена в короткий срок: появились Полное собрание законов Российской империи и включавший только действующие нормы Свод законов (издания 1832 и 1842 годов), действовавший с изменениями и дополнениями до 1917 года; Свод законов западных губерний (1830—1840), Свод законов Остзейских губерний (1829—1854), Свод военных постановлений (1827—1839). Появился первый в России уголовный кодекс — Уложение о наказаниях уголовных.

Первого января 1839 года, в свой день рождения, Сперанский получил личное письмо Николая I: «Граф Михайло Михайлович! Постоянными трудами Вашими не преставляли Вы являть достойный пример усердия и, посвятив полезные познания Ваши на пользу отечества, приобрели право на Мою совершенную признательность. Желая вознаградить важные заслуги, оказанные Вами в различных государственных должностях, на Вас возложенных, Я указал сего числа... возвесть вас в графское достоинство». Сперанский был польщён оценкой его трудов, но в память о пережитых невзгодах выбрал для графского герба девиз *Sperat in adversis* («В невзгодах уповает»), а каждый день своего рождения спал на голых досках — «чтоб напомнить себе о бедности, в которой родился».

Третье отделение представляло собой политическую полицию со своим исполнительным аппаратом — Отдельным корпусом жандармов (две сотни офицеров и пять тысяч рядовых), части которого были размещены по жандармским округам. В сферу ведения «высшей полиции» и её начальника, близкого друга царя графа А. Х. Бенкендорфа, входил широкий круг вопросов — от контрразведки до театральной цензуры и расследования должностных преступлений чиновников. Под надзор попадали прежде всего представители благородного сословия. Купечество и духовенство интересовало жандармов намного меньше; крестьяне фигурировали в донесениях ещё реже — только в отчётах о подавлении «возмущений». Бенкендорф в одном из ежегодных всеподданнейших отчётов отмечал: «...ка-

ков бы ни был государь, народ его любит, предан ему всей душой и телом... Однако же, ежели чувство сие безусловно существует собственно в народе, то не так оно является в средних и высших классах общества, особенно же в столицах; здесь уже понятия о государе основываются более на действиях его; здесь их обсуживают и нередко оуждают, и потому в этом кругу представляется источник наблюдений относительно расположения умов к высшему правительству». За литераторами, военными, чиновниками, известными своими либеральными настроениями, следили; внимание привлекали выступления и высказывания П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, А. С. Пушкина. Агенты посещали дома литераторов, где собирались представители интеллигенции, перехватывали и читали их письма.

Вот поданные в 1827 году характеристики подозрительных столичных обитателей с пометками Бенкендорфа:

«1) Г.-м. Г...берг, путей сообщения. Поведения распутно-го, шатается по публичным местам и врёт много.

2) Г.-м. Ланской, племянник министра, либеральничает.

3) Г.-м. Великопольский — старшина игроков. — *Можно было под добрым предложением выслать.*

4) Полк. К...ов — аферист, у которого собираются распутные люди. Бывший любовник г-жи Потёмкиной.

5) Подполковник Эринациус. Поведения не трезвого, ходит по домам просить подавание.

6) Поручик Сиринг. Дурного поведения, нищает по домам. — *Обоих выслать можно на жительство на места родины с запрещением выезда, но дав содержание.*

7) Поручик Голубков, человек распутный.

8) Полк. Кашинцов, аферист.

9) Поручик кн. О-ский, пьяный и отчаянный, имеет связь с многими военными. — *Где служил?*

10) Майор Степанов, картёжник и пьяница.

11-12) Два брата Мартыновы (Савва и Соломон) картёжники.

13) Майор Л...г, ежедневно пьян и разъезжает с публичными девками.

14) Подпоручик К***, распутный враль; на содержании у актрисы Зубовой; очень дурён. — *Выслать на жительство на родину без выезда...*⁶⁵

Жандармские штаб-офицеры стремились держать под контролем губернскую администрацию. Они сообщали о важных мероприятиях властей, выявляли по мере сил и способностей злоупотребления, способные поколебать общественное спокойствие, — «неприличные и дерзкие разговоры», «занятия азартною картёжною игрою», «развратную жизнь», притеснения обы-

вателей. Они же собирали сведения о чиновниках, «отличающихся усердием по службе и нравственностью», попадавшие во всеподданнейший доклад, копии которого Николай направлял министрам, чтобы они имели в виду «кадровый резерв».

Император стремился получать полные данные о реакции разных слоёв общества на те или иные решения правительства, новые законы, события за рубежом. В конце каждого года в Третьем отделении составлялся отчёт, частью которого являлся «обзор общественного мнения» — реакции населения на важнейшие внутри- и внешнеполитические события: рекрутские наборы, начало войны с турками или денежная реформа 1839 года.

Бенкендорф не раз напоминал царю, что правительство должно отвлекать высшее общество от политических вопросов, направляя его внимание на празднества, великосветские мероприятия, культурные события. В 1828 году он докладывал, что «новости из Персии и Оттоманской империи рассеиваются перед всеобщим интересом к голосам примадонны и прекрасного Альмавивы» («Это именно то, что мне нужно», — написал государь на полях записки шефа жандармов). Жандармские офицеры также информировали начальство о светских торжествах. «К удовольствию московской публики происходят у нас бал за балом, так что целую неделю в разных домах продолжают беспрестанно; а сие не заставляет сомневаться, что у нас и зима пройдёт так же весело, как в начале своём встречена», — доносил начальник второго округа Корпуса жандармов из Москвы.

Для «направления общественного мнения» Третье отделение использовало газету «Северная пчела»; её издатели Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин получили привилегию публиковать новости политической жизни России и Европы и заметки о самом императоре и «августейшей фамилии», помещать тексты манифестов и другие официальные законодательные акты. Такие материалы проходили цензуру в Третьем отделении; как правило, их лично просматривали шеф жандармов и сам император. Бенкендорф заказывал издателям «Северной пчелы» и прочим литераторам статьи и заметки, для которых нередко предоставлял необходимую информацию, а его подчинённые переводили для публикации материалы из европейской прессы, которые также просматривал сам Николай I.

Третье отделение по замыслу его создателей должно было стать не тайным обществом шпионов, а официальным и «всеми уважаемым» органом верховной власти и надзора. Поэтому на службу туда приглашали и бывшего декабриста генерала М. Ф. Орлова, и А. С. Пушкина.

Четвёртое отделение ведало женскими учебными заведениями и системой социального обеспечения — воспитательными домами, больницами, инвалидными и странноприимными домами, а также кредитными учреждениями (Ссудными и Сохранными казнами), выдававшими займы помещикам под залог имений. Пятое отделение проводило реформу управления государственными крестьянами, а шестое занималось созданием системы управления на самой беспокойной окраине — Кавказе.

Стиль новому царствованию задавал сам император. В первом часу дня, невзирая на погоду, если не было назначено военного учения, смотра или парада, он отправлялся инспектировать учебные заведения, казармы и прочие «присутственные места», вникал во все подробности и никогда не покидал их без замечаний, а то и устраивал разносы нерадивым чиновникам. Он полагал, что в России чиновников «более, чем требуется для успеха службы», и «весьма многие остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах от праздности».

Царь мог «подловить» небрежно несшего караульную службу часового, внезапно появившись из-за угла, а то и лично пресечь нарушение порядка. Так, по рассказу барона Корфа, он поймал двух загулявших матросов, пытавшихся скрыться от высочайших глаз в питейном заведении: «Соскочить немедленно из саней; вбежать самому в кабак, вытолкать оттуда собственноручно провинившихся; по возвращении во дворец послать за кн. Меншиковым и военным генерал-губернатором — всё это было для государя делом минутной решимости».

Образцом идеально устроенного общества для Николая I являлась армия: «Здесь порядок, строгая безусловная законность (Воинский устав. — *И. К.*), никакого всезнайства и противоречия, всё вытекает одно из другого. Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит». В его царствование половина министров, членов Государственного совета и 41 из 53 губернаторов были генералами; даже обер-прокурором Синода был назначен гусарский полковник. Целые отрасли управления (горное и лесное ведомства, пути сообщения) получили военное устройство. В каждом губернском городе был расположен батальон Корпуса внутренней стражи для охраны тюрем, арестантов и водворения «тишины и спокойствия».

Военная дисциплина и мундир в глазах государя не просто являлись воплощением порядка, а были исполнены высокого смысла. На вопрос актёров, можно ли на сцене надевать настоящую военную форму, он отвечал: «Если ты играешь честного

офицера, то, конечно, можно; представляя же человека порочного, ты порочишь и мундир, и тогда этого нельзя». Сам же он настолько ощущал себя «на службе», что признавался, что в штатском платье чувствовал себя неловко, а «с военным мундиром до того сроднился, что расставаться с ним ему так же неприятно, как если бы с него сняли кожу».

Но если бы дело было только в мундире и дисциплине! По признанию профессионального офицера и будущего военного министра Александра II Д. А. Милютин, «в большей части государственных мер, принимавшихся в царствование Николая, преобладала полицейская точка зрения, то есть забота о сохранении порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати. Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, преобладала та же забота о порядке и дисциплине: гонялись не за существенным благоустройством войска, не за приспособлением его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантическим соблюдением бесчисленных, мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух». Служивые вспоминали:

«Шагистику всю и фрунтовистику, как есть, проглотил целиком! Бывало, церемониальным маршем перед начальством проходишь, так все до одной жилки в теле почтение ему выражают, а о правильности темпа в шаге, о плавности поворота глаз направо, налево, о бодрости вида и говорить нечего! Идёшь это перед ротой, точно одно туловище с ногами вперёд идёт, а глаза-то так от генерала и не отрываются! Сам-то всё вперёд идёшь, а лицом-то всё на него глядишь. Со стороны посмотреть, истинно, думаю, должно было казаться, что голова на затылке. А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу с носком в прямую линию горизонтально так вытянуть, что носок так тебе и выражает, что вот, мол, до последней капли крови готов за царя и Отечество живот положить!»⁶⁶

Нельзя сказать, что для совершенствования вооружённых сил ничего не было сделано. Николай распорядился реформировать систему военных поселений: освободил домохозяев от строевой службы и распорядился, чтобы каждый из них содержал не двух, а одного солдата. «Учреждение о военном министерстве» 1836 года унифицировало армейские структуры — корпуса и дивизии. Государь помнил и о солдатах. Срок службы нижних чинов был сокращён с двадцати пяти до двадцати лет, а довольствие выросло: в 1849 году нормы выдачи мя-

са составляли 84 фунта в год (почти 100 граммов в день) на каждого солдата и 42 фунта на нестроевого. Вдвое увеличилось число госпиталей, а для похорон каждого скончавшегося рядового бесплатно давались гроб, венчик, разрешительная молитва и 2,5 аршина холста.

Страсть к армии у Николая сохранялась в течение всей жизни. Но в сфере технического прогресса Россия стала утрачивать завоёванные в XVIII веке позиции. Именно в эту эпоху произошло резкое отставание русской военной техники от западноевропейской. Войну 1812—1815 годов Россия и Франция вели одинаковым оружием, однако уже к середине века Англия и Франция обладали качественно новым паровым флотом и нарезным оружием; в России же при колоссальных расходах на армию, составлявших в мирное время 40—50 процентов бюджета, на создание новых видов оружия тратилось только три процента этой суммы.

Расширяя систему образования, государь всё же видел его именно служебной обязанностью подданного, определявшей его место в государственной машине. Учащимся всех учебных заведений также полагались мундиры. Рескрипт министру народного просвещения от 19 августа 1827 года требовал, «чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим предназначением обучающихся, чтобы каждый вместе с здоровыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи и, не быв ниже своего состояния, также не стремился через меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению было ему суждено оставаться».

Теми же мерами Николай I старался поднять значение Церкви. В полтора раза увеличилось жалованье приходского духовенства. Царь повелел, «чтобы во священники посвящались как из людей испытанных и доброй нравственности, так и с достаточными познаниями» (негодных и «ненадёжного поведения» лиц духовного звания брали в солдаты), и обязал преподавать в семинариях не только богословские науки, но также медицину и агрономию.

Но любое инакомыслие в религиозных вопросах он приравнивал к «крамоле» политической. Для борьбы со старообрядчеством в губерниях создавались «секретные совещательные комитеты». С 1827 года уход в раскол признавался уголовным преступлением. Старообрядцам запрещено было вести метрические книги, их браки не признавались, а дети считались незаконнорождёнными. По указу 1835 года старообрядцев разделили на три категории: самых вредных (не признававших

церковных браков и молитв за царя); вредных (не имевших священства и церковной иерархии «беспоповцев») и менее вредных («поповцев»). По указу 1853 года об упразднении «противозаконных раскольнических соборщ» были опечатаны алтари Рогожского кладбища, а Выговское и Лексинское общеземства закрыты и разорены. У старообрядцев отбирали моленные дома и часовни, иконы и книги. Законы 1846—1847 годов запрещали староверам поступать в гимназии и университеты, приобретать недвижимость и землю, состоять в купеческих гильдиях, избираться на общественные должности. Неудивительно, что старообрядцы искренне считали Николая I воплощением Сатаны и во время богослужения в киевском Софийском соборе публично об этом объявили, за что тут же были арестованы. Репрессии эти умерялись лишь их неэффективностью: священники и чиновники докладывали об «искоренении» раскола и возвращении заблудших «в лоно православия», а старообрядцы откупались взятками. С иными неудобными конфессиями обходились ещё проще; так, решением Полоцкого собора 1839 года ликвидировалась униатская Церковь — путём принудительного перехода её приверженцев в православие.

Порядок должен быть не только на службе, но и в быту: запрещалось курить на улицах, высочайше предписывались фасоны маскарадных костюмов. Николай оставлял за собой право на решение любого дела и тратил время на то, чтобы вникать в мелочи повседневности, вплоть до покроя платьев придворных дам. Приказом 1837 года государь требовал, чтобы у офицеров «не было никакой прихотливости в причёске волос, чтобы вообще волосы были стрижены единообразно и непременно так, чтобы спереди на лбу и на висках были не длиннее вершка, а округ ушей и на затылке гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налево». Была разработана инструкция чинам полиции с регламентацией степеней опьянения загулявших подданных: «...бесчувственный, растерзанный и дикий, буйно пьяный, просто пьяный, весёлый, почти трезвый, жаждущий опохмелиться...»

Светская и духовная цензура искореняла любые проявления вольномыслия; в газетах и журналах той поры не упоминалась, вероятно, половина происходивших в стране и за границей событий: голодные годы, массовые эпидемии холеры (только в 1848 году от неё умерло 668 тысяч человек), восстания в России и революции в Европе. Полностью было запрещено публиковать какие-либо известия о Кавказской войне.

Себя самого, с подачи выдающегося историка Н. М. Ка-

рамзина, Николай видел государем, не только обладающим всей полнотой власти, но и несущим полную ответственность за подданных и за всё происходящее в России; этому образу он добросовестно пытался соответствовать на протяжении всего царствования. Он «ничем не жертвовал ради удовольствия и всем — ради долга, — вспоминала фрейлина Анна Тютчева, — и принимал на себя больше труда и забот, чем последний подёнщик из его подданных. Он верил, что в состоянии видеть всё своими глазами, всё слышать своими ушами, всё регламентировать по своему разумению, всё преобразовывать своею волею».

А кому много дано, с того много и спросится. Поэтому Николай стремился принять личное участие во всех государственных делах, в том числе и второстепенных. Но, погружаясь в мелочи, стремясь регламентировать движение меняющегося мира, он невольно противопоставлял себя этому движению.

Как менять «коренные начала»

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Веселится и ликует
Весь народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Известная песня Михаила Глинки на слова популярного писателя николаевской эпохи Нестора Кукольника была написана в 1840 году по случаю открытия первой железной дороги между Петербургом и Царским Селом. Паровоз тогда ещё назывался пароходом...

Кажется, Николай I был вторым после Петра Великого правителем-«технарём», который понимал и ценил практические знания и техническое образование. При нём были основаны и поныне лучшие технические вузы — Технологический институт в Петербурге (1828) и Техническое училище в Москве (1830) — современная «Бауманка», Институт гражданских инженеров (1842), Межевой институт (1844), Лесной институт (1848).

Император не раз провозглашал: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в неё, пока во мне сохранится дыхание жизни». Однако при Николае в России незаметно началась другая — техническая — революция, промышленный переворот, переход от мануфактурного ручного производства к фабричному. В 1834—1835 годах на заводе в

Нижнем Тагиле были построены первая в России железная дорога и паровоз мастеров Черепановых, в 1843-м проложена первая телеграфная линия между Петербургом и Царским Селом. По Волге пошли пароходы общества «Меркурий». Для российского купечества стали издаваться «Коммерческая газета», «Журнал мануфактур и торговли».

Первого февраля 1842 года император подписал указ о сооружении железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой. Работы начались 1 августа. Трасса длиной 604 версты строилась восемь лет и обошлась казне в 66 миллионов 850 тысяч рублей серебром — намного дешевле стоимости иностранных дорог. 1 ноября 1851 года в 11 часов 45 минут из новой столицы в старую отправился первый поезд — и прибыл в пункт назначения через 21 час 45 минут. Уже за первый год эксплуатации по дороге были перевезены 719 тысяч пассажиров и 164 тысячи тонн грузов.

«Дух времени» постепенно менял привычный уклад жизни, прежде всего в больших городах. В 1840-х годах появился первый общественный транспорт на конной тяге — дилижансы на 10—12 человек и более вместительные омнибусы, чьих пассажиров остряки окрестили «сорока мучениками». Россияне стали покупать отечественные спички и класть в чай свекловичный сахар, переставший быть «колониальным» товаром. К середине столетия в Петербурге ежегодно открывались три новые гостиницы, предназначенные для деловых людей и приличных «вояжиров». В 1841 году было «высочайше разрешено» учредить новые заведения «общепита» под названием «кафе-ресторант» с продажей «чая, кофе, шоколада, глинтвейна, конфеток и разного пирожного, бульона, бифштекса и других припасов, потребных для лёгких закусок»; посещать их могли только приличные граждане «в пристойной одежде и наружной благовидности» — правда, только мужчины; вход женщинам, равно как музыка и «пляски», был запрещён.

Появились первые биржи для оптовой продажи промышленных и сельскохозяйственных товаров (в Одессе, Варшаве, Москве), негосударственные банки (в Вологде, Осташкове, Иркутске); в 1842 году открылись первые сберегательные кассы. В 1827 году возникло первое Российское страховое от огня общество; в 1836-м появился закон об акционерных обществах. В круг новых интересов втягивалось и дворянство. Управляющий Третьим отделением Л. В. Дубельт одновременно состоял пайщиком сибирской золотопромышленной компании, а его шеф и ближайший друг царя А. Х. Бенкендорф — членом правления страхового общества в Петербурге.

Появились первые акты о рабочих. Пришлось узаконить и

существование проституток. Манифест 1832 года вводил новое городское сословие — свободных от подушной подати и телесных наказаний «почётных граждан»: предпринимателей из купечества, инженеров, служащих, учёных, художников, адвокатов. В 1845—1847 годах от порки по суду были освобождены мещане, окончившие гимназии и высшие учебные заведения лица непривилегированных сословий и... писатели. Едва ли развитие страны шло вопреки «полицейскому режиму». Император принимал в преобразованиях живейшее участие, вникая во все детали.

В 1833 году по случаю открытия промышленной выставки Николай I пригласил её участников на обед в Зимний дворец и провозгласил тост: «Здоровье московских фабрикантов и всей мануфактурной промышленности». Довольный увиденным, он повелел гостям «выдерживать соперничество в мануфактуре с иностранцами, и чтобы сбыт был наших изделий не в одной только России, но и на прочих рынках». «Фабриканты» были рады стараться, но почтительно напомнили монарху, что у них нет средств на строительство мощного торгового флота и столь же мощных торговых компаний. Перемены в столицах и многих промышленных центрах не изменили российскую глубинку. К концу николаевского царствования, несмотря на все успехи, общий объём российской промышленной продукции составлял 1,7 процента мирового производства, в 18 раз меньше аналогичного английского показателя. Россия оставалась огромной аграрной страной с закрепощённым населением.

Да и сам государь, поощряя по мере сил промышленность, торговлю и «художества», всё же по-прежнему считал высшим сословием дворян, а самым почётным занятием — государственную, прежде всего военную службу. Поэтому прибывший в Россию всемирно известный романист Александр Дюма не получил даже весьма скромной государственной награды — ордена Святого Станислава 3-й степени, о котором хлопотал для него министр народного просвещения С. С. Уваров. «Довольно будет перстня с вензелем» — была резолюция Николая I. Карл Павлович Брюллов за «Последний день Помпеи» был удостоен этого ордена, но не носил пожалованный крест, положенный обычно чиновнику за выслугу лет. Знаменитый прусский художник Франц Крюгер, по мнению царя, непревзойдённый мастер парадных портретов и картин военных парадов, был с почётом принят при дворе, жил в Зимнем дворце, получал за свои полотна фантастические гонорары, но заслужил «во изъявление благоволения Нашего и во внимание к таланту» лишь один из низших в наградной иерархии орден Святой Анны 2-й степени, не соответствовав-

ший его европейской известности — государь не счёл нужным сделать исключение даже для своего любимого живописца.

Питейные доходы казны прочно заняли первое место среди прочих поступлений и составили в 1825 году 19 554 600 рублей, а в 1850-м — 45 015 500 рублей. Находившиеся на содержании у миллионеров-откупщиков чиновники закрывали глаза на их злоупотребления: продажу низкопробной «сивухи» по завышенным ценам, повсеместно практиковавшиеся обмер и обсчёт покупателей и фальсификацию напитков (в итоге она была официально узаконена в виде разрешения откупщикам понижать установленную крепость вина). В записке, поданной министру финансов в январе 1853 года, говорилось: «Получать жалованье из откупа считается теперь не взяткою, но жалованьем безгрешным, прибавочным к казённому жалованью».

Произвол откупщиков вызывал тревогу у наиболее дальновидных государственных деятелей. Отвечавший за состояние казённой деревни министр государственных имуществ граф П. Д. Киселёв указывал, что ревизия его хозяйства в 1836 году выявила «повсеместное распространение между крестьянами пьянства, с которым соединены разврат, картёжная игра, бродяжничество, совершенное расстройство домохозяйства и нищета». Экономист и адмирал Н. С. Мордвинов в 1837 году подготовил для царя специальную записку об ограничении откупов со сведениями об опыте работы получивших распространение в Европе и США обществ трезвости. Николай I, ознакомившись с запиской и, по признанию её автора, «вполне признавая справедливость всего, в оной изложенного, изволил, однако, отозваться, что приступить к мерам об искоренении пьянства в России весьма затруднительно». Император предпочёл отступить перед этой проблемой. Так же он поступил при обсуждении другого острейшего вопроса — о судьбе крепостного права.

Николай был достаточно умён, чтобы игнорировать проявившееся в 1825 году общественное движение или не замечать недостатков в работе государственной машины. Он даже приказал составить свод показаний своих «друзей 14 декабря» с критикой существовавших порядков. Этот «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства» он просматривал и находил в нём «много дельного».

Сам Николай, показывая на тома собранных им материалов по крестьянскому вопросу, говорил, что собирается «вести процесс против крепостного права». Ещё в 1827 году он предложил «составить проект закона для прекращения личной продажи людей». Но здесь российский самодержец впервые столкнулся с почтительной, но жёсткой оппозицией своих

слуг. Члены Государственного совета указали монарху, что «существующая в России система крепостничества тесно связана со всеми частями государственного тела: правительственной, кредитной, финансовой, права собственности и права наследственного». Поэтому, признавая необходимость решения этого вопроса, они считали наиболее правильным не спешить и поручить анализ имеющихся материалов и подготовку проекта закона особому комитету.

Началась неторопливая подготовка проектов, которые долго путешествовали по высоким инстанциям. Они даже посылались в Варшаву к великому князю Константину, который полагал, что крепостное право является «заповедным наследством... древнего порядка главных состояний» и тесно связано с «твёрдостью» государственного строя, вследствие чего все преобразования следует «отдать на суд времени». Затянувшиеся дискуссии в департаменте законов и общем собрании Государственного совета закончились только в 1833 году. Николай I подписал указ о запрещении продажи помещичьих крестьян без земли, дворовых за частные долги владельцев и разделения семей, но со множеством исключений (при передаче по наследству, в качестве дара или приданого).

В дальнейшем ситуация повторялась не раз. Для решения «заколдованного» крестьянского вопроса последовательно создавались девять секретных комитетов из высших чиновников. Итогом была реформа управления государственными крестьянами 1837—1841 годов: над волостным крестьянским самоуправлением были поставлены губернские палаты и Министерство государственных имуществ. Крестьянам было передано пять миллионов десятин земли, для них создавались на случаи неурожая хлебные «магазины»-склады и вводились принудительные посадки картошки, вызвавшие «картофельные бунты» на Урале и в Поволжье. Но по отношению к крепостным правительство ограничивалось полумерами: запрещено было продавать крестьян без семьи; крепостные получили право выкупаться на свободу при продаже имения с торгов, возможность приобретать недвижимость с согласия помещиков.

Проект «начальника штаба по крестьянской части» П. Д. Киселёва предлагал отчуждение помещиками части их земель в пользу крестьян за труды или денежный оброк; по выполнении обязанности в отношении помещика свободный мужик имел бы право «переходить в другое состояние или переселяться на другие свободные владельческие земли». Но консервативное большинство секретного комитета 1839—1842 годов последовательно «топило» все предложения, не выдвигая ничего взамен.

Опять было «некем взять» — в среде высшей бюрократии не более десяти человек сочувствовали реформам, остальные — около семисот — им активно сопротивлялись. Министры, губернаторы, директора департаментов, высшее военное начальство — потомственные дворяне, крупные и средние землевладельцы — совершенно не стремились к радикальной перестройке и больше всего боялись, что она может вызвать социальные потрясения. Их настроения отразил однокашник Пушкина, крупный чиновник Модест Андреевич Корф: «...не трогать ни части, ни целого; так мы, может быть, долее проживём». Под таким натиском шаг за шагом отступал и император. На заседании 30 марта 1842 года, признав крепостное право очевидным злом, он тут же заявил, что «прикасаются к нему теперь было бы делом ещё более губительным» и даже помысел об этом «в настоящую эпоху» был бы просто «преступным посягательством на общественное спокойствие и на благо государства».

Поступавшие с мест отзывы помещиков признавали, что крепостное право не может «всегда существовать в настоящем его виде»; однако их авторы считали, что нельзя «насильственным образом лишить помещика принадлежавшей ему неоспоримой собственности». Даже те, кто понимал, что миллионы безземельных крестьян опасны, надеялись, что помещик должен «получить денежное удовлетворение как за число работников, которого он лишается, так и за количество земли, уступаемое крестьянам в полное их владение»; так рождалась идея о выкупе, которая была осуществлена в 1861 году. В то же время попытки решить крестьянский вопрос путём инициативы «снизу» вызывали подозрение. Когда в 1848 году в Министерство внутренних дел поступила подписанная тринадцатью помещиками Смоленской губернии просьба об учреждении комитета для рассмотрения вопроса об уничтожении «звания и значения крепостных людей», царь согласился с мнением министра Перовского, что подобные совещания «легко могут подавать повод к значительным недоразумениям и беспокойствам».

В конце концов на министров можно было и прикрикнуть — Николай умел это делать, — но сам он не мог перешагнуть через интересы дворянства, и это заставляло его откладывать решительные меры. Западники и славянофилы, спорившие в столичных салонах и предлагавшие весьма различные пути либерализации существующего строя, не выражали мнения большей части дворян, не готовых к реформам, не представлявших себе иной жизни и иных порядков. Мнение большинства ещё в 1802 году выразил Н. М. Карамзин, используя аргументы теорий «века Просвещения». В статье «Приятные виды, надежды и желания нашего времени» он писал: «Чужестранные писатели, которые непрестанно кричат, что земледельцы

у нас несчастливы, удивились бы, если бы могли видеть их возрастающую промышленность и богатства многих так называемых “рабов”... Просвещение истребляет “злоупотребления” господской власти, которая по нашим законам не есть тиранская и неограниченная. Российский дворянин даёт нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданском отношении, помощником в бедствиях случая и природы — вот его обязанность! За это требует от них половины рабочих недель — его право!» Основная масса провинциального дворянства считала так и в середине XIX столетия.

Николай верил, что государство само, без участия каких-либо общественных институтов, способно организовать жизнь страны. Имевшиеся проблемы, по его мнению, могли быть решены увеличением числа чиновников, созданием новых управленческих структур и секретных комитетов. Это привело к увеличению количества чиновников за первую половину XIX века в пять раз — с 15 до 74 тысяч человек. При этом все решения принимались в центре — в министерствах и главных управлениях; например, постройка в любом городе России двухэтажного дома более чем с семью окнами требовала утверждения проекта в Петербурге.

Централизация управления и бюрократический контроль нарастали, но оказывались неэффективными: владеющий информацией чиновник не мог принять решение, а министр или император не могли знать существа дела, знакомясь с ним только по чиновничьим докладам. Разросшийся аппарат был некомпетентным и неповоротливым, порождал огромную переписку и коррупцию.

«Всепогоднейшие отчёты» Третьего отделения не могли порадовать царя состоянием дел: их составители констатировали, что Министерство юстиции — «учреждение, где посредством денег всякая неправда делается правдою», «канцелярии министра и Сената полны взяточников и людей неспособных, и министр вынужден сам рассматривать всякое сколько-нибудь важное дело... Дашков жалуется на то, что он бессилен уничтожить всё это лихоимство, не будучи в состоянии уследить за всем лично и не имея возможности положиться на прокуроров, которые все закрывают на это глаза». Морской министр Моллер характеризовался как «вор», министр внутренних дел Блудов — человек просвещенный, однако в губернаторы назначает «кого попало и кого ему дадут» и не следит за ними, а потому в Вологде «губернатор горький пьяница; министру это известно, и за всем тем он его терпит»; его преемник Закревский «деятелен и враг хищений, но совершенный невежда», министр народного просвещения Ливен «неспособ-

бен к управлению, не имеет достаточно просвещения». Критику со стороны жандармов вызывал даже профессионал и умница министр финансов Е. Ф. Канкрин: «Предначертан за 20 лет пред сим план своего управления, он следует ему неуклонно и противится всякому нововведению, если оно не им предложено». Чиновничество же в целом отчёты Третьего отделения характеризовали так: «Хищения, подлоги, превратное толкование законов — вот их ремесло. К несчастью они-то и правят... так как им известны все тонкости бюрократической системы». Даже в любимом Николаем военном ведомстве ушлые чиновники ухитрились украсть из пенсионного фонда Комитета 1814 года о раненых более миллиона рублей серебром.

Ставка на ревностных исполнителей привела к тому, что умные и образованные администраторы стали редкостью. Костромской губернатор генерал-майор И. В. Каменский получил прозвище «Иван Грозный» за то, что выбил зубы правителю своей канцелярии, и был смещён после избиения вице-губернатора. Нижегородский губернатор В. И. Кривцов регулярно колотил ямщиков и станционных смотрителей за «медленную езду», а собственных чиновников аттестовал «скотами, ослами, телятами». Московский «Чурбан-паша» — граф А. А. Закревский — говорил: «Я — закон» — и беспощадно преследовал помещиков за жестокое обращение с крепостными. «Расправа, — пишет современник, — у него была короткая и всегда практичная: виноват помещик — тотчас выдай крепостному вольную, и делу конец; отвиливает от расчёта подрядчик — садись, брат, в кутузку и сиди, пока не разочтёшь рабочих».

Местное начальство в изрядных размерах брало взятки и совершало всевозможные злоупотребления. Когда же являлись ревизоры из Петербурга, то порой приходилось поголовно отращать чиновников от должности — или признавать невозможность расследования; так, дела курской гражданской палаты перед сенатской ревизией в 1850 году были потоплены в реке. Чиновники откровенно смотрели на службу как на «кормление»; интересы больших и маленьких «столоначальников» сосредоточивались исключительно на наградах и карьерных перемещениях, картах, вечеринках с музыкой и танцами.

Первого января 1827 года в Таврическом дворце был устроен бал. Наряды императрицы и её придворных дам вызвали восторг — это были «русские» платья — «офранцузенные сафраны» с головными уборами в виде кокошников. С 1834 года они были утверждены царским указом. Император мечтал о национальном стиле в жизни и архитектуре, который был призван объединить народ вокруг государя и предотвратить «брожение умов». Молодой архитектор Константин Тон стал побе-

дирителем конкурса на создание памятника победе в Отечественной войне 1812 года — храма Христа Спасителя; его проект сочетал черты древнерусского зодчества с византийским.

Краеугольным камнем идеологии николаевского царствования стала мысль о превосходстве православной и самодержавной России над «гибнущим Западом». Она легла в основу доклада Николаю I министра народного просвещения С. С. Уварова, где провозглашалась официальная доктрина царствования: православие («искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на неё как на залог счастья общественного и семейственного»), самодержавие («составляет главное условие политического существования России») и народность («довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий», определение которых свелось к терпению и послушанию властям).

В пасхальные праздники 1849 года в доме московского градоначальника в присутствии всего августейшего семейства состоялся костюмированный бал:

В субботу Светлой недели, 9-го апреля, в доме московского градоначальника, в присутствии их императорских величеств и всего августейшего их семейства, совершился вполне русский праздник...

...развернулось, как великолепный, бесконечный свиток, Русское царство. Мы поклонились красоте златоверхого Киева и славного города Владимира. В скромном величии прошли перед нами седовласая Москва и уже степенный Петербург. Многие города, громкие памятью истории, прислали своих представителей на праздник: Белозерск, Чернигов, Ростов, Углич, древние княжения, Вязьма, известная битвой, сокрушившей силу неприятеля, Галич, блиставший северным, жемчужным нарядом жён своих, Вологда, Пермь, Екатеринодар, Петрозаводск. Уфа дала живописного башкирца с меткими стрелами, Подолия — прекрасную малороссиянку, Вильно — такую же литвинку, стройную и русокудрую, с задумчивыми очами севера. Грузия — новую грузинку, не уступившую первой. Гостья Невы из Петербурга перелетала в горный Дагестан и вышла своенравной черкешенкой. Екатеринослав прислал юную чету переселенцев-сербов. Белосток красовался видной парюю. Черноокая Бессарабия напоминала негу Азии, и при ней великолепен был молдаванин, в чалме и парчах Востока. Снова кланялись мы и прежним знакомым, и пленительному Воронежу, и пышной калужанке, которую вёл царский сокольничий, Рязани и Тамбову, которые остались верны местным народным одеждам, и восточным глазам Дербента.

Исторические лица по временам перерывали шествие. Среди этой пышности, в величавой простоте явился русский

мужик села Домнина Иван Сусанин, в смуром кафтане, в чёрных рукавицах, с дубиной в руке, весь занесённый снегом. Тут под Нижним Новгородом шёл князь Димитрий Михайлович Пожарский, в ратной одежде древнего воеводы, с своим верным Кузьмою. За Архангельском бежал в Москву учиться рыбацкий сын с Холмогор, 16-ти лета, в нагольном тулупе, накинутом на плечо, с сетью в одной руке, с арифметикой Магницкого в другой. Добрыня, открывавший шествие, ливонский рыцарь посередине, Ермак в заключении, ещё умноживший свои сибирские племена, были по-прежнему величавы...

И вот раздалась русские песни. И под их родные напевы начали свиваться и развиваться хороводы, и скромные жёны и девы клали руку на плечо величавым боярам и добрым молодцам... Строгие и многодумные очи нашего государя обвеселились на этом русском празднике, и светлая улыбка выражала радость его русского сердца... Государь император и государыня императрица благоволили дарить ласковое слово всем, участвовавшим в этом празднике»⁶⁷.

Патриотические драмы Нестора Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла» и «Прокопий Ляпунов» собирали в театре аншлаги. Но это было ещё вполне художественное зрелище по сравнению с «сибирской сказкой» Н. А. Полевого «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами с пением и танцами», в которой русская баба побивала ухватом и кочергой китайцев, представленных трусами, дураками и шутами. «У их генералов такой огромный живот, что раёк животики надорвал от хохота. В первом акте есть превосходное место о достоинстве русского кулака, которому много и крепко рукоплескали зрители», — иронически оценивал это произведение критик В. Г. Белинский. Всё это — вера во всемогущее государство, насаждение единомыслия и отрицание Запада — ещё будет в нашей истории. Но император Николай стал первым правителем, чётко сформулировавшим и проводившим этот курс.

От Туркманчая к Севастополю

При Николае Россия выиграла новую войну с Ираном. По Туркманчайскому договору 1828 года к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства (Восточная Армения), персидское правительство обязалось не препятствовать переселению армян в Россию и выплатить контрибуцию в 20 миллионов рублей серебром.

Победой завершилась и война с турками. Николаевский генерал граф И. И. Дибич двинулся на Константинополь. По Ад-

рианопольскому миру 1829 года Османская империя уступала России Черноморское побережье Кавказа от устья Кубани до форта Святого Николая, Ахалцихский пашалык и острова в дельте Дуная, предоставляла автономию Молдавии, Валахии и Сербии, признавала независимость Греции; Босфор и Дарданеллы открывались для судов всех стран, а Россия получала право свободной торговли на всей территории Османской империи.

Русские крепости появились на кавказском побережье, хотя покорение Кавказа было ещё далеко от завершения. Достойным противником империи стал третий имам Чечни и Дагестана Шамиль. На подконтрольной ему территории было создано теократическое государство — имамат с административным делением на наибства, боеспособным войском, сбором податей, собственными знаками отличия.

Первоначально российским войскам удалось нанести Шамилю ряд поражений, и в июле 1837 года он даже вынужден был присягнуть на верность российскому императору, предоставить аманатов (заложников) и прекратить военные действия. Однако скоро война возобновилась с новой силой. В августе 1839 года войска начальника Кавказской области генерал-лейтенанта П. Х. Граббе после девятидневной осады взяли штурмом резиденцию имама аул Ахульго. Раненый Шамиль с семьёй и несколькими приближёнными сумел бежать в Чечню. Граббе в докладе Николаю I писал о совершенном успокоении края, называя Шамиля «бесприютным и бессильным бродягой, голова которого стоит не более 100 червонцев». Но император смотрел на вещи более трезво — он оставил на полях доклада резолюцию: «Прекрасно, но жаль, что Шамиль ушёл, и признаюсь, что опасаясь новых его козней. Посмотрим, что далее будет». Война разгорелась с новой силой. Карательные экспедиции в кавказские леса и ущелья сопровождались большими потерями регулярных войск, а после их ухода «замирённые» горцы восставали вновь. К концу 1843 года большая часть Чечни и Дагестана перешла под контроль Шамиля.

Вынужденная держать на Кавказе большую армию, Российская империя тем не менее вела активную европейскую политику. В первые годы царствования Николай был достаточно осторожен во внешнеполитических делах. Будучи консерватором и ненавидя революцию, он отнюдь не собирался бросаться на подавление мятежей в других странах лишь из любви к порядку, старался прежде всего взвесить выгоды и издержки для России; так, он не препятствовал возникновению независимой Бельгии, отделившейся в 1830 году от Объединённого королевства Нидерландов, поскольку там не было российских интересов. А в борьбе с Турцией он прагматично сотрудничал не с австрийцами, соперничавшими с Россией на

Балканах, а с западными «демократиями» — Англией и Францией, хотя так и не смог себя заставить наладить личные отношения с французским королём Луи Филиппом, принявшим корону из рук «мятежников», свергнувших династию Бурбонов. Отпраздновав победу в очередной Русско-турецкой войне (1828—1829), император поставил целью сохранить слабую, но относительно лояльную Турцию, не позволяя грекам или правителю Египта Мухаммеду Али развалить её, создав тем самым очаг напряжённости в Европе, и поссорить великие державы.

Но отложенный «восточный вопрос» беспокоил императора. Во время пребывания в Англии в июне 1844 года (Николай прибыл в Лондон как бы с частным визитом под именем графа Орлова) император вызывал восторг публики. «Человек, второго которого нет во всей России, может, даже во всём мире, — человек величественнейшей красоты, выражения, походки, человек, объединяющий все достоинства и прелести богов — правда, не такой, как маленький бог любви, — с впечатляющими симметричными пропорциями. И это благородство, соответствующее, скорее, вообще Мужу, а не Деспоту всея Руси, не могло быть меньшим, как едва ли могло быть меньшим чувство душевного трепета у тех, кто наблюдал за ним. Это был не монарх, который был настолько превосходным человеком, а человек, который воистину был императором», — писала «Таймс».

Государь посетил скачки в Эскоте, пожертвовал 500 фунтов на строительство памятника Нельсону — Трафальгарской колонны, блистал на балах и оставил три тысячи фунтов на чай прислуге Букингемского дворца. Среди светских мероприятий Николай нашёл время для беседы с министром иностранных дел лордом Джорджем Эбердином: «Турция — умирающий человек. Мы можем стремиться сохранить ей жизнь, но это нам не удастся. Она должна умереть, и она умрёт. Это будет моментом критическим. Я предвижу, что мне придётся заставить маршировать мои армии. Тогда и Австрия должна будет это сделать. Я никого при этом не боюсь, кроме Франции. Чего она захочет? Боюсь, что многого в Африке, на Средиземном море, на самом Востоке». Столь же откровенный разговор он вёл с премьер-министром Робертом Пилем. «Турция должна пасть, — начал царь, — я в этом убеждён. Султан — не гений, он человек. Представьте себе, что с ним случится несчастье, что тогда? Дитя — и регентство. Я не хочу и вершка Турции, но и не позволю тоже, чтобы другой получил хоть вершок её» — и предложил «взглянуть честно, разумно на возможность разрушения Турции», чтобы «условиться на справедливых основаниях».

Пиль понял намёк и сообщил собеседнику, что интересы Англии сосредоточены в Египте, где нежелательно существование «слишком могущественного правительства, такого правитель-

ства, которое могло бы закрыть пред Англией торговые пути». Царь был вполне удовлетворён и полагал, что в случае конфликта с Турцией русское и британское правительства смогут прийти «к правильному честному соглашению». Но переданный в Лондон меморандум о судьбе Турции остался без ответа.

«Весна народов» — революции 1848 года в странах Европы — была новым потрясением, которое царь переживал в Петербурге, убеждённый, что опасность грозит и России. Он объяснял саксонскому посланнику: «Земля под моими ногами, как и под вашими, минирована». В 1849 году Николай I послал армию под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича на подавление национально-освободительного движения в Венгрии, входившей в состав Австрийской империи. 13 августа капитулировали основные силы венгерских революционных войск. Австрийский фельдмаршал-лейтенант барон Гайнау не исполнил данное русскому командованию обещание амнистии и расстрелял 13 венгерских генералов как изменников. Николай «бунтовщиков» не терпел, но был возмущён нарушением австрийцами данного слова.

Находясь в апогее могущества, российский государь уже считал возможным вести на Востоке более активную политику. Появились захватывающие дух проекты. «Россия защищает не собственные интересы, а великий принцип власти... Но если власть (на Западе. — *И. К.*) окажется неспособной к дальнейшему существованию, Россия будет обязана во имя того же принципа взять власть в свои руки... Эти два факта суть: 1) окончательное образование великой православной Империи, законной Империи Востока, одним словом, России будущего, осуществлённое поглощением Австрии и возвращением Константинополя; 2) воссоединение двух церквей, восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать, составляют один: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, подданный императора» — так, по мнению поэта и российского дипломата Ф. И. Тютчева, должен был выглядеть итог.

Весной 1853 года Николай уже был уверен: «...сильная экспедиция, с помощью флота, прямо в Босфор и Царьград может решить дело весьма скоро. Ежели флот в состоянии поднять в один раз 16 000 человек с 32 полевыми орудиями, при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом». Император обратился к английскому послу в Петербурге с предложением о разделе Турции: под протекторат России должны были перейти Валахия, Сербия и Болгария, а англичане получили бы Египет.

После отказа Англии и появления у турецких берегов французского флота бросок на Константинополь был уже невозможен. Но император был всё же настолько уверен в своих силах и в поддержке союзников (Австрии и Пруссии), что ввёл войска в дунайские княжества; он не понимал, что европейские державы не допустят расчленения Турции и утверждения российского господства над проливами и на Балканах. В Петербурге не приняли всерьёз претендента на французский трон Шарля Луи Наполеона Бонапарта. Племянник великого императора оказался в тюрьме за попытку переворота, бежал в Англию и ещё в 1847—1848 годах безуспешно обращался к Николаю I, заверяя его в своей готовности навести во Франции порядок и прося финансовой поддержки. После революции 1848 года он был избран президентом, в декабре 1851-го разогнал Законодательное собрание, а ещё через год провозгласил себя императором. Для Николая новый французский монарх был выскочкой-каторжником. Скрепя сердце царь согласился признать его «добрым другом», но никак не «братом».

Однако к большой европейской войне Россия не была готова ни в военном, ни в финансовом отношении. В результате осуществлённой в 1839 году министром финансов Е. Ф. Канкриным денежной реформы был введён твёрдый курс бумажных денег: 3 рубля 50 копеек за 1 рубль серебром. Но огромные военные расходы привели к тому, что в 1849 году Николай лично фальсифицировал бюджет и скрыл от Государственного совета дефицит в 38,5 миллиона рублей. Великая империя уже была неспособна воевать без займов (1828, 1831, 1832, 1840, 1842, 1849, 1854 годов) у голландских, немецких и английских банкиров.

Русские дипломаты прозевали образование союза Англии и Франции и фактическое подключение к нему Австрии, которую русский император спас от крушения в 1849 году и считал своей верной союзницей. В январе 1854 года соединённый англо-французский флот вошёл в Чёрное море, Россия получила ультиматум о немедленном выводе войск и оказалась в международной изоляции. Война была проиграна ещё до её начала, и военные действия в Крыму только подтвердили это.

Полевая армия не сумела остановить союзников на суше, а парусный Черноморский флот не мог противостоять бронированным пароходам неприятелей. Солдаты были вооружены гладкоствольными кремнёвыми ружьями образца 1845 года. Программа строительства военных «винтовых» судов была принята только в 1851 году, и к началу войны в строй вступил лишь один пароход-фрегат. Максимальная централизация управления и бюрократический контроль оказались неэффективными: семь с половиной суток мчался на перекладных фельдъегерь от главнокомандующего князя А. С. Меншикова,

чтобы передать весть о поражении на реке Альме, и столько же времени добирался назад с инструкциями самодержца. Известия о сражениях под Севастополем быстрее поступали в Петербург из Парижа, столицы воюющей с Россией Франции, так как до середины 1855 года отсутствовала телеграфная связь с югом страны. Под Севастополем от ран погибло 15 820 солдат и офицеров, а от болезней — 80 689. Каково было государю наблюдать в подзорную трубу из своего кабинета в Петергофе стоявшие в виду Кронштадта неприятельские корабли!

Николай не дожил до конца Крымской войны. Сразу же стали ходить слухи о самоубийстве императора, которые в иных трудах уже считаются несомненным фактом. Для этого есть некоторые основания: до сих пор не найден обязательный протокол вскрытия тела. В официальной версии кончины царя указывалось, что она была спокойной и безболезненной, а очевидцы в один голос утверждают, что происходила долгая и мучительная агония. И всё же надо признать, что однозначного ответа на этот вопрос нет.

Смертельная болезнь не была внезапной. Император стал хворать ещё в конце января 1855 года, но продолжал заниматься государственными делами, а 9 февраля явился на морозе на смотр маршевых лейб-гвардейских батальонов. Вначале предполагали обычную простуду, потом грипп (это заболевание, и сейчас протекающее тяжело, в то время при отсутствии антибиотиков часто перерастало в воспаление лёгких со смертельным исходом). Через несколько дней уже говорили о «лихорадке» и поражении лёгких. 17 февраля медики сообщили цесаревичу о возможности «паралича сердца». Но очевидно и то, что явное поражение России в Крымской войне надломило императора. Последнее письмо главнокомандующему генерал-адъютанту М. Д. Горчакову Николай продиктовал наследнику за два дня до смерти; он указывал, что «сохранение Севастополя есть вопрос первой необходимости» и можно «жертвовать временно Бессарабией и частью даже Новороссийского края до Днепра для спасения Севастополя и Крымского полуострова». Но новости из Крыма были неутешительными. Государь не мог пережить крушения военной славы империи — и не захотел больше жить.

В ночь с 17 на 18 февраля 1855 года врачи окончательно потеряли надежду. На следующий день в 20 минут пополудни Николай Павлович умер, успев сказать сыну, что сдаёт ему команду «не в добром порядке». Умирал он, как старый служивый: сам указал зал в Зимнем дворце, где должно было находиться его тело до перенесения в Петропавловский собор, определил себе место захоронения и просил, чтобы похоронные церемонии были скромными, а траур самым коротким.

Глава четырнадцатая
СУДЬБА РЕФОРМАТОРА

*Его сердце обладало инстинктом
прогресса.*

А. Ф. Тютчева

Воспитание «совершенного человека»

Великий князь Александр родился 17 апреля 1818 года в Москве, где жили тогда его родители — будущий император Николай Павлович и его жена Александра Фёдоровна. «В 11 часов утра, — вспоминала его мать, — я услышала первый крик моего первого ребёнка. Нике (Николай Павлович. — *И. К.*) целовал меня... не зная ещё, даровал нам Бог сына или дочь, когда матушка (вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. — *И. К.*), подойдя к нам, сказала: “Это сын”. Счастье наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором».

Александра Фёдоровна угадала: ребёнка ждала нелёгкая судьба. Пока же в древней столице гремели залпы салюта, а Александр I, получив известие о рождении племянника, назначил младенца шефом лейб-гвардии Гусарского полка — мужчина из императорского дома не мог не быть военным. Маленький великий князь сначала находился на попечении бонн и воспитательниц, но с шести лет попал под мужской надзор. С воцарением отца мальчик стал наследником престола, и его воспитание было делом государственной важности.

Главным начальником цесаревича стал гусар и ветеран Наполеоновских войн полковник Карл Мердер, а его ближайшим помощником — поэт Василий Жуковский. Первый учил верховой езде, военным уставам, «фрунту» (строевой подготовке и приёмам обращения с оружием); благодаря ему государь будет всю жизнь носить мундир так элегантно, как никто другой. На детской половине Зимнего дворца были установлены гимнастические снаряды: деревянная и верёвочная лестницы, канат; учёба перемежалась физическими упражнениями. Летом великий князь вместе с питомцами Первого кадетского

корпуса нёс караульную службу, стоял на гауптвахте и удостоивался высочайшей награды — серебряного рубля. В 1827 году девятилетний Александр Николаевич был назначен атаманом всех казачьих войск. В 1836 году он командовал 1-м батальоном Преображенского полка и лейб-гвардии Гусарским полком, шефом которого числился; тогда же «за отличие по службе» цесаревич был произведён в генерал-майоры с назначением в свиту.

Жуковский же разработал учебный план, согласно которому великий князь с восьми до двадцати лет должен был не только быть обучен наукам, но и стать «совершенным человеком». Василий Андреевич был ласков, но требователен; у его ученика не было каникул, а в «учебную горницу» в часы занятий не допускался даже отец-император.

Учёба шла, как у многих детей, где хорошо, а где не очень. Но Александру, похоже, приходилось тяжелее: от его сверстников не требовали того, чего добивался Жуковский от своего воспитанника. «На том месте, которое вы со временем займёте, — не раз говорил он, — вы должны будете представлять из себя образец всего, что может быть великого в человеке». Но постоянно быть «образцом» — в учёбе, танцах, гимнастических упражнениях, светской беседе — тяжело, и Александр порой мог хандрить или срываться.

Впрочем, всем бы иметь таких учителей: русскую историю наследнику преподавал великий учёный Сергей Михайлович Соловьёв; финансовые премудрости — министр финансов Егор Францевич Канкрин. Законоведением занимался с ним Михаил Михайлович Сперанский, напоминавший будущему венценосцу, что «никакая другая власть на земле... не может положить пределов верховной власти российского самодержца» и что он «не подлежит суду человеческому, но во всех случаях подлежит... суду совести и суду Божию», однако при этом столь же велика и мера ответственности, требующая от самодержца ежедневного труда, огромной концентрации сил, заставляющая отказаться от личных удовольствий и пристрастий.

Явно под влиянием своих наставников наследник написал в 1829 году сочинение на тему «Александр Невский»:

«Александр в юности был чувствителен к красотам природы: оне всегда возносили душу его ко Всевышнему. Однажды в пустынном месте застигла его ночь; от усталости он погрузился в сон; утро занималось, когда он пробудился; на краю Востока сверкала звезда, предшественница солнца. Александр увидел, что он находился на возвышенном месте, окружённом утёсами; всё было дико, но между терновником цвели прекрасные лилии. С высоты представлялось необъятное

пространство, ещё покрытое мраком. Но скоро сей мрак начал редеть: открылась глазам обширная равнина, усеянная холмами и рошами, посреди коей извивалась пышная река, и повсюду являлись спокойные жилища человеческие. Небо между тем более и более воспламенялось; наконец утренняя звезда начинает бледнеть и исчезает в блеске восходящего солнца. Александр долго смотрел на сие величественное зрелище; наконец он понял его таинственное знаменование, сложил руки, пал на колени и, решившись во глубине души быть для народа своего тем, что солнце сие для всего мира, смиренно произнёс: “Да будет Твоя воля!” Александр исполнил то, что в эту минуту обещал себе и Богу: он сделался образцом государей и героев. Своё княжение в Новгороде ознаменовал он блистательными победами; но история ещё более удивляется его истинно-христианскому смирению. Его подданные, не привыкнув переносить иго татар, возмутились и убивали посланных для собирания податей. Александр, чувствуя, что подобное сопротивление только увеличит бедствие России, а не спасёт её, забывал своё достоинство и смиренно испрашивал помилования подданным у надменных татарских ханов. Россия, в знак благодарности за его самопожертвование для блага общего, причислила его к лику святых. А. Р.»⁶⁸.

Так начиналась теоретическая и практическая подготовка к государственной деятельности. Конечно, были в ней и свои маленькие радости. Наследник на всю жизнь пристрастился к охоте. По свидетельству К. К. Мердера, он уже в десятилетнем возрасте отлично стрелял из ружья, с тринадцати лет охотился на уток и зайцев, в 14 лет впервые пошёл на волон, а в 19 убил своего первого медведя. Именно при Александре II медвежья охота вошла в моду при дворе.

Годы летели быстро, и вот уже отец повелел совершеннолетнему сыну присутствовать на заседаниях Сената. В 1837 году Александр Николаевич сдал «выпускную сессию» по всем предметам комиссии из всех его преподавателей во главе с императором и был отправлен в путешествие по России: Великий Новгород, Вышний Волочёк, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Ялуторовск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу, Тамбов, Калугу, Москву; он побывал в тридцати губерниях и получил 16 тысяч прошений.

Перед началом и в ходе путешествия государь наставлял наследника, как он должен держаться с подданными: «Будь со всеми приветлив, будь особенно ласков с военными, оказывай везде войскам должное уважение предпочтительно пред прочими»; «Со всеми дамами ласковость, простота, учтивость, но

осторожность. С военными — брат, товарищ и как бы дома. С войском особую приветливость и оказывай любопытство, всё ихнее узнавать, но хвали осторожно, а про дурное мотай на ус и молчи. В публике — простота, крайняя вежливость и более ничего». Александр Николаевич старался — и не без успеха: под крики «ура!» толпы подданных выходили встречать очаровательного молодого царевича и даже, как в Ярославле, часами стояли по пояс в воде, чтобы рассмотреть плывущего мимо в лодке будущего государя. Наследник, по словам очевидца его встречи в Калуге в июне 1837 года, «приводил нас в восхищение своею мужественною красотою, небесною улыбкою, сладостным голосом и обворожительною приветливостью».

Однако у подросткового молодца начались «взрослые» проблемы. В 20 лет наследник престола впервые влюбился самым серьёзным образом в фрейлину императрицы (и к тому же католичку) Ольгу Калиновскую. «Надо ему иметь больше силы характера, иначе он погибнет... Слишком он влюбчивый и слабобольной и легко попадает под влияние. Надо его непременно удалить из Петербурга...» — писал царь жене.

Цесаревича вновь отправили в вояж, теперь уже заграничный. Он и там показал себя человеком прекрасно воспитанным и оценил заграничные достижения, которые, однако, его не ослепляли. В 1864 году уже император Александр II, отправляя сына в Европу, напутствовал его: «Многое тебе польстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не всё заслуживает подражания и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложимо быть не может — мы должны всегда сохранять свою национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем». Как и полагалось офицеру, он особо интересовался делами военными. В его письмах содержатся подробные описания воинских церемониалов, амуниции, лошадей. В Копенгагене он остался доволен гусарами, но критически оценил солдат: «Выправки одиночной нет никакой, и цвет мундиров прегадкий, кирпичный», — а артиллерия его и подавно разочаровала: «Смотреть нельзя, такая гадость». В Австрии цесаревич усомнился в достоинствах нарезного оружия: «Егеря в цель стреляли из новых ружей и штуцеров с камолевыми замками, при мне было несколько осечек, и вообще кажется, что они не совсем удобны».

В этом путешествии в апреле 1839 года в захолустном Дармштадте наследник познакомился с пятнадцатилетней дочерью гессенского герцога Людвиг II принцессой Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией и увлёкся ею. Правда, следом на его пути оказалась двадцатилетняя английская королева Виктория. «Цесаревич, — докладывал из Лондона

его «дядька» Юрьевич, — признался мне, что влюблён в королеву и убеждён, что и она вполне разделяет его чувства...» Королеву пришлось увезти от греха подальше — наследник российского трона не мог стать бесправным мужем несамодержавной британской монархини. В итоге Николай выбрал в жёны сыну дармштадтскую принцессу. В 1841 году в Зимнем дворце состоялась свадьба. У Александра Николаевича появился свой двор. Впоследствии Мария Александровна родила ему двух дочерей и шестерых сыновей.

И Николай Павлович, и его сын женились на своих избранницах и ценили свои браки. Во время путешествия наследник повстречал бывшего военного министра и посла Франции в Санкт-Петербурге маршала Мезона, публично путешествовавшего с юной возлюбленной, и был возмущён: «Это уж чересчур, он довёл бесстыдство до того, что с нею повсюду ездит и вояжирует даже в одной карете! Вот образчик прекрасных французских нравов!» Отец полностью разделял его чувства: «Хорош *Maison* с своей спутницей *Olivier*! Хорош. Страм». Знать бы тогда Александру, что на склоне лет он и сам попадёт в такое же положение, чем едва не вызовет династический кризис...

Цесаревич стал членом Государственного совета и присутствовал на заседаниях Комитета министров. 17 апреля 1847 года, в день своего 29-летия, он получил чин генерала от инфантерии, но для строгого отца по-прежнему оставался «молокососом». Тот мог отправить ему официальную бумагу с повелением «никогда не утруждать себя ходатайством по прошениям, на имя цесаревича поступающим», обругать на параде, а то и дать пощёчину за неуместную днём игру в карты с придворными. В другое время великий князь не мог не рассказать отцу о своих охотничьих достижениях в Неаполе («Мы убили 266 фазанов, 10 бекасов и 6 зайцев») или Дармштадте («Сегодня утром я ездил с наследным герцогом на охоту в парк и перебил штуки 4 оленей), а тот в ответ мог добродушно поведать, что и сам удачно пострелял ворон в парке...

Но времени для развлечений оставалось всё меньше: наследник стал членом Кавказского комитета, канцлером Александровского университета в Финляндии, участником комитетов по постройке моста через Неву и Петербургско-Московской железной дороги, председателем секретных комитетов по крестьянскому делу в 1846—1848 годах. С 1842 года Александр Николаевич замещал отца во время поездок того за границу или по России. В 1848 году наследник получил за службу свой первый орден Святого Владимира 1-й степени. Так приобретались опыт в делах, привычка управлять и принимать ответственные

решения. Например, в 1850 году Александр высказался за строительство форпостов в устье Амура и присоединение окрестных земель к России вопреки мнению канцлера Нессельроде, военного министра Чернышёва и министра финансов Канкрин, опасавшихся столкновения с Китаем. Он лично принял участие в затянувшейся Кавказской войне и в октябре 1850 года под крепостью Ачхоем со своим конвоем и свитой лихо атаковал отряд чеченцев — впрочем, без особой необходимости. Крымскую войну Александр Николаевич встретил в звании главнокомандующего Гвардейским и Гренадерским корпусами; он формировал запасные части и отвечал за защиту Балтийского побережья от английского флота.

На Балтике всё обошлось, но на юге кампания 1855 года была проиграна. Черноморский флот перестал существовать, армия была разбита в кровопролитном сражении на Чёрной речке, главная военно-морская база Севастополь лежал в развалинах и после 349-дневной осады был занят союзниками. Накануне нового года австрийский посланник Эстергази передал ультиматум: Россия принимает предварительные условия мира (потеря Бессарабии, отказ от протектората над Молдавией и Валахией; воспрещение России держать на Чёрном море военный флот и иметь на его берегах укрепления) — или Австрия разрывает с ней отношения.

Александр II в первые месяцы царствования был готов продолжать борьбу, и даже известие о падении Севастополя его не испугало: «Севастополь не Москва, а Крым не Россия. [Через] два года после пожара московского победоносные войска наши были в Париже. Мы те же русские, и с нами Бог». Но побывав на юге и ознакомившись с положением дел, император и его министры приняли австрийский ультиматум; переговоры в Париже завершились миром на указанных условиях.

Как освобождали крестьян

Александр Николаевич проявил себя достойным сыном и ревностным служакой, ни в каких оппозиционных стремлениях замечен не был, а при обсуждении вопроса о крепостном праве даже не пожелал определить размеры повинностей крестьян в пользу помещиков, на что в принципе отец был согласен. Но волею судеб именно ему пришлось начать ломку патриархальной системы Николая I.

Реформы начались с малого. Немедленно по воцарении Александр II поручил Собственной Его Императорского Величества канцелярии разработать форму нового образца и уже

9 апреля 1855 года утвердил рисунок нового гражданского «вицмундирного полукафтана». Император собственноручно исправил форму обшлагов — из круглых сделал их разрезными — и пометил: «Шляпа должна быть с галуном». Ослабление цензуры вызвало постановку новейших парижских водевилей с «двусмысленными каламбурами», которые по-русски «передавались выражениями, несравненно больше оскорбляющими благопристойность»; театральной дирекции приходилось ставить условие, что «при раздевании актрисы не будут снимать панталон». В 1858 году фурор произвело появление чудомексиканки — курящей «женщины-обезьяны» мисс Юлии Пастраны.

А вот решать серьёзные вопросы оказалось труднее. После падения Севастополя Александру II и многим в его окружении стало ясно, что Россия может навсегда потерять статус великой державы. Но обновление военно-технического потенциала было невозможно без создания современной промышленности и путей сообщения, изменений в системе образования, либерализации общественной жизни.

Главным препятствием оставалось крепостное право, у которого имелись многочисленные сторонники. Но в отличие от времени Александра I в правящих кругах империи к середине века сформировалась небольшая, но влиятельная группа чиновников — сторонников реформ во главе с братом царя великим князем Константином Николаевичем — морским министром, а затем председателем Государственного совета. В эту «команду», называемую противниками «красными бюрократами», входили Н. А. и Д. А. Милютины, А. В. Головнин, А. М. Горчаков, М. Х. Рейтерн, П. А. Валувев — будущие александровские министры. Мраморный дворец (резиденция великого князя) и салон тётки государя великой княгини Елены Павловны стали своеобразными «клубами», где сановники и сам царь могли без ущерба для престижа и без особого церемониала встретиться с прогрессивно настроенными чиновниками и учёными.

В 1856 году Александр II заявил московским дворянам: «Существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожение крепостного права сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнёт само собой уничтожаться снизу» — и просил «обдумать, как бы привести всё это в исполнение». Но дворянские представители от такого поручения пришли в «непритворный страх». Тогда царь пошёл обычным путём: в 1857 году был создан очередной секретный комитет. Но большинство его членов откровенно саботировали дело, и только под нажимом великого

князя Константина комитет принял решение начать подготовку мер по «улучшению быта помещичьих крестьян» (речь шла о будущем освобождении крепостных без земли).

Самодержец мог бы приказать — но это означало грозить своему окружению. Он пошёл на хитрость: виленский военный губернатор В. И. Назимов с его подачи организовал обращение литовских дворян с просьбой дать им рассмотреть возможность освобождения их крепостных без земли (иначе губернатор грозил им введением инвентарей, то есть определённых государством размеров крестьянских повинностей). Царь одобрил «благие намерения литовских дворян» и велел образовать в Литве губернские комитеты для выработки реформы. Одновременно этот рескрипт сторонники реформы разослали по другим губерниям «на случай, если бы дворяне изъявили подобное желание».

Присланное «для сведения» царское мнение было воспринято как приказ. В России впервые началось гласное обсуждение возможности отмены крепостного права. Бывший декабрист, нижегородский губернатор А. Н. Муравьёв сам организовал и отправил царю просьбу местных дворян об образовании комитета. Другим губернаторам и предводителям дворянства ничего не оставалось делать, как поддержать его: к концу 1858 года во всех губерниях открылись дворянские комитеты для подачи предложений по крестьянской реформе.

Одни из помещиков боялись бунта; другие надеялись, что всё обойдётся. «Во всяком случае, новое положение вещей не может быть введено в силу ранее чем через год, а переходное состояние установлено в двенадцать лет. Таким образом, времени будет предостаточно, чтобы найти новые источники дохода в случае, если новый порядок уменьшит уже существующие, а покамест, считая годовой доход с каждого крестьянина в шесть рублей серебром, на тридцать тысяч крестьян выходит 78 тысяч рублей серебром в год. Однако, несмотря на столь великие вопросы, мы здесь продолжаем развлекаться, и карнавальная неделя, судя по всему, обещает быть блистательной: в понедельник — бал в Благородном собрании, в среду — у Эммануила Нарышкина; говорят, будут танцевать также у императора...» — сообщал майор гвардии Пётр Павлович Дурново проживавшему в Париже отцу в феврале 1858 года.

Работой комитетов руководил земский отдел Министерства внутренних дел во главе с Н. А. Милутиным, предложившим в том же году новый принцип реформы — освобождение крестьян с землёй. Государству нужен был самостоятельный мужик — исправный налогоплательщик; превращение же его в нищего батрака привело бы к всеобщему бунту. Царь идею

поддержал, но помещиков обижать не хотел. 18 октября 1858 года Александр II заявил: нужен такой вариант реформы, «чтобы дать крестьянину немедленно почувствовать, что быт его улучшен, чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены, чтобы никакая власть ни на минуту на месте не колебалась бы».

Сопrotивление проекту освобождения крестьян с землёй было отчаянным: на великого князя Константина писали доносы, Милютина вызывали на дуэль. Дело постоянно требовало высочайшего внимания: всякий раз, когда Александр II ослаблял свой нажим, реформа тормозилась. По свидетельству П. А. Валуева, монарх «с гневом, ударив по столу, сказал, что не позволит министрам противодействовать исполнению утверждённых им постановлений по крестьянскому делу». Но и царский кулак не всегда помогал — приходилось действовать уговорами: великий князь ездил в секретный (с 1858 года — Главный) комитет уламывать его членов.

Сторонники реформ опирались не только на теоретические аргументы. В 1859 году был проведён эксперимент — в полтавском имении царской тётки великой княгини Елены Павловны 15 тысяч крестьян освобождены с землёй.

Для подготовки проекта закона был создан специальный межведомственный орган — Редакционные комиссии, включавшие чиновников, экспертов (учёных, статистиков, экономистов, помещиков-практиков) из губернских комитетов. Протоколы заседаний и труды комиссий публиковались и рассылались по губерниям для получения замечаний. Результатом стал общий проект с различными вариантами реформы для разных регионов. Сопrotивление же не ослабевало; противники реформы предлагали даже созвать представителей от «земли», чтобы ограничить царский «произвол».

Затем проект вновь обсуждался в Главном комитете и Государственном совете. Большинство совета было против, но Александр II 19 февраля 1861 года подписал его. Накануне четыре батальона пехоты и шесть эскадронов кавалерии были подтянуты к Зимнему дворцу, царь ночевал в другом крыле здания, а у подъезда наготове стояла карета на случай, если бы пришлось спасаться бегством. Государь боялся реакции и «своих», и крестьян: закон от 19 февраля был обнародован только через две недели, во время Великого поста, когда народ отошёл от масленичных гуляний. Этот день царь назвал самым счастливым днём в своей жизни.

Движущей силой этой и других реформ стали образованные и дальновидные чиновники, сумевшие придать процессу их подготовки гласность и участие общественности, что и сле-

лало крестьянскую «эмансипацию» возможной. Однако она состоялась не так, как желали помещики (свобода без земли), и не так, как мечтали крестьяне. Её условия отвечали интересам самой монархии: помещики получали за отчуждаемую у них землю деньги от государства, а крестьяне должны были основную часть выкупа за землю (до 75—80 процентов) выплачивать не помещикам, а государству, которое получило с них намного больше, чем потратило само, поскольку выкупной платёж рассматривался как «ссуда» крестьянину, взыскиваемая по шесть процентов в год в течение сорока девяти лет. Наконец, проводили реформу государственные органы: губернские по крестьянским делам присутствия и Главный комитет об устройстве сельского состояния — верховная инстанция для решения споров крестьян с помещиками.

Третье отделение отмечало в 1859 году только 90 случаев «неповиновения» в барских имениях; число их увеличилось в 1861-м — но не до, а после реформы и было выражением недовольства крестьян её условиями. Но большинство крестьян встретили манифест на удивление спокойно:

«В первое воскресенье прочли манифест в церкви. Стечение народа было больше обыкновенного. Слушали чтение внимательно, но никакого особенного движения я не заметил. Вышли с такими же выражениями на лицах, как и всегда, только след какой-то заботы был виден у некоторых: “Как оно там, тово, сказано!” Крестьянские девушки острили, крича парням: “Эй вы, государевы!” Ни одного лишнего стакана вина не было выпито, ни одной пьяной штуки не выкинуто, чем обыкновенно мужичьё выражает свою радость.

Тут скоро прислали Положения. Особенного любопытства узнать их содержание я также не заметил. Крестьяне плохо понимают эти законы. Им разослали Положения в деревни, читали в правлении, делали всё, что нужно для обнародования. Надобно было посмотреть, как они их слушали. Сначала свежее любопытство, но прочтётся страница, другая — любопытство это гаснет; потом является сонливость; они начинают потеть и уходят мало-помалу: “что будет, дескать, то уж беспременно случится”. Мужики не устают слушать крупную, сжатую, юмористическую речь с притчами. Всё другое их утомляет, а особенно что-нибудь построенное несколько отвлечённо.

Из вопросов, которые предлагали крестьяне, главными были следующие: “А оброк-то платить? — Платить! — Неужели вовеки платить?.. А лесу-то будет даваться? — Нет, даром не будет. — Так, значить, это всё купи?” Потом: сколько земли дастся, сколько оброка — вот и всё. Остальное их занимало мало. Некоторые каламбурили и острили, и я бы мог передать несколько острот по этому случаю в чисто русском духе...»⁶⁹

Реформа сохранила помещичье землевладение. Расчёт был на то, что переданной крестьянам земли не будет хватать и они вынуждены будут обращаться за ней к бывшим хозяевам. Сохранены были общинное землевладение (освобождённый крестьянин не имел права в течение девяти лет отказаться от надела), подушная подать, рекрутские наборы, телесные наказания.

И всё-таки это было освобождение, хотя избранный путь являлся наиболее медленным и мучительным способом превращения крепостной России в капиталистическую. Но политика есть искусство возможного, а появление миллионов относительно свободных граждан вместе с начавшейся индустриализацией страны и ростом городского населения создало в России совершенно новую социальную среду. Понадобились и новые реформы.

Великие реформы

Новому государю досталась старая «команда» его отца, многих членов которой пугало изменение стиля работы:

«На прошлой неделе в Совете министров (4 апреля 1858) обсуживали новую форму губернаторских отчётов, которые предположено на будущее время не представлять прямо государю, как теперь, а предварительно подвергать рассмотрению Государственного совета и уже с его замечаниями подносить государю. При этом суждении великий князь Константин Николаевич сказал, что не худо бы также и годовые отчёты министров отдавать на предварительный просмотр Государственного совета. Тогда двое... заметили вполголоса, что в таком случае министры сделаются ответственными. “Что же в том худого?” — спросил государь. “Худо то, Ваше Величество, — отвечал один из двоих, — что ответственность министров поведёт к конституционному правлению”. “Впрочем, — продолжал другой, — если Вашему Величеству угодно дать России конституцию, то предлагаемая мера будет хороша, а в противном случае она не соответствует ныне существующему порядку”. Государь замолчал.

Между тем кривотолки и разногласица продолжались. Наконец заседание окончилось тем, что государь выразил своё мнение почти в следующих выражениях:

“Я вообще недоволен отчётами и губернаторов, и министров. Покойный государь мне часто поручал рассматривать их. Признаюсь, с особенным отвращением... я всегда читал отчёты бывшего министра Государственных имуществ. Что это были за отчёты? Одна лесть и лесть, а самое дело всё спутано, или о нём даже и не говорится. Первый отчёт, который уже по вступлении моём на престол я прочёл с истинным

удовольствием, был (тут у всех министров вздрогнули сердца под мундиром и все они с трепетом ожидали, кого назовёт государь) ваш, Сергей Степанович, — сказал государь, обращаясь к Ланскому (министру внутренних дел. — *И. К.*). — Вы высказали мне правду, хотя и горькую, но полезную; я увидел всё, что у нас есть, в натуральном его виде и ещё благодарю, благодарю вас. Зато многие из вас, господа, представляют мне такие отчёты, что прочесть их ни у кого не останется ни терпения, ни физической силы...

На будущее время, господа, я буду отчёт каждого из вас отдавать на предварительный просмотр пяти, четырёх или трёх членов Государственного совета, которых сам изберу.. Я не специалист, в иных отчётах, например по ведомству путей сообщения и других технических, многое я не понимаю и не могу обсудить. Избранные мною лица должны будут сделать свои замечания на отчёт, который я им поручу, а потом я сам прочту каждый отчёт и соображу их замечания»⁷⁰.

Одна за другой осуществлялись реформы, преобразовывавшие архаичное устройство империи. В 1860 году следствие, которое раньше вела полиция, было передано независимым судебным следователям. Судебные уставы 1864 года сделали слушания открытыми; процесс представлял собой спор обвинения, представляемого прокурором, и защиты в лице присяжного поверенного (адвоката). На судебные заседания публичка собиралась, как на театральную премьеру — посмотреть на прения сторон и послушать знаменитого адвоката. Появились «суд улицы» — присяжные заседатели — и избираемые мировые судьи, решавшие мелкие споры и бытовые конфликты. Достижения этой самой последовательной и демократической из всех реформ Александра II после восьмидесятилетнего перерыва сейчас с трудом заново внедряются в российскую судебную систему.

Земское (1864) и городское (1870) самоуправление создавалось по непривычным для наших современников меркам. Депутаты («гласные») в земские собрания избирались на три года по трём куриям: напрямую — от землевладельцев (имеющих не менее 200 десятин земли) и от городских жителей с высоким имущественным цензом (годовой оборот не ниже шести тысяч рублей или недвижимость ценой от пятисот, а в крупных городах от трёх тысяч рублей), через трёхступенчатые выборы — от крестьян. В итоге в земствах обеспечивалось преобладание дворян и городских собственников. Любой плательщик городских сборов с двадцати пяти лет мог участвовать в выборах членов городской думы (на четыре года) — опять же по одной из трёх избирательных курий, образованных по имущественному принципу. Думы и их исполнительные органы —

управы — возглавлялись первыми российскими мэрами — городскими головами.

Задачей земских и городских органов было улучшение положения дел в тех сферах общественной жизни, до которых у коронной администрации не доходили руки. Бюджеты земств шли на создание сорока тысяч бесплатных школ с бесплатными учебниками. Появились земские печатные органы, издательства, библиотеки, народные театры, «народные дома» — что-то вроде советских «домов культуры». Земские участковые врачи и фельдшеры не только оказывали медицинскую помощь за минимальную плату (5—10 копеек), но и впервые стали проводить профилактическую работу: делать прививки, бороться с распространением заразных болезней. Появились земские агрономы, ветеринары, юридические консультации, статистические бюро, почта. В городах думы создавали «посреднические бюро» для безработных и первые биржи труда, строили «дома дешёвых квартир» для малоимущих, ночлежки для нищих. Именно Московской городской думе столица обязана появлением первого современного водопровода и канализации. Кроме того, появление новых органов самоуправления означало повышение активности и самоорганизацию общества; для его членов работа в земствах и думах стала школой практической деятельности во имя общественного блага.

Военные реформы не сводились к введению всеобщей воинской повинности (1874). На деле в мирное время на службу брали по жребию примерно четверть призывников. Реформы давали стимул к получению образования — от этого зависел срок службы, а в армии обязательно учили грамоте. Была создана система военных гимназий и юнкерских училищ для подготовки офицеров. Началось качественное обновление вооружения: появились бездымный порох и стальные орудия, заряжавшиеся с казённой части; пехота была вооружена американскими винтовками-«берданками», усовершенствованными русскими военными инженерами. В 1872 году был построен первый броненосец.

С 1862 года государственный бюджет перестал быть тайной и ежегодно публиковался. Был введён принцип «единства кассы»: все доходы концентрировались только в Министерстве финансов, а Государственный контроль получил право финансовой проверки всех министерств и ведомств, кроме Министерства двора. Новое Положение о питейном сборе отменило с 1 января 1863 года государственную монополию на торговлю водкой и откупную продажу её частными лицами; отныне предприниматель должен был выплачивать акцизный налог и патентный сбор за право производства и оптовой продажи. Та-

кой же сбор брали с любого, кто открывал питейное заведение — погреб, трактир, ресторан. Посетителям ресторанов теперь дозволялось курить и наслаждаться развлекательной программой — пением и «каскадными номерами» с танцами. Открыли двери первые российские *safe-chantant*'ы с «неблаговидными кутежами» и «лёгкими недостойными интригами» — к вящему огорчению полиции.

В 1858 году были организованы первые женские училища; женщин впервые стали брать на службу в государственные учреждения. С 1864 года мальчики могли получать среднее образование в семилетних классических (с изучением греческого и латинского языков) или реальных (с естественно-научным уклоном) гимназиях; в 1872 году последние были заменены реальными училищами, выпускники которых, в отличие от гимназистов, не имели права поступать в университет без экзаменов, но принимались в высшие технические учебные заведения. Среднее образование было платным, что являлось препятствием в его получении детьми из малоимущих семей; с точки зрения власти, неразумно было плодить образованных бедняков, отрывавшихся от своей среды. Университетский устав 1863 года возрождал введённую при Александре I и урезанную при Николае I автономию высшей школы: все должности, в том числе ректора, были выборными; учебными, научными и финансовыми делами университета ведал совет из профессоров, а проступки студентов рассматривал университетский суд.

В том же году были отменены телесные наказания (шпицрутены, розги и клеймение) для всех подданных, кроме крестьян.

В 1865 году в столицах ликвидировалась предварительная цензура для книг — теперь за публикацию «недозволительных» сведений следовало наказание по суду; но министр внутренних дел после трёх «предостережений» имел право прекратить выпуск периодического издания.

По закону 1869 года сыновья православных священников были освобождены от автоматической приписки к духовенству и могли избрать любой род деятельности; таким образом, перестала существовать замкнутость духовного сословия. В 1874 году был издан новый закон о старообрядческих браках: их стали регистрировать в полиции в особых метрических книгах, и появившиеся в таких браках дети уже считались законнорождёнными.

Конечно, эти изменения не были радикальными. По приговорам волостных судов крестьян продолжали пороть. Деятельность земств и городских дум была ограничена их финансовыми возможностями (они получали средства только в виде сборов с земли и с выдачи прав на торговлю и промыслы) и

контролем со стороны администрации — губернатор мог отменить любое их решение. Сохранился особый духовный суд по семейному праву. Герои романа Льва Толстого «Анна Каренина» не могли развестись, поскольку сам по себе роман Анны с Вронским по этим законам основанием для развода не являлся — необходимо было публичное уличение в прелюбодеянии, совершённом в присутствии свидетелей. Сохранялась и привилегия («административная гарантия») для чиновников: только министр или губернатор решал вопрос о привлечении своих служащих к суду, а чаще всего просто увольнял их.

Реформы стимулировали экономическое развитие — в стране началось масштабное железнодорожное строительство, вызвавшее создание новых отраслей промышленности. К 1865 году протяжённость железных дорог составила три тысячи километров, они соединили Москву с основными хлебопроизводящими районами и морскими портами. В 1880 году была введена в эксплуатацию Оренбургская железная дорога, доставлявшая российские товары на азиатские рынки; в ходе её прокладки Александр II лично курировал строительство самого длинного в Европе Сызранского моста через Волгу, состоявшего из тринадцати пролётов по 111 метров.

Преобразования были важным шагом на пути модернизации российского общества, но практически не затронули политическую систему. А ведь такие планы имелись. Министр внутренних дел Пётр Александрович Валуев в 1861—1863 годах предлагал создать Кабинет министров во главе с премьером, отвечавшим за работу своей «команды», ввести систему одинакового для всех подоходного налогообложения и образовать при Государственном совете нижнюю палату из выборных представителей земств, городов и национальных окраин с правом совещательного голоса: «Это мероприятие представляет то преимущество, что не наносит никакого удара полновластия государя, сохраняет ему всю законодательную и административную силу, а между тем создаёт центральное учреждение, которое было бы чем-то вроде представительства страны. Император смог бы призвать туда временных советников, взятых из различных провинций империи, и привлечь их к законодательным работам, не допуская в департаменты и не растягивая период законодательных работ на весь год».

Но эти предложения были отклонены царём. «Я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убеждён, что это полезно для России. Но я знаю, что сделаю я это сегодня — и завтра Россия распадётся на куски», — отвечал Александр II в 1865 году на предложение собрать «выборных людей». А ведь в таком «парламенте» дворяне, буржуазия и даже крестьяне

приобретали бы политический опыт, закладывались бы основы будущих политических партий; тем самым монархия не только не проиграла бы, но и расширила собственную опору.

Боязнь распада империи была не единственной причиной незавершённости реформ — в стране ещё отсутствовало активное общественное движение, способное «подтолкнуть» правящие круги к их продолжению.

Эйфория «эмансипации», надежды на быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости прошли; реализация реформ приносила разочарование — ломка традиционного уклада жизни была болезненной для всех слоёв общества. С одной стороны, дворянство в своих собраниях и земствах выступало с критикой правительственного курса. С другой стороны, появились молодые радикалы-«нигилисты», отрицавшие образ жизни предшествовавшего поколения: «Наши отцы были стяжателями, ворами, тиранами и эксплуататорами крестьян». Студенты, гимназисты, семинаристы, стриженные барышни-курсистки активно протестовали против светских манер и приличий, бесправия, казённой системы преподавания. Эти горячие головы требовали всего и сразу. Рядом с идейными противниками режима появились эмансипированные карикатуры. В Третье отделение поступило донесение: «Приказчик из магазина Исакова надул при публике “гондон”, а полиции заявил, что его мать — нянька у великого князя Николая Николаевича... о том, как с ним поступила полиция, [он] сообщит Герцену для напечатания в “Колоколе”».

К политическим сложностям добавилась трагедия в царской семье: в апреле 1865 года на 22-м году жизни скончался наследник Николай Александрович.

Спустя год студент Дмитрий Каракозов в Летнем саду выстрелил в гуляющего царя. Неудавшееся покушение вызвало волну арестов и подъём верноподданнических чувств. Оказавшийся рядом с Каракозовым и якобы помешавший ему прицелиться костромской крестьянин Осип Комиссаров стал спасителем Отечества и настоящей «звездой»; его произвели в дворяне с фамилией Комиссаров-Костромской, подарили квартиру на Невском проспекте, срочно обучили манерам для присутствия на светских мероприятиях, осыпали ценными подарками, в родном селе ему поставили памятник, а снимки героя шли нарасхват — к фотографам записывались в очередь... Тогда же в России впервые появились телохранители «первого лица» — «охранная стража его императорского величества». Сам же Александр II, «царь-освободитель», был поражён тому, что стрелял в него русский дворянин. С тех пор окружающие часто слышали от него сетования на людскую неблагодарность.

Начавшиеся репрессии увеличивали число недовольных и служили аргументом для тех, кто не желал продолжения реформ. Начальником Третьего отделения стал граф П. А. Шувалов, министром народного просвещения — обер-прокурор Синода граф Д. А. Толстой; оба — противники преобразований. Хотя создание земств и городских дум, легальных общественных организаций, относительная свобода прессы, увеличение числа интеллигенции свидетельствовали о формировании в стране гражданского общества, Александр II, много сделавший для того, чтобы оно появилось, в то же время не считал возможным привлечь его к управлению государством. Радикального пересмотра внутривнутриполитического курса не произошло.

Император и его женщины

Император как будто разочаровался и в людях, и в реформах. Исчезла его прежняя напористость. Он стал терять интерес и к мнению общественности о правительственных мерах, и к самим решительно начатым преобразованиям, занимался делами без вдохновения, по обязанности.

Он вставал в восемь часов утра, одевался и совершал прогулку вокруг Зимнего дворца. Вернувшись, пил кофе, затем шёл в кабинет и работал с горой бумаг — в системе централизованной самодержавной монархии даже многие пустяковые вопросы решались «наверху». В 11 часов с докладами являлись министры: военный — каждый день, иностранных дел — дважды в неделю, председатель Государственного совета — раз в неделю, прочие министры — по мере надобности и с позволения императора. По четвергам государь в час дня ехал в Совет министров, а в другие дни недели — на развод гвардейских частей, после чего делал визиты членам своей фамилии, прогуливался в экипаже или пешком и возвращался в Зимний дворец к бумагам. С 16.30 до 19 часов следовали обед и отдых, чай в кругу семьи, а в восемь вечера император снова садился за дела. Завершали день игра в карты или посещение театра, после которого царь мог засиживаться в кабинете до часа ночи. Он с удовольствием вырывался на охоту, полюбил южный берег Крыма — Ливадию.

Днём или ближе к ночи он выкраивал час-другой, чтобы побыть со второй семьёй. Императрица Мария Александровна с годами всё чаще болела, и их отношения становились дежурной процедурой: обсуждение здоровья, учёбы детей, дел родственников в России и Европе, совместное участие в парадах и церемониях, визиты или выезд в театр, чай в обществе

детей. Один из хорошо осведомлённых современников как-то сказал, что царь «был женолюбом, а не юбочником», имея в виду, что он хотел не развлечения, а глубокого чувства и счастья простого смертного в приватной обстановке.

После ряда любовных увлечений император обрёл то, что искал. Его «предметом» стала юная княжна Екатерина Долгорукова. Когда-то сам Александр определил девочку в Смольный институт, а потом встретил повзрослевшую красавицу — и не мог с ней расстаться. В середине 1860-х годов он оставался привлекательным мужчиной. Французский писатель Теофиль Готье, побывавший в эти годы в России, оставил его портрет: «Александр II был одет в тот вечер в изящный восточный костюм, выделявший его высокую стройную фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами, спускавшимися до бёдер... Волосы государя коротко острижены и хорошо обрамляли высокий красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому цвету лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определённы, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Барышня же вначале видела в нём только государя, в то время как более опытные подруги и мать укоряли её за «неприличное поведение по отношению к императору». Но сопротивление было недолгим: Екатерина Долгорукова получила должность царских фавориток — стала фрейлиной императрицы. Июльской белой ночью 1866 года в приморском дворце Бельведер она вручила свою судьбу императору, и тот сказал ей: «Сегодня я, увы, не свободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, отселе я считаю тебя своей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину». К чести его надо сказать, что слово он сдержал. Вскоре тайное стало явным, и петербуржцы, встречая в саду Александра II с Долгоруковой, шептались: «Государь прогуливает свою демуазель». Светские дамы судачили о том, что «дерзкая наложница» голой танцует перед императором на столе; её голос находили «вульгарным», а в её лице видели «овечьё выражение».

Роман с девятнадцатилетней Катей захватил помыслы 48-летнего императора. Он навсегда запомнил 30 мая 1866 года, дату первого свидания, и 1 июля, которое «окончательно решило нашу судьбу»; даже много лет спустя эти воспоминания заставляли его «содрогаться от чувств», а лето 1866 года осталось в памяти их «медовым месяцем». Их письма полны

чувств и страстей, хотя на людях император старался быть невозмутимым и соблюдать приличия. Влюблённые писали друг другу ежедневно, иногда два-три раза в день, даже тогда, когда находились рядом, в своих покоях Зимнего дворца. Одно из писем 1868 года Александр завершил словами: «Бедные мы, но не хочу терять надежды, что Бог нам однажды дарует то единственное счастье, которое нам недостаёт и которое составляет единственную цель нашей жизни». В 1867 году он повёз свою любовь в Париж, а потом рассказал о ней жене. «Я прощаю оскорбления, нанесённые мне как монархине, но я не в силах простить тех мук, которые причиняют мне как супруге», — заявила она. Права её детей на престол были несомненны и неоспоримы, а прочее публичному обсуждению не подлежало. Мария Александровна, вынужденная жить под одной крышей с соперницей, не допускала никаких «разоблачений».

«Я ожидаю, что завтра мы минимум три раза займёмся любовью», — писала княжна своему «сердечному другу». Александр II выражался более сдержанно, но вполне определённо: «Хотел бы проснуться в твоих объятьях. Надеюсь вечером, часов в 8, встретиться в нашем гнёздышке... Твой навсегда». 2 февраля 1869 года он писал:

«...Завершение нашего вечера оставило у меня очень нежное впечатление, но я признаю, что был крайне опечален тем, что видел твоё беспокойство в начале, твои слёзы причинили мне боль, потому что невольно я говорил себе, что тебе больше недостаточно моей любви, нет, скорее, что те короткие мгновения, которые я мог тебе уделить каждый день, не были достаточной компенсацией тебе за потрясения, неудобства и жертвы твоего нынешнего положения. Я думаю, что нет нужды тебе повторять, дорогой ангел, что ты — моя жизнь и что всё для меня сосредоточено в тебе, и именно поэтому я не могу хладнокровно смотреть на тебя в твои минуты отчаяния... Несмотря на всё моё желание, я не могу посвятить свою жизнь только тебе и жить только для тебя... Ты знаешь, что ты — моя совесть, моей потребностью стало ничего от тебя не скрывать, вплоть до самых личных мыслей... Не забывай, дорогой мой ангел, что жизнь мне дорога потому, что я не хочу потерять надежду посвятить себя целиком только тебе... Люблю тебя, дуся моя Катя».

Долгорукова ездила за царём в Крым, где жила на частной даче близ дворца; они встречались в павильонах Петергофа, на прогулках в Павловске и Царском Селе и в уютном уголке на первом этаже Зимнего дворца. Императорская семья пыталась было требовать соблюдения приличий, но её влюблённый глава этого не потерпел. «Попрошу не забываться и помнить, что

ты лишь первая из моих подданных!» — заявил он жене наследника. «Княжна Долгорукая, несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех светских развлечений и удовольствий, имеющих обычно большую привлекательность для девушек её возраста, и посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность», — писал он сестре Ольге, королеве Вюртембергской.

Государь пытался соединить высокое служение государству и право на частную жизнь. Но царская семья не признавала «авантюристку», а она, не привыкшая к «свету», вела себя неумело и напрасно пыталась расположить к себе и своим детям родню императора. К тому же ходили упорные слухи, что при её поддержке действовали лоббисты влиятельных магнатов, «проталкивая» концессии на строительство железных дорог. Сам Александр II мечтал о том, как, предоставив сыну Александру престол и труды о государстве, уедет вместе с любимой и детьми в Ниццу. Но эта мечта не осуществилась — не отпустили ни внутренние, ни внешнеполитические проблемы.

Границы империи

Кавказский наместник, друг государя Александр Барятинский обеспечил перелом в боевых действиях против Шамиля. Наряду с отличной разведкой и подкупом противника он широко применял рубку просек, открывавших войскам дорогу. Зимой 1856/57 года началось систематическое наступление на занятые Шамилем территории с разных направлений. Широкое использование артиллерии, команд охотников и местных милиционеров для прикрытия движения и работ свели потери к минимуму. 22 августа 1859 года Барятинский издал торжественный приказ: «Воины Кавказа! В день моего приезда в край я призывал вас к стяжанию великой славы государю, и вы исполнили надежду мою. В 3 года вы покорили Кавказ от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдёт громкое моё спасибо по побеждённым горам Кавказа и да проникнет оно со всею силою душевного моего выражения до глубины сердец ваших!» Главное было в конце: «Шамиль взят — поздравляю Кавказскую армию!» Александр II встретился с бывшим неприятелем в Чугуеве, близ Харькова, где в честь пленника состоялся военный парад. В 1864 году на месте нынешней Красной Поляны в горах под Сочи завершилась Кавказская война.

В Средней Азии русские полки взяли Ташкент, Бухару и Хиву. Знаменитый путешественник Н. М. Пржевальский при-

зывал к завоевательной войне с Китаем, так как «положение китайцев как в Монголии, так и, в особенности, в Восточном Туркестане весьма шаткое». Император предпочёл мир. Он собирал «у себя» Амурский комитет, контролируя переговорный процесс с Китаем; в итоге генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв-Амурский заключил Айгунский договор (1858) о границе с Китаем по Амуру, а Пекинским договором (1860) за Россией закреплялся Уссурийский край. Но вопрос о Курильской гряде по Петербургскому договору (1875) был решён в пользу Японии — в обмен Россия получала японскую часть Сахалина.

Решение европейских дел взял на себя новый министр иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков. В его циркуляре русским послам от 21 августа 1856 года содержалось облетевшее весь мир выражение: «Говорят, Россия сердится. Россия не сердится, она собирается с силами». Таким образом, подчёркивались приоритет внутреннего развития страны и подчинение ему внешней политики. Провозглашались свобода в выборе союзников и пересмотр прежних договорённостей, если они мешали решению национальных задач.

Во время Польского восстания (1863—1864) государь чётко определил свою позицию в польском вопросе: подавление «бунтовщиков» военной силой и одновременное проведение аграрной реформы, наделявшей польских крестьян землёй за незначительный выкуп. Но о восстановлении самостоятельности Польши не могло быть и речи. «Я не могу переделать историю, — говорил Александр польскому графу Анджею Замоискому. — Не я приобретал эти земли; я получил их в наследство с короной России и потому не имею права делать с ними что-либо в ущерб интересам империи». Все попытки вмешательства Великобритании, Франции и Австрии были пресечены. Зато в Финляндии император повелел в 1863 году созвать сейм, не собиравшийся почти полвека, и в речи на его открытии отметил, что «в руках народа мудрого, готового действовать заодно с государем своим в практическом смысле, для развития своего благосостояния, либеральные учреждения не только не опасны, но составляют залог порядка и благоденствия».

Главной же дипломатической задачей России при Александре II стала ликвидация последствий Крымской войны. Путь к этой цели был нелёгким. Россия пошла на сближение с Пруссией и поддержку её усилий в объединении Германии. Столкновение Франции и Пруссии закончилось в 1870 году разгромом французской армии и пленением императора Наполеона III. 19 октября 1870 года Горчаков уведомил правительства всех государств, подписавших Парижский трактат

1856 года, что отныне Россия не считает себя связанной его условиями. Заявление вызвало взрыв возмущения в Англии и Австрии, но желающих воевать не нашлось. В итоге международная конференция в Лондоне в январе 1871 года признала за Россией право иметь на Чёрном море военный флот и береговые укрепления.

Следующим испытанием стал восточный кризис. Восстания христианского населения в Боснии и Болгарии подтолкнули Сербию и Черногорию к войне с турками. Но силы оказались неравны. Победа турок грозила России утратой влияния на Балканах, и посол в Константинополе Н. П. Игнатьев в октябре 1876 года предъявил от имени Александра II ультиматум, по которому Турция обязывалась заключить мирный договор с Сербией и Черногорией в течение сорока восьми часов. Стамбул дал согласие на перемирие, однако не пошёл на уступки христианским подданным.

При свидании с австрийским императором Францем Иосифом I в Рейхштадтском замке в Чехии Александр II и Горчаков согласились на оккупацию Австрией части Боснии и Герцеговины в обмен на согласие Вены на независимость или автономию Болгарии и возвращение России Юго-Западной Бессарабии. Но султан Абдул-Хамид категорически отказался исполнять коллективную ноту с требованием автономии Боснии, Герцеговины и Северной Болгарии.

Война стала неизбежной, хотя Россия не была к ней готова. В то время как общественное мнение призывало императора начать борьбу в защиту «братьев»-славян, он колебался, помня и боясь повторения того, что довелось пережить его отцу в Крымскую войну. Дважды — в ночь перед подписанием манифеста «о войне с Оттоманскою Портою» и накануне перехода русской армии через Дунай — Александру во сне являлся отец, обнимая и благословляя его.

Пятнадцатого июня русские войска перешли Дунай у Зимницы. Александра II ждала радостная встреча в болгарском Систове. «Войска стояли шпалерами от самой переправы до города, — писал Игнатьев. — Энтузиазма, криков восторженных войска при виде царя и главнокомандующего описать невозможно. В городе приём был великолепный. Жители с духовенством и хоругвями в голове встретили царя, кричали “ура!”, “живио!”, бросались целовать руки, ноги. Болгары выбили окна в мечетях, разбросали листки корана и разграбили лавки мусульман, оставивших поголовно город».

Начало было удачным — взяты Никополь, Тырново, осуществлён переход Балкан; но затем начались упорные бои под Плевной и героическая оборона Шипкинского перевала от на-

ступавших турок. Война выявила слабости командования, организации, снабжения, вооружения. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, оказался бездарным полководцем; не хватало кадровых офицеров; на вооружении у турок имелись немецкие и английские стальные орудия и скорострельные американские карабины-винчестеры.

Только в самом конце 1877 года произошёл перелом. Войска М. Д. Скобелева под Шейновом и Шипкой окружили турок, и их командующий Вессель-паша отдал русскому генералу свою саблю. Победители двинулись на турецкую столицу. 9 января 1878 года, по свидетельству Д. А. Милютина, Александр II воскликнул: «Если суждено, то пусть водружают крест на Святой Софии!» Но мечты оказались неосуществимы; европейские державы, прежде всего Англия, не желали разрушения Турецкой империи. Начались трудные дипломатические переговоры, которые закончились возвращением России контроля над устьем Дуная, потерянного после поражения в Крымской войне; на Балканах появилось новое независимое государство — Болгария.

На войне Александр прямо на поле сражения подбирал в свою коляску раненых, навещал их в госпиталях и награждал отличившихся. Во время кампании он жил в домах простых обывателей в селе Бела, городках Горный Студень и Порадим, перенёс приступ астмы, катар верхних дыхательных путей, лихорадку и дизентерию, но держался мужественно. Однако тяготы не прошли бесследно. По свидетельству очевидцев, «когда царь уезжал на войну, это был высокий и красивый воин, державшийся очень прямо, несколько склонный к полноте. Когда он возвратился, его с трудом можно было узнать. Щёки его отвисли, глаза потускнели, фигура согнулась, всё тело исхудало так, что казалось, это была кожа да кости. Несколько месяцев было достаточно, чтобы он превратился в старика». Александр II стал совсем седым, с исхудающих пальцев свалились кольца.

Последний год

С фронта царь вернулся в декабре 1877 года. Но и в России покоя не было. Правительство думало не столько о продолжении реформ, сколько о борьбе с революционерами. Созданная в 1879 году законспирированная и централизованная организация «Народная воля» со своей типографией, бюджетом в 80 тысяч рублей и службой безопасности, агент которой долгое время работал в Третьем отделении, приступила к полити-

ческому террору. Их главной мишенью стал император, олицетворявший ненавистный режим. Александру долго везло: его поезд не сошёл с подорванных рельсов осенью 1878 года на пути из Крыма, он сумел уклониться от шести выстрелов в упор из револьвера на Дворцовой площади в апреле 1879-го, в феврале 1880-го опоздал к обеду, когда народоволец Степан Халтурин взорвал царскую столовую в Зимнем дворце. Царская семья не пострадала, но на месте взрыва, разнёсшего перекрытия двух этажей, погибли пять человек и ещё 37 были ранены.

В мае 1880 года скончалась императрица Мария. Едва прошло 40 дней, как Александр II в Царском Селе тайно обвенчался со своей Катей, которой пришлось ожидать этого дня 14 лет. Вскоре она получила титул светлейшей княгини Юрьевской. Позаботился государь и об обеспечении семьи: из своего капитала, составлявшего 12 миллионов 470 тысяч рублей, перевёл на имя жены 3,3 миллиона.

Его последняя любовь была искренней, но для династии опасной: Долгорукова родила от государя сына и двух дочерей и не скрывала желания добиться для них более высокого статуса. Конфликты с наследником и особенно с дамами из царской фамилии, на дух не переносившими «авантюристку», привели к тому, что в июле 1880 года государя хватил удар — на время отнялись рука и нога.

После Берлинского конгресса царь сосредоточил внимание на внутренних делах и постепенно стал вновь склоняться к тому направлению, которого придерживался в первые десять лет своего правления. В феврале 1880 года он назначил председателем Верховной распорядительной комиссии министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова, известного не только боевыми заслугами, но и успешной борьбой с террором в бытность харьковским генерал-губернатором, сочетавшего подавление «крамолы» с либеральной программой. Александр II понимал и принимал её, говоря: «Был у меня один человек, который пользовался полным моим доверием. То был Я. И. Ростовцев (председатель Редакционных комиссий. — *И. К.*)... Ты имеешь настолько же моё доверие и, может быть, несколько более».

Лорис-Меликов, получивший для борьбы с революционерами диктаторские полномочия, предложил для успокоения общества включить в состав Государственного совета представителей от земств и городских дум для обсуждения вырабатываемых законопроектов. Александр II принял предложение «первого министра». Поданный 28 января 1881 года всеподданнейший доклад был одобрен на совещаниях высших чинов 9 и 14 февраля.

Первого марта император утвердил проект правительственного сообщения, призванного информировать подданных о готовящихся реформах:

«...Государь император, следуя влечениям своего любвеобильного сердца и желая явить новый знак монаршего доверия к своим верноподданным, по рассмотрении соображений министра внутренних дел в Особом совещании из высочайше назначенных к тому лиц, всемилостивейше соизволил одобрить основную мысль относительно пользы и своевременности привлечения местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральными учреждениями законопроектов по тем вопросам, которые признаны будут его величеством подлежащими ныне разрешению...

Подготовительные Комиссии учреждать из чинов правительственных ведомств и приглашённых, с высочайшего соизволения, сведущих, служащих и неслужащих, лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по разным отраслям государственного управления и народной жизни...

Общая Комиссия под председательством лица, непосредственно избранного высочайшею властью, составляется: а) из назначенных, по высочайшему повелению, к постоянному присутствованию в одной из комиссий; б) из выборных от губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, и от некоторых значительнейших городов; и в) из назначенных особым порядком членом от тех местностей, в коих положение о земских учреждениях не действует.

От губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, избирается в состав Общей Комиссии по одному или по два члена, сообразясь с населением губернии. Избрание предоставляется губернским земским собраниям. Члены от значительнейших городов избираются городскими думами в столицах по два, в прочих городах по одному...

Работы Общей Комиссии имеют значение совещательное. Учреждением её не изменяется существующий ныне порядок возбуждения законодательных вопросов и окончательного их обсуждения»⁷¹.

Царь сказал своим старшим сыновьям Александру и Владимиру: «Я дал своё согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идём по пути к конституции». Но путь этот виделся ему долгим, двигаться по нему предстояло его наследникам.

В тот же день в три четверти первого часа пополудни император выехал из Зимнего дворца в карете, сопровождаемой шестью конными казаками и четырьмя полицейскими в санях. По окончании развода караулов на обратном пути по набереж-

ной Екатерининского канала его ждали народовольцы Николай Рысаков и Игнатий Гриневицкий. Первая бомба повредила карету императора. Сопровождавший Александра II полицеймейстер полковник А. И. Дворжицкий рассказывал:

«Проехав после взрыва ещё несколько, экипаж его величества остановился; я тотчас подбежал к карете государя, помог ему выйти и доложил, что преступник задержан. Государь был совершенно спокоен. На вопрос мой... о состоянии его здоровья он ответил: “Слава Богу, я не ранен”. Видя, что карета государя повреждена, я решил предложить его величеству поехать в моих санях во дворец. На это предложение государь сказал: “Хорошо, только покажите преступника”. Кучер Фрол тоже просил государя сесть в карету и поехать дальше, но его величество, не сказав ничего на просьбу кучера, вернулся и направился... по тротуару, влево от него казак Мочаев, бывший на козлах его величества, за Мочаевым — 4 спешившихся казака с лошадьми. Пройдя несколько шагов, государь поскользнулся, но я успел его поддержать. Царь подошёл к Рысакову. Узнав, что преступник мешанин, его величество, не сказав ни слова, повернулся и медленно направился в сторону Театрального моста. В это время его величество был окружён с одной стороны взводом 8-го флотского экипажа, а с другой конвойными казаками. Тут я вторично позволил себе обратиться к государю с просьбой сесть в сани и уехать, но он остановился, несколько задержался, а затем ответил: “Хорошо, только покажите мне прежде место взрыва”. Исполняя волю государя, я повернулся наискось к месту взрыва, но не успел сделать и трёх шагов, как был оглушён новым взрывом, ранен и свален на землю. Вдруг среди дыма и снежного тумана я услышал слабый голос его величества: “Помоги!” Предполагая, что государь только тяжело ранен, я приподнял его с земли и тут с ужасом увидел, что ноги его величества раздроблены и кровь из них сильно струилась...»⁷²

Кто-то предложил перенести государя в ближайший дом, чтобы перевязать, но он успел сказать: «Отнесите меня во дворец... там умереть!» Казаки охраны на чьих-то санях доставили царя в Зимний дворец и на руках донесли до кабинета на втором этаже. Врач Ф. Ф. Маркус рапортовал министру императорского двора А. В. Адлербергу:

«В дежурство моё, сего 1 марта, в два часа пятнадцать минут пополудни позван был я для пособия священной особе государя императора. По немедленному моему прибытию в кабинет его величества вместе с дежурным лекарским помощником Коганом я нашёл государя императора лежащим на кровати, в полном бессознательном состоянии с полуот-

крытыми глазами, суженными, на свет не реагирующими зрачками, едва осязаемым пульсом и редким трудным дыханием. Лицо его величества было бледное, местами забрызганно кровью, челюсти судорожно сжаты. Обе голени раздроблены настолько, что представляют собою бесформенную массу, причём можно было констатировать следующее: на правой голени в верхней её трети перелом обеих костей с раздроблением во многих местах и разрывом мягких частей; на левой такое же повреждение в нижней её трети. Вышеупомянутое повреждение его величества признано мною, равно как и прибывшими после меня врачами, безусловно смертельным. Применение всевозможных возбуждающих средств оказалось тщетным, и государь император в четверть четвёртого пополудни в Бозе опочил»⁷³.

В 15 часов 35 минут с флагштока Зимнего дворца пополз вниз чёрно-жёлтый императорский штандарт. Оборвалась жизнь императора с необычным прозвищем «Освободитель». После падения династии исчезли его портреты и памятники, но его реформы остались во всех учебниках истории — досоветских, советских и постсоветских.

Успех покушения показал бессилие его организаторов: по всем губерниям России они насчитали не более пятисот надёжных людей — этого было явно мало для установления диктатуры. В провинции толпы простолюдинов избивали помещиков и интеллигентов, приговаривая: «А, вы рады, что царя убили, вы подкупили убить его за то, что он освободил нас». Правительство отвечало казнями и ссылками, наступлением на прессу. В итоге проиграли все: процесс образования гражданского общества, способного вести диалог с властью, был прерван.

Глава пятнадцатая
«НАРОДНЫЙ ЦАРЬ»

Политика Александра III была естественным последствием всего его умственного и духовного склада, которому вполне, естественно, соответствовала.

В. И. Гурко

Домашний «мопс»

Предпоследний Романов правил всего 13 лет. Его имя и дела находятся в тени, теряясь между Великими реформами отца и революциями, сокрушившими сына и всю династию. Царствование Александра III было относительно спокойным, а мощная фигура государя-«миротворца» олицетворяла могущество империи. Но за его спиной вызревали события, оказавшиеся роковыми для монархии.

Александр, родившийся 26 февраля 1845 года, был вторым сыном Александра II и Марии Александровны. Престол был предназначен его старшему брату Николаю, родившемуся в 1843 году; Александру же предстояло стать профессиональным военным — служить в гвардии, а затем занять соответствующий пост в военном ведомстве. Уже в день появления на свет он был назначен шефом Астраханского полка и зачислен в ряды гвардейских Преображенского, Лейб-гусарского и Павловского полков, а с трёх лет числился и по гвардейской конной артиллерии. В августе 1851 года карапуз-царевич надел военную форму и стоял на часах в Гатчине у памятника Павлу I.

Александра начали учить грамоте и военному делу — маршировке, ружейным приёмам, смене караула — одновременно со старшим братом. В семь лет он стал прапорщиком, в восемь — подпоручиком, а в декабре 1855 года «за успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии их величеств», был пожалован в поручики. Мальчик занимался и прочими предметами: Законом Божьим, математикой, географией, всеобщей и русской историей, русским и иностранными языками, рисованием, гимнастикой, верховой ездой, фехтованием, музыкой; в 15 лет он еженедельно проводил на уроках 46 часов.

Он отличался высоким ростом (1 метр 93 сантиметра) и недюжинной силой — пальцами гнул серебряные монеты и ло-

мал подковы. Подрос он и в чинах — в 1863 году в 18 лет стал полковником и флигель-адъютантом отца. Особых способностей к наукам «мопс» и «бульдожка» (так дома называли будущего царя) не проявлял, но интересовался историей, географией и... музыкой — неплохо играл на трубе и тромбоне. Он не любил ни немецкого, ни английского языков, блестяще владел французским, но изъясняться предпочитал на русском. По остальным предметам преподаватели нередко ставили ему оценку «недостаточно». Наставник великого князя граф Б. А. Перовский жаловался императору, что его трудно заставить «понять, что учение не должно состоять в просиживании определённого числа часов» и что «во всех предметах мы вынуждены заниматься такими вещами, которые преподаются только детям, и, следовательно, упускаем время».

Впрочем, для военного и не требовалось получать знаний больше стандартного гимназического курса. Но 12 апреля 1865 года его старший брат и официальный наследник престола Николай (по-домашнему Никса) умер, и в тот же день цесаревичем стал Александр. «Что за перемена произошла во всей моей жизни в эти часы, и какая страшная ответственность разом свалилась на мои плечи...» — вспоминал он в письме императрице спустя 27 лет. Александр Александрович получил чин генерал-майора свиты императора, был пожалован в атаманы всех казачьих войск, но к государственным делам был явно не готов. Пришлось срочно вернуться к наукам — ему читали лекции по истории (С. М. Соловьёв), праву (К. П. Победоносцев), экономике (И. К. Бабст). По наследству от брата досталась ему и невеста — датская принцесса София Фредерика Дагмара (Минни), в православии Мария Фёдоровна.

К тому времени великий князь уже успел серьёзно влюбиться во фрейлину матери Машу Мещерскую. Александр II ругал сына за «неразумие», но молодой человек был очень упрям. «Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжёлого положения и, если будет возможность, жениться на милой М. Э. Я хочу отказаться от свадьбы с *Dagmar*, которую не могу любить и не хочу... Может быть, это будет лучше, если я откажусь от престола... Я не хочу другой жены, как М. Э.», — писал он в дневнике в мае 1866 года. Императору ничего не оставалось, как использовать служебное положение: «Что же ты думаешь, — спросил он, — я по доброй воле на своём месте? Разве так ты должен смотреть на своё призвание?» — и заявил: «Я тебе приказываю ехать в Данию... а княжну Мещерскую я отошлю». Фрейлине за её встречи с наследником объявили выговор, она отбыла за границу, где вы-

шла замуж за владельца уральских заводов Павла Демидова, итальянского князя Сан-Донато.

Цесаревич отправился в Данию и в один из июньских дней 1866 года в гостиной дворца Фреденсборг попросил Дагмару стать его женой. Дневниковые записи великого князя описывают подробности этой встречи: «Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы начать с Минни разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне предлагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать и говорю ей: говорил ли с Вами король о моём предложении и о моём разговоре? Она меня спрашивает: о каком разговоре? И тогда я сказал, что прошу её руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил её: может ли она любить ещё после моего милого брата? Она ответила, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у неё. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье, говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце». В тот же день в Петербург на имя императора Александра полетела зашифрованная телеграмма: «Поздравьте и помолитесь за меня; сегодня утром мы с нею объяснились, и я счастлив...»

Помолвка состоялась 17 июня 1866 года, а венчание — 28 октября. На свадьбе Александр отказался танцевать — он вообще не отличался светскими наклонностями, не любил ни долгих церемоний, ни балов. Придворные уже стали жалеть новобрачную, доставшуюся неотёсанному бурбону, не желавшему говорить по-французски. Но брак оказался счастливым. Наследник достойно выполнил свои династические обязанности и стал отличным семьянином, не чета отцу. Александр скучал без жены, в одном из писем писал ей: «Нам с детьми очень, очень скучно и грустно без тебя, и Гатчина совершенно изменилась без твоего присутствия — здесь всё не то!» Мария Фёдоровна отвечала из Дании: «Как же это грустно и сколько ещё предстоит мучительных минут, пока я вновь тебя увижу. Но какая же это будет радость, это единственный светлый луч, озаряющий мою сегодняшнюю печаль».

У них родились шестеро детей: Николай (1868—1918), Александр (1869—1870), Георгий (1871—1899), Ксения (1875—1960), Михаил (1878—1918) и Ольга (1882—1960).

Изменилась и повседневная жизнь Александра — теперь от него (с 1868 года генерал-адъютанта и генерал-лейтенанта) требовалось присутствие на официальных встречах, на свадь-

бах и похоронах, на балах и военных смотрах, на дипломатических приёмах и заседаниях высших органов власти — Комитета министров и Государственного совета. Правда, при этом он больше слушал, чем говорил, — наследник был застенчив, да и взгляды его не во всём совпадали с отцовскими. Он, так сказать, представлял консервативную оппозицию реформам и в недавнем крепостническом прошлом видел скорее образец, чем помеху развитию страны. Военные преобразования, как и реформу судебной системы, он считал излишне демократическими, критиковал деятельность Морского министерства во главе с дядей великим князем Константином Николаевичем; осторожной политике по отношению к национальным окраинам предпочитал их русификацию.

Во внешней политике Александр II не хотел ввергать страну в войну с Турцией, а наследник и императрица полагали, что Россия не должна оставлять балканских единоверцев на расправу турецкой армии. Против войны были военный министр, министры внутренних дел и финансов; последний даже просил об отставке, не соглашаясь разрушить нестойкое бюджетное равновесие, которого он добивался более десяти лет. На совещаниях в Ливадии осенью 1876 года цесаревич выступал за активные действия и писал своему любимому наставнику Победоносцеву: «Да, бывали здесь тяжёлые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь всё вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвётся наружу».

Однако дипломатическим давлением обойтись не удалось — Россия вступила в войну. Вместе с государем на фронт отправился и цесаревич. «Саша как будущий император не может не участвовать в походе», — написал Александр II своему брату и главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Александр Александрович (к тому времени уже генерал от инфантерии) получил под командование Рушукский отряд, который должен был прикрывать главные силы от турецких контратак. Войска цесаревича находились в стороне от театра главных боевых действий, но и там тоже хватало опасности. 12 октября 1877 года Александр выехал на рекогносцировку, во время которой погиб его двоюродный брат Сергей Лейхтенбергский.

Цесаревич на войне держал себя достойно и, по словам сослуживца генерала Н. А. Епанчина, «добросовестно выполнял

свои нелёгкие обязанности; в этот период проявились особенные черты его характера — спокойствие, медлительная вдумчивость, твёрдость воли и отсутствие интриг». Свою задачу Рущукский отряд выполнил, отразив в боях у Трестеника и Мечки в ноябре 1877 года все попытки турок выйти в тыл основной армии. За «блистательное выполнение трудной задачи удержания в течение 5 месяцев превосходных сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ломе позиций» наследник получил орден Святого Владимира 1-й степени с мечами, орден Святого Георгия 2-й степени и золотую саблю с надписью «За отличное командование».

Царский сын впервые хлебнул армейского быта — жил в хижинах, где порой негде было побриться (потому и отпустил бороду, которая с его лёгкой руки вновь вошла в моду), видел смерть и раны солдат, испытал трудности со снабжением своих войск.

По возвращении он занялся другим делом — созданием Добровольного флота. В 1878 году при участии Александра Александровича было создано подконтрольное правительству Российское морское судоходное общество, основанное на добровольных пожертвованиях. На собранные три миллиона рублей общество купило три океанских парохода («Россия», «Москва» и «Петербург»), которые в военное время могли быть переоборудованы в крейсера. Они перевозили на родину русские войска из Турции, а затем совершали рейсы во Владивосток с военными и коммерческими грузами, привозя на обратном пути чай. В 1893 году Добровольный флот состоял уже из восьми пароходов.

Ещё одним увлечением цесаревича была отечественная история. В детстве он зачитывался историческими романами. «Мне приятно заявить, что “Последний Новик”, “Ледяной дом”, “Басурман”, вместе с романами Загоскина (“Юрий Милославский” и другие), были в первые годы молодости любимым моим чтением и возбуждали во мне ощущения, о которых я теперь с удовольствием вспоминаю. Я всегда был того мнения, что писатель, оживляющий историю своего народа поэтическим представлением её событий и деятелей в духе любви к родному краю, способствует оживлению народного самосознания и оказывает немаловажную услугу не только литературе, но и целому обществу», — писал он своему любимому автору Ивану Лажечникову в день пятидесятилетия его литературной деятельности.

Александр Александрович стал одним из инициаторов создания в мае 1866 года Императорского русского исторического общества и его почётным председателем. Участие цесаревича было

не формальным: заседания общества, проходившие в его резиденции — Аничковом дворце, являлись приятным занятием и отдыхом от государственных дел. В деятельности Общества участвовали выдающиеся историки С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Н. Ф. Дубровин, П. П. Пекарский, В. И. Сергеевич, И. Е. Забелин, С. Ф. Платонов, В. С. Иконников, Н. Д. Чечулин, А. Н. Попов и пр. Их усилиями была проведена огромная работа по изучению и публикации относящихся к русской истории документов XV—XIX веков из отечественных и зарубежных архивов в Сборниках Русского исторического общества (с 1866 по 1916 год вышло 148 томов). Был издан монументальный справочник — 25-томный Русский биографический словарь.

Последние, наиболее тяжёлые годы царствования Александра II принесли новые заботы и неприятности — дефицит бюджета, ухудшение положения освобождённых крестьян, покушения революционеров. «Грустное и страшно тяжёлое положение», — считал наследник в декабре 1879 года. Назрел конфликт в императорской фамилии — роман Александра II с княжной Екатериной Долгоруковой завершился тайным браком. Придерживавшийся строгих взглядов на семейную жизнь цесаревич был возмущён поступком отца и появлением «светлейших князей Юрьевских». Возникла угроза коронования новой царицы, а там, глядишь, и появления конкурента законному наследнику. Чтобы примирить сына с мачехой, Александр II даже пошёл на хитрость.

Товарищ министра государственных имуществ А. Н. Куломзин рассказывал: «В это время я застал следующие обстоятельства. Император Александр II водворил княгиню Юрьевскую, жившую прежде на особой даче около Ялты, в свой дворец, т. е. в комнаты, ранее занимаемые императрицей Марией Александровной, ибо других комнат не было; наследник, которого государь вызвал в Ливадию, не хотел ехать, и граф Лорис-Меликов, исполняя желание государя примирить их, завлёк Александра Александровича, лживо удостоверив его высочество, что княгиня во дворце не живёт. Однако раз прибыв — обратно ехать невозможно. Водворился следующий порядок. Государь имел обыкновение каждое воскресенье приглашать к столу приезжавших в Ялту министров и другого звания высших чинов, причём в одно воскресенье по правую руку государя место занимала цесаревна Мария Фёдоровна и по левую руку государя — наследник, а в следующее воскресенье цесаревич с супругою уезжали на охоту или вообще в горы, а за столом обедала княгиня Юрьевская и прибывшие были ей представляемы».

Все неурядицы в общественной и придворной жизни цесаревич связывал с ослаблением императорской власти в ходе реформ. Царь же как будто решил, наконец, предоставить обществу некоторые политические права, в том числе в соответствии с планом Лорис-Меликова дать возможность представителям от губернских земских собраний и городов участвовать в особой совещательной комиссии по обсуждению законопроектов. Однако убийство Александра II и вступление на трон его сына всё изменило.

«Глас Божий повелевает нам...»

Вокруг резиденции нового императора в Гатчинском дворце постоянно дежурили патрули. «Верхи» были охвачены паникой; бывший наставник Александра III Победоносцев уговаривал его: «Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно следить за замками и наблюдать, чтоб внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты».

Александр не был трусом, но ему пришлось встать перед трудным выбором. План Лорис-Меликова мог укрепить позиции монархии, вызвать доверие общества и нанести удар по непримиримым террористам, но мог стать и первым шагом к ограничению самодержавия, что не соответствовало мировоззрению нового императора.

Предлагаемые проекты были одобрены отцом, но он же в составленном в 1876 году завещании советовал сыну «не увлекаться модными теориями»: «...он не должен забывать, что могущество России основано на единстве государства, а потому всё, что может клониться к потрясению его единства, к отдельному развитию различных народностей, для него пагубно и не должно быть допускаемо».

«Или теперь спасти Россию и себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, — о, ради Бога, не верьте, Ваше величество, не слушайте... не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может ещё играть в двойную игру.. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведёт Вас и Россию к гибели... — умолял Победоносцев. — Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с

ним не на живот, а на смерть, железом и кровью». Председатель Комитета министров П. А. Валуев убеждал в обратном: «Россия не может идти назад и должна идти путём, указанным для всех наций в истории человечества. Но если мы стремимся водворить у себя цивилизацию Европы, то должны взять за образец не деспотизм восточных стран, а европейские учреждения. Говорят, что русское общество и русская нация не созрели ещё для самоуправления; я спрашиваю: стояла ли английская нация по развитию выше России, когда, 500 лет тому назад, она воспользовалась уже свободными учреждениями?»

Дискуссия по проекту Лорис-Меликова на заседании 8 марта с участием министров не привела к согласию — девять человек были «за», а пять — «против». Александр сказал: «Итак, господа, большинство высказалось в пользу созвания избирательного комитета для обсуждения государственных вопросов. Я согласен с большинством и желаю, чтобы указ о реформе был обнародован в честь моего отца, так как идея реформы принадлежит ему». Но сам он колебался. 21 апреля он писал Победоносцеву: «Сегодняшнее наше совещание сделало меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убеждён, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет; я не допущу... Странно слушать умных людей, которые могут серьёзно говорить о представительном начале в России... Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу».

Он выбрал свой путь: полное искоренение крамолы, установление в империи спокойствия и порядка на традиционной основе и никаких «конституционных» и либеральных глупостей. Об окончании колебаний свидетельствует письмо царя брату, великому князю Владимиру Александровичу от 27 апреля:

«Посылаю тебе, любезный Владимир, мною одобренный проект Манифеста, который я желаю, чтобы вышел 29.IV, день приезда моего в столицу. Я долго об этом думал, и министры все обещают мне своими действиями заменить Манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между тем шатание умов продолжается всё более и более и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решил обратиться к Конст. Петр. Победоносцеву составить мне проект Манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужною и полезною России. Кажется, Манифест составлен очень хорошо...»⁷⁴

Третьего апреля состоялась последняя публичная казнь в России — лидеры «Народной воли» и исполнители покушения на Александра II А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич, А. Михайлов и Н. Рысаков были повешены на Семёновском плацу.

Высочайший манифест от 29 апреля 1881 года гласил: «...посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на неё поползновений. Да ободрятся же поражённые смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род наследственной царской власти. Под сению ея и в неразрывном с нею союзе земля наша переживала не раз великия смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ея. Посвящая себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных наших служить Нам и государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — к утверждению веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России благодетелем ея, возлюбленным нашим родителем».

Надо было побеспокоиться о безопасности государя. Его покой в Гатчине оберегал стоявший там лейб-гвардии Кирасирский полк, Терский эскадрон собственного его величества конвоя и Кубанский дивизион. Для постоянной охраны его резиденций и мест пребывания была создана Сводно-гвардейская рота, которая в 1883 году развернулась в Сводно-гвардейский батальон из четырёх рот. В рамках Положения об охране его величества была образована Секретная часть дворцовой полиции из двадцати восьми стражников и агентов; в 1894 году их стало уже 129. Они проверяли всю обслугу императорских дворцов — от поломоек до высших чинов, обследовали подземные коммуникации, парки, мосты, дорожки и прочие места, где «изволит гулять его величество». Приходилось учить агентов не попадаться на глаза государю, который не любил слежки и просил, чтобы за ним не ездили во время неофициальных мероприятий: «...поездка подобных лиц ни к чему не ведёт, а, напротив, заставляет обращать внимание публики». Но царя продолжали охранять, несмотря на его жалобы. «...полиции, стражников и казаков везде слишком много. И без того тошно и невыносимо гулять и кататься при такой обстанов-

ке. Излишнее усердие портит моё удовольствие ещё больше», — в очередной раз писал Александр III начальнику охраны П. А. Черевину в марте 1894 года.

Преобразованное Министерство внутренних дел и подчинённый ему Департамент полиции учились вести работу по-новому: засылать в революционные кружки своих агентов, противодействовать пропаганде, создавать систему слежки за неблагонадёжными. Всем этим в Петербурге и Москве занимались секретно-разыскные (впоследствии охранные) отделения при канцеляриях полицмейстеров или градоначальников с секретной агентурой и сыщиками-филёрами. В 1881 году для борьбы с революционным движением было введено Положение об усиленной и чрезвычайной охране, и с тех пор до 1917 года примерно треть губерний России постоянно находилась в режиме чрезвычайного положения. Реорганизация полицейской службы и новые методы работы дали результаты — через несколько лет с боевой организацией народников было покончено.

Весной 1881 года новый министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев представил императору записку об искоренении «антиправительственных настроений, получивших широкое распространение в бюрократических сферах». Всякая критика чиновниками правительственных мероприятий признавалась недопустимой. Александр III наложил резолюцию: «Умно и хорошо составлена записка, а главное, что всё это — чистейшая правда, к сожалению».

Утром 15 мая 1883 года в Успенском соборе Кремля началась церемония коронации. В центре на помосте стояли два трона: для императора — «алмазный» царя Алексея Михайловича, для императрицы — «персидский» Михаила Фёдоровича. Император возложил на себя корону и принял из рук петербургского митрополита Исидора скипетр — знак дарованной ему Богом власти. Затем начались литургия, миропомазание, шествие императора в алтарь и причастие. По окончании молебствия хор трижды пропел «Многая лета» и императорская чета вышла из собора. В этот момент раздались колокольный звон всех московских церквей и оружейные залпы из 101 орудия. Два следующих дня венценосная чета принимала подарки от представителей разных групп российского общества, а 19 мая в Грановитой палате был дан обед для высшего духовенства и особ первых двух классов. Гостей угощали борщом, полёбкой, пирожками, паровой стерлядью, жарким из телятины, цыплят и дичи, гурьевской кашей, мороженым. Звучали тосты за здоровье государя и государыни, их наследников и всех верноподданных.

Царь-«деревенщина»

Александр III умел так грозно взглянуть на собеседников, что тех охватывал ужас. По словам хорошо знавшего его министра финансов С. Ю. Витте, царь «по наружности походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошёл бы костюм: полушубок, поддёвка и лапти; и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твёрдость, несомненно, импонировал, и... если бы не знали, что он император, и он бы вошёл в комнату в каком угодно костюме, — несомненно, все бы обратили на него внимание».

Император был цельной личностью, прямым, честным, искренним и добрым человеком, немного неловким и застенчивым (он боялся ездить верхом, стеснялся быть на виду у большого скопления народа), не любил балов и приёмов, на которых должен был присутствовать, и норовил, показавшись, тихонько уйти. Он много курил — отечественные папиросы и крепкие гаванские сигары. Очень любил русскую баню и «угощал» ею своих гостей.

На обедах в Гатчине государь был добродушен и гостеприимен, шутливо приглашал: «Господа генералы, пожалуйста к закуске» — и за столом был разговорчив. «За обедом играл придворный музыкальный оркестр, и нередко сам Государь назначал ту или другую пьесу и обращал на неё внимание других... Около биллиарда и вокруг одной из колонн расположены диваны, тут же стол и кресла. На столе появлялись графинчики с ликёрами, коньяк, кюрасо и анизет. Императрица тотчас же садилась; а государь прохаживался, разговаривая с игравшими в биллиард, или же подходил к столику с графинчиками. Сколько раз, бывало, подойдёт, нальёт вам в рюмку того или другого, большею частью кюрасо, или же спросит: “Граф, не хотите ли пердунца?” — и сам нальёт рюмочку анизету», — вспоминал флигель-адъютант граф С. Д. Шереметев.

Царь предпочитал не изысканную французскую кухню, а уху, жареную рыбу, кашу, квашеную капусту, мочёные яблоки, квас, с детства любил горячие слобные булки.

«В пище он был умерен и любил простой здоровый стол. Одним из любимых его блюд был поросёнок под хреном, а когда, бывало, езжали мы в Москву, то каждый раз обязательно подносили ему от Тестова (ресторатора. — *И. К.*) поросёнка. Вообще он охотно принимал подношения натурою. Иные подносили ему наливку, другие пастилу или хорошую мадеру, его самое любимое вино. В последние годы он особенно

пристрастился к кахетинскому “Карданаху”, который я ему доставлял. Любил он очень соус *Cumberland* и всегда готов был есть солёные огурцы. Помню, за завтраком... он спросил солёных огурцов, которых, к удивлению, не оказалось! Он был воздержан и в питье, но мог выносить много, очень был крепок и, кажется, никогда не был вполне во хмелю. В более молодые годы случалось с ним ужинать в холостом обществе или в лагере. Подавали круговую и пили “наливай сосед соседу” и пр. После похода он привык к румынскому вину *Palugay*, весьма посредственному, но выписывал его более по воспоминанию. В действительности любил он только мадеру»⁷⁵.

Как и отец, Александр любил охоту, но настоящим его увлечением была рыбалка — отдых в тишине после напряжённого рабочего дня, как правило, заканчивавшегося за полночь. В письмах императрице из Гатчины он постоянно упоминал о своих успехах: «поймал 37 штук»; «занимался до 10 часов, а потом пошли с Бярятинским на озеро ловить рыбу и поймали 49 штук, и я — двух больших язёй, одного в 4 фунта. В 2¹/₂ вернулись, закусили и легли спать»; «занимался до 10 часов и потом пошёл в последний раз на озеро ловить рыбу, но неудачно: поймали всего 13 штук, но одну большую щуку. В 2¹/₄ вернулся». Некоторые его увлечения обычно несвойственны мужчинам: он вязал крючком и даже вышивал; в фондах Гатчинского дворца-музея сохранились образцы его рукоделия.

Александр III не любил жару и предпочитал отдыхать в Финляндии, куда его привлекала именно рыбалка в шхерах и на речных порогах. Для него на озере Ляхделаhti был построен двухэтажный домик (он сохранился до нашего времени). Скорее всего, это хобби императора и породило известную байку: на сообщение министра о том, что его ждёт посол одной из европейских держав, самодержец якобы ответил: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать!»

Манеры царя также были просты — придворные и дипломаты находили, что у него «вкусы и замашки настоящей деревенщины». В царском кабинете в Гатчине стоял еловый чурбан, на котором стремившийся похудеть государь колот дрова; он ходил в штанах с заплатками, шокируя министра иностранных дел Н. К. Гирса. Равнодушие монарха к одежде и комфорту засвидетельствовал министр финансов С. Ю. Витте: «Камердинер императора Александра III Котов постоянно штопал штаны, потому что они у него рвались. Как-то раз... говорю ему: “Скажите, пожалуйста, что вы всё штопаете штаны? Неужели не можете взять с собою несколько пар панталон, чтобы в случае, если окажется в штанах дырка, дать государю новые шта-

ны?” А он говорит: “Попробуйте-ка дать... Если он наденет какие-нибудь штаны или сюртук — то конечно: пока весь по всем швам не разорвётся, он ни за что не скинет. Это для него — самая большая неприятность, если заставить его надеть что-нибудь новое. Точно так же и сапоги: подайте ему лакированные сапоги, так он вам эти сапоги за окно выбросит”».

Государь порой держал себя так, что слухи о затрещине, которую он будто бы дал тому или другому министру, казались правдоподобными. Впрочем, тот же Гирс считал, что «с ним легко говорить, но перо у него жестокое». Александр Александрович и вправду не стеснялся в выражениях, так что царские резолюции на бумагах были порой весьма обидными. «Убрать эту свинью в 24 часа», — потребовал он, узнав, что директор Департамента полиции Пётр Дурново приказал тайно обыскать квартиру бразильского поверенного в делах, чтобы изъять письма его собственной неверной любовницы. «Если бы Николай Николаевич не был бы просто глуп, я бы прямо назвал его подлецом», — охарактеризовал он в письме Лорис-Меликову родного дядю. «Какой подлец и скот Милан», — возмущался он сербским королём в письме Победоносцеву, — а лукавого германского канцлера Бисмарка мог в сердцах обозвать «обер-скотом».

По-настоящему близких людей у царя было немного — он знал цену придворным отношениям. Едва ли не самые проникновенные слова в письмах он посвящал матери и любимой лайке Камчатке: «...и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и всюду был со мной; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слёзы на глазах, вспоминая про Камчатку, ведь это глупо, малодушие, а что же делать — оно всё-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пёс может быть, и Камчатка был такой».

Для «демократичного» по облику и поведению царя самодержавие было не политическим принципом, а скорее естественным состоянием вещей, и всякое поползновение на него он воспринимал как оскорбление. «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?» — возмущённо заявил он в 1881 году.

Себя же он считал хозяином огромного дома, единолично за всё отвечающим, и оставался таким на протяжении всего царствования. Самодержец, обладавший большим чувством ответственности, ежедневно был завален неотложными делами, читал нудные и малопонятные казённые бумаги: доклады, журналы заседаний, мемории, представления, справки. Сопо-

ставление разных точек зрения, выявление рационального зерна давались ему тяжело — не хватало ни знаний, ни способностей, а лично ему неизвестным профессионалам царь не доверял. Он не любил столкновения мнений, особенно в Государственном совете, и предпочитал решать дела с глазу на глаз с министрами.

При этом он тяготился разросшейся свитой, расточительностью двора, повседневной необходимостью раздачи орденов за выслугу лет и в связи с юбилеями и пытался с этим бороться, вычёркивая фамилии из списков представленных министрами к награде. Государь требовал соблюдения порядка и от членов собственной семьи. Он не стал преследовать махеху, тем более что отец в 1880 году просил его: «Дорогой Саша. В случае моей гибели поручаю тебе мою жену и детей»; она получила достойное содержание и отбыла с детьми за границу.

Родню император держал в строгости. Закон 1886 года «Учреждение об императорской фамилии» сохранял титул великих князей только за детьми и внуками императора, правнуки же становились «князьями императорской крови» с сокращением выплат и привилегий. Денежное содержание теперь точно определялось законом в прямой зависимости от степени родства. Отпрыскам царя полагалось до совершеннолетия по 33 тысячи рублей в год, а наследнику, помимо содержания его двора, выделялось 100 тысяч. Императорские дети и внуки должны были получать по миллиону рублей при женитьбе или замужестве, правнуки — по 100 тысяч, следующее поколение — по 30 тысяч рублей. Впервые в истории доходы царской фамилии с удельных имений стали облагаться налогами.

Предпоследнего царя прозвали миротворцем. Россия при нём действительно не вела больших войн. Александр III своей миролюбивой политикой сэкономил стране около 140 миллионов рублей серебром в год. Тем не менее при Александре III была утверждена двадцатилетняя программа строительства броненосных кораблей, и он успел в конце жизни увидеть возрождённый Черноморский флот. При нём русские войска утвердились в Туркмении. В 1885 году произошло столкновение на реке Кушка между русскими и афганскими войсками во главе с английскими офицерами; летом 1894 года русские отряды отстояли от афганцев Памир — завершилось покорение Средней Азии. Англия, усмотрев в этом угрозу своим индийским владениям, угрожала России войной, однако сколотить в Европе антирусскую коалицию не смогла — Россию поддерживали Германия и Австро-Венгрия. Но германский канцлер Бисмарк видел свою страну ведущей силой Европы, а австрийская монархия не желала усиления позиций России на Балка-

нах. В 1887 году Александр III удержал Бисмарка от нападения на Францию, что привело к обострению русско-германских отношений и повышению из сторон ввозных пошлин на товары другой стороны — началась «таможенная война».

В условиях вражды с Англией, Германией и Австро-Венгрией союзником самодержавной России стала республиканская Франция. В 1891 году государь лично приветствовал французскую эскадру в Кронштадте, а на парадном обеде в Петергофе выслушал исполнение французского революционного гимна — «Марсельезы». В декабре 1893 года он утвердил секретную военную конвенцию о взаимной помощи в случае нападения Германии, Австро-Венгрии или Италии. Переориентация внешней политики позволила получить кредиты и стабилизировать финансы; французские инвестиции в русскую экономику были самыми крупными. Царь полагал, что обезопасил Россию от растущей агрессивности Германии; на самом деле он сделал шаг к будущей мировой войне.

Борьба за устои

Таким же простым был подход Александра III к сложнейшим проблемам страны, в основе которого было укрепление сословного строя и патриархальных отношений, прежде всего в деревне.

Царь желал поддержать и возродить поместное дворянство. Закон 1889 года подчинял крестьянское самоуправление земским участковым начальникам, назначенным министром внутренних дел из потомственных дворян (по четыре-пять человек на уезд). Земский начальник получил право приостанавливать и опротестовывать решения мирских сходок, утверждать и смещать представителей крестьянской администрации, штрафовать и арестовывать без объяснения причин крестьян и даже целые сходы. Он же был судьёй и имел право приказать выпороть должностных лиц из крестьян: волостного старшину, сельского старосту, членов волостного суда. Жаловаться на земского начальника крестьянин мог только в уездный съезд... земских начальников.

Закон 1886 года затруднял проведение крестьянами семейных разделов: глава семьи мог лишить хозяйственной и правовой самостоятельности взрослых сыновей. Закон от 14 декабря 1893 года запрещал крестьянам после выплаты выкупных платежей выходить со своими наделами из общины без её согласия, а также продавать и закладывать наделы, то есть не давал уйти из-под власти «мира». По мнению царя и вдохнови-

телей — обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова — эти меры должны были предохранить крестьянство от пролетаризации, а Россию — от социальной революции. Но они поворачивали страну назад — к сословности, патриархальности, опеке семьи и мира над крестьянами, характерным для дореформенного времени.

Для дворян был создан Дворянский банк, дававший ссуды помещикам на льготных условиях. Положение о найме на сельские работы (1896) предоставляло землевладельцу право требовать возврата ушедших до срока рабочих, вычитать штрафы из их зарплаты за «грубость» или «неповиновение» и даже подвергать аресту.

Хорошо знавший государя С. Д. Шереметев отмечал, что тот «подозрительно относился и не особенно сочувствовал к выборной службе», даже дворянской. В независимой от власти общественной деятельности он видел «что-то оппозиционное: не то крепостническое, не то конституционное».

Царь не мог понять, как смеют созданные его отцом земства и городские думы противоречить его администрации. «Какие же меры приняты правительством против этого безобразия?» — вопрошал он в 1884 году новгородского губернатора, жаловавшегося на земцев. Новое земское положение 1890 года сделало всесословные выборы сословными, обеспечив более половины мест в уездных земских собраниях дворянству и сократив представительство крестьянства; при этом крестьянские депутаты не избирались, а назначались губернатором.

Городская контрреформа 1892 года резко сократила количество избирателей (в Москве, например, с двадцати трёх до семи тысяч человек). Отныне избирательное право предоставлялось лишь владельцам недвижимости (в губернских городах стоимостью не менее тысячи рублей, в уездных — не менее трёхсот) и купцам первой и второй гильдий. Губернатор теперь не только надзирал за городским самоуправлением, но и имел право направлять «оние действия согласно государственной пользе».

Для перемещения и устранения слишком самостоятельных судей было устроено Высшее дисциплинарное присутствие Сената, мировые суды упразднены в тридцати семи губерниях и сохранились лишь в девяти самых крупных городах. Министр юстиции получил право «в видах ограждения достоинства государственной власти» делать любое заседание суда закрытым для публики. Отменить суд присяжных власти не решились, но законом 1889 года из его компетенции были изъяты дела по тридцати семи статьям Уложения о наказаниях.

«Что за отвращение вся эта петербургская пресса — именно гнилая интеллигенция!» — воскликнул Александр III в первый год своего царствования. «Временные правила о печати» 1882 года ввели порядок, по которому совещание трёх министров (юстиции, внутренних дел, просвещения) и обер-прокурора Синода имело право без предупреждения закрыть любое периодическое издание. В 1883 году были навсегда закрыты три газеты либерального направления — «Голос», «Страна» и «Московский телеграф», а в следующем — газеты «Русский курьер», «Восток» и издаваемый М. Е. Салтыковым-Щедриным журнал «Отечественные записки». Царь сопровождал доклады о репрессиях против печати пометами: «Очень хорошо!», «Поделом этому скоту».

В 1884 году была отменена автономия университетов и повышена в пять раз плата за обучение; для студентов вновь ввели форму и «в целях соблюдения вежливости» повелели отвечать на экзаменах не сидя, а стоя; так загонялись в оппозицию все интеллектуалы страны. Знаменитый циркуляр 1887 года запрещал принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Сам царь, узнав, что одна из осуждённых революционерок, по паспорту крестьянка, хотела дать своему сыну образование, заметил: «Это-то и ужасно: мужик, а тоже лезет в гимназию». Чтобы впредь предотвратить такие случаи, была увеличена плата за обучение и прекращены казённые субсидии для приготовительных классов.

Для народа создавались церковно-приходские школы — одноклассные (двухгодичные) и двухклассные (четырёхгодичные). В 1883 году обер-прокурор Синода Победоносцев писал Александру III: «Чтобы спасти и поднять народ, необходимо дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность». В этих школах преподавались: «1) Закон Божий (и именно: а) изучение молитв; б) Священная история и объяснение Богослужения; в) краткий Катехизис; г) церковные песни); 2) чтение церковной и гражданской печати и письмо; 3) начальные арифметические сведения». В 1884 году действовали 7554 такие школы с 153 995 учащимися. Однако на их содержание было выделено всего 55 тысяч рублей — в среднем около семи рублей на школу. Денег не хватало даже на жалованье учителям, а ещё нужно было арендовать или строить здания, покупать книги, заготавливать дрова... 40 процентов бюджета школ составляли деньги родителей и пожертвования церковных учреждений и частных лиц.

Любивший и почитавший русскую старину Александр III сам приложил руку к дизайну армейской формы, требуя «национального» покроя и практичности. Исчезли каски с плюмажами, изящные кепи, мундиры с блестящими пуговицами, цветными лацканами, уланки и ментики, сабли и палаши. Гвардейцы жаловались, что стали похожи на околоточных надзирателей. Введённая в 1881—1882 годах новая форма напоминала национальный костюм: мундир свободного покроя в виде двубортного кафтана на крючках без пуговиц и цветных лацканов, с погонами и стоячим воротником; широкие шаровары с цветными кантами; барашковая шапка с кокардой и гербом. Рядовые вместо прежних ранцев получили вещевые мешки. Форма была не элегантной, но практичной. По большому счёту император был прав — начинавшаяся эпоха военной техники и массовых армий требовала утилитарности, отмены прежних традиций и вычурных мундиров. Но после упразднения гусарских и уланских полков их офицеры, переведённые в драгуны, с обиды просили отставки, а рядовые, уходя в запас, отказывались брать «мужицкие» мундиры.

Для возрождения воинского духа и чести император утвердил 13 мая 1894 года «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», которые горячий поборник дуэли генерал А. А. Киреев назвал «великой царской милостью». Дозволяя поединки в армии (что не соответствовало уголовному законодательству), государь надеялся улучшить офицерские нравы. Если поединок назначался решением суда офицерского общества, участникам гарантировалось высочайшее помилование. В случае уклонения офицера от поединка командир полка обязан был обратиться к вышестоящему начальству с представлением о его увольнении. Всего с 1894 по 1910 год в армии по приговорам офицерского суда состоялось 322 дуэли.

В 1889 году при покупке картины Ильи Репина «Николай Мирликийский избавляет от смерти трёх невинно осуждённых» Александром III было принято решение о создании музея русского национального искусства. Но осуществил задуманное уже Николай II, подписав 13 апреля 1895 года именной указ об учреждении Русского музея императора Александра III: «Незабвенный родитель наш, в мудрой заботливости о развитии и процветании отечественного искусства, предрекзал необходимость образования в С.-Петербурге обширного музея, в коем были бы сосредоточены выдающиеся произведения русской живописи и ваяния».

При Александре III русификация приобрела характер систематической политики в отношении национальных окраин,

даже наиболее лояльных. В 1882 году идейный предводитель консерватизма М. Н. Катков писал в «Московских ведомостях»: «Россия может иметь только одну государственную нацию». В Финляндии был введён обязательный приём русской монеты, урезаны права местного сената. В Польше и Прибалтике было введено преподавание на русском языке. В 1885 году приходские школы Армянской григорианской церкви были закрыты; хотя через год эта мера была отменена, она сильно обидела армян. В 1890 году преподавание на русском языке стало обязательным в школах и духовных семинариях Грузии.

В начале царствования по стране прокатилась волна еврейских погромов. «В глубине души я всегда рад, когда бьют евреев. И всё-таки не надо допускать этого», — сказал Александр III варшавскому генерал-губернатору И. В. Гурко. «Временные правила о евреях» 1882 года запрещали им селиться в сельской местности, торговать по воскресеньям и в христианские праздники, приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья. Их выселяли в черту оседлости (только из Москвы были выселены 20 тысяч евреев); для них была установлена процентная норма в средних и высших учебных заведениях (в черте оседлости — 10 процентов, вне черты — 5, в столицах — 3 процента). В 1892 году евреям было запрещено занимать должности директоров городских общественных банков. В 1893 году в уставы бирж и кредитных обществ были внесены дополнения, в соответствии с которыми «число членов биржевого комитета из нехристиан не должно превышать одной трети общего числа членов, а председатель комитета должен быть из христиан».

Но при всей симпатии государя к старым добрым дореформенным временам вернуться к ним было невозможно — в стране происходили принципиальные социально-экономические изменения: «раскрестьянивание» мужика, «оскудение» дворянства, промышленный переворот, урбанизация. Великие реформы и экономический рывок способствовали социально-экономическому и культурному развитию национальных окраин. Охранительная политика в образовании не смогла воспитать верноподданных; гимназист Володя Ульянов как раз в это время радовал родителей успеваемостью: «Из латыни — 5, из греческого — 5», но пошёл, как известно, «другим путём».

Став императором, Александр III стремился поднять авторитет власти и добился существенных успехов: государственный бюджет, в течение многих лет остававшийся дефицитным, в период его правления был сбалансирован; за счёт внешней торговли и заграничных займов удалось накопить запасы зо-

лота, позволившие к концу XIX века ввести в России денежное обращение на системе золотого стандарта.

В 1891 году Александр III подписал рескрипт: «Повелеваю ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей целью соединить обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений». Началось строительство Транссиба, на котором одновременно было задействовано 100 тысяч рабочих. В среднем прокладывалось около 740 вёрст в год — это высокие темпы даже для современного строительства, несмотря на то, что тогда работы производились вручную, а вести дорогу приходилось по тайге и горам, пересекая большие и малые реки. Общая протяжённость железнодорожных путей на 1 января 1881 года составляла 21 226 вёрст (без Финляндии), а спустя 13 лет выросла до 33 869 вёрст.

Император любил быструю езду, за что и поплатился: в октябре 1888 года под Харьковом тяжёлый царский поезд из-за значительного превышения скорости потерпел крушение, с рельсов сошли десять вагонов. 21 человек из свиты погиб, 24 были ранены. Члены царской семьи отделались ушибами, погиб пёс Камчатка; полученные самим императором травмы поясницы, по мнению врачей, положили начало его смертельной болезни.

Строительство железных дорог дало тяжёлой индустрии мощный импульс. В 1881—1893 годах выплавка чугуна в империи увеличилась с 27,3 до 70,8 миллиона пудов, стали — с 18,7 до 59,3 миллиона, добыча угля — с 200,9 до 460,2 миллиона, нефти — с 21,4 до 337 миллионов пудов. За то же время возникли 383 акционерные компании — почти в два раза больше, чем в предыдущее десятилетие.

В индустриализацию государь вкладывал и личные средства. С 1882 по 1893 год он совершил со своего счёта в Банке Англии 31 покупку российских облигаций пятипроцентного займа 1822 года общей стоимостью 167 381 фунт стерлингов, или 1 086 303 рубля. Для российской экономики эта сумма была небольшой, но для частного инвестора весьма существенной. Главное же — царь поддерживал российские ценные бумаги на западных рынках, показывая, что они являются выгодным вложением денег.

Но вместе с промышленным подъёмом в России появился пролетариат, и «рабочий вопрос» напоминал о себе первыми массовыми забастовками. Власти пришлось реагировать: в 1882 году было запрещено использовать труд детей до двенадцати лет, а закон 1886 года регулировал правила найма и увольнения. Теперь рабочим выдавалась стандартная расчётная

книжка, запрещалось расплачиваться с ними условными знаками, хлебом или другими товарами, брать с них плату за врачебную помощь, освещение мастерских и использование орудий производства; общая сумма штрафов не могла превышать трети заработка, а перевод штрафных денег в прибыль запрещался. Для контроля за соблюдением трудового законодательства была образована государственная фабричная инспекция.

При Александре III была отменена подушная подать (1887), Крестьянский банк с 1883 года стал выдавать ссуды на покупку земли отдельным хозяевам и сельским обществам. В 1894 году для податного населения вместо разрешений на длительный (на год или полгода) отъезд вводили долгосрочные паспорта, а в своём уезде можно было передвигаться без паспорта. Закон 1883 года разрешал старообрядцам совершать «общественные моления и богослужения», заниматься промышленностью и торговлей, получать паспорта на общих основаниях, занимать общественные должности в местностях, где они составляли большинство населения, но по-прежнему запрещал благотворительную и образовательную деятельность и любые «акты публичного оказательства раскола».

Таким образом, власть пыталась укрепить патриархальное самодержавие и дворянские привилегии и одновременно была вынуждена вопреки этому проводить реформы. Трудно сказать, ощущал ли Александр III это противоречие своей политики. Однако хорошо знавший государя консервативный публицист князь В. П. Мещерский отметил характерную черту его личности: «...не подчинялся, так сказать, силе окружающей его жизни, не моделировал себя по ней». Он искренне считал, что упрочивает будущее династии и России и создаёт некие предохранительные клапаны против болезненных ударов модернизации. Однако в спокойные годы его правления сохранялись и умножались зёрна проблем, в будущем давшие всходы потрясений. Власть при Александре III утратила инициативу начатых в 1861 году преобразований, и в начале XX века она перешла к иным силам.

Царствование подошло к концу неожиданно быстро. Александр III производил впечатление сильного и здорового человека, почти никогда не болел. Но в январе 1894 года его свалила «инфлюэнца» (грипп), переросшая в пневмонию. Он не желал лечиться и лишь тогда, когда стало совсем худо, уступил требованиям врачей. Государя вылечили, но очевидцы отмечали, что он похудел, его мучила бессонница, упадок сил мешал вести обычную напряжённую работу. В августе знаменитый московский терапевт Г. А. Захарьин диагностировал у царя болезнь почек — нефрит.

Император рассчитывал поправить здоровье отдыхом — в августе он с женой и сыновьями Николаем и Михаилом в последний раз прибыл в Беловежскую пушу, чтобы поохотиться. Но и в лесной глуши не отпускали дела — по специально проложенной к царскому приезду железнодорожной ветке курьеры и фельдъегеря ежедневно доставляли целые портфели с документами. Видевшие Александра III в эти дни вспоминали: «Государь был бледен, лицо его и вся фигура похудели, выражение лица его было тоскливое, страдальческое». Он нервничал, сердился, не желал соблюдать диету. Его уговорили сменить сырой климат на мягкий крымский — но было уже поздно.

Третьего октября врачебный консилиум признал состояние Александра III безнадежным. 19 октября, за сутки до смерти, он в последний раз встал, оделся, сел за письменный стол, подписал приказ по военному ведомству — и потерял сознание. На следующий день император скончался в Ливадии от нефрита и сердечной недостаточности. Пожинать бурю досталось его сыну.

Мария Фёдоровна прожила в России более полувека. На её долю выпали трагические испытания. Свёкор Александр II скончался на её глазах в Зимнем дворце от бомбы террориста. Она пережила смерть мужа и четырёх сыновей: Александр умер в младенчестве, Георгий — в 18 лет на Кавказе от туберкулёза, Николай и Михаил погибли в 1918 году. В 1913 году был убит брат императрицы, греческий король Георг I. На протяжении всей жизни Мария Фёдоровна возглавляла Ведомство императрицы Марии и Российское общество Красного Креста. 11 апреля 1919 года она покинула Крым и через Константинополь, Мальту, Лондон возвратилась на родину, где умерла в 1928 году.

Глава шестнадцатая
ПОСЛЕДНИЙ НА ПРЕСТОЛЕ

Россия находилась в это время на вершине славы и могущества: невиданными темпами развивалась промышленность, всё более могущественными становились армия и флот, успешно проводилась в жизнь аграрная реформа — об этом времени можно сказать словами Писания: превосходство страны в целом есть царь, заботящийся о стране.

Житие Николая II

Ники и Аликс

Мало кому из российских государей выпала столь тяжкая участь, как Николаю II. Его вступление на престол породило несостоявшиеся надежды. Ему суждено было возглавить страну на переломе эпох, чего он не понимал и не принимал. Он встретил первую русскую революцию и своими руками изменил вековую «форму правления», с чем так и не смог примириться. Он вступил в Первую мировую войну, которая привела к краху династию. Свергнутый с престола, он оказался в ссылке и принял с семьёй смерть, а спустя 80 с лишним лет был причислен к лику святых.

Старший сын Александра III родился 6 мая 1868 года. Его детские годы прошли в стенах Гатчинского дворца. К великому князю был приставлен в качестве воспитателя не слишком толковый и авторитетный генерал Г. Г. Данилович, зато гувернёр-англичанин Хис не только научил воспитанника образцовому английскому языку, но и на всю жизнь приучил к спорту и здоровому образу жизни. Детство закончилось в марте 1881 года, когда неожиданно ставший наследником престола двенадцатилетний Николай стоял у гроба своего деда. Едва ли кто-то тогда мог помыслить, что ему тоже придётся встретить мученическую смерть.

Между тем занятия шли своим чередом — мальчику предстояло освоить восьмилетний гимназический курс и пятилетний курс «высших наук», включавший историю, русскую литературу, политическую экономию, право и военное дело, а также научиться обязательным для военного вольтижировке,

фехтованию, изучить военное право, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба. Отец и мать сами подбирали ему учителей и наставников из известных учёных и государственных деятелей; в их числе были юристы К. П. Победоносцев и М. Н. Капустин, экономист Н. Х. Бунге, генералы М. И. Драгомиров и Н. Н. Обручев, историк Е. Е. Замысловский, дипломат Н. К. Гирс, профессор-химик Н. Н. Бекетов. Преподаватели старались, но судить об успехах своего «студента» не могли: он слушал внимательно, но редко задавал вопросы, а они не имели права спрашивать.

После наступления в 1884 году совершеннолетия цесаревич принял присягу и поступил на действительную службу — сначала в чине поручика лейб-гвардии Преображенского полка, а затем капитаном и командиром эскадрона лейб-гвардии Гусарского полка. Его дневник тех лет содержит многочисленные сообщения вроде «пили дружно», «пили хорошо», «пили пиво и шампанское в бильярдной» и т. п. Будущий царь добросовестно подсчитал, что только за один вечер было выпито 125 бутылок шампанского, и упомянул, как «напоили нашего консула» во время путешествия по Нилу. «Перебесившись» в лучших гвардейских традициях, Николай впоследствии вёл весьма трезвый образ жизни; правда, этого было недостаточно для управления огромной страной... На службе в гвардейской конноартиллерийской бригаде наследник получил в 1892 году свой последний воинский чин полковника и вновь перешёл в Преображенский полк — на должность командира 1-го батальона.

Военная служба с полковыми учениями, празднествами и увеселениями отвечала складу его характера и была для него явно интереснее гражданской. Император же не спешил общаться взрослого сына к делам — тот всего лишь раз в неделю посещал заседания Государственного совета. Двадцатилетний молодой человек производил на государственных мужей впечатление подростка, а сам предпочитал их обществу компании офицеров. Вот только интересы его окружения были, по словам великого князя Александра Михайловича, ограничены «лошадьми, балеринами и примадоннами французского театра».

В этом кругу цесаревич встретил восходящую звезду балета Матильду Кшесинскую. Начались обмен записками, подарки, доставляемые гусарами-однополчанами корзины цветов, ночные катания на тройке, ужины в гвардейском «бараке». Впрочем, роман с «дорогой пани» развивался без скандала и был благопристойно и вовремя закончен — наследнику престола надлежало найти подходящую супругу. Среди кандидатов были принцесса Маргарита Прусская, правнучка последнего ко-

роля Франции Луи Филиппа Елена Орлеанская, сестра вюртембергской королевы. Александр III остановил выбор на «забракованной» было дочери великого герцога Гессен-Дармштадтского Алисе (она первоначально не согласилась перейти в православие). Кшесинская вспоминала:

«В один из вечеров, когда наследник засиделся у меня почти что до утра, он мне сказал, что уезжает за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, с которой его хотят сватать. Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто наследник привозил с собой свои дневники, которые он вёл изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе. Мною он был очень увлечён, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он, безусловно, горячо любил. Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и к браку — как к неизбежной необходимости. Но от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он её считал наиболее подходящей, и что к ней его влекло всё больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение»⁷⁶.

Балерина верила, что только с ней Николай был счастлив, но забыла упомянуть о том, что после его обручения отправила его невесте письмо, где чернила бывшего возлюбленного. Алиса передала листки цесаревичу, и тот сразу понял, кто их автор, рассказал невесте о прошлом романе, и та благоразумно его простила. «Малечка» же вскоре утешилась: её покровителем стал двоюродный дядя Николая великий князь Сергей Михайлович, а в 1902 году она родила ребёнка он царского кузена великого князя Андрея Владимировича.

Алиса дала, наконец, согласие на перемену веры, и помолвка состоялась. «Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! — записал в дневнике цесаревич 8 апреля 1894 года. — Я целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной приключилось!» Летом Николай ещё раз встретился с невестой в Англии. Следующее свидание было печальным — умиравший Александр III желал как можно скорее женить сына и пригласил Алису в Крым. Она прибыла за несколько дней до смерти императора, и её семейное счастье началось под панихиды по почившему государю.

Уже через неделю после погребения отца его преемник, вопреки этикету, совершил бракосочетание. «...да будет день сей светлым вестником упований народных на продолжение к нам милости Божией в наступившее новое царствование», — гла-

сил императорский манифест. Отчасти эти пожелания оправдались. «Невообразимо счастлив с Аликс, — записал новый царь в дневнике через три дня после свадьбы, — жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось бы проводить исключительно с ней!»

Николай Александрович и перешедшая в православие Алиса — Александра Фёдоровна стали на редкость счастливой парой, сохранившей искреннее чувство и даже страсть до конца жизни, о чём красноречиво свидетельствует их переписка. Императрица писала: «Ах как грустно без твоих ласк, которые для меня всё!» (октябрь 1915 года); «Прижимаю тебя к груди и держу в нежных объятиях, целую все любимые мною местечки с нежной, глубочайшей преданностью» (март 1916 года); «...так дивны воспоминания о твоей любви, нежных ласках, я так буду тосковать по ним в Царском!» (май 1916 года). Николай был более сдержан в письмах, но иногда и в них прорывалось ответное чувство. В апреле 1916 года царь писал из Ставки: «Моя любимая, я очень хочу тебя»; в мае того же года: «А я тоскую по твоим сладким поцелуям! Да, любимая моя, ты умеешь их давать! О, какое распутство!» После отъезда жены из Ставки в июле: «...я, конечно, как всегда, не успел сказать тебе и половины того, что собирался, потому что при свидании с тобой после долгой разлуки я становлюсь как-то глупо застенчив и только сижу и смотрю на тебя, что уже само по себе большая для меня радость». Письмо из Ставки 21 июля: «Бог даст, через 6 дней я опять буду в твоих объятиях и чувствовать твои нежные уста — что-то где-то у меня трепещет при одной мысли об этом! Ты не должна смеяться, когда будешь читать эти слова!»

Одним из первых законов нового царствования стало утверждение 29 апреля 1896 года бело-сине-красного национального флага. Под этими полотнищами прошла коронация императора Николая II; участникам церемонии раздавались трёхцветные нагрудные ленточки.

Торжество состоялось 14 мая 1896 года в Москве; государь был в полковничьем преображенском мундире, а его супруга — в роскошном платье из парчи (само платье весило десять килограммов и ещё 13 — мантия). Встав с трона Ивана III, Николай возложил на себя корону, затем отстоял литургию, принял миропомазание и причастие. Он почувствовал себя помазанником Божиим и поверил в счастливую будущую жизнь — «мирно-трудовую», как записал в дневнике. Древний обряд в кремлёвском Успенском соборе сочетался с новинками технического прогресса. «В 9 часов вечера, — вспоминала Матильда Кшесинская, — когда государь с императрицей вышли на балкон дворца, обращённый на Замоскворечье, императрице

был подан букет цветов на золотом блюде, в котором был скрыт электрический контакт, и как только императрица взяла в руку букет, тем самым замкнулся контакт и был подан сигнал на центральную электрическую станцию. Первой запылала тысячами лампочек колокольня Ивана Великого, и за ней заблестала повсюду в Москве иллюминация».

Однако под утро 18 мая случилась трагедия. На Ходынском поле, где должен был состояться праздник с раздачей пива, мёда и царских подарков (в набор входили сайка, пряник, полукопчёная колбаса, орехи, конфеты и эмалированная кружка с гербом), с вечера собралось до полумиллиона человек. За порядком никто не следил. В огромной толпе началась давка, а когда в шесть утра начали раздавать гостинцы, люди рванулись к киоскам и сараям с выпивкой, топча друг друга, так что, как гласил отчёт о расследовании трагедии, «трупы их за невозможностью устранить их из толпы увлекались ею к месту раздачи угощения». Схлынувшая толпа оставила сотни убитых и покалеченных; явились полиция, пожарные, примчались репортёры и фотографы, которых гнали прочь. Мёртвых и ещё живых на телегах под рогожами повезли в больницы и полицейские участки. По официальным данным, в тот день пострадали 2690 человек, 1389 из них погибли.

Николай с женой прибыли на Ходынку утром, когда следы трагедии уже убрали, и видели веселящийся народ. «Смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка всё время играла гимн и “Слався”», — записал царь в дневнике. Вечером состоялся бал во французском посольстве, где «танцы сменялись танцами, между прочим, одна кадрили была составлена почти исключительно из членов различных царствующих домов в Европе». Когда стала известна истинная картина происшедшего, царская чета посетила раненых в больницах; осиротевшим семьям император из личных средств выделил по тысяче рублей и распорядился за свой счёт похоронить погибших. Однако расследование не коснулось дяди царя — московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а козлом отпущения стал исполнявший должность московского обер-полицмейстера полковник Власовский.

Николай II вёл размеренный образ жизни, подробно описанный в его опубликованной в 1913 году биографии. Он рано вставал (в восемь, а иногда и в семь часов утра); отведывал «простой и умеренный» первый завтрак, после чего уединялся в кабинете. С десяти до одиннадцати часов предусматривалась прогулка (с любимыми собаками породы колли), если не было необходимости принимать чинов двора. В 11 царь снимал

пробу пищи полков лейб-гвардии или собственного конвоя. Далее следовали доклады, прерываемые в час пополудни обильным, хотя также «простым и скромным» завтраком. Около двух часов дня вновь начинались приёмы, продолжавшиеся час-два. Следующий час отводился прогулке, ещё час царь проводил в кругу семьи, после чего работал до восьми вечера, когда подавался поздний обед. Спать он ложился не ранее полуночи. «Не менее 10 и часто до 12 часов в сутки работает Державный Хозяин Земли Русской, — сообщалось читателям, — в том числе не менее четырёх часов один, не более семи часов спит, не более пяти-шести часов уделяет на принятие пищи и общение, в виде отдыха, с семьёй».

Последний государь был самым «спортивным» из Романовых — прекрасным наездником, игроком в теннис и бадминтон, гребцом на байдарке, гимнастом на турнике, ездил на велосипеде. Он очень любил плавать, и в 1895 году в Зимнем дворце для него был устроен железобетонный бассейн, облицованный мрамором. Бассейн с подогревом воды был сооружён в Александровском дворце Царского Села, и Николай радостно сообщал супруге: «С великим удовольствием купаюсь, полощусь и плаваю в своей новой огромной ванне». Он был неутомим в дальних пеших прогулках по Крымским горам, так что за ним не поспевали молодые флигель-адъютанты. В 1909 году он в жару прошёл по горам 40 вёрст — опробовал на себе солдатскую форму с полной выкладкой.

Царь начал использовать новое средство передвижения — автомобиль. Авто для царскосельского гаража заказывались во Франции на заводе фирмы «Делоне-Бельвиль» и назывались S. M. T. (*Sa Majesti le Tsar* — Его Величество Царь). Царский лимузин длиной 5,35 метра весил четыре тонны; шестицилиндровый двигатель имел мощность 70 лошадиных сил, а в великолепно отделанном салоне можно было стоять в полный рост. Количество автомобилей в императорском гараже росло: сначала их было девять, потом 20. Сюда поступали русско-немецкие автомобили марки «Луцкой—Даймлер» с заводов Лесснера и первые российские автомобили Русско-Балтийского завода. Среди царских машин были и трёхколёсный мотоцикл, и один из первых в мире электромобилей «Колумбия» — подарок президента Североамериканских Соединённых Штатов Теодора Рузвельта.

Летом Николай II с семьёй покидал свою резиденцию в Царском Селе; на любимой яхте «Штандарт» они плавали в финских шхерах; сходя на берег, гуляли по лесу, забирались на скалы, собирали бруснику, чернику и грибы. С 1909 года любимым местом проведения досуга стал Крым, а любимыми ви-

дами отдыха — пешие походы (памятником таких прогулок осталась шестикилометровая «солнечная тропа», ведущая от Ливадийского дворца до местечка Гаспра) и поездки в автомобилях по горным дорогам до имения «Кчук-Ламбата», ханского дворца в Бахчисарае, по местам боёв времён Крымской войны, к местам археологических раскопок.

Путешествуя, Николай II пристрастился к фотографированию; результатом этого увлечения стали десятки альбомов со снимками, запечатлевшими жизнь царской семьи; фотографии висели даже в императорском клозете Александровского дворца в Царском Селе.

Традиционным монаршим отдыхом была охота. Николай II охотился на зубров, оленей, кабанов, зайцев, фазанов и другую дичь. «...Как всегда, чувствовал себя после охоты бодрым», — записал он весной 1906 года. Он подсчитывал и фиксировал в дневнике свои охотничьи трофеи. Так, в 1895 году на охоте и «просто так» он убил 125 зверей и птиц, в 1896-м — 260, в 1904-м — 551, в 1905-м — 199, в 1906-м — 1157, в 1914-м — 246 и т. д. Когда не на кого было охотиться, царь, будучи прекрасным стрелком, палил в любую живность; по его подсчётам, за шесть лет им было застрелено 3786 бродячих собак, 6176 кошек и 20 547 ворон.

Вся страна ожидала появления на свет наследника престола, но императрица рожала девочек: Ольгу (1895), Татьяну (1897), Марию (1899), Анастасию (1901). Империя оповещалась о появлении на свет царских дочерей торжественными манифестами. Но, процарствовав почти десять лет, Николай II не имел сына, и важнейший государственно-династический вопрос не был решён. Назначенный преемником по закону младший брат Георгий в 1899 году скончался от туберкулёза, и право на трон перешло к следующему брату Михаилу. Долгожданный наследник, цесаревич Алексей, родился только в 1904 году; газеты сообщали, что «кормление наследника цесаревича самой августейшей родительницей идёт успешно». Но жизнь мальчика сразу же оказалась под угрозой — он был болен гемофилией. Малейшие ушибы и травмы приводили к кровотечению и внутренним кровоизлияниям.

Один из таких случаев произошёл в октябре 1912 года в охотничьем имении «Спала», и царь писал своей матери: «Дни с 6 по 10 октября были самые тяжёлые. Несчастный маленький страдал ужасно, боли схватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днём и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи помилуй”».

Эти печальные обстоятельства способствовали появлению у трона различных, как сказали бы сейчас, экстрасенсов и представителей нетрадиционной медицины; первым из них стал французский «магнетизёр» Филипп Низье-Вашо, последним — Григорий Распутин.

«Державный хозяин земли Русской»

Александра Фёдоровна стала главным человеком в жизни последнего царя — ей он безгранично верил. Стране повезло меньше. Судя по всему, радости от того, что к нему перешла власть над крупнейшей империей мира, Николай II не испытывал. Власть для него была скорее обузой, дела казались неинтересными и утомительными настолько, что даже чтение «всепоподаннейших докладов» председателя Совета министров он поручал другим. «Трепов для меня незаменимый своего рода секретарь. Он опытен, умён и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно; это, конечно, секрет для всех!» — писал Николай II матери в революционном 1905 году.

Молодой государь по-своему любил Россию, но сознавал, что к роли правителя подготовлен плохо. «Я ничего не знаю. Покойный государь не предвидел своего конца и не посвящал меня ни во что», — жаловался он в первые дни правления министру иностранных дел Н. К. Гирсу.

Кажется, Николай Александрович с его любовью к смотрам и церемониям и тягой к семейному уюту как никто из его предков подходил на роль конституционного монарха. Беда была не в отсутствии знаний и опыта — их можно приобрести. Настоящая трагедия Николая II состояла в том, что он оказался во главе огромной страны в кризисный период её развития, не понимая сложности требовавших срочного решения проблем и ни в какую не желая отказаться от своего права повелевать неограниченно. В начале XX столетия Россией управлял человек, мысливший себя «хозяином земли Русской» (так он написал в графе «профессия» анкеты всеобщей переписи населения 1897 года) и отцом народа. «Мы живём в России, а не в какой-нибудь республике, где министры ежедневно подают прошения об отставке, — поучал Николай в мае 1905 года министра внутренних дел А. Г. Булыгина. — Когда царь находит нужным уволить министра, тогда только последний уходит со своего поста». Всякое выражение воли помазанника Божьего, считал он, выше любого земного резона.

Вступив на престол, Николай II в речи перед представите-

лями тверского земства 17 января 1895 года подтвердил верность политическому курсу отца. В ответ на пожелания, чтобы законы в России стали обязательными для всех, права отдельных лиц и общественных учреждений охранялись, а сами они получили возможность свободно выражать своё мнение, царь ответил: «Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Образцом отношений между властью и подданными Николай считал время своего предка Алексея Михайловича и даже думал заменить придворные мундиры боярскими костюмами той эпохи. 11 февраля 1903 года в Зимнем дворце состоялся бал, на который весь цвет русской знати явился в сшитых по эскизам знаменитых художников костюмах XVII столетия, изображая бояр и боярынь, стольников, пушкарей, сокольников, посадских людей, воевод. Через два дня в концертном зале Зимнего дворца второй «большой» бал собрал около трёхсот человек. Танцы продолжались до трёх часов ночи. Но это было последнее торжественное увеселение. Много лет спустя великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Хоть на одну ночь Ники хотел вернуться к славному прошлому своего рода».

Пожалуй, в юбилейном 1913 году царю было чем гордиться: хотя Россия и не была самой богатой страной, темпы её развития впечатляли. Даже противники самодержавия не могли отрицать очевидного: за время экономического подъёма 1890-х годов выпуск промышленной продукции удвоился, была проложена 21 тысяча вёрст железных дорог, построены тысячи новых предприятий. На глазах одного поколения в повседневную жизнь вошли телефон, трамвай, электрическое освещение, кино, автомобиль, многоэтажные дома. Тот юбилейный год стал самым благополучным за 300 лет правления династии. Русская техническая и научная мысль вполне соответствовала мировому уровню. Начался Серебряный век русской культуры с новыми поэзией, живописью, архитектурой, музыкой; русский драматический, оперный и балетный театр уверенно вышел на мировые сцены.

Но вот одна маленькая, но символичная деталь: на состоявшемся 24 мая 1912 года в связи с предстоящими юбилейными празднованиями совещании у товарища министра путей сообщения Н. Л. Шукина выяснилось: некоторые мосты через

Москву-реку, Оку и Дон не выдержат веса императорского поезда; в иных местах он может проехать только с другими паровозами или со скоростью не более пяти вёрст в час или не может вообще из-за превышения допустимого давления на рельсы⁷⁷.

Так и российская действительность порой оказывалась «непроходимой» для стремительной модернизации. В XX столетие страна вступала самодержавной монархией с населением 125 миллионов человек. Управление осуществлялось 385-тысячным бюрократическим аппаратом, высшее звено которого почти целиком состояло из потомственных дворян. Крупнейшим землевладельцем была царская семья. Самодержец обладал 66 миллионами десятин кабинетских земель (3,3 процента земли в империи), лесами, заводами, рудниками; еще 7,4 миллиона десятин принадлежало его семье. Каждому члену императорской фамилии с рождения полагался капитал в миллион рублей.

Когда в 1917 году комиссия Временного правительства изучала бумаги Министерства императорского двора, то выяснилось, что на счетах бывшего царя в государственных и частных банках лежало 93,5 миллиона рублей; эти деньги, а также земли, дворцы и коронные драгоценности были весной 1917 года национализированы. От отца Николай унаследовал счёт в Банке Англии (в 1900 году на нём было 193,7 тысячи фунтов стерлингов) — на него зачислялись доходы от ценных бумаг, держателем которых был император. Но к 1917 году царские вклады в английских банках были потрачены на закупку вооружения и санитарного оборудования в годы Первой мировой войны.

В империи не было правительства в современном смысле: каждый министр назначался царём и нёс ответственность только перед ним. Не было даже точного порядка принятия законов — они могли проходить обсуждение в Государственном совете или вводиться личным распоряжением монарха.

Возлагаемые на молодого царя надежды скоро рассеялись. 13 января 1902 года в газете «Россия» появился хлёсткий фельетон писателя и критика Александра Амфитеатрова «Господа Обмановы» — обидная сатира на царскую семью, где в числе прочих был выведен и наследник родового поместья Большие Головопяты Ника-Милуша с «фантастической сумятицей в голове» и большой мечтой подарить колье любимой мадемуазель Жюли. Дерзкий автор был отправлен в Минусинск, а газета закрыта. Но тем самым власть показала, что адресаты себя узнали, а её реакция была воспринята как произвол и только добавила симпатий критикам.

В 1902 году начались массовые волнения крестьян на Украине — современные историки считают их началом «крестьянской революции» в стране. Экономические стачки рабочих перерастали в политические; в 1903-м состоялась первая всеобщая забастовка на юге страны; «беспорядки» происходили в Баку, Саратове, Вильно. При «усмирении» стачки рабочих Златоустовского завода на Урале было убито 45 человек. Вновь подняли голову разгромленные были революционные организации: возникли подпольные партии социал-демократов и социалистов-революционеров. От рук террористов погибли министр народного просвещения Н. П. Боголепов (1901), министры внутренних дел Д. С. Сипягин (1902) и В. К. Плеве (1904), уфимский губернатор Н. М. Богданович (1903), финляндский генерал-губернатор Н. И. Бобриков (1904).

Наиболее дальновидные политики, например министр финансов С. Ю. Витте, сознавали, что общественное развитие невозможно остановить репрессиями и «мерами полицейского воздействия» и необходима модернизация в политической сфере. Но манифест 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» объявил только об отмене круговой поруки в крестьянской общине, обещая реформу местной администрации и требуя соблюдения существовавших законов. Из проекта манифеста Николай II вычеркнул обещание предоставить свободу слова и совести. В 1904 году при Министерстве внутренних дел был учреждён Совет по делам местного хозяйства, к работе которого привлекались представители земств и городов — для правительства это был предел радикализма накануне революции.

В 1898 году по инициативе Николая II министр иностранных дел М. Н. Муравьёв предложил созвать международную конференцию, чтобы обсудить меры, при помощи которых можно «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья». На открывшейся в 1899 году Гагской конференции были приняты декларации о запрещении бомбардировок с воздуха населённых мест и употребления ядовитых газов и разрывных пуль и конвенция о мирном улаживании международных столкновений, учреждён первый международный арбитражный суд — Гагский трибунал.

Но вскоре сам российский император и его окружение начали авантюру на Востоке. «...взять для России Ман[ь]чжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы», — рассказывал о планах царя военный министр А. Н. Куропаткин. Николай, вопреки

мнению своих дипломатов и министра финансов Витте, ввязался в получение концессии на вырубку леса на севере Кореи и сделал участником этого бизнес-проекта статс-секретаря А. М. Безобразова своим советником по дальневосточным делам. «Личная» политика царя способствовала обострению отношений с Японией, срыву мирных переговоров и проигрышу Русско-японской войны (1904—1905). Сухопутные войска терпели поражения, военно-морская база Порт-Артур была сдана врагу, а флот разгромлен в Цусимском сражении. На фоне набиравшей силу революции военная катастрофа воспринималась как результат бездарного правления. Царь же, скрывая следы своего участия в дальневосточной авантюре, изымал бумаги о ней из личных архивов своих министров.

В июне 1905 года Николай II на встрече с германским императором Вильгельмом II на борту яхты у острова Бьёрке близ Выборга без консультации с Кабинетом министров подписал русско-германский договор о союзе, по которому стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь. Таким образом, Россия взяла на себя обязательства, противоречившие союзническим русско-французским отношениям. Хорошо ещё, что премьер Витте и министр иностранных дел Ламздорф сумели объяснить царю эту опасность; по их настоянию он направил кайзеру письмо с нереальным предложением дополнить договор декларацией о неприменении его в случае войны Германии с Францией.

1905 год начался расстрелом направлявшейся к царю демонстрации петербургских рабочих. Николай не отдавал приказа стрелять. За несколько дней до побоища он объявил министру внутренних дел Святополк-Мирскому о негласном введении осадного положения и 6 января уехал в Царское Село. Но ни он, ни остававшиеся в столице представители власти не сделали попыток предотвратить кровопролитие. Уже на следующий день на улицы и площади Петербурга вывели солдат, которые 9 января расстреляли рабочих, шедших с хоругвями, портретами царя и царицы, с пением псалмов и «Боже, царя храни!». Погибло около пятисот демонстрантов, было ранено от двух с половиной до трёх тысяч человек.

Николай II доверил свои переживания дневнику: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» Но встретился он сначала с солдатами, а затем и с отобранными полицией «благонадёжными» рабочими — 19 января: «Принял трёх раненых нижних чинов, которым дал знаки отличия Военно-

го ордена. Затем принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга, которым сказал несколько слов по поводу последних беспорядков... Вечером пришлось долго читать; от всего этого окончательно ослаб головою». Он считал, что в стране есть всего лишь «беспорядки», которые можно потушить 50 тысячами рублей, пожертвованными для раздачи вдовам и сиротам. В созданной «Комиссии для выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем» рабочие участвовать отказались.

«Государь, революция уже началась», — заявил 18 февраля Николаю II новый министр внутренних дел А. Г. Булыгин. И в тот же день с амвонов всех церквей огласили царский манифест, грозивший решительно искоренить крамолу и призывавший к борьбе с внутренними врагами, помышляющими «разрушить существующий государственный строй и вместо него учредить управление страной на началах, отечеству нашему не свойственных».

Николай II всегда шёл на уступки только под давлением обстоятельств. Так было и в августе 1905 года, когда был объявлен манифест о созыве законосовещательной Государственной думы. Но всеобщая политическая стачка в октябре охватила 120 городов России и практически прекратила железнодорожное сообщение по всей стране; бастовали даже Государственный банк и типография, где печатались правительственные документы. В деревне возникли революционные комитеты, Советы крестьянских депутатов; появились «крестьянские республики». 12 октября министры доложили царю, что военной силой для подавления «смуты» они не располагают — солдаты ненадёжны, а верные войска с Дальнего Востока доставить нельзя. Лишь после того, как высшие сановники империи во главе с Витте объяснили царю безвыходность положения, он подписал 17 октября манифест о «даровании» народу гражданских прав и законодательной Думы.

«Конституционное самодержавие»

В те дни царь Николай II был готов бежать из Петергофа за границу на германском военном корабле, но революции не хватило сил для упразднения монархии. Её результатом стала новая политическая реальность: в стране впервые появились парламент и более пятидесяти легальных политических партий, сотни профсоюзов. Разрешались — правда, под контролем полиции — съезды и собрания. Была упразднена предва-

рительная цензура для книг, восстановлена автономия университетов, сокращены рабочий день и сроки военной службы, восстановлена автономия Финляндии и разрешён выпуск газет и журналов на национальных языках. Миллионы людей впервые приобрели опыт организации, борьбы за свои права, получили возможность открыто выражать свои взгляды, потянулись к печатному слову и культуре — стали превращаться из верноподданных в граждан.

Двадцать седьмого апреля 1906 года залы Зимнего дворца заполнила пёстрая толпа. Придворные с недоумением и страхом рассматривали «гостей» в потёртых пиджачных парах, а то и в крестьянских свитках. Неловко чувствовал себя и хозяин. Николай II заявил депутатам созванной вопреки его желанию Государственной думы, что для «благоденствия государства необходимы не только свобода, но и порядок на основе права». Революция сделала невозможным возвращение к прежнему патриархальному самодержавию. Но после окончания процедуры, когда думцев отправили на пароходах по Неве в Таврический дворец, императрица-мать увидела на лице сына слёзы и услышала его обещание: «Я её создал, и я её уничтожу... Так будет».

Принятые в апреле 1906 года Основные законы Российской империи создали такое политическое устройство, определить которое затруднялись и современники, и исследователи. Бюрократы вроде С. Ю. Витте и П. А. Столыпина употребляли формулировки типа «представительный образ правления». Учёные-правоведы говорили о «думской монархии» или «особом типе монархического конституционализма». Николай II полагал: «В России, слава Богу, нет конституции» — и столь же искренне не понимал никакого народного представительства, называя его «парламентриляндией адвокатов».

Седьмая статья Основных законов гласила: «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой». Император назначал министров и председателя Совета министров, объявлял чрезвычайное положение и амнистию, осуществлял высшее государственное управление, руководил внешней политикой. Согласно статье 11, он отдавал «повеления, необходимые для исполнения законов», то есть имел право толковать законы и издавать подзаконные акты.

Законы должны были обязательно проходить через Государственную думу и Государственный совет, но никакой закон не мог «воспринять силу без утверждения государя императора». Дума рассматривала и утверждала государственный бюджет; но не могла сокращать расходы на двор, платежи по госу-

дарственным займам и все расходы, предусмотренные законами и утверждёнными штатами; таким образом, оказывались «забронированными» до 40 процентов статей бюджета. Правительство не назначалось Думой и не отвечало перед ней. Статья 87 разрешала правительству в период роспуска Думы проводить меры указами, подлежавшими утверждению на следующей думской сессии.

Половина членов верхней палаты Государственного совета назначалась царём, вторая избиралась по сословно-корпоративному принципу — от губернских земских собраний и дворянских обществ, православной церкви, биржевых комитетов, университетов. Государственный совет имел равные с Думой права и всегда мог блокировать её решения.

Выборы в Думу были непрямыми, неравными и не всеобщими: не голосовали женщины, учащиеся, военнослужащие, «бродячие инородцы» Сибири и всё население Средней Азии; губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, их помощники и полицейские; исключённые из сословных обществ по их приговорам; осуждённые по уголовным статьям. Действовала система цензов по возрасту (25 лет), оседлости (1 год), имуществу или уплачиваемым налогам. Депутаты выбирались разным количеством голосов: по курии землевладельцев (помещики с имениями не меньше 125 десятин) выборщик приходился на тысячу избирателей, по курии городских избирателей (владельцы недвижимости и торгово-промышленных предприятий) — на четыре тысячи, по курии крестьян — на 50 тысяч, а по курии рабочих — на 90 тысяч. И без того сложное избирательное законодательство на местах нарушалось не привыкшей к подобной вольности администрацией: она задерживала неугодных избирателей и кандидатов (иные явились в Петербург изпод ареста), разгоняла собрания, агитировала за правых или кассировала (признавала недействительными) выборы.

Заседания российского парламента стали модным зрелищем — за гостевыми билетами стояла очередь. Однако встретившиеся во дворце власть и народ не были готовы к совместной работе. Депутаты мыслили себя членами полновластного Учредительного собрания и в ответ на «тронную речь» царя потребовали упразднить «самовластие чиновников», отменить смертную казнь, ввести бесплатное всеобщее образование, установить ответственность министров перед Думой и отдать народу помещичьи, удельные, кабинетские (царские) и монастырские земли.

Вскоре правительство во главе с Петром Аркадьевичем Столыпиным категорически отказалось от представленных депутатами проектов решения главного для страны аграрного

вопроса, поскольку все они предусматривали принудительное отчуждение помещичьих земель. Царский манифест объявил, что «выборные от населения... уклонились в не принадлежащую им область», и распустил Думу. Но второй созыв думцев оказался ещё радикальнее. 3 июня 1907 года произошёл государственный переворот: вторая Дума была распущена и введён в действие новый закон о выборах, который, согласно предшествующим юридическим нормам, не мог издаваться без участия Государственной думы и Государственного совета. Столыпин и сам царь называли новый избирательный закон «бесстыжим». В этот день Николай II записал в дневнике: «Простояла чудная погода. Настроение было такое же светлое по случаю разгона Думы...»

Новый премьер-министр П. А. Столыпин стал последней крупной политической фигурой в окружении царя. В его планы входили не только репрессии, но и реформы, призванные «сверху» решать задачи, вызвавшие революцию. Целью аграрной реформы были сохранение помещичьего землевладения и создание в деревне слоя мелких собственников за счёт разрушения общинного землевладения. В газетных интервью (тогда общение премьера с журналистами было новинкой) он говорил: «В центре забот правительства стоит преуспевание института мелкой земельной собственности. Настоящий прогресс земледелия может совершаться только в условиях личной земельной собственности, развивающей в собственнике сознание как права, так и обязанностей».

Столыпин планировал создать бессловные волостные, уездные и губернские земства, выбираемые на основании низкого имущественного ценза, и восстановить общий мировой суд. Для рабочих он предусматривал введение страхования по болезни, инвалидности и старости, запрет использования женского и детского труда на подземных и ночных работах. Предполагалось также ввести всеобщее начальное образование и принять ряд вероисповедных законов, облегчающих переход из одной конфессии в другую. Эти реформы должны были открыть крестьянам-собственникам двери в органы местного самоуправления, дать им современную судебную систему, ослабить господство на местах дворян в лице земских начальников и предводителей дворянства.

К 1915 году из общины вышло три миллиона человек — примерно 26 процентов крестьянских хозяйств; сейчас это оценивается по-разному: и как успех, и как провал главного дела жизни Столыпина. Выходили из общины прежде всего те, кто хотел продать землю, как поступили более миллиона хозя-

ев. В хуторские фермерские хозяйства к началу войны превратилось только 200 тысяч (два процента) дворов.

Столыпин рассчитывал осуществить свои реформы за 20 лет. Но слишком самостоятельным премьером были недовольны царь и его окружение, поскольку, по их мнению, в стране уже наступило «успокоение»; в Думе против него выступили и левые, и правые: первые видели в его политике защиту помещичьей собственности, вторые — покушение на своё господство в деревне. В итоге все эти законопроекты не были реализованы; в 1912 году, уже после смерти Столыпина, были приняты в урезанном виде законы о страховании рабочих от несчастных случаев и по болезни. Сам Столыпин признавал: «...поддержат... чтобы использовать мои силы, а затем выбросят за борт». Так и случилось: он уже ждал отставки, когда в 1911 году был убит террористом при не выясненных до конца обстоятельствах.

Николай спокойно воспринял известие о гибели премьера и наиболее талантливого защитника монархии. В последние годы царствования в его окружении остались только те люди, которые безропотно выполняли его волю, подобно премьеру И. Л. Горемыкину, говорившему: «Верноподданные должны подчиняться, какие бы ни были последствия». При этом особого доверия к кому-либо из них император не испытывал и легко расставался с теми, кто служил ему в течение многих лет. Застенчивому от природы Николаю II было тяжело спорить, доказывать правоту собственных взглядов. Ему было проще «обойти» сложный вопрос, а затем заставить сделать так, как он хотел. Этот неглупый, образованный и воспитанный человек, похоже, не обладал способностью просчитывать последствия своих действий дальше, чем на один шаг, и не любил советников умнее и сильнее себя; обнаружившиеся просчёты и поражения он встречал с несокрушимым фатализмом: «На то, значит, воля Божия».

Внешне страна как будто осталась прежней. Царь отмечал торжественные юбилеи — двухсотлетие Полтавской (1909) и столетие Бородинской (1912) битв; трёхсотлетие династии (1913) — и полагал, что всё вернулось на круги своя и он любим верным народом. В незыблемости его «священных» прав его убеждали собранные толпы народа, верноподданная пресса, представители черносотенных организаций — и он верил, потому что по-другому никогда не мыслил.

В 1907 году глубоко религиозный император повелел отложить созыв Поместного собора Русской православной церкви «ввиду переживаемого ныне тревожного времени» и распустил Предсоборное присутствие, которое осмелилось поставить во-

прос об освобождении Церкви от бюрократического контроля и восстановлении патриаршества. В итоге многие церковные иерархи видели возможность освобождения только в падении или ограничении монархии в России. Даже относительно послушная Государственная дума третьего созыва вызывала у царя раздражение. Осенью 1913 года он вместе с министром внутренних дел Н. А. Маклаковым подготовил планы нового государственного переворота с роспуском Думы и дальнейшим превращением её в законосовещательное учреждение.

Но «успокоение» было кажущимся. Два с половиной предвоенных года были наполнены острейшими международными и внутривнутриполитическими коллизиями. Буквально у порога России отпыхали итало-турецкая и две Балканские войны. В 1912 году были предотвращены попытки поднять восстание на судах Балтийского и Черноморского флотов, произошло восстание солдат в Ташкенте. В юбилейном 1913 году в России бастовало около двух миллионов рабочих, а первая половина 1914-го уже напоминала 1905-й — бастовало более миллиона человек. В знак солидарности со стачкой бакинских рабочих встали предприятия столиц и других городов. После расстрела митинга на Путиловском заводе в Петербурге началась всеобщая забастовка, появились баррикады.

Приходилось увеличивать охрану царской семьи. Ещё в 1907 году Сводно-гвардейский батальон превратился в Собственный его императорского величества сводный пехотный полк из девятисот человек. Его команды постоянно сопровождали государя. Каждый раз, когда царская семья выезжала в Царское Село, производился самый тщательный осмотр дворца, парка и всех помещений. В спальне Александровского дворца на ночном столике была укреплена тревожная кнопка вызова офицеров охраны (дежурная комната находилась под спальней); ещё одна находилась в кабинете на письменном столе. А в дневниковых записях Николая II — всё то же: с кем завтракал и обедал, какая стояла погода, кто из министров был с докладом...

В «верхах» надеялись, что назревавшая война может разрешить внутренние проблемы. Но в феврале 1914 года бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в адресованной Николаю II записке доказывал, что в случае неудачного хода войны с Германией «социальная революция, в самых крайних её проявлениях, у нас неизбежна»:

«...все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социа-

листические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала чёрный (земельный. — И. К.) передел, а засим и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победённая армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надёжного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским устремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению»⁷⁸.

В марте 1914 года Николай и Александра Фёдоровна приехали в любимую Ливадию; опять начались пешие прогулки по берегу моря, теннис, поездки на «моторах». «Весна в горах ещё продолжалась. Видели в цвету сирень и глицинии», — записал царь 23 мая. Отдых был прерван визитом в Румынию, после которого 5 июня царь вернулся в столицу, не подозревая, что этот «отпуск» был последним. 12 июля после объявления Сербии австро-венгерского ультиматума состоялось заседание Совета министров под председательством самого Николая II. Министры были единодушны в нежелании кровопролития, поскольку опасались внутренних проблем. В конце заседания царь вновь поставил вопрос о роспуске Думы и превращении её в законосовещательный орган. Все присутствующие, кроме инициатора этого предложения Маклакова, возражали; министр юстиции И. Г. Щегловитов сказал императору, что в случае принятия такой меры считал бы себя изменником. Николай II счёл, что, «очевидно, вопрос надо оставить».

Он тоже боялся войны — сказал министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «...это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей». Царь пытался передать спор Сербии и Австро-Венгрии на рассмотрение Гаагского трибунала, но безуспешно. А после объявления мобилизации начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич отключил телефон, опасаясь, что государь отменит принятое решение.

«Неслыханно спокоен и величествен»

После объявления войны вышел манифест, призывавший отразить натиск врага, для чего «да будут забыты внутренние распри». Начавшаяся война вызвала патриотический подъём в стране и на время сбила волну антиправительственных вы-

ступлений. Неплохо показала себя на первых порах и армия: австро-венгерские войска были разгромлены на полях Галиции, и русское командование стало готовить наступление на Венгрию и Берлин.

Но весной 1915 года победы на Восточном фронте сменились поражениями. Обнаружилась неподготовленность страны к войне. В расчётах на краткосрочность военных действий ошиблись все воюющие страны, но возможности для исправления ошибок у них были разные. У России быстро иссякли запасы снарядов, стала ощущаться нехватка тяжёлой артиллерии и винтовок; для изготовления современной техники — например, самолётов — требовались поставки импортных деталей. Весной—летом 1915 года пришлось срочно создавать органы государственного регулирования экономики в военных условиях — Особые совещания по обороне, перевозкам, топливу, продовольствию, чтобы мобилизовать промышленность на выполнение военных заказов.

В состав Особых совещаний вошли государственные чиновники, представители Думы и общественных организаций (Всероссийского земского союза, Союза городов и Военно-промышленных комитетов), выступавших посредниками между казной и предпринимателями в заготовке амуниции и вещевого довольствия для армии и помогавших раненым и беженцам. Между прочим, эти земские и городские организации финансировались из казны, несмотря на возражения министров финансов и внутренних дел; таким образом, правительство собственными руками снабдило своих политических противников средствами для ведения пропаганды и подготовки свержения существовавшего строя.

Выпуск военной продукции удалось наладить (хотя многие технические новинки, например автоматическую винтовку, так и не смогли запустить в серийное производство). В ноябре 1916 года открылось движение на Мурманской железной дороге — последней построенной в императорской России: решение о её прокладке Николай II принял в январе 1915-го. Но оказалось, что малая пропускная способность железных дорог, находившихся к тому же в двойном подчинении (Министерства путей сообщения и Ставки), не могла обеспечить одновременно регулярное снабжение фронта и тыла и эвакуацию из областей, находившихся под угрозой захвата германской армией. Громадный рост военных расходов привёл к инфляции: в 1916 году рубль «стоил» 27 копеек. Одновременно были увеличены налоги на сахар, спички, керосин, табак и другие продукты массового спроса; в итоге уровень потребления простых обывателей в 1916 году составил 40—50 процентов от

уровня 1913 года. Сокращение «гражданского» производства и отсутствие товаров заставляли крестьян придерживать хлеб, сборы которого сократились на 20 процентов. Промышленные предприятия не получали топлива, а нехватка продовольствия, по данным Министерства внутренних дел, уже в 1915 году была отмечена в 500 из 784 городов и вызвала непривычные очереди и даже погромы магазинов. С 1916 года в тылу стали вводиться карточки на продукты.

Вновь начались забастовки с политическими требованиями; в 1915 году в них приняли участие 570 тысяч человек, в 1916-м — уже 1 миллион 170 тысяч. Летом 1915 года в Думе впервые появилась объединённая оппозиция — Прогрессивный блок, включающий все основные думские фракции; его участники требовали у Николая II создать «министерство доверия» из компетентных и ответственных чиновников, расширить права общественных организаций и местного самоуправления. Даже министры считали нужным пойти навстречу оппозиции и направили Николаю II коллективное письмо о необходимости смены курса и отставки престарелого премьера Горемыкина. Но царица в письмах мужу постоянно просила и требовала, чтобы он был твёрдым, жёстким, волевым.

«Прости меня, мой драгоценный, но ты знаешь, что ты слишком добр и мягок. Иногда хороший громкий голос и строгий взгляд делают чудеса» (4 апреля 1915 года).

«Если бы только ты мог быть строгим, мой дорогой, это так необходимо. Они должны слышать твой голос и видеть твоё неудовольствие в твоих глазах... Они (министры. — *И. К.*) должны выучиться дрожать перед тобой (10 июня 1915 года).

«Будь более автократом, моя душка, покажи себя» (14 июня 1915 года).

«Ах, мой мальчик, заставь их дрожать перед тобой. Любить тебя недостаточно. Надо, чтобы боялись огорчить тебя или причинить тебе неприятность» (22 июня 1915 года).

«...ты повелитель и хозяин России, и всемогущий Господь тебя там поставил, и они должны преклоняться перед твоей мудростью и твёрдостью» (9 сентября 1915 года).

«...покажи им (депутатам Думы. — *И. К.*) кулак... яви себя государем! Ты самодержец, и они не смеют этого забывать» (11 сентября 1915 года)⁷⁹.

Царь ответил роспуском Думы и отставкой наиболее либеральных министров.

Современные исследования массового сознания в годы Первой мировой войны показывают, что традиционный образ «батюшки-царя» уже не совпадал с понятием «Отечество».

Проигранная война с Японией и «великое отступление» 1915 года нанесли удар по престижу монархии, традиционно олицетворявшей военное могущество. Крестьянская по составу армия тяжело переносила «механическую машинную бойню» индустриальной войны, испытывала «тоску и скуку» окопной жизни и ругала «спекулянтов» и «немцев» в тылу.

Крестьяне полагали, что «царь продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землёй», «царь-картёжник проигрался в карты и вздумал войну», «царь Николай Россию промотал» или, напротив, «царь вином торговал... нагребил денег с крестьян, а германец узнал про эти деньги и, чтобы отобрать, объявил нам войну». Николая открыто ругали: «За государя же что молиться, он снарядов не запас, видно, прогулял». Мужики уже задавались вопросом: «Кто его выбирал, этого государя?» «За нашим царём последняя жизнь, — говорили крестьяне Новгородской губернии. — Пусть Германия победит, за тем царём будет лучше жить». А тверские мужики толковали: «Вот бы нам Вильгельма вместо нашего государя, а то он ничего не делает... на печи сидит». Даже меры по поддержке крестьянских хозяйств (денежные пособия солдаткам) вызывали осуждение: «Солдатским жёнам выдал книжки для получения пособия, а матери выходят дешевле жён», — поскольку матери в народном сознании имели больше прав на компенсацию. Получение пособий стало восприниматься как предательство, откуп за убитых мужей: «Солдатки за деньги продали своих мужей; им царь за них выдаёт деньги».

В отзывах крестьян самодержец представлял «шинкарём», «пробочником». «Наш царь дурак, пьяница, — утверждала молва, — гуляет, а за делами не смотрит». Не лучше выглядело в глазах простых подданных и царское семейство; мужики, в отличие от горожан и интеллигентов, не поминали Распутина, но зато явно осуждали Александру Фёдоровну и вдовствующую императрицу: «...старая государыня, молодая государыня и её дочери... для разврата настроили лазареты и их обезжуют». Ходили слухи, что дети императора — незаконнорождённые, болезнь наследника объясняли грехами царской четы, а там было недалеко и до обвинений в государственной измене. Про царицу говорили: «Наша государыня плачет, когда русские бьют немцев, и радуется, когда немцы побеждают». Даже дефицит сахара объясняли тем, что вдовствующая императрица весь его «скупила и куда-то отправила». Так образ царя становился раздражителем, лишней фигурой в картине мира большинства его подданных.

Непродуманные меры, вроде очередного призыва в армию

в 1916 году в разгар полевых работ, привели к волнениям в деревне, а мобилизация освобождённых от воинской службы среднеазиатских «инородцев» — к настоящему восстанию, с трудом подавленному через несколько месяцев. В ноябре 1916 года правительство было уже не в силах справиться с продовольственным кризисом и объявило на следующий год продразвёрстку.

Император, несмотря на попытки родных отговорить его, решил возглавить армию. «Он начал сам говорить, что возьмёт на себя командование вместо Николая (великого князя Николая Николаевича. — *И. К.*), я так ужаснулась, что у меня чуть не случился удар, и сказала ему всё: что это было бы большой ошибкой, умоляла его не делать этого, особенно сейчас, когда всё плохо для нас, и добавила, что, если он сделает это, все увидят, что это приказал Распутин. Я думаю, что это произвело на него впечатление, т. к. он сильно покраснел. Он совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране», — писала 12 августа 1915 года Мария Фёдоровна. Но, став главнокомандующим, Николай II не поддержал план Ставки по введению военной диктатуры, объединявшей в одних руках руководство тылом и фронтом с привлечением пользовавшихся общественным доверием министров.

Начался развал власти: с января 1916 года были смены три премьер-министра, четыре военных министра и шесть министров внутренних дел, 57 губернаторов и градоначальников. Император, как колоду карт, тасовал своих чиновников и в итоге назначал наиболее послушных и бесцветных. Именно в это время возросло влияние Григория Распутина. Хитрый «возжигатель дворцовых лампад» (его официальная должность) ничего не «приказывал» Николаю II — давления царь не потерпел бы, — а через фрейлину Вырубову узнавал о заботах и пожеланиях царя и царицы, никогда не перечил их намерениям, но зато на основе точной информации сообщал о видениях и Божьей воле.

Для мистически настроенной императрицы это было «божественным» подтверждением её собственных мыслей, и она учила царя, как ему надо поступать. Так, знаменитый Брусиловский прорыв летом 1916 года был остановлен Николаем II по требованию царицы (Распутину было «видение свыше»), а через два месяца она же требовала у мужа: «Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо...» Премьер-министру В. Н. Коковцову, представившему документы о том, что поведение Распутина позорит царскую семью и династию, Николай со вздохом ответил: «Владимир Николаевич! Лучше один Распутин, чем десять

скандалов в день!» Вокруг ловкого придворного «старца» группировались дельцы, светские и духовные карьеристы (например, петроградский митрополит Питирим, который, по словам императрицы, «относится к Григорию с замечательным почтением»), «пробивавшие» через него те или иные решения.

Паралич власти и дискредитация династии привели к тому, что в конце 1916 года к царю обратились консервативный Государственный совет и съезд объединённого дворянства с просьбой об устранении влияния «безответственных сил» и создании пользующейся доверием Думы. Члены царской семьи поддержали её. Великий князь Михаил Михайлович писал из Лондона 15 (28) ноября: «Я только что возвратился из Бэкингемского дворца. Жоржи (английский король Георг V. — *И. К.*) был огорчён политическим положением в России. Агенты Интеллидженс сервис, особенно очень хорошо осведомлённые, предсказывают в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдёшь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока ещё не поздно». Либеральная оппозиция во главе с лидером партии октябристов А. И. Гучковым уже помышляла о дворцовом перевороте, а убеждённый монархист В. М. Пуришкевич организовал убийство Распутина. Императрица призывала царя употребить силу. «Россия любит кнут!» — писала она 3 декабря 1916 года, а на следующий день закланала: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех... Распусти Думу сейчас же... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой». Но было уже поздно.

В царствование Николая II Россия прошла три периода развития (1894—1905, 1907—1914 и 1914—1917 годы). В начале каждого из этих витков была возможность проведения реформ, а заканчивались они революцией или близкой к ней ситуацией. Но во всех случаях царь и его ближайшее окружение отвергали сколько-нибудь последовательные реформы и тем самым делали неизбежной революцию, а себя обрекали на изоляцию. В феврале 1917 года режим Николая II некому было защищать, кроме полиции: от него отвернулись и Дума, и родственники, и военное руководство, и Церковь (27 февраля Синод отказался осудить восставших в столице).

В Петрограде всеобщая стачка перешла в восстание войск и населения, в результате которого царские министры были арестованы. Николай сначала отправил водворять порядок генерала Иванова, затем двинулся сам — но царский поезд уже не смог пробиться в Царское Село и вынужден был повернуть на Псков. Здесь в два часа ночи 2 марта 1917 года Николай под-

писал указ об «ответственном министерстве». Но он безнадёжно опоздал. Руководство Думы и Ставка уже не считали возможным продолжение его царствования. После отказа всех командующих фронтами поддержать царя он в 15 часов отрёкся от престола в пользу сына, но затем изменил решение и спустя семь часов составил акт отречения в пользу брата Михаила. В его дневнике остались записи:

«1-го марта. Среда.

Ночью повернули с М[алой] Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там! Как бедной Алике должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам, Господь!

2-го марта. Четверг.

Утром пришёл Рузский (командующий Северным фронтом. — *И. К.*) и прочёл свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко (председателем Государственной думы. — *И. К.*). По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц.-дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно моё отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев (начальник штаба Ставки. — *И. К.*) всем главнокомандующим. К 2½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот. я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Крутом измена и трусость, и обман!»⁸⁰

В Ставке он подписал бумагу: «Фронт сдал», а начальник штаба расписался: «Принял фронт. Алексеев». Прибывшая в Ставку Мария Фёдоровна 4 марта записала в дневнике, что её сын подписал манифест об отречении и «передал трон Мише»: «Ники был неслышанно спокоен и величествен в этом ужасно унижительном положении».

До сих пор идут споры, какой именно документ был подписан (или не подписан) царём; являлось ли отречение искренней жертвой с его стороны или сознательной провокацией, поскольку по закону император не мог решать судьбу наследника престола и документ, таким образом, не имел юридической силы да и адресован был не народу, а начальнику штаба. Сам Николай днём 2 марта сказал генералу Н. В. Рузскому, что приносит несчастье стране. «Если надо, чтобы я ушёл в сторо-

ну для блага России, я готов; но я опасаюсь, что народ этого не поймёт. Мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронавания. Меня обвинят казаки, что я бросил фронт». Но истинных его мыслей мы уже не узнаем. Можно только предполагать, что Николай, всегда чувствовавший себя государем, стоящим выше любого закона, и теперь едва ли задумывался о юридических тонкостях.

Возможно, он рассчитывал, что ситуация изменится, а потому поехал из Пскова не к семье, а в Ставку. Но к тому времени монархия пала. 3 марта великий князь Михаил Александрович согласился «в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства Российского», на что едва ли можно было рассчитывать. Пока же несостоявшийся преемник призвал «всех граждан державы Российской подчиниться временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облечённому всей полнотой власти». Синод в обращении к пастве не выразил сожаления ни по поводу отречения, ни даже по поводу ареста бывшего государя; так Церковь выразила своё отношение к царствованию Николая II.

Император стал «частным человеком». Он ещё думал, что ему с семьёй разрешат выезд в Англию или хотя бы в любимый Крым. Временное правительство сперва не возражало, но под давлением революционного Петроградского совета приняло решение арестовать царскую семью. Под охраной членов Государственной думы они вернулись в Царское Село.

Началась поднадзорная жизнь, поначалу довольно свободная — в пределах Царскосельского парка. Потом режим стал ужесточаться. 31 июля Романовых и обслуживавших их лиц (всего 40 человек) отправили подальше от революционного Петрограда — в сибирский Тобольск. Там их обитание в бывшем губернаторском дворце было относительно спокойным: церковные службы, чтение, уроки с Алексеем, прогулки во дворе, заготовка дров, вечерняя игра в карты и домашние спектакли. Новости об октябрьских событиях в Петрограде и Москве и падении Временного правительства бывший царь прокомментировал так: «Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Его терзало то, что «подлецы-большевики» заключили мир с Германией; получалось, что отречение было напрасным — ни успокоения, ни победы над врагом его жертва не принесла. У царя потребовали снять погоны. «Этого свинства я им не забуду!» — в сердцах записал он в дневнике.

Крестный путь

Между тем новое правительство приняло решение перевести царское семейство в Екатеринбург, чего желали и уральские большевики. 30 апреля 1918 года московский уполномоченный В. В. Яковлев сдал Николая Уральскому областному совету. Скоро вся семья собралась в печально известном доме купца Ипатьева, где для неё был установлен тюремный режим содержания. 6 мая бывший царь встретил свой пятидесятый день рождения: «...посидели час с четвертью в саду, грелись на тёплом солнышке». Комендант Ипатьевского дома и член ОблЧК Яков Юровский описал своих подопечных:

«Насколько мне удалось заметить, семья вела обычный мещанский образ жизни. Утром напиваются чаю, напившись чаю, каждый из них занимался той или иной работой: шитьём, починкой, вышивкой. Наиболее из них развиты были Татьяна, второй можно считать Ольгу, которая очень походила на Татьяну и выражением лица. Что касается Марии, то она не похожа и по внешности на первых двух сестёр: какая-то замкнутая и как будто бы находилась в семье на положении падчерицы. Анастасия самая младшая, румяная с довольно милым личиком. Алексей, постоянно больной семейной наследственной болезнью, больше находился в постели и поэтому на гулянье выносился на руках. Я спросил однажды доктора Боткина, чем болен Алексей. Он мне сказал, что не считает удобным говорить, так как это составляет секрет семьи, я не настаивал. Александра Фёдоровна держала себя довольно величественно, крепко, очевидно, памятуя, кто она была. Относительно Николая чувствовалось, что он в обычной семье, где жена сильнее мужа. Оказывала она на него сильное давление. Положение, в каком я их застал: оне представляли спокойную семью, руководимую твёрдой рукой жены. Николай с обрызгшим лицом выглядел весьма и весьма заурядным, простым, я бы сказал, деревенским солдатом.

Заносчивости в семье, кроме Александры Фёдоровны, не замечалось ни в ком. Если бы это была не ненавистная царская семья, выпившая столько крови из народа, можно было бы их считать как простых и не заносчивых людей. Девушки, например, прибегали на кухню, помогали стряпать, заводили тесто или играли в карты в дурачки или разкладывали пасьянс или занимались стиркой платков. Одевались все просто, никаких нарядов. Николай вёл себя прямо “по-демократически”: несмотря на то, что, как обнаружилось позднее, у него было в запасе не один десяток хороших новых сапог, он носил сапоги обязательно с заплатами. Не малое удовольствие представляло для них полоскат[ь]ся в ванне по несколько раз

в день. Я однако запретил им полоскат[ь]ся часто, так как воды не хватало. Если посмотреть на эту семью по-обывательноски, то можно было бы сказать, что она совершенно безобидна»⁸¹.

Николай ещё не знал, что обречён: в стране разгоралась Гражданская война, против большевиков поднялась Сибирь. 16 июля 1918 года президиумом Уралсовета было принято решение о казни. В Кремль была направлена телеграмма с просьбой дать согласие на расстрел без «пролетарского суда» одного Николая II; об убийстве царской семьи ничего не говорилось.

«Вопрос о ликвидации семьи Романовых» в ночь с 16 на 17 июля 1918 года был решён группой солдат охраны во главе с комендантом Юровским. Он подробно рассказал о том, что произошло: «Я объявил, Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ и скомандовал: “Стрелять”. Первый выстрелил я и на повал убил Николая. Пальба длилась очень долго, и не смотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от неё отскакивали. Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда наконец мне удалось остановить, я увидел, что многие ещё живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом с ним покончил, Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но, однако, это не удавалось. Причина выяснилась только позднее (на дочерях были бриллиантовые панцыри в роде лификов). Я вынужден был по очередно расстреливать каждого...» Председатель исполкома Уральского областного Совета А. Г. Белобородов 17 июля отправил в Москву телеграмму: «Передайте Свердлову что всё семейство постигла та же участь, что и главу официально семья погибнет при эвакуации».

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета признал решение о расстреле правильным. 19 июля газета «Известия» сообщила: «В последние дни столице Красного Урала Екатеринбург серьёзно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и приведено в исполнение 16 июля.

Жена и сын Николая Романова отправлены в надёжное место. Предполагалось предать бывшего царя суду... события последнего времени помешали осуществлению этого».

Тела царя, его родных и слуг побросали в грузовик и отправили в сопровождении конвоя к Верх-Исетскому заводу, откуда уже на телегах доставили к шахте у Ганиной ямы — пруда, в который откачивали воду из шахт. Одежду, выпоров из неё драгоценности, сожгли в костре. Всех убитых побросали в шахту и бросили несколько гранат; но завалить шахту не удалось, и обнажённые тела были видны на дне неглубокого колодца.

Тогда Уралсовет решил обезобразить трупы серной кислотой, сжечь что можно, а остальное бросить в шахты в окрестностях Екатеринбурга. Трупы достали и опять повезли по Московскому тракту. Ранним утром 19 июля грузовик свернул с основной дороги близ деревни Коптяки и застрял. Юровский принял решение зарыть трупы здесь же, у переезда № 184 Горнозаводской линии железной дороги. В воспоминаниях он писал, что два трупа — царевича и женщины — сожгли, «потом похоронили тут же, под костром, останки, и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копанья»; для остальных вырыли братскую могилу: «Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землёй и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранён вполне — этого места погребения белые не нашли».

Так и случилось — колчаковский следователь Н. А. Соколов не обнаружил захоронения и решил, что тела были расчленены и сожжены дотла. Но в 1979 году останки обнаружили геолог Александр Авдонин и писатель Гелий Рябов. Через десять лет Рябов опубликовал сообщения об этом в журнале «Родина». В 1991 году в захоронении нашли останки девяти человек. По заведённому в 1993 году уголовному делу в России, США и Австрии был проведён комплекс антропологических, судебно-медицинских, генетических исследований, которые доказали, что это останки членов семьи Николая II и людей из его окружения.

Эти выводы признали не все, среди несогласных было и руководство Русской православной церкви. Решение Государственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи, было отложено на два года. Происходили странные истории; например, вдова племянника Николая II Тихона Куликовского предоставила генетикам образцы крови мужа, а затем запретила публиковать получен-

ные результаты и заявила, что генотип её мужа не имеет ничего общего с генотипом предполагаемого бывшего императора, тогда как исследование крови Куликовского подтверждало близкое родство Куликовского и человека, чьи останки обнаружены под Екатеринбургом.

В начале 1998 года комиссия завершила работу, и 27 февраля правительство России приняло решение похоронить останки бывшего царя и его семьи в Екатерининском приделе Петропавловского собора Санкт-Петербурга. Накануне в Свято-Даниловом монастыре было принято определение по докладу члена Государственной комиссии митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия:

«По имевшемуся суждению Постановили:

1. Принять к сведению информацию о решениях Государственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи, от 30 января 1998 года.

2. Оценка достоверности научных и следственных заключений, равно как и свидетельство об их незыблемости или неопровержимости, не входит в компетенцию Церкви. Научная и историческая ответственность за принятые в ходе следствия и изучения выводы относительно “екатеринбургских останков” полностью ложится на Республиканский центр судебно-медицинских исследований Минздрава России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

3. Решение Государственной Комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков как принадлежащих семье Императора Николая II вызвало серьёзные сомнения и даже противостояния в Церкви и в обществе. Вместе с тем, есть основания считать, что обнаруженные останки принадлежат жертвам богоборческой власти. Известно, что многие из таких жертв были мучениками, исповедниками и страстотерпцами, которые ныне нашей Церковью причисляются к лику святых по мере установления их личностей, биографий и обретения соответствующих житийных материалов. Затянувшаяся процедура криминалистической экспертизы привела к тому, что “екатеринбургские останки” остаются без христианского погребения в течение недопустимо долгого времени.

4. В связи с этим Священный Синод высказывается в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике. Когда будут сняты все сомнения относительно “екатеринбургских останков” и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, следует вернуться к окончательному решению вопроса о месте их захоронения...»⁸²

Тем не менее 17 июля 1998 года похороны в Петропавловском соборе состоялись. Президент Борис Ельцин выступил с речью; на церемонии присутствовали члены правительства России, общественные деятели, деятели науки и культуры, более шестидесяти членов дома Романовых; но нынешний глава российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна на похороны не приехала и провела этот день с патриархом Алексием II в Троице-Сергиевой лавре. Церемония прошла фактически без участия Церкви; покойных отпевали, не называя имён: «Упокой, Господи, души усопших раб твоих, их же имена Ты Сам, Господи, веши», — что означало непризнание Церковью аутентичности погребаемых останков. В тот же день во всех храмах были отслужены панихиды по безвинно убиенным Николаю II и членам его семьи.

Несмотря на неоднократные поиски, только в 2007 году краеведы Виталий Шитов и Николай Неуймин сумели обнаружить ещё одно захоронение — в нём оказались, по выводам возобновлённого следствия, останки царевича Алексея и великой княжны Марии. «Мы полностью уверены в том, что идентификация останков царской семьи проведена на 100 % правильно», — утверждает старший следователь-криминалист Следственного комитета России Владимир Соловьёв, который с 1993 года вёл дело об убийстве членов царской семьи.

Первого октября 2008 года Верховный суд Российской Федерации признал, что бывший император, его жена и дети были подвергнуты политическим репрессиям и постановил: «...реабилитировать: Романова Николая Александровича, Романову Александру Фёдоровну, Романову Ольгу Николаевну, Романову Татьяну Николаевну, Романову Марию Николаевну, Романову Анастасию Николаевну, Романова Алексея Николаевича». Уголовное дело об убийстве было окончательно закрыто в 2011 году в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности и смертью лиц, совершивших убийство.

В 1981 году Русская православная церковь за границей канонизировала царя, его семью и всех убитых в доме Ипатьева в лике мучеников. В России же, несмотря на имевшиеся споры, государь и его близкие были причислены в 2000 году на Архиерейском соборе Русской православной церкви к чину страстотерпцев (иерархически ниже мучеников); по благословению патриарха Алексия II были написаны две разные иконы святых новомучеников — одна с царской семьёй в центре композиции, другая с крестом и Евангелием (на случай, если бы Собор постановил не канонизировать царскую фамилию).

Но пока Русская православная церковь и дом Романовых не считают «екатеринбургские останки» подлинными; найденные в 2007 году кости остаются «бесхозными»: они помещены на временное хранение в Государственный архив Российской Федерации и не востребованы ни родственниками, ни патриархией, а для захоронения их в Петропавловском соборе нужно правительственное решение.

Среди русской эмиграции первой волны и в зарубежной православной церкви прочно утвердилось мнение о «жидомасонском заговоре» и «ритуальном убийстве» царя, сожжении трупов и доставке «голов царственных мучеников» в Кремль. Найденные следователем Соколовым в 1919 году у Ганиной ямы фрагменты костей, почитаемые как святые мощи, хранятся в Брюсселе в храме Иова Многострадального, но на их исследование зарубежная церковь согласия не даёт. Великая княгиня Мария Владимировна заявляет, что стоит на точке зрения патриарха; в 2010 году она посетила Екатеринбург и Ганину яму, но не поехала на место обнаружения останков.

Однако 26 июля 2012 года патриарх Кирилл на заседании Священного синода Русской православной церкви в Киеве заявил «об очень важной информации, которая поступила к нам из Нью-Йорка и которая связана с обстоятельствами кончины царской семьи»: «Полагаю, что эти обстоятельства помогут нам определить свою позицию, в том числе и по делу так называемых екатеринбургских останков». Хочется надеяться, что в юбилейный год четырёхсотлетия восшествия на престол Романовых прекратятся, наконец, спекуляции вокруг обстоятельств гибели Николая II и наступит умиротворение по отношению к останкам семьи последнего российского императора.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Со времени падения монархии прошло около века. Почти бескровное и для многих в ту пору радостное событие скоро обернулось распадом государственного механизма. Именно фигура государя обеспечивала легитимность всех властных структур империи, которые — прежние ли губернаторы, новоиспечённые ли комиссары — без него мало что стоили. Многолетие «Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству ея» звучало в храмах всего несколько месяцев. А затем февральское отречение и судьба царской фамилии оказались отодвинуты куда более масштабными потрясениями — Гражданской войной, становлением власти Советов, ликвидацией «эксплуататорских» классов, «великим переломом» прежнего уклада жизни города и деревни. Уцелевшие Романовы стали частью российской эмиграции, но не смогли стать знаменем сплочения антибольшевистских сил. Лидеры Белого движения придерживались принципа «непредрешения», выдвинутого ещё генералом Л. Г. Корниловым: «Разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания...»

Опираясь на своё «старшинство в роде царском», двоюродный брат Николая II великий князь Кирилл Владимирович (1876—1938) в 1924 году провозгласил себя императором Всероссийским в изгнании Кириллом I и призвал своим манифестом: «...Пусть Русская Армия, хотя и называемая красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту поправленных прав Русского народа и, воскресив исторический Завет — за Веру, Царя и Отечество, восстановит на Руси былой Закон и Порядок. Заодно с Армией пусть всколыхнёт-

ся громада народная и призовёт своего Законного Народного Царя, который будет любящим, всепрощающим, заботливым Отцом, Державным Хозяином Великой Русской Земли, грозным лишь для врагов и для сознательных губителей и растлителей народа. Царь восстановит Храмы, простит заблудших, законно закрепит за крестьянами землю...»

Самопровозглашение встретило осуждение со стороны ряда членов царского дома и монархических организаций; не признал его и старейший представитель рода — бывший главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич (1856—1929), хотя сам на престол не претендовал. В вину Кириллу ставилось и признание им Временного правительства, и происхождение от матери-лютеранки (согласно Основным законам империи он мог занять престол лишь в случае отсутствия наследников, рождённых от православных браков). Только в 1929 году, после кончины Николая Николаевича и императрицы Марии Фёдоровны, о признании прав Кирилла Владимировича заявил Архиерейский синод зарубежной церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким).

После смерти Кирилла Владимировича главой Российского императорского дома, не принимая титула императора, стал его единственный сын, великий князь Владимир Кириллович (1917—1992). Он первым из Романовых посетил Россию в ноябре 1991 года по случаю возвращения Ленинграду его исторического названия. Сейчас же от имени династии выступает его дочь, великая княгиня Мария Владимировна, а наследником престола называется её сын от «равнородного» брака с принцем Францем Вильгельмом из германского императорского и прусского королевского дома Гогенцоллернов (в православии великим князем Михаилом Павловичем) Георгий Михайлович, бюрократ из брюссельских структур Евросоюза. В 1992 году великая княгиня с сыном получили российское гражданство и не раз бывали на исторической родине в качестве почётных гостей на различных мероприятиях; встречались с официальными лицами из правительства России, Совета Федерации и Думы, главами администраций регионов, епархиальными архиереями, лидерами политических партий и общественных организаций.

Страсти вокруг императорского дома не улеглись до сих пор. Его официальные представители осуждают несогласных с их первенством «эпатажных родственников» из созданного по инициативе праправнука Николая I Николая Романовича Романова «Объединения членов рода Романовых». Эта организация, куда входят большинство представителей фамилии,

считает главой царского дома именно Николая Романовича, чей титул «князя императорской крови» и претензии категорически отвергаются «Кирилловичами», именующими соперников «частной общественной организацией, не имеющей оснований в Основных государственных законах Российской империи». В ответ Николай Романович объявил в 1997 году, что «так называемый великий князь Георгий Михайлович, единственный сын принца Франца Вильгельма Прусского и княгини Марии Владимировны, является членом династии Гогенцоллернов и никакого отношения к Романовым не имеет». Околомонархическая общественность дискутирует по поводу законности прав самой великой княгини Марии: не является ли брак её отца с княжной Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской морганатическим.

Пусть желающие изучают перипетии семейных историй, тонкости толкования династического права давно не существующей империи и особенности его применения по принципу «нужда закон меняет», тем более что монархические страсти кипят преимущественно в виртуальном мире. Едва ли имеет смысл обсуждать и вопрос о «призвании» законного императора: старая патриархальная государственность, опиравшаяся на искренний монархизм подавляющего большинства подданных, не мысливших себе иной формы правления, ушла в прошлое. У страны сейчас иные и намного более серьёзные проблемы, связанные со вторым за столетие коренным переустройством всех сфер общественной жизни и вызовами модернизации и глобализации, решение которых требует национального согласия.

Что же касается восемнадцати реальных государей и государынь из династии Романовых, из очерков о которых состоит эта книга, то они были слишком разными, чтобы однозначно оценить их роль и вклад в формирование российской государственности и культуры. Последним полностью русским по крови монархом был Пётр Великий; благодаря заложенной им традиции брачной дипломатии Романовы породнились со всеми европейскими дворами; в жилах Николая II русская кровь составляла менее одного процента (впрочем, стопроцентная немка Екатерина II была великой российской государыней). Они вступали на престол в разном возрасте: Иван Антонович оказался на нём двухмесячным младенцем, а Павел Петрович долгих 35 лет оставался наследником. «Долгожителем» на троне был Пётр I (42 года) — правда, ставший царём в десятилетнем возрасте; меньше всех — полгода — правил его внук Пётр III. Некоторые заплатили за корону жизнью: Иван VI провёл в заключении 23 года и был убит при по-

пытке его освобождения, Пётр III и его сын Павел пали от рук заговорщиков, Александр II стал жертвой покушения террористов, Николай II расстрелян по решению Уральского совета.

Однако большинство из тех, кто реально правил, обладали «чувством власти», которое позволяло удержать её даже в дамских руках и проводить порой весьма болезненные преобразования. Отсутствие в России XVII—XIX веков прочных сословных структур, неразвитость общественной жизни и господство «личного начала» («преобладание в государственном управлении частнопроводных элементов» — определяли это явление отечественные правоведы) предоставляли монархам известную независимость, которую они при желании могли использовать для проведения серьёзных реформ, как это сделали Пётр I, Екатерина II, Александр II. Не случайно А. С. Пушкин сказал в 1836 году, «что правительство всё ещё единственный европеец в России».

Но эти же особенности, в сочетании с исторически обусловленной необычайно высокой концентрацией власти в руках государей, делали их политику менее предсказуемой по сравнению с мерами их западноевропейских коллег. «Отсутствие общего плана и недостаток выдержки всегда составляли самую слабую сторону русской политической деятельности и главную причину безуспешности её. Ближайшие примеры — Польша, Балтийский край, реформы Александра II и проч. и проч. Та же слабая сторона и в нашей политике внешней. Сегодня одно веяние, завтра другое», — подчёркивал эту специфику российской власти министр и учёный Д. А. Милютин.

Конечно, русские цари осознавали ответственность за свои дела перед Богом, и для них это являлось высшей формой ответственности. Но проверить соответствие своих убеждений реальности им было трудно, ибо их окружали весьма разные, но равно зависимые от их воли персоны. Модернизация экономики и социальной структуры почти не касалась высшего эшелона управления: к началу XX столетия в России не появилось не только какого-либо представительного органа или единого Кабинета министров, но даже чётко выработанной процедуры законодательства. Историки не раз пытались ответить на вопрос, что в эпоху Великих реформ Александра II помешало «увенчанию здания»; в числе причин назывались и «николаевское наследие», и «самодержавный инстинкт, многовековой опыт абсолютной монархии».

Этот опыт давал государю возможность порой ломать прежнюю традицию, но он же порождал неспособность поставить себя в правовые рамки, пренебрежение к «законодательным путям», которые не раз ставили монархию под удар. За-

кон Петра I о престолонаследии (1722) породил «эпоху дворцовых переворотов». Вопреки порядку престолонаследия, установленному Павлом I (1797), Александр I своим завещанием назначил императором брата Николая; Александр II вступил во второй,morganaticкий, брак с Е. М. Долгоруковой, чем вызвал опасения за судьбу престола и конфликты в царской семье. До начала XX века сохранялось ничем не ограниченное прямое участие государя в управлении. Беззаконными оставались и основанные на «особом доверии государя» полномочия главных представителей власти на местах — генерал-губернаторов.

Чтобы контролировать такой механизм, нужна была сильная воля. В слабых руках он был опасен. На рубеже XIX—XX веков это привело к утрате монархией лидерства в процессе обновления страны; при этом «бюрократическая придворная стена, отделяющая царя от России» (выражение из анонимного письма Николаю II), заслоняла главу государства от общественных сил, пытавшихся повлиять на него, при этом оставляла в неприкосновенности влияние придворной камарильи. Политические потрясения и мировая война с вызванными ею общественными сдвигами увеличили отчуждение верховной власти от общества и в итоге привели династию к краху.

Другое дело, что разочарование в Николае II не означало принципиального отказа от патерналистских представлений о власти и сильном правителе, который должен опекать подданных и покровительствовать им. Даже в современной российской действительности политологи отмечают тенденции «реконструкции традиционной для России политической организации», выраженные прежде всего в концентрации и персонализации власти и в определяющей роли «личных отношений, персональных и групповых неофициальных связей» в становлении и функционировании новых государственных учреждений. Сохраняется (и даже усиливает свои позиции) бюрократия с весьма размытыми представлениями о законности и границах своих полномочий, по-прежнему считающая залогом успешной карьеры исполнительность и личную преданность. Благополучно дожили до начала XXI века патронажно-клиентские отношения в политике, опирающиеся не только на прежние традиции, но и на характерный тип массового сознания. Как сказал в своё время В. О. Ключевский, «в нашем настоящем слишком много прошедшего»...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Шмидт С. О.* Средневековье в государственном строе России // Материалы международной научной конференции «Государственное управление: история и современность» (Москва, 29—30 мая 1997 г.) / Под ред. В. А. Кувшинова. М., 1998. С. 11—12.

² См.: *Лобашкова Т. А.* Дом Романовых: Биобиблиографический иллюстрированный указатель. М., 2008.

³ Цит. по: *Морозов Б. Н., Станиславский А. Л.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории (далее — ВИ). 1985. № 5. С. 89—96.

⁴ Городские восстания в Московском государстве XVII в.: Сборник документов. М.; Л., 1935. С. 73—75.

⁵ Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М., 1997. С. 288—289.

⁶ Цит. по: *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 т. Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 321—322.

⁷ Цит. по: *Вагеманс А.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 192—193.

⁸ Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 82.

⁹ Пётр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 128—129, 131—132.

¹⁰ Петровский сборник, изданный «Русской стариной». СПб., 1872. С. 81.

¹¹ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 445—446.

¹² Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 5. № 2943.

¹³ *Вильбуа Ф.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1992. № 1. С. 142—143.

¹⁴ Походный журнал 1725 г. СПб., 1855. С. 9—11.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 2. Оп. 1. № 21. Л. 2—5. Ср.: ПСЗРИ. Т. 7. № 5070.

¹⁶ См.: *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Т. 1. С. 212, 235, 245, 275—277, 282, 289, 291, 299—300, 308—309, 311.

¹⁷ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. Т. 4. С. 88—89.

¹⁸ Цит. по: *Курукин И. В., Плотников А. Б.* 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 118—120.

¹⁹ Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С. 156—157.

²⁰ Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семёну Андреевичу Салтыкову 1732—1742 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1878. Кн. 1. С. 35, 66, 138.

²¹ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 998. Л. 12—13; № 860. Л. 2—165 об.; № 1069. Л. 3—11.

²² Цит. по: *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 1999. С. 200.

²³ Именные указы императрицы Елисаветы Петровны // Исторический вестник (далее — ИВ). 1880. № 10. С. 410.

²⁴ Императрица Елизавета Петровна и её записочки к Василию Ивановичу Демидову // Русский архив (далее — РА). 1878. № 1. С. 12.

²⁵ [*Фавье Ж. Л.*] Русский двор в 1761 г. // Русская старина (далее — РС). 1878. № 9. С. 192.

²⁶ Цит. по: *Нивьер А.* Автобиографическое письмо Ивана Ивановича Шувалова // Философский век. Вып. 8. СПб., 1998. С. 190—193.

²⁷ [Фавье Ж. Л.] Указ. соч. С. 188—189.

²⁸ Цит. по: *Лиштенан Ф. Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и Война за австрийское наследство. 1740—1750. М., 2000. С. 295—296.

²⁹ Екатерина: Путь к власти / Я. Штелин, Мизере, Т. Димсдейл, М. Д. Корберон. М., 2003. С. 61—62.

³⁰ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737—1796: В 2 т. Тула, 1988. Т. 1. С. 356—357.

³¹ Указ Петра III Святейшему Синоду о соблюдении правосудия. 16 марта 1762 г. // РС. 1872. № 11. С. 567—568.

³² Фридрих II и Пётр III. 1762 // РС. 1871. № 3. С. 306—307.

³³ Из записок Штелина, бывшего библиотекаря Петра III // Публ. Я. К. Грога // РА. 1890. № 12. С. 554—555.

³⁴ Манифесты по поводу восшествия на престол Екатерины II // Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. 4. С. 224.

³⁵ Цит. по: *Лиштенан Ф. Д.* Указ. соч. С. 296—297.

³⁶ Манифесты по поводу восшествия на престол Екатерины II. С. 218—222.

³⁷ Цит. по: *Редкин А. П.* Граф Джон Бекингхэмшир при дворе Екатерины II (1762—1765 гг.) // РС. 1902. № 2. С. 442—443.

³⁸ Письмо из Арзамаса от 19 сентября 1774 г. // РС. 1874. № 7. С. 617—618.

³⁹ Собственноручные записочки императрицы Екатерины II к С.-Петербургскому обер-полицеймейстеру Н. И. Рылееву // ИВ. 1881. № 2. С. 464—465.

⁴⁰ Обращения решений Екатерины II-й на всеподданнейшие просьбы. 1788 // РА. 1864. С. 412.

⁴¹ Цит. по: *Шумигорский Е.* Императрица Екатерина II в начале царствования Петра III // РС. 1899. № 4. С. 28.

⁴² Письма императрицы Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому (1775—1777) // Русский исторический журнал. Кн. 5. Пг., 1918. С. 244, 247, 249.

⁴³ Журнал высочайшего путешествия её величества государыни императрицы Екатерины II самодержицы Всероссийской в полуденные страны России в 1787 году. М., 1787. С. 77—78, 80.

⁴⁴ Записка императрицы Екатерины II «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства». 1792 г. (август—сентябрь) // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 284—288.

⁴⁵ Воспоминания Н. П. Брусилова // ИВ. 1893. № 4. С. 56—57.

⁴⁶ РА. 1878. Кн. 3. С. 41.

⁴⁷ Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича // РА. 1869. № 1. С. 30—32.

⁴⁸ *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск, 1982. Т. 1. С. 127—129.

⁴⁹ Собственноручное императора Павла означение для памяти его о бывшем его разговоре 12-го мая 1783 года с государынею матерью его о занятии Крыма и о выборе короля Станислава Понятовского в наследники короля польского // РС. 1873. № 11. С. 651—653.

⁵⁰ Из рассказов о старине кн. П. П. Лопухина, записанных кн. А. Б. Лобановым-Ростовским в 1869 г. // *Шильдер Н. К.* Император Павел I. М., 1896. С. 531—532.

⁵¹ ПСЗРИ. Т. 24. № 17909.

⁵² Император Павел Петрович и его время // РС. 1884. № 2. С. 372—373.

⁵³ Автобиографические заметки графа Аракчеева // РА. 1866. С. 923—924.

⁵⁴ Письма императора Павла к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову 1-му // РС. 1872. № 9. С. 409—410.

⁵⁵ *Головкин Ф. Г.* Двор и царствование Павла I. М., 1912. С. 183—184.

⁵⁶ Император Павел Петрович. 1754—1801. Высочайшие повеления и указы Санкт-Петербургским военным губернаторам 1797—1801 // РС. 1872. № 5. С. 374.

⁵⁷ Извлечения из мемуаров графа Беннигсена // Царевичество 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 147—148.

⁵⁸ Цит. по: Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи: Герцен и Огарёв против барона Корфа. М., 1994. С. 310—311.

⁵⁹ Время Павла и его смерть: Записки современников и участников события 11-го марта 1801 года. М., 1908. С. 176—177.

⁶⁰ Переписка императора Александра II с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной // РС. 1911. № 1. С. 133—138.

⁶¹ Высочайший рескрипт Д. П. Трошинскому. 5 августа 1816 г. // РС. 1895. № 8. С. 134.

⁶² Фредро П. Н. «Ни разу моё сердце не раскрылось...»: Отрывки из воспоминаний // Наше наследие. 2001. № 59—60. С. 178—199.

⁶³ Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие // Кудряшов К. В. Александр I и тайна Фёдора Козьмича. Пг., 1923. С. 78—79.

⁶⁴ Воспоминания баронессы М. П. Фредерикс // ИВ. 1898. № 2. С. 144—145.

⁶⁵ Список 93-х лиц отставных чиновников, обративших на себя внимание высшей полиции по предосудительному поведению // РС. 1885. № 11. С. 396—397.

⁶⁶ Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001. С. 122.

⁶⁷ Русский костюмированный бал в Москве в 1849 г. // РС. 1883. № 3. С. 718—719.

⁶⁸ Отроческое сочинение императора Александра Николаевича // РА. 1891. № 12. С. 614.

⁶⁹ Письмо сельского конторщика. 25 сентября 1861 г. // РА. 1897. № 9. С. 136—137.

⁷⁰ О всеподданнейших отчётах в царствование Александра Николаевича // РА. 1911. № 10. С. 308—309.

⁷¹ Документы, относящиеся к 1881 году // РА. 1916. № 1. С. 23—25.

⁷² Дворжицкий К. А. 1 марта 1881 года // ИВ. 1913. № 1. С. 128.

⁷³ Медицина и императорская власть в России: здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX в. М., 2008. С. 96—97.

⁷⁴ Цит. по: «Не допущу ограничений самодержавной власти» // Источник. 1999. № 2 (38). С. 43.

⁷⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 448.

⁷⁶ Кнессинская М. Воспоминания. М., 2004. С. 48.

⁷⁷ См.: Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). М., 2009. С. 78.

⁷⁸ Дурново П. Н. Грядущая катастрофа: Размышления о внешней политике России // Новое время. 1994. № 27. С. 58—60.

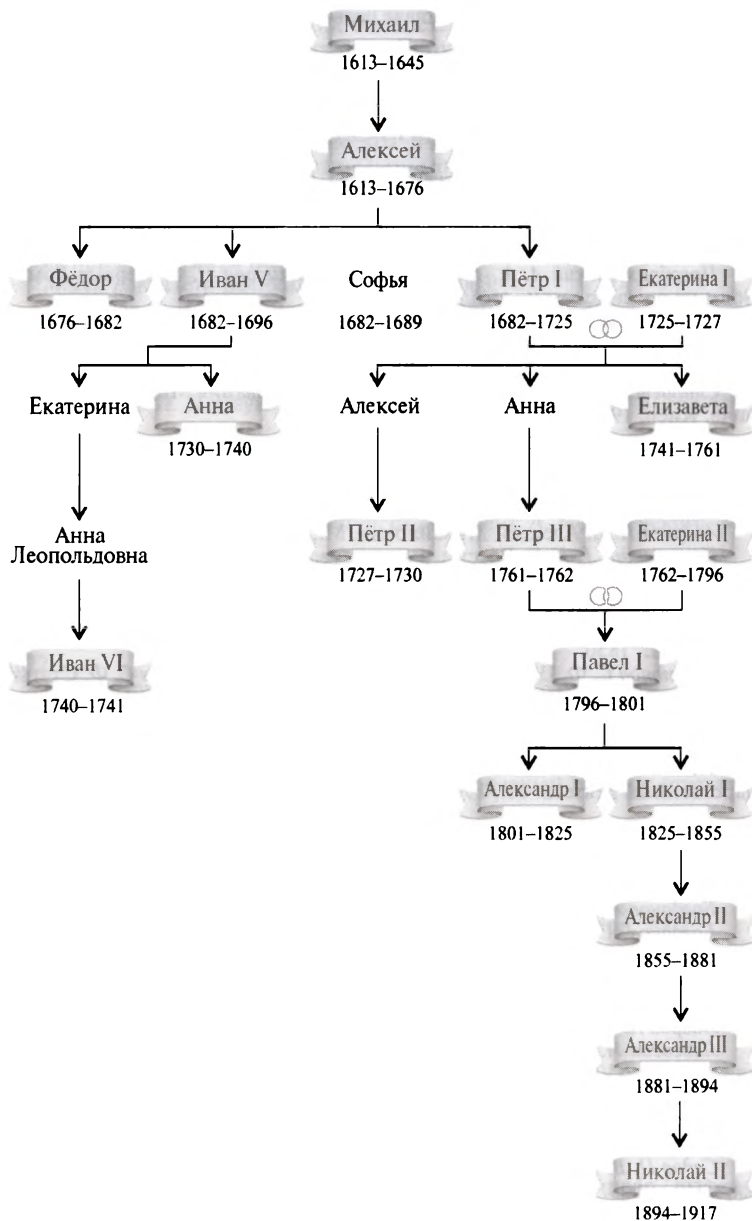
⁷⁹ Письма императрицы Александры Фёдоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922. Т. 1. С. 84, 117—118, 129, 147, 213.

⁸⁰ Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 625.

⁸¹ Юровский Я. М. Исповедь палача // Родина. 1993. № 1. С. 188—189.

⁸² Цит. по: <http://www.mospat.ru/archive/sr260281.htm>

Царствовавшие представители дома Романовых

БИБЛИОГРАФИЯ

К главе первой

Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича. СПб., 1913.

Козляков В. Н. Михаил Фёдорович. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Фёдоровича. М., 2005.

Платонов С. Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русско-историческую литературу. СПб., 1913.

Платонов С. Ф. Московское царство при первых Романовых. СПб., 1906.

Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2000.

Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М., 2005.

Соловьёв С. М. Обзор царствования Михаила Фёдоровича Романова. СПб., 1859.

Шташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. Ч. 1.

К главе второй

Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Предисл. Г. А. Леонтьевой. М., 2000.

Мартынова М. В. Регалии царя Алексея Михайловича. М., 2004.

Переписка царя Алексея Михайловича с боярином князем Н. И. Одоевским. М., 1850.

Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович // *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912.

Собрание писем царя Алексея Михайловича. С приложением «Урядника сокольничьего пути». М., 1858.

Талина Г. В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996.

К главе третьей

Богданов А. П. В тени великого Петра. М., 1998.

Богданов А. П. Летописные известия о смерти Фёдора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 197—206.

Замысловский Е. Е. Царствование Фёдора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1.

Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.

Лебедева И. Н. Личная библиотека царя Фёдора Алексеевича // Книга в России XVIII — середины XIX века: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989. С. 84—92.

Седов П. В. Детские годы царя Фёдора Алексеевича // Святая Русь. СПб., 1995. С. 77—93.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.

Хьюз Л. Царевна Софья: 1657—1704 / Пер. с англ. СПб., 2001.

К главе четвёртой

- Анисимов Е. В.* Петербург времён Петра Великого. СПб., 2010.
- Анисимов Е. В.* Пётр Великий: личность и реформы СПб., 2009.
- Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Л., 1982.
- Богословский М. М.* Пётр I: Материалы для биографии: В 5 т. М., 1940—1948.
- Бумаги императора Петра I. СПб., 1873.
- Бушкович П.* Пётр Великий: борьба за власть: (1671—1725). СПб., 2008.
- Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М., 1945.
- Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957.
- Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. СПб., 2003.
- Зицер Э.* Царство Преображения: священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.
- Масси Р. К.* Пётр Великий: В 2 т. СПб., 2003.
- Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
- Наумов В. П.* Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010 (серия «Живая история»).
- Павленко Н. И.* Пётр Великий. М., 1998.
- Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862.
- Пётр Великий в его изречениях. СПб., 1910.
- Пётр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 года). СПб., 1894.
- Пётр I. Избранное / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Каменского. М., 2010.
- Письма и бумаги Петра Великого: В 13 т. СПб.; М., 1887—2003.
- Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, оставленное А. Ф. Бычковым. СПб., 1872.
- Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной. М., 1861.
- Погодин М. П.* Семнадцать первых лет жизни Петра Великого. 1672—1689. М., 1875.
- Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оныя: В 4 ч. СПб., 1829—1830.
- Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным: В 2 ч. М., 1811.
- Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1—4, 6. СПб., 1858—1863.
- Hughes L.* Peter the Great: A Biography. New Haven; London, 2002.
- Peterson C.* Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Stockholm, 1979.

К главе пятой

- Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998.
- Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856.
- Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина I: 1725—1727 // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 121—148; № 2. С. 615—646.
- Брикнер А. Г.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 2. С. 39—60; № 3. С. 41—56; № 7. С. 104—118; № 9. С. 24—33.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. 1725—1762 гг. Рязань, 2003.

Павленко Н. И. Екатерина I. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

К главе шестой

Алексеев А. С. Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898.

Брикнер А. Г. Русский двор при Петре II. 1727—1730: По документам Венского архива // Вестник Европы. 1896. № 1. С. 99—125; № 2. С. 559—598; № 3. С. 7—44.

Законодательство Екатерины I и Петра II: Сборник законодательных актов / Сост., вступ. ст. В. А. Томсинова. М., 2009.

Курукин И. В. Тень Петра Великого // На Российском престоле. М., 1993. С. 67—106.

Павленко Н. И. Пётр II. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

К главе седьмой

Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Корсаков Д. А. Воцарение Анны Иоанновны. Казань, 1880.

Павленко Н. И. Анна Иоанновна: Немцы при дворе. М., 2002.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730—1735 гг. СПб., 2001.

Старикова Л. М. Штрихи к портрету императрицы Анны Иоанновны (Частные развлечения в домашнем придворном кругу) // Развлекательная культура России XVIII — XIX вв.: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 99—142.

Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров: Очерки внутренней политики императрицы Анны. М., 1909—1910. Ч. 1—2.

Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильно, 1905.

К главе восьмой

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»).

Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1990.

Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV / Пер. с фр. М., 1911.

Ешевский С. В. Очерк царствования Елизаветы Петровны // *Ешевский С. В.* Сочинения. СПб., 1870. Т. 2.

Козлова А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных исследователей. Омск, 2008.

Кричевцев М. В. Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. 1725—1762 гг. Рязань, 2003.

Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51—71.

Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

Семевский М. И. 1-й год царствования Елизаветы Петровны // Русское слово. 1859. Кн. 6. С. 291—326; Кн. 8. С. 273—352.

Семевский М. И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол // Русское слово. 1859. Кн. 2. С. 209—278.

Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол: По новым материалам. Л., 1924.

Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII в. // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 42—58.

Щепкин Е. Н. Падение канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина. Одесса, 1901.

К главе девятой

Елисеева О. И. Тайна смерти Петра III. М., 2010.

Забывтый император: Пётр III: Материалы научной конференции 11 ноября 2002 г. / Гл. ред. В. И. Грибанов. СПб., 2002.

Иванов О. А. Екатерина II и Пётр III: история трагического конфликта. М., 2007.

Иванов О. А. Смерть Петра III: Сборник очерков: В 3 ч. М., 2009.

Калашиников Г. В. Заметки об образовании будущего императора Петра III // Археографический ежегодник. 2003. М., 2004. С. 131—148.

Мнение Петра III о свободе исповедания / Сообщ. А. М. Лазаревский // Русский архив. 1871. С. 2055.

Мыльников А. С. Пётр III: Повествование в документах и версиях. М., 2009.

Наумов В. П. Пётр III: Удивительный самодержец. Загадки его жизни и царствования // На Российском престоле. XVIII век. М., 1993. С. 281—326.

Письма императора Петра Фёдоровича к прусскому королю Фридриху Великому // Русский архив. 1898. № 1. С. 5—17.

Семевский М. И. Шесть месяцев из русской истории: Очерк царствования императора Петра III // Отечественные записки. 1867. № 13. С. 160—194; № 15. С. 589—613; № 16. С. 739—776; № 17. С. 54—93.

Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // Русский архив. 1911. № 5. С. 21—24.

Щебальский П. К. Политическая система Петра III. М., 1870.

К главе десятой

Бильбасов В. А. История Екатерины II: В 2 т. Берлин, 1900.

Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885.

Екатерина II и Г. А. Потёмкин: Личная переписка 1769—1791. М., 1997.

Екатерина II. Избранное / Сост. и коммент. Г. О. Бабковой; вступ. ст. А. Б. Каменского. М., 2010.

Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Предисл. В. А. Томсинова. М., 2008.

Екатерина II. Сочинения: В 12 т. СПб., 1901—1907.

Екатерина II: Аннотированная библиография публикаций: XIX—XX вв. / Сост. И. В. Бабич, М. В. Бабич, Т. А. Лаптева. М., 2004.

Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).

Елисеева О. И. Молодая Екатерина. М., 2010.

Законодательство Екатерины II: В 2 т. / Отв. ред. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М., 2001.

- Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907.
Иванов О. А. Екатерина II и Пётр III: история трагического конфликта. М., 2007.
Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» М., 1992.
Мадариага И. Екатерина Великая и её эпоха. М., 2006.
Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй. М., 1993.
Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»).
Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб., 2001.
Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.
Тарле Е. В. Екатерина Вторая и её дипломатия: В 2 ч. М., 1945.
Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

К главе одиннадцатой

- Законодательство императора Павла I / Вступ. ст. и сост. В. А. Томсинова. М., 2008.
Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. М., 1999.
Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). СПб., 1882.
Песков А. М. Павел I. М., 2005.
Скоробогатов А. В. Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. Казань, 2004.
Сорокин Ю. А. Павел I: Личность и судьба. Омск, 1996.
Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1901.
Шумигорский Е. С. Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907.
Эйдельман Н. Я. Грань веков: Царствование императора Павла I. М., 2004.

К главе двенадцатой

- Архангельский А. Н.* Александр I. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»).
Беседы и частная переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторижским. М., 1912.
Богданович М. И. История царствования Императора Александра I и России в его время: В 6 т. СПб., 1869—1871.
Вандаль А. Наполеон и Александр I: В 3 т. СПб., 1910—1911.
Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I: В 2 т. СПб., 1912.
Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910.
Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу. СПб., 1870.
Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.
Соловьёв С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. СПб., 1877.
Троицкий Н. А. Александр I против Наполеона. М., 2007.

Фёдоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1.
Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1904—1905.

К главе тринадцатой

- Высочков Л. В.* Николай I. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»).
- Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981.
- Император Николай Павлович в его речи к депутатам Санкт-Петербургского дворянства, 21 марта 1848 г. // Николай Первый и его время: В 2 т. М., 2000. Т. 1.
- Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857.
- Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сборник РИО. СПб., 1896. Т. 98.
- Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.
- Николай I: личность и эпоха: новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2007.
- Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем // Сборник Русского исторического общества. Т. 131, 132. СПб., 1910—1911.
- Полиевктов М.* Николай I. М., 1918.
- Пресняков А. Е.* Апогей самодержавия. Николай I. М., 1925.
- Рескрипты императора Николая I к князю Меншикову во время Севастопольской обороны. СПб., 1908.
- Тарле Е. В.* Крымская война // *Тарле Е. В.* Сочинения: В 12 т. Т. 8, 9. М., 1959.
- Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I, его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903.

К главе четырнадцатой

- 1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II: Документы и воспоминания / Сост. В. Е. Кельнер. Л., 1991.
- 1 марта 1881 г.: Статьи и воспоминания участников и современников. 2-е изд., испр. и доп. М., 1931.
- Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Публ. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. М., 1999.
- Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.
- Захарова Л. Г.* Александр II // Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993.
- Ляшенко Л. М.* Александр II, или История трёх одиночеств. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»).
- Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича (1857—1861). М., 1994.
- Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Ни-

колаем I, 1838—1839 / Под ред. Л. Г. Захаровой, С. В. Мироненко. М., 2008.

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903.

К главе пятнадцатой

Боханов А. Н. Император Александр III. М., 2007.

Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002.

Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 г. // Российский архив. Вып. 6. М., 1995. С. 344—357.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М., 1970.

Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Фёдоровны // Вопросы истории. 2005. № 4—5. С. 111—135.

Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна. Переписка. 1884—1894 годы. М., 2001.

Император Александр III: Сборник материалов. СПб., 1895.

Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.

Памяти императора Александра III: Сборник «Московских ведомостей»: известия, статьи, перепечатки. М., 1894.

Твардовская В. А. Александр III // Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993.

К главе шестнадцатой

Боханов А. Н. Император Николай II. М., 2006.

Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993.

Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927.

Дневники императора Николая II. М., 1992.

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны: Сборник архивных материалов и документов: В 2 т. / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталёв. М., 2008.

Император Николай II и его время: Сборник материалов Всероссийской научно-просветительской конференции с международным участием (19 мая 2008 г., г. Екатеринбург) / Под ред. Викентия (В. А. Мораря). Екатеринбург, 2008.

Искендеров А. А. Закат империи. М., 2001.

Каррер д'Анкокс Э. Николай II: прерванная преемственность: Политическая биография. М., 2010.

Кряжев Ю. Н. Военно-политическая деятельность царя Николая II в период 1904—1914 гг. Курган, 2000.

Кузнецов В. В. Судьба Царя. М., 2010.

Ланник Л. В. Падение Российской монархии. М., 2007.

Мейлунас А., Мироненко С. В. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998.

Николай II и великие князья. Л., 1925.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II: В 2 т. М., 1992.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М., 1923.

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3—5. М., 1923—1927.

Переписка Николая II и Марии Фёдоровны (1905—1906) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 153—209.

Покаяние: Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи: Избранные документы / Сост. В. В. Аксючиц. М., 2003.

Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. СПб., 1906.

Последние дни Романовых. М., 1991.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1990.

Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010.

Щёголев П. Е. Последний рейс Николая Второго. М., 1928.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава первая. ОБРЕТЕНИЕ ГОСУДАРЯ</i>	8
Верные слуги	8
Конец династии Рюриковичей	11
Великая Смута	14
Исторический собор	19
Трудные годы	23
Царь и патриарх	27
Успехи и неудачи	31
«Свадебное дело»	35
<i>Глава вторая. «ТИШАЙШИЙ» ЦАРЬ, «БУНТАШНЫЙ» ВЕК</i> ...	40
Ученичество	40
Священство и царство	44
«Всея Великия и Малыя России самодержец»	48
Царские заботы	55
Монарший обиход	59
<i>Глава третья. ВРЕМЯ МЯТЕЖЕЙ</i>	63
«И бысть сей государь кроткий»	63
Стрелецкий бунт	70
«Великого ума и великой политик»	74
От трона в монастырь	83
<i>Глава четвёртая. ПРОЕКТ «РЕГУЛЯРНОЕ ГОСУДАРСТВО»</i> ...	89
Становление реформатора	89
«Регулярство» по-русски	98
Капитализм из-под палки	112
Создание империи	118
Петровское «наследство»	126
<i>Глава пятая. ЗОЛУШКА У ВЛАСТИ</i>	137
Лифляндская пленница	137
Петербургская царица	141
«Мать всероссийская»	152
Завещание императрицы	160
<i>Глава шестая. ТЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО</i>	163
Судьба наследника	163
«Я покажу, кто император...»	167
«Не хочу учиться»	173
Самодержавие без самодержца	177
Несостоявшаяся свадьба	183
<i>Глава седьмая. ГРОЗНАЯ ВДОВА</i>	187
Курляндская затворница	187
«Коварные письма»	191

«Строгое правление»	196
Бирон и бироновщина	205
Итоги десятилетия	210
<i>Глава восьмая. «ВЕЛИКАЯ ПЕТРОВА ДЩЕРЬ»</i>	216
Вечная невеста	216
«Знаете, кто я»	219
Милостивое правление	222
«Восстановление отеческого духа»	229
Марш на Берлин	237
<i>Глава девятая. «ОН НЕ БЫЛ ПОХОЖ НА ГОСУДАРЯ»</i>	241
«Голштинский чёртушка»	241
Несовпадение со временем	248
«Великие перемены»	252
Война и деньги	257
Смерть в Ропше	263
<i>Глава десятая. «ЗАКОННАЯ МОНАРХИЯ»</i>	270
Рассудительная принцесса	270
«Рука Божия предводительствует»	276
Первые реформы и крестьянский бунт	280
Фундаментальные законы	286
«Известная должность»	295
«Гром победы, раздавайся!»	299
На закате	305
<i>Глава одиннадцатая. «НЕПРОСВЕЩЁННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» ..</i>	311
Одинокий наследник	311
Павловские порядки	322
Бесполезные победы	332
Мартовский переворот	337
<i>Глава двенадцатая. ЛУКАВЫЙ «АНГЕЛ»</i>	345
«Царевич Хлор»	345
«Прекрасное начало»	349
«Умиротворитель Вселенной»	356
«Некем взять»	364
<i>Глава тринадцатая. ОТЕЦ-КОМАНДИР</i>	378
«Что он для меня создал»	378
«Дуб телом и душой»	381
Государь на службе	386
Как менять «коренные начала»	395
От Туркманчая к Севастополю	404
<i>Глава четырнадцатая. СУДЬБА РЕФОРМАТОРА</i>	410
Воспитание «совершенного человека»	410
Как освобождали крестьян	415
Великие реформы	420

Император и его женщины	426
Границы империи	429
Последний год	432
<i>Глава пятнадцатая. «НАРОДНЫЙ ЦАРЬ»</i>	<i>437</i>
Домашний «мопс»	437
«Глас Божий повелевает нам...»	443
Царь-«деревенщина»	447
Борьба за устои	451
<i>Глава шестнадцатая. ПОСЛЕДНИЙ НА ПРЕСТОЛЕ</i>	<i>459</i>
Ники и Аликс	459
«Державный хозяин земли Русской»	466
«Конституционное самодержавие»	471
«Неслыханно спокоен и величествен»	477
Крестный путь	485
Послесловие	491
Примечания	496
Библиография	500

Курукин И. В.
К 93 Романовы / Игорь Курукин. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 510[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1400).

ISBN 978-5-235-03572-0

За три века пребывания Романовых на троне многое менялось в стране — неизменной оставалась самодержавная власть. Её носители играли разные роли в истории, в меру своих сил, способностей и понимания действую на благо России. Среди них были яркие личности, эксцентричные фигуры и неприметные персонажи, реформаторы и консерваторы, Тишайший, двое Великих, Незабвенный, Освободитель, Миротворец, Кровавый... Некоторые за пребывание на троне заплатили жизнью: Иван VI провёл в заключении 23 года и был убит при попытке его освобождения, Пётр III и Павел I пали от рук заговорщиков, Александр II стал жертвой покушения террористов, Николай II расстреляли по решению Уральского совета.

Книга доктора исторических наук Игоря Курукина, в преддверии четырёхсотлетнего юбилея собравшая всех царствовавших Романовых под одной обложкой, рассказывает о судьбе династии, история которой началась в 1613 году в костромском Ипатьевском монастыре приглашением на престол первого её представителя, а завершилась в Екатеринбурге в Ипатьевском доме расстрелом царской семьи.

УДК 94(47)“16/19”
ББК 63.3(2)5-332

знак информационной
продукции **16+**

Курукин Игорь Владимирович
РОМАНОВЫ

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 13.11.2012. Подписано в печать 12.12.2012. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
26,88+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1214130.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03572-0

ВРЕМЯ. ВСЕ О ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Время — уникальный историко-биографический канал о жизни замечательных людей — великих современников и легендарных личностей прошлого — актеров, спортсменов, музыкантов, политиков, ученых.

Каждый день в эфире канала **Время** — авторские и биографические программы, передачи о легендарных людях и эпохальных событиях, российские и зарубежные документальные циклы, материалы из бесценных архивов Гостелерадиофонда и Первого канала.

ВРЕМЯ — круглосуточный канал, вещающий по всему миру. Входит в состав Цифрового Телесемейства Первого канала. Доступен в сетях операторов цифрового, кабельного и спутникового телевидения.

ISBN 978-5-235-03572-0

9 785235 035720 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я